

содержанів четвертой книжки:

I.

СКАЗАНІЕ О МОЕЙ БАБУШКЪ, И О БАРОНЪ ОТТО. Повъсть С. С.

II. История и теория искуства

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО НЫНВШНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Сттаья вторая). Леонардо да-Винчи.

III. CMECH

1. Христофоръ Коломбъ. Альфонса Ламартина. Статья 2-я.

2. похищение судна въ Великомъ Океанъ. Разсказъ пассажира.

 Восноминанія русскаго путешественника о Вестъ-Индін, Калифорпін, и Остъ-Индін. А. Г. Ромчева. (Статья четвертая).
 Ирежиля и ныибщиня Турція, историческій взглядъ на Константинополь.

IV.

COBPEMENHOE.

литература: Маркиза Сабле и литературные салоны XVII стольтія (Статья Виктора Кузена). — театры, музыка, искусства Эдмондь Кинь и мистрись Сидонсь. — Новый илафонь Энгра. — Девятая симфонія Бетговена. — Пьеса, данная по случаю. Откупъ въ наукахъ и промышленности: Обозрвніе успьховь астрономіи и физическихь наукь въ 1853 и 1854 годахъ. — Ловля китовъ посредствомъ электро-магнитизма. — Инфузорій въ воздухъ. — Новый металлъ. Менкіе разсказы и новости, анекдоты, замьчательные случай, путешествія: Жизнь въ Альпахъ. — Публичное воспитаніе въ Турціи. — Соперникъ Ко-и-нура. — Торговля волосами. — Странныя случайности жизни. — Страсть къ танцамъ. — Дунукъ-Дашъ, гробница Сарданапала близъ Торса. — Скала Инга-Чангама. — Огронюе дерево. — Новый журналъ. — Ужасный обычай въ Ость-Индіи. — Откупъ вгорныхъ домовъ. — Развалины Акаркура. — Лиссабонъ (изъ записокъ путешественника).

 \mathbf{V}

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЕСТНИКЪ.

І. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Первыя книги Москвитянина. - Матеріялу для русской исторіи и литературы. - «Смёсь » нынъшняго Москвитинина. - Г. Покровскій и его памятный листокъ. - Заграничныя письма г. Погодина. — Саллустій. — Критики « Москвитянина». — Разборъ «Пантеона» и литературной дёятельности В. Зотова, написанный г. А. Г.-Три пункта обвиненій.-Что такое направленіе, вкусъ и цъль въ журналь?-Неуважение къ литературъ и борзописание.-Какое мъсто занимаеть журнальная работа въ исторіи литературы?—Стихотворенія Москвитянива.—Народность и литературныя приличія. — Элегія — ода-сатира г. Григорьева. — Эпиграммы. — Зеленая книга, графини Ростопчиной. - Стихи Пушкина. - Макбетъ Шекспира, въ переводъ г. Лихонина. -Англійскія метафоры. — Плохіе стихи. — Б'єдность отділа «Русской Словесности». — «Отрывокь изъ семейной жизни». — Драма г. Потъхина. — Шестая книга «Москвитянина». — Стихотворенія г. Стаховича и Рапча. - Военная пъснь грековъ. - Сужденія племянника о дядъ. -Повъсть Стендаля.—Язык г. М. П.—Разборъ «Трехъ писемъ».—Что пишеть по поводу ихъ г. Г. и чёмъ онъ восхищается. - Смёсь «Москвитянина, - Опять г. Покровскій: -Посатаняя страница «Москвитянина».—Четвертый нумерь «Современника».—Гоголь. —Критика И. С. Т.-Разборъ Рауга.-Московскіе и петербургскіе сюрпризы.-Сюрпризь неупоминаемый «Современникомъ». - Иногородный Подписчикъ в Литературный Ералашъ.

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

Справочный Энциклопедическій словарь. А. Старчевского, томы VII в VIII. 1853, 1854.

И. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

1. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

«Маркитантка» драма Нестора Кукольника. — Отвътъ Петербургской публики на статью Пантеона объ игръ г. Максимова въ роди «Гамлета». — Бенефисъ г. Мартынова — и г-жи Самойловой и размыниления по поводу этихъ бенефисовъ.

2. МУЗЫКА.

Последніе вонцерты нынешняго зимняго сезона: г. Франкенштейна, Концертнаго Общества, Филармоническаго, Благотворительнаго обществь, г. Гензельта, тг. Карла Шуберта и Аполлинарія Контскаго, прощальный концерть г-жи де-ла Гранжъ. — Второстепенные концерты. — Музыкальное состязаніе. — Некрологь Рубини и его благотворительность.

и. общественная жизнь.

Настоящее появленіе весны. — Вербы и старинный обычай. — Праздничныя балаганныя представленія. — Четверть въковая игрушка. — Замъчательный микроскопъ. — Дачный сезонъ и маленькій разсказъ о дачныхъ удовольствіяхъ, осебенно о томъ, какъ веселидся одинъ петербургскій житель на чужой дачъ. — Новыя картины, новыя книги. — Синопское сраженіе г. Боголюбова, изображеніе воинскихъ подвиговъ г. Зичи, портреты г. Тимма. — Первыя двъ книжки Сборника событій, относящихся до настоящей войны, г. Путилова. — Резыгрыши лотерей. — Неумъстное счастье. — Патріотическіе стихи — Искусственныя цыплята: — Наряды.

московскій въстникъ.

Московская весна — Комета и непріятности, которыя она причиняєть нѣкоторымъ — Гудянье на вербахъ и подъ Новинскимъ. — Циркъ и новыя пьесы на сценѣ. — Взглядъ на прошлое. — Рашель въ Москвъ. — Подарокъ, сдъланный ей М. С. Щенкинымъ. — Многочисленность ея портретовъ въ Москвъ. — Представленіе сценъ изъ пьесы «Праздникъ въ Севастополѣ.» — Концертъ любителей въ пользу раненыхъ воиновъ въ залѣ Благороднаго собранія. — Концерты : Чіарди, Кавалини, г-жи де-ла-Гранжъ, братьевъ Контскихъ, Пфлугаупта, Мортье де Фонтена, Сакса, концертъ въ пользу Инвалидовъ. — Первое празднованіе вшествія русскихъ войскъ въ Парижъ. — Ныпѣщияя сороколѣтняя годовщина этого вступленія: число ныпѣщинихъ соратниковъ 12 года и стихи, сочиненные по этому случаю. — Бюстъ Н. А. Полеваго. — Картины Синопскаго сраженія, кавказскихъ подвиговъ и сраженія при Ольтеницѣ. —Панорама Москвы. — Утренній балъ и вечеръ съ сюриризами.

вести изъ провинцій.

Иркутскій театръ и нъсколько словъ вообще о провинціяльныхъ театрахъ. — Театръ Хасау-Юртовскій.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 4.

БРАКЪ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ. Драматическое представление въ четырехъ дъйствияхъ и пяти картинахъ. Соч. *Н. Кроля*.

HPHADMEHIA: OTCYTCTRY HOT

- 1. Портретъ писателя Д. В. ГРИГОРОВИЧА.
- 2. Музыка: І. Мазурка, соч. МАРІИ ШТЕВЕНЪ. ІІ. Весенній вальсь, соч. А. ЕВГЕНІЕВА.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛПТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ӨЕДОРОМЪ КОНИ.

TOM'S XIV.

◆ № АПРВЛЬ. — КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ. 🗞 ◆ **1854**.

CAHRTHETEPBYPTЪ

dhohihan

печатать позволяется

съ тъмъ, чтобы по отпечатании представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 4 го- 1854.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

типографія Эдуарда веймара.

grandens, estimate da, la rights protacte de notamme timpo a 11.

Andrews are the approximate source of the course of the

an incluyer is recommunity and a community of a second formation and

увания свор воздращира, гранический пережени сва понежна водини водинический водин

material and the green managers on property or the

Little and rebuil

сказанів о мови бабушкъ, и о баронъ отто.

RESTRUCTED OF TRANSPORTED BY THE PARTY OF THE PROPERTY WITH THE PROPERTY OF TH

Только учравать концина трада повейських поотраховы, встра вына выпавания применты поменты применты поветных поставаний поменты поветных поставаний поменты п

токъ клости импи, разручинальня и напущення присведения и

Въ сорока пяти верстахъ отъ Петербурга, — позвольте умолчать въ какомъ именно мъстъ, красуется великолъпная, вновь отстроенная дача, или мыза, какъ въ старину называли ее владъльцы.

Протажая мимо, вы непремънно залюбуетесь на легкія ба шеньки въ готическомъ вкусъ, на кружевную ръзьбу украшеній, на граціозныя колоннады и на роскошные, благоухающіе цвъты, которыми кокетливо убраны ея балконы, въ продолженіе всего лъта. Съ горы, на которой она построена, къ большой дорогъ, спускается красивый, щегольской садъ, съ дорожками, усыпанными краснымъ пескомъ, съ молодыми деревьями, остриженными шарообразно и пирамидально, садовникомъ нъмцемъ, и бъленькими новыми статуями, выглядывающими изъ кущи зелени.

Теперь я задыхаюсь здѣсь, и не мудрено. Прежде тутъ стоялъ длинный, деревянный домъ, съ безчисленными пристройками, фан тастической архитектуры. Въ немъ не было ни одной комнаты,

гдъ можно было бы пріютиться комфортабельно, не только въ ненастную ночь, но и среди яснаго, бълаго дня.

Въ огромной залъ, съ обвалившимися колоннами и хорами, летали летучія мыши, и трудолюбивый паукъ развъщивалъ во всъхъ углахъ свои воздушныя драпировки. Въроятно онъ собирался тогда блеснуть предъ англичанами на всемірной выставкъ. Окна были выбиты, и вътеръ, въ бурную ночь, распъвалъ свободно свои Lieder ohne Wort...

И я прислушивался съ наслажденіемъ и къ шелесту летучихъ мышей, и къ вою вътра... среди ночнаго мрака возставали предо-мной густыя вершины; вотъ тутъ, на хорахъ, гремъла нъкогда музыка. Вотъ здъсь, на этомъ провалившемся полу, покрытомъ слоемъ пыли, разрумяненныя и напудренныя красавицы, въ бълыхъ и розовыхъ робронахъ на его фижмахъ, танцовали, потупивъ огненные глазки, чопорный и умильный минуэтъ... Низко кланялись имъ и ловко повертывались въ тактъ на красныхъ каблукахъ, бълокудрые юноши въ щегольскихъ, яркихъ цвътовъ кафтанахъ, съ розою въ петлицъ, и тихо и сладко нашептывали упоительныя ръчи.

И гдъ жъ все это?

Только уцълълъ длинный рядъ фамильныхъ портретовъ, мертвыхъ письменъ, выхваченныхъ наудачу изъ огромной книги жизни.

Старый садъ, или скоръе паркъ, разстилающійся по другую сторону дома къ лъсу, еще и понынъ свидътельствуеть о веселой, беззаботной и вмъстъ затъйливой жизни нашихъ предковъ. Здъсь на каждомъ шагу, среди въковыхъ деревьевъ, встръчаете вы слъды давно минувшаго.

Вотъ развалины беседокъ представляютъ храмы, где можетъ быть, въ часъ вечерней прохлады, звучалъ, среди уединенія, мелодическій лепетъ земныхъ богинь, где, можетъ быть, горели чуднымъ огнемъ чьи-то очи, и бились мерно два родныя сердца...

Вотъ мостикъ, переброшенный черевъ ручей надъ каскадомъ. Жемчужныя струи журчатъ и понынъ, но гдъ же тотъ, кто прислушивался къ нимъ, облокотясь задумчиво на перила, въ минуты ожиданія и надежды?

Вотъ качели всевозможныхъ родовъ. Онв не повернутся на заржавълыхъ петляхъ, и окрестность, какъ бывало, не огласится ръзвымъ хохотомъ! Вотъ домашній театръ, на которомъ гремъли иъкогда монологи Расина, Мольера и блаженной памяти Княжнина, Сумарокова, гдв лились токи горькихъ слезъ, гдв граціозно надала на полъ отъ яда или кинжала хорошенькая героиня; гдв раздавались веселые напъвы комическихъ оперъ, и гдв порхали нимфы и граціи подъ звуки доморощенаго оркестра!

И я любилъ, бывало, въ часъ сумрака, блуждать по этому саду, прислушиваясь къ говору сосъдней дубравы и къ отдаленной пъсни соловья; любилъ останавливаться въ раздумьи передъ отжившимъ свой въкъ Аполлономъ, съ физіогноміею подернутой слоемъ времени, или кустъ воздушно-раскидистой березы; я искалъ на гладкой, бълой коръ ея двухъ завътныхъ вензелей, или двухъ нъжныхъ сердецъ, пронзенныхъ одною стрълою, стариннаго проказника, амура.

Я ждалъ не мелькнутъ ли изъ-за чащи деревьевъ двъ легкія, граціозныя тъни, не подслушаю ли я, среди таинственнаго шелеста листьевъ и чириканья птичекъ, мелодическаго голоса, не прозвучить ли онъ завътныхъ словъ, въчно новыхъ и въчно юныхъ, словъ счастья и любви!

«Гдъ вы, милыя тъни? восклицалъ я, пробъгая по темнымъ аллеямъ: неужели вы никогда не откликнетесь на мой призывъ? никогда?

Но все было тихо и пусто, лишь эхо вдали, какъ бы дразня меня, звучало насмъщливо: «да!»

Здъсь, въ этихъ самыхъ мъстахъ, отличалась нъкогда на блестящемъ, свътскомъ поприщъ, моя бабушка, героиня моего сказанія.

Я начну его по порядку.

Прадълъ мой, — царство ему небесное, — былъ человъкъ богатый, гостепримный и весельчакъ, или bon vivant, какъ сказали бы нынче. Онъ былъ малороссіянинъ, и по малороссійской привычкъ любилъ щегольнуть и блеснуть предъ ближнимъ всъмъ, чъмъ Богъ послалъ.

Домъ его быль полною чашей. Гости толпились съ утра до вечера, но къ чести стариннаго гостепримства надо сказать, что для бъдныхъ, какъ и для богатыхъ, былъ одинаковый радушный пріемъ. Посътителей угощали изобильными и шумными объдами, катаньемъ съ горъ, театральными представленіями, въ которыхъ участвовали любители, и импровизированными балами. Лътомъ и осенью наслаждались забавами другаго рода: бывали фейерверки, иллюминаціи, охота; катались по Невъ, въ красивой яхтъ, освъщенной разноцвътными фонарями и съ хоромъ пъсенниковъ; иска-

ли по утрамъ грибовъ въ сосновой рощъ, и танцовали, по вечерамъ, въ сквозной ротондъ, убранной живыми цвътами.

Надъ головами танцовавшихъ, вмъсто сводовъ растилалось лазурное небо, и ярко горъли, какъ очи ангеловъ, миріады отдаленныхъ звъздъ, а на землъ сверкали огненные глазки, благоухали роскошныя розы, и раздражительныя испаренія ночи, будили въ душть человъка всъ страсти, которыя кипятъ на лонъ земли и которыя оплакиваетъ она подъ покровомъ сумрака, холодными слезами....

И въ дурную погоду гостямъ не было никакой возможности соскучиться, потому что была библіотека, музыкальные инструменты, бильярды, разныя игры, и наконецъ были даже карло и домашній шуть! Прадъдъ мой, хотя человъкъ образованный и умный, придерживался изъ пустаго тщеславія не совсъмъ похвальнаго обычая старины, обрекавшаго человъка, существо одаренное разумомъ, какъ и всъ ему подобные, служить живою куклой, потъхой и забавой празднымъ людямъ!

Прислуга въ домъ была чисто одъта и исправная; подъ командою метръ-д'отеля, понимавшаго вполнъ, что постъ его въ домъ, гдъ обязанности гостепримства считаются священными и выполнялись съ благородною деликатностью, былъ постъ не шуточный!

Семенычь имъль свой point d'houneur. Онъ дожилъ до стдыхъ волосъ въ этомъ домъ, пропитался господствовавшимъ въ немъ духомъ, и сообщалъ его силою увъщаній а иногда и болъе дъйствительными мърами своимъ подчиненнымъ. Я уже сказалъ, что прадъдъ мой любилъ щегольнуть гостепримствомъ, но особенно любилъ онъ выказать въ полномъ блескъ эту національную черту русскаго характера предъ иностранцами.

Вотъ почему на мызъ всегда можно было встрътить вояжеровъ всъхъ націй. Когда же во Франціи, вслъдъ за царствованіемъ Людовика XV, за аркадскими мечтами Руссо и за безумно-дикой философіей Вольтера раздались громы неурядицы, природные актеры французы, разыграли на всемірномъ театръ свою первую отвратительную трагедію, и несчастная Франція, утопая въ крови, омывала ею, какъ жертва заблужденія людей, покоившихся на лонъ могилъ, когда какъ испуганные зайцы, разоъжались въ разныя стороны ея вътренные граждане, на мызъ начали по временамъ появляться эмигранты.

Въ эту-то грустную эпоху выступила моя бабушка въ полномъ блескъ красоты и молодости на арену свътскаго поприща...

Я упомянуль о политическихь событіяхь того времени, не потому чтобъ отважился серьозно толковать съ вами, мой читатель, о политикъ... я вовсе не способенъ къ этому, потому что невъжда во всемъ, что не касается единственной книги, въ которой я какъ-то научился читать съ толкомъ; эта книга — сердце человъка. И не потому также, чтобъ моя героиня играла какую нибудь громкую роль, чтобъ ея имя было внесено въ страницы исторіи, еслибъ это и случилось, то повърьте, не я бы принялся описывать ея дъянія, но потому что революція породила эмигрантовъ, а эмигранты имъли вліяніе на характеръ и слъдовательно на судьбу моей бабушки. Какимъ образомъ, разскажу въ послъдствіи.

Прабабушка моя не очень жаловала иностранцевъ; но въ старину жены не пытались присвоить себъ надъ мужьями правъ, порожденныхъ нынче эмансипацією, да и сами мужья... о, мужья прежняго въка далеко были не такъ внимательны къ женамъ и уступчивы, какъ нынъшніе.

Прабабушка моя была бъдная дворянка, не принесшая мужу въ приданое ничего кромъ красоты и добраго сердца.

Мой прадъдъ любилъ ее всею душою, но по понятіямъ своего въка. Онъ наряжалъ ее на славу, тъшилъ всевозможными удовольствіями и заботился, чтобъ она не знала никогда ни хозяйственныхъ попеченій, ни неудовольствій; но если прабабушка, выведенная иногда изъ терпънія шумомъ и толпою въ домъ, осмъливалась замътить мужу, «что, кажется, батюшка, Сергъй Петровичъ, можно бы было обойтись по крайней-мъръ безъ половины этихъ дармоъдовъ,» то прадъдушка обыкновенно отвътствоваль ей на это безъ всякаго гнъва, но глубоко убъждающимъ тономъ: «Охота тебъ, матушка, соваться не въ свое дъло! Мужъ въ домъ глава, такъ съ чего же взяла ты, что я буду слушаться бабьяго разума?»

И прабабушка послъ такого отвъта никогда уже не покушалась на дальнъйшія разсужденія. Впрочемь она была совершенно довольна своею судьбою.

Она сидъла всегда щегольски разряженная на диванъ въ такъ называемой каминной, окруженная словоохотливыми собесъдницами, толковала съ ними о разныхъ житейскихъ дълахъ, не пропускала гдъ могла случая выказать предъ ними тонъ покровительства; отдавала приказанія, исполняемыя всегда съ поспъшностью и точностью, раздавала шить въ дъвичью бълье, въ приданое бъднымъ

дъвицамъ въ околоткъ, и слушала нравственныя новъствованія, которыя читала ей вслухъ дъвка Парашка, нарочно обученная разбирать печать съ тъмъ, чтобъ занимать постоянно амплуа прабабушкиной чтицы. Сама прабабушка грамотъ не знала.

Хозяйствомъ завъдывала вполнъ Анна Власьевна, «ходившая въ ключахъ», пожилая дъвица, въчно воевавшая съ Семенычемъ и его командой. Анна Власьевна, хотя была въ домъ скоръе родственницей, нежели дъйствительной прислужницей, но она никогда не обращалась къ прабабушкъ съ ръчью, иначе какъ возвеличивъ ее сперва титулъ: «сударыни», и когда той случалось чихнуть, подобострастно приговаривала: «Пошли Богъ здоровья, вашей чести на многія лъта, за ваши добродътельства!»

Такова была патріархальная учтивость нравовъ стараго въка! Прадъдушку, Анна Власьевна боялась какъ огня, и весьма основательно, потому что онъ быль вспыльчивъ, какъ истый малороссъ. Разсердиться серьезно онъ не умъль: это было совствиъ. не въ его веселомъ и беззаботномъ характеръ; но онъ любилъ, чтобъ въ домъ все было исправно, и если случалось что нибудь «не потрафить» на него, какъ выражалась Анна Власьевна, то онъ поднималъ такой крикъ и шумъ, что Боже упаси! Прадъдушка никогда не разбираль кто правъ, кто виноватъ; ему до этого не было никакого дъла, потому что цъль его была вовсе не та, чтобъ войти самому въ дъло, разобрать его и возстановить порядокъ. Нътъ! ему было и некогда, и скучно заниматься домашними дрязгами. Его гитвъ бывалъ просто стратегической уловкой, чтобъ нагнать всеобщій страхъ на домочадцевъ, и напомнить имъ, что онъ хозяинъ и глава. А тамъ ужъ пусть судятся сами какъ внають! Такъ какъ шумъ и крикъ непріятны, то само собою разумъется, что во избъжание этого удовольствія, вступались въ дъло старшіе, после него, а старшихъ была только Анна Власьевна. Отъ привычки смотръть за всъмъ и угождать на всъхъ, на кого только можно угодить, Анна Власьевна дошла до убъжденія, что за всякую вину какая бы ни приключилась въ домъ, прямая отвътственность падаетъ на нее, и крикъ и шумъ прадъдушки принимала на свой счетъ. Пересолить ли поваръ супъ, подадуть ли теплое мороженое, разобыотъ ли что нибудь или даже если морозъ истребить въ саду любимые прадъдушкины розаны, Анна Власьевна была тотъ день, до наступленія грозы, точно испуганная кошка, совалась и металась во вст стороны, безъ толку.

— Что это съ тобою, матушка, Анна Власьевна, сегодня при-

ключилось такое? спрашивала, бывало, прабабушка. Все ты дълаешь не въ попадъ. Давича забыла дъвкамъ урки задать, теперь ключи затеряла. Признайся, върно есть что нибудь? Посмотри, какъ и руки-то у тебя дрожатъ.

- Да чего, сударыня, Анастасья Ивановна, бъда... просто беда... головушку сниметъ Сергъй Петровичъ, какъ узнаетъ.
- Ну, ужъ, матушка, у тебя все бъда! Да что такое случилось?

И прабабушка приставала къ Аннъ Власьевнъ съ распросами до тъхъ поръ, пока та послъ неоднократныхъ повтореній что «будеть бъда неминучая» повъряла ей свое горе:

- И, мать моя! говорила обыкновенно прабабушка, въ утъшеніе ей, всъхъ горей не прегорюещь!
- Да чего, сударыня, Анастасья Ивановна, вотъ какъ ужо Сергъй Петровичъ раскричится, да растопается.
- Вотъ нашла невидаль, покричить да и угомонится. А тебъ-то что за дъло! Ты не слушай, знай себъ молчи. Надоъстъ такъ и уходится!

И прабабушка утвшала и уговаривала Анну Власьевну до твхъ поръ, пока та не успокоивалась въ ожиданіи неминучей бъды, которая оканчивалась обыкновенно мыльными пузырями. Сначала замужства прабабушка очень пугалась подобныхъ бурныхъ сценъ. Но когда присмотрълась къ нимъ, и проживя въкъ съ мужемъ изучила его характеръ какъ свои пять пальцевъ, то сдълалась настоящимъ героемъ; прадъдушка могъ кричать, возиться, постукивать въ полъ своей налочкой и каблуками, сколько было угодно душъ его, прабабушка ни сколько не обращала на то вниманія: продолжала прехладнокровно вышивать въ пяльцахъ тамбурнымъ крючкомъ по петинетовой кисеи, узорчатое покрывало въ приданое своей единородной дочери. А когда прадъдушка, бывало, натъшится въ волю и подсядеть для отдыха къ ея пяльцамъ, она заведетъ съ нимъ какой нибудь посторонній разговоръ, и когда успъетъ развлечь его такъ, что прадъдушка развеселится и поцълуетъ у нея ручку, прабабушка, пользуясь минутою, сейчасъ выпращивала то, о чемъ давно уже замышляла поговорить и о чемъ молчала въ ожиданіи благопріятной минуты. Чаще всего это было какое нибудь вспомоществование бъднымъ, новая гарнитуровая роба, какой нибудь неимущей невъстъ, или кафтанъ съ прадъдункина плеча жениху ея. Бъльемъ прабабушка награждала всегда безъ спросу, потому что сшитаго бълья стояли всегда

сундуки, и оно съ искони раздавалось въ этомъ домъ; а за давностью времени привычка обратилась въ святой долгъ, давно утвержденный моимъ прадъдомъ.

Для себя прабабушкъ было ръшительно нечего просить. Мужъ выбиралъ, покупалъ и привозилъ ей въ подарокъ все, что только могла бы она пожелать. И такъ жили они съ молоду, такъ дожили и до съдыхъ волосъ. Теперь, когда изъ этого легкаго очерка вы познакомились хотя немного, мой читатель, съ лицами, среди которыхъ жила моя бабушка, и съ духомъ дома гдъ она выросла, рекомендую вамъ мою героиню.

down are constitutional fundamental of intermedial from History

mento sul, su acce repeir un riper sociali...

out A , norman sond in the principal of the property of the contract of the property of the contract of the co

- to note, expendently Associated Hamouring acts rear viso

Course Westernaling parquinten, or promise of the contraction

У моего прадъда было двое дътей, сынъ и дочь. О первомъ я не буду упоминать въ мсемъ сказаніи, потому что оно вовсе не касается до него. Но второй я намъренъ посвятить цълую главу.

Предъ моимъ письменнымъ столомъ виситъ, въ старинной позолоченой рамъ, портретъ двадцати-лътней красавицы. Какъ она хороша, невозможно выразить!

Когда мнѣ грустно, когда, какъ домовой, наляжетъ на грудь мою, знакомое одному мнѣ, какое-то тяжкое, безотрадное чувство, я начинаю напѣвать мелодіи Фета и смотрѣть на портретъ. Между мелодіями и портретомъ нѣтъ ничего общаго; но я прибѣгаю къ нимъ потому, что и мелодіи, и портретъ имѣютъ чудное свойство прогонять моего домоваго. Они успокоиваютъ мое больное сердце. Какъ бы ни было сильно горе, гнетущее васъ, какъ бы жестоко не разочаровали васъ уроки жизни, какъ бы ни были вы эгоистически положительны, мой читатель, невозможно, чтобъ взглядъ на этотъ портретъ, изображающій женщину въ полномъ блескѣ красоты и счастья, съ улыбкой на устахъ, съ яркимъ отнемъ въ черныхъ глазахъ, бъленькую и розовую, пожалуй хоть какъ сама Аврора, не разогналъ бы хотя на мгновеніе вашихъ черныхъ думъ. Вы невольно поддадитесь обаянію и проговорите вмѣстѣ со мною:

Не отходи отъ меня
Другъ мой, останься со мной,
Не отходи отъ меня,
Мнъ такъ отрадно съ тобой!

Да, мнъ отрадно съ нимъ, съ этимъ мертвымъ портретомъ.

Онъ воскрешаетъ во мнѣ давно утраченную вѣру въ земное счастіе! Всмотритесь хорошенью въ это правильное, веселое личико. Каждая черта въ немъ дышитъ жизнью. Бѣлый атласъ корсажа, какъ будто волнуется еще отъ только-что умолкнувшаго смѣха; роза въ напудренныхъ волосахъ дрожитъ и колышется... Какая-то плутовская насмѣшка играетъ въ улыбкѣ, а огненный и побъдоносный взоръ большихъ, черныхъ глазъ, какъ будто говоритъ вамъ: «Я хочу счастья; я имѣю всѣ права на него: я молода, хороша и богата! Я не буду вымаливать его у судьбы, нѣтъ, я просто завоюю его!»

И чтожъ? Сдержала ли жизнь эти объты? Нътъ. Моя бабушка повертълась около огня, какъ мотылекъ, и сожгла свои блестяще крылышки!

Трогательна и поучительна въ высшей степени ея исторія!

А право станетъ жаль, какъ подумаещь, сколько прекраснаго создалъ Богъ въ міръ, и какъ вянетъ и гибнетъ оно, не достигнувъ цъли...

Часто въ вечерній часъ, когда сижу я подъ тънью сиреней, и вътви акацій склоняясь съ любовью другъ къ другу досказывають шелестомъ, мелодическимъ какъ звуки Эоловой арфы, таинственную повъсть о сокровенныхъ тайнахъ природы, когда умолкаетъ послъдній звукъ и угасаетъ послъдній блескъ умирающаго дня, предо мною въ прозрачно-эфирномъ туманъ тянутся длинною вереницею знакомыя, блъдныя тъни...

О моя бабушка! Вдохнови же въ одну изъ такихъ поэтическихъ минутъ твоего безпристрастнаго лътописца!

Я пишу твою исторію въ поученіе прекрасному полу.

Я хоть и давно знаю, что нынче немногихъ научищь примърами, но эта мысль все-таки отрадна, по-крайней-мъръ она оправдываетъ меня, какъ писателя, въ собственныхъ глазахъ.

Бабушка моя росла на мызъ, среди цвътовъ, въчно гремящей музыки, веселаго смъха, забавъ, угожденій и всеобщей любви, подъ надзоромъ сперва няни Степановны, закоснълаго и отъявленнаго врага всъхъ заморскихъ выходцевъ и ихъ басурманскихъ

ухищреній, потомъ подъ руководствомъ гувернантки-француженки мадамъ Бреби, которая выучила бабушку пъть французскіе романсы, граціозно держаться, вести блестящій, свътскій разговоръ, рисовать въ альбомы въночки изъ незабудокъ и какіе-то монументы увъшанные гирляндами, выучила ее сочувствовать элегіямъ и идилліямъ, плакать надъ сантиментальными похожденіями романическихъ героевъ, скрывать какъ преступленіе свои лучшія, завътныя чувства, и отражать ловкою насмъшкой и ръзвою веселостью все, что можеть забраться въ сердце и возмутить сладкій покой его...

Всему этому выучила бабушку мадамъ Бреби. Природа и собственныя соображенія довершили остальное. Когда минуло бабушкъ семнадцать льть, когда она, пристально посмотръвъ въ старинное рѕусће, поддерживаемое двумя амурами, убъдилась, что разцвъла пышно, какъ бенгальская роза, на гордость и удивленіе всъмъ домашнимъ а особенно отцу, кототорый не чаялъ души въ ней, бабушка весело улыбнулась, и потомъ задумалась... задумалась такъ, что мадамъ Бреби, присутствовавшая всегда при туалетъ своей воспитанницы, спросила ее:

- Да о чемъ же вы думаете, ma chére enfant?
- Chérè anfant! повторила бабушка съ ироніей, не сводя глазъ съ зеркала. Chére enfant!

Несносная француженка, подумала бабушка про-себя по-русски, когда же замътишь ты, что я ужъ вышла изъ ребять?

Мадамъ Бреби, сказала она вдругъ веселымъ тономъ, проворно повернувшись на каблукахъ къ своей наставницъ: въдь я ужъ не дитя!

- Que dites vous lá, ma fille? проговорила Бреби, озадаченная такою неожиданною выходкой.
- Я говорю, повторила бабушка, что я не ребенокъ; снимите-ка очки, да посмотрите хорошенько.

Бреби сняла очки и взглянула на бабушку.

Передъ нею, дъйствительно, стояла не маленькая дъвочка, къ которой привезли ее восемь лътъ тому назадъ, и которая плакала и кричала во все горло, всякій разъ какъ ее сажали за азбуку. Передъ нею стояла въ голубомъ фуро, съ напудренною головкой, высокая, стройная красавица съ гордымъ огненнымъ взглядомъ, плутоватою и вмъстъ надменною улыбкой, красавица, которая еслибъ родилась немного раньше и въ другой странъ, могла бы украсить своимъ присутствіемъ любое празднество Людовика XIV,

героя мадамъ Бреби. Эпоха его молодости была для нея синонимомъ всего изящнаго, прекраснаго и блистательнаго. Она звала его не иначе какъ notre grand roi...

И мадамъ Бреби въ свою очередь глубоко задумалась, смотря на бабушку.

- Ну, что жъ, не правду ли я сказала? спросила бабушка.
- Правду, mon enfant, правду, проговорила Бреби, качая въ раздумьи съдою головой.
- Опять, mon enfant! вскричала бабушка, топнувъ съ досады крошечной ножкою: если я не ребенокъ, то это надо доказать. Мадамъ Бреби, я больше не хочу учиться, да и нечему. Я пою, танцую, рисую, играю на арфъ, читаю романы, а остальнаго я и знать не хочу. Је veux m'amuser!

И бабушка, забывъ, что хотъла доказать свое совершеннолътіе, и что она въ полномъ нарядъ, сдълала такой salto mertale, что пудра осыпала какъ снъгомъ ея голубое фуро.

Мадамъ Бреби засмъялась.

Бабушка хладнокровно стряхнула пудру, поправила волосы и попла величественною поступью къ дъдушкъ, объявить ему, что она не считаетъ нужнымъ продолжать дальнъйшее образованіе...

Что они говорили, не знаю, но кончилось тъмъ, что мадамъ Бреби изъ наставницъ поступила въ компаньонки, и на другой день прадъдушка задалъ пиръ на весь міръ, празднуя 18-й годъ рожденія своей единственной дочери...

Съ этого достопамятнаго дня, бабушка рѣшительно отбилась у всёхъ отъ рукъ, и прибрала къ своимъ все, что только въ домѣ можно было прибрать. Для женщины нѣтъ игрушки заманчивѣе власти. Мужья это очень хорошо знаютъ. Но власть можно дать женщинъ только тогда, когда разсудокъ и опытность научатъ ее употреблять всякое орудіе для благой цѣли. Въ противномъ случаѣ, просто бъда. Прадъдушка былъ въ восторгѣ отъ своей дочки. Онъ восхищался ея красотою, ловкостью, любезностью съ гостями и гордымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ, сознаніемъ законнымъ и полезнымъ, потому что оно держало всѣхъ бабушкиныхъ обожателей, всѣхъ папильоновъ, порхавшихъ около нее, на весьма почтительномъ отдаленіи.

Бабушка, какъ видите, не смотря на свои семнадцать лътъ и salto-mortali была не совсъмъ глупа.

Семнадцать льть — чудный возрасть, возрасть безотчетнаго счастья, поэтизирующаго всъ стороны жизни. И скоро вліяніє

этого возраста, какъ ароматъ цвътка, распространилось на всемъ, окружавшемъ его...

Объды и пиры, задаваемые моимъ прадъдомъ, стали еще веселъе, но это веселье, когда въ немъ принимала живое участіе прекрасная и образованная дъвушка, стало какъ-то утонченнъе, изящите ... меньше шумъли, больше старались блеснуть умомъ, находчивостью, любезностью... Эстетическій вкусъ придаль обращенію бабушки свътскій, блестящій лоскъ, или скоръе тактъ, какъ говорятъ, весьма справедливо французы. Бабушка, что таить гръха, сильно пристрастилась къ французамъ. Лишь только появлялся на мызъ какой нибудь эмигранть, маркизъ или графъ, у котораго судьба отняла имъніс и родину, бабушка принимала его подъ свое покровительство, и съ этой минуты онъ становился чъмъ-то въ родъ табу дикихъ. Ни Анна Власьевна, ни няня Степановна, враги всего заморскаго, не смъли простирать на его особу своихъ невинныхъ нападеній; въ этомъ много помогала бабушкъ мадамъ Бреби, пламенно любившая своихъ соотечественниковъ, изъ національной гордости. За то и иностранцы старались отплатить бабушкъ чъмъ только могли. Они разсказывали ей чудеса въ родъ Шехеразады объ удовольствіяхъ высшаго общества во Франціи, до эпохи революціи, пъли съ нею дуэты и тріо, и помогали ей устраивать разныя parties de plaisir...

Главную роль въ этихъ затъяхъ игралъ театръ. Природа создала бабушку артисткой. Красота и лестныя одобренія, расточаемыя ей и вслухъ и безмолвно, сдълали ее кокеткой, да, кокеткой въ полномъ смыслъ слова. Бабушкъ хотълось просто нравиться всъмъ, возбуждать во всъхъ удивленіе, сводить съ ума, потому-что это веселило и забавляло ее. Сцена выказывала въ полномъ блескъ ея красоту, грацію, умъ и, ничего нътъ мудренаго, если бабушка страстно полюбила сценическія представленія.

По странному противоръчію, бабушкъ при ея веселомъ, легкомъ характеръ, нравились болъе серьёзныя пьесы, преимущественно трагедіи. Расинъ былъ ея кумиромъ. Съ какой неподражаемой граціей, съ какими приличными повышеніями и пониженіями голоса декламировала она его гладкіе, блестящіе стихи, съ какимъ гордымъ достоинствомъ сознавалась она въ любви къ театральному герою, и съ какимъ неподражаемымъ, спартанскимъ хладнокровіемъ умирала на сценъ отъ яда или кинжала,—невозможно, какъ говорится, ни въ сказкъ сказать, ни перомъ описать. Театръ дрожалъ отъ аплодисментовъ. Всякій разъ, когда по окончаніи пятаго акта, опускалась завъса, раздавались восторженныя восклицанія; завъсу снова поднимали, и воскресшая героиня, съ веселою улыбкой, съ яркимъ румянцемъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, появлялась опять на сценъ, низко присъдая на всъ стороны... А сколько глазъ въ эту минуту было устремлено на одну, а сколько сердецъ и пульсовъ билось сильнъе обыкновеннаго!..

И все это видъла, все понимала она, и надъ всъми смъялась и шутила. Любить она не хотъла, а можетъ быть, ей было страшно полюбить...

III.

them, needs worden errors or any or any or an error of the con-

Быль жаркій, знойный, истинно-прекрасный день. Солнце палило немилосердо и нагоняло на все живущее какую-то безотчетную, неодолимую лѣнь... На мызъ все притихло. Всъ искали отдохновенія и прохлады, и разбрелись въ разныя стороны. Прадъдушка еще наканунъ уѣхалъ въ городъ съ тѣмъ, чтобъ привезть какого-то новаго знакомаго, и шутъ Васька въ десятый разъ забъгалъ въ дѣвичью, объявить Степановнъ, чтобъ она порадовалась, что дескать скоро прилетитъ еще заморская птица, въ пухъ ощипанная; на что Степановна всякій разъ отвѣчала ему: «отвяжись, грѣховодникъ!» крестилась и оплевывалась.

Въ гостиной у камина важно развалясь на креслъ, дремалъ карло, прикрывъ лице отъ мухъ клътчатымъ платкомъ. Шутъ отъ Степановны перебъгалъ къ нему, сдергивалъ платокъ, и карло въ просонкахъ бъсился и ловилъ дерзкую руку. Шутъ подставлялъ ему швейную подушку, истыканную булавками, и карло, не раскрывая глазъ, ударялъ по ней со всего размаха крошечнымъ кулакомъ... Шутъ хохоталъ, держась за бока, и ловко увертывался за каминъ, а карло съ страшною гримасой вскакивалъ съ кресла и метался во всъ стороны, отыскивая невидимаго врага...

Прабабушка въ диванной толковала съ Анною Власьевной и шила нескончаемое покрывало. Парашка съ книгой сидъла тутъ же на скамеечкъ и подобострастно ожидала минуты, когда ей прикажутъ продолжать...

Въ залъ, небрежно облокотясь на пъедесталъ, на которомъ етояла огромная ваза, украшенная рисованными пастушками въ розовыхъ юбочкахъ и черныхъ корсетахъ, и овечками на голубыхъ лентахъ, стоялъ юный петиметръ, напудренный, надушеный, въ свътло-зеленомъ кафтанъ, съ кружевными маншетами, бъленькій, розовый и улыбающійся, какъ амуръ, только что сорвавшійся съ старинной картины и надъвшій земной костюмъ.

Петиметръ ощинывалъ листочки желтой жоржины, которую держалъ въ рукъ и смотрълъ на бабушку, разсъянно слушая ея пъніе... а бабушка аккомпанируя себъ на фортепьяно, распъвала съ большимъ чувствомъ:

«Ah! quel dommage Dans ce bocage Loin des amours languir!»

и пр.-и не смотръла на петиметра.

Окно, подлъ котораго стояло фортепьяно, было открыто. Густой, раскидистый кленъ препятствовалъ солнцу проникать въ него, но въ воздухъ не было прохлады. Ни одинъ листочикъ клена не шевелился, и никакой звукъ не нарушалъ тягостной тишины...

Бабушка, побъжденная всеобщею апатіей, апатіей самой при-

- Je n'en puis plus! встала изъ-за фортеньяно.
- Скажите, monsieur Emile, неужели у васъ во Франціи бывають дни еще жарче этого? проговорила она, кокетливо бросясь на диванъ подлъ мадамъ Бреби, задремавшей надъ Элоизой перечитываемой въ двадцатый разъ.
- Бывають, только ръдко, отвъчаль петиметръ, продолжая тиранить жоржину. Признаюсь, все, что я вижу въ Россіи, удивляеть меня. Я ожидаль, что замерзну оть холода, и умираю отъ жара. Я ожидаль встрътить необразованность, дикость, и каждую минуту готовъ преклонять колъни предъ идеаломъ совершенства.
- Вы очень любезны, monsieur Emile; благодарю васъ и за себя, и за Россію; только каждую минуту, будеть слишкомъ часто; вы не выдержите устанете.
- Какъ вы счастливы, что въчно можете смъяться! отвъчалъ петиметръ съ досадой, и жоржина полетъла въ окно.
- Вотъ мило! Вы французъ, упрекаете меня въ веселости. Скажите, что дълаютъ у васъ, въ такой жаръ, неужели капризничаютъ какъ дъти, и вымъщаютъ досаду на невинныхъ цвътахъ?

- У насъ солнце не сіяетъ напрасно; благотворная теплота его не пропадаетъ даромъ; каждый лучъ или золотитъ колосъ, или даетъ жизнь цвътку, украшенію полей, или зажигаетъ чувство въ сердцъ человъка...
- И когда это чувство или цвътокъ наскучитъ, его обрываютъ какъ жоржину, и выбрасываютъ за окно?
- О, вы неумолимы!

 Наступило молчаніе.

Бабушка взяла со стола Элоизу, перевернула два, три листочка и запъла:

"Aúnalle violette
Embleme de modestie
La fleur de ma jeannette
Que je te poste cuvie!"

Послѣднее слово еще не сорвалось съ ея губокъ, какъ у крыльца остановился экипажъ, и все въ домѣ засуетилось и забъгало, заслышавъ прадѣдушкинъ басъ и знакомый стукъ палочки...

Карло и шутъ убрались изъ гостиной. Прабабушка побрела навстръчу мужу. Мадамъ Бреби очнулась и принялась за Элоизу; петиметръ отдълился отъ пьедестала, а бабушка выпорхнула изъ залы, бросивъ мимоходомъ въ зеркало воспросительный взглядъ.

— Маша, сказаль прадъдушка поцъловавъ ее въ лобъ: рекомендую тебъ дорогаго гостя, барона Отто фонъ Гейденберга. Поручаю тебъ занять и развеселить его, какъ знаешь, ты на это мастерица. А баронъ пріъхаль къ намъ, въ Россію, съ тъмъ, чтобъ разсъять свою печаль. Онъ недавно лишился матушки.

Бабушка обернулась. Предъ нею стояль довольно высокій молодой человъкъ, съ большими голубыми глазами, ясными какъ небо, и бълокурыми кудрями, безъ пудры, свободно вьющимися по шеть. На немъ былъ черный кафтанъ. Вст черты лица его выражали не глубокую тоску, но тихую, безмятежную грусть, скорбь ребенка, у котораго отняли существо, которое первое полюбилъ онъ въ жизни...

И бабушка и Отто въ одно мгновеніе поклонились другъ другу; глаза ихъ встрътились. Взоръ Отто зогорълся удивленіемъ; въ черныхъ глазахъ бабушки засіяло живое участіе...

— Баронъ, сказала она съ самою очаровательною улыбкою, какая прекрасная мысль пришла вамъ искать развлеченія въ на-

шей холодной, далекой Россіи! Русскіе вообще патріоты. За предпочтеніе, которое оказали вы нашей родинъ, мы обязаны вамъ благодарностью и постараемся доказать ее какъ умъёмъ. Скажите, давно вы здъсь?

- Нъсколько дней, пролепеталь Отто.
 - Такъ вы еще не успъли познакомиться съ русскими?
- Не только познакомиться, я успъль даже полюбить ихъ. Русскіе такъ радушны, такъ добры, а я прітхаль въ Россію въ такомъ расположеніи духа, когда мальйшее участіе трогаеть сердце.

И въ наивномъ взоръ Отто засвътилось глубокое чувство...

Бабушка увела гостя въ залу, усадила подлѣ мадамъ Бреби и вмѣстѣ съ нею принялась занимать его на-пропалую... Петиметръ окинулъ Отто съ головы до ногъ не совсѣмъ одобрительнымъ взглядомъ, но подошелъ къ нему, раскланялся, и очень любезно принялъ участіе въ разговорѣ.

Отто, вызванный на откровенность участіемъ бабушки, которое сіяло отраднымъ огнемъ въ глазахъ ея, а можетъ быть и по безотчетному влеченію собственнаго сердца, разсказомъ въ немногихъ словахъ всю свою жизнь. Она была небогата событіями, но Отто, говоря о ней, высказывалъ невольно самого себя, свое сердце, свои понятія, свои еще ничѣмъ не обманутыя вѣрованія. Это придало разсказу его какой-то оригинальный колоритъ наивности.

Бабушка никогда не слыхала и не видала ничего подобнаго. Блестящій говоръ, жужжащій всегда вокругъ нее, приторно сладкія любезности и томно нѣжные взоры, возбуждали всегда въ ней смѣхъ, потому что она не вѣрила имъ.

Но простая, дътски-откровенная бесъда Отто открыла ей новый міръ, міръ чувства, и заставила ее сильно задуматься. Отто какъ новость заинтересоваль ея воображеніе.

Объдъ былъ веселъ. Прадъдушка много шутилъ и смъялся, и всъ вторили ему. Вечеромъ, послъ продолжительной прогулки, опять сошлись всъ въ залъ. Всъ окна ея были отворены. Солнце закатилось и наступилъ обольстительный часъ вечерней прохлады. Тихо шептались деревья подъ говоръ общей гармоніи природы. Земля, утомленная зноемъ, обрадовалась отдохновенію; она освъжила благодатною росой свои растенія, и все заблагоухало милліонами ароматовъ.

Протяжно звучала вдали пъснь крестьянина; тихо струился воздухъ и навъвалъ своимъ освъжительнымъ лобзаніемъ какое-то

отрадное, упоительное ощущение, неуловимое для анализа... Этбыла одна изъ тъхъ минутъ, когда смъхъ звучитъ ръзвъе, дружеское пожатие руки сердечнъе, взглядъ красноръчивъе, скорбъ мео нъе болъзненна... одна изъ тъхъ минутъ, когда неотразимое вліяніе счастья, которымъ наслаждается вся природа, открываетъ всъ поры въ сердцъ человъка, и пробуждаетъ въ немъ сочувствие ко всему, что наравнъ съ нимъ пользуется чуднымъ даромъ. бытия, что составляетъ какъ и онъ же, частицу одного цълаго...

Въ эти минуты сердцу непремънно хочется излиться...

Въ залъ, послъ живаго разговора, наступило общее молчаніе. Пролетълъ тихій ангелъ.

- Вы играете, баронъ? спросила вдругъ бабушка.
 - Я очень люблю музыку. Это моя страсть.
- Сыграйте намъ что нибудь.
- Позвольте лучше спъть. Я плохой музыканть.

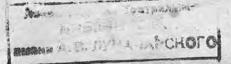
Отто подошелъ къ фортепьяно и запълъ одну изъ своихъ родныхъ богемскихъ пъсень.

Никто не понялъ словъ, но всѣ поняли звуки, проникнутые теплымъ чувствомъ. Грустный напъвъ пъсни, говорящій прямо сердцу, также пріятно поразилъ бабушку, привыкшую къ блестящимъ, но вычурнымъ франдузскимъ аріямъ и романсамъ.

Отто кончилъ пъніе, но увлеченный воспоминаніемъ о своей Богеміи, о высокихъ горахъ ел, среди которыхъ провелъ свое дътство, принялся импровизировать. Онъ началъ тихимъ, грустнымъ adagio. Въ немъ звучали и свътлыя, чистыя впечатлънія юнаго сердца, и первыя слезы земной скорби... Бабушка подошла къ фортепьяно и облокотилась на него въ трехъ шагахъ отъ Отто. Мало-по-малу adagio измънилось въ allegro. Все быстръе и быстръе лились звуки. Близкое присутствіе существа юнаго, какъ и онъ же, прекраснаго какъ осуществленіе самой дерзкой мечты о женскомъ совершенствъ, вдохновило Отто новымъ чувствомъ.

Allegro вдругъ кончилось стройнымъ аккордомъ, и пламенно раздалось за нимъ andante amoroso, исполненное нъги, какъ природа юга, блаженства, какъ жизнь вполнъ понятая и раздъленная. Этобыла цълая музыкальная поэма, разсказанная съ умомъ и сердцемъ...Отто, какъ ребенокъ, не привыкшій скрывать своихъ чувствъ, высказывалъ ихъ открыто предъ всъми...

Какъ упоительны были эти звуки, чудные звуки первой любви! Зачъмъ же эта дивная гармонія волнуетъ только разъ, въ жизни наше сердце?

Зачъмъ стыдимся мы потомъ этихъ отрадныхъ, мелодическихъ звуковъ, заглушаемъ ихъ прозаическимъ, убійственнымъ отголоскомъ нашей суетной, тщеславной и пустой жизни, зачъмъ какъ дъти, отрекаемся сами отъ себя, испуганные холодною насмышкой опыта, и часто съ полнымъ сознаніемъ разбиваемъ инструментъ нашъ, сердце, рвемъ на немъ всъ струны, потому что онъ звучатъ болъзненно; надъваемъ на себя маску насмъшливой опытности, и въ замънъ всъхъ утраченныхъ сокровищъ восхищаемся тъмъ, что мы стали умнъе!

А лучше было бы еслибъ мы жили сердцемъ!

Зачъмъ заронило небо на землю дивную искру жизни. Не затъмъ ли, чтобъ земля отвъчала въчнымъ, никогда неумолкающимъ гимномъ всеобъемлющей нъжности и любви?

Отто кончилъ. Раздался послъдній аккордъ, звучный но дрожащій какъ вопросъ сердца о грядущемъ. Отто устремилъ на бабушку пламенный, долгій взоръ... Они поняли другъ друга... Обабыли молоды, оба хороши, оба умъли любитъ. Какая чудная перспектива счастья открылась бы предъ ними... они бы могли пройти рука объ руку по пути жизни... Они были созданы другъ для друга!

Когда, поздно вечеромъ пришелъ Отто въ свою комнату, онъ сълъ у окна и погрузился въ глубокую думу...

Отто родился въ Богеміи, въ древнемъ наслъдственномъ замкъ бароновъ Гейденберговъ. Отца онъ не помнилъ. Мать любила его до безумія. Это выраженіе не преувеличено потому, что изъ всъхъ родовъ любви, только любовь матери можетъ простираться до безумія; только мать способна отречься отъ самой себя и жить жизнью своего ребенка; только мать принесетъ безропотно всъ жертвы и будетъ любить въчно, въчно, собственно для чувства любви, безъ всякихъ эгоистическихъ побужденій...

Жизнь Отто до кончины его матери была чуднымъ, блаженнымъ сномъ. Онъ росъ среди уединенія и серьозныхъ умственныхъ занятій, хранимый попечительнымъ окомъ любви отъ малъйшей скорби. Природа дала ему чудную душу, одну изъ тѣхъ, для которыхъ понятно и доступно все прекрасное и возвышенное. Отто еще ребенкомъ умѣлъ сочувствовать всему, что говоритъ воображенію или сердцу, или лучше сказать онъ никогда не былъ ребенкомъ. Деревянныя лошадки, сабли, пушки, забавныхъ паясовъ, всъ игрушки, которыми дарили его, раздавалъ онъ безъ сожалънія крестьянскимъ мальчикамъ. Онъ понималь, что все это

было не живое и ни сколько не занимало его. Но за то у Отто быль свой садъ, гдв онъ работаль съ наслажденіемъ въ свободные часы; у него были свои цвъты, онъ самъ сажалъ ихъ, самъ ухаживалъ за ними, лелвялъ, любилъ ихъ. Когда настала для него пора ученія, въ замокъ Гейденбергъ прівхаль старичекъ, добродушный оригиналь, посвятившій безвозмездно всю жизнь свою наукамъ. Мать Отто передала ему своего сына. Отто принялся съ жаромъ за книги. Онъ учился не поверхностно, а со всъмъ увлеченіемъ любознательнаго ума. Но плодъ науки не былъ для него горекъ. Характеръ Отто составляли два главные элемента: умъ нытливый, смълый и върно угадывающій, и сердце любящее и впечатлительное; въ такомъ сердцъ, разумъется, таилось много поэзіи, но поэзіи чистой и свътлой, всему сочувствующей, и со всъмъ примиряющей... На все что есть непонятнаго, необъяснимаго въ наукъ, что составляло и составляетъ камень преткновенія для умовъ даже геніяльныхъ, но положительныхъ и холодныхъ, мой юный поэтъ набрасываль туманный колорить мечты, и въриль въ свое созданіе!

Умъ Отто былъ только проводникомъ въ святилище сердца.

Съ такимъ характеромъ счастье было необходимо для Отто, какъ солнечный дучъ необходимъ для жизни растенія. И онъ былъ счастливъ. Онъ зналъ, что на землъ существуетъ много зла, но оно было не для Отто. Еслибъ онъ встрътился съ нимъ съ глазу на глазъ, то отвернулся бы съ содроганіемъ, потому-что зло производило въ немъ то же ощущение, какое производитъ видъ лягушки или жабъ на слабонервную женщину-оно возбуждало непреодолимое отвращение. И все, что окружало Отто, было какъ нарочно создано для его счастья. Онъ находилъ его во взо--ръ матери, въ привязанности своего наставника, въ голубомъ небъ своей родины, въ живописныхъ горахъ, окружавшихъ замокъ, въ поэтическихъ и священныхъ воспоминаніяхъ, витающихъ надъ древними сводами и надъ гербомъ Гейденберговъ, въ таинствахъ науки и даже въ охотъ крестьянина, возвращающагося вечеромъ съ полей, облитыхъ потомъ его и озаренныхъ золотыми лучами заходящаго солнца. Характеръ Отто образовался рано и изъ такихъ источниковъ, что ему никогда не суждено было измъниться. Онъ быль добръ какъ дитя, мечтателенъ и чувствителенъ какъ женщина, смълъ и неустрашимъ какъ потомокъ рода, прославившагося доблестными подвигами, и гордъ, - о! гордость Отто была гранить, о который могло сокрушиться даже собственное его чувство.

Но эта гордость была разумная. Отто цъниль въ себъ человъка, лучшее созданіе Бога изъ всей цъпи Его безчисленныхъ твореній. Смерть матери тяжко поразила его сердце, не привыкшее къ страданію. До-сихъ-поръ ничто не нарушало его гармоніи. Теперь въ немъ порвалась самая мелодическая струна, и бъдный Отто поддался скорби безъ сопротивленія. Наставникъ посовътоваль ему для развлеченія путешествовать. Отто выбраль Россію, потомучто эта страна возбуждала его любопытство. Онъ встрътиль въ ней болье нежели ожидаль. Мы оставили его у отвореннаго окна въ его комнать, въ поэтическій часъ ночи. Отто припомниль минувшій день. Онъ мечталь. Предъ нимъ въ ночномъ мракъ горъли огненные глаза, звучаль и веселый смѣхъ, и милыя ръчи, полныя участія...

- Какъ она хороша! воскликнулъ Отто, и невольная грусть стъснила его сердце. Онъ понялъ, что любилъ, и испугался своей любви. Отто имълъ о женщинахъ самое восторженное, эксцентрическое понятіе. Онъ воображалъ, что всъ онъ безъ изъятія, существа поэтическія, какъ и онъ же, живущія исключительно однимъ чувствомъ. По его соображеніямъ ихъ было мало любить, предъ ними надо было раболъпствовать.
- О, бъдный Отто! Еслибъ ты могъ знать стихъ Пушкина:

«Чемъ меньше женщину мы любимъ...

Но Отто былъ дикарь, выросшій въ уединеніи, вскормленный стихами классиковъ, мечтами и любовью матери.

that the current or principled the ex (expendition), notices and

Онъ долго просидълъ подъ окномъ, и когда заснулъ, къ нему спустилось съ фантастическихъ облаковъ чудное видъніе, легкое и граціозное, какъ пери, и прошептало: «Я люблю тебя!» И Отто преклонилъ колъна предъ милымъ видъніемъ, и поклялся ему въ въчной любви.

— А бабушка? Думала ли она объ Отто? Разумъется, думала, и много, но по другому. Она не съла у открытаго окна, а долго стояла передъ зеркаломъ и любовалась собою... Потомъ медленно начала раздъваться, и на устахъ ея все время блуждала лукавая, веселая улыбка. И она видъла сонъ: Отто стоялъ передъ нею на колъняхъ и объяснялся въ любви. Бабушка расхохоталась и проснулась.

ома, втоб музокору (в — долект в "котемерон организация бор в голош. Принять в поторых мосле запру обласи выкол обстраниза специя в

The adequation where the Transfer and the property of the prop

Прошло нъсколько дней. Отто познакомился со всъми, обжился въ домъ, и мало-по-малу съ лица его совершенно исчезло грустное выраженіе. Любовь въ его сердцъ росла не по днямъ, а по часамъ, и онъ безъ всякаго зазрънія совъсти, на глазахъ всъхъ и даже безъ своего въдома, сдълался върнымъ и пламен нымъ рыцаремъ моей бабушки. Онъ постоянно былъ подлъ нее, на прогулкахъ, въ гостиной, утромъ и вечеромъ во всякое время дня. Онъ хранилъ ея въеръ, набрасывалъ ей на плеча мантилью, игралъ для нее по цълымъ часамъ на фортепьяно, сидълъ безмолвно противъ нее и молчалъ выразительно; но если Отто былъ неразговорчивъ, за то глаза его были красноръчивъе самаго Цицерона. Извините за это классическое сравненіе.

Всъ бабушкины папильоны возненавидъли Отто, за права, которыя присвоилъ онъ себъ, даже не отнимая у нихъ, какъ будто эти права слъдовали ему по законному порядку, и составили противъ него оппозицію, цълью которой было уничтожить его убійственными насмъшками. Особенно очень усердно хлопоталъ Эмиль. Онъ даже ръшился однажды сказать бабушкъ, что Отто ничто иное какъ une élégie manquée. На что бабушка отвъчала ему съ насмъшливою улыбкой.

— J'aime mieux les élégies manquées que les méchantes épigrammes. Эмиль взбъсился и составилъ планъ мщенія.

Въ одинъ прекрасный день на мызъ собралось много гостей. Вечеромъ начались танцы въ ротондъ. Отто стоялъ прислонясь къ колоннъ и смотрълъ на танцующихъ. Бабушка съ Эмилемъ граціозно выплясывала гавотъ. Эмиль танцовалъ превосходно, и лице его сіяло самодовольствіемъ. Отто задумчиво смотрълъ на счастливаго въ эту минуту соперника, и какая-то грусть, чтобъ не сказать зависть туманила его милое лице. Гавотъ кончился.

— М-г Отто, сказала бабушка, подойдя къ нему, хотите танцовать со мною минуэтъ?

Отто покрасиълъ и поклонился,

- Я не танцую, отвъчалъ онъ грустно.
- Неужели? Отчего?
- Не умъю.
- Возможно ли? Вы шутите!
- Нътъ, отвъчалъ Отто. Вы знаете, что я воспитывался въ глубокомъ уединеніи. Моего почтеннаго наставника никогда не

занимала мірская суета. Онъ выучилъ меня мертвымъ языкамъ, научилъ меня любить науки, понимать и цънить все прекрасное, выучилъ меня основательно музыкъ — языку сердца, и пустилъ странствовать по Божьему свъту съ полнымъ убъжденіемъ, что далъ мнъ отличное образованіе. До-сихъ-поръ я върилъ ему, но теперь готовъ бы отдать всъ мои познанія за то, чтобъ протанцовать гавоть какъ Эмиль.

— Да, Эмиль чудесно танцуетъ!

Бабушка отошла. Отто ускользнуль за колонну и исчезъ въ темной аллев сада. Ночь была тихая, чудная, исполненная благо-уханія и нъги. Небо утонуло въ непроницаемой мглъ. Ни одна нескромная звъздочка не заглядывала на землю. Въ сосъдней дубравъ раздавались мелодическими переливами трели соловья, но никто не слушалъ пернатаго пъвца. Его звучная пъснь тонула въ воздушномъ пространствъ, не возбудивъ ни въ комъ сочувствія, не выманивъ ни вздоха, ни слезъ. Отто быль очень сентиментально настроенъ въ этотъ вечеръ. Пъснь соловья проникла въ его сердце и напомнила, что соловьи съ незапамятныхъ временъ поютъ для влюбленныхъ.

Онъ сълъ на дерновую скамейку, подлъ густой липы, прислонился головою къ стволу и глубоко задумался... До него долетали звуки бальной музыки. Ярко освъщенная ротонда, съ своими колоннами, обвитыми свъжею зеленью, горъла какъ транспарантъ среди ночной мглы.

Отто впивался глазами въ воздушныя пары, которыя веселимись, отложивъ на время всъ заботы и печали. Голубые, розовые, бълые и желтые роброны мелькали какъ бабочки.

— Безумецъ! подумалъ Отто. Чему вы радуетесь, чему веселитесь? Можно ли находить удовольствие въ томъ, чтобы столниться на небольшомъ пространствъ и выдълывать па подъ звуки самой безтолковой музыки, и еще въ такую чудную ночь какъ эта! Одного звука соловья не отдамъ я за всъ ваши гавоты и минуэты. Я не помънялся бы теперь съ вами моимъ мъстомъ. Какъ хорошо здъсь, на этой дерновой скамьъ, подъ сънью душистой лины, среди этой красноръчивой тишины и чуднаго спокойствія природы!

Отто обманываль самого себя. Ему вовсе не было хорошо подъ сънью лины, среди чуднаго спокойствія природы. Мы можемъ сочувствовать тихой и безмятежной нъгъ природы только тогда, когда наше сердце настроено въ уровень съ нею. А въ

сердцѣ Отто кипѣли страсти... Любовь, которой отдалъ онъ беззавѣтно всю душу, предательски ввела въ нее свою вѣчную спутницу—ревность.

Говорятъ, что ревность безуміе. Нътъ, ревность безполезная глупость. Кто любитъ всею душой, кто умъетъ любить до такой степени, что живетъ уже не своею жизнью, а жизнью человъка, котораго любитъ, тому не только не прійдетъ въ голову ревновать, нътъ, тотъ закроетъ глаза даже противъ очевидности... тотъ долго не будетъ върить измънъ или предпочтенію, и если маконецъ повъритъ, то онъ не возбудятъ въ немъ ни ненависти, ни влобы, потому что убьютъ сердце разомъ.

Нынче такая любовь почти баснословна, но во всякомъ случать такъ могутъ любить только женщины. Мужчины мъняютъ свое сердце на такую мелочную монету, что ихъ любовь если не миоъ, то непремънно амальгама. Тамъ всего по немножку: и самолюбія, и тщеславія, и ревности...

Отто принадлежаль не къ нынъпиему въку. Онъ быль простодушный и пламенный воспитанникъ поэзіи и уединенія. Люди умные допускають чувство въ сердце; безумцы отдають сердце чувству. Такъ любиль и Отто; но онъ быль самолюбивъ, и ревность впилась въ его сердце какъ ядовитое, огненное жало...

Зеленый кафтанъ Эмиля и розовый робронъ бабушки мелькали предъ его глазами среди ночной тишины. Напрасно онъ напрягалъ зръніе, чтобъ различить въ ротондъ эту пару. Разстояніебыло слишкомъ велико. Яркое освъщение обливало свътомъ широкую аллею, на пространствъ не болъе пятидесяти шаговъ. Потомъ этотъ свъть по немногу тонуль и сливался съ густою зеленью, и тамъ гдв сидвлъ Отто, было совершенно темно. Отто пристально смотрълъ на самую яркую точку. Вдругъ на огненномъ фонъ нарисовались двъ знакомыя ему фигуры. Сердце Отто замерло въ груди. Онъ схватился за него, какъ будто оно хотело выскочить отъ мучительной боли. Чего бы не далъ онъ теперь, чтобъ быть подле нихъ, чтобъ слышать о чемъ они говорятъ! Когда мы страдаемъ слишкомъ сильно, то сами съ какимъ-то отчаяннымъ, дикимъ наслажденіемъ любимъ бросаться на новыя страданія, безъ содроганія поворачиваемъ въ сердпъ ножъ, ранившій насъ, и измъряемъ глубину раны...

Отто спрятался за дерево, обхватилъ объими руками его стволъ и прильнулъ къ нему пылающею головой, не спуская глазъ съ счастливой четы. А они шли по аллеъ веселъе и безпечнъе. Вътви де-

ревъ осъняли ихъ роскошною зеленью; для нихъ соловей пълъ свою чудную пъснь, для нихъ благоухали цвъты, для нихъ неслись изъ ротонды мелодическіе звуки легкой, граціозной музыки. Отто показалось, что въ этотъ вечеръ все на землъ существуетъ только для нихъ. Они приближались медленно, и до Отто долеталъ уже ръзкій смъхъ бабушки и звучный, страстный голосъ Эмиля. Вотъ они уже достигли той черты, гдъ свътъ умиралъ сливаясь съ мракомъ... прошли ее и утонули въ непроницаемой мглъ... Отто выскочилъ изъ своей засады и пошелъ за ними по дерну, окаймляющему аллею. Онъ крался осторожно, какъ воръ.

- Я вамъ върю, monsieur Emile, говорила бабушка своимъ лукаво-насмъщливымъ голосомъ.
- И только! отвъчаль Эмиль съ грустнымъ упрекомъ.
- Чего жъ вы еще хотите? Кажется ужъ и этого не мало? Въдь вы знаете какъ я недовърчива!
- О, я знаю, что вы холодны и недоступны! Но я люблю васъ такъ пламенно и такъ давно... а кто любить тотъ всегда надъется. Скажите хоть одно слово, только одно, къ которому могло бы привязаться мое измученное сердце, которое показало бы мнъ, хоть въ отдаленіи, свътлую звъзду надежды. Скажите, неужели васъ никогда не тронула моя преданная, безграничная привязанность... Неужели ваше сердце не сказало вамъ, что я готовъ на всъ жертвы, чтобъ только возбудить въ васъ хоть искру сочувствія?
- Не знаю, отвъчала бабушка хладнокровно на этотъ изящный монологъ осъмнадцатилътняго столътія: мое сердце не говорило мнъ ничего подобнаго. Ай! что это? вскричала она наступивъ на сухую вътвь, которая обвилась вокругъ ея ноги. М-г Эмиль, здъсь змъи. Пойдемте назадъ, я боюсь змъй.

И не дожидаясь отвъта повернула въ ротонду.

- Постойте, вскричаль Эмиль въ отчаяніи, скажите, что же сдълать, какъ измучить, какъ истерзать себя, чтобъ заставить васъ полюбить?..
- Вы же еще спрашиваете! Я не знаю. Я никогда не любила. Во всякомъ случав не терзайте себя: это ни къ чему не поведетъ. Поищите другихъ средствъ. Прочтите хоть въ романахъ, какъ постоянные рыцари добивались любви своихъ дамъ. Я позволяю вамъ совершать всѣ тѣ подвиги, которыми они прозлавились...

Отто не могъ разслышать дальше. Голось бабушки замеръ въ

отдаленіи. Онъ опять съль на скамью и слъдиль за ними глазами до тъхъ поръ, пока они вошли въ ротонду.

Онъ опять остался одинъ. Мало по малу ревность его утихла. Бабушка не любила Эмиля. Но вмъстъ съ этимъ открытіемъ глубокое уныніе запало въ душу Отто.

- Она могла бы сказать ему нѣтъ, наотрѣзъ, подумаль онъ. О, эта женщина неумолимая кокетка! Горе тому, кто полюбитъ ее безумно, какъ я! Она двадцать разъ разобьетъ сердце, прежде чѣмъ пойметъ чего оно стоитъ! Женщина! Это свѣтлое, милое созданіе, этотъ геній-утѣшитель, который долженъ мирить насъ со всѣмъ, что есть грустнаго въ жизни,—женщина, идеалъ всего возвышеннаго, чистаго и прекраснаго въ природѣ,—идеалъ, созданный мною, тамъ, среди поэтическихъ вдохновеній, подъ небомъ моей простодушной родины, вотъ его осуществленіе для меня на землѣ. Кокетка! Но вѣдь это женщина безъ сердца! Отто облокотился обѣими руками на спинку скамьи, положилъ на нихъ голову, закрылъ глаза и погрузился въ грустную, тяжелую думу. Его мать, его Богемія воскресли предъ нимъ.
- Зачъмъ я прітхалъ сюда? проговориль онъ мысленно. Зачъмъ я, профанъ въ свътской жизни, дикарь, жившій до сихъ поръ свътлыми мечтами, кинулся въ этотъ свътъ? Вотъ его первый урокъ, первое разочарованіе!.. Въ эту минуту внезапно среди тишины, раздались громкіе, веселые звуки музыки, замолкнувшей на время... Отто вскочилъ со скамьи.
- Все-таки она хороша, вскричалъ онъ почти съ отчаяніемъ, и я люблю и едва ли не безумнъе чъмъ прежде!

Эти звуки тянули его въ ротонду какою-то непостижимою силой. Онъ тихо прошелъ аллею и прислонился опять къ колоннъ на прежнемъ же мъстъ, дрожащій и блъдный. Начался минуэтъ. Отто смотрълъ на танцующихъ, но не видалъ ничего кромъ розоваго роброна, который какъ облако волновался передъ его глазами... Онъ видълъ только двъ чудныя ножки, и пару яркихъ черныхъ глазъ, горъвшихъ какъ звъзды...

И вдругъ взоръ этихъ очей упалъ прямо на Отто и остановился на немъ долго внимательный и изумленный. Блъдность Отто и его разстроенный видъ поразили бабушку.

— Что съ вами, баронъ? спросила она по окончаніи минуэта, подойдя къ нему. Вы нездоровы?

Отто показалось, что въ голосъ бабушки звучало участіе. Это придало ему смълости.

— Не хотите ли пройтись по аллеѣ, сказалъ Отто, предложивъ ей руку. Здѣсь жарко.

Бабушка приняла предложенную ей руку.

Отто набросилъ ей на плеча мантилью и увлекъ ее туда же, гдъ за нъсколько минутъ поделушалъ ея разговоръ съ Эмилемъ.

Дойдя до дерновой скамейки, онъ остановился.

— Сядьте здѣсь, сказалъ онъ ей. Здѣсь такъ тихо, такъ прохладно! Слышите, какъ поетъ соловей? Не правда ли, вѣдь все это веселье, вся жизнь суетная и пустая, которыя кипятъ тамъ, всѣ льстивыя фразы, которыми наскучаютъ вамъ на каждомъ шагу, не стоятъ этой чудной прохлады, этого дивнаго, безмятежнаго спокойствія, которымъ дышитъ природа?

Бабушка съла на скамью.

Мало по малу она поддалась обаянію гармоніи и прохлады. Сердце ея билось тихо, и что-то похожее на чувство заговорило въ немъ.

- Да, сегодня чудная ночь, сказала она задумчиво.
- Не для всъхъ, отвъчалъ Отто.
- Это что значить? Не вы ли сами сейчасъ хвалили ее?
- Да, теперь, когда вы здѣсь, со мною, она очаровательна. Одинъ мигъ бесѣды съ вами, здѣсь, на этой скамъѣ, вдали отъ всѣхъ, я готовъ искупить жестокимъ страданіемъ, а не далѣе какъ четверть часа тому, здѣсь, на этомъ же самомъ мѣстѣ, я страдалъ невыразимо.
- Вы?
- Да, я. Я сидълъ здъсь, вы проходили мимо съ Эмилемъ. Онъ говорилъ вамъ о любви; онъ шелъ подлъ васъ. Ваша рука лежала на его рукъ...
- Я все же не понимаю, какимъ образомъ это относится до васъ? Эмиль всегда объясняется мнѣ въ любви, это его манія. Я ужъ такъ привыкла къ этимъ объясненіямъ, что еслибъ онъ заговорилъ о чемъ нибудь другомъ, я удивилась бы...
- Но по какому же праву преслъдуетъ онъ васъ этими дерзкими объясненіями? проговорилъ Отто голосомъ, дрожащимъ отъ гнъва.
- А вы сами, по какому праву дълаете мнъ подобные вопросы? спросила бабушка едва удерживаясъ отъ смъха.
- Я!.. О! это совсѣмъ другое дѣло. Я люблю васъ, проговорилъ Отто чуть слышно.
 - Въ самомъ дълъ? Что жъ! И онъ, можетъ быть, любитъ.

- Онъ любитъ? Вы это думаете? Вы увърены?
- Не знаю, я ни въ чемъ не увърена.
- А! если такъ, то я новторю вамъ вопросъ, который вы слышали уже сегодня. Что надо сдълать чтобъ убъдить васъ и вызватъ изъ вашего сердца взаимность?

Бабушка засмъялась.

- Если вы слышали вопросъ, то върно слышали и мой отвъть.
- Не смъйтесь, ради Бога не смъйтесь! проговорилъ Отто съ грустью. Вотъ видите: я дикарь, выросшій въ уединеніи; я не понимаю вашихъ свътскихъ условій. Я не привыкъ шутить чувствомъ.

• Голосъ Отто звучалъ такою откровенностью, такою задушевностью, что проникъ какъ солнечный лучъ въ холодное сердце бабушки.

- Вы меня очень любите? сиросила она.
- Люблю ли я васъ? Всею душой, люблю безумно, безпредъльно, преданно. Безъ васъ я не съумъю жить!
 - Слова ничего не доказываютъ.
 - Говорите, говорите, я готовъ на все, чтобъ убъдитъ васъ.
- На все ли?
 - На все.
- Въ такомъ случаъ, баронъ, поговоримъ серіозно. Я буду откровенна. Я никогда никого не любила и не люблю, но я могу полюбить... это будеть зависѣть не отъ меня; во всякомъ случат я полюблю только тогда, когда меня убъдять, что я любима. Это не легко, потому что я очень недовърчива. Не удивляйтесь; когда вы больше познакомитесь со свътомъ, то узнаете, что върить ему и смъшно, и безразсудно. Значить, чтобъ убъдить меня въ любви, надо много жертвъ. Готовы ли вы принести ихъ?
- Вст, отвъчалъ Отто не задумавшись.
- Посмотримъ. Во-нервыхъ, я избалована и капризна. Я требую полнаго повиновенія моей волъ.
- Я буду покоренъ, какъ ребенокъ, отвъчалъ Отто.
 - Во-вторыхъ я териъть не могу ревности. Отто поморщился:

- Я не буду ревновать.
- Въ-третьихъ вы должны исполнять всъ мои прихоти и причуды, не требуя объясненій.

- Я буду исполнять ихъ. Да, я сдълаю все, что вы хотите, буду вашею маріонеткой, какъ это ни больно для самолюбія, но если... если я перенесу всъ испытанія, которыя вы назначите, полюбите ли вы меня тогда?
- А, этого я не знаю, это ваше дъю! Заставьте полюбить.
 Не могу же я ручаться за мое сердце въ грядущемъ.
- A въ настоящемъ?
 - Оно спокойно и тихо, какъ эта прекрасная ночь.
- Но неужели слъпая, безграничная преданность, неужели любовь, ръшающаяся жертвовать вамъ всъмъ, даже самолюбіемъ, не возбудитъ въ васъ участія, не тронетъ сердца?
- Не знаю, попробуйте. А прежде, позвольте испытать до какой степени самоотверженія готовы вы простирать ваши жертвы. Пойдемте въ ротонду.

Бабушка встала.

- Говорите, приказывайте. Моему самоотвержению нътъ границъ.
- О, я потребую отъ васъ вовсе не труднаго и не опаснаго подвига.
- Скажу тамъ. Бабушка указала головою на ротонду, къ которой шли они по аллеъ.

Въ двухъ шагахъ отъ нея бабушка вдругъ остановилась.

— Баронъ, сказала она ему насмъшливо-торжественнымъ тономъ: подите къ Эмилю и попросите, чтобъ онъ выучилъ васъ танцовать. 5-го іюля у насъ будетъ большой праздникъ; будетъ много гостей изъ города. Мы каждый годъ приготовляемъ къ этому дню какой нибудь сюрпризъ папа. Нынче поставили новый балетъ: Охотпикъ; я играю въ немъ роль Діаны, а вы должны играть роль охотпика. Она назначалась Эмилю.

Отто нъсколько минутъ смотрълъ на бабушку въ недоумъній. Потомъ вдругъ въ глазахъ его сверкнуло яркое пламя, и ту же минуту погасло. Онъ поблъднълъ и опустилъ голову.

 — Хорошо, отвъчалъ онъ тихо, я попрошу Эмиля выучить меня танцовать, и буду дебютировать на сценъ въ роли охотника.

Они вошли въ ротонду.

Отто продрадся до Эмиля сквозь волнующуюся толиу.

 Какъ вы счастливы, сказалъ онъ ему съ веселымъ лицемъ, что умъете танцовать!

Эмиль посмотрълъ на него съ такимъ удивленіемъ, какъ буд-

то предъ нимъ стоялъ дикарь съ какихъ нибудь новооткрытыхъ острововъ.

- Какъ, баронъ? развъ вы не танцуете?
- Не умъю, отвъчалъ Отто простодушно. Въдь я воспитывался въ глуши, не видалъ никогда свъта, и не подозръвалъ, что въ танцахъ можетъ таиться столько удовольствія. Право, завидно смотръть, какъ другіе веселятся. Monsieur Emile, выучите меня танцовать!
 - Вы шутите, баронъ?
 - Напротивъ, прошу васъ серіозно и убъдительно.
 - Въ такомъ случать, съ величайшимъ удовольствіемъ.
 - Эмиль отвернулся и закусиль губы.

Отто видълъ какъ онъ подошелъ къ бабушкъ. Они много раз говаривали и Эмиль смъялся.

— Первая жертва не легка, подумаль Отто, но прежде чѣмъ я откажусь отъ первой женщины, которую полюбилъ, я изучу ее вполнѣ, это будетъ первый урокъ въ жизни. Что жъ если онъ даже будетъ и горекъ? Жизнь велика, можетъ быть, пригодится въ послъдствіи, и Отто тяжело вздохнулъ.

V. Strangeren in American Stranger of the Commission of the Commis

the court are notational and another than a plan and all and

Съ этого достопамятнаго вечера Отто очень усердно записался въ службу Терпсихоры. Эмиль занималь особый флигель. Уроки преподавались въ тайнъ отъ всъхъ домашнихъ, ежедневно въ двънадцать часовъ. Эмиль нарочно выбралъ этотъ часъ. Лъто было жаркое, знойное. Эмилю кажется хотълось практически доказать Отто давно извъстную аксіому, что никакое познаніе не пріобрътается даромъ. Эмиль быль золь на Отто и за соперничество съ нимъ, и за то, что далъ слово хранить въ тайнъ его внезапно возгоръвшуюся страсть къ танцамъ. Это объщаніе лишало его возможности одурачить врага, а для француза не посмъяться надъ ближнимъ, если есть къ тому случай, точно такое же мученіе какъ не утолить жажды при видъ воды.

Впрочемъ чего не сдълалъ Эмиль, то сдълало женское любопытство. Анна Власьевна первая замътила, что и французъ и нъмецъ пропадаютъ вмъстъ въ урочный часъ.

— Матушка, Анастасья Ивановна, сказала она прабабушкъ

въ одно прекрасное утро, между толками о хозяйствъ: въдь у насъ, знаете, что-то недоброе въ домъ дълается.

- Что ты, Анна Власьевна!
- Да ужъ такъ! Наше мъсто свято, а ужъ гдъ нъменъ да французъ за одно, тутъ добра не будетъ!
- Что за несносная! Да говори же что сдълалось?
- Покамъсть еще ничего, а ужъ не будетъ толку вотъ увидите, что не будетъ.
- Отвяжись ты, Анна Власьевна, коли не хочешь сказать порядкомъ.
- Ахъ, матушка! Воть ужъ вы и гнъваетесь! Я и сама еще ничего не знаю, а такъ изъ предосторожности говорю... Въдь вы знаете Сергъя Петровича. Коли что случится—и правому и виноватому всъмъ достанется... а за меня, за первую примется...
- Ну, да что жъ можетъ сдълаться?
- Мало-ли что? всяко бываетъ! И сглазить могутъ, и приворожить, пожалуй...
- Кого? тебя, что-ли?

Анна Власьевна перекрестилась и плюнула.

- Ужъ и меня! Что вы это, матушка Анастасья Ивановна!
- Не меня же наконецъ, мать моя. Богъ тебя въдаетъ про кого ты говоришь.
- А вотъ про кого, извольте-ка послушать. Я давно уже подмътила, что нъмецъ на заръ ходитъ собирать какія-то травы, а нынче повадился съ французомъ запираться вдвоемъ во флигелъ. Ужъ зачемъ было и отводить этому затейщику французу целый флигель. Говорила я тогда, чтобъ дали ему вышку надъ прачешною, - чъмъ еще ему не хорошо тамъ. Небось, я думаю въ своей то басурманщинъ и головы преклонить некуда было, -такъ нътъ! Марья Сергъевна и слышать не хотъли! Подай цълый флигель. И стыдно, Анна Власьевна, и смъшно, Анна Власьевна! Анъ Анна-то Власьевна знала зачемъ говорила. Вотъ какъ ему тамъ просторно, да сыть, басурманъ этакой, такъ и давай затви затввать. Всъ окна-то позапруть, да и сторы спустять, -- не велять никому ходить, —и дверей-то Лукьянычу не отворяють, —кофе или завтракъ, такъ подай чрезъ часъ. Что они тамъ дълаютъ? А? Ну, что они тамъ вдвоемъ дълаютъ? Путное-ли дъло, коли отъ добрыхъ людей запираются?
- Гмъ! какой ты вздоръ говоришь, Анна Власьевна. Ну, что

они тамъ могутъ дълать? Извъстное дъло, либо книжки читаютъ, либо чъмъ другимъ занимаются.

- Нътъ, Анастасья Ивановна, воля ваша, а ужъ тутъ не даромъ. Я доберусь до истины. Во что бы то ни стало а ужъ разузнаю, что у нихъ тамъ творится. Оба они что-то липнутъ къ Марьъ Сергъевнъ, да она-то на нихъ не слишкомъ смотритъ, въдь она у насъ, что твоя королева, не скоро къ ней подвернешься, такъ чего добраго, пожалуй и придумали какими ни на есть травами приворожить... отъ окаянныхъ басурмановъ всего станется!..
- Вздоръ, Анна Власьевна, проговорила прабабушка послъминутнаго молчанія, положила тамбурный крючекъ и глубоко задумалась. А все-таки не мъщаетъ, развъдай какъ-нибудь, что они тамъ дълаютъ, да позови Машу.

Прабабушка не раздъляла убъжденій Анны Власьевны. Но материнское сердце при первомъ наменъ даже о мнимой опасности, угрожавшей будто бы ея неоцъненному сокровищу, ея красавицъ Машъ, встрепенулось въ груди и забилось опасеніемъ и тревогою.

- Приворожить-то не приворожать, подумала прабабушка, а развъ сглазять. И припомнила она какъ въ былыя времена сглазилъ ее черный глазъ Сергъя Петровича. Когда бабушка на зовъ Анны Власьевны влетъла веселая и румяная въ комнату матери, любящій взоръ послъдней остановился встревоженный и испытующій на этомъ свъжемъ, беззаботномъ личикъ.
- Маша, сказала она, не знаешь ли ты зачъмъ Антонъ Ивановичъ и Эмиль запираются вмъстъ каждый день по утрамъ?

Бабушка разсмъялась такъ, что долго не могла умолкнуть.

- Мамаша, душечка, проговорила она наконецъ, цълуя руки матери, это я ихъ тамъ засадила. and a west for the court of the Called Bally and the court
 - Ты? Зачъмъ?
- Отто не умъетъ танцовать. Я просила его выучиться; 5-го іюля онъ будеть танцовать со мною въ балеть, ахъ какой у насъ будетъ чудный балетъ. Какія декораціи! Какъ будетъ весело!

Бабушка долго толковала о балеть, о костюмахъ и роляхъ, съ такимъ сіяющимъ, лучезарнымъ лицемъ, что когда она вышла изъ комнаты, прабабушка долго смотръла ей вслъдъ съ какою-то довольно спокойною усмъшкой. Она убъдилась, что еще никакой глазъ не голубой, ни черный не успълъ сглазить ея Маши. Полно такъ ли? Увидимъ въ послъдствіи.

Между-темъ Анна Власьевна решилась собственными глазами удостовъриться въ справедливести бабушкиныхъ словъ. Зная ея

пристрастіе къ французамъ и нъмцамъ, она какъ-то не совсъмъ довъряла ей.

Она взяла огромную связку ключей, съ которой не разставалась ни на минуту, какъ съ аттрибутомъ своего владычества, и отправилась будто бы въ амбаръ, стоявшій на концъ двора.

Проходя мимо флигеля Эмиля, она остановилась передъ окномъ съ опущенною сторой, остановилась да и задумалась. И было надъ чъмъ: окно было выше ея роста. Анна Власьевна была въ положеніи лисицы смотрящей на виноградъ, положеніи непріятномъ, и ръшилась выйти изъ него съ честью. У фундамента была небольшая завалинка. Анна Власьевна осторожно вскарабкалась на нее, уцъпилась объими руками за подоконницу, и въ томъ мъстъ, гдъ опущенная стора неплотно прилегала къ стеклу, вставила какъ въ рамку глаза свои, сверкавшіе любопытствомъ. Ей представилось великольпное зрълище. Эмиль сидълъ на дивань, развалясь, и билъ тактъ въ ладоши, приговаривая:

— Chassée en avant, chassée en arrière, pirouette и пр.

Отто, сбросивъ съ себя кафтанъ, выдълывалъ премудреные прыжки. Онъ танцовалъ такъ усердно, что походилъ на испеченаго рака. Анна Власьевна, увлеченная зрълищемъ, забыла, что ее могутъ замътить, и плотнъе прильнула къ стеклу. Эмиль всталъ съ дивана и началъ показывать Отто раз de graces. Онъ сдълалъ пируэтъ, потомъ распустилъ объ руки въ видъ крылышекъ, и собирался сдълать граціозную глиссаду, какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ взоръ его упалъ на окно и замътилъ въ немъ яркіе глазки Анны Власьевны. Эмиль въ одно мгновеніе ока продолжилъ глиссаду до самаго окна, дернулъ задвижку и распахнулъ его прежде чъмъ Анна Власьевна успъла отскочить. Слъдствіемъ этого порыва было то, что Анна Власьевна отлетъла на нъсколько шаговъ, съ синимъ пятномъ на лбу, явнымъ признакомъ наказаннаго любопытства.

- Pardon madame! воскликнулъ Эмиль, высунувшись въ окно. Мой васъ, правда, не замътилъ.
- Басурманъ ты окаянный, проворчала Анна Власьевна, поднимаясь съ травы, — будетъ тебъ пардонъ. Всъмъ пойду разскажу, какъ вы въ тихомолку ломаетесь, подыму васъ на смъхъ. Вишь умудрились въ этакой жаръ!

И Анна Власьевна сдержала слово. Она разсказала всѣмъ въ домъ до послъдняго поваренка, что французъ и нъмецъ учатся вдвоемъ заморскому танцу, и что имъ стыдно кривляться при добрыхъ людяхъ, такъ они запираются вдвоемъ по утрамъ въ самый жаръ, и плящутъ до тъхъ поръ, пока совсъмъ не умучатся.

Это произвело желаемое дъйствіе, и оно вполнъ обрушилось на Отто, потому-что Эмиль понималь немного по-русски, и отгрывался какъ умълъ, но Отто былъ тихъ и миролюбивъ какъ овечка. Плутъ Василій, завидъвъ его, начиналь сейчасъ глиссадъ и пируэты, и даже карло, въчно дремлющій у камина, при входъ его просыпался и съ важностью отвъшиваль ему низкій минуэтный поклонъ.

Отто молчалъ, терпълъ и учился танцовать. О, онъ ръшился перенесть все съ самоотвержениемъ!

Протанцовать ли въ балетъ, взять ли одному приступомъ цъ лую непріятельскую баттарею, онъ не задумался бы ни надъчъмъ.

Отто быль ловокъ и граціозенъ отъ природы. Благодаря пламенному желанію доказать бабушкъ, что для любви все возможно, онъ въ короткое время сдълалъ удивительные успъхи.

Онъ не только танцоваль уже очень свободно минуэть а Ia reine, гавоть и вст танцы, бывшіе тогда въ модт, но даже выучиль балетные па, такъ что Эмиль самъ объявиль бабушкть, что его ученикъ въ состояніи выдержать интересную репетицію.

Репетиція совершилась благополучно въ отсутствіи дъдушки, подъ руководствомъ актера балетной трупны, всегда выписываемаго изъ Петербурга для такихъ случаевъ. Бабушка была чрезвычайно довольна Оттомъ. Костюмъ охотника шелъ къ нему. Его голубые глаза и бълокурые кудри нравились всъмъ, и всъ присутствовавшие на репетиціи апплодировали ему, съ увлеченіемъ. Это возвысило въ глазахъ бабушки достоинство Отто на нъсколько процентовъ. Въдь есть же такія странныя сердца, которыя могуть любить только то, что нравится другимъ, какъ будто не довъряя собственному убъжденію.

До 5 іюля оставалось только нѣсколько дней, и они пролетѣли для Отто чуднымъ сномъ. Этотъ день — имянины хозяина, праздновался обыкновенно тѣмъ, что пировали на славу, со всею щедростью и гостепріимствомъ старины. За недѣлю уже начали пріѣзжать рыдваны, колымаги и кареты. Домъ наполнился гостями. Прабабушка въ нарядномъ чепцѣ и робронѣ съ ранняго утра и до поздняго вечера сидѣла въ гостиной на диванѣ и занималась бесѣдою съ пріѣзжими. И Парашка съ книгой и нескончае-

мое покрывало не появлялись уже при ея особъ. Прадъдушка цълые дни расхаживалъ съ гостями по полямъ, лугамъ и рощамъ, показывалъ имъ гончихъ, овчарню и всъ нововведенія, перенятыя имъ въ сельскомъ хозяйствъ у иностранцевъ. За объдомъ онъ шутилъ и смъялся за четверыхъ, и угощалъ до-нельзя.

Въ отдъленіи Анны Власьевны и Лукьяныча все кипъло движеніемъ и жизнью. Не было въ домѣ ни однѣхъ незанятыхъ рукъ. Суетня и хлопотня были сферою Анны Власьевны, можете же себѣ представить какъ усердно суетилась она, когда имѣла къ тому поводъ, и какъ сбивала всѣхъ съ толку торопливыми приказаніями и личнымъ надзоромъ за всѣмъ, что сдѣлалось бы гораздо лучше и безъ нея. Даже мадамъ Бреби разсталась съ Элоизой, нарядилась въ гарнитуровую робу, и ради приличія слѣдила издалека, какъ тѣнь, за своею воспитанницею.

А у бабушки и утромъ, и вечеромъ, и во всякій часъ дня было много хлопотъ. Надо было заниматься и дъвицами, и кавалерами, и балетомъ, и участвовавшими въ немъ. Нимфы и граціи, бабушкины подруги, находили безпрестанно, что передълать въ своихъ костюмахъ.

Въ дъвичьей шили не покладывая рукъ. Когда дъвицы или дамы примутся, какъ говорится, не шутя за свои наряды, то въ швейной пойдетъ такая суматоха, что страшно смотръть.

Бабушка успъвала всюду.

Она присматривала за работами, повторяла вмъстъ съ другими дебютантками балетные па, распъвала для ихъ удовольствія романсы и аріи, и устраивала ежедневно новыя забавы: то катанье по Невъ, то кавалькаду, то прогулку по сосновой рощъ за грибами, въ тихій, ароматный вечеръ. Во всъхъ этихъ parties de plaisir судьба какъ нарочно сводила ее съ Отто. Герой мой блаженствовалъ. Бабушка стала какъ-то серьёзнъе, задумчивъе. Она внимательнъе прислушивалась къ его наивной и вмъстъ пламенной ръчи, и не отвъчала уже на нее по-прежнему насмъшкой или звонкимъ смъхомъ.

Женщина пока не любить, созданіе неоконченное. Это мраморъ, вышедшій изъ рукъ художника. Но когда искра любви западеть въ ея сердце, она разбудить въ немъ всъ живыя струны; онъ сольются въ дивную гармонію, и эта гармонія найдеть отголосокъ во всей природъ. Какъ лира Орфея, она одушевить камни. Въ самомъ дълъ, когда мы любимъ, то все то, на что мы прежде не обращали вниманія, вдругъ пріобрътаетъ значеніе въ на-

шихъ глазахъ, облекается въ мысль, живетъ вмѣстѣ съ нами избыткомъ нашей жизни. Намъ сочувствуютъ — и лазурь небесъ, и тихій ропотъ волны, и ароматъ цвѣтка, и весь чудный міръ Божій. Слеза вызоветъ скорѣе изъ нашихъ очей отвѣтную слезу и на улыбку счастія откликнется все сердце.

Бабушка испытывала на себъ благодътельное вліяніе этой метаморфозы. И часто среди всеобщаго движенія и шума задумывалась она вмъстъ съ Отто, и его кроткій взглядъ встръчаясь съ огненными, черными очами бабушки, читалъ въ нихъ глубокое, теплое чувство...

— Я ошибался, думалъ Отто; она умъетъ любить; и все чаще и чаще засматривался онъ на бабушку.

Разъ какъ-то вечеромъ шла она одна по аллев. Вдругъ откуда не возьмись явился передъ нею Отто.

Не знаю о чемъ она думала, но при неожиданномъ появленіи Отто вздрогнула и остановилась.

- Я испугалъ васъ? спросилъ Отто.
- Не вы, а нечаянность.
- О чемъ вы думали?
- Ни о чемъ.

Бабушка сорвала вътку акаціи и принялась ощипывать листочки, приговаривая: oui, non, peut-étre, pour sur...

- О чемъ вы гадаете?
- О томъ удастся ли завтра нашъ балетъ.

Отто также сорвалъ вътку акаціи и принялся ощипывать ее.

- А вы о чемъ гадаете?
- Это моя тайна. Oui, non, peut-etre, pour sur, oui... non... видите какъ я несчастливъ!

Отто сорваль другую вътку, но онъ ощипываль листочки смотря на бабушку, пропускаль, и опять вышло нътъ.

 Ахъ вы не умъете, вы пропускаете листочки! сказала бабушка, —дайте я вамъ отгадаю.

Отто сорваль еще вътку и подалъ бабушкъ.

— Oui, non, peut-etre, pour sur, oui... видите?

Но Отто не видалъ ничего кромъ черныхъ глазъ бабушки и ея свъжаго, розоваго личика.

- Oui? повторилъ онъ машинально, наклонясь къ ея рукъ, державшей вътку.
 - Oui! повторила бабушка также безсознательно.
- Какое чудное слово! проговорилъ Отто. Глаза ихъ встръ-

тились. Во взглядѣ Отто сверкала какая-то чарующая сила. Бабушка хотѣла отвести отъ него глаза—нѣтъ силъ. Хотѣла что-то сказать — позабыла.

Отто прильнуль горячими устами къ ея рукъ, и прежде чъмъ бабушка успъла разсердиться, Отто обхватилъ ее одною рукой за талью, и ея уста противъ воли слились съ устами Отто, въ горячемъ, продолжительномъ поцълуъ.

- Баронъ! вскричала бабушка въ негодованіи.
- Простите. Я такъ люблю васъ! проговорилъ Отто и упалъ къ бабушкинымъ ногамъ.

Встарину было хорошо хоть тѣмъ, что за поцѣлуй платились колѣнопреклоненіемъ. Какъ жаль, что всѣ хорошіе обычаи старины выходять изъ моды!

- Любите? проговорила бабушка тихо. Ей и въ голову не приходило смъяться.
 - А вы? спросилъ Отто, не отвъчая на вопросъ.

Бабушка вмъсто отвъта вспыхнула и быстръе стрълы побъжала по аллеъ, оставивъ Отто въ его почтительной позъ.

VI. Confirme and the

and the management of the territorial and a series of the series of the

Наконецъ настало 5-е іюля.

Я не стану описывать вамъ ни поздравленій виновнику торжества, ни шумнаго объда, ни костюмовъ и разговоровъ тогдашняго времени. И безъ нихъ уже довольно описаній въ моемъ сказаніи. Въ семь часовъ освътили театръ, и гости размъстились въ партеръ. Въ этотъ день въ первый разъ были на мызъ два англичанина — вояжера, пріъхавшіе посмотръть Петербургъ, и познакомиться съ русскими.

Дъдушкъ особливо хотълось блеснуть передъ ними.

Онъ еще наканунъ сказалъ бабушкъ:

— Смотри, Маша! Какія у тебя къ завтрему затви— не знаю, только надо, чтобъ онъ удались. Пусть англичане разскажуть дома какъ веселятся русскіе. Они затвиъ и пріъхали, чтобъ посмотръть на наше житье-бытье, и потомъ разсказать, а можетъ и написать, что мы за люди.

Послъ того не мудрено что бабушка хлопотала за кулисами

не безъ сердечнаго трепета. Каждый бантикъ, каждая ленточка и на ней и на ея подругахъ были пересмотръны и переколоты въ двадцатый разъ.

Предъ начатіемъ увертюры, всѣ дебютанты собрались въ общей залѣ.

Бабушка какъ-то тревожно смотръла на Отто. Правда, что на репетиціяхъ онъ танцовалъ какъ не надо лучше, но на репетиціяхъ не было безчисленнаго множества глазъ, устремленныхъ ненодвижно на дебютанта.

Были только снисходительные домашніе зрители, и бабушка почти раскаивалась въ своей необдуманной прихоти.

Сильно вздрогнуло въ ней сердце, когда раздался первый аккордъ увертюры, и глаза ея устремились на Отто почти съ умоляющимъ выраженіемъ. Увертюру проиграли и завъса взвилась.

Балетъ, аранжированный и поставленный Эмилемъ, принадлежалъ къ числу тъхъ легкихъ произведеній, которыя сочиняются исключительно для домашней сцены. Каждое па, каждый жестъ отличались безукоризненно строгимъ приличіемъ и отсутствіемъ жизни.

Его очень легко могли бы разыграть автоматы, одътые въ костюмы, соотвътствующіе ролямъ. Бъдность сюжета прикрывалась роскошью обстановки, красивыми костюмами, а главное личностью самихъ дебютантовъ. Каждый изъ нихъ возбуждалъ интересъ въ зрителяхъ, потому что подвергался ихъ суду добровольно, pour leur bon plaisir.

При поднятіи завѣсы, какъ слѣдуетъ, раздались громкіе аплодиссменты, прежде даже чѣмъ публика успѣла разсмотрѣть чему апплодируетъ.

Но аплодиссменты еще усилились, когда Отто, игравшій охотника, заблудившагося въ лѣсу, вышелъ изъ-за деревьевъ и началъ выражать свое отчаяніе очень ловкими глиссадами и граціозными жестами. Зрители, часто веселившіеся въ ротондъ, никогда не видали Отто танцующимъ. Сюрпризъ былъ слишкомъ неожиданъ, и потому восхитилъ всѣхъ. Отто былъ чудно хорошъ.

Высокій, стройный, въ богатомъ костюмъ, при яркомъ освъщеніи, съ своими волнистыми кудрями и дътски-задумчивымъ лип'емъ—онъ вызывалъ сочувствіе каждымъ взглядомъ, каждымъ жестомъ и за каждымъ взглядомъ слъдили изъ-за кулисъ чьи-то огненные черные очи.

Все шло хорошо. Отто окончилъ глиссады, и видя, что отча-

яніе не выведеть его изъ лѣса, рѣшился отдаться на волю судьбы, и какъ ни въ чемъ не бывало, улегся подъ деревомъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. На сцену выпорхнули граціозныя нимфы, и увидѣвъ спящаго охотника, принялись за такія же глиссады, какими Отто выражалъ отчаяніе. Отто забрался въ лѣсъ, посвященный Діанѣ, гдѣ богиня очень любила прогуливаться, и по законамъ богинь, дерзкаго смертнаго должно было постигнутъ неминуемое наказаніе. Но спящій охотникъ былъ такъ милъ, что у нимфъ, порхавшихъ вокругъ него недоставало духу предать его на жертву справедливому гнѣву своей повелительницы, и онѣ совъщались между собою что имъ дѣлать.

Вдругъ сама Діана, въ газовой робъ, усъянной серебряными звъздами, съ колчаномъ и лукомъ за плечами, съ роскошными черными кудрями, разсыпавшимися изъ-подъ брилліантовъ, сверкавшихъ на чудной головкъ, вылетъла на сцену, и ее привътствовалъ оглушительный громъ рукоплесканій. Всъ глаза впились въ нее, и даже одинъ изъ англичанъ, сидъвшихъ подлъ прадъдушки, повернулся на стулъ и произнесъ торжественное: «Го!» звукъ, въ которомъ, какъ извъстно, сливается для англичанина выраженіе всъхъ чувствъ, которыя у другихъ образованныхъ націй выражаются словами и различными междометіями.

Діана остановилась предъ охотникомъ и съ любопытствомъ устремила взоръ на простаго смертнаго. Подъ могущественнымъ вліяніемъ этого взора, онъ, разумѣется, проснулся, всталъ и остолбенѣлъ. Но тутъ-то и вышла бѣда. Изумленіе должно было продолжаться не болѣе минуты, зачѣмъ слѣдовали опять пируэты и глиссады, но Отто остолбенѣлъ не для роли, а въ самомъ дѣлѣ. Діана была соблазнительно хороша. Зала дрожала отъ аплодисментовъ. Отто видѣлъ, чувствовалъ, какъ впивались въ нее огненные взгляды. Партеръ, люстры, лѣсъ, зрители, все запрыгало предъ нимъ. Онъ позабылъ па́, забылъ гдѣ находится, и стоялъ какъ очарованный... Бабушкѣ стало какъ-то неловко. Она вспыхнула. Отто прочелъ уже не поддѣльный гнѣвъ на лицѣ богини, опомнился и съ отчаяннымъ усиліемъ сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, но неловкимъ движеніемъ зацѣпился за картонное дерево и упалъ!

Бъдный Отто! Ты упалъ также и во мнъніи бабушки. Свътская женщина проститъ скоръе злость, нежели неловкость, и особенно неловкость компрометирующую ее.

Отто ушибъ ногу. Онъ всталъ и хромая сдълалъ шагъ въ

передъ. Между зрителями распространилась тревога. Прадъдушка торопливо пришелъ на сцену. Отто окружили. Не смотря на свое дътское простодушіе, онъ былъ довольно лукавъ. По собственному вдохновенію, онъ сообразилъ въ одну минуту, что только страданіе можетъ искупить его отъ смъшнаго, и захромалъ такъ какъбудто вывихнулъ ногу. Его отвели въ его комнату, уложили въ постель, послали за докторомъ Эмиль могъ-бы замънить Отто на сценф, но прерванное представленіе не возобновлялось, потомучто этотъ несчастный случай, какъ его назвали, —какъ-то тягостно подъйствовалъ и на актеровъ, и на зрителей.

Ничего не можетъ быть непріятнъе прерваннаго веселья. Всъ разбрелись въ разныя стороны, и театръ опустълъ. Гости разсъялись и по саду, и въ комнатахъ. Бабушка, перемънивъ костюмъ Діаны на бальный нарядъ простой смертной, хлопотала всъми силами, чтобъ устроить что-нибудь и возстановить гармонію нарушеннаго празднества. Но ни что не клеилось.

 М-г Эмиль, сказала она наконецъ въ совершенномъ отчаяніи, помогите же мнъ какъ-нибудь занять ихъ.

Эмиль поклонился и исчезъ. Онъ также приготовилъ сюрпризъ, и этотъ сюпризъ какъ нельзя болъе пришелся кстати.

Вечеръ былъ теплый, ароматическій. Многіе изъ гостей остались на террасъ. Вдругъ яркая огненная змъйка проръзала густую мглу, взвилась подъ небеса и разсыпалась блестящими двъздами.

 Фейерверкъ! раздалось на террасъ, и на это восклицаніе всъ бывшіе въ комнатахъ высыпали въ садъ.

За первою ракетой слѣдовала другая, потомъ третья и т. д. Онѣ разсыпались разноцвѣтными огнями. Во всѣхъ направленіяхъ сада замелькали фонарики. Ротонда какъ-будто по мановенію волшебнаго прутика вдругъ освѣтилась. Передъ нею на лугу ярко вспыхнулъ щитъ и въ немъ вензель хозяина.

Звуки бальной музыки, которые неслись изъ ротонды, обаятельно приглашали всъхъ къ веселью.

Бабушка первая порхнула въ нее, а за нею вся молодежь, жаждущая наслажденій, и всъ старики, наслаждающіеся уже чужою жизнію. Прерванное пиршество разгорълось еще съ большею силою. Страждущій Отто быль забыть.

- M-г Эмиль, сказала бабушка, какая прекрасная мысль пришла вамъ устроить этотъ фейерверкъ! Безъ него мы процали бы.
 - Я хотълъ отмстить вамъ великодущіемъ.

- " A "Ba TTO?" porters and from the second and the Destrict vince of a second
- За вашу... прихоть!
- За какую? немущения выполнять на принципальной положения
- Зачъмъ вамъ непремънно хотълось, чтобъ Отто танцовалъ въ балетъ?
- Затъмъ, чтобъ пріучить его немножко къ свъту.
- Вотъ видите: вы отняли у меня удовольствіе, на которое я расчитывалъ. Это было жестоко съ вашей стороны. Я могъ бы жаловаться, но я знаю, что съ вами жалобы напрасны. Могъ бы отмстить, но я не мстилъ, потому-что кто же ръшится мстить вамъ?

Но судьба справедлива: она вознаградила меня.

- Вы очень рады, что Отто упаль?
- Душевно. Я былъ увъренъ, что такъ не обойдется.
 - Отчего?
- Оттого, что это невозможно, чтобъ онъ не оробълъ на сценъ. Можетъ быть, все кълучшему. И со мною, пожалуй, было бы тоже, что съ нимъ.
 - Почему? подарт этому выдоственной почети поверой замен.
- Потому, что кто-жъ не упадетъ къ вашимъ ногамъ, когда засмотрится на васъ какъ Отто?

Бабушка засмъялась.

Долго еще пировали въ этотъ вечеръ на мызъ, и много подобныхъ комплиментовъ было сказано и выслушано.

Что творилось въ бабушкиномъ сердцѣ—неизвѣстно, но когда праздникъ кончился и она сбросила съ себя бальный нарядъ, ей стало какъ-то тяжело и грустно. Она спала тревожно всю ночь. Ей снилось, что она вышла замужъ за Отто. На мызѣ музыка, освѣщеніе. Гостей бездна и всѣ поздравляютъ, всѣ желаютъ ей счастія, но между тѣмъ у всѣхъ на лицѣ какая-то злобная, насмѣшливая улыбка. Начались танцы, и Эмиль подходитъ къ бабушкѣ.

- Нътъ, отвъчаетъ она, я пойду съ Отто, но ея безпокойный взоръ напрасно ищетъ мужа. Отто нътъ.
 - Гдъ же онъ? спрашиваетъ она у кого-то.

Учится танцовать! отвъчаютъ ей хоромъ нъсколько голосовъ, и вслъдъ за этимъ отвътомъ во всъхъ концахъ залы раздался громкій смъхъ.

Бабушкъ стало страшно даже и во снъ. Она проснулась и

осмотрълась вокругъ. Все было тихо. Только первый свътъ зари заглянулъ въ ея комнату и разрисовалъ ее фантастическими очерками. Бабушка долго глядъла на пиръ и долго мечтала. Тишина, разсвътъ борящійся съ мракомъ, высокія деревья, качающіяся предъ окномъ, и какое-то особенное настроеніе сердца перенесли ее далеко отъ роднаго края, въ сторону, которую часто описывалъ ей Отто.

И нарисовались предъ нею другое небо, другія лица, другія картины.

Въ высокихъ горахъ Богеміи стоитъ уединенный, древній замокъ, свидѣтель многихъ событій, многихъ сценъ. Вокругъ этого замка все безмолвно и пусто.

При взглядъ на его готическія башни, на высокія бойницы, на запущенный паркъ, окружающій его, какъ-то легко становится на сердцъ. Человъкъ забываетъ себя, свой эгоизмъ, и читаетъ въ камняхъ и деревъ увлекательную повъсть давно минувшаго. Древность красноръчива: въ ней все мысль и чувство... Бабушка засмотрълась на замокъ и поддалась впечатлънію, производимому имъ.

Ей представился вечеръ тихій, упоительный, безмолвный. Золотое солнце, догорая, озаряєть какъ лучами славы гербъ Гейденберговъ. Какъ хорошо, какъ отрадно на душъ подъ этими высокими сводами, въ этихъ залахъ, убранныхъ, не бархатомъ и бронзой, а почернъвшимъ дубомъ и сталью заржавъвшихъ оружій... и пожны этой обстановки—Отто съ своими голубыми какъ небо очами, кроткій и задумчивый. Бабушкъ стала понятна другая жизнь, другія стремленія.

Разсвъло. При яркихъ потокахъ свъта, вливающихся въ окно, поблъднъли и исчезли ночныя грезы. Бабушка вспомнила, что ее ждеть еще грядущій день, и забыла и Богемію, и замокъ.

— Какъ жаль, что онъ такой дикарь! проговорила она, —вздохнула еще разъ, и ея утомленная головка опустилась на подушку, и черныя кудри утонули въ волнахъ кружева.

На другой день Отто не вышелъ изъ своей комнаты: Его приходили навъщать, посылали освъдомиться о его здоровьъ. Эмиль провелъ подлъ его постели цълый часъ, расточая любезность и остроуміе. Но Отто было не легче. Прожить цълый день, не видя бабушки, въ одномъ домъ съ нею; знать, что она въ это время веселится, смъется, что она счастлива—это такая пытка, противъ которой не устоитъ никакое терпъніе. Отто напрасно цълое утро прождалъ посланнаго отъ нея. Впрочемъ когда прохлада выманила большую часть гостей въ садъ, онъ имълъ удовольствіе видъть, какъ бабушка гуляла по знакомой ему аллев вмъстъ съ Эмилемъ. Отто ожидалъ отъ нея больше участія. Онъ съ утра уже былъ въ раздраженномъ состояніи. Положимъ, думалъ онъ,—она не можетъ прислать прямо отъ своего имени, не компромет ируя себя; но кто любитъ, тотъ найдетъ тысячу средствъ: она могла бы послать книгу, какую нибудь бездълку, которая сказала бы мнъ, что я еще не забытъ. Долго стоялъ Отто у окна и смотрълъ на бабушку. Много различныхъ чувствъ кипъло въ его сердцъ, много думъ серьезныхъ и грустныхъ пролетъло надъ этой юной головою.

Когда онъ отошелъ отъ окна, лице его было спокойно, но на другой день, когда онъ вошелъ въ гостиную, слегка хромая, никто не узналъ бы въ немъ вчерашняго мечтателя, такъ безстрастенъ и холоденъ былъ его взглядъ.

При входъ его въ гостиную, всъ, кто въ ней были, подошли къ нему съ участіемъ. Прадъдушка заботливо распрашивалъ его не рано ли онъ всталъ, не повредитъ ли движеніе его ногъ.

Прабабушка, услышавъ его голосъ, пришла въ гостиную и съ радушіемъ высказала свое сожальніе о случившемся. Даже мадамъ Бреби обрадовалась увидя его, и съ вътренностью француженки воскликнула отъ чистаго сердца:

- Ah, mon cher baron, n'est ce pas vous ne danserez plus?

Только бабушка, болтавшая о чемъ-то у окна съ двумя пріятельницами, не перемѣнила позы и не прервала веселаго разговора.

Отто подошелъ къ ней и низко поклонился.

promise for an area series of other control of

 А, баронъ, вы выздоровъли? Это очень пріятно видъть, сказала бабушка съ худо скрытою иронієй.

Отто промолчалъ и отошелъ отъ нея.

VII.

Много еще дней тяжелыхъ и грустныхъ прошло для Отто.

На мызъ все было по-прежнему: и прогулки, и катанья, и всъ parties de plaisir. Но онъ ужъ какъ-то не соединяли ни бабушку, ни Отто. Злобный геній пролетъль надъ ними и убилъ ихъ зараждающееся счастье. Впрочемъ страдалъ ни одинъ Отто. Бабушка продолжала по-прежнему и шутить, и смъяться, только въ ея веселости не было какъ-то прежняго одушевленія: она уже не была такъ заразительна какъ прежде, не увлекала. И часто въ ея смъхъ раздавалась какая-то бользненная, фальшиво-звучащая нота. Порою она вдругъ задумывалась, какъ будто на нее внезапно слетала какая нибудь новая, незнакомая прежде мысль, но это были мгновенія. Бабушка не любила поддаваться ихъ вліянію. Только вечеромъ, когда она приходила въ свою комнату, то долго стояла у окна и смотръла задумчиво на блъдный мъсяцъ, на небо и на тихо-качающіяся деревья... И въ эти-то часы самопознанія она поняла, что любила Отто сильнъе, нежели воображала. Въ ней было много чувства, и оно тлъло подъ пепломъ. За то если вспыхивало, то разгоралось яркимъ пламенемъ и жгло, а не гръло.

Что мъщало ей опять съ двъренностью обратиться къ Отто?

Она сознавала, что была виновата предъ нимъ. Съ самой той минуты какъ Отто въ несчастномъ балетъ упалъ къ ея ногамъ, бабушка не нашла для него ни одного ласковаго слова, ни одного свътлаго взгляда. Сначала это было слъдствіемъ досады; потомъ досада прошла, но безстрастіе Отто возбудило въ бабушкъ справедливый гнъвъ.

Ее очень удивило, что отъ ея холоднаго, ледянаго взора онъ не только не падалъ въ обморокъ, но отражалъ его точно такою же убійственною холодностью.

 О, его надо наказать! подумала бабушка, и принялась кокетничать съ Эмилемъ.

Но Отто даже и не замътилъ этого. Онъ вдругъ какъ-то сдълался развязенъ, веселъ и находилъ удовольствие въ бесъдъ со всъми кромъ нее.

Бабушку это немного смутило. Она догадалась, что зашла дальше нежели хотъла, и начала понимать этотъ характеръ... И

вотъ почему задумывалась она вечеромъ, вотъ почему утромъ просыпалась она съ сомнъніемъ и боязнію.

Но ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы она сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Она любила въ первый разъ и не знала, что сокровище любви очень надо хранить. Она вѣрила въ свою звѣзду и воображала, что на ея долю у жизни еще много счастія.

 Онъ гордъ, но онъ любитъ! думала бабушка, рано или поздно онъ первый подастъ мнъ руку.

Но она ошиблась.

Мало по малу гости разътхались. На мызт стало тише. Больше было свободныхъ часовъ, больше случаевъ къ примиренію, а Отто не являлся къ бабушкинымъ ногамъ съ повинною головой. Онъ прехладнокровно болталъ по цтлымъ часамъ у мадамъ Бреби, учился у прабабушки шить въ тамбуръ, разговаривалъ порусски съ Анною Власьевной, и когда все это надотдало ему, уходилъ въ свою комнату, а вечеромъ отправлялся гулять одинъ, или садился за фортепьяно и игралъ такъ, что вст заслушивались.

Однажды послъ объда бабушка, Эмиль, мадамъ Бреби и Отто гуляли въ саду. Бабушка была какъ-то веселъе обыкновеннаго. Она безъ умолку болтала съ Эмилемъ и смъялась. Върно ей не нашутку было грустно.

M-г Эмиль, сказала она вдругъ, остановясь предъ большимъ прудомъ, въ которомъ одиноко качался челнъ, привязанный къ дереву: хотите кататься?

И не дожидаясь отвъта прыгнула въ челнъ.

- Веселъ нътъ, отвъчалъ Эмиль.
 - Помилуйте, онъ должны быть гдъ нибудь недалеко.

Эмиль принялся искать весла.

Мадамъ Бреби встми силами вооружилась противъ этой внезапной прихоти. Она смертельно боялась воды. Бабушка, на вст ея убъжденія, отвъчала смъхомъ, и, стоя въ челнокъ, качала его во вст стороны, какъ избалованный ребенокъ, которому весело, что онъ можетъ возбудить страхъ за себя. Вдругъ сильнымъ движеніемъ челнъ совершенно наклонился на бокъ. Бабушка потеряла равновъсіе, и чтобъ не упасть, схватилась за вътвь дерева, но она выскользнула изъ ея рукъ, челнокъ перевернулся, и бабушка упала въ воду.... Мадамъ Бреби громко закричала. Эмиль бросился со всъхъ ногъ къ дому звать на помощь. Только Отто не потерялся. Онъ однимъ скачкомъ очутился въ пруду до плечъ въ водъ, схватилъ бабушку за талью и благополучно вынесъ на берегъ.

Отъ испуга лишилась она чувствъ. Мадамъ Бреби хлопотала около нее, но совершенно безуспъшно, потому что сама перепугалась не меньше бабушки. Къ счастію прибъжалъ Эмиль съ людьми. Первая за нимъ поспъшила Анна Власьевна, разумъется не затъмъ, чтобъ спасать утопающую, а просто съ сильнаго переполоха. Увидъвъ бабушку, лежащую на травъ безъ чувствъ, и мадамъ Бреби въ суетахъ около нея, Анна Власьевна, отправилась обратно въ домъ и привела цълую фалангу горничныхъ, съ одеколономъ, спиртами и ножницами.

И соединенными стараніями бабушка наконецъ пришла въ себя и открыла глаза.

Она взглянула на всъхъ окружающихъ ее и увидъвъ Отто, молча подала ему руку. Отто поцъловалъ эту холодную, маленькую ручку, но на взглядъ бабушки, наполненный пламенной благодарности, и который прежде восхитилъ бы его до глубины души, отвъчалъ своимъ спокойнымъ, безстрастнымъ взглядомъ.

Съ бабушкой сдълалась лихорадка. Ее закутали въ мантильи, увели въ комнату и уложили въ постель. Прабабушка, провъдавъ о случившейся бъдъ, переполошила весь домъ. Двое гонцовъ поскакали за докторами, а Анна Власьевна, во всъхъ чайникахъ, какіе только попались ей подъ руку, приготовила малины, бузины и прочихъ домашнихъ лекарствъ, и уставила ими столикъ передъ бабушкиной постелью. Мадамъ Бреби съла подлъ кровати и черезъ каждыя пять минутъ обращалась къ бабушкъ съ фразой:

- Chère enfant, encor une tasse de tisane:

Бабушка черезъ часъ была совершенно здорова. Иснугъ прошелъ, а вмъстъ съ нимъ и лихорадка. Ей нетерпъливо хотълось встать. Но при первомъ покушени ея подняться съ постели, ма дамъ Бреби оказала ръшительное сопротивление.

Векорѣ на помощь ей явились прабабущка и докторъ. Нослъдній прописаль микстуру и объявиль, что раньше трехъ дней нельзя и подумать встать съ постели.

Лежать въ постелъ въ совершенно здоровомъ состояніи, настоящая пытка, даже и не для такого характера какъ бабушкинъ. И однако она покорилась ей за совершенною невозможностью поступить иначе

На третій день вечеромъ она печально смотръла на голубое небо и на золотое солнце, которое какъ будто нарочно сверкало ярче обыкновеннаго. Бабушка думала объ Отто. Она устала уже бороться съ своимъ капризнымъ сердцемъ и нетерпъливо желала примириться.

Еслибъ она могла, она вылетъла бы какъ птичка изъ своей темницы, отыскала бы Отто, и словами полными чувствъ высказала бы ему все, что лежало у нея на сердцъ. Но мадамъ Бреби, какъ неумолимый тюремщикъ, сидъла у ея постели и не давала ей даже пошевелиться, не только привести въ исполнение ея пламенныя мечты.

Вдругъ растворилась дверь и вошла Анна Власьевна со связ-

- Лучше ли вамъ, Марья Сергъевна? спросила она.
- Да, я давно здорова, отвъчала бабушка, вольно же вамъ было уложить меня въ постель на три дня.
- Ну, оно все-таки не мъщаетъ! А ужъ какъ нашъ баронъ дожидается, чтобъ вы выздоровъли!
- Въ самомъ дълъ? спросила бабушка облокотясь на подушку и ожидая съ любопытствомъ продолженія разговора.
- Да, даже сорванецъ-то этотъ Эмиль разъ пять приставалъ: «А что Аннь Власъ, мамзель Мари скоро будетъ здоровъ? мой другъ, баронъ, проститесь кочетъ!
- Какъ простить? сказала бабушка въ недоумъніи.
 - Ну, да, это по его значитъ проститься хочетъ.
- Зачъмъ? едва выговорила бабушка, поблъднъвъ какъ полотно.
- Да въдь онъ ъдеть въ свою сторону. Еще вчера сказалъ Сергъю Петровичу. Сегодня цълый день для него хлопотали. Анастасья Ивановна велъла чуть ли не на цълый день наготовить ему въ дорогу разнаго печенья. Степанъ ужъ и вещи его уложилъ. А право жаль какъ кто изъ дому уъзжаетъ... привыкнешь, что ли къ нимъ! Все какъ-то скучно. И то сказать, баронъ-то не чета французу: такой былъ ласковый, смирный и щедрый какой...

Но бабушка ничего уже не слыхала.

Когда Анна Власьевна вышла изъ ея комнаты, удерживаемыя слезы хлынули ручьемъ.

Мадамъ Бреби перепугалась.

- Что съ вами, mon enfant? проговорила она въ испугъ.
- Вы слышали, онъ тдетъ! отвтчала бабушка рыдая.
- Кто ъдетъ?
- Отто! Ахъ вы ничего не понимаете, мадамъ Бреби.
- Я понимаю, что баронъ вдеть, но вы-то о чемъ плачете?
- Вотъ видите, что вы ничего не понимаете, мадамъ Бреби. Онъ не долженъ ъхать, онъ не уъдетъ, неправда ли?

Я хочу его видъть сейчасъ же, сію минуту, прибавила бабушка, покушаясь встать съ постели.

Мадамъ Бреби начала догадываться въ чемъ дѣло. Она пристально посмотрѣла на свою воспитанницу и грустно покачала головою.

— Когда жъ она успъла влюбиться? подумала мадамъ Бреби. Много труда стоило ей уговорить бабушку не вставать съ постели. На другой день чуть только разсвъло, бабушка, не смыкавшая глазъ всю ночь, тихонько встала, надъла бълый пеньюаръ, причесала свои черные волосы, закуталась въ мантилью и осторожно вышла изъ комнаты. Всв въ домъ еще спали. Бабушка сошла въ садъ и медленно пошла по той аллев, гдв еще такъ недавно почти призналась Отто въ любви. Утро было свъжее, ароматическое. На бархатъ травы дрожали брилліантовыя капли. Птички уже начинали чирикать въ кустахъ. Цвъты приподняли утомленныя головки и раскрыли благоухающія чашечки. Бабушка залюбовалась красотою утра и задумчиво шла по аллев. Вдругъ на противуположномъ концъ изъ-за деревьевъ мелькнулъ черный кафтанъ Отто. И онъ также не спалъ всю ночь. Общая обоимъ мысль привела ихъ въ эту аллею. Отто увидъвъ бабушку пошелъ скоръе. Она, напротивъ, остановилась.

— Баронъ, сказала она, на его почтительный поклонъ, вы ъдете? Правда ли это?

И яркій румянецъ покрылъ ея бліздныя щеки.

 Сегодня, отвъчалъ Отто съ грустью; я нетерпъливо ожидалъ когда вы выздоровъете, чтобъ проститься съ вами.

Бабушка замолчала и въ замъшательствъ ощинывала какую-то несчастную вътку, попавшуюся подъ руку.

- Зачъмъ же вы ъдете? проговорила она наконецъ дрожащимъ голосомъ. Вы соскучились у насъ?
- Избави Богъ, отвъчадъ Отто. Здъсь, въ этомъ домъ, въ этомъ

саду провель я лучшіе часы моей жизни, и всегда буду вспоминать о нихъ съ удовольствіемъ.

— Зачъмъ же превращать удовольствіе въ воспоминаніе. Останьтесь! проговорила она чуть слышно.

Отто посмотрълъ на нее съ глубокимъ уныніемъ.

— Я была виновата предъ вами, баронъ, простите меня, прибавила бабушка, подавая ему руку.

Отто ноцъловалъ съ жаромъ ея руку и даже горячая слеза канула на нее.

- Вы останетесь, вы не увдете, неправда ли?
- Нътъ, я увду, проговорилъ Отто печально но съ твердою ръшимостью.

Бабушка задрожала.

- Вы не уъдете! повторила она съ отчаяніемъ, потому-что... я люблю васъ!
- Благодарю, отвъчалъ Отто, за это слово, я вамъ прощаю все, что вытерпълъ, —но вы обманываетесь, вы не любите меня! Мы не увидимся долго, можетъ быть никогда. Хотите ли выслущать меня въ послъдній разъ безъ гнъва, и потомъ... простить и забыть!

Бабушка кивнула головою въ знакъ согласія и прислонилась къ дереву.

— Вотъ видите, сказалъ Отто, я прівхалъ сюда ребенкомъ, а уважаю человъкомъ. Я вамъ много обязанъ. Кто не бывалъ въ женскомъ обществъ, тотъ еще далеко не кончилъ своего образованія. Я любиль вась всею душою, любиль такъ, какъ сильнъе невозможно любить... но я былъ профанъ въ жизни. Я воображалъ, что на голосъ чувства непремънно должно откликнуться чувство въ женскомъ сердцъ. Я былъ слишкомъ самонадъянъ, слишкомъ самолюбивъ. Чего бы не далъ я, Боже мой, какой жертвы не принесъ бы я, за дерзкую мечту о взаимности! Я показалъ вамъ образчикъ, неудачный, правда, но тъмъ не менъе онъ былъ тягостною жертвой, принесенною вашей прихоти. Вы оттолкнули сердце, любящее васъ... я много страдалъ тогда, а вы находили удовольствіе въ томъ, чтобъ мучить меня, жечь на медленномъ огнъ. Тогда я началъ размышлять. Въ послъдніе дни я сдълалъ много открытій. Я узналъ, что я чудакъ, воспитанный не такъ какъ другіе, съ особенными понятіями, а потому и съ особенными условіями въ отношеніи къ счастью. Я привыкъ смотръть на жизнь слишкомъ серьозно. Для меня чувство не пустой звукъ, мысль не пустая фраза. Мало по малу я дошелъ до сознанія, что мы не созданы другъ для друга. Моя любовь восторженная и пламенная, не дастъ вамъ никогда счастія, потому что если я отрекусь отъ моихъ убъжденій, если я надъну на себя маску и буду дъйствовать вопреки моимъ понятіямъ, вы первая разлюбите меня, вы не будете чувствовать ко мнв ничего кромв презрънія, потому что можно ли уважать человъка, который за одинъ взглядъ прекрасныхъ глазъ готовъ отречься отъ самаго себя? Если же, напротивъ, минутное великодушіе увлечеть васъ, и вы согласитесь послъдовать за мною въ мою Богемію, если вы забудете всъ удовольствія, весь блескъ, который окружаетъ васъ здъсь и попробуете найти счастіе въ тихой и уединенной домашней жизни, въ обязанностяхъ простыхъ, но строгихъ, вы раскаитесь. Вы не такъ привыкли смотръть на жизнь, не такъ привыкли понимать ее. И Богъ знаетъ, кто изъ насъ двоихъ будетъ сильнъе страдать тогда. Вотъ почему я ръшился уъхать. Вы созданы для свъта, для увлеченія и удовольствій, я для жизни простой, но полезной. Повърьте, мнъ не легко было убъдить себя въэтомъ. Я сохраню надолго свътлое воспоминание о васъ. Вы превратили меня изъ ребенка въ человъка!»

Отто кончилъ. На глазахъ бабушки блистали слезы. Она призвала на помощь всъ силы, чтобъ скрыть впечатлъніе, произведенное на нее словами Отто. Оба молча пошли по аллеть къ дому. Между тъмъ вездъ начали просыпаться жизнь и движеніе. Въ домъ многія окна были уже растворены. Громче запъли птички, привътствуя ясный день, и солнце съ любовью разсыпало потоки золота на деревья, на траву, на всю оживающую природу... Казалось, все съ наступленіемъ такого роскошнаго дня говорило о счастьт, а каково-то было на сердцъ у бабушки?

Вечеромъ они разстались среди громкихъ и шумныхъ привътствій напутственныхъ желаній, разстались оба съ улыбкою. Но когда тройка, умчавшая Отто скрылась изъ вида, и бабушка почувствовала, что чудный сонъ любви, которымъ жила она такъ недолго и такъ неполно — исчезъ невозвратно, она пришла въ свою комнату и часа два рыдала неумолкно.

Характеръ ея значительно перемънился. Она стала гораздо серьознъе. Всъ удивлялись этой перемънъ и замътили, что она произошла со времени отъъзда Отто.

— Что тутъ удивительнаго, матушка, толковала иногда Анна Власьевна прабабушкъ: я вамъ говорила, что сглазятъ, вотъ и вышло по-моему.

Прошло много, много лътъ. Бабушкино сердце упорно сохранило память объ Отто. Послушайся онъ ея убъжденій остаться, она на другой же день разлюбила бы его. Никто не цънитъ высоко того, что достается слишкомъ дешево. Но геройская ръшимость Отто и его отсутствіе живо подъйствовали на бабушку. Эта ребяческая любовь, начавшаяся среди веселья и смѣха, разгорълась среди уединенія и размышленія, подъ поэтическимъ покровомъ воспоминаній. У бабушки было много жениховъ, но она не смотря ни на какія убъжденія, не вышла замужъ. Спѣшу прибавить, что если я зову себя ея внукомъ, то потому только, что она была сестра моего дъда, т. е. моя grande tante.

Отто уъхалъ въ Богемію. Въ послъдствіи онъ переселился въ Россію, вступиль въ русскую службу, и въ знаменитомъ 12-мъ году отличился въ рядахъ русскихъ воиновъ.

Судьба свела ихъ еще разъ въ жизни, но когда и какъ! Грустно вспомнить. Какъ перемънились они сами, какъ все вокругъ нихъ изъ чувствъ и мечты, изъ всъхъ сокровищъ юности превратилось или въ холодную насмъшку, или въ горькій урокъ!

Когда я былъ въ пансіонъ, то по праздникамъ всегда ходилъ къ моей бабушкъ. Она была уже старушкою и пріобръла нъкотораго рода извъстность своею оригинальностью.

Она сохранила всѣ понятія и привычки старины, не любила нынѣшняго вѣка, нынѣшняго образованія, нынѣшняго образа жизни и никакихъ нововведеній. Ея экипажъ, кучеръ и лошади славились своею древностью. Бабушка почти уже никуда не выѣзжала. Но если случалось такое торжественное событіе, то о немъ какъ объ эпохѣ, толковали въ домѣ еще наканунѣ, и за три часа до минуты выѣзда принимались закладывать экипажъ. Потомъ еще часа четыре продолжался бабушкинъ тоалетъ, и наконецъ когда торжественная колесница трогалась съ мѣста, и шагъ за шагомъ подвигалась впередъ по мостовой, прохожіе, засмотрѣвшіеся на этотъ антикъ, удыбались, увидѣвъ въ глубинѣ кареты напудренную старушку съ желтымъ, какъ будто выточеннымъ изъ кости, лицемъ. Только черные глаза еще говорили о присутствіи жизни. Она сидѣла всегда прямо, неподвижно, чтобъ не измять шелковой робы

Въ домъ ея все носило печать старины. Въ передней всегда дремали два лакея съдые и едва двигавшіеся. Мебель и убранство комнатъ напоминали прошедшее стольтіе. На стънахъ еще красовались миоологическія картины, на каминахъ фарфоровыя пастушки улыбались пастушкамъ, лежащимъ у ногъ ихъ. Я былъ тогда ребенкомъ, и все это чрезвычайно забавляло меня. Къ бабушкъ почти никто не ъздилъ. Я посвящалъ цълое утро воскреснаго дня на разсматриваніе разныхъ диковинокъ, которыя давно уже зналъ наизусть и которые все-таки привлекали меня своею оригинальностью. Особенно нравились мнѣ круглые столы на массивныхъ ножкахъ съ бронзовыми полосками, разрисованные квадратами, въ которыхъ были изображенія цвътовъ, лебедей, пейзажей и прочихъ интересныхъ предметовъ. Бабушка сидъла цълое утро въ диванной и вязала филе. Въ четыре часа входилъ съдой метрд'отель съ объявленіемъ, что кушанье подано, и мы торжественно отправлялись въ столовую. Объдали мы вдвоемъ, но объдъ продолжался долго съ строгимъ соблюдениемъ всъхъ китайскихъ церемоній. Послъ объда бабушка отправлялась часа два отдохнуть, а я забирался на антресоли и вознаграждалъ себя за скуку бестдою съ домочадцами, изъ коихъ каждый по своей древности заслуживаль любопытства какъ движущійся автомать.

Въ шесть часовъ освъщали гостиную. Бабушка садилась на диванъ и принималась за гранпасьянсъ. Я, подлъ нее, выръзывалъ лошадокъ и созидалъ великолъпныя зданія. Каждое воскресенье, ровно въ семь часовъ, съ удивительною точностью отворялись двери и входилъ старичекъ, такой же антикъ, какъ и бабушка, въ бъломъ галстухъ, завязаннымъ огромнымъ бантомъ.

Они садились играть въ пикетъ или въ мушку и играли долго съ самымъ серіознымъ вниманіемъ. Послъ чая игра уже не возобновлялась. Старичекъ начиналъ что нибудь разсказывать, иногда шутилъ, или помогалъ мнъ строить карточные домики.

Вообще въ немъ больше уцълъло признаковъ жизни нежели въ бабушкъ. Случалось иногда, что онъ подходилъ къ фортепьяно, бралъ нъсколько аккордовъ и дребезжащимъ голосомъ пълъ богемскія пъсни... я слушалъ его съ любопытствомъ, съ дътскимъ участіемъ, и когда онъ кончалъ, принимался распрашивать про его родину, про его минувшую жизнь, и старичекъ охотно предавался воспоминаніямъ.

Въ одиннадцать часовъ онъ вынималъ часы, смотрълъ на нихъ и разставался съ бабушкою до завтрашняго вечера.

Въ послъдствіи, когда ихъ не стало, когда я началъ болъе вникать въ жизнь и понялъ ихъ грустную повъсть, я часто припоминалъ себъ эти двъ фигуры стариковъ, двъ надгробныя статуи надъ могилою юности.

Неужели всъхъ насъ, читатель, ждетъ такое же превращение? Долго ли длится наша юность и долго ли въетъ она на насъ ароматомъ чувства и жизни!

И еще часто мы сами отталкиваемъ счастье, какъ будто не прійдется со временемъ пожальть и о немъ, и о себъ!

necestor tentrologico de Verro e estrator per estante en el compositorio. Orbertor deputado de la compositorio de la compositorio de la compositorio de la compositorio de la compositori Antanologico deputado de la compositorio della compositorio de la compositorio della composit

eliaje i radio premi aj kongriĝas ja do <u>rasadare ko</u>nstitutoj (1) (procenjoje de electrici

on afford from the entropy of the en

energen an Committee and Commi

ระบางการสามารถเกิดเกาะการสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถ เพลาะสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสามารถสาม

rotte en an area estado ana area de la proper a se encara en

2016

Consumption of the contraction o

валов, Долукоти на Разинии, Воты на Феррара, Висконти въ Миллив, Слада въ Пероив, Кистручно въ Луков, и други, окружали себи ученавия, художинсками, полгали. Въобие дъ Итали и

Въ втарторихъ отношеніяхь затем поэтеричась тике поличика и

Hotentann Ry P.D.

rossicoliti apyra apyra,

Hemopia u Tropia Beryeemaa

the continues in a man distriction of the

учения свои по упичина влания и перваи.

итальянская живопись

отъ ея начала до нынъшнихъ временъ.

якть инхъ не оставиль опени, о которомъ бы стоило

стоеки алкиления впо данняю вигониновног споку алка он вын Статья вторая. Во учена и

ковъ Джотто в другихъ, опо ветда лийли объльные заколи, хоти,

адинов за денфлорентинскіе художники ху въка. подсен вой -ын ратьог ризнов, ратьой этра, этранация плинава удальнай вой.

Въ 1406 году Флоренція утвердила господство своє надъ Пизою; это новое могущество доставило ей силу, и внушило желаніе прославиться также изящными искусствами. Въ то время страною правиль Іоаннъ Медичи, а спустя нъсколько лътъ (1416), послъ него, Косьма Медичи, прозванный отцемъ отечества. Онъ усердно покровительствовалъ всъмъ дарованіямъ. За нимъ слъдовали Лаврентій Великолъпный и другіе Медичи; всъ они имълитакое благодътельное вліяніе на науки и искусства, что XVI въкъ, въ честь ихъ, названъ въкомъ Медичей.

При дворъ Медичи собирались ученые и художники; тъ и другіе постоянно пользовались покровительствомъ этой фамиліи, и възамънъ воздавали ей обильным почести. Писатели прославляли ихъвъ сочиненіяхъ; художники представляли на картинахъ, словомъ, всъ хлопотали о томъ, чтобы фамилію Медичи возвести въ свътило, отъ лучей котораго получали новую жизнь науки и искусства. Этотъ живительный огонь быстро распространился повсюду.

Въ Италіи было множество богатыхъ и могущественныхъ фамилій, которыя властвовали надъ мелкими владъніями, и украшая ихъ, старались привязать икъ себъ хъ жителей. Въ нъкоторыхъ отношеніяхъ здъсь повторялась таже политика и тъже послъдствія, какъ и во времена Перикла. Полентани въ Равеннъ, Малатесты въ Римини, Эсты въ Ферраръ, Висконти въ Миланъ, Скала въ Веронъ, Кастручіо въ Луккъ, и другіе, окружали себя учеными, художниками, поэтами. Вообще въ Италіи и въ особенности во Флоренціи, граждане, раздъленные на общины, по кварталамъ или по званію, старались превзойти другъ друга, украшая свои публичныя зданія и церкви.

Личнаго тщеславія не существовало: то было тщеславіе цълыхъ общинъ или партій, къ которымъ гражданинъ принадлежалъ, потому что иначе ему невозможно было въ среднихъ въкахъ пріобръсти вліяніе и пользоваться имъ.

Кром'в знатныхъ фамилій, челов'вкъ отдъльно не им'влъ значенія; но какъ членъ товарищества, общины, онъ раздъляль власть и славу ея.

Это-то направленіе и увеличило число живописцевъ, — учениковъ Джіотто и другихъ; они всегда имъли обильные заказы, хотя ни одинъ изъ нихъ не оставилъ имени, о которомъ бы стоило здъсь упомянуть.

Мы видъли, что въ первомъ періодъ возрожденія, въ концъ XIII стольтія, художники старались дать болье жизни, болье выраженія тымь типамъ, которые перешли къ нимъ отъ предшествовавшихъ стольтій; они старались разширить поле живописи, изображая сюжеты съ большею свободою и ръшительностью.

Во второмъ періодъ, почти уже въ XV стольтіи, этотъ произволъ видимо развивается; самобытность художника становится съ каждымъ днемъ очевиднъе: онъ чувствуетъ свои возрастающія силы, но ему недостаетъ еще знанія формъ. Перспектива и свъто-тънь (clair-obscur), безъ которыхъ нътъ картины, еще не извъстны; зданія и фигуры не на мъстъ; едва замътны первыя попытки ракурса. Въ фигурахъ видно тщательное, почти безошибочное изученіе головы; нельзя того же сказать о корпусъ. Здъсь мало замътно знаніе тълесныхъ формъ, — анатоміи еще меньше. Вездъ видънъ недостатокъ движенія; но въ концъ XIV стольтія наступаетъ эпоха, въ которую полное изученіе природы, наконецъ, должно привести къ совершенному освобожденію искусства изъподъ ига прежнихъ преданій и школь.

Въ эту эпоху во Флоренціи статуи и барельефы стали украшать церковь Orsanmichele и другія зданія, посвященныя богослуженію. Тогда-же являются Донателло, Брунелески, Гиберти, Веррокіо, создавшіе изъ мармора, бронзы, серебра, произведенія столь изящныя и совершенныя, что ихъ долго никто не могъ превзойти.

Эти искусные художники передавали ученикамъ своимъ правила живописи съ такою послъдовательностью, что ихъ примъненіе легко переходило отъ одного искусства къ другому. Одинъ и тотъ же художникъ часто бывалъ въ одно и тоже время ваятелемъ, живописцемъ, литейщикомъ, золотыхъ дълъ мастеромъ, чеканщикомъ и архитекторомъ. Всъ моделировали, чтобъ понять и изучить формы. Къ этой цъли каждый стремился прежде всего, и вотъ причины, которыя породили удивительныя познанія во всъхъ отрасляхъ живописи.

Въ наше время, когда цълая жизнь человъка посвящена изученію одной какой-нибудь спеціальности, такое направленіе должно служить предметомъ зависти и удивленія!..

Замътимъ, что такая многосторонность способностей встръчается въ ту эпоху, когда произведенія по части архитектуры, скульптуры и живописи достигали размъровъ колоссальныхъ, и имъли значеніе, которыхъ мы не встръчаемъ ни въ одномъ изъ новъйшихъ созданій, исключая, быть можетъ, достопримъчательныхъ построекъ въ Мюнхенъ.

Въ наше время средства къ выполнению идей облегчены, и работы не такъ многосложны, со всъмъ тъмъ, искусство далеко не достигаетъ той степени совершенства, на которой оно стояло въ XVI стольтии.

Въ наше время одинъ и тотъ же архитекторъ не въ состояніи взяться за всъ роды зданій; историческій живописець не занимается пейзажами, не пишеть животныхъ; портретисть не можеть нарисовать религіозной картины; у каждаго теперь своя спеціальность. Въ XV стольтіи художникъ изучаль всъ роды искусства, и сверхъ-того многіе изъ нихъ занимались естественными и отвлеченными науками: философіею, физикою, медициною и поэзіею.

Четырнадцатое и пятнадцатое стольтія ознаменованы двумя великими усовершенствованіями: въ XIV-мъ открыты правила линъйной перспективы, а въ XV-мъ созданы правила свъто-тъни.

Говорять, что Пьетро-де-ла-Франческо и Брунелески первые вновь отыскали методу грековъ прилагать геометрію къ живо-писи. По словамъ Вазари, Брунелески открылъ способъ снимать планъ и разръзъ строенія посредствомъ пересъченія линій, т. е. другими словами, онъ открылъ линъйную перспективу.

Ошибочно было бы полагать, что древніе знали правила перспективы и что они примъняли ихъ при всякомъ удобномъ случаъ, какъ это дълается въ математическихъ формулахъ.

Древнее искусство въ этомъ существенно отличается отъ новъйшаго. Въ расположени группъ и фигуръ, живопись древнихъ приближалась къ барельефамъ, подражала древней сценъ; всъмъ извъстно, что греческая сцена не имъла углубленій; дъйствіе происходило на одномъ планъ; у насъ на оборотъ: театръ долженъ быть глубокъ, потому что перспектива чрезвычайно много способствуетъ оптическому обману.

Павзаній оставиль весьма подробное описаніе двухъ картинъ Полигнота (360 л. до Р. Х.), которыя находились въ Дельфахъ; онъ представляли эпизоды изъ взятія Трои, и были написаны подъ портикомъ храма. Передавъ это описаніе въ очеркахъ, получили убъжденіе, что перспектива древнихъ не представляла горизонтальнаго плана; ихъ перспектива возвышалась такъ быстро на заднемъ планъ, что фигуры, которыя должны были быть представлены одна за другою, казались одна надъ другою. Такое расположение встръчается также и въ древнихъ барельефахъ; доказательствомъ служитъ большая мозаика Геркуланы, представляющая одну изъ битвъ Александра, которая, какъ видно по сюжету; не древнъе самой блистательной эпохи искусства въ Греціи. Въ упоминаемомъ произведеніи такъ много погръшностей противъ перспективы, что въ наше время ихъ не сдълаль бы и самый слабый ученикъ *. Со всъмъ тъмъ древніе однако имъли нъкоторое понятіе о перспективъ, но они воспроизводили ее инстинктивно, точно также, какъ и живописцы временъ возрожденія, до открытія, сдъланнаго Брунелески.

Очень понятно, что въ такой положительной наукъ, какъ линъйная перспектива, успъхи должны были быстро слъдовать за открытіемъ правилъ. Они не оставались тайною ни для кого, и стало быть, не знать ихъ было не возможно.

Воздушная перспектива имъетъ также свои правила, но ихъ гораздо труднъе подчинить формуламъ; она угадываетъ и есть больше дъло практики, нежели положительнаго изученія; перспектива эта

Любопытно сравнить это древнее греческое произведение съ вартиною Лебрюна, представляющею тоть же сюжеть. Въ этой картинъ столько тождества съ древнимъ произведенемъ, что можно-бы подумать, будто французскій живописецъ скопироваль знаменитую мозацку, если-бъ въ то время, когда онъ жилъ, мозацка эта не была погребена подъ пепломъ Геркуланы.

сдълала успъхи не столь быстрые. Только въ XVII въкъ, воздушная перспектива вдругъ достигла высшей степени совершенствао Открытіемъ ея обязаны Клодъ-Лорену. У этого живописца, равнизвъстнаго по ограниченнымъ умственнымъ способностямъ, какъ по чуднымъ произведеніямъ, искусство было слъдствіемъ вдохновенія, а не плодомъ науки и размышленія.

Другое свойство, не менъе важное и совпадающее съ воздушною перспективою—свъто-тънь, было открыто въ началъ XV столътія; оно быстро подвинуло впередъ новъйшее искусство.

Я не буду разбирать здъсь мнъніе Тепфера, изложенное въ прекрасномъ его сочинении объ искусствахъ. Тепферъ утверждаеть, будто древніе имъли весьма не полное понятіе о свъто-тъни, и обыкновенно писали свои драпировки одноцвътомъ (monochrome). Это мизніе вообще принято, но доказательства, которыя приводитъ Тепферъ, вовсе не имъютъ такого общирнаго смысла на дълъ. Греки преимущественно занимались стънною живописью въ огромныхъ размърахъ, съ цълію поражать взоры цълаго народа; поэтому можно бы, пожалуй, допустить, что они дъйствительно пренебрегали оттънками, отсвътомъ, постепеннымъ переливомъ красокъ, составляющими свъто-тънь; но мы знаемъ, что у нихъ живопись не ограничивалась этими монументальными произведеніями; мы видъли, что они занимались тъми же родами живопси, какими занимаемся и мы, и потому только, что древнія мозаики, единственные образцы, дошедшіе до насъ, представляють плоскіе оттънки, не слъдуетъ еще заключать, что собственно такъ называемая живопись лишена была свъто-тъни. Какимъ образомъ, на пр. безъ помощи свъто-тъни, можно было создать съ такимъ совершенствомъ картину фруктовъ (натуру), что самъ Зевксъ дался въ обманъ?

Трудность ствнной живописи можеть отчасти оправдать отсутствіе свъто-тъни. Со времени изобрътенія живописи масляными красками, искусство сдълало такіе быстрые успъхи въ дъйствіяхъ своихъ на глазъ, до такой степени усовершенствовалось, что мы теперь готовы отрицать всякое достоинство въ тъхъ произведеніяхъ, въ которыхъ не находимъ этихъ свойствъ.

Необходимо имъть положительныя познанія и долговременный навыкъ, чтобъ цънить произведенія живописцевъ, предшествовавшихъ въку Рафаэля.

Мы должны теперь говорить о великихъ представителяхъ Флорентинской школы. Выше я назвалъ Донателло, Брунелески, Гиберти, который произвелъ врата купельные во Флоренціи: они такъ великольпны, что Микель-Анджело назвалъ ихъ вратами рая.

Къ ихъ именамъ присоединимъ еще имена Липпи, Беато-Ангелико, Верочіо, учителя Леонардо-да-Винчи, Гирландайо, учителя Микель-Анджело-Буонаротти, Мазачіо, вдохновившаго Рафаэля и всю флорентинскую школу.

Мазачіо (1401—1443) одинъ изъ величайшихъ геніевъ въка Возрожденія. По времени, въ которое жилъ Мазачіо, онъ предшествуетъ Рафаэлю почти цълымъ стольтіемъ, но по таланту онъ его современникъ. Менгсъ, не колеблясь, ставитъ его на первомъ планъ между художниками, проложившими новый путь искусству. «Головы его, говоритъ онъ, во вкусъ Рафаэля, и въ выраженіи ихъ столько истины, что, кажется, душа въ нихъ воспроизведена вмъстъ съ тъломъ. »— Рафаэль оставилъ, въ 1504, Урбино, свое отечество, для того только, чтобъ изучить его фрески во Флоренціи.

Жизнь Мазачіо грустно выражаєть нравы того времени. Соперники, завидуя его превосходству, отравили его. Ему было 24 года, когда преступленіе пресъкло жизнь художника, быстро стремившагося въ высшую сферу искусства.

Нъкоторыя фрески въ церкви кармелитовъ во Флоренціи, работы Мазачіо, другіе Филиппа Липпи, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Рисунки эти выражаютъ новъйшее направленіе, и въ теченіе многихъ лѣтъ служили школою, въ которой образовались величайшіе художники XVI столѣтія.

Въ этихъ рисункахъ формы человъческаго тъла воспроизведены отчетливо; здъсь видънъ не одинъ только абрисъ, но вся фигура; они моделированы такъ върно, что близки къ жизни. Впрочемъ, это достоинство не во всъхъ рисункахъ одинаково; видна постепенность успъховъ въ двънадцати фрескахъ, изъ которыхъ только шесть работы Мазачіо. Выраженіе головъ большею частію удивительно, всъ усилія художника устремлены на этотъ предметъ; онъ также изучилъ природу, какъ Жіотто, но превзошель его; Мазачіо не останавливается на простомъ изображеніи, онъ идеализируетъ свои образцы; каждая голова его носитъ ръзкій отпечатокъ самобытности, но выраженіе ея облагорожено. Искусство у него достигаетъ той высокой степени, которая стала доступна Рафаэлю, когда, вдохновляясь природою, онъ постигъ идеальную красоту.

Рафаэль для своихъ безсмертныхъ картоновъ заимствоваль нъкоторыя изъ фигуръ Мазачіо. Такъ создалъ онъ фигуру Св. Павла, проповъдывающаго въ Авинахъ, и фигуру того же апостола въ картинъ: Волхет ет Елимъ, пораженный слъпотою; объ эти фигуры взяты у Мазачіо. У него же взята фигура человъка, который въ картинъ проповъданія Св. Павла, склонилъ голову на грудь и закрылъ глаза, будто погруженный въ глубокое размышленіе.

Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи, Перуджино, Фра-Бартоломео, Андрей Дель-Сарто, Россо, Перрано дель Вага, всв изучали Мазачіо. А между твить любителю, не привыкшему еще къ стънной живописи, прельщающемуся только композицією и колоритомъ картинъ, съ перваго взгляда трудно понять красоты этихъ произведеній: сухость и жесткость стиля, симметрія группъ и фигуръ поражаютъ глазъ самымъ непріятнымъ образомъ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что по одному чувству нельзя оцѣнять и судить изящныхъ произведеній?

Единственнымъ ученикомъ Мазачіо (что впрочемъ сомнительно) былъ Филиппъ Липпи (1412—1469) отецъ Филиппино, который рисовалъ фрески, помъщенныя рядомъ съ фресками Мазачіо въ церкви del Carmino. У Филиппино успъхъ искусства также очевиденъ, какъ и у Мазачіо, но мысль его картинъ не такъ возвышена. Жизнь этого художника объяснитъ намъ эту разность.

Въ произведении художника надо умъть отличать успъхъ искусства отъ собственно принадлежащихъ художнику достоинствъ. Рисунокъ, свъто-тънь, форма, композиція у Липпи не хуже, чъмъ у Мазачіо, но въ замыслъ нътъ того стремленія къ высокому, нътъ того благородства. Умственныя способности Мазачіо даютъ ему значительное превосходство надъ всъми современными ему художниками, хотя нъкоторые изъ нихъ во многихъ отношеніяхъ не уступаютъ ему, а Беато Ангелико даже въ нъкоторыхъ случаяхъ выще его.

Филипно Липпи быль монахъ и страстно занимался живописью. Такое явленіе въ то время было не ръдко; но Липпи отказался отъ своего сана—это довольно ръдкій примъръ. Расписывая фрески въ одномъ женскомъ монастыръ, Филиппъ Липпи влюбился въ молодую, довольно знатную дъвушку, разстригся и похитилъ ее. Его поймали и заключили въ тюрьму; онъ бъжалъ, хотълъ перебраться за границу, но попался въ руки морскихъ разбойниковъ. Находясь у нихъ въ неволъ болъе восемнадцати мъсяцевъ, Липпи снялъ портретъ съ главнаго корсара, и за то получилъ свободу. Потомъ онъ снова началъ отыскивать свою возлюбленную, испросилъ у нея прощеніе, успълъ даже внушить ей участіе и уговорилъ выйти за него тайно замужъ. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Сициліи, а въ послѣдствіи пере брался въ Сполето, гдѣ былъ отравленъ родственниками своей жены. Ему было тогда около пятидесяти семи лѣтъ; онъ умеръ въ 1469 году. Медичи, его покровители, между тѣмъ успѣли испросить у Папы буллу, которою даровано ему прощеніе, и союзъ его съ женою признанъ законнымъ.

Замѣчательнѣйшія фрески Липпи находятся въ соборѣ Прато; они изображають исторію святаго Стефана. Женскія фигуры прекрасны, но красота ихъ и выраженіе лицъ не довольно духовны, слишкомъ мало проникнуты возвышеннымъ чувствомъ. Липпи въ своихъ картинахъ не очень разборчивъ на лица, оттого они часто вовсе не изящны. Это происходило оттого, что онъ бралъ натурщиковъ и натурщицъ, гдъ нопало: на улицахъ, въ бѣдныхъ углахъ, въ харчевняхъ и другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, стремленіе къ изяществу весьма рѣдко встрѣчалось въ ту эпоху.

Сынъ Липпи, Филиппино, умершій въ 1505 году, во многомъ превзощель отца и даже приближался, по искусству; къ Мазачіо. Въ церкви Санта-Маріи-сопра-Минерва, въ Римъ, сохранилась фреска его работы, представляющая словопреніе св. Оомы. Это произведеніе отличается высокими красотами.

Другой монахъ, Беато Ангелико (1387—1455) также художественная знаменитость XV стольтія, умеръ въ Пизъ въ 1455 году, шестидесяти восьми лътъ отъ роду. Объ немъ разсказываютъ случай, который вполнъ объясняетъ отличительную черту его таланта, именно «силу выразительности». Беато былъ уже монахомъ, но разъ не явился въ назначенный часъ за трапезу; товарищи отправились къ нему въ келью, стучатъ—отвъта нътъ, они ломаютъ дверь, и находятъ его распростертымъ ницъ на землъ и рыдающимъ. Беато рисовалъ Спасителя на крестъ и такъ углубился въ предметъ, такъ сроднился съ нимъ, что пришелъ въ глубокое умиленіе и духовный восторгъ. Кто же лучше его могъ передать то, что онъ такъ живо чувствовалъ? Трудно довести до такой степени простоту физіономіи и истину выраженія, согласующуюся съ простотою сердца.

Одно изъ важнъйнихъ его произведеній находится въ Кампо-Санто, въ Пизъ. Рядомъ его гробница: это памятникъ, воздвигнутый жителями Пизы его славъ, а еще болъе прекраснымъ качествамъ его души. Беато Ангелико (Beato Angelico), прозвище, данное ему въ слъдствіе кротко-смиреннаго его характера, собственное же имя того художника Іоаннъ де Фіэзоло. Онъ никогда не ръшался брать платы за свои картины, и до того жаждалъ покоя, совершенно предавшись искусству, что даже отказался отъ званія флорентійскаго архіепископа. Внутренній миръ, глубокое благоче стіе составляють отличительную черту его картинъ; фигуры сілють небесною благодатью, всъ онъ вдохновенны; большею частью они представляють поклоненіе ангеловъ или святыхъ. Въ этомъ отношеніи, —съ тою только разностію, что у Беато чувство религіозное сильнъе выражено, —онъ можетъ считаться предшественникомъ Карла Долчи.

Безъ всякаго намъренія подражать античной красотв, единственно по собственному вдохновенію, Беато-Ангелико достигь до того, что рисоваль головы восхитительной красоты, для другихъ ръшительно недоступной. Онъ для модели выбираль всегда самыхъ красивыхъ женщинъ, и воспроизводилъ на полотнъ плънительнъйшія головки. Точно такъ поступалъ и Рафаэль.

Изученіе формъ сдѣлало большіе успѣхи въ XV вѣкѣ и успѣхомъ этимъ оно въ особенности обязано скульптурѣ; ваятель не могъ ограничиваться, какъ живописецъ, однимъ только абрисомъ: ему необходима была самая форма въ различныхъ положеніяхъ; художники обращались къ мифологическимъ предметамъ, подражали древнимъ, и потому необходимо было въ картинахъ, гдѣ такъ рѣдко являлась драпировка, изучать съ точностью формы человѣческаго тѣла, гибкость и упругость мускуловъ.

Во Флоренціи художники болъе всего занимались скульптурою, они выливали изъ бронзы и серебра множество статуй и барельефовъ; живопись воспользовалась ихъ успъхами.

Большая часть художниковъ флорентійскихъ XV въка, будучи скульпторами, архитекторами и живописцами, были въ тоже время и золотыхъ дълъ мастерами, таковы: Орканья, Лукка делла Роббіо; Гиберти, Брунелески, Донатилло, Верочіо, и также современникъ ихъ Д. Гирландахо. Безъ сомнънія, навыкомъ моделировать они въ совершенствъ изучили формы, что и составляетъ величайшее преимущество флорентійской школы. Рельефность, необходимая въ чеканныхъ и скульптурныхъ золотыхъ и серебряныхъ работахъ, въ искусствъ, которое въ тогдашнее время цънилось выше всего, образовала живописцевъ, потому что имъ представилась необходимость изучать пластику.

Такимъ образомъ Д. Гирландахо усвоилъ ту рельефность, ту точность формъ, которыя ставятъ его на ряду съ лучшими художниками эпохи, изобилующей геніяльными мастерами.

Отецъ его былъ золотыхъ дълъ мастеръ, и назывался Коради. Доминикъ же носилъ названіе Ghirlandajo потому, что съ особеннымъ искусствомъ выдълывалъ изъ серебра гирлянды, которыми флорентинскія женщины украшали головы. Эта роскошь развивалась такъ сильно, что, не смотря на запретительные законы, она все-таки не была остановлена *.

Доминикъ съ юныхъ лѣтъ показывалъ большое расположеніе къ живописи. Онъ работалъ въ давкѣ отца, и въ быстрыхъ очеркахъ схватывалъ черты посѣтителей, въ особенности тѣхъ, которые пользовались нѣкоторою извѣстностью. Такъ проявился въ немъ талантъ живописца; почти всѣ его фрески и картины изобилуютъ портретами; онѣ любопытны въ историческомъ отношеніи, потому что костюмъ, фигуры и мѣсто дѣйствія съ чрезвычайною точностью изображаютъ Флоренцію и флорентинцевъ ХУ столѣтія, въ ту эпоху, когда первая династія Медичей поставила этотъ городъ на высшую степень просвѣщенія.

Но система, которою, спустя двъсти лътъ, преимущественно отличалась фламандская школа, состояла въ томъ, что художникъ, не смотря на мъсто и время, списывалъ лица и предметы его окружающіе; эта система представляєть у Гирландахо ту главную разность, что модели, находившіяся у него подъ рукою, не служили ему для лицъ историческихъ временъ прошедшихъ, но изображали только лица второстепенныя, лица зрителей; такимъ образомъ апостоловъ онъ никогда не списывалъ съ какого нибудь извъстнаго современнаго лица; никогда въ костюмахъ не старался придавать имъ живописность, принося въ жертву достоинство изо бражаемаго лица; онъ никогда не изобразилъ бы, подобно Павлу Веронезу, вмъсто вечерней трапезы Спасителя у Мареы и Маріи, пышный банкетъ венеціянскихъ вельможъ.

Гирландахо изучалъ природу, потому-что въ его время искусство принимало направление къ истинъ; оттого онъ въ совершенствъ писалъ портреты; но высокія понятія флорентійской школы о достоинствъ и приличіи стиля, не допустили его впасть въ нелъ-

^{*} Въ 1307 г. въ Archivio della-Reformazione de Florenzo, читаемъ слъдующее: «Quod nulla mulier presumat de ferre in capite coronam vel argenteam». Платья съ шлейфами уже носились въ эту отдаленную эпоху, потому что, какъ видно изъ запретительныхъ законовъ, длина шлейфа опредълялась только въ одну сажень.

пость венеціянской школы, и еще менъе въ пошлость фламандской.

Въ Сикстинской капеллъ находится фреска его работы, представляющая Петра и Андрея, въ то время, какъ Спаситель принимаетъ ихъ въ число учениковъ своихъ. Во Флоренціи, въ Санто-Тринита есть много картинъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ имъ изъ жизни Св. Франциска; смерть этого святаго есть одно изъ лучшихъ произведеній эпохи Возрожденія; на картинъ подписанъ 1485 годъ.

Съ Гирландахо работали его два брата и зять; они составили товарищество, съ цълью привести въ исполнение нъкоторыя работы по части живописи, которая съ каждымъ днемъ пріобрътала большую важность. Въ ихъ-то мастерской Микель-Анджело-Буонаротти началъ свое артистическое поприще. Леонардо да-Винчи былъ ученикомъ Верочіо.

Верочіо (1432 — 1488), котораго мы причисляемъ здѣсь къ живописцамъ, былъ ученикомъ и достойнымъ соперникомъ Донателло, одного изъ знаменитъйшихъ скульпторовъ флорентинской школы. Говорятъ, что Верочіо первый началъ моделировать съ натуры; онъ имѣлъ именно то познаніе формъ, необходимость котораго, въ ту эпоху, въ высшей степени была ощутительна для флорентинской школы. Соединяя въ себъ искусство моделировки и рисованія, онъ безъ труда заставилъ учениковъ своихъ обратиться къ изученію и возсозданію формъ, жизни, истины и движенія человъческаго тъла.

Верочіо былъ учителемъ Перуджино и Леонарда да-Винчи.

Любитель изящныхъ искусствъ, посъщая Венецію, върно не оставитъ безъ вниманія на площади St. Giovani е Paolo, конную статую знаменитаго кондотьери Коллеони,—это образцовое произведеніе Верочіо.

Эта статуя напоминаетъ анекдотъ, который очень върно выражаетъ нравы эпохи и вошелъ въ составъ почти всъхъ книжекъ, изданныхъ въ Венеціи для путешественниковъ.

Работа статуи шла успъшно, лошадь была уже почти кончена, какъ вдругъ Верочіо узнаетъ, что другому художнику поручено вылъпить всадника. При этомъ извъстіи флорентинскій ваятель приходитъ въ бъщенство, разбиваетъ ноги и голову лошади, и уъзжаетъ во Флоренцію. Венеціянскій Сенатъ увъдомилъ Верочіо, что если онъ когда нибудь возвратится, съ нимъ поступлено будетъ точно также, какъ онъ поступилъ съ лошадью, т. е. что ему, переломавъ напередъ ноги и руки, отрубять голову.

Медичи стали посредниками въ этомъ дълъ и убъдили Верочіо возвратиться въ Венецію и снова приняться за работу, а въ тоже время упросили Сенатъ простить Верочіо. Вскоръ послъ того, какъ лошадь была вторично кончена, Верочіо умеръ отъ воспаленія въ легкихъ.

Говорять, будто онь отрекся отъ живописи затьмъ, что ученикъ его Леонардо да-Винчи, которому онъ поручилъ нарисовать ангела въ одной изъ его картинъ, изобразилъ этого ангела съ такимъ совершенствомъ, что помрачилъ всъ фигуры Верочіо. Картина ата находится теперь въ Флорентинской Академіи; она представляетъ Крещеніе Господне, и невозможно отличить этого ангела отъ другихъ частей картины, которая впрочемъ вовсе не принадлежитъ къ образцовымъ произведеніямъ Верочіо.

Въ такомъ-то положеніи находилось искусство въ Тосканъ въ концѣ пятнадцатаго въка; оно сдѣлало быстрые и огромные успѣ-хи, потому что вмѣсто живописи условной, безъ истины и выраженія, стали подражать природѣ. Въ особенности головы изображали съ такою живостію, что и въ настоящее время, произведенія художниковъ, которыхъ я назвалъ, возбуждаютъ удивленіе знатоковъ и любителей. Но ещё многаго надо было достигнуть, чтобъ дойти до окончательнаго совершенства: должно было придать идеальную красоту—формамъ, рисунку—пріятность, колориту—гармонію; должно было для воздушной перспективы создать правила, столь же точныя, какъ и для линѣйной перспективы; группировкъ придать болѣе гармоніи и жизни; отдѣлкъ чистоту, и вообще болѣе легкости—кисти.

Всъ обстоятельства способствовали къ успъшному ходу искусства въ Италіи и въ особенности во Флоренціи. Богатство княжескихъ и республиканскихъ фамилій, стремленіе къ роскоши, соперничество въ блестящей обстановкъ между цълыми областями и частными лицами. Вездъ возникла страсть къ монументамъ. Повсюду сооружались церкви, монастыри, дворцы и общины. Въ Римъ, во Флоренціи, въ Ферраръ, въ Урбино, Римини, Венеціи, Веронъ, Мантуъ, Миланъ, въ Генуъ и другихъ городахъ воздвигались госпитали, палацци, тріумфальныя арки, великольпіе которыхъ и нынъ еще внушаетъ удивленіе. При обиліи художественныхъ работъ неминуемо должны были существовать между худож-

никами благородное соревнование и дъятельность мыслей—два лучшие двигателя въ изящныхъ искусствахъ.

Въ эту эпоху и литература достигала высокаго блеска.

Въ предшествовавшемъ въкъ Данте (1331), Петрарка (1374), и Бокачіо (1375) образовали въ Италіи языкъ и литературу, между-тъмъ какъ Валлини открывалъ поприще историкамъ, а Гварино изъ Вероны, Брачіоллини изъ Флоренціи, Валли и другіе занимались изученіемъ древностей. Въ XV въкъ и въ началъ XVI мы находимъ Анджело Полицьена *, Бойярда, Аріоста, Аретино, Триссино, Санназара, Маккіавеля, Гвикардини и др. и нъсколько лътъ спустя—Торквато Тасса.

Любопытно было бы изложить здѣсь великолѣпный очеркъ эпохи, можеть быть самой блестящей въ лѣтописяхъ человѣчества, эпохи, славою своею наиболѣе обязанной искусствамъ; но чтобъ говорить о людяхъ и открытіяхъ, ознаменовавшихъ ту эпоху, должно было бы обнять всѣ отрасли человѣческихъ знаній и отклониться отъ предмета, насъ занимающаго.

Два открытія, одно сдѣланное въ XIV стольтіи, другое въ XV, много способствовали быстрымъ успѣхамъ живописи. Я говорю о гравированіи и о живописи масляными красками.

Если употребленіе масла для живописи было открытіемъ етоль же важнымъ, какъ компасъ для изученія земнаго шара, то гравированіе на мъди имъло такое же вліяніе на изящныя искусства, какъ книгопечатаніе на науки.

До изобрѣтенія книгопечатанія, рукописи, довольно рѣдкія и дорогія, были единственнымъ средствомъ для распространенія про- изведеній писателей; точно также, чтобъ ознакомить страны съ оригинальными картинами, должно было снимать съ нихъ копіи, но этотъ способъ чрезвычайно дорогъ, затруднителенъ и не удобенъ. Не трудно понять, какое облегченіе, какое обогащеніе принесло гравированіе художникамъ, и какой быстрый толчекъ оно придало искусству.

Гравированіе на дерев'в предшествовало гравированію на м'вди, точно такъ, какъ и въ книгопечатаніи дерево было въ употребленіи прежде металла.

Французскіе и нѣмецкіе писатели не согласны на счетъ эпохи этого открытія; о́дни полагаютъ, что гравированіе современно изобрѣтенію игральныхъ картъ, другіе утверждаютъ, что карты

^{*} Онъ быль приглашень въ семейство Лаврентія Великольцизго для веспитанія Петра II и кардинала Іоанна, который въ последствін быль Папою, подъ именемь Льва Х.

были уже въ модъ прежде 4300 года, а французы полагають, что онъ были изобрътены во Франціи для Карла VI *.

До изобрътенія книгопечатанія, въ Германіи была извъстна ръзьба на деревъ священныхъ изображеній; а стараясь облегчить способъ, посредствомъ котораго производилась ръзъба нравственныхъ правилъ подъ этими эстамиами, мало-по-малу дошли до типографскаго искусства. Гравирование на деревъ скоро сдълало быстрые усивхи. Въ Германіи Албрехтъ Дюреръ **, въ Италіи Гуго-де-Карпи возвели его на довольно высокую степень совершенства: попроване в доменной мерриник в запровод в опитор А

Вазари *** говоритъ, что гравированіе на мъди получило начало свое отъ чеканныхъ работъ, которыми въ XV въкъ украшалась столовая посуда, искусство весьма древнее, въ которомъ такъ прославился Бенвенуто Челлини. Но послъ этого великаго художника оно пришло въ упадокъ. Чеканка дълалась на церковныхъ утваряхъ, на ракахъ святыхъ, на священныхъ книгахъ и дискосахъ, на парадной столовой посудъ, на ефесахъ, шляпныхъ аграфахъ, браслетахъ и т. п. однимъ словомъ, чеканка являлась на всъхъ золотыхъ и серебряныхъ издъліяхъ.

Эти чеканныя работы производились на серебръ посредствомъ ръзца; онъ представляли не только фантастическія украшенія, какъ, напримъръ, арабески, но и историческіе эпизоды и даже портреты. Углубленія наполнялись составомъ изъ олова и серебра, который по темному колеру названъ былъ древними nigellum, въ новъйшее время итальянцы произвели для этого колера слово niello, по-французски nielles, по-русски мы переводимъ чернь или чернядь. Этотъ темный колеръ ярко отличался отъ серебрянаго. грунта и производилъ дъйствіе свъто-тъни.

Въ XV въкъ, во Флоренціи было множество отличныхъ чеканщиковъ. Съ работъ тонкой отдълки, прежде чъмъ углубленія наполнялись чернядью, художники снимали оттиски посредствомъ процесса, который обыкновенно употребляется въ снимкахъ съ медалей. Для этого дъла употреблялась жирная глина, сырая, плотная; углубленія становились выпуклыми, а рисунокъ выходилъ наоборотъ; для возвращенія первоначальнаго вида, художникъ, посредствомъ съры снималъ съ этого перваго оттиска,

ми этого отприяти; оден можетност, что транировные современно

^{*} Карлъ VI родился въ 1368 году.
** Албрехтъ Дюреръ родился въ 1471, умеръ въ 1528 году.

^{***} Умершій въ 1574 г. писаль вполовинь XVI въка исторію италіянских художниковъ; онъ быль самъ художникъ и ученикъ Микель-Анджело и Андрея дель-Сарто.

уже отвердъвшаго, второй, совершенно сходный съ первоначальнымъ оттискомъ, наполнялъ углубленія сажею, придавалъ композиціи цвътъ и блескъ серебра, и такимъ образомъ получалъ окончательный снимокъ съ оригинала. Эти оттиски чрезвычайно ръдко встръчаются въ музеумахъ, по причинъ ихъ ломкости *.

Послѣ того стали съ успѣхомъ дѣлать оттиски на бумагѣ; въ началѣ процессъ этотъ былъ весьма простъ, что и доказываетъ, что въ то время художники старались пріобрѣтать только вѣрные оттиски, а не производить эстамповъ для продажи. Обыкновенно накладывалась сырая бумага на рѣзную работу, и потомъ проводили по ней рукою или цилиндромъ; въ первыхъ оттискахъ всѣ фигуры отпечатывались наоборотъ, и слова выходили отъ правой руки къ лѣвой.

Такимъ образомъ образовалось искусство гравированія; въ послъдствіи уже стали дълать рисунки наобороть, чтобъ самый оттискъ выходилъ въ надлежащемъ видѣ; и такъ какъ главное дѣло состояло въ полученіи значительнаго числа оттисковъ, то начали употреблять металлъ болѣе твердый, чѣмъ серебро, и притомъ не такъ скоро стирающійся. Для такого дѣла мѣдь оказалась очень удобною; вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало для снятія оттисковъ замѣнить какимъ-либо другимъ процессомъ простое примѣненіе руки или цилиндра. Вотъ начало станка.

Игральныя карты считаются древнъйшимъ произведеніемъ гравированія. Многіе отличные художники, Монтеньо, напримъръ, составляли рисунки для игральныхъ картъ и даже сами ихъ гравировали.

Во время Рафаэля гравированіе на мѣди уже имѣло всѣ тѣ пособія, которыя довели его до блистательныхъ результатовъ; есть гравюры съ произведеній Рафаэля и Микель-Анджелло, сдѣланныя подъ руководствомъ этихъ великихъ художниковъ. Такъ Маркъ-Антоніо выгравировалъ въ мастерской и подъ руководствомъ самаго Рафаэля всѣ его рисунки и картины.

Пармиджьяно (германцы же утверждають, Вольгемють, учитель Албрехта Дюрера) изобръль гравированіе кръпкою водкою (aquatinta), что дало новое направленіе искусству гравировки. Съ той поры оно все болье и болье шло къ совершенству. Въ XVII въ-

^{*} Въ галерев degli Uffizo, во Флоренцін, бронзовая зала содержить богатое собраніе оттисковъ, многіе изъ нихъ работы Мазо-де-Финигуера, который случайно первый открылъ искусство гравировать на мъди; въ числе ихъ находится оттискъ Возложенія вънца на главу Пречистой Дъвы, почитающійся чудеснейшимъ чеканнымъ произведеніемъ флорентійскимъ.

къ, Августинъ Каррачіо, Эделинкъ, Массонъ, Одранъ, Реве и др. были лучшими мастерами этого дъла.

Подобно всемъ великимъ открытіямъ, живопись масляными красками была предметомъ многихъ преній, впрочемъ, весьма не занимательныхъ, потому что важность состоитъ въ томъ, чтобъ доказать, кому обязано искусство усовершенствованіемъ изобрътенія, въ началь безполезнаго, а въ последствіи вдругь сделавщагося повсемъстнымъ, а не въ томъ, чтобъ получить убъжденіе, быль ли прежде извъстенъ способъ, не имъвшій никакихъ результатовъ. Исторія изобрѣтенія живописи масляными красками имъетъ сходство съ исторією почти встхъ другихъ изобрътеній: долгое время оно было извъстно, но усовершенствованій не было, и хотя въ ней замътна была опредъленность, никто и не помышлялъ приложить ее къ дълу. Наконецъ случай, а можеть быть и какойнибудь смътливый человъкъ извлекъ изъ нея настоящую пользу. Не то ли же самое было съ книгопечатаніемъ, гравированіемъ на мъди, съ компасомъ и многими другими открытіями въ дълахъ, болъе спекулативныхъ?

Всѣ единодушно утверждають, что Ванъ-Эйкъ иначе названный Іоаннъ Брюгге или Брюгскій, по имени города, въ которомь онъ родился, первый началъ заниматься живописью масляными красками. И до него и въ его время уже употреблялось въ живописи масло, но очень рѣдко и безъ всякаго успѣха, такъ, что попытка эта не только не составляла открытія, но даже могла заставить отказаться отъ самаго дѣла. Извѣстно, что тогда была въ употребленіи живопись стѣнная водяными и вощаными красками (à l'encaustique).

Первыя фрески въ Италіи были писаны водяными красками. Въ этомъ процесств краски составлялись съ яичнымъ бълкомъ и нъкоторыми смолистыми веществами. Только въ половинъ XVIII въка упоминаютъ въ первый разъ о стънной живописи, хотя она была уже извъстна и употреблялась не только въ отдаленныя времена христіанства, но и въ самой древности. Въ живописи алфреско краски смъщиваются съ свъжею штукатуркою, покрывающею стъну. Живопись вощаными красками, для которой фонъ первоначально покрывался воскомъ, предпочиталась за прочность и эфектность. Этотъ способъ мало по малу вышелъ изъ употребленія, а сохранилась только одна живопись водяными красками. Но въ послъднее время профессоръ Шнорцъ воспользовался имъ для стънной живописи въ Мюнхенъ.

Въ произведенияхъ такого рода, краски чрезъ нѣсколько лѣтъ измѣняются, и живопись принимаетъ тусклый и тяжелый видъ. Оттого-то такъ затруднительно цѣнить древнихъ мастеровъ.

Живопись по свъжей штукатуркъ (fresco) представляетъ то затруднение, что поправки въ ней невозможны: должно писать сразу и въ одинъ день все, что было подготовлено на штукатуркъ. Но затруднение это было въ свою очередь очень полезно: необходимость писать сразу придала кисти твердость, а невозможность дълать поправки, заставила отказаться отъ отдълки, въ которой всегда проявляется принужденность, затемняющая самую мысль.

Микель-Анджело говорилъ, что фрески надо создавать изящно и быстро, а живопись масляными красками предоставить женщинамъ и дътямъ. Онъ принималъ способъ за искусство. Въроятно слова эти, недостойныя великаго художника, были произнесены имъ въ такую минуту, когда онъ былъ не въ духъ.

Мало-по-малу живопись по свъжей штукатуркъ (fresco) становится ръже; вощаная живопись совершенно исчезаеть, а что касается до живописи водяными красками, то она не можеть быть употреблена только въ климатахъ холодныхъ, сырыхъ, гдъ въ непродолжительномъ времени картина измъняется и совершенно портится.

Живопись масляными красками, искусно исполненная, обладаетъ такою прочностью, какой нельзя достигнуть другими способами; такимъ образомъ картины, существующія болье трехъ сотъ лътъ, сохранили тотъ самый видъ, въ которомъ онъ вышли изъ-подъ кисти художника; нъкоторыя изъ нихъ даже пріобръли больше гармоніи въ колерахъ.

Живость и сочность красокъ, нѣжность и твердость кисти, возможность исправлять работу и тѣмъ самымъ доводить ее до высшаго совершенства—вотъ преимущества живописи масляными красками. Но около двухъ столѣтій, живопись по свѣжей штукатуркъ (fresco) соперничествовала съ этимъ новымъ открытіемъ.

Ванъ-Эйкъ началъ заниматься живописью масляными красками въ первыхъ годахъ XV стольтія. Въ Дрезденской галерев находится маленькая картина его работы, на которой выставленъ 1416 годъ; въ эту эпоху художникъ уже прославился своимъ открытіемъ. Картина изображаетъ Пресвятую Дъву съ божественнымъ младенцемъ, съ улыбкою нринимающимъ яблоко изъ рукъ св. Анны. Живопись хорошо сохранилась, а превосходство работы, чистота

рисунка, совершенство деталей доказывають, что въ то время уже фламандцы не уступали итальянскимъ живописцамъ въ исполненіи и върномъ подражаніи природъ.

Во время изобрътенія живописи масляными красками сообщенія были затруднительны и очень медленны. Извъстіе о новомъ способъ живописи поздно дошло до итальянцевъ. Въ 1442 году, Ванъ-Эйкъ послалъ Неаполитанскому королю Альфонсу V, картину, которая въ послъдствіи была утрачена; какъ полагаютъ, она представляла «Поклоненіе Волхвовъ»; онъ написалъ другую для герцога Урбино и св. Іеропима для Лаврентія Великольпнаго. Эти произведенія возбудили всеобщій восторгъ въ Италіи.

Нъкто Антонелло изъ Мессины, учившійся въ Римъ, въ греческихъ школахъ, увидълъ въ Неаполъ картину Ванъ-Эйка, и тотчасъ же отправился во Флоренцію, съ намъреніемъ изучить секретъ озобрътенія. Дъйствительно, Іоаннъ Брюгге передалъ ему свой секретъ, какъ говорятъ нъкоторые, въ замънъ значительнаго числа рисунковъ итальянскихъ; другіе же полагаютъ, что онъ похитилъ его хитростью: онъ назвалъ себя итальянскимъ вельможею, и за огромную цъну заказалъ ему написать свой портретъ, съ тъмъ, чтобъ имъть случай видъть, какимъ образомъ пишетъ художникъ. Какъ бы то ни было, но онъ достигъ цъли.

Возвратясь въ Италію, Антонелло остановился въ Венеціи и открылъ секретъ другу своему Доменико, который, послъ первыхъ работъ, произведенныхъ имъ въ Венеціи, въ Лоретто и Перузъ, поселился во Флоренціи около 1460 года.

Доменико не быль первостепеннымъ художникомъ, однако въ этомъ новомъ искусствъ никто его не превосходилъ; онъ возбуждалъ удивленіе публики и зависть соперниковъ. Между послъдними самый опасный былъ Андреа дель Кастаньо, человъкъ съ большимъ дарованіемъ. Подъ личиною ложной дружбы, Кастаньо вывъдалъ тайну изобрътенія. Чтобъ быть единственнымъ ея обладателемъ, онъ убилъ венеціянца, когда они, разъ вечеромъ, съ гитарами въ рукахъ, отправились давать серенаду возлюбленной Доменико.

Это ужасное преступленіе осталось безнаказаннымъ. Дель Кастаньо такъ искусно разыгралъ роль друга и, повидимому, съ такимъ жаромъ преслъдовалъ убійцу, что подозръніе никакъ не могло пасть на него. Многія невинныя лица были схвачены, заключены въ оковы и подвергнуты истязаніямъ, между тъмъ, какъ Андреа наслаждался плодомъ своего преступленія. Впрочемъ, нель-

зя сказать, чтобъ онъ дъйствительно наслаждался: преслъдуемый угрызеніями совъсти, онъ отказался отъ исключительнаго обладанія тайною, для которой совершиль убійство. Въ послъдній часъ жизни, на смертномъ одръ, онъ разгласилъ тайну Ванъ-Эйка и признался въ убійствъ друга. Въ Неаполъ есть прекрасная картина его работы «Водруженіе Креста». Во Флоренціи есть произведеніе Доменико въ церкви св. Лучіи, по ту сторону Арно. Перуджино и въроятно Веррочіо переняли у Андреа дель Кастаньо искусство писать масляными красками. Рафаэль тогда только что родился, а Леонардо да Винчи былъ во всемъ блескъ своего таланта.

Леонардо да Винчи (1444—1519). Жизнь этого знаменитаго художника, нъкоторымъ образомъ составляетъ предисловіе къ великому въку. Она заслуживаетъ особеннаго вниманія.

По времени, Леонардо да Винчи принадлежитъ къ эпохъ Возрожденія, а по таланту стоитъ на ряду съ величайшими художниками новъйшаго искусства. Хотя онъ родился во Флоренціи и быль знаменитостью въка Медичей, однако безсмертная его картина «Тайная Вечеря», находящаяся въ Миланъ, ставитъ его въ главъ Ломбардской школы, между тъмъ, какъ его блестящее соперничество съ Микель-Анджело даетъ ему первое мъсто между Флорентійскими художниками.

Разсмотримъ же его жизнь отдъльно отъ жизни его соперниковъ. Мы часто встръчаемъ его имя въ первыхъ двадцати годахъ XVI въка, самыхъ блестящихъ въ лътописяхъ изящныхъ искусствъ.

Теперь же поговоримъ о немъ какъ о предшественникъ Буонаротти и Рафаэля.

Леонардо да Винчи принадлежить къ числу немногихъ людей, соединявшихъ необыкновенныя умственныя способности съ физическими силами и расположениемъ къ наукамъ. Къ довершению такого счастія, его происхождение поставило его въ обществъ на такое мъсто, гдъ ему легко было развить свои способности. Отецъ его, флорентинскій дворянинъ, далъ ему хорошее образованіе.

Съ умомъ возвышеннымъ и гибкимъ, Леонардо соединялъ любознательность и страсть къ занятіямъ. Обладая знаніемъ не только пластическихъ искусствъ и живописи, но и математики, фортификаціи, музыки, поэзіи, медицины, онъ въ тоже время отличался въ верховой ъздъ, фехтованіи и танцованіи. Онъ имълъ такую необыкновенную способность во встхъ этихъ многоразличныхъ знаніяхъ, что ему не трудно было въ каждомъ изъ нихъ отличиться предъ своими соперниками.

Леонардо да-Винчи былъ такъ силенъ, что безъ труда сгибалъ лошадиную подкову, а любезная и остроумная его физіономія невольно располагала всѣхъ въ его пользу.

Жизнь его протекла среди занятій, доставившихъ ему громкую популярность, среди почестей и удовольствій, за которыя онъ обязанъ единственно своимъ дарованіямъ. Для человъка съ характеромъ менъе твердымъ, соединеніе столькихъ достоинствъ, какъ у Леонардо, было бы пагубно. Въ XV въкъ, названіе художника составляло родъ патента на всякое сумасбродство и на разгульную жизнь; но мы будемъ имъть случай не разъ замътить, что художники, особенно пользовавшіеся этою привиллегіею, не возвысили именъ своихъ—въковыми твореніями.

Леонардо-да-Винчи имълъ истинное призваніе къ живописи, прочіе его таланты были, такъ сказать, дополнительные, по-крайней-мъръ для его популярности; труды его въ качествъ инженера, физика и литератора, въ свое время хотя имъли важное значеніе, но сохранились только по преданію.

Леонардо-да-Винчи принадлежалъ къ школъ, которой отличительный характеръ состоялъ въ изяществъ рисунка, но, сравнительно съ другими школами, она стояла на низшей степени колорита. И то и другое видно во всъхъ его произведеніяхъ; какъ одинъ изъ главныхъ представителей этой школы, онъ самъ много способствовалъ установленію той характеристической черты, которою она отличается отъ другихъ школъ.

Съ изящностью рисунка онъ соединялъ пріятность и выраженіе лицъ. Произведенія его отличаются благородствомъ, спокойствіемъ, ясностью; напримъръ, въ его «Тайной вечеръ» есть мысль столь возвышенная, что даже среди боренія страстей, она дышитъ спокойствіемъ, ясностью, задумчивостью. Вліянію его таланта флорентійская школа обязана характеромъ важнымъ, даже нъсколько грустнымъ, которымъ она впрочемъ была отчасти проникнута съ самаго начала.

Въ живописи Леонардо-да-Винчи есть двъ довольно различныя черты: во-первыхъ, ръзкая противоположность тъни и свъта; эффектъ здъсь силенъ, обворожителенъ, но не такъ естественъ; вовторыхъ, употребление полутъней, которые смягчаютъ эффектъ и разливаютъ гармонію на цълое; въ этомъ отношеніи Леонардо-да-

Винчи слъдовалъ обыкновенному вліянію возраста: сперва пылкости юношескаго увлеченія, потомъ спокойствію и разсудительности зрълыхъ лътъ.

По приглашенію Лудовика Сфорца онъ переселился, въ 1582 году, изъ Флоренціи въ Миланъ; къ этой первой эпохъ его жизни принадлежатъ Медуза и Магдалина, хранящіяся во дворцъ Питти во Флоренціи, Магдалина дворца Альдабрандини въ Римъ и нъсколько экземпляровъ Святаго семейства, Младенца Іисуса и Св. Іоанна Крестителя.

Въ Миланъ находится еще и понынъ, но къ сожальню весьма поврежденное, отличное произведение этого великаго художника. Отнимите у него Тайную вечерю, сдълавшуюся столь извъстною, потому что съ нея было снято множество гравюръ, которыя, не смотря на неточность рисунка, были понятны для всякаго,
и имя Винчи было бы извъстно только для немногаго числа знатоковъ, умъющихъ отличить достоинства рисунка, композиціи и выраженія въ картинъ, потерявшей прелесть колорита, испорченной
временемъ и невъждами. Произведенія этого великаго художника
стали бы достояніемъ антикваріевъ, но картина Тайной вечери
сдълалась до того всенародною, что въ наше время имя Леонардо-да-Винчи гораздо извъстнъе именъ лучшихъ современныхъ намъ
художниковъ.

Всв видъвшіе это изящное произведеніе, поражены тъмъ впечатлъніемъ, которое оно производитъ, не смотря на всъ упомянутыя поврежденія, и это чувство усиливается, чъмъ больше разсматриваешь картину. Глава Спасителя выражаетъ возвышенное спокойствіе, кротость, думу, а между тъмъ она почти стерта годами! Невозможно ее скопировать, а она все еще вдохновляетъ художниковъ. И какое искусство въ расположении группъ! Эта картина одна совмъщаетъ въ себъ огромное пространство, пройденное искусствомъ въ полвъка. И до Леонардо можно встрътить этюды головъ, которыхъ красотъ не превзошелъ даже самъ Рафаэль, но говоря объ эфектъ и композиціи, ничто ръшительно не подходить къ этому образцовому произведенію. А между тъмъ картину эту неоднократно исправляли, подновляли, такъ, что оригинальное произведение почти уже не существуеть, и все таки не смотря на такія поврежденія, это единственная фреска, которая производить такое сильное впечатленіе.

Такъ какъ Леонардо-да-Винчи безпрестанно дълалъ новые опыты, то онъ началъ писать эту картину на масляномъ грунтъ

имъ самимъ изобрътенномъ. По прошествии пятидесяти лътъ, картина стала лупиться, и одинъ писатель объявлялъ уже въ 1642 году, что едва можно различить сюжетъ ея.

Такимъ образомъ отчасти спадаетъ обвиненіе съ Французскихъ и австрійскихъ солдатъ, будто бы они съ намъреніемъ испортили картину, хотя трапезная монастыря Santa Maria delle Grazie, гдъ она находится, и была обращена въ гауптваху, и солдаты, для препровожденія времени, упражнялись въ стръльбъ, выбирая цълью картину. Въ Италіи очень легко возбудить злобу противъ «ненавистныхъ иностранцевъ», abborrito straniero, стоитъ только обвинить ихъ въ томъ, что они уничтожили памятники народной славы.

Извъстно, что Наполеонъ, во время своего пребыванія въ Миланъ, увидъвъ картину Леонардо-да-Винчи, былъ такъ пораженъ ею, что въ ту же минуту отдалъ приказъ освободить монастырь отъ постоя. Въ послъдствіе трапезная была обращена въ фуражный магазинъ, и оставалась въ этомъ положеніи до-тъхъпоръ, пока принцъ Евгеній, вице-король Ломбардскій, не велълъ ее отдълать за-ново.

Въ древности былъ обычай группировать апостоловъ около Спасителя, что часто встръчается въ древнихъ соборахъ; въ Венеціи, въ церкви св. Марка, колоссальныя изваянія двънадцати апостоловъ и Богородицы стоятъ при входъ на хоры; въ Нюренбергъ, въ церкви св. Себальда находятся бронзовыя отливки въ два фута вышиною, представляющія апостоловъ въ различныхъ положеніяхъ. Въ фрескахъ и мозаикахъ встръчается иногда, что фигуры помъщены въ одинъ рядъ, а Спаситель въ срединъ, а во времена младенчества искусства, иногда ихъ изображали въ кружъвъ на облакахъ, созерцающихъ оттуда славу Господню.

Въ Пармъ (въ S. Giovanni) двънадцать апостоловъ Корреджіо представляють въ этомъ послъднемъ родъ образецъ прекрасный и замъчательный, какъ по изученію характеровъ и физіономій, такъ и по высокой идеъ картины, въ ея цъломъ составъ.

Въ *Страшномъ Судъ* Микель-Анджело, апостолы тоже группированы вокругъ Спасителя. Можно представить множество подобныхъ примъровъ.

Моментъ, выбранный Леонардо-да-Винчи, кажется намъ самымъ лучшимъ для представленія Христа, окруженнаго учениками. Это та торжественная минута Тайной вечери, когда Сынъ человъческій готовится совершить послъднее служеніе свое людямъ; Онъ скоро пріиметъ снова божественную свою оболочку, но пока Онъ еще съ людьми, Онъ ими занятъ; Онъ предъ лицомъ постыднъйшаго предательства Іуды, и долженъ принести жертву для искупленія рода человъческаго!

Отъ этого прекраснаго основнаго положенія и выходять превосходныя противуположности и характеры фигуръ, такъ дивно переданныхъ художникомъ, дивно, говорю я потому, что всъ ихъ чувства, противуположныя одно другому, выражены въ совершенствъ! Между-тъмъ гармонія всъхъ частей этой картины такова, что преобладающее впечатлъніе, ею производимое, есть единство мысли; глазъ мгновенно постигаетъ сюжетъ безъ всякаго поясненія. Ликъ Спасителя грустенъ, но спокоенъ и божественно ясенъ. Апостолы поражены, негодуютъ, выражаютъ недоумъніе словами или движеніями, смотря по характеру каждаго изъ нихъ. Изъ нихъ самый отдаленный отъ товарищей, полагая, что не дослышалъ, вопрошаетъ сосъда; Іуда колеблющійся, старается выразить твердость, но неблагородство его физіономіи невольно отъ него отталкиваетъ.

Какая гармонія въ расположеніи группъ апостоловъ! Повсюду жизнь, движеніе, разнообразіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ такое согласіе, что цѣлое этой огромной картины овладѣваетъ вполнѣ воображеніємъ и чувствомъ.

Леонардо-да-Винчи разсказываеть, что онъ цълый годъ размышлямъ о средствъ выразить на лицъ всю черную душу Іуды; онъ посъщамъ темницы преступниковъ и кварталы, населенные существами презрънными; наконецъ отыскалъ типъ, словно нарочно для того созданный, и дополнилъ его только нъсколькими чертами, взятыми отъ другихъ лицъ.

Не менъе того Леонарду фигура Іуды не такъ хорошо удалась, какъ фигура Іоанна; между-тъмъ, какъ у Рафаэля, этого артиста красоты, вышло совсъмъ наоборотъ. Въ группъ двънадцати апостоловъ, гравированныхъ Маркомъ Антоніемъ съ оригинальныхъ картинъ и подъ руководствомъ самаго Рафаэля *, Іуда представляетъ безобразіе нравственное, а не физическое; чтобъ выказать эту фигуру, Рафаэль не прибъгалъ къ средствамъ, придуманнымъ

Эти двънадцать апостоловъ были написаны свъто-тънью, по рисункамъ Рафаэля, въ одной изъ залъ Ватикана, разрушенной спустя нъсколько лъть послъ его смерти. Ихъ находать еще въ церкви Валензія у трехъ-фонтановъ близъ Рима, гдъ они были написаны на внутреннихъ столбахъ церкви.

Леонардомъ-да-Винчи, который сильно оттънилъ изображение Іуды, желая разительнъе отличить, его отъ остальныхъ фигуръ, ярко освъщенныхъ. Кто хочетъ знать, говоритъ Константинъ, какъ ясно можетъ живописецъ изображать характеры и ихъ драматическій эфектъ, тотъ долженъ въ особенности обратить вниманіе на эти два произведенія.

Джіотто, Лука Синьорелли, Николай Пусень, Барочіо, воспроизводили тотъ же самый сюжетъ, но ни одинъ изъ нихъ не сравнился съ Леонардомъ-да-Винчи.

Въ картинъ Пусеня, Іуда сжимаетъ въ рукъ кошелекъ и украдкою выходитъ изъ комнаты. Это положеніе не такъ выразительно, какъ то, которымъ воспользовался Леонардо-да-Винчи. Мысль, будто Іуда, услышавъ себъ обвиненіе, скрывается—очень слаба.

Для этой темы возможенъ одинъ моментъ, именно тотъ, когда Спаситель произноситъ: «Истинно говорю вамъ, одинъ изъ васъ, ядущій со мною, предастъ меня» (Ев. Марка, гл. XIV ст. 18). Удивленіе, сомнъніе, негодованіе—вотъ мгновенныя чувства, составляющія драму; представьте жє себъ, что слова эти уже произнесены; за ними должно изобразиться уныніе, гнъвъ, стыдъ; ученики предаются негодованію противъ убъгающаго Іуды; не разрушится—ли единство, не раздълится—ли вниманіе, не проявятся ли страсти и не исчезнеть—ли спокойствіе, замътное въ произведеніи Леонардо—да—Винчи?

Около 1594 г. Клементій VIII заказаль Барочіо картину: «Тайная вечеря» для церкви Santa-Maria Sopra-Minerva, гдѣ она находится донынѣ. Художнику пришло на мысль помѣстить между апостолами нечистаго духа, который нашептываетъ Іудѣ мысль предательства. Папа нашелъ, что это слишкомъ большая вольность, и приказалъ художнику стереть дьявола.

Есть еще много этюдовъ головъ апостоловъ, нарисованныхъ карандашемъ, работы Леонардо-да-Винчи. Голова Спасителя находится въ Миланъ; этотъ почернъвшій и разорванный листокъ бумаги, одинъ изъ драгоцъннъйшихъ памятниковъ искусства; невозможно карандашемъ изобразить что нибудь божественнъе этой головы *.

Головы апостоловъ находятся въ Лондонъ въ коллекціп г. Вудбурна, (Woodburn).
 Лондонская Королевская Академія владъеть копісії масляными красками съ «Тайной вечери»,

Леонардо-да-Винчи прибыль въ Миланъ, въ эпоху силы и величія Лудовика Сфорца (Лудовика Мавра); онъ явился при дворъ на состязаніе съ трубадурами, въ кругу которыхъ были лучшіе музыканты и импровизаторы. Онъ восторжествоваль надъ всѣми; да-Винчи игралъ на инструментъ своей собственной работы и пълъ стихи своего сочиненія. Лудовикъ Сфорца, жестокій, но остроумный и щедрый властитель, часто вступалъ въ споры съ Леонардо-да-Винчи, въ которыхъ, въроятно, художникъ оказался не опаснымъ бойцомъ, потому что довъренность къ нему Сфорца постоянно возрастала.

Герцогъ пригласилъ его въ Миланъ, поручилъ ему основать Академію, надъ которой поставилъ его начальникомъ. Этимъ порученіемъ ограничились его заботы по части изящныхъ искусствъ. Леонардо работалъ медленно, и никогда не былъ доволенъ работою; извъстно, что онъ писалъ четыре года знаменитый портретъ Элизы-дель-Жіокондо, который теперь находится въ Луврской галереъ.

Много говорять о двухъ гипсовыхъ статуяхъ, вылъпленныхъ имъ для модели, но онъ никогда не были отлиты, и не смотря на то, что считались чудомъ искусства, были имъ разбиты вскоръ послъ окончанія работъ.

Жизнь при дворъ, надзоръ за громадными городскими постройками, завъдывание которыми герцогъ миланскій поручиль Леонардо-да-Винчи, лишали его возможности заниматься живописью. Онъ провелъ воду изъ ръки Адды въ Миланъ и вырылъ судоходный каналъ Монтеранскій черезъ долины Чіавени и Вальтелини, на пространствъ семидесяти-пяти миль.

Онъ занимался механикою и чертилъ много рисунковъ боевыхъ орудій и снарядовъ; ввелъ усовершенствованія въ фортификаціи, но всѣ они уничтожились, и система его совершенно оставлена, со времени введенія полевой артиллеріи.

Такими работами Леонардо-да-Винчи легко снискалъ располо-

написанной ученикомъ Леонардо-да-Винчи (Marco d'Oggione) одного размъра съ оригиналомъ. Въ Мюнхенъ, въ галерев Лейхтенбергской, находится картонъ величины оригинала, нарисованный Босси. По этому картону была выполнена мозаика, находящаяся въ Вънъ, въ галерев Амбрасы. Между гравюрами, самая лучшая работы Рафаэля Моргена, но въ ней замътно повреждение оригинала; абрисъ фигуръ не отчетливъ, выражение слабо, особенно Спасителя и Іоанна. женіе двора и сталъ необходимъ для герцога миланскаго, который въ то время велъ продолжительную войну противъ Папы и Венеціянской республики, а въ послъдствіи и противъ Франціи, за то, что Лудовикъ XII объявилъ права свои на миланское герцогство, которое должно было перейти къ нему по наслъдству со стороны матери.

Въ 1500 году, Лудовикъ Сфорца измѣною союзниковъ своихъ выданъ былъ французамъ и печально умеръ въ плѣну.

За годъ предъ этимъ Леонардо да-Винчи возвратился во Флоренцію.

Въ послъдствіи, обозръвая ломбардскія школы, мы упомянемъ объ академіи, которую основалъ да-Винчи въ Миланъ.

Во Флоренціи встрътиль онъ соперника въ Микель-Анджело Буонаротти, который въ то время хотя быль моложе его тридцатью годами, но уже въ полномъ развитіи таланта. Это соперничество кончилось состязаніемъ, знаменитымъ въ исторіи изящныхъ искусствъ. Флорентійскимъ дворянствомъ заказана была картина для залы Совъта, въ память войнъ противъ Пизы. Состязающіеся должны были представить картоны свои на судъ Совъта *.

Эти картоны исчезли или истреблены; но воть что говорить объ нихъ Бенвенуто Челлини, современникъ Микель-Анджело, который самъ ихъ копировалъ: «Эти произведенія, эскизы, представляютъ городъ Пизу, осажденный флорентійцами; Леонардо да Винчи дивно изобразилъ битву конницы, а Микель-Анджело борьбу пъшихъ воиновъ; они купались въ ръкъ Арно; услышавъ тревогу, они бросаются къ оружію полунагіе, но движенія ихъ такъ изящны, такъ ловко схвачены, что ни древніе, ни новъйшіе художники ничего подобнаго не могли выразить.»

Бенвенуто Челлини присовокупляеть, что прочія произведенія Микель-Анджело никогда недостигали того совершенства, какое видно въ этихъ этюдахъ. Онъ въ нихъ превзошелъ Леонардо да Винчи, но картина никогда не была написана.

Для представленія картоновъ не быль назначень срокь: Леонардо-да-Винчи представиль свой картонь въ 1503 году, а Микель-Анджело кончиль свой только въ 1506. Изъ этого следуеть, что слово состязаніе, употребленное во всехъ описаніяхь этого событія, выражаеть борьбу между великими художниками, а не спорную выставку, какъ это делается въ наше время.

Эти картоны составляли эпоху въ исторіи изящныхъ искусствъ, такъ, что художники, ихъ изучавшіе, образовали отдъльную категорію; объ нихъ говорили: «онъ изучалъ картоны», точно также, какъ въ наше время говорятъ объ испытанномъ воинъ: «онъ былъ при Аустерлицъ, или при Ватерлоо *.

Въроятно, неудача Леонардо да Винчи побудила его отправиться въ Римъ; если върить Вазари, то онъ сопровождалъ герцога Юліана Медичи, когда Левъ X былъ избранъ въ Папы (1513) но должно полагать, что отъъздъ его послъдовалъ скоръе послъ результата знаменитаго состязанія.

Какія бы ни были причины и эпоха этого путешествія, Леонардо-да-Винчи переселился въ Римъ. Фрески его работы находятся въ небольшомъ монастыръ св. Онуфрія, на вершинъ Яникуло, съ котораго представляется одинъ изъ восхитительнъйшихъ видовъ Рима. Въ этомъ монастыръ умеръ Тассъ, наканунъ дня увънчанія въ Капитоліи **. Фреска Леонардо-да-Винчи самаго возвышеннаго стиля. Она представляетъ Мадону; лицо выражаетъ кроткую задумчивость, отличительную черту въ произведеніяхъ этого великаго художника; но колоритъ слишкомъ теменъ, какъ въ большей части его картинъ.

Въ галерев Скіара (Sciarra), находится также небольшая картина его работы, тъмъ болъе драгоцънная, что подлинныя произведенія этого живописца очень ръдки; она представляетъ Скромность и тищеславіе, въ видъ полуфигуръ двухъ женщинъ; одна изъ нихъ нарядна и кокетлива, другая въ простомъ платьъ и скромна; на головъ ея покрывало; профиль ея—совершенство. На лицъ фигуры, изображающей тщеславіе, видна необыкновенно-пріятная улыбка. Эта картина отличается тщательностью отдълки, головка замъчательна формою, живостью глазъ, но въ особенности тонкостью выраженія ***.

^{*} Въ Лондонъ, въсколько лътъ тому, явилась въ уменьшенномъ видъ работа Скіавонетти съ картона Микель-Анджело, снятая въроятно съ рисунка архитектора Сан-Галло, сдъланнаго подъ руководствомъ самаго Микель-Анджело. Рубенсъ снялъ копію съ части картона Леонардо-да-Винчи; говорятъ, что эта копія есть прекрасная гравюра Эделинка, которая представляетъ четырехъ всадниковъ, защищающихъ знамя.

Типсовый савнокъ, снятый съ Тасса посав смерти, хранится въ библютекъ монастырской.

Въ колекціи принца Оранскаго есть другая полуфигура тицеславія, работы Леонардода-Винчи, не менъе замѣчательная по отдѣлкъ.

Посътителямъ Рима не мъщаетъ запомнить слъдующій совъть: осматривая галерею, не останавливайте вниманія на всъхъ вообще картинахъ; изучите сперва какія картины заслуживаютъ мъсто въ памяти вашей и потомъ занимайтесь только ими. Смотръть на все значить не видъть ничего. Зръніе, какъ и пресыщенный вкусъ, теряетъ способность оцънивать оттънки, ему даже становится трудно различать высокое отъ посредственнаго. Величайшее неудобство большихъ галерей состоитъ въ огромномъ количествъ предметовъ, въ нихъ заключающихся; глазъ утомляется, и произведенія, наиболъе достойныя зоркаго разсмотрънія, мы проходимъ безъ вниманія.

Нельзя разсматривать картину только отдъльно; ее должно сличать съ главными произведеніями, находящимися въ галерев; напримъръ, въ этой галерев Sciarra, есть картина Рафаэля «Скрипачъ», можеть быть, совершеннъйшій изъ всъхъ существующихъ портретовъ, а близъ него женская фигура, одно изъ изящнъйшихъ произведеній Тиціана; сравните ихъ съ картиною Леонардо-да Винчи, отыщите сходство и разность, характеризующія каждое изъ этихъ твореній, и вы отдадите себъ отчеть въ относительныхъ качествахъ и достоинствахъ двухъ великихъ живописцевъ; сравните Леонардо-да-Винчи съ художниками ему современными, близкими, и вы легко поймете, почему онъ такъ высоко стоитъ во мнъніи знатоковъ.

Леонардо-да-Винчи въ теченіе нъсколькихъ лътъ приготовлялся къ выполненію творенія, которое предпринималъ; выполнялъ его съ неутомимою рачительностью; никогда не писалъ въ первомъ порывъ, зная, что такая медленность не мъшаетъ вдохновенію, но даетъ ему должное направленіе и держитъ его въ браздъ.

Портретъ Элизы дель-Жіокондо, самая характерическая, превосходная и лучше всѣхъ сохранившаяся его картина. Неподражаемая гармонія во всѣхъ чертахъ лица, глаза, дышащіе жизнію, взглядъ нѣжный, задумчивый, сладострастный, составляютъ особенную прелесть его женскихъ головокъ. Въ немъ нѣтъ пылкаго, слишкомъ чувственнаго воображенія, какъ, напримѣръ, у Тиціана, но онъ мастерски выражаетъ страсть серьёзную, благородную, вѣчную.

Есть еще другой, не менъе знаменитый женскій портреть его кисти, извъстный подъ названіемъ la belle Ferronière; одни пола-

гаютъ, что это портретъ любовницы Франциска I, другіе Лукреціи Кривелли, молодой медіоланки, которую Леонардо страстно любилъ. Въ первомъ случать, картина эта должна принадлежать къ послъднимъ его произведеніямъ, потому что онъ былъ во Франціи въ послъдніе три года своей жизни. Нельзя утвердительно сказать, что ему же принадлежитъ Святое Семейство, подъ названіемъ La Vierge aux rochers, находящееся тоже въ Лувръ; къ несчастію, картина эта очень повреждена. Леонардо-да-Винчи написалъ очень мало картинъ, по-крайней-мъръ, онъ кончилъ очень немногія изъ нихъ; но онъ составилъ множество картоновъ, а ученики его писали съ нихъ картины, которыя въ настоящее время слывутъ подъ его именемъ.

Ученики этого великаго художника подражали его характерическимъ качествамъ, но не списывали его произведеній, это замѣчаніе дѣлаєтъ ему величайшую честь, какъ основателю школы. Леонардо-да-Винчи имѣлъ даръ передавать ученикамъ свою мысль, теорію искусства, а не процессъ исполненія. Рафаэль обладалъ этимъ же достоинствомъ, но успѣхъ не увѣнчалъ его усилій, въ такой мѣрѣ, какъ Леонардо-да-Винчи. Ученики Леонарда приближаются къ учителю, и произведенія Лоренца Крепи, Бернардина Луини легко могутъ быть приняты за оригиналы Винчи. Въ Миланѣ находится самая полная школа Леонардо. Мы возвратимся къ ней, когда будемъ говорить о школѣ Ломбардской.

Францискъ 1, послѣ побъды при Мариньянъ (1515), вступилъ въ Миланъ. Онъ увидълъ «Тайную вечерю» и хотълъ перенести ее въ Парижъ, считая это произведеніе блистательнъйшимъ трофеемъ побъды. Но какъ невозможно было, не смотря на усилія отдълить стъну, на которой была написана эта картина, то должно было отказаться отъ такого намъренія. Не будучи въ состояніи овладъть твореніемъ, Францискъ I хотълъ перевезти художника; онъ пригласилъ да-Винчи послъдовать за нимъ во Францію. Семидесяти-лътній Винчи принялъ предложеніе, но по старости не могъ взять на себя значительной работы, и такимъ образомъ его пребываніе во Франціи было безполезно для изящныхъ искусствъ. Онъ умеръ въ 1519 году, въ Фонтенбло. Преданіе говорить, что онъ скончался на рукахъ Франциска I, въ ту минуту, когда приподнимался, чтобъ привътствовать его. Разсказъ

этотъ былъ много разъ представленъ въ картинахъ, но онъ вымышленъ.

Кромъ названныхъ нами произведеній да-Винчи есть еще въ разныхъ музеяхъ главныя его картины, изъ которыхъ замѣчательнъйшія: въ Вѣнѣ—Леда; въ Дрезденѣ—портретъ герцога Лудовика Сфорца; въ Петербургъ — Святое семейство; въ Венеціи портретъ Цезаря Борджіа, который генералъ Пепе пожертвоваль французской республикъ, въ ноябрѣ 1848 года, съ тѣмъ, чтобы продажею его покрыть издержки войны противъ Австріи.

Сочиненія Леонардо-да-Винчи столько же драгоцівным для изящных в искусствъ, какъ и его картины, но очень немногія изънихъ были напечатаны. Въ его Tratto de la pitura «Трактатъ о живописи» онъ излагаетъ теорію тівней, отсвіта, світо-тівни, съ замівчательною точностью; есть также отрывокъ его: Traité sur les mouvements du corps humain. Библіотека въ Мюнхенть богата рукописями Леонардо-да-Винчи.

g men ji ka sa matang kempang terbahan pang kempang terbahan pang terbahan pang terbahan pang terbahan pang te Kempang terbahan pang terbahan

it komponik ((cké)) ing amigsil angropi talog katoka ik anagropi i og arogu komponikawa takong pomban bernilaka ikang mango. agawa katoka ang komponikan mangokakon barang pangon mangon ora danga katokang katokang katokang katokang katokang katokang

unica de sul en cultación de como describer describer ano el unicalidad describer. Calouras en culturas de actuados en calouramento el anocimiento de considerad.

to consume the company of the first and the following of the company of the common of

drings 17. There is a very server server by the transfer by the execution of

III.

ХРИСТОФОРЪ КОЛОМБЪ.

А. Ламартина.

XLIV.

Кормчій на суднъ Коломба, входя послъдовательно во всъ бухты и устья рекъ, попалъ во время сна адмирала на мель. Корабль, подъ ударами кипящихъ волнъ, близкій къ погибели, покинутъ былъ виновнымъ кормчимъ и многими матросами, которые, подъ предлогомъ завести къ берегу якорь, съли въ шлюцки и перебрались на другое судно, почитая Коломба обреченнымъ на явную гибель. Но адмиралъ не терялъ бодрости: если онъ не могъ спасти своего судна, то, по-крайней-мъръ, спасъ остальныхъ своихъ товарищей. Онъ противоборствовалъ страшному буруну до-тъхъ-поръ, пока судно не стало распадаться на части; тогда, посадивъ всъхъ людей на приготовленный плотъ, онъ присталъ, какъ потериввшій кораблекрушеніе, къ берегу, на который еще такъ недавно вступаль завоевателемь. Туть присоединилось къ нему последнее его судно. Несчастіе Коломба не охладило къ нему дружбы кацика, у котораго предъ этимъ онъ гостилъ. Этотъ кацикъ, называвшійся Гваканагари, первый другь и первая жертва пришельцевъ, ливалъ слезы о злополучіи Коломба. Онъ предложиль испанцамъ свой домъ, запасы и всевозможныя пособія. Обломки отъ кораблекрушенія и вст цтнныя вещи европейцевъ, исторгнутыя изъ волнъ, положены были

Смъсь.

на взморьт и охранялись, какт нти священное, не только отт расхищенія, но даже отт докучливаго любопытства. Индтіцы, не понимавшіе собственности въ отношеніи къ самимъ себт, казалось, понимали и уважали ее въ отношеніи къ несчастнымъ своимъ гостямъ. Коломбъ въ письмахъ своихъ къ королю и королевт говорить съ трогательнымъ увлеченіемъ о великодушіи этихъ островитянъ. «Нттъ въ цтломъ мірт лучшей страны и лучшихъ жителей. Они любятъ ближнихъ, какъ самихъ себя; разговоръ ихъ всегда ласковъ, ни у кого не видно ни заботы, ни печали. Хотя они и наги, но скромность и птломудріе составляютъ наилучшую ихъ одежду.»

Коломбъ, будучи въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ молодымъ кацикомъ, получилъ отъ него въ подарокъ нъсколько украшеній изъ чистаго золота. При видъ золота, у испанцевъ разоъжались глаза. Они обнаружили такую страсть къ стажанію, такую жадность, что кацикъ и его подданные удивились и даже пришли въ ужасъ; имъ показалось, что ихъ новые друзья какъ будто вдругъ переродились и перемънили къ нимъ свое расположение. Къ несчастию, это было справедливо. Товарищи Коломба искали фантастическихъ богатствъ востока, тогда какъ онъ искалъ таинственнаго материка земнаго. Золото было для нихъ слишкомъ соблазнительно; на лицахъ изобразилась жадность и жестокость, отпечатокъ ихъ тайныхъ помысловъ. Кацикъ, узнавъ, что этотъ металлъ составляетъ кумиръ европейцевъ, указалъ на горы, за вершинами которыхъ есть страна, изобилующая золотомъ. Коломбъ не сомнъвался болье, что наконець нашель источникь, изъ котораго Соломонъ почерналь свои сокровища; онь спешиль возвратиться въ Европу, чтобъ возвъстить о своихъ неимовърныхъ успъхахъ. Между тъмъ, желая на время своего отсутствія оставить нісколько испанцевъ на острові, построиль, для безопасности ихъ, въ деревит кацика кръпость. Онъ выбралъ изъ лучшихъ офицеровъ и матросовъ сорокъ человъкъ, чтобъ оставить ихъ въ Новомъ Свътъ, подъ начальствомъ Педро де Арена. Имъ приказано было точнъе развъдать, гдъ именно находится страна, изобилующая золотомъ, и поддерживать въ индъйцахъ дружбу и уважение къ испанцамъ. Коломоъ отправился въ Европу, осыпанный дарами кацика: онъ везъ съ собою вънцы и украшенія изъ чистаго золота, полученные въ подарокъ или черезъ мину отъ островитянъ.

Обходя островъ, Коломбъ встрътилъ невърнаго своего товарища Алонзо Пинсона. Подъ предлогомъ, что случайно разлучился съ адмираломъ, онъ скрылся въ далеко вдавшейся въ землю бухтъ, и вышедъ на берегъ, вмъсто того, чтобъ подражать кроткой политикъ Коломба, ознаменовалъ свое появленіе кровопролитіемъ. Адмиралъ, соеди-

нясь съ своимъ помощникомъ, показывалъ будто въритъ его оправданіямъ. Онъ приказалъ Пинсону следовать за нимъ въ Европу. И такъ они отправились витстъ, горя нетеривніемъ возвъстить Испаніи о чудесахъ своего плаванія. Но океанъ, такъ легко несшій ихъ съ попутнымъ пассатомъ къ Америкъ, теперь противными вътрами и волнами отталкиваль ихъ отъ береговъ Европы, которыхъ такъ нетеривливо желали они достигнуть; одинъ Коломовъ зналъ настоящій путь и пройденныя по немъ растоянія, и когда товарищи его считали себя еще въ тысячь миляхъ отъ Европы, онъ увъренъ былъ въ близости острововъ Азорскихъ, которые и незамедлили открыться. Между тъмъ поднялась жестокая буря; изъ набъжавшихъ тучъ разразилась буря, молніи озарили все небо; кинящія волны, какъ горы, возносили и низвергали утлыя суда, не управляемыя болье рудемь и парусами. Шесть дней и шесть ночей предъ плавателями, вблизи ихъ отечества, разверзта была бездонная могила. Суда делали другь другу сигналы, но въ темноте не могли ихъ видъть. Носимыя бурею между Азорскими островами и испанскимъ берегомъ, они считали себи погибшими. Коломбъ, полагая, что Пинта съ Пинсономъ погребена въ морской пучинъ, ежеминутно ожидаль и себъ такой же участи. Онь готовь быль пожертвовать своею жизнію, но приходиль въ отчанніе отъ потери своей славы. Нести старому свъту величайшее открытіе, быть вблизи къ отечественныхъ берегамъ и погибнуть-это превышало его твердость. Душа Коломба возмущалась при этихъ мысляхъ. Умереть на берегахъ Европы, надъливъ ее открытыми сокровищами, такой участи Коломоъ покорился бы съ радостью; но погребсти съ собою вторую вселенную, унесть въ могилу ключъ къ разгадкъ тайны земнаго шара, которую люди, его братья, въ теченіе столькихъ въковъ тщетно искали, тутъ заключалась тысяча смертей въ одной! Онъ молилъ Бога, чтобъ съ обломками кораблекрушенія принесены были къ берегамъ Испаніи доказательства его открытій и возвращенія. Бури смінялись бурями и судно наполнялось водою; враждебные взгляды, глухой ропотъ или зловъщее молчание матросовъ были укоромъ упрямства, соблазнившаго и увлекшаго ихъ въ это пагубное плаваніе. Они находили въ этомъ продолжительномъ гитвъ стихій какъ бы мщеніе океана человѣку, осмѣлившемуся исторгнуть у него тайну, и сбирались бросить дерзкаго въ море, чтобъ жертвою виновнаго усмирить буйство разъяренныхъ волнъ.

XLV.

Коломоъ, пренебрегая этимъ гнъвомъ, думалъ только объ участи своего открытія. Онъ написалъ на пергаминъ нъсколько краткихъ записокъ о своемъ плаваніи и открытіяхъ, и заключивъ ихъ въ воскъ и кедровые ящики, бросиль въ море, надъясь, что волны принесуть ихъ къ какому нибудь берегу. Сказываютъ, что одинъ изъ этихъ буйковъ, три съ половиною въка носившійся по волнамъ океана, недавно найденъ былъ на берегу Африки, противъ Гибралтара. Посланный на песчаное взморье за баластомъ матросъ замътилъ окаменълый кокосовый оръхъ, и принесъ его, какъ ръдкость, на судно. Капитанъ, любопытствуя узнать, сохранилась-ли внутренность кокоса, разбилъ скорлупу и въ пустотъ ея нашелъ пергаменъ съ древними писменами; какой-то ученый въ Гибралтаръ съ трудомъ могъ разобрать слъдующія слова: «Мы не можемъ болъе одного дня противустоять буръ. Мы находимся между новыми берегами, открытыми на западъ, и берегами Испаніи. Если судно погибнетъ, можетъ-быть, это свидътельство попадется въ чъи-нибудь руки. Христофоръ Коломбъ.»

Океанъ продержалъ 358 лѣтъ это посланіе и вручилъ его Европъ тогда уже, когда Америка населенная, процвѣтающая, соперничествуетъ во всемъ со старымъ свѣтомъ. Игра случая, показывающая какъ долго могло быть скрыто отъ людей великое открытіе, еслибъ Провидъніе не повелѣло волнамъ пощадить Коломба.

XLVI.

На другой день закричали: «Берегь!» Это быль португальскій островъ Санта-Марія, крайній изъ Азорскихъ. Но завистливые португальцы отвергли Коломба и его товарищей. Они снова принуждены были многіе дни бороться со встми ужасами бури и голода, и только 4-го марта могли войти въ устье Таго и бросить якорь у берега, хотя и европейскаго, но враждебнаго Испаніи. Коломбъ, представленный португальскому королю, разсказалъ ему о своихъ открытіяхъ, не означая однакожъ пути, изъ опасенія, чтобъ тамошнее правительство не предупредило своимъ флотомъ испанскіе флоты. Окружающіе короля даже предлагали ему умертвить великаго мореплавателя, чтобъ уничтожить вмъстъ съ нимъ тайну открытія и права испанской короны на новыя земли; но Іоаннъ II, изъявивъ негодование за подобную низость, оказывалъ Коломбу почтеніе. Последній поспешиль послать нарочнаго къ своимь государямь, съ извъстіемъ о своемъ успъхъ и скоромъ возвращеніи моремъ въ Палосъ. 15 марта онъ сошелъ тамъ на берегъ при восхождении солнца и не смътномъ множествъ жителей, упоенныхъ радостію. Народъ бъжаль въ воду, чтобъ нести Коломба въ тріумфъ на берегъ. Онъ упаль въ объятія друга и покровителя своего, Хуана Переса, бъднаго настоятеля

Смись.

монастыра Равидскаго, который одинъ повърилъ Коломбу, и за въру свою былъ награжденъ новымъ міромъ. Коломбъ торжественно, пъшкомъ, босой, отправился въ монастырь принести благодареніе Господу за спасеніе свое, славу и завоеванія. Народъ сопровождалъ его благословеніями до тъхъ самыхъ монастырскихъ воротъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ, одинъ съ мальчикомъ, пѣшкомъ, какъ нищій, просилъ себѣ крова. Никогда никто изъ людей, отъ сотворенія міра, не приносилъ отечеству и потомству подобнаго завоеванія, и это завоеваніе совершено Коломбомъ такъ, что не стоило человѣку ни жизни, ни капли крови, ниже слезинки. Наилучшими для Коломба днями были проведенные имъ теперь въ монастырѣ Равидскомъ, гдѣ онъ отдохнулъ подлѣ друга своего и въ объятіяхъ своихъ дѣтей.

XLVII.

Казалось, Провидънію угодно было вполнъ наградить Коломба и наказать преслъдующую его зависть. На другой день вошель въ Палосскій портъ начальникъ пинты Алонзо Пинсонъ, желавшій предупредить Коломба, и воспользоваться первымъ торжествомъ. Но обманутый въ своихъ виновныхъ ожиданіяхъ и боясь наказанія, Пинсонъ, увидя судно Коломба въ портъ на якоръ, съ горя и зависти умеръ. Коломбъ слишкомъ былъ великодушенъ, чтобъ радоваться несчастію своего противника. Казалось, что Немезида, преслъдующая великихъ людей, сама собою испустила послъднее дыханіе у ногъ его.

XLVIII.

Изабелла и Фердинандъ, извъщенные чрезъ посланнаго о возвращении и завоеванияхъ Коломба, ожидали его въ Барцелонъ съ тріумфомъ и дарами, достойными великой его васлуги. Испанское дворянство стекалось туда изъ всъхъ провинцій, чтобъ участвовать въ этомъ торжествъ. Коломбъ вошелъ въ Барцелону какъ завоеватель и властитель будущихъ царствъ. Индъйцы, привезенные на эскадръ, какъ живыя доказательства существования другихъ племенъ человъческаго рода въ новыхъ земляхъ, открывали шествіе. Тъло ихъ было испещрено различными красками, на шеъ были ожерелья изъ жемчуга и чистаго золота, ихъ сопровождали неизвъстные звъри и птицы; драгоцънные камни, собранные съ новыхъ береговъ, разложены были на золотыхъ блюдахъ и несомы на головахъ черными невольниками и маврами. Народъ въ несмътномъ множествъ толпился, баснословная молва слъдовала за спутниками и товарищами трудовъ и славы адмирала. Коломбъ верхомъ на королевской, богато-уб-

райной лошади, сопровождаемъ былъ множествомъ всадниковъ изъ придворныхъ и дворянъ. Взоры встять устремлены были на одного, который по вдохновенію свыше первый приподняль зав'єсу и разоблачиль тайну Окезна. Искали въ чертахъ лица его видимые знаки посланничества и находили. Коломоъ одаренъ былъ прекрасною, величественною, задумчивою наружностью, въ немъ какъ-бы соединялись въчная юность съ важностью зрелыхъ леть, мысль съ действіемъ, сила съ сединою, чувство собственнаго достоинства съ благоговъніемъ къ Богу, избравшему его предъ всеми. Государи воздавали признательность Коломбу въ почестяхъ. По словамъ очевидцевъ входа его въ Барцелону, Коломбъ казался встмъ пророкомъ, героемъ, которому удивленный, восторженный народъ устилалъ путь пальмами. «Никто, говорять они, не могъ съ нимъ сравниться; всь находили его величайшимъ, счастливъйшимъ изъ людей». Изабелла и Фердинандъ приняли его на тронъ, подъ золотымъ балдахиномъ. Они встали предъ нимъ, какъ предъ Божінмъ посланникомъ, посадили его вровень съ своимъ трономъ и слушали торжественное подробное повъствованіе о его путешествін. Подъ конецъ краснорфчиваго, поэтическаго, исполненнаго священнаго энтузіазма разсказа, король и королева, тронутые до слезъ, пали на колъна и возблагодарили Господа за величайшую, когда-либо дарованную владыкамъ земнымъ побъду.

Тотчасъ посланы были ко всъмъ европейскимъ дворамъ гонцы возвъстить великую новость и имя виновника ея. Неизвъстность, покрывавшая дотоль жизнь Коломба, уступила мъсто громкому блестящему имени, наполнившему собою всю землю. Открытіе бъднаго кордуанскаго географа было предметомъ разговоровъ всего свъта. Коломбъ недопустиль себя возгордиться почестями, но и не унизился предъ завистью, начавшею возставать на его славу. Однажды, когда онъ приглашенъ былъ къ столу Фердинанда и Изабеллы, одинъ изъ присутствующихъ, завидуя чести, оказываемой чесальщику шерсти, лукаво спросиль его, какъ онъ думаетъ: открылъ-ли бы кто другой новый свътъ, еслибъ онъ не родился? Коломбъ не отвъчалъ прямо на этотъ вопросъ, опасаясь сказать о себъ слишкомъ много или слишкомъ мало. Но взявъ яйцо, обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ, не можетъ-ли кто поставить его на етоль. Никто не могъ этого сдълать. Тогда Коломбъ разбивъ носокъ, поставилъ яйцо на столъ, сказавъ своимъ противникамъ, что выдумка не велика, однако никому прежде его въ голову не приходила. Аллегорія была понятна, и въ последствін сделалась ответомъ каждаго избранника, открывающаго полезную истину.

Почести, титла, надъление землями, которыя онъ отыщетъ или завоюетъ, были объщаны въ формальныхъ договорахъ съ дворомъ Ко-

ломбу. Ему предоставлено было званіе вице-короля, управленіе и четвертая часть доходовь со всёхъ земель и остгововъ, где только водрузить онъ кресть и испанское знамя. Архидіаконъ севильскій, Фонсека, съ титломъ патріарха Индіи, получиль порученіе приготовить и снарядить новую экспедицію, которую Коломбъ поведеть къ обширнейнимъ завоеваніямъ. Но съ этого самаго дня, Фонсека сделался тайнымъ врагомъ великаго мореплавателя, и какъ бы желая унизить геніяльнаго человека, подъ видомъ услугъ, делаль ему всевозможныя затрудненія. Его медлепность и разные предлоги ограничили до семнадцати судовъ эскадру, назначенную итти съ адмираломъ на другой край Атлантическаго океана.

Между-тъмъ предпрінмчивость, одушевлявшая въ эту впоху испанцевъ, духъ религіозный, духъ рыцарства увлекли на эти корабли множество духовныхъ, дворянъ и простыхъ искателей приключеній; одни желали распространенія въры, другіе пріобрътенія славы и богатства, всъ рвались быть первыми въ этихъ новыхъ странахъ, еще болье украшаємыхъ воображеніемъ. Вмъстъ съ ремесленниками и земледъльцами отправлены были на корабляхъ разныя домашнія животныя, съмяна, растенія, виноградныя лозы, фруктовыя деревья, сахарный тростникъ, образцы ремеслъ и художествъ, для испытанія климата, почвы и для вымъна у жителей за европейскія бездълицы—золота, жемчуга и благовонныхъ растеній Индіи. Это былъ какъ-бы новый крестовый походъ для распространенія истинной религіи, завоеваній, промышлености и торговли, для славы и къ несчастію должно сказать, для удовлетворенія алчности къ богатству. Одни искали небеснаго, другіе земнаго, всъ стремились къ чудному неизвъстному.

Знаменитъйшій изъ спутниковъ, отправившихся съ Коломбомъ, былъ Алонзо-де-Оіеда, прежній нажъ королевы Изабеллы. Это былъ красивъйшій, самый отважный и предпрімичивый изъ придворныхъ. Храбрость его иногда доходила до безумія. Однажды Изабелла вошла на самый верхъ высочайшей въ Севильъ башни, называемой Жиральда, чтобъ полюбоваться оттуда на домы и улицы, разбросанныя подъ ея ногами, подобно муравейнику. Вдругъ Алонзо, вспрыгнувъ на выдавшуюся со стъны узкую балку, и пробъжавъ по ней до внъшняго ея конца, началъ скакать на одной ногъ надъ пропастью, чтобъ позабавить королеву. Настоящее сумасшествіе! Однако голова не закружилась, и Алонзо остался цълъ.

XLIX.

25 сентября 1493 г., вся флотилія вышла изъ Кадикскаго залива.

Крики радости, сопровождавшіе ее, оглашали воздухъ и служили добрымъ предзнаменованіемъ для второй экспедиціи, шелшей къ новымъ завоеваніямъ. Сыновья Коломба проводили отца до адмиральскаго корабля; онъ благословилъ ихъ и оставилъ въ Испаніи, чтобъ лучшая въ нихъ часть собственной его жизни не подвергалась опасностямъ, на которыя онъ смело пускался. Эскадра состояла изъ трехъ большихъ кораблей и четырнадцати каравелъ. Они также легко проплыли океанъ, какъ и въ первый разъ. 2 ноября флотилія открыла Гваделупу, прошла между Каранбскими островами, и назвала этотъ архипелагъ именами, заимствованными изъ священныхъ воспоминаній; потомъ, приближаясь къ Испаньолъ, нынъшнему Гаити, Коломбъ направилъ паруса къ заливу, на берегу котораго построена была кръпость и оставлено сорокъ человъкъ испанцевъ. Онъ подходилъ, волнуемый безпокойствомъ и надеждой; наступила уже ночь, когда онъ бросилъ якорь на рейдъ. Не дожидаясь утра, не узнавъ еще объ участи колоніи, громъ пушекъ грянулъ съ кораблей и разнесся по волнамъ, чтобъ извъстить испанцевъ о его возвращении. Но кръпостныя пушки молчали, одно эхо повторяло европейскій прив'ять новому св'яту. На другой день при разсв'ять онъ увидълъ пустынный берегь, разрушенную крипость и пушки, до половины засыпанныя подъ ея развалинами; по песчаному взморью валялись бълыя кости испанцевъ. Природные жители въ маломъ числъ показывались издали, но не смъли приблизиться, удерживаемые, можеть быть, чувствомъ упрека или страхомъ ищенія. Кацикъ, увъренный столько же въ своей невинности, сколько и въ справедливости Коломба, котораго научился любить и почитать, решился напоследокъ подойти къ европейцамъ. Онъ оплакивалъ преступленія оставленныхъ на островъ испанцевъ, употребившихъ во зло гостепримство его подданныхъ, которыхъ они притъсняли, дълали рабами, у которыхъ похищали женъ и дочерей, и наконецъ довели до мщенія. Убивъ множество индъйцевъ, предавъ огню ихъ жилища, они въ свою очередь и сами были истреблены.

Сожженная кръпость, съ погребенными въ ней костями, была первымъ памятникомъ соприкосновенія двухъ различныхъ племенъ, изъ которыхъ одно несло другому рабство и истребленіе. Коломбъ пролилъ слезы о преступленіяхъ своихъ соотечественниковъ и несчастіяхъ кацика. Онъ ръшился искать на этомъ острову другаго берега для высадки и заселенія.

Между молодыми индіянками съ сосъдственныхъ острововъ, которыя находились на судахъ, прекраснъе всъхъ была Каталина, понравившанся кацику, который посъщалъ корабль Коломба. Уговоръ бъгства сдъланъ былъ между кацикомъ и предметомъ его любви, посредствомъ Смись.

знаковъ, непонимаемыхъ европейцами. Ночью, когда Коломбъ поставилъ паруса, Каталина и ея подруги, обманувъ бдительность стражи, бросились въ море; тщетно преслъдуемыя шлюпками, онъ плыли къ берегу, направляясь къ огню, нарочно разложенному молодымъ кацикомъ. Любовники, соединясь послъ столь удивительной неустрашимости, убъжали въ лъса, чтобъ скрыться отъ гнъва европейцевъ.

L

Коломоъ, приставъ снова къ дъвственному берегу, основалъ на немъ городъ Изабеллу, вошелъ въ дружескія сношенія съ природными жителями, строился, обрабатывалъ почву и управлялъ первою колонією, матерью многихъ другихъ. Онъ посылалъ военные отряды для осмотра равнинъ и горъ Испаньолы; ласкалъ, привлекалъ и напослъдокъ подчинилъ мудрымъ и отеческимъ законамъ различныя племена этихъ обширныхъ странъ; сооружалъ кръпости, прокладывалъ въ разныхъ частяхъ своей имперіи дороги, искалъ золота, которое не было такъ обильно въ этихъ странахъ, которыя онъ смъщивалъ съ Индіей, но за то въ нихъ оказалось много неистощимыхъ богатствъ плодородной почвы и народа, готоваго къ порабощенію.

Большую часть судовъ своихъ онъ отослалъ въ Испанію, прося государей о присылкъ новыхъ людей, орудій, растеній и необходимыхъ съмянъ для обширныхъ странъ, которыя покорялъ онъ религіи, нравамъ и искусствамъ Европы. Недовольные честолюбцы и завистники спъшили отправиться на корабляхъ, чтобъ распространить противъ него ропотъ, клевету и обвиненія. Коломбъ одинокій, страдая подагрою, перенося жестокія мученія, осужденъ былъ на тълесное бездъйствіе при непрестанныхъ умственныхъ занятіяхъ, тогда, какъ новая колонія озабочивала его своими раздорами, заговорами, безстыднымъ развратомъ и недостаткомъ предовольствія для экипажей.

Всегда снисходительный, великодушный, Коломоъ единственно силою своего характера обуздаль буйство своихъ соотечественниковъ и возмущение помощниковъ, ограничиваясь тъмъ, что сажалъ непокорныхъ на корабли, стоявшие на рейдъ. Оправясь отъ продолжительной бользни, онъ осмотрълъ островъ съ отрядомъ избранныхъ людей, тщетно отыскивая золотыхъ рудниковъ Саломона, изучая природу и нравы, вселяя повсюду уважение и любовь къ своему имени.

LL

По возвращеніи, онъ нашель тѣ же безпорядки и пороки, ту же непокорность. Испанцы употребляли во зло превосходство свое надъ остро10 Смпсь.

витянами и страхъ ихъ къ лошадямъ. Индейцы считали ихъ за чудовищныя существа, составляющія одно съ всадвикомъ, которыя попирали и поражали громомъ и молнією непріятелей. Благодаря этому страху. испанцы покоряли, оковывали, мучили этотъ добрый и кроткій народъ. Коломбъ строго наказалъ своихъ соотечественниковъ за тиранство надъ индъйцами. Онъ несъ имъ въру и искусства, а не иго, пороки и смерть. Установивъ изкоторый порядокъ, Коломов отправился для осмотра острова Кубы, который видель прежде мимоходомъ. Достигнувъ его, онъ шелъ вдоль береговъ, и не видя имъ конца, приняль этоть островь за материкь. Оттуда пустился къ Ямайкв, другому обширному острову, вершины котораго виднёлись въ облакахъ. Проходя потомъ архипелагомъ и назвавъ его Садомъ королевы, по богатству и ароматическимъ растеніямъ, онъ возвратился въ Кубу, гдь успъль завести нъкоторыя сношенія съ жителями. Индъйцы присутствовали съ удивленіемъ и почтительностью при богослуженіи испанцевъ, которое совершено было въ гротъ, осъненномъ пальмами. По окончании священнаго обряда, одинъ старецъ, приблизясь къ Коломбу, сказалъ ему торжественнымъ голосомъ: «То, что ты теперь сдълалъ, хорошо; кажется это твое служение истинному Богу. Говорятъ, что ты пришелъ сюда съ могуществомъ и силою, которымъ ничто противустоять не можеть. Если это такъ, узнай чрезъ меня чему учили насъ предки наши: когда, по волъ божества, душа человъческая разлучается съ теломъ, она идетъ въ страну света и утехъ, или въ страну, лишенную солнца и деревъ, смотря по тому, чего она здъсь заслужила, дълая добро или зло ближнимъ. Если и ты подобно намъ, долженъ умереть, берегись, чтобъ не сдълать зла намъ и всемъ темъ, которые тебъ не сдълали вреда!»

Эти слова индъйскаго старца, переданныя Ласказасомъ, показывали, что индъйцы имъли, по преданіямъ, хорошія понятія о нравственныхъ началахъ.

egunung gerjaman menggesunggunan serjagai anya Masakaranda Africa bertambahan Menggan penggan di merupakan penggan bertambahan penggan penggan penggan penggan penggan penggan penggan pengga

Коломбъ, послъ труднаго и продолжительнаго путешествія, возвратился чуть живой въ Испаньолу. Заботы и безпокойства, соединясь съ бользнію и тяжестью льть, минутно восторжествовали надъ его геніемъ. Матросы привезли адмирала обратно въ Изабеллу, уничтоженнаго, почти безчувственнаго. Но Провидъніе, никогда неоставлявшее Коломба, пеклось о немъ и во время тяжкой его бользни. Пришедъ въ себя, онъ увидъль у изголовья своей постели любимаго своего брата, Вареоломея

CMBCb. 11

Коломба, который прітхаль изъ Европы въ Испаньолу, какъ бы предчувствуя всю опасность его положенія. Варооломей одарень быль отъ природы атлетическими формами, железными мускулами, величественнымъ видомъ и голосомъ, который, казалось, обуздывалъ волны и вътеръ. Мореплаватель, съ юныхъ лётъ солдатъ, искатель приключеній, онъ былъ смълъ и внушалъ невольное повиновение. Это былъ человъкъ одинаково способный для битвъ и управленія, помощникъ, наиболъе нужный Коломбу въ крайнихъ обстоятельствахъ, въ которыя ввергнута была анархією его имперія. Это быль брать пъжный и почтительный. Родственныя чувства отвъчали Коломбу за върность такого помощника. Взаимныя чувства братьевъ были и лучшимъ ручательствомъ, въ довъренности одного и покорности другаго. Коломоъ вручилъ ему съ титломъ «adelantado» reнералъ-интенданта и вице-губериатора начальство и управление колонією, на многіе мъсяцы, въ которые ослабленное его здоровье принуждало къ бездъйствію и отдохновенію. Строгій Варооломей внушаль болве уваженія, но вивств съ темъ возбуждаль и сопротивленія.

Отважность и коварство одного молодаго испанскаго воина, по имени Оједа, вовлекли въ кровопролитныя войны индъйцевъ съ колоніею. Этотъ неустрашимый авантюристъ, проникнувъ съ нъсколькими всадниками въ отдаленную и независимую часть острова, уговорилъ одного кацика сопутствовать ему съ многими индъйцами обратно въ Изабеллу, чтобъ подивиться величію и богатству европейцевъ. Прельщенный кацикъ последоваль за Оједо. После несколькихъ дней путешествія, когда они остановились для отдохновенія на берегу ръчки, Оіедо показалъ ему стальныя цепи, блескъ которыхъ понравился кацику. Оједо увтрилъ его, что такими браслетами важные люди въ Европъ украшають себя въ торжественные дни, и внушилъ своему гостю желаніе надъть ихъ на руки, състь на лошадь и показаться въ такомъ нарядъ индъйцамъ. Но лишь только несчастный кацикъ сълъ на лошадь, позади хитраго Оједа, и надълъ на руки цъпи, предметь его ребяческого тщеславія, испанскіе всадники пустились въ галонъ и привезли его скованнаго въ колонію, гдв кацикъ остался въ пвпяхъ, какъ бы добровольно на себя наложенныхъ.

Между индъйцами вспыхнуло страшное возмущение противъ коварныхъ пришельцевъ, которыхъ сначала они считали своими гостями, друзьями, благотворителями, чуть не богами. За возмущениемъ послъдовало мщение испанцевъ. Они поработили индъйцевъ и послали въ Испанию четыре корабля съ несчастными жертвами своей алчности для постыдной ихъ продажи. Такъ вознаграждали они себя за золото, которое думали сбирать какъ песокъ, и вмъсто его находили одну толь12 Смъсь.

ко кровь. Война обратилась у нихъ въ травлю людей. Вывезенным изъ Европы собаки пріучены были къ такой охотъ; почуя въ лъсахъ индъйца, онъ бросались ему на шею и раздирали, помогая испанцамъ въ безчеловъчномъ опустошеніи прекрасной страны.

LIII.

Коломбъ, оправясь отъ продолжительной болѣзни, принялъ опять бразды правленія. Возгорѣвшаяся въ это междуцарствіе война еще продолжалась, и адмиралъ изъ мореплавателя сдѣлался воиномъ-примирителемъ. Онъ одержалъ рѣшительныя побѣды надъ индѣйцами, покорилъ ихъ своей власти и обложилъ легкою данью — золотомъ и плодами, болѣе въ знакъ союза, чѣмъ порабощенія. Успокоенный островъ снова сталъ процвѣтать подъ кроткимъ правленіемъ. Но несчастный кацикъ Гваканагари, первый, принявшій испанцевъ какъ добрыхъ гостей въ свои земли, стыдясь и каясь, что былъ невольнымъ участникомъ въ порабощеніи своего отечества, убѣжалъ въ неприступныя горы, предпочитая умереть изгнанникомъ, чѣмъ быть подъ игомъ испанцевъ, употребившихъ во зло его довѣренность.

Между тъмъ, во время болъзни Коломба и смутъ на островъ, непріятели его не дремали: они старались погубить адмирала при дворѣ наговорами на него Фердинанду. Изабелла, болъе непоколебимая и постоянная въ расположении своемъ къ великому человъку, тщетно защищала Коломба. Пворъ послалъ въ Испаньолу сановника, облеченваго властью изследовать мнимыя преступленія вице-короля, и когда они окажутся справедливыми, смънить его и отправить въ Европу. Этотъ пристрастный судья, Агуадо, прибыль въ Испаньолу въ то время, какъ вице-король находился съ войсками внутри острова, для усмиренія индівцевъ. Забывъ признательность къ Коломбу, виновнику его возвышенія, Агуадо, прежде встхъ распросовъ, объявилъ Коломба на время лишеннымъ верховнаго начальства. При вступленіи на берегъ, онъ встрѣченъ быль съ торжествомъ всеми недовольными колоніи, и тотчасъ послалъ повелъніе Коломбу немедленно прибыть въ Изабеллу и покориться его власти. Коломбъ, окруженный друзьями и начальствуя войскомъ, бы не послушаться дерзкаго приказанія подчиненнаго, но преклоняясь предъ волею своихъ государей, тотчасъ явился къ Агуадо, сдалъ власть и дозволилъ начать безсовъстный процессъ, затъянный клеветниками.

Но судьба, какъ бы испытывавшая Коломба, послала ему въ тоже время и новое счастіе, которое могло доставить ему отъ двора большія Смпсь. 13

милости. Одинъ молодой офицеръ, по имени Мигуель Діэцъ, убилъ на дуэли своего товарища, и боясь наказанія, бъжаль въ дикую, отдаленную часть острова. Жители этой гористой страны управляемы были молодою, прекрасною индіянкою. Страстно полюбивъ испанца, она вышла за него замужъ. Но любовь и вънецъ не могли заставить Діэца позабыть своихъ соотечественниковъ, ни даже скрыть своей печали. Подруга его, стараясь разгадать тайну его грусти, узнала наконецъ, что испанцы до того любять золото, что готовы для него поселиться въ ихъ странъ. Молодая пидіянка, восхищенная, что ценою золота можетъ привязать къ землъ своей возлюбленнаго, открыла ему существованіе неисчерпаемыхъ золотыхъ рудниковъ, скрытыхъ въ ущеліяхъ горъ. Владъя такимъ секретомъ и надъясь теперь на прощеніе. Лізиъ полетъль объявить Коломбу о найденныхъ сокровищахъ. Братъ вицекороля тотчасъ отправился съ Діэцомъ и воинами для удостовъренія въ справедливости находкв. Чрезъ нъсколько дней они прівхали въ долину, гдъ ръка катила золотой песокъ, и на берегахъ ея блестъли самородки драгоценнаго металла. Коломбъ заложилъ въ соседстве кацика и этой страны крипость, углубиль и расшириль рудники, извлекь оттуда несмътныя для государей своихъ богатства, все болье и болье удостовъряясь, что открыль баснословную страну Офира. Діэцъ, върный и признательный къ молодой подругъ, которой обязанъ былъ прощеніемъ, богатствомъ и счастіемъ, просиль служителей алтаря благословить ихъ бракъ, и потомъ мирно управлялъ страною.

LIV.

Послъ этого открытія, Коломбъ, безпрекословно повинуясь приказаніямъ Агуадо, отправился съ своимъ судьею въ Испанію. По осьмимъсячномъ плаваніи, онъ прибылъ туда скоръе какъ осужденный, котораго ведутъ на казнь, чъмъ завоеватель, приносящій трофеи. Клевета, недовъріе и упреки встрътили его въ Кадиксъ. Испанія ожидала чулесъ, а изъ фантастическихъ земель возвращались къ ней только разочарованные авантюристы, обвинители и голые нищіе. Несчастный кацикъ, котораго въ цъпяхъ везъ Агуадо, какъ живой трофей, Фердинанду и Изабеллъ, умеръ во время путешествія, проклиная довърчивость свою къ европейцамъ и ихъ измъну.

Коломбъ, сообразуя свою одежду съ бѣдственнымъ своимъ положеніемъ, отправился въ Бургосъ, гдѣ находился тогда дворъ, въ рясѣ францисканскаго монаха, подпоясанный веревкою, убѣленный горемъ и заботами и босой.
Одна Изабелла приняла его съ нѣжнымъ состраданіемъ, вѣря его добродѣ-

14 Смъсь.

тели и заслугамъ. Постоянная, хотя нъсколько и ослабленная милость королевы поддержала Коломба среди униженій и обвиненій придворныхъ. Онъ предложиль новое путешествіе для болье обширныхь открытій. Согласились еще ввърить ему корабли, но умышленными проволочками истомили послъднія его силы въ преклонныхъ уже льтахъ. Благочестивая Пзабелла, жалуя Коломба властію и новыми титлами, поручила индвицевъ особенной его защить и человъколюбію. Сердце женщины, по инстинкту, превышало идеи того въка. Наконецъ оправданный, Коломбъ могь отправиться и направить паруса къ новому своему отечеству. Но ненависть и зависть преелъдовали его до самаго корабля, на которомъ онъ распустилъ флагъ адмирала новыхъ морей. Бревіеска, казначей патріарха Индін. Фонсека, врагъ Коломба, дозволилъ себъ поносить и оскорблять адмирала въ то время, какъ поднимали якорь. Коломоъ, дотолъ удерживавшій себя, въ первый разъ вышель изъ терпънія. Послъдняя гнусность враговъ сдълала его на минуту обыкновеннымъ человъкомъ. Исполненный негодованія и гитва, онъ всею тяжестью своей руки повергъ недостойнаго противника на палубу и презрительно попраль его ногами. Таково было прощаніе завистливой Европы съ тімь, который казался ей слишкомъ великимъ, слишкомъ счастливымъ для смертнаго. Это мгновенное мщеніе адмирала поселило новую ненависть въ сердцѣ Фонсеки, и подало новый поводъ непріятелямъ Коломба къ его обвиненію. Межау тъмъ, подувшій вътеръ скрылъ адмирала изъвиду и отъ оскороленій не-Afterer and the order of the state of the second благодарной Испаніи.

LV.

grandi andreso etalaroregnal attoutil televisi iden elasti

Въ этотъ разъ Коломбъ другою дорогою достигъ острова Тринидада, наименовавъ его и обошедъ, онъ поплылъ вдоль береговъ настоящей Америки, близъ устья Ореноко. Пръсность воды, замъченная имъ въ этомъ мъстъ, должна была бы убъдить его, что ръка, вливающая такую массу воды въ океанъ, можетъ низвергаться только съ материка. Онъ сходилъ на берегъ, не подозръвая, что нопираетъ ногами новый континентъ. Пустынный берегъ, казалось, въ безмолвіи ожидалъ новыхъ поселенцевъ. Отдаленный дымъ разстилался надъ густымъ лъсомъ, оставленная хижина, да слъдъ голой ноги на песчаномъ взморьъ, вотъ все, что видълъ въ Америкъ Коломбъ. Онъ и самъ едва успълъ напечатлъть здъсь первый свой шагъ и провести одну только ночь подъ парусомъ, служившимъ ему палаткой; но и этого перваго шага достаточно было, чтобъ назвать его именемъ новую половину земнаго шара.

LVI.

Отправясь изъ залива Паріа, послѣ подробнаго изслѣдованія всѣхъ этихъ морей, онъ увидѣлъ берега Испаньолы. Страданія души и тѣла, тяжкія испытанія въ Европъ, неблагодарность соотечественниковъ, колодность Фердинанда, ненависть его министровъ, безсонныя ночи во время плаванія, недуги старости болѣе сокрушили его, чѣмъ бури и волны. Воспаленными глазами разбиралъ онъ морскія карты и наблюдалъ небесныя свѣтила; болящіе, неподвижные отъ подагры члены, отказывались служить ему. Но не смотря на физическія страданія, духъ его болрствовалъ и уносился въ далекую будущность. Варооломей Коломбъ, управлявшій колонією въ его отсутствіе, былъ опять утѣшителемъ его и подпорою. Онъ поспѣшилъ навстрѣчу къ адмиралу, лишь только часовые завидѣли идущіе корабли.

Варооломей- разсказалъ брату о всёхъ событіяхъ въ Испаньоле во время его отсутствія. Едва онъ успъль обозръть и усмирить страну, какъ обиды, наносимыя испанцами природнымъ жителямъ и возмущенія собственныхъ его помощникомъ ниспровергли вст мудрыя распоряженія Коломба. Ближайшій начальникъ, по имени Ролданъ, человъкъ хитрый, любимый испанцами, имълъ много приверженцевъ между матросами и авантюристами, то есть между мутною накинью метрополіи, выброшенною въ колонію. Онъ занималъ съ ними постъ на противоположномъ берегу Санъ-Доминго и заключилъ союзъ съ кациками сосъднихъ народовъ противъ Вареоломея; построилъ и занялъ нъкоторыя кръпости, презирая власть своего начальника. Индъйцы, свидътели распрей между завоевателями, воспользовались ими, чтобъ свергнуть иго пришельцевъ и отказаться отъ дани. Безначаліе раздирало новую колонію. Одно только геройство Вареоломея держало еще въ кръпкихъ рукахъ ея разорванныя части. Оіедо, вооруживъ на собственный свой счетъ суда, чтобъ отплыть на нихъ въ Испанію, присталь съ ними къ южной части острова и соединился съ Ролданомъ. Потомъ Ролданъ оставилъ Оједо, и покорился снова законному правителю. Между темъ какъ колонія раздираема была междоусобіемъ, одинъ молодой Испанецъ пріятной наружности, донъ Фернандо де Гверара, внушилъ страстную любовь дочери Анакоаны, вдовы кацика, увезеннаго Оједою въ Испанію, который умеръ плънникомъ во время плаванія. Анакоана еще молода и за красоту свою, умъ и поэтическій даръ пользовалась величайшею славою между индъйцами, которые обо16 Смпсь.

жали ее, какъ сивиллу. Не смотря на несчастие своего мужа, она удивлялась испанцамъ и чувствовала непреодолимое къ нимъ влеченіе. Многочисленный народъ, которымъ она управляла вмъстъ съ своимъ братомъ, радушно принималъ пришельцевъ. Испанцы находили у Анакоаны гостепріимство, золото и защиту, когда впадали въ немилость своихъ начальниковъ. Подданные ея, болъе просвъщенные, чъмъ прочіе индъйцы, жили мирно и счастливо подъ ея владычествомъ. Ролданъ, управлявшій частію острова, подвластнаго прекрасной Анакоант, завидоваль вліянію, которымъ пользовался Фернандо де Гверара при дворѣ этой королевы. Онъ запретилъ ему вступать въ бракъ съ ея дочерью, и приказалъ готовиться къ отплытію въ Испанію. Фернандо, раздълявшій любовь молоденькой принцессы, не послушался Ролдана составивъ и даже противъ него заговоръ. Схваченный и закованный въ цъпи въ жилищъ Анакоаны, онъ былъ отвезенъ въ Изабеллу и преданъ тамъ суду. Между темъ экспедиція, посланная изъ столицы колонін, подъ предлогомъ обозрѣнія острова, принята была дружески въ столицъ Анакоаны. Начальникъ экспедиціи, употребляя во зло гостепримство принцессы, пригласилъ чрезъ нее тридцать кациковъ съ южной стороны острова на праздникъ, который она давала въ честь испанцевъ. Европейцы, во время пиршества и плясокъ, въ которыхъ сами участвовали, составили заговоръ — истребить огнемъ и мечемъ великодушную хозяйку, дочь ея, кациковъ и народъ. Они пригласили Анакоану и гостей посмотръть съ балкона на конную ихъ скачку и примърное сражение. Вдругъ всадники бросились на обезоруженный народъ, собравшійся изъ любопытства на площадь, убивали и топтали лошадьми несчастныхъ индейцевъ; потомъ, окруживъ дворецъ Анакоаны еще полный шумнаго празднества, подожгли его, и съ жестокосердіемъ хладнокровно смотрѣли на прекрасную, гибнущую въ пламени царицу, призывающую на втроломныхъ мучителей небесную кару.

Такое злодъяние противъ гостепримства, невинности, власти, противъ красоты и генія, символомъ которыхъ для индъйцевъ была знаменитая Анакоана, исполнило всъхъ индійцевъ ужасомъ и произвело на островъ возмущеніе, которое и добродътельный Коломбъ, при всемъ своемъ благоразуміи, не скоро могъ усмирить. Пепелъ дворца и смерть возлюбленной царицы стали надолго неодолимою преградою между утъснителями и утъсненными. Островъ сдълался полемъ истребленія, тюрьмою, кладбищемъ для индъйцевъ. Это было началомъ того варварства, которое не замедлило опустошить Мексику. Два различные народа, встрътясь между собою, задушали другъ друга.

LVII.

Между темъ какъ Коломбъ старался помирить враждующія стороны, Фердинандъ, узнавъ, чрезъ непріятелей адмирала, о бъдственномъ положеніи Испаньолы, несправедливо приписываль вину недуга тому, кто былъ только его исцълителемъ. Коломбъ просилъ дворъ о присылкъ именитаго сановника, который бы могъ обуздывать возмущающихся испанцевъ. Дворъ послалъ къ нему Бобадилла, человъка правилъ строгихъ, но фанатика и непомърнаго гордеца. Власть, которою онъ облегченъ былъ королевскимъ повелъніемъ, не въ точности опредъленная, дълала его въ одно и тоже время подчиненнымъ и начальникомъ въ Новомъ свътъ. Прибывъ въ Испаньолу съ предубъждениемъ къ адмиралу, онъ дерзко потребовалъ его къ себъ, какъ преступника, и велълъ солдатамъ наложить на адмирала цепи. Воины, привыкше уважать и любить своего начальника, котораго преклонныя лъта и слава дълали еще болбе для нихъ драгоцъннымъ, оставались неподвижны, считая такое приказаніе святотатствомъ. Но Коломов, самъ протянувъ руки, дозволилъ заковать себя собственному служителю, добровольному палачу, презрънному подкупленнику, Эспинозъ, имя котораго сохранено Ласказасомъ, чтобъ заклеймить его позоромъ предательства и неблагодарности.

Коломбъ приказалъ и братьямъ своимъ Вареоломею и Діего, которые предводительствовали двумя отрядами внутри острова, безпрекословно покориться новому начальнику. Заключенный въ крепостную темницу, онъ судимъ былъ многіе мъсяцы, въ продолженіе которыхъ всъ бунтовщики и враги Коломба сделались его обвинителями и судьями, и взводили на него самыя гнусныя и нельшыя преступленія. Коломбъ сдьдался предметомъ поруганія презр'янной черни; онъ слышаль изъ глубины своей темницы звърскій хохотъ преследователей, приходившихъ каждый вечеръ подъ тюремное окно оскорблять знаменитаго илънника. Онъ ждаль къ себъ каждую минуту палачей. Бобадилль однакожь не осмълился на последнее преступление. Онъ решилъ отправить Коломба на судъ и произволъ короля. Алонзо де Вильего назначенъ былъ стражемъ адмирала во время плаванія. Это быль челов'єкъ съ душою, но послушный долгу службы. Когда онъ вошелъ въ темницу, Коломбъ не сомнъвался болъе что пробиль его последній чась. Онь уже приготовлень быль къ смерти своею невинностью и молитвою, но не могъ, по слабости человъческой природы, въ последнюю минуту не смутиться. «Куда ведете меня?» спросилъ онъ, бросивъ испытующій взоръ на офицера. «На корабль, отправляющійся въ Испанію, отвічаль Вильего». —«На корабль? возразиль недовърчиво Коломоъ: не обманываешь-ли меня, Вильего? »- Нътъ, отвъ18 Смъсь.

чалъ офицеръ, клянусь Богомъ, что это истинно! Онъ поддержалъ адмирала и помогъ ему, среди оскорбленій презрънной черни, войти на корабль.

Но лишь только корабль вступиль подъ паруса, Вильего и Андреасъ Мартинъ, начальникъ судна, обращеннаго въ пловучую тюрьму, почтительно подошли къ нему со всёмъ экинажемъ и хотёли снять съ него оковы. Коломбъ, для котораго эти цёпи были символомъ послушанія Изабеллё и знакомъ людскаго нечестія, поражающаго тёло, но облагороживающаго душу, поблагодаривъ отказался отъ ихъ услуги. «Нётъ, говорилъ онъ, мои Государи повелёли мнё слушаться Бобадилла. Ихъ именемъ заковали меня, и я буду носить эти цёпи, пока они сами не освободятъ меня, да и потомъ сохраню ихъ, прибавилъ онъ съ горькою улыбкой, на память людской правды и награды за малыя мои заслуги.»

Сынъ его и Ласказасъ расказывають, что Коломбъ остался въренъ своему объту: эти цъпи всегда висъли предъ его глазами, гдъ бы онъ ни жилъ; онъ даже завъщалъ положить ихъ вмъстъ съ собою въ гробъ.

arranga (minimum cometarange successor or examination of some Но злоба и ненависть враговъ Коломба не перешли за моря. Заточеніе и цъпи его исполнили негодованіемъ и состраданіемъ всъхъ жителей Кадикса. Увидъвъ старца, принесшаго въ даръ своему отечеству цълую имперію, изгнаннаго изъ этой самой имперіи, какъ преступника, и награжденнаго за свои заслуги позоромъ-вет возстали на Бобадилла. Изабедла, находясь тогда въ Гренадъ, заплакала, узнавъ о такой жестокости, она велъла замънить цъпи богатъйшими одеждами, а тюремщиковъ почетною свитою. Коломов, прибывъ въ Гренаду, упалъ къ ногамъ королевы. Рыданія заглушали его слова. Король и королева не хотъли и разбирать взводимыхъ на великаго человъка преступленій. Оправдавъ Коломба, они удержали его нъсколько времени при дворъ; въ колонію же, на мъсто Бобадилла, посланъ былъ губернаторомъ Овандо. Овандо былъ человъкъ честный, но не имълъ возвышеннаго духа. Онъ принадлежалъ къ числу людей мелочныхъ, и слъдовательно наименъе способныхъ понять и замънить Коломба. Изабелла приказала ему щадить индъйцевъ, покровительствовать имъ и запретила продавать ихъ. Часть причитающихся по договорамъ Коломо́у доходовъ велѣно было выслать ему въ Испанію, какъ и всё отнятое у него Бобадилломъ имущество. Флотилія, состоящая изъ тридцати судовъ, понесла новаго губернатора въ Испаньолу.

Коломбъ, отдохнувъ отъ преследованій, не смотря на преклонныя свои лъта, не былъ доволенъ ни покоемъ, ни оказываемыми ему почестями. Въ это время Васко-де-Гама открылъ новый путь въ Индію, чрезъ мысъ Доброй Надежды. Весь свътъ изумился открытію португальскаго моряка. Благородное соревнованіе волновало душу великаго генуэзскаго мореплавателя. Увъренный въ округлости земли, онъ малъ достигнуть восточныхъ береговъ Индіи, держа отъ Европы все прямо на западъ. Испросивъ у испанскаго двора начальство надъ четвертою экспедицією, онъ, въ последній разъ, отправился изъ Кадикса 19 мая 1502 года. Братъ его, Варооломей Коломоъ и сынъ Фернандо, по 14-му году, сопутствовали ему. Флотилія состояла изъ четырехъ маленькихъ судовъ, способныхъ для прибрежнаго плаванія и могущихъ, безъ опасности, входить во всё бухты и устья рёкъ, для ихъ изследованія. Экипажъ состояль изъ ста пятидесяти матросовъ. Приближаясь къ семидесяти лътамъ, Коломоъ силою своего духа противоборствоваль старости; ни жестокія бользни, ни угрожающая смерть не могли отвратить его отъ исполненія предпріятія. «Человъкъ, говориль онъ, есть орудіе, которое должно сокрушиться, исполняя свой долгъ по видамъ Провидънія. Тъло до послъдней возможности обязано повиноваться духу.»

Онъ ръшился остановиться въ Испаньолъ для полученія запасовъ и отдохновенія, им'тя на то дозволеніе двора. Проплывъ по бурному на этотъ разъ океану, Коломоъ подошелъ къ Испаньолъ съ сломанными мачтами, изорванными парусами, безъ свъжей воды и запасовъ. Опытность его и морскія познанія предсказывали приближеніе жесточайшей бури. Коломов посладъ шлюнку къ губернатору Овандо, прося позволенія укрыться на рейдѣ Изабеллы. Ожидая страшнаго шторма, онъ предувъдомлялъ письмомъ своимъ Овандо, чтобъ онъ задержалъ отправку многочисленнаго флота, готоваго отплыть въ Испанію съ сокровищами новаго свъта. Овандо безжалостно запретилъ Коломбу зайти въ открытый имъ самимъ портъ. Отверженный адмиралъ отыскалъ другую, отдаленнъйшую подъ утесистыми берегами, бухту гдъ и переждалъ предсказанную имъ бурю. Она поглотила весь флотъ Овандо, со всъми людьми и несмътными сокровищами. Коломоъ предчувствоваль отду въ укрывавшей его бухтъ и скорбълъ о въроятномъ несчастіи своихъ соотечественниковъ. Оставя негостепрівмный островъ, онъ видълъ потомъ Ямайку и присталь къ твердой землё въ заливе Гондурасскомъ.

Шестьдесять дней продолжалась буря, бросая суда отъ мыса къ мысу, около неизвъстныхъ береговъ Америки, которую завоевать, по причинъ противныхъ вътровъ, было невозможно. Онъ потерялъ одно судно и пятьде20 Сміьсь.

сять человъкъ команды при устьт ръки, которую назваль Бъдственною.

Но море не допускало его до Индіи, все казавшейся ему впереди; онъ бросилъ якорь между однимъ очаровательнымъ островомъ и материкомъ. Изъ числа индейцевъ, которые его посещали, онъ оставилъ у себя семерыхъ, чтобъ познакомиться съ ихъ языкомъ и получить нъкоторыя указанія. Онъ шель вмісті съ ними вдоль земли, у жителей которой было золота и жемчугу вдоволь. Въ началъ 1504 года Коломбъ поднялся вверхъ по ръкъ Верага и послалъ, подъ начальствомъ брата своего Вареоломея, шестьдесять человъкъ испанцевъ осмотръть на ней селенія и отыскивать золотые рудники. Вареоломей нашель только жителей и лъса. Адмиралъ оставилъ эту ръку и углубился въ другую. Тамъ встрътили жителей, осыпавшихъ европейцевъ золотомъ за ничтожныя бездълушки. Коломбъ думалъ, что наконецъ достигъ цъли своихъ мечтаній, тогда какъ надъ нимъ вистла беда. Вдругь возгорелась война между горстью европейцевъ и многочисленнымъ народомъ, населяющимъ эту землю. Варооломей Коломбъ своею рукою повергъ на землю кацика, одного изъ могущественнъйшихъ и сильнъйшихъ между индъйцацами, и взялъ его въ плънъ. Мъстечко, выстроенное на берегу спутниками Коломба для міновой торговли съ жителями, было взято и выжжено ночью туземцами; восемь испанцевъ, произенные стрълами, погребены были подъ развалинами своихъ хижинъ. Варооломей, собравъ самыхъ мужественныхъ воиновъ, ударилъ на толпу и прогналъ ее въ лъса; но ожесточение съ объихъ сторонъ усилилось. Индъйския лодки во множествъ окружили шлюцку, поднимавшуюся по ръкъ, и побили всъхъ находившихся на ней европейцевъ. Во время этой жестокой схватки, больной Коломов оставался на корабле своемь, удерживая въ плену кацика и предводителей индейскихъ. Эти начальники, осведомясь объ опустошенін своихъ земель и о неволѣ женъ и дѣтей, покусились бѣжать, поднявъ въ одну ночь трапъ, закрывавшій ихъ пловучую темницу. Экипажъ, пробужденный шумомъ, прогназъ ихъ опять въ трюмъ и укръпилъ надъ ними люкъ желъзными запорами. На другой день, когда открыли люкъ, чтобъ нести пленникамъ обычную пищу, нашли одни ихъ трупы. Съ отчаянія и чтобъ избъжать неволи, они умертвили другъ Apyra. And 1000 granso nitrations and hanga o az rigonou it to to

LIX.

Разлученный бурунами съ братомъ своимъ Варооломеемъ, который остался на берегу съ частію экипажа, Коломбъ не могъ бы имъть съ нимъ инкакого сообщенія, еслибъ одинъ отважный офицеръ не вызвался бро-

ситься въ воду и переплыть буруны. Положение адмирала было дъйствительно самое критическое, между тъмъ онъ не могъ оставить товарищей своихъ въ ихъ бъдственной участи. Безпокойство, бользнь, голодъ, ожиданіе кораблекрушенія на безпріютной, враждебной землъ, боролись въ сердцѣ его съ геройскою твердостью и преданностью волѣ. Провидънія. Во время безсонныхъ ночей, онъ описывалъ состояніе своей души: «Измученный, я заснуль, вдругь слышу сострадательный голось, говорящій мит: Безумецъ! такъ мало втрующій, такъ мало служащій Всевышнему, Творцу вселенной! Не такъ ли же Онъ испытывалъ рабовъ своихъ Монсея и Давида? Съ минуты рожденія твоего, Онъ не оставляль тебя. Когда же пришель ты въ возрасть, безвъстное твое имя Онъ чудно прославилъ по всей землъ; Онъ наградилъ тебя открытіемъ Индін, части творенія Его, наиболье облагодътельствованной; онъ вручилъ тебъ ключи отъ преградъ безбрежнаго Океана, дотолъ замкнутаго кръпчайшими цъпями. Обратись къ нему и благословляй Его къ тебъ милость. Если предстоитъ тебъ еще что исполнить, лъта твои тому не воспрепятствуютъ. Авраамъ и Сара развъ не въ преклонныхъ были лътахъ, когда у нихъ родился Исаакъ?.. Кто посылаетъ тебъ огорченія, Богъ или міръ? Господь наградилъ тебя свыше твоихъ заслугъ, не теряй же бодрости и терптнія, когда Богу угодно испытать тебя! Умолкшій голосъ исполнилъ меня утёшеніемъ и возвратилъ мнё бод-

LX.

Наконецъ море утихло, и оба брата, такъ долго разлученные, соединились. Не скоро дошли они до Испаньолы. Одна изъ трехъ каравеллъ, подходя къ берегу, потонула. Остались двъ старыя барки для помъщенія всего экипажа. Утомленные плаватели, безъ запасовъ, безъ якорей, съ судами, источенными червями, дырявыми, какъ медовые соты, наполняемыми водою, гонимы были вътромъ и волнами отъ Испаньолы къ Ямайкъ, Коломбъ, видя неизбъжную гибель, едва успълъ направить суда на песчаную отмель въ неизвъстной бухтъ; потомъ связалъ ихъ канатами, сдълалъ на палубахъ палатки для экипажей, и въ огчаянномъ положени потерпъвшихъ кораблекрушение ждалъ помощи только отъ одного Провидънія.

Индъйцы, привлеченные зрълищемъ кораблекрушенія и построенною пришельцами на ихъ берегу кръпостью, промънивали испанцамъ жизненные припасы на бездълушки, которыя по новости своей казались имъ цънными. Но мъсяцы проходили, запасы истощались, страшная будущность, глухой ропотъ волнующагося экипажа наполняли душу адмирала

22 Смінов.

жесточайшимъ безпокойствомъ. Единственное средство къ спасенію состояло въ томъ, чтобъ дать знать о положении своемъ губернатору Испаньолы, Овандо. Но пятьдесять морскихъ миль отдъляли Испаньолу отъ Ямайки. У нихъ оставался одинъ только челнъ; но кто же ръшится, для спасенія экипажа, рисковать своею жизнію на необъятной и грозной стихіи, въ этой однодеревкъ, не имъя ничего кромъ веселъ? Діэго Мендесъ, молодой офицеръ, спутникъ Коломба, показавшій въ разныхъ опасныхъ случаяхъ самоотверженіе, творящее чудеса и героевъ — представился въ мысляхъ адмиралу. Коломбъ призвалъ его ночью, тайно къ своей постелъ, къ которой его приковывала подагра: «Сынъ мой, изъ всёхъ насъ, ты да я понимаемъ всю опасность нашего положенія, и что угрожаеть намъ въ будущемъ. Остается испытать одно средство: необходимо чтобъ одинъ ръшился пожертвовать собою для спасенія всахъ прочихъ. Хочешь ли быть этимъ однимъ?» Мендесъ отвъчалъ: Адмиралъ! я нъсколько разъ жертвовалъ собою для пользы соотечественниковъ; но нъкоторые изъ нихъ ропщутъ и говорять, что вы всегда назначаете меня туда, гдв есть случай отличиться. Предложите завтра всему экипажу это порученіе; если викто не вызовется, я готовъ тогда исполнить вашу волю. - Адмиралъ постувиль, на следующій день, по словамь Мендеса. Когда сделано было это предложение экипажу, всв отозвались невозможностью переплыть такое обширное пространство на кускъ дерева, игрушкъ волнъ и вътровъ. Тогда Мендесъ, приближась, сказалъ съ скромнымъ видомъ: «Двухъ смертей не бываеть, а одной не миновать: я готовъ пожертвовать собою для спасенія встхъ, и предаю себя въ волю Божію!» — Онъ отвалилъ и въ сумракъ исчезъ изъ глазъ испанцевъ, жизнь которыхъ уносиль съ собою.

Между тъмъ безнадежное ожиданіе, разобщеніе со всъми извъстными землями и чрезмърныя бъдствія все болье раздражали спутниковъ Коломба, которые принисывали ему свою погибель. Двое изъ его любимыхъ офицеровъ Діэго и Франческо де Поррасъ, къ которымъ онъ питалъ отцовскія чувства и на которыхъ возложилъ главное начальство на эскадръ, первые стали роптать, оскорблять его и даже возмущать экипажъ. Пользуясь бользнію своего благодьтеля, они увлекли съ собою половину экипажа, похитили часть провизіи, оружів и съ воплемъ: Кастиллія! Кастилліа! осыпали ругательствами и проклятіями адмирала. Больной Коломбъ простираль къ небу руки, тщетно умоляя ихъ возвратиться въ долгу. Они пренебрегали его слезами и новельніями, поносили его

Смњов. 23

старость и страданія и наконець обнажили мечь надъ его головою. Вареоломей Коломов, схвативь конье, бросился между ними и адмираломь, котораго поддерживали служители, и съ помощію вѣрныхь матросовъ спасъ жизнь его и власть надъ кораблями. Братья Поррасы и пятьдесять человѣкъ ихъ сообщниковъ, оставивъ суда, грабили землю, и своими злодѣйствами вооружили всѣхъ индѣйцевъ. Построивъ кое—какія барки, бунтовщики думали добраться на нихъ до Испаньолы, но часть ихъ погибла въ этомъ безразсудномъ предпріятіи; остальные, возвратись, напали на Коломов и соотечественниковъ своихъ, но были побѣждены неустрашимымъ Вареоломеемъ, который убилъ главнаго зачинщика Франческа Порраса и покоривъ остальныхъ, умолялъ Коломов простить ихъ неблагодарность и мятежъ.

Между тъмъ посланецъ Коломба, нестійся въ челнокъ по волнамъ океана, выброшенъ былъ на берегъ Испаньолы. Съ помощію индъйцевъ, послъ безчисленныхъ трудовъ и онасностей, онъ добрался до губернатора Овандо, вручилъ ему письмо адмирала и передалъ изустно: въ какомъ бъдственномъ положеніи находится Коломбъ съ своими спутниками. Но, по недовърчивости, по непонятной медленности, а можетъ быть и по тайному желанію конечной гибели слишкомъ великому сопернику, испанцы, подъ разными предлогами, не посылали помощи. Такъ проходили дни и мъсяцы. Наконецъ, какъ бы нехотя, отправили подъ начальствомъ Эскобара небольшое судно, и то только для того, чтобъ провъдать о положеніи потерпъвшихъ кораблекрушеніе, но не приставать къ берегу и не входить въ сношенія съ экипажемъ. Судно это въ одну ночь явилось глазамъ Коломба и его спутниковъ такъ таинственно, что суевъріе приняло его за обольстительный призракъ, искушающій ихъ легковъріе или возвъщающій имъ близкую смерть.

Наконецъ Овандо ръшился послать корабль къ адмиралу, чтобъ избавить его отъ голодной смерти и возмутившагося экипажа. По прошествій шестнадцати томительныхъ мѣсяцевъ со времени кораблекрушенія, адмиралъ хотя на нѣсколько дней увидѣлъ опять свою имперію, изъкоторой ненависть и неблагодарность его изгоняли. Онъ присталъ въгубернаторскомъ домѣ, по-видимому былъ хорошо принятъ, но не принималъникакого участія въ управленіи колоніею. Коломбъ видѣлъ своихъ непріятелей въ милости, а друзей, за вѣрность къ нему, изгоняемыхъ, преслѣдуемыхъ. Онъ опланивалъ разореніе открытой имъ земли, которую считалъ садомъ вселенной, и которая уподоблялась теперь могилѣ его возлюбленныхъ индѣйцевъ. Собственное имущество Коломба было конфисковано, доходы расхищаемы, земли опустошены или заброшены — все это увеличивало его страданія, болѣзни, дряхлость и

24 Смівсь.

бъдность. Брошенный напослъдокъ съ братомъ своимъ, сыномъ и нъсколькими служителями на корабль, отходящій въ Европу, онъ и тутъ испыталъ неукротимыя бури, и едва могъ достигнуть до Санъ Лукара, откуда привезли его въ Севилью слабаго, умирающаго тъломъ, но все еще бодраго духомъ, твердаго волею и полнаго надеждъ.

LXII.

Обладатель столькихъ городовъ и земель не зналъ куда преклонить свою голову. «Для куска хлъба, для ночлега, писалъ онъ изъ Севильи къ своему сыну: я долженъ стучать въ дверь гостиницы, и часто бываетъ, что печъмъ за это заплатить!» Собственныя его несчастія и нищета не такъ его удручали, какъ бъдность его товарищей и служителей, послъдовавшихъ за нимъ, въ надеждъ улучшить свое состояніе и упрекавшихъ теперь за тяжкія лишенія. Онъ писалъ объ нихъ королю и королевъ, но неблагодарный Поррасъ, этотъ побъжденный бунтовщикъ, обязанный жизнью великодушію Коломба, предупредилъ его при дворъ и успълъ оклеветать своего благодътеля предъ Фердинандомъ. «Я служилъ Вашимъ Величествамъ, писалъ Коломбъ королю и королевъ, съ ревностью и постоянствомъ, на какія только человъкъ способенъ, и если не успълъ всего сдълать, такъ развъ потому, что это было свыше силъ моихъ и средствъ!»

Онъ справедливо расчитывалъ на заступление и милость своей покровительницы; однакожъ и върная его опора ослабъвала: семейныя несчастия постигли королеву; она не могла перенести потери любимой своей дочери, и сама была близка къ смерти. Изабелла, въ духовномъ своемъ завъщания показала смирение въ высокомъ санъ и постоянную любовь къ супругу, съ которымъ желала быть соединенною и по смерти. «Пусть мое тъло предано будетъ землъ въ Альяморъ гренадской, въ могилъ, попираемой ногами прохожихъ; пусть простой камень скажетъ мое имя. Но если король, мой властитель, выберетъ для себя погребальное мъсто въ другой части нашихъ королевствъ, я желаю, чтобъ мой прахъ былъ перенесенъ туда же и положенъ подлъ его, дабы соединение наше въ одной гробницъ показывало и свидътельствовало соединение нашихъ сердецъ въ продолжение земной жизни. Я надъюсь, что, по милосердию Божію, души наши соединятся и на небъ!»

«О сынъ мой!» писалъ Коломбъ къ Діэго, узнавъ о смерти своей благодътельницы: «да послужитъ тебъ настоящее урокомъ. Во-первыхъ, молись объ успокоеніи души возлюбленной нашей королевы: она была добра и непорочна; мы увърены въ ея блаженствъ и принятіи ея въ обитель славы, гдъ нътъ скорби и треволненій житейскихъ. Во-вто-

Смпсь.

рыхъ завъщаю тебъ трудиться всъми силами на службъ короля: онъ глава христіанскихъ подданныхъ. Помни, что когда глава страдаетъ, страждутъ и всъ члены. Всъ должны молиться за счастіе и продолженіе его дней, а мы, его слуги, въ особенности.»

Таковы были чувства признательности и върности Коломба, когда онъ былъ и въ немилости. Но смерть Изабеллы унесла съ собою не только его счастіе, но и самую жизнь. Удерживаемый въ Севильт бъдностью и бользнью, онъ видъль около себя только брата своего Варооломея и втораго сына Фернандо. Фернандо по шестнадцатому году соединяль въ себъ качества человъка взрослаго съ прелестью юности. «Люби его, какъ роднаго брата,» писалъ Коломбъ къ старшему сыну, находившемуся тогда при дворъ: «у тебя нътъ другаго, и десять братьевъ были бы не лишними! Я имълъ въ моихъ братьяхъ самыхъ лучшихъ друзей!» Онъ просилъ Варооломея отвести этого молодаго человъка ко двору и передать на попеченія законному своему сыну Діэго. Варооломей отправился съ Фернандомъ въ Сеговію, гдъ находился тогда дворъ. Тщетно онъ просилъ тамъ обратить вниманіе на Коломба. Когда весна повъяла теплотою, Коломбъ, въ сопровождени обоихъ сыновей самъ отправился въ Сеговію. Но присутствіе его не понравилось королю, бъдность его служила укоромъ двору. Сужденіе объ управленій его колонією, о возвращеній ему имущества и привиллегій предоставлено было совъту добросовъстныхъ, которые, не смъя отрицать его правъ, томили проволочками, что имъло вліяніе и на самую его жизнь. Душевныя безпокойства, предвидъніе бъдности, въ которой останутся его дъти и братья, умножали страданія Коломба. «Ваше Величество!» писаль онь къ королю съ страдальческой постели: «Вы не считаете нужнымъ исполнить объщаній, данныхъ вами и въчно достойной памяти королевою. Итти противъ вашей воли также трудно, какъ бороться съ вътромъ. Я сдълалъ все, что долженъ былъ сдълать; Господь всегда ко мнъ былъ милостивъ, да будетъ во всемъ святая Его воля!»

Онъ чувствовалъ, что истощается его жизнь, а не твердость. Братъ его Варооломей и сынъ Діэго посланы были для испрошенія милости къ королевъ Хуаннъ, дочери Изабеллы, возвращавшейся изъ Фландріи въ Кастиллію. Страданія души и тъла, малое число остающихся дней, недостаточныхъ, чтобъ дождаться оправданія, торжество при дворъ его враговъ, насмъшки придворныхъ, холодность короля, предчувствіе близкой смерти, отсутствіе сына и брата, одиночество въ городъ неблагодарномъ, воспоминаніе о жизни, половина которой издержана была въ ожиданіи часа судьбы высокой, а другая въ оплакиваніи безполезности генія, сожалъніе о невинныхъ индъйцахъ, которыхъ

онъ нашелъ блаженствующими въ очаровательныхъ садахъ и оставилъ порабощенными, ограбленными, поруганными, наконецъ сомивніе, какая память ожидаетъ его въ потомствѣ, — все это терзало, подавляло одинокаго старца, брошеннаго въ убогой комнатъ Сеговіи. Онъ приказалъ престарѣлому, послъднему товарищу своихъ плаваній, славы и бъдствій подать на постель маленькій служебникъ, подаренный ему папою Александромъ VI, въ то время, когда еще государи считали его наравът съ властителями, и слабою рукою написалъ на страницъ этой священной книги свое завѣщаніе.

Чудное зрълище для бъднаго служителя! Старецъ, лежащій на бъдложъ, въ наемной комнатъ, раздаетъ въ своемъ завъщаніи моря, полушарія, острова, материки, народы, царства! Главнымъ своимъ наслъдникомъ онъ назначилъ законнаго сына Діэго, въ случаъ же смерти его безъ потомства, наслёдство переходило къ молодому Фернандо, а если и Фернандо умретъ бездътнымъ, къ любимому имъ брату, донъ-Вареоломею и его потомству. «Я прошу моихъ государей и ихъ наследниковъ, говорилъ онъ, исполнить мою волю въ отношени къраспредълению моихъ правъ, имуществъ и званий. Родившись въ Генуъ, пришелъ я служить въ Кастиллію и открылъ на западъ твердую землю, острова и Индію!... Мой сынъ наслъдуеть званіе адмирала западнаго океана отъ полюса до полюса!..» Обращаясь къ доходамъ, утвержденнымъ за нимъ трактатами съ Изабеллою и Фердинандомъ, старецъ раздълялъ, благоразумно и щедро слъдовавшіе ему милліоны между сыновьями своими и братомъ Вареоломеемъ. Не забылъ онъ и донны Беатричи, поручивъ наслъднику своему производить ей богатый пенсіонъ онъ признавалъ себя какъ бы виновнымъ въ отношении своей подруги, дълившей съ нимъ, прежде его славы, горести и нужды; онъ трепетною рукою прибавилъ въ завъщаніи: «и чтобъ это было выполнено для успокоенія моей совъсти, потому что имя ея и воспоминаніе о ней лежить тажелымъ гнетомъ на моей душь.»

Переносясь потомъ къ первому своему отечеству, котораго человъкъ никогда не забываетъ, онъ вспомнилъ о Генуъ, въ которой осталось еще иъсколько дальнихъ его родственниковъ: «Приказываю сыну моему Діэго, чтобъ въ городъ Генуъ жилъ всегда одинъ изъ нашихъ родныхъ, съ назначеніемъ ему хорошаго ценсіона. Я желаю, чтобъ онъ былъ въ этомъ городъ гражданиномъ почетнымъ, потому что тамъ я родился и первоначально жилъ.

«Чтобъ сынъ мой,» продолжаетъ онъ съ чувствомъ вѣрноподданства, составлявшимъ вторую религію—въ память мою служилъ королю, коро-

Смпсь.

левъ и ихъ наследникамъ, жертвуя достояніемъ и жизнью, потому что послѣ Бога, они доставили мнѣ средства дѣлать открытія.»

«Правда,» добавляеть онь, какь бы съ горечью, похожею на упрекь, худо забытый, «что я пришель издалека съ великимъ предложеніемъ, и много прошло времени прежде, чъмъ повърили приносимому мною дару; но это было естественно: новый міръ для всёхъ былъ тайною, потомуто и долженъ я раздълить славу съ государями, которые первые миъ новърили,»

LXIII.

spinish athenra access and

Послъ того Коломоъ устремилъ всъ свои мысли къ Богу. Ему единственно приписываль онъ свои усивхи и славу. Покорность воль Божіей и энтузіазмъ-двъ главныя пружины всъхъ его дъйствій и поступковъ, не оставляли Коломба до последней минуты жизни. Онъ глубокораскаявался во всёхъ своихъ погрёшностяхъ, и последній лепеть его устъ были священные псалмы. Онъ произнесъ последнее прощание со свътомъ, и еще громкимъ голосомъ поручилъ свою душу Создателю. Труженикъ, свершивъ свой подвигъ, отлетълъ изъ міра видимаго, который онъ увеличилъ, въ міръ невидимый, въ пространства безграничной вселенной!

-698 Minimuon and migration LXIV. Зависть и неблагодарность исчезли съ последнимъ вздохомъ великаго человъка, который цалъ ихъ жертвою. Коломбу сдълали царскіе похороны. Тъло его, неребывавшее въ разныхъ соборахъ Испанія, перенесено было, по его желанію, въ Испаньолу, какъ тёло завоевателя въ завоеванную область. Оно теперь находится въ Куов. Но по величайшей странности, изъ всехъ земель Америки, спорившихъ о чести хранить прахъ Коломба, ни одна не назвалась его именемъ.

LXV.

Характеръ истинно великаго человъка заключался въ слъдующихъ словахъ: геній, трудъ, терпініе, безвістная участь, поотжденная силою воли, неутомимымъ преслъдованіемъ своей цъли, преданіе себя волъ Божіей, борьба съ препятствіями, глубокое размышленіе въ уединеніи, геройское исполненіе мысли на дълъ, мужество и хладнокровіе противъ стихій и смерти, въра въ свою звъзду, надежда не на людей, а на человъчество; жизнь добровольно брошенная, безъ оглядки назадъ, въ неизвъстный океанъ, наполненный призраками, Рубиконъ на нъсколько тысячь миль, болье рышительный, чымь Цесарскій! неутомимая на28 Смпсь.

ука, знанія столь же обширпыя, какъ горизонть этого вѣка; искусное, но честное увлеченіе сильныхъ земли, пристойность, благородство, достоинство во всѣхъ дѣйствіяхъ, обличающихъ великость души, рѣчь, приличная возвышеннымъ мыслямъ, краснорѣчіе способное убѣждать государей и смирять волнующіеся экипажи; поэзія въ слогѣ, соотвѣтствующая описанію чудесъ открытія и изображенію прелестей природы; безпредѣльная, пламенная и дѣятельная любовь къ человѣчеству, даже въ отдаленіи, гдѣ забываются служащіе ему; мудрость законодателя, кротость философа при управленіи колоніями; отеческое состраданіе къ индѣйцамъ, дѣтямъ человѣчества, которыхъ онъ думалъ ввѣрить попеченію стараго свѣта, а не принести на рабство утѣснителей; забвеніе оскорбленій, великодушное прощеніе врагамъ, благочестіе, всегдашняя память о Богѣ, правда въ совѣсти, милосердіе въ сердцѣ, признательность въ успѣхахъ, терпѣніе въ несчастіяхъ, молитва Господу всегда и вездѣ!

Таковъ былъ человѣкъ, которому мы не знаемъ подобнаго: Коломбъ казалось въ одномъ себъ совмѣщалъ многихъ. Онъ былъ достойнымъ представителемъ стараго свѣта предъ новымъ, на который онъ первый ступилъ, чтобъ принести неизвѣстнымъ племенамъ всѣ добродѣтели стараго материка—и ни одного порока. Никто, по великости вліянія, не заслуживалъ болѣе его имени просвѣтителя.

Вліяніе его на цивилизацію было безмърно. Онъ дополнилъ вселенную, докончилъ физическое единство земнаго шара; и подвинулъ далеко впередъ, что сдълано было до него въ отношеніи къ *правственному единству человъческаго рода*. Дъло Коломба было слишкомъ велико и не могло быть достойно награждено присвоеніемъ его имени четвертому континенту земли. Америка не носитъ его имени; но родъ человъческій, имъ сближенный и соединенный, провозглащаетъ это имя по всей вселенной.

жание в стану в подостава в возмого в подостава в стану в ста

at he had a been a straight and maintained and a property of the straight and a straight and the straight

похищение судна въ великомъ океанъ.

MI LOURING OF THE PROPERTY OF

The transfer of the property o

the beat the common to a portion again, agai

CHARLES AND RESTRICT OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE

Разсказъ пассажира.

Два года я жилъ въ Сантъ-Яго, писалъ портреты въ этомъ городъ и въ Валпарайсо, и скопивъ нъсколько денегъ, думалъ предпринять путешествіе на съверъ чрезъ Боливію и Перу. Однажды пріятель мой Лавинь, мельникъ изъ окрестностей С. Яго, входитъ въ мою мастерскую
съ озабоченнымъ и серьознымъ видомъ, и дълаетъ мнъ предложеніе, которое теперь покажется обыкновеннымъ, но въ то время не могло считаться такимъ въ Чили.

Это было въ ноябръ 1848; южные американцы тогда только начинали еще приходить въ восторгъ отъ Калифорніи. Лавинь въ это самое утро ръшился вступить въ товарищество съ англійскимъ купцомъ Бикрофомъ и со мною, чтобъ поискать счастія въ странъ, которой не суждено было мнѣ никогда видъть.

Лавинь и Бикрофъ могли располагать капиталомъ въ 150 тысячъ франковъ. Они думали завести близъ золотыхъ розсыпей гостиницу, продавать вины, необходимые для работъ инструменты, оружіе, машины для промывки золотаго песку и мало ли еще что! Планъ ихъ, казалось, хорошо былъ обдуманъ. Лавинь требовалъ отъ меня вклада только нъсколькихъ тысячъ франковъ и предлагалъ четвертую долю изъ барышей, надъясь, какъ онъ говорилъ, на мою дъятельность, на знакомства, которыя я заведу тамъ, занимаясь живописью, болъе же всего на мою дружбу, испытанную имъ въ разныхъ случаяхъ.

Я думалъ цълыя сутки; наконецъ, сообразивъ, что главное состоитъ только въ продолженіи моего путешествія, подстрекаемый притомъ любо-пытствомъ и надеждою на обогащеніе, уступилъ настоятельнымъ просьбамъ Лавиня. Когда я далъ слово, товарищи мнъ объявили, что они уже готовы и побуждали меня поторопиться къ путешествію. Въ нъсколько дней я привелъ всъ дъла мои въ порядокъ, продаль движи-

мость и отправился въ Валпарайсо, куда Лавинь и Бикрофъ прибыли ранъе меня двумя днями.

Я началъ роль товарища исполненіемъ даннаго мив Лавинемъ порученія: повезъ послідніе наши ящики на судно, на которомъ мы должны были отправиться въ Сан-Франциско. Малость нашего судна очень меня удивила: это была шкуна во сто тоннъ. Вошедъ на нее, я замітилъ удивительный безпорядокъ и неопрятность. Я спросилъ суперкарго, меня повели въ каюту, гді обідали офицеры. Надо было спуститься по сальной и узкой лісенькі. Когда я вошелъ въ кормовую каюту, то почувствовалъ величайшее отвращеніе. По обітимъ сторонамъ были ящики для постелей пассажировъ; сундуки ихъ служили вмісто стульевъ, грязный столъ, вокругь котораго сиділо человікъ двінадцать, занималь всю комнату.

Мит указали капитана — толстаго человъчка. Я сказалъ ему, что привезъ последние наши ящики и просилъ выдать на нихъ накладную. Тогда маленькій старичекъ съ бълыми курчавыми волосами сказалъ мив по-французски, съ овернскимъ акцентомъ: «Какая накладная? мы ихъ не знаемъ и не имъемъ въ нихъ ни какой надобности.» Я ему возразилъ, что торонясь прівхать засветло, я не успель сделать на ящикахъ знаковъ, и потому прошу его приказать написать ихъ. Онъ усмъхнулся и вельть исполнить, прибавя: «Пожалуй, если вамъ угодно!» Чрезъ полчаса пришли ему сказать, что на суднъ нътъ ни красокъ, ни кисти. Затемъ подняли со шлюпки тюки и ящики и бросили ихъ въ безпорядкъ на палубу. Осталось поднять большой жельзный сундукъ, въ которомъ хранилась наша казна, состоявшая большею частію изъ мелкой серебряной монеты; мы думали промънять ее на золотой песокъ, который, какъ говорятъ, отдавали даже безъ въсу. Когда сундукъ поднимали, я слышаль смъхъ и какой-то непонятный для меня говоръ. Между тъмъ начальствующіе продолжали объдать, позвали и меня выпить съ ними рюмку ликеру. votedno ferth of the continue of the party of the

Возвратясь на берегъ, я былъ недоволенъ всъмъ видъннымъ, сообщилъ въ подробности мои замъчанія Лавиню и спрашивалъ его, зачъмъ онъ выбралъ это судно, тъмъ болье, что въ портъ былъ прекрасный трехмачтовый шлюпъ съ французскими офицерами и экипажемъ, который долженъ былъ отправиться чрезъ десять или двънадцать дней. Лавинь отвъчалъ, что эти двънадцать дней и были причиною, почему онъ предпочелъ чилійскую шкуну; что, впрочемъ, комфортъ не долженъ составлять теперь для насъ главнаго, потому-что мы ъдемъ въ Калифорнію не за удовольствіемъ; что маленькія непріятности, которыя, можетъ быть, мы испытаемъ на шкунъ, приготовятъ насъ къ большимъ, навърно ожидаю-

щимъ насъ въ С. Франциско, и что наконецъ для уситка предпріятія потеря двухъ недъль была бы невознаградимою.

Хотя послѣдняя причина показалась и мнѣ уважительною, я продолжаль однакожь спорить, но не могъ поколебать Лавиня; такимъ образомъ мнѣ оставалось или согласиться съ нимъ, или отдѣлиться отъ товарищества, но дѣло зашло уже такъ далеко, что на послѣднее рѣшиться было трудно. И такъ я еще разъ уступилъ и, на другой день мы отправили на судно послѣднее наши чемоданы. Пріятели наши въ Валпарайсо дали намъ прощальный обѣдъ на славу и проводили насъ на шкуну. Подняли якорь, и мы вступили подъ паруса 25 ноября 1848.

Лавинь и я сидъли на гака-бортъ шкуны и, съ стъсненнымъ сердцемъ молча смотръли на удаляющуюся съ друзьями нашими шлюцку. Лавинь сказалъ мнъ: «Какъ люди различны! одни довольствуются своимъ положеніемъ и не думаютъ перемънять его, другіе, напротивъ, безпрестанно стремятся къ улучшенію своего состоянія, и ничего хорошаго не достигаютъ, а если и удастся имъ обогатиться, то цъною такихъ трудовъ и опасностей, что лучше было бы оставаться на мъстъ и ничего не предпринимать. »—Правда, отвъчалъ я, наши друзья возвращаются теперь въ веселомъ расположеніи духа домой, въ свои семейства. Они будутъ наслаждаться тишиною и спокойствіемъ, а мы добровольно подвергаемся разнымъ опасностямъ и безконечнымъ безпокойствамъ въ неизвъстной странъ, гдъ встрътимъ людей намъ чуждыхъ, а можетъ-быть, и враговъ.

Мы шли уже съ часъ, и Вальпарайсо сталъ скрываться, какъ неожиданный случай прервалъ наши мечты.

Странный шумъ заставилъ насъ обернуться: мы увидѣли, что матросы помогаютъ пристать идущей къ намъ навстрѣчу шлюпкъ.

Лишь только Лавинь увидёлъ шлюпку, въ которой сидёли двё или три женщины, онъ побёжалъ прямо къ капитану, спрашивая его: «Зачёмъ ёдутъ сюда женщины?» Капитанъ отвёчалъ, что это долженъ знать хозяинъ судна (суперкарго); Лавинь обратился къ послёднему, который въ это время стоялъ на трапё и бросалъ пріёхавшимъ дамамъ концы фалреновъ, чтобъ онё могли войти. «Что это значитъ?» вскричалъ онъ. —Это пассажирки, которыя съ нами отправляются. — Лавинь, посмотря на нихъ черезъ бортъ, продолжалъ: «Какъ, пассажирки! Развѣ вы забыли наши условія? Не нанималъ ли я мёста именно съ тёмъ, чтобъ женщинъ не было на суднъ? И что это за женщины, перебирающіяся на корабль съ моря! Нѣтъ, я не согласенъ принять ихъ на судно, или везите насъ назадъ въ Валпарайсо.»

Положеніе для всёхъ было самое критическое. Раздраженный Ла-

винь, казалось, не уступить; онъ зналь, что Монтесъ, старикъ итальянецъ, былъ женатъ, и семейство его находилось въ Консепсіонъ: теперь предъ глазами его была молоденькая женщина, съ старухой и дёвочкой служанкой, которыя вздумали тайно и безъ паспортовъ отправиться на суднъ. Подозрънія его были не слишкомъ выгодны для чести хозяпна и, по правдъ, имъли основание. Лавинь стоялъ у трапа и не дозволяль войти женщинамь, болье и болье разгорячаясь. Всв прочіе, матросы и пассажиры, хранили молчаніе. Наконецъ успъли успоконть Лавиня, объщая ему, что дамы не будуть входить въ каюту, даже къ объду. Лавинь сказаль: «Этого недостаточно: я требую, чтобь онв не показывались и на палубъ.» Его увърили, что пассажирки будутъ жить на кубрикъ и замътили, что было бы жестоко отослать ихъ въ Валпарайсо безъ вещей, которыя напередъ уже были нагружены. Напослъдокъ Лавинь усталъ спорить, отошель отъ трана и молча стоялъ скрестивъ руки; когда молодая женщина проходила мимо его, онъ посмотрълъ на нее съ такимъ презрѣніемъ, что многимъ пассажирамъ за нее было больно.

Когда онъ сошли въ палубу, и судно взяло опять ходъ: «Дай Боже, прошепталъ Лавинь, чтобъ отъ этихъ женщинъ не случилось съ нами большаго несчастія!» Возвращаясь на корму, онъ сказалъ итальянцу: «Вы начинаете дурно ваше плаваніе; по вашей опытности, вамъ надо бы знать, что женщины на судахъ часто бываютъ причиною безпорядка. Чтобъ не пришлось и мнъ раскаиваться въ моей слабасти.»

На другой день, когда мы вышли на палубу, судно уже было въ открытомъ моръ, погода стояла прекрасная. На кораблъ были:

Капитанъ, толстый Чиліецъ изъ Консепсіона, по имени Контрера, женатый и семейный, онъ давно занимался прибрежнымъ плаваніемъ, но въ первый разъ чускался въ дальній вояжъ.

Старикъ Монтесъ, суперкарго и хозяинъ шкуны, итальянецъ. Онъ пріобрѣлъ небольшое состояніе мелочною торговлею, и надѣялся, что настоящее плаваніе будетъ для него такъ выгодно, что года черезъ два онъ можетъ возвратиться навсегда въ свое отечество.

Бультонъ, англичанинъ, штурманъ, былъ также женатъ и изъ Консепсіона. Онъ былъ еще молодъ, крѣпкаго сложенія, но кривой и, казалось, зналъ хорошо морское дѣло.

Мануилъ и Карлъ, молодые, красивые собою парни, лътъ восьмнадцати, племянники капитана, взятые на шкуну для практики.

Подшкиперъ, имя котораго не припомню, славной малый, чиліецъ, отецъ большаго семейства.

Негръ съ береговъ Африки, кокъ *, и четверо матросовъ.

И такъ экипажъ состоялъ изъ капитана, суперкарга, штурмана, подшкипера, четверыхъ матросовъ, кока и двухъ учениковъ, всего изъ одиннадцати человъкъ.

Сверхъ того было тринадцать пассажировъ: шесть человъкъ принадлежали къ нашему товариществу: Лавинь, Бикрофъ, я (Эрнестъ Партонъ), Дюплеси, Торибіо и Сантосъ, молодые чилійцы, наши служители. Прибавьте къ этому три огромныя собаки, Тое, Томи и Финету. Прочіе пассажиры состояли изъ двухъ чилійцевъ Санто-Маіора и Грина, изъ англичанина Ниги, аптакарскаго ученика, изъ француза Дюрана, булочника, двухъ дамъ и маленькой ихъ служанки изъ индінянокъ.

Что касается до матерьяльной части нашей экспедиціи, мы не имъли ни въ чемъ ни мальйшаго недостатка. У насъ была хорошая палатка, походныя кровати, большой запасъ платья, бълья, кухонной посуды,
машина и орудія для промывки золотаго песку, порядочное количество
вина, коньяку, солонины, сухарей, голландскаго сыру, консервовъ, табаку
и сигаръ.

Одно только обстоятельство безнокоило многихъ изъ нашихъ спутниковъ. Насъ было тринадцать пассажировъ, и мы отправились въ пятницу; этого было достаточно, чтобъ вселить страхъ и въ менъе суевърныхъ людей, чъмъ были наши матросы и нъкоторые изъ пассажировъ. Даже и Лавинь былъ къ этому неравнодушенъ. Чтобъ убить какъ-нибудь время, онъ вздумалъ вязать неводъ, который могъ пригодиться въ Калифорніи. Каждый изъ насъ долженъ былъ ежедневно поработать надъ нимъ часъ или два. Прочіе пассажиры, не участвовавшіе въ нашемъ товариществъ, вызвались помогать намъ чтобъ сдълать пріятное Лавиню; къ намъ питали особенное уваженіе потому, что мы имъли достаточную провизік, деньги, оружіе, а тъ бъдняки едва могли заплатить за переъздъ свой; по приходъ же въ Калифорнію ихъ ожидала голодная смерть.

Одинъ изъ нассажировъ былъ молодой человъкъ, двадцати восьми лътъ, Санто-маіоръ, урожденецъ чилійскій. Онъ принадлежалъ къ большому семейству, и долженъ былъ избрать военную службу, чтобъ существовать. Но какъ это поприще не доставляло большихъ выгодъ въ Чили, то онъ воспользовался нашимъ отправленіемъ, чтобъ поискать счастія въ Калифорніи.

Второй пассажиръ также чиліець, высокій, красивый мужчина, изъ

^{*.} Поваръ.

купеческаго сословія, быль тихь, любезень и вовсе не фанфаронь. Порядочно торгуя въ Чили, онъ желаль испытать, какъ пойдуть дъла его въ Калифорніи.

Пятнадцать дней мы были уже въ моръ, какъ вдругъ слышимъ, что у насъ нодостатокъ въ пръсной водъ. При этой новости сдълался большой ропотъ между пассажирами и экипажемъ; Лавинь былъ внъ себя: онъ жаловался на капитана, что пренебрегь этимъ важнъйшимъ для судна запасомъ; капитанъ обвинялъ суперкарго, на котораго возложилъ эту заботу, какъ на хозяина судна; последній, въ свою очередь, обвиняль штурмана, которому далъ, на счетъ наливки водою, положительныя приказанія; штурманъ извинялся только скоростью, съ какою нагружали судно. Когда взаимныя обвиненія кончились, надо было подумать, какъ пособить горю. Въ каютъ собрали совътъ изъ капитана, суперкарга, штурмана и Лавиня. Первый предлагалъ итти въ Перу, штурманъ оспаривалъ, говоря, что это будетъ слишкомъ длинный путь и предложиль зайти къ островамъ Галлонагоскимъ * Лавинь одобрилъ последнее, и какъ капитанъ всегда съ нимъ соглашался, то и на этотъ разъ не сталъ противоржчить. Казалось, что все улажено, но вотъ опять насталъ споръ, къ какому именно итти изъ острововъ Галлопагоскихъ. Штурманъ доказываль, что должно итти къ острову Албемарку, потому-что онъ и больше другихъ, и ближе къ намъ. Лавинь желая согласиться, не удостовърясь въ преимуществъ того или другаго острова, развернуль свою географическую карту и посмотръвъ на нее сказаль: «Мы не пойдемъ къ острову Албемарку, а къ острову Сан-Карла, надъ которымъ я вижу слова: «источникъ пресной воды.» Тутъ возникъ жаркій споръ между имъ и штурманомъ, который утверждалъ, что совершенно знаетъ эти острова, и что гораздо выгодите пристать къ указываемому имъ; суперкарго поддерживалъ мнѣніе штурмана, капитанъ же присоединился къ Лавиню. Голоса были раздълены, и трудно было предвидъть, чья сторона одержить верхъ, тъмъ болье, что суперкарго началъ предъявлять свои права, какъ хозяннъ судна; тогда капитанъ, ударивъ кулакомъ по столу, сказалъ: «Если такъ, то вы, сударь, заставляете меня напомнить вамъ, что здёсь, па суднё, главный начальникъ я, и мы пойдемъ къ острову С. Карла!»

Лавинь утверждаль, что мы достигнемъ острова С. Карла въ двадцать четыре часа, если вътеръ и погода не измънятся, и занялся необходимыми приготовленіями, чтобъ съъхать на островъ, на который, какъ оворятъ, ссылаются мошенцики изъ республики Эквадора. Онъ по-

Или островамъ черепахъ; эта группа лежитъ къ западу отъ южной Америки между 90°
 24' и 94° 22' восточ. долг. отъ пар. мерид. и между 1° 43' шир. ств. и 1° 25' шир. юж.

Смпсь. 35

лагалъ полезнымъ и даже необходимымъ, чтобъ во время стоянки близъ острова, каждый изъ насъ содъйствовалъ къ сохранности и защитъ судна. И такъ всякій вынесъ на палубу свое оружіе, чтобъ вычистить его и привести въ порядокъ.

Лавинь, Бикрофъ и я имъли превосходныя ружья. Любопытно было видъть, какъ въ нъсколько секундъ наша шкуна какъ-будто превратилась въ пиратское судно; всъ обнажали сабли и шпаги и заряжали ружья. Штурманъ подошелъ ко мнъ, и замътя складной кинжалъ, который я хотълъ поправить, просилъ его посмотръть; я ему подалъ говоря, что лезвіе такъ остро, что можетъ проколоть пятифранковую монету; онъ пробовалъ его открыть, но тутъ была секретная пружина, которую я ему показалъ.

Послъ объда, Лавинь позвалъ насъ и объявилъ, что всъ пассажиры должны по очереди стоять день и ночь на вахтъ, такъ, чтобъ всегда было на палубъ два человъка съ ружьями, чтобъ на случай надобности, дать сигналъ тревоги. Мъра эта приведена тотчасъ въ исполненіе.

На другой день поутру мы продолжали наши приготовленія къ съъзду на берегъ. Положено было, если останемся нъсколько дней на якоръ, чтобъ одна только половина экипажа всякій разъ отправлялась на островъ, а другая оставалась для охраненія судна.

Осматривая мои вещи, я замѣтилъ, что мой складной кинжалъ затерялся, я искалъ его съ часъ, потомъ мнѣ это надоѣло, и я совсѣмъ о немъ забылъ. Около четырехъ часовъ, какъ предсказывалъ Лавинь, открылись острова Галлопагоскіе; передъ нами возвышался островъ С. Карла, а съ лѣвой стороны видѣнъ бытъ островъ Албемаркъ, о которомъ такъ много вчера говорили.

Когда мы къ нему приблизились на столько, что могли хорошо видьть всъ берега острова, я отправился на буширить, чтобъ срисовать силуэть. Приготовили якорную цъпь, и будучи еще въ дальнемъ разстояніи, стали, къ великому удивленію Лавиня, бросать лоть. Лотовый матросъ закричаль сразу 26 сажень, потомъ 18, 14, потомъ 20, 25; это было очень странно. Штурманъ сказаль капитану, что надо скоръе становиться на якорь; Лавинь съ своей стороны говориль: «Не слушайте, мы еще далеко отъ берега, не можетъ быть такой малой глубины, это видно по цвъту воды.» Но лотовый опять закричаль семнадцать саженъ, штурманъ не давалъ покоя капитану и упрашивалъ бросить якорь, увъряя, что въ этихъ водахъ глубина быстро измѣняется. Лавинь, замѣтивъ, что капитанъ готовъ согласиться, велѣлъ юнгѣ принести сальную свѣчу, и положивъ самъ во впадину лота сало, сказалъ, чтобъ снова бросили лотъ. Выпустивъ много линя, лотовой закричалъ: тридцать

36 Смъсь.

четыре; но когда лотъ достали, Лавинь замѣтилъ капитану, что онь и дна еще не касался. Спустя минутъ двадцать только стали доставать дно. Но штурманъ утверждалъ, что если прежде дно доставали, такъ это потому, что тутъ есть банки или каменные рифы, и что благоразуміе требуетъ, хотя и далеко еще берегъ, стать на якорь. Кашитанъ на этотъ разъ его послушался, якорная цъпь зазвенъла и долго бъжала, пока икорь не упалъ на дно. Лавинь усмѣхиулся при этой слабости капитана.

Спустили на воду шлюнку, и какъ ночь уже приближалась, посиъшили бхать на островъ. Насъ отправилось человъкъ пять или шесть пассажировъ, всѣ вооруженные, и нѣсколько матросовъ; мы держали къ пункту, на которомъ видиблось маленькое селеніе. При этомъ пере-**Т**ЗДТ МЫ МОГЛИ СУДИТЬ, КАКЪ ДАЛЕКО СТОИТЪ НАШЕ СУДНО ОТЪ берега; ТТВ изъ нассажировъ, которые умъли грести, смънили усталыхъ матросовъ, и потъ катилъ съ нихъ градомъ. Когда мы искали мъсто, гдъ бы лучше пристать, на взморь в явилось челов вкъ двадцать жителей, которые указывали намъ, куда держать. Мы не знали, какой намъ сдълаютъ пріемъ, и хотя не показывали недовърчивости, однакожъ на всякій случай приготовились. Жители приняли насъ миролюбиво, не смотря на ихъ сомнительную наружность и одежду. Они намъ сказали, что для полученія пръсной воды, по отдаленности источника и дурной къ нему дорогъ, намъ придется простоять на якоръ по-крайней-мъръ три дня. Мы поблагодарили ихъ за доброе расположение бутылкою коньяку и поспъшили возвратиться на судно.

Прівхавъ на шкуну, мы застали капитана въ перебранкъ съ суперкарго. Лавинь желалъ знать причину, ему сказали, что штурманъ не хочетъ исправлять своей должности, если пассажиры будутъ стоять на вахтъ. Лавинь настоялъ на этомъ, замътивъ, что пассажиры, оставаясь на палубъ, не сдълаютъ никакой помъхи работамъ.

На следующій день съ восхожденіемъ солнца мы выбъжали на палубу, чтобъ видёть островъ, котораго вчера не могли хорошенько разсмотрёть. Онъ состояль изъ групцы потухшихъ волкановъ, которыхъ странный и дикій видъ вселяль чувство грусти. Лавниь въ большую зрительную трубку искалъ не скрывается-ли глё въ ущельяхъ какая-нибудь шлюнка; потомъ сказалъ, что надо бросить жеребій, кому ѣхать, кому оставаться для охраненія судна. Но когда дёло дошло до вынутія жребіевъ, никто не хотёлъ протянуть руки къ шляпѣ. Нагурально всёмъ хотёлось побывать на островъ, и потому всё были глухи къ благоразумному совёту Лавиня. Онъ взялъ свое ружье, чтобъ отправиться на берегъ и сказалъ: «Мив необходимо собственными глазами удостовърить-

ся, дъйствительно-ли такъ трудно получить воду, какъ говорятъ жители. Что насается до васъ, дълайте себъ, что хотите. Вы не соглашаетесь оставаться для охраненія судна, тамъ хуже будеть для васъ, если случится какое несчастие. » Никто не хотъль оставаться. Приставъ къ берегу, мы пошли къ хижинамъ. Взбираясь около часа по волканическимъ горамъ, мы достигли небольшой площадки, на которой разбросано было хижинъ двъиздцать, составлявшихъ селеніе. Видъ этихъ избушекъ былъ самый печальный, въ постройкъ ихъ замътна была величайшая небрежность, показывавшая, что хозяева живуть туть не по доброй волъ и, при первомъ случав, готовы навострить лыжи. Мы не встрътили ни одного обработаннаго мъстечка. У жителей были самыя скверныя рожи, на которыхъ отпечатывались всв возможные пороки. Мы предложили одному изъ нихъ быть нашимъ проводникомъ для обозрънія острова, и, подвигаясь во внутренность его, преследовали изредка попадавшихся утокъ. Безплодная эта страна произвела на насъ такое грустисе впечатленіе, что никто не согласился бы остаться туть жить и неделю; мы дали объщание не съъзжать болье на берегь, и чтобъ сказать этому острову здравствуй и прощай, ръшились отобъдать въ хижинъ нашего проводника. Но какъ этотъ бъднякъ ничего не могъ намъ предложить, кромъ сушеной говядины да пататовъ , мы послали на судно за провизіей, и чтобъ пообъдать хорошенько, вельли привезти нъсколько бутылокъ самаго лучшаго вина. Для нашего проводника и собравшихся около насъ жителей было очень пріятно попробовать влаги, которой такъ давно они не вкушали. Окончивъ объдъ, мы отправились на судно, и пріъхавъ, собранись въ каюту чтобъ решить, что будемъ делать завтра. Положено было еще разъ прогуляться на островъ, взявъ съ собою одни охотничьи ружья, прочіе же оставить заряженными на суднъ, чтобы на всякій случай быть готовымъ къ защитъ.

На слъдующее утро мы встали съ разсвътомъ, чтобъ отправиться на берегъ; такъ какъ мы желали тамъ выкунаться, то одълись какъ можно проще, и не взяли съ собою ни часовъ, ни денегъ. Когда мы готовы были състь въ шлюнку, Лавинь шеннулъ миъ, что благоразумиъе будетъ намъ взять съ собою капитана, а то, пожалуй, дастъ и тягу. Я совершенно былъ съ нимъ согласенъ. Лавинь подошедъ къ нему и сказалъ: Посмотрите, почтеннъйшій, какую славную беремъ провизію: мы будемъ завтракать на берегу, поохотимся, выкупаемся. День, кажется, будетъ прекрасный: что вамъ дълать на шкунъ? Суперкарго и штурманъ посмотрятъ за наливкою водою. Не хотите ли ъхать съ нами? Капитанъ отвъчалъ, что очень охотно.

^{*} Сладкій картофель.

38 Смпсь.

Когда совсёмъ уже готовы были отправиться, булочникъ, молодой пассажиръ, подошедъ ко мит съ таниственнымъ видомъ, просилъ оказать ему услугу: на немъ былъ поясъ, заключавшій въ себт одиннадцать унцій золота, который хоттлось ему спрятать въ нашъ желтлый сундукъ. Онъ располагалъ тоже купаться, и боялся, чтобъ жители острова не соблазнились этимъ поясомъ. Я сказалъ объ этомъ Лавиню, и тотъ сошелъ въ каюту взять ключи. Возвратясь на палубу, онъ позвалъ къ себт булочника такъ неосторожно, что вст это приметили, и когда они отправились къ большому сундуку, прикртпленному къ гротъ-мачтъ, матросы и пассажиры изъ любопытства ихъ окружили. Лавинь отперъ сундукъ и сказалъ булочнику, положивъ его поясъ на мъшки съ деньгами: «Считать денегъ нътъ надобности: вечеромъ, когда вернемся, получишь въ цълости.» Потомъ онъ замкнулъ сундукъ и далъ знакъ къ отправленію.

Насъ было семнадцать человъкъ въ пиротъ*, въ томъ числъ пять человъкъ съ острова. Такъ какъ мы очень тъснились, то съ судна закричали, что зрительная труба Лавиня, лучшая изъ всъхъ нашихъ трубъ, можетъ испортиться или затеряться. Лавинь, послъ минутной неръшительности, подалъ ее штурману, а тотъ, наклонясь съ борта, взялъ ее.

Отошедъ нъсколько отъ судна, мы принялись за охоту. Здъшнія птицы не боялись выстръдовъ, и какъ бы изъ любопытства окружали нашу лодку.

Когда мы подходили къ острову, появились около насъ тюлени, которыхъ мы долго преслъдовали.

Въ полдень, томимые жаромъ и голодомъ, ръшились мы пристать къ берегу, чтобъ позавтракать и отдохнуть. Мы втащили лодку на песчаный берегъ, и замътивъ на немъ множество морскихъ раковъ, принялись ихъ собирать. Потомъ вырыли въ пескъ яму, разложили въ ней огонь и бросили туда раковъ.

Мы завтракали и кунались. Солнце палило насъ, и не гдъ было укрыться. Кто-то, выходя изъ воды, закричалъ: акула! У Лавиня былъ большой охотничій ножъ, онъ взялъ его, сошелъ въ воду, и къ удивленію нашему тотчасъ къ намъ возвратился съ маленькою акулою.

Между тёмъ какъ мы забавлялись на взморѣ, кто-то замѣтилъ на горизонтѣ парусъ; глаза всѣхъ устремились въ ту сторону. Мы позвали капитана, который уснулъ подъ тѣнью лодки, и показали ему парусъ; онъ всталъ, и взглянувъ между двумя ладонями, сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, это судно и, кажется, идетъ сюда; только оно такъ еще далеко, что съ трудомъ можно его различить, можетъ быть, оно

[•] Лодка дикихъ.

также идеть къ островамъ запастись водою, и также вышло изъ Валпарайсо. » Предположение это увеличило нашу веселость; взявшись за руки въ кружокъ мы плясали на вморьт, точно дикіе. Чрезъ часъ мы стли въ лодку и отправились къ судну. Проходя мимо, мы примътили на утесъ какого-то морскаго звъря, отдыхавшаго при солнечномъ захожденіи. Бывшій съ нами лекарскій ученикъ сказаль, что ему очень бы ходёлось имѣть это животное, и нельзя ли его убить. Лавинь и я, прицалясь, выстрълили въ одно время; животное нъсколько разъ повернувшись, упало съ утеса. Мы погнались за нимъ и когда настигли, управлявшій сзади весломъ, такъ неосторожно повернулъ имъ, что пирога стукнулась объ утесъ, а потомъ сильно накренилась, и мы всв полетвли въ воду. Надо было спасать оружіе и неумъвшихъ плавать. Лодку вытащили на берегъ, и четверо изъ насъ, половчъе, принялись выливать изъ нея шляпами воду, тогда, какъ прочіе на берегу выжимали промокшія свои платья. Картина была единственная. Заходящее солнце освъщало кровавымъ свътомъ эту сцену. Лучи его, отражаясь на волнахъ и дикихъ скалахъ придавали всему какой-то зловъщій видъ. Время становились бурное. Вскоръ мы очутились во мракъ, и едва часа чрезъ два могли очять пуститься въ путь. Противный вътеръ усиливался, мы съ трудомъ боролись съ волнами. Только что ударили веслами, какъ начался между капитаномъ и управлявшимъ лодкою споръ. Посладній, видя, что пирога его очень повреждена, приписываль это нашему толстому капитану, говоря, что когда онъ нагнулся на бортъ, лодка перевернулась. Капитанъ, напротивъ, утверждалъ, что это случилось отъ неумънья его править. Отъ этихъ словъ съверо-американецъ пришель въбъщенство и сталъ такъ ругаться, что Лавинь, сидъвшій на носу пироги, перебъжалъ чрезъ наши головы и схвативъ американца за горло, вскричаль: «Что это значить? Какъ ты смѣешь, бездѣльникъ, грубить? Еще слово, и я тебя брошу за бортъ! » Четверо островитянъ гребцовъ бросили весла и выхвативъ изъ-за поясовъ большіе ножи, приготовились защищать своего хозяина, мы последовали ихъ примеру, и лодка наша чуть-чуть снова не опрокинулась. На этотъ разъ немногіе бы спаслись: берегь быль отъ насъ далеко, и темнота была полная. Опасность такъ была велика для всёхъ, что по сдёланному къмъ-то замъчанію, всь опять съли по мъстамъ, и пирога продолжала свой путь.

Но плаваніе наше было очень затруднительно. Не только вѣтеръ и волны были намъ противные, но лодка такъ сильно текла, что двое едва успѣвали выливать изъ нея воду.

Я сидълъ назади и смотрълъ въ ту сторону, гдъ надо было от-

40 Смюсь.

крыться судну, надъясь замътить его рангоутъ при помощи слабаго свъта, едва озарявшаго горизонтъ. Не видя ничего, я сказалъ вполголоса Лавиню, что боюсь, не наше ли судно мы видъли сегодня. Лавинь, схвативъ меня сильно за руку шепнулъ: «Молчите, я и самъ теперь объ этомъ думаю.» Мы оба были въ большомъ безпокойствъ: прочіе заботились только о томъ, какъ бы поскоръе пріъхать, перемънить платье да поужинать. Но вдругъ, обогнувъ далеко выдавшійся мысъ, мы увидъли на берегу три огня и, вскоръ по волнамъ достигли до насъ странные крики, заставившіе насъ содрогнуться. Сдълалась страшная тревога. Лавинь судорожно сжимая мою руку, тихонько говорилъ: «Всё кончено! мое предчувствіе меня не обмануло; мы не послушались голоса разсудка, и за то теперь гибнемъ. Не пройдетъ и часа, какъ насъ, можетъ быть, не будетъ!»

— Но скажите пожалуйте, что вы подъэтимъ разумъете и какая угрожаетъ намъ опасность?

«Развъ вы не видите, что островитяне воспользовались нашимъ отсутствиемъ, чтобъ овладъть шкуной. Не ясно ли, что и находящиеся на нашей пирогъ пять человъкъ съ ними въ заговоръ; они нарочно опрокинули давича лодку, чтобъ всъхъ насъ потопить. Теперь же жители ожидаютъ насъ на взморьъ, чтобъ всъхъ переръзать и тъмъ схоронить концы въ воду.»

Многіе спрашивали Лавиня, что это значить и что надо дълать. Онъ не хотъль передъ островитянами обнаружить своего подозрънія и отвъчаль, что ръшительно ничего не понимаеть, но полагаеть, что надо править на огни, нарочно для насъ разложенные.

Приблизясь въ нимъ, мы могли различить на берегу много людей; казалось, что они плашутъ вокругъ огня. На меня напалъ паническій страхъ: невольно я перенесся во времена первыхъ плавателей, которые потеритвъ кораблекрушение на дикихъ берегахъ, были изжарены и сътлены.

Я сказаль тихонько Лавиню, что если онь думаеть, что насъ убьють, такъ зачёмъ и приставать къ берегу; онъ отвечаль мив: «Но чтоже мы будемъ делать и въ морё на такой плохой лодке и безъ провизи? Ужъ лучше умереть, защищаясь?»

Когда мы подошли къ берегу и готовы были пристать, Лавинь сказалъ громкимъ голосомъ, мъшая испанскій языкъ съ англійскимъ и французскимъ: «Слушайте, что я буду говорить: лишь только вступимъ на берегь, вет ко мнъ, и приготовьтесь защищаться.»

Соскочивъ на берегъ мы мгновенно столпились, прислонясь къ скалъ, чтобъ имъть непріятелей, кто-бы они ни были, только спереди.

41

Вскорт мы увидели, что отделилась и пошла къ намъ толпа людей, которыхъ мы сначала не узнали; съ величайшимъ удивленіемъ замътилъ я, что эти люди не имъютъ ничего враждебнаго: они были безъ оружія, и ихъ крикъ скорте походилъ на вопль отчаннія. Но каково было наше изумленіе, когда въ первыхъ къ намъ прибъжавшихъ, мы увидели пассажировъ со шкуны! Оружіе выпало изъ нашихъ рукъ. Отъ нихъ мы узнали, что штурманъ. улизнулъ съ судномъ, и что они давно здёсь насъ жлутъ. Между ними находились четыре матроса, одинъ изъ племянниковъ капитана и два пассажира.

При этой новости одни стали плакать и кричать, другіе мрачные, унылые, не произносили ни одного слова. Лавинь изыскиваль средства какъ бы догнать похитителя. Съ моей стороны, я собраль въ одно мъсто всъ вещи, взятыя съ судна, боясь чтобъ окружающіе насъ островитяне не вздумали растащить ихъ.

Впрочемъ, я былъ радёхонекъ и тому, что остался цѣлъ и почиталъ себя счастливымъ, въ надеждѣ опять увидѣть свою родину. Осмѣлюсь ли признаться? Я даже чувствовалъ минутное удовольствіе, что послѣ столькихъ путешествій встрѣтилось приключеніе, обѣщающее рядъ сценъ, достойныхъ кисти болѣе чѣмъ я искуснаго художника!

Островитане возвратились въ свои хижины, оставя насъ въ самомъ жалкомъ положении. Но чъмъ же они могли и пособить намъ?

Время было за полночь, мы раздёлись и сушили наше платье вокругъ большаго огня. Одинъ Лавинь думалъ объ общей пользё и изыскивалъ средства какъ бы догнать похитителя. Онъ послалъ одного матроса въ хижину хозяина пироги съ предложеніемъ: не согласится ли на ней ёхать съ нами за хорошую награду, и именно за тридцать унцій золота, назначавшихся ему и десять унцій каждому изъ его товарищей, сверхъ того объщали имъ значительное количество жизненныхъ припасовъ и водки. Такое предложеніе не могло не быть соблазнительнымъ для человёка, ничего не имѣвшаго. Однакожъ, припоминая недавнюю съ нимъ ссору, мы сомнёвались въ успёхъ.

Съ душевнымъ безпокойствомъ ожидали мы возвращенія посланнаго. Пришедши, онъ возвъстиль намъ отказъ хозяина, который отзывался плохимъ состояніемъ пироги, недостаткомъ провизіи и нужныхъ орудій для такого путешествія. Лавинь предложилъ намъ постараться исправить собственную нашу шлюпку; мы ее опрокинули, и при свътъ импровизированныхъ факеловъ искали листоваго жельза и гвоздей, но трудъ былъ напрасный: вскоръ мы его оставили и принялись опять сушить на огнъ наше платье.

Когда мы немного опомнились, начали спрашивать, какъ же это

случилось, что часть вкипажа, пассажиры и хозяинъ судна очутились на берегу. Вотъ что намъ разсказали: спустя нѣсколько часовъ послѣ нашего отъѣзда, пассажиры вздумали также въ свою очередь съѣхать на берегъ; хозяинъ судна, старикъ Монтесъ, не могъ имъ этого воспретить. Штурманъ съ своей стороны также уговорилъ его уступить общему желанію, увѣряя, что присутствіе его на берегу ускоритъ налитіе бочекъ свѣжею водою. Когда шлюпка была готова, штурманъ воспользовался случаемъ спровадить на берегъ тѣхъ матросовъ, которые не были съ нимъ въ заговорѣ. На суднѣ осталось только шесть человѣкъ: штурманъ, подшкиперъ, одинъ матросъ, кокъ, дѣвочка, служанка пассажирокъ и племянникъ капитана, который, можетъ быть, подозрѣвая что нибудь, не согласился ѣхать.

Приставъ къ острову, Монтесъ съ нассажирами отправился къ вершинъ горы. Лишь только они нашли удобное мъсто, на которомъ расположились отдохнуть, многіе изъ островитянъ въ попыхахъ прибъжали къ Монтесу сказать, что судно его уходитъ. Они показывали ему. что на шкунъ подымаютъ марсели. Добрый человъкъ, въ простотъ своего сердца, ни мало не безпокоясь, отвъчалъ, что въроятно судно подрейфовало, и штурманъ поднялъ паруса, чтобъ прійти на прежнее мѣсто. Такой отвътъ заставилъ расхохотаться жителей. Время было прекрасное: очевидно, что на судит происходило что-то необыкновенное. Вскоръ шкуна примътно стала удаляться, и несчастный хозяинъ, вполовину убъжденный, ръшился сойти съ горы и състь на шлюпку съ пассажирами и матросами, которые налегли на весла, чтобъ догнать судно. Часа черезъ два или три, послѣ неимовърныхъ усилій, удалось настигнуть шкуну и то потому только, что на ней было мало команды. Когда шлюпка уже близко подошла, Монтесъ началъ кричать и звать. Тогда показался на бортъ человъкъ съ ружьемъ: это былъ штурманъ.

- Что вамъ нужно? Чего вы хотите? отвъчалъ онъ.
- «Но, любезный другь, сказаль Монтесь, что ты дълаешь? куда идешь? Подожди насъ.»
- Убирайся, отвъчалъ тотъ, прицъливаясь въ него изъ ружья, если тронешься только, убъю тебя.
- «Помилуй, закричалъ Монтесъ: когда ты ръшился итти безъ пассажировъ, то возьми хоть насъ.
- Ни слова болье, или я всажу тебъ въ голову пулю, прибавилъ хладнокровно штурманъ.

Испуганный старикъ поворотилъ шлюпку и возвратился на берегъ, гдъ ожидали его нъкоторые изъ жителей острова, привлеченные любопытствомъ. Послѣ этого расказа поднялись со всѣхъ сторонъ крики удивленія, жалобы и взаимныя обвиненія. Каждый увѣралъ, что имѣлъ предчувствіе и, на мѣстѣ хозяина, показалъ бы болѣе благоразумія и твердости. Обыкновенныя фразы: я вѣдъ говорилъ... я зналъ... вотъ что надо было дѣлать — повторялись каждую секунду; но къ чему все это служило? Когда голоса въ безполезномъ спорѣ стали утихать, воображеніе не оказалось такъ плодовито, и мало по малу всѣ дошли до мрачнаго молчанія.

Усталые, томимые холодомъ и голодомъ, мы вздумали нуть, но это было невозможно. Мы сели у моря и ждали утра, какъ будто оно могло принести намъ что-нибудь доброе. Какая-то надежда возвратилась однакожъ къ некоторымъ изъ насъ. «Можетъ быть, говорили они, съ восхождениемъ солнца откроется наше судно. Подшкиперъ и племянникъ капитана не могутъ же участвовать въ этомъ гнусномъ заговоръ; подшкиперъ больной лежалъ въ койкъ и, въроятно, притворился еще болъе нездоровымъ; молодой человъкъ сначала поневолъ уступитъ, но потомъ оба воспользуются сномъ или принствомъ злодъевъ, чтобъ заковать или убить штурмана, и судно къ намъ вернется.» Какъ ни обманчива была эта надежда, но повъяла на наши сердца отрадою, и когда первые лучи солнца блеснули, наши взоры искали паруса на горизонтъ. Но, увы! мы ничего невидали, однако же при всей безнадежности долго смотръли на безпредъльное море. Томившій насъ голодъ еще болье даваль намь чувствовать весь ужась нашего положенія и вывелъ насъ изъ мечтательности. Нѣкоторые пустились по взморью отыскивать морскихъ раковъ.

Ближайшая къ берегу хижина принадлежала жителю по имени Мартинецъ, который носилъ важное титло губернатора острова, можетъ быть, потому, что былъ плутоватъе, прочихъ, и хотя что нибудь да имълъ. Оттого ли, что онъ, въ самомъ дълъ, сжалился надъ нами, или ожидалъ вознагражденія за малую свою услугу, онъ роздалъ намъ въ этотъ первый день нъсколько пищи; но на слъдующій день сказалъ: «Васъ девятнадцать человъкъ, а островъ не въ состояніи прокармливать и насъ, живущихъ здъсь въ числъ пятидесяти человъкъ; надо вамъ самимъ промышлять себъ пищу, мнъ же кормить васъ нечемъ. Ступайте въ селеніе и посмотрите не можете ли какъ нибудь пріютиться близъ источника.»—Мы собрались на совътъ и разсуждали, что намъ дълать. Старикъ Монтесъ уже ушелъ съ двумя женщинами. Онъ отдалъ свои часы съ репетиціей одному жителю, который предложимъ ему и женщинамъ убъжище и пропитаніе до возвращенія ихъ съ острова. Капитанъ, съ своей стороны, остался на берегу съ племянникомъ своимъ и четырьмя

матросами. Кром'в этихъ двух группъ насъ еще было десять человъкъ пассажировъ, и мы ръшились выбрать себъ начальника. Лавинь избранъ былъ единогласно, потомъ нашли нужнымъ имъть ему помощника, который могъ бы раздълять съ нимъ труды и, въ случат надобности замънять его; должность эта предоставлена была мнт. Вступивъ въ нее, я тотчасъ попросилъ вступ вступивъ въ нее, я тотчасъ попросилъ вступ вступивъ въ нее, м тотчасъ попросилъ вступ вступивъ въ нее, м тотчасъ попросилъ вступ в вступ вступ вступ вступ вступ вступ в вступ вступ вступ в вступ вступ вступ в в вступ в в вступ в вступ в вступ в вступ в в вступ в в в вступ в вступ в

Лавинь далъ знакъ къ походу. Грустно оставили мы морской берегъ. На пути, чтобъ прервать молчаніе, я запѣлъ ту же пѣсню, которую пѣлъ на этой самой дорогѣ назадъ тому два дня:

On entend sous l'ormeau, etc.

Но вев тотчасъ закричали и остановили меня, говоря, что при настоящихъ обстоятельствахъ не чему радоваться. Упадокъ духа былъ таковъ, что многіе едва держались на ногахъ. Надо было употребить нънъсколько часовъ, чтобъ пройти двъ мили и достигнуть площадки, гдъ расположены были хижины жителей острова, мы знали что они не очень къ намъ расположены; они явно говорили, что мы уморимъ всъхъ съ голоду на островъ.

На порогъ первой хижины мы замътили женщину пріятной наружности. Ен правильныя черты, черные глаза, золотистый цвъть лица оттъняемый черными волосами, волнообразно падавшими на обнаженныя плеча, ен стройнан, граціозная талія напомнила мнъ прекрасныхъ жрицъ Леопольда Робера. Поравнявшись съ нею мы остановились и пожелали ей добраго дня; она отвъчала ласковымъ голосомъ: «Зайдите отдохнуть въ мою хижину.» Мы не заставили повторять столь неожиданнаго приглашенія.

«Я бѣдная дѣвушка,» прибавила она, когда мы вошли, и кромѣ того, что видите, ничего не имѣю; однако вы еще несчастнѣе меня, потому что у васъ нѣтъ даже крова; вы можете, если желаете, жить въ моей хижинѣ, пока не найдете себѣ лучшаго.» Мы съ благодарностью приняли это предложеніе. Она сказала намъ, что провела часть ночи на морскомъ берегу, послѣ того, какъ увидѣла, что судно наше уходитъ, и приведена была въ ужасъ несчастнымъ нашимъ положеніемъ. Она говорила о насъ тѣмъ изъ жителей, которые могли бы чѣмъ нибудь пособить намъ, но замѣтила, что всѣ боятся продолжительнаго пребыванія девятнадцати человѣкъ на островѣ, и что каждый намѣренъ былъ тщательно скрывать отъ насъ всякую даже малость. Эта ниспосланная намъ Провидѣніемъ хижина, выстроена была изъ нетесанаго лѣса и нокрыта морскимъ тростникомъ. Парусинная койка

Смъсь. 45

да старый стуль были единственною мебелью въ комнать, въ которой мы собрались. Съ лъвой стороны отъ входа была маленькая горенка съ притворенною дверью: что бы такое въ ней находилось? Эта мысль занимала почти всъхъ нашихъ товарищей, которые, сидя на полу, едва шевелились, боясь потерять и это единственное убъжище. Любопытство однакожъ заставило меня подойти къ маленькой, едва держащейся двери, и толкнуть ее, сердце мое содрогнулось при видъ этой печальной каютки: тутъ была постель изъ сучьевь, положенныхъ вдоль и по перегъ, старый матрацъ, набитый мохомъ, и вмъсто занавъсей мъшки. Вотъ въ чемъ заключалось достояніе бъдной дъвушки. Впрочемъ съ противоположной стороны, т. е. справа отъ входа, была также горенка, въ которой хозяйка наша что-то стряпала. Лавинь, возвратясь съ рекогносцировки, сказалъ намъ, что заходилъ въ разныя хижины, но что ему ничего не предложили, впрочемъ, въронтно; можно будетъ что нибудь достать за деньги, если подождемъ до завтра. Молодая дъвушка, услышавъ это, сказала: «Не безпокойтесь о пищъ на нынъшній день: я вамъ ее приготовлю, только немного потерпите.» Въ тоже время она передвинула на средину комнаты вмъсто стола старый ящикъ, потомъ принесла большой отчасти разбитый горшокъ съ похлебкой изъ пататовъ и сушеной говядины, къ этому она прибавила еще хлѣбныя лепешки, жареныя въ черепаховомъ маслъ. Можно себъ представить, какъ быстро мы все это пожрали!

Послѣ того первою нашею заботою было набрать какъ можно болѣе сухой травы, чтобъ приготовить для себя въ хижинѣ постели. Потомъ мы сдълали деревянныя ложки, чтобъ хлебать ими супъ, который могли приготовлять изъ дикой тыквы.

Съ этого дня началась для насъ жизнь многотрудная, монотонная. Каждое утро мы вставали до солнечнаго восхода и инстинктивно выбъгали изъ хижины посмотръть на горизонтъ, не откроется ли гдъ парусъ. Тщетно мы старались сблизиться съ къмъ нибудь изъ сорока или пятидесяти человъкъ жителей; большая часть изъ нихъ состояла изъ ссыльныхъ преступниковъ республики Эквадора, увърявшихъ, что находятся здъсь за политическія свои мнънія. Они избъгали даже съ нами разговоровъ и смъялись надъ нашимъ несчастіемъ. Одна Петита имъла къ намъ состраданіе. Поступки ея обнаруживали не одно простое гостепріимство, но преданность, доходившую до самопожертвованія. Въ то же время ея чистосердечіе, здравый разсудокъ, врожденная гордость и тверлость внушали къ ней уваженіе. Она приготовляла нашу скудную пищу, мыла намъ бълье, уцълъвшее отъ кораблекрушенія, и старалась еще

46 Смъсъ.

ободрять насъ своею притворною веселостью. Мы никогда не могли узнать тайную исторію этой молодой дівушки.

Каждую ночь мы разводили огонь на горт, и двое изъ насъ поперемтино стерегли его. Разъ, утромъ, Лавинь и я, смънясь съ караула, сошли на взморье, чтобъ пользуясь отливомъ моря, поискать между скалами чего нибудь для пищи. Едва прошелъ часъ времени въ этомъ занятіи, какъ мы услышали громкіе голоса двухъ нашихъ товарищей, которые насъ искали и звали. Испуганные, мы побъжали къ нимъ навстръчу и, къ величайшему удивленію, услышали отъ нихъ, что съ вершины горы замътили на горизонтъ судно, и всъ жители думаютъ, что это должно быть наше, потому-что оно показалось на томъ самомъ мъстъ, гдъ въ послъдній разъ скрылось. Мы колебались еще върить слышанному, между тъмъ многіе изъ жителей и прочіе наши товарищи пришли къ намъ и подтвердили эту добрую въсть.

Англичанинъ, владътель пироги, которую успълъ уже исправить, явился съ ружьемъ и предлагалъ свои услуги Лавиню на прежнихъ условіяхъ.

«Почему же ты полагаешь, спросиль Лавинь, что это наше судно?» — Я полагаю, отвъчаль англичанинь, что ваши люди между островами этого архипелага, не нашедь якорнаго мъста, ожидали попутнаго вътра, чтобъ возвратиться и искать другой якорной стоянки. Мнъ хорошо извъстны всъ здъшніе каналы, потому-что я изъъздиль весь этотъ архипелагь на моей пирогъ.

Лавинь согласился на это предложеніе; положено было, чтобъ двое или трое изъ нашихъ пассажировъ участвовали въ этой экспедиціи. Тотчасъ стали приготовляться къ отправленію. Товарищи принесли къ намъ ружья, и какъ у насъ оставалось не болѣе двухъ, трехъ пуль, то Дезире, механикъ, началъ лить изъ свинца пули. Нѣкоторые изъ жителей, полагая, что теперь положеніе наше измѣнится, помогли намъ, чѣмъ было можно; одни принесли сушеную говядину, другіе картофель, который тутъ же и пекли; потомъ, когда все было готово, спустили пирогу въ море. Лавинь взялъ меня въ товарищи. Передъ тѣмъ, какъ отвалить, не зная какая ожидаетъ насъ участь, мы простились съ оставшимися на берегу почти со слезами на глазахъ.

Мы держали къ тому мъсту, гдъ показалось судно; вътра не было и мы все угро шли на веслахъ.

Около часу по полудни, когда мы еще ничего не видъли, подулъ кстати свъжій вътерокъ и далъ намъ отдохнуть. Море, дотолъ гладкое, стало волноваться, и мы летъли съ необыкновенною скоростью; вскоръ островъ нашъ скрылся и казался позади насъ только едва примътнымъ Смњев. 47

туманнымъ облачкомъ. Впереди же, напротивъ, рисовался большой берегъ: это былъ островъ Албемаркъ. Въ четыре часа пополудни все еще не видно было судна. Лавинь сказалъ по-англійски хозяину пироги: «Мы, кажется, идемъ не прежнимъ курсомъ?»

 Правда, отвъчалъ англичанинъ, мы переночуемъ на острову, который впереди.

Лавинь крайне этимъ удивленный, сталъ спорить.

Англичанинъ сказалъ: У насъ провизіи только на полтора дня; я не могу оставить васъ на ночь въ открытомъ морѣ; здѣсь бываютъ такія сильныя теченія, что не знаешь, куда унесетъ къ утру.

Лавинь однакожъ не переставалъ упорствовать и спорить. Англичанинъ продолжалъ:

— Хотя я здёсь и хозяинъ, но готовъ посовётоваться съ моими товарищами; тутъ онъ сказалъ имъ по-Испански, въ чемъ дёло. Четверо гребцовъ одобрили его мнёніе, и мы принуждены были съ ними согласиться.

Вътеръ и волненіе моря продолжали усиливаться; передъ нами видавнъ быль потухшій кратерь волкана, котораго одна сторона имъла форму лошадиной подковы. Намъ необходимо было пройти его на вътръ, въ противномъ случать, мы бы за нимъ заштилъли, а намъ нужно было спъшить; хозяинъ пироги увърялъ, что къ Албемарку можно приставать только днемъ, потому что онъ окруженъ подводными камнями; и такъ мы держали круто къ вътру и проходили такъ близко около берега, что могли быть на него выброшенными; мы уже искали глазами гдъ бы можно было вскарабкаться на утесы. Но скалы были отвъсныя и совершенно недоступныя.

При нашемъ приближеніи, стаи морскихъ птицъ спустились съ утесовъ и, кружась надъ нашими головами, казалось, съ удивленіемъ на насъ смотрѣли, и такъ близко летали, что мы могли до нихъ дотрогиваться. Нерыпы, испуская страшный вопль, бросались въ море.

Такое зрълище не могло не произвести впечатлънія и на самаго равнодушнаго человъка: пирога наша такъ наклонялась, что подвътреннымъ бортомъ чуть не черпала воду; мы не шевелились, чтобъ неловкимъ движеніемъ не опрокинуть ее совершенно.

Англичанинъ управлялъ заднимъ весломъ внимательно и искусно. Спокойствіе его доказывало навыкъ къ морю. Съ трудомъ мы достигли острова прежде захожденія солнца и миновали опасные рифы, чрезъ которые проходъ хорошо былъ извъстенъ нашему кормчему. Наконецъ мы пристали къ огромному острову, (онъ имълъ въ длину около сорока миль) совершенно пустынному и покрытому дъвственнымъ лъсомъ.

Я быль въ восторгь: умъ и чувства мои поражены были величественными явленіями природы, заставившими меня забыть настоящее
наше положеніе. Вътви и стволы деревъ, современныхъ земль, на
которой они расли, отчасти разрушены были дъйствіемъ жестокихъ урагановъ; волны, съ шумомъ разбиваясь о скалы, тихонько взбъгали потомъ
на прибрежье и замирали тутъ, какъ бы грустно лаская несокъ; страшное эхо отъ гула вътра и шума волнъ новторялось въ лабиринтъ взгромозжденныхъ одна на другую горъ—все это усиливало мое удивленіе,
мою восторженность. Въ эту минуту не было мъста ни сожальнію, ни
страху: въ присутствіи такого дивнаго зрълища, я глубоко чувствоваль
всю человъческую ничтожность въ сравненіи съ величіемъ дълъ Божескихъ! Мы развели на взморьть большой огонь, и подкръпивъ себя пищею,
расположились отдохнуть.

Мы встали съ утренней зарею и, позавтракавъ остатками вчерашней провизіи, пошли добывать новой. На этотъ разъ мы объявили войну чере пахамъ. Охота эта до чрезвычайности мнѣ нравилась, тѣмъ болѣе, что намъ пришлось углубиться въ дѣвственный лѣсъ, которымъ покрытъ былъ весь островъ Албемаркъ. Нѣсколько времени мы шли вдоль морскаго берега, встрѣчая на каждомъ шагу нерповъ, убѣгзвшихъ въ море.

Войдя въ лѣсъ, мы раздълились на двъ партіи; наши вожатые дълали топориками на деревьяхъ зарубки, чтобъ найти послъ дорогу, и время отъ времени мы подавали голоса, чтобъ не очень удалиться другъ отъ друга. Всякій разъ, когда я встрічаль черенаху, я опрокидываль ее на спину, такъ научили меня, и ставилъ примъту на мъстъ, чтобъ послъ найти ее. Около полудня данъ былъ сигналъ къ возвращению; туть началась настоящая бойня нашихь планниць: это была ужь не лицевая сторона нашей охоты. Я не могъ равнодушно смотръть на убійство бъдныхъ животныхъ, которыя притомъ были очень живущи. Казалось, что онъ родились съ этими островами и будутъ жить до конца ихъ *. Изъ-подъ ивкоторыхъ черепахъ доставали большія, круглыя и очень кръпкія яица. Всобще охота была довольно удачна. Приближаясь къ мъсту ночлега, мы были обременены черепахами, нанизанными на концы длинныхъ палокъ, которыя несли на плечахъ. Нашъ вожатый привель нась къ солончаку чистъйшей бълой соли, которою мы запаслись. Было уже поздно, когда мы, усталые, голодные, возвратились къ взморью, разложили огонь, чтобъ изжарить мясо черепахъ, въ особенности же . ихъ печенки, которыя не могутъ долго сохраняться и составляютъ самое деликатное кушанье. Лавинь, добдая ихъ до самыхъ спичекъ, слу-

Острова Галлопогскіе волканическаго происхожденія и кажутся не очень древними.

жившихъ вертъломъ, говорилъ: «я увъренъ, что еслибъ англійскій гастрономъ узналъ, какъ вкусна жареная печенка черепахи на островъ Албемаркъ, то пріъхалъ бы сюда нарочно ее попробовать.». Утоливъ голодъ, мы остальное мясо посолили, чтобъ взять съ собою. Въ эту ночь мы всъ спали глубокимъ сномъ.

На следующій день мы простились съ пустыннымъ островомъ, который, вероятно, не быль еще весь хорошо изследованъ.

Густой туманъ препятствовалъ намъ два дня видъть нашъ островъ. Невозможно было замътить и огня, который наши товарищи объщались раскладывать на вершинахъ горъ. Мы были очень истомлены отъ безпрестанной гребли, безъ которой теченіемъ увлекло бы насъ въ открытое море. Слава Богу, къ концу втораго дня небо прояснилось, и мы увидъли нашъ островъ въ большомъ отъ насъ разстоянии и позади себя: мы его прошли; еслибъ ночь наступила прежде, чъмъ онъ открылся, мы пропали бы, увлеченные теченіемъ въ открытое море. Наконень, направляясь на огонь, мы прітхали на островъ, и насъ ожидало новое разочарованіе. Судно, которое мы видъли въ день нашего отъбада, несколько разъ переменяло свое направление и подходило весьма близко къ острову. Оказалось, что это съверо-американскій китоловъ; капитанъ не только не соглашался принять къ себъ нашихъ товарищей, но отказался даже отъ малейшаго имъ пособія; онъ отвечаль грубо тъмъ, которые его посътили, что пришелъ сюда для пополненія своего экипажа семью человъками, а не для того, чтобъ слушать плачевные разсказы. Одинъ изъ нашихъ пассажировъ, именно французъ, булочникъ, согласился вступить въ число его экипажа, предпочитая трудное ремесло китолова перспективъ умереть съ голоду на островъ.

Это происшествіе насъ очень обезкуражило: въ самомъ дѣлѣ, что оставалось намъ дѣлать и чего ожидать? Многіе изъ товарищей нашихъ съ отчаянія заболѣли. Притомъ у насъ не было уже бѣлья; часто мы спали на голой землѣ, и съ трудомъ утоляли свой голодъ, когда изрѣдка удавалась рыбная ловля. Днемъ солнце насъ пекло, а ночью, чтобъ не терпѣть отъ холода, мы должны были другъ къ другу жаться наши лица, руки и ноги почернѣли отъ жара; насѣкомые немилосердо насъ терзали.

Лавинь, видя наше уныніе, предложиль намъ сдълать послѣднее усиліе, чтобъ добраться до материка. Для этого падлежало вооружить нашу шлюпку, на которой ничего не было, кромѣ четырехъ веселъ. Это предпріятіе принято было съ радостью. Восьмеро изъ насъ приступили къ работъ. На послѣднія деньги купили немного муки, какая была на островѣ, не много сушеной на солнцѣ, довольно попорченной 50 Смись.

говядины, земляныхъ грушъ и сладкихъ пататовъ. Бъдняжка Петита отдала намъ послъднее свое одъяло и нъсколько рубашекъ, чтобъ сшить изъ нихъ паруса; но этого было недостаточно: каждый изъ насъ долженъ былъ пожертвовать бъльемъ, какое у кого было; одинъ отдалъ рубашку, другой брюки, и мы смастерили самый странный парусъ. Петита сначала испугалась, узнавъ о нашемъ отъъздъ. Съ тъхъ поръ, какъ она поселилась на островъ, она жила отъ всъхъ въ удаленіи, отчего ее поселенцы не жаловали; за оказанное же намъ гостепріимство, теперь ее ненавидъли; —мы объщали Петитъ взять ее съ собою, и если нельзя будетъ сдълать этого днемъ, объщали прійти за нею ночью. Съ этой минуты она трудилась, какъ львица. Однажды, когда она шила парусъ и пъла, я сказалъ ей: «Ты не знаешь, бъдное дитя, что можетъ быть шьешь теперь свой саванъ.» Она отвъчала: Что за бъда, лишь бы слъдовать за вами, и оставить этотъ проклятый островъ!

Двадцать цять дней прошли въ нашихъ приготовленіяхъ. Мы свивали изъ сухой травы веревки, заготовляли уголь и некли сухари: потухшій кратеръ волкана служилъ намъ натуральною печью.

Наконецъ наступило время спустить шлюпку на воду, вооружить и нагрузить нашу куріозную посудину. Мы перенесли на берегь всю провизію и потомъ, посредствомъ маленькой лодки, перевезли ее на шлюпку. Наше импровизированное судно стояло въ некоторомъ отдалении отъ берега. Большой камень съ привизанною къ нему нашего издёлія веревкою, заменяль якорь. Всю ночь я провель на шлюпке, которую караулилъ. Поутру, съ разсвътомъ, товарищи мои съ радостнымъ видомъ сходили съ горы. Въ тоже время я замътилъ близъ хижины у морскаго берега много вооруженныхъ жителей, они размахивали руками и казалось, были въ непріязненномъ къ намъ расположеніи. Матросы и хозяинъ шкуны наканунъ сказали, что не отпустятъ насъ, потому что шлюпка принадлежить имъ и составляеть последнюю ихъ надежду. Нъкоторые изъ жителей также противились нашему отъезду, чтобъ только досадить намъ, а можетъ быть и присвоить себъ шлюпку. Не зная, что изъ всего этого выйдетъ, я взялъ ружье, и на маленькой лодочкъ перевхаль на берегь. Спорь быль въ разгарв и чуть не дошло двло до драки; успъли однакожъ все уладить, подписавъ Монтесу вексель въ 300 піастровъ. Я перевезъ одного за другимъ нашихъ спутниковъ, и когда вст они были уже на шлюнкт, одинъ изъ жителей потхалъ со мною на лодочкъ, чтобъ потомъ пригнать ее къ берегу.

Насъ было девять человъкъ на шлюпкъ, которая такъ была нагружена, что едва сставался одинъ футъ до воды. Кромъ Лавиня, одинъ только я разумълъ что нибудь въ морскомъ дълъ. Утро Смись. 51

было превосходное, но вътеръ противный, и мы принялись за весла. Смотръвшіе на насъ съ берега могли замътить нашу неопытность:
мы не гребли, а барабанили веслами. Притомъ намъ мъшали вещи, набросанныя въ шлюнку. Гребя цълый день, мы не могли
обогнуть даже выдавшагося мыса. Къ довершенію же затрудненія,
принуждены были бороться съ сильнымъ теченіемъ, которымъ прижимало насъ къ берегу. Мы измучились; ночь приближалась, а вътеръ свъжълъ. Чтобъ сколько-нибудь отдохнуть и отойти отъ берега, мы ръшились ноставить парусъ; исполнить это, по нашему незнанію, было не
такъ-то легко, однакожъ, сверхъ чаянія, мы успъли. Послъ того роздали каждому небольшую порцію, состоящую изъ пары земляныхъ грушъ
средней величины.

Много надлежало намъ претерпъть въ продолжение тридцати или сорока дней илавания безъ защиты отъ холодныхъ ночей, отъ солнечнаго жара и тропическихъ дождей! Гдъ отдохнуть? гдъ испечь картофель и земляныя груши? Какъ направлять въ океанъ свой путь безъ компаса?

Съ наступленіемъ ночи вътеръ еще усилился. Лавинь, желая посмотръть, какъ стоятъ паруса, просилъ меня смънить его на минуту на руль. Туть я вполнъ поняль всю дерзость нашего предпріятія. Большая мачта, сделанная изъ дерева столь тяжелаго, какъ железо, была не по силамъ нашему слабому судну; общивка его трещала и готова была лепнуть. Между-тъмъ слишкомъ нагруженная шлюпка худо слушалась руля. Ночью нельзя было изотгнуть, чтобъ иногда сильно насъ неподдало волною. Промокшіе до нитки, мы очень боялись, чтобъ провизія отъ воды не испортилась. Будучи самымъ плохимъ рулевымъ, я, по неопытности, легко могь, вийсто того, чтобъ уклониться отъ волны, набъжать на нее, и чрезъ такую оплошность опрокинуть лодку. По этому я решительно отказался отъ управленія рулемъ, не желая иметь на совъсти своей гибели моихъ товарищей; но какъ и Лавинь не могъ быть безсмённымъ кормчимъ, то, послё продолжительной борьбы съ жестокимъ противнымъ вътромъ, онъ принужденъ былъ поворотить назадъ къ острову, ченка жисть папа ин претидовине удовно бил и

Достигнувъ берега, мы прежде всего принесли благодарение Богу за наше спасение. Мы были почти увърены, что погибнемъ въ моръ. Ръшась, какъ можно менъе тратить собранную съ такимъ трудомъ провизію, мы къ величайшему сожальнію увидъли, что она большею частію подмочена морскою водою и уже испортилась. Въ теченіе пяти или шести дней, посль возвращенія изъ нашей неудачной экспедиціи, стояла такая бурная погода, что невовможно было поддерживать огня, который обыкновенно разводили на вершинъ горы. Потоки отъ сильныхъ дождей едва Смъсь.

не разрушили нашу хижину, а ночью вой вътра не давалъ намъ заснуть.

Лавинь, заботясь, чтобъ наше маленькое общество не упало духомъ, предложилъ намъ пуститься во внутренность острова, и отыскавъ небольшой участокъ плодородной земли, заняться обработываніемъ его. Но мысль разстаться съ моремъ насъ устрашала. Намъ казалось, что этимъ мы какъ бы отказываемся отъ надежды на возвращеніе. Притомъ надлежало ждать четыре или пять мѣсяцевъ, чтобъ воздѣланная земля вознаградила чѣмъ нибудь наши труды. Думали также приняться за тюленій промыселъ, надѣясь получить прибыль отъ продажи шкуръ и жира, но и въ этомъ не было успѣха: жители не были расположены вымѣнивать отъ насъ эти предметы.

Лавиню пришла на умъ другая мысль, осуществление которой могло доставить намъ большую выгоду: онъ вздумалъ гнать спиртъ изъ сладкихъ пататовъ; для этого надлежало устроить кубъ. Долго искали глины и много трудились безъ всякаго результата. Можетъ быть, Провидъню угодно было отвратить отъ насъ большое зло. Кто знаетъ, что произошло бы съ жителями, когда бъ они стали получать отъ насъ въ избыткъ охмъляющий напитокъ?

У меня сохранились карманный альбомъ и два карандаша. Пользунсь досугомъ, я нарисовалъ нѣсколько видовъ. Однажды кто-то изъ жителей спросилъ меня: умѣю ли я рисовать портреты, и на утвердительный отвѣтъ пожелалъ знать мои условія, чтобъ написать ему портреты его жены и ребенка. Для меня удивительно было найти въ дикой сторонѣ человѣка, желающаго имѣть изображенія двухъ любимыхъ имъ существъ! Рубашка и поношенные брюки были цѣною двухъ портретовъ. Многіе жители послѣ того также просили меня воспроизвести на бумагѣ ихъ лица. Трудно было удовлетворить всѣмъ требованіямъ двумя кусочками карандаша. Я сдѣлалъ однакожъ слѣдующія условія:

- 1.) Не писать портретовъ на листахъ моего альбома, которые могли мнъ самому понадобиться для снятія видовъ и писемъ, а потому, кто хотъль имъть портретъ, долженъ быль приносить свою бумагу (вещь очень ръдкая на островъ). Нашелся однакожъ человъкъ, у котораго была старая книга для записыванія отдаваемаго въ стирку бълья, онъ воспользовался этимъ случаемъ, и продавалъ каждый листъ своей книги дорогою цѣною.
- 2.) Когда вещь, назначаемая мнт за портретъ, не превышала цънности одного піастра (н. п. 20 или 30 пататовъ или небольшое количество табаку) я обязанъ былъ очинивать карандашъ только одинъ разъ,

Смров. 53

отъ чего портретъ, натурально, выходилъ не очень чистой отдълки. Но если цъна портрета превосходила одинъ піастръ, я обязывался очинивать карандашъ два раза.

Условія мои были приняты, и нѣсколько времени я могъ помогать моимъ товарищамъ, доставляя имъ картофель, табакъ и старую одежду, въ которой всѣ крайне нуждались.

Но и этотъ ресурсъ скоро истощился, и мы опять дошли до самаго бъдственнаго положенія. Одежда наша состояла изъ лохмотьевъ, голодъ и насъкомые невыносимо насъ мучили.

Я бросилъ рисованье, оказавшееся безполезнымъ, и принялся удить рыбу, надълавъ для этого изъ гвоздей крючки. На мъсто челнока у меня былъ отрубокъ дерева, который мы выдолбили, какъ умъли, а чтобъ придать ему нъкоторую остойчивость, придълали къ обоимъ его бокамъ по большому бруску изъ легкаго дерева. Я осторожно спустилъ на воду эту душегубку, чтобъ волны не унесли ее, и тотчасъ въ нее прыгнулъ, стараясь держать равновъсіе и поперемънно дъйствуя весломъ то вправо, то влъво, чтобъ скорће удалиться отъ прибрежныхъ рифовъ. И такъ я пустился одинъ одинехонекъ въ море, а товарищъ, мнв помогавшій, возвратился въ хижину, пожелавъ счастливаго успъха. Всходя по крутому берегу, онъ по временамъ оборачивался-посмотръть, куда несутъ меня вътеръ и волны. Когда мнъ казалось, что я достигъ мъста, гдъ есть рыба, я сталь на якорь, бросивъ большой камень, къ которому привязана была веревка и- принялся за любимое мое занятіе, удить рыбу: это было однакоже вовсе не для шутки и препровожденія времени, какъ бывало въ счастливыя времена на Сенъ; дъло шло о томъ, какъ бы накормить двенадцать человекъ. Сколько нужно было благоразумія, осторожности, заботливости, быстроты и искусства, чтобъ сохранить крючки отъ прожорливыхъ акулъ и удержать душегубку, чтобъ она не опрокинулась, когда потянешь рыбу: Нъсколько разъ отъ усталости и слабости смыкались мои глаза, и я засыпаль на челнокъ среди волнъ. Когда я вспоминалъ о моей родинъ, о матери, женъ и дътяхъ, сердце у меня такъ и прыгало, какъ будто бы хотъло выскочить изъ груди.

Однажды, (это было 1 января 1849)—день уже вечерёль; я быль голодень, измучень, и говориль самь себё: «Въ этоть чась, навёрно, родные мои сидять за столомь, вспоминають объ мнё, пьють за мое здоровье и думають, что я счастливь. Мой брать, погруженный въ политику, и не воображаеть, что я заброшень отъ нихъ далеко, далеко, и потерянь какъ песчинка въ пустынё! Кому прійдеть въ голову, что мы попались на этоть пустынный островь, откуда одно только Провидёніе можеть избавить насъ и недопустить погибнуть

отъ голодной смерти.» Найденные нами гвозди, изъ которыхъ дёлали мы крючки, чтобъ удить рыбу, были уже на исходъ. Этотъ день особенно былъ злополученъ. Я находился въ морт съ восхожденія солнца и не взялъ со собою ни какой пищи, полагая, что ловля не долго продлится. Между тёмъ я поймаль только двъ небольшія рыбки, а было уже около пяти часовъ по полудни. Небольшіе шарки срывали приманку вмість съ крючками. Я принуждень быль безпрестанно подымать изъ воды линь съ крючкомъ и переменять место, но вскоре, не смотря на всъ предосторожности, у меня остадся только одинъ гвоздь. Вдругъ я почувствоваль, что линь съ последнимъ крючкомъ сильно потянулся: это была опять продълка молодаго шарка; зная, что потеряю и остальную уду, я въ досадъ кръпко ее дернулъ: на этотъ разъ счастіе поблагопріятствовало, и шаркъ поднять быль въ лодку, но онъ такъ сильно бился и прыгалъ, что едва не опрокинулъ мою душегубку. Я убилъ его большимъ ножемъ и отправился къ берегу, радуясь, что будеть чемъ поподчивать моихъ товарищей. Когда, по обыкновенію, я присталь къ песчаному взморью, мий хотелось втащить челиъ повыше на берегъ, чтобы приливомъ не унесло его въ море, но я такъ ослабъ, что едва могъ его двигать. Въ отчаянія я думаль, что всю ночь прійдется мит провести подлік лодки, какть вдругть увидітль позади утеса одного изъ моихъ товарищей, который безпокоясь о моей продолжительной отлучкъ, пришелъ меня провъдать. Онъ помогь мнъ поставить лодку на безопасное мъсто. Возвратясь въ хижину, мы нашли всъхъ нашихъ товарищей печальными и молчаливыми: ихъ мучилъ голодъ. Какова же была ихъ радость, когда они увидъли моего шарка. Тотчасъ развели огонь и стали жарить рыбу. Ночь была луиная; мы прикатили къ порогу хижины старый ящикъ и усълись вокругъ него на землъ. Немногіе изъ насъ имъли ножи, и потому большая часть товарищей раздирали рыбу руками. Объдъ былъ обиленъ и показался намъ очень вкуснымъ, хотя для приправы его мы не имъли ничего, кромъ соли. Чрезъ десять минутъ отъ всего шарка осталась одна только спинная кость. Когда утолили голодъ, на сердив савлалось повеселье. Всцоминали о своихъ семействахъ, и отъ чистаго сердца пожелали другъ другу, чтобъ новый годъ былъ счастливъе прошлаго.

Намъ было очень трудно поддерживать огонь, который мы по ночамъ разводили на вершинъ горы. Каждый день, пять или шесть человъкъ отправлялись за деревьями для дровъ. По счастію, работа эта была довольно легка: деревья, называемыя святыми, (arbres saints) не глубоко пускають корни въ песчаной почвъ, надобно только хорошенько дерево раскачать, и оно упадеть; но тащить ихъ потомъ на гору, было

Смись. 55

гораздо трудиве, и редко проходило, чтобъ мы не подвергались ушибамъ. Потоки сильныхъ дождей также много безпокоили караульныхъ.

Взоры наши безпрестанно устремлялись на горизонтъ. Наконецъ, по прошествіи 65 дней, когда неслыханныя наши мученія достигли до послідней крайности, вдругъ поутру показалась на горизонті шкуна. Жители острова не менте насъ ждали появленія судна: одни потому, что сами терпітли во всемъ нужду, другіе потому, что срокъ ихъ ссылки оканчивался и они горти желаніемъ возвратиться на родину. Многіе изъ нихъ присоединились къ намъ, чтобъ на пирогі нашей отправиться навстрітчу къ судну, которое скрылось въ туманть. Они полагали, что это судно отъ правительства: но, можетъ быть, оно послано на другой островъ, и тогда прійдется намъ ждать его еще годъ или два. Вст суетились и помогали къ скортішему отправленію пироги. Я же остался на берегу съ больными, и мы слітдили за удаляющеюся лодкой съ надеждою и безпокойствомъ.

Всю ночь мы держали на горахъ большее огни, чтобъ они для путешественниковъ нашихъ служили маякомъ. Когда занялась заря, на горизонтъ ничего не было видно. Весь день провели мы въ томительномъ ожиданіи. Къ вечеру открылась шкуна, но въ противоположной сторонъ отъ того мъста, гдъ видъли ее наканунъ. Радость наша очень помрачилась при мысли, что наши друзья взяли вчера совствит другой путь. Я отправился съ однимъ товарищемъ на душегубкъ моей и вскоръ присталь къ шкунъ. Судно это, изъ Гваяквиля, называлось «Двъ сестрицы», и принадлежало генералу Вилламилю, владъвшему нашимъ островомъ. Шкуна привезла новыхъ ссыльныхъ и должна была забрать тъхъ, которымъ срокъ поселенія кончился. Капитанъ, узнавъ о нашемъ несчастін, тотчасъ вызвался доставить насъ на материкъ, съ условіемъ чтобъ надежнъйшіе дали ему вексель, считая по одной унціи золота за каждаго челов'тка, и обязались выплатить всё сполна чрезъ шесть недёль по прибытіи на твердую землю. Мы сказали ему, что большая часть нашихъ товарищей отправились на пирогъ навстръчу его шкунъ. Капитанъ долженъ былъ зайти на одинъ сосъдній островъ, гдъ жили привиллегированные поселенцы, занимавшіеся добываніемъ черепаховаго масла, и который именно находился въ этой сторонъ, куда наканунъ отправилась наша пирога. Командиръ шкуны направляя путь свой къ этому острову, объщаль захватить тамъ нашихъ спутниковъ. Въ самомъ дълъ, чрезъ четыре дня онъ возвратился съ ними. На следующій день онъ попросиль прислать къ нему нашихъ товарищей, которые были посильное, для ловли трески, предвидя, что его провизіи не хватить для прокормленія такого числа пассажировъ во 56 Смюсь.

время перевзда, продолжающагося отъ 12 до 15-ти дней. Мы удивились, услышавъ что здёсь водится треска; жители никогда не говорили намъ объ этомъ, въроятно для того, чтобъ избъгнуть соперничества или просто изъ одного недоброжелательства; мы теперь только узнали, что они имъютъ частію пропитаніе отъ этой ловли и владъють снарядами, которыхъ намъ не показывали. Въ двъ повздки мы поймали болъе трехъ сотъ рыбъ. Лавинь, подписывая вексель, которымъ обязывался заплатить следующую за всехъ пассажировъ сумму, просиль капитана взять и Петиту, но капитанъ объявилъ, что скоръе ръшится всъхъ насъ здісь оставить, нежели нарушить строгое повелініе, которое получиль на счетъ этой дъвушки. Ръшительный его отказъ насъ очень огорчилъ. Мы подарили одному начальнику острова пару пистолетовъ, а другому шелковый китайскій кушакъ, за то, чтобъ они покровительствовали Петитъ. Бъдная дъвушка такъ горько плакала, что и у насъ сердце разрывалось, и когда мы пустились въ море, она долго стояла на берегу, посылая намъ рукою прощальные знаки.

Мы отправились всъ, выключая одного матроса, который заблудился въ одной экспедиціи съ жителями острова.

Хотя мы были избавлены и надъялись достигнуть материка, но наши испытанія еще не кончились. Насъ было тридцать четыре человъка на такой маленькой шкунъ, что половина людей должна была спать на палубъ, и не имъла чъмъ защититься отъ ночнаго холода и проливныхъ дождей, кромъ парусовъ, (когда въ нихъ не было надобности). Двънадцать уже дней мы были въ моръ, а прошли только одну четверть всего пути. Капитанъ на насъ гиввался: онъ приписывалъ намъ эту медленность, говоря, что насъ пресладуеть судьба, которой и онъ дълается жертвою. Для самаго неблагопріятнаго перехода отъ острововъ Галланагоскихъ до Гванквиля, онъ никогда не употреблялъ болъе пятнадцати дней, а потому и бралъ только на это время събстныхъ припасовъ. Чтобъ прокормить восьмиздцать человъкъ, на которыхъ онъ неразсчитываль, онъ ничего не могь достать на нашемъ островъ, кромъ трески. Надлежало уменьшить порцію, и мы ежедневно получали по немногу рису, трески съ черенаховымъ масломъ и по стакану воды утромъ и вечеромъ. Однажды мы увидъли идущее въ нашу сторону большое судно: капитанъ, два англичанина и Лавинь отправились на нашей главной шлюбкъ, которую держали на буксиръ, къ этому судну, чтобъ купить какой нибудь провизіи. Но когда они подошли на ружейный выстрель, имъ велели остановиться. Одинь изъ пассажировъ громкимъ голосомъ разсказалъ о нашемъ бъдственномъ положении. Капитанъ судна возразилъ, что наше маленькое судно въ моръ съ большею шлюнкою за Смись. 57

кормою кажется ему очень подозрительнымъ; что по извъстіямъ изъ Калифорніи, пираты прогуливаются въ этихъ водахъ, и потому онъ совътуетъ намъ скоръе убираться прочь. Не возможно было его разувърить.

Во время этого перехода у меня случилась потеря, о которой я очень жальль: художники и путешественники меня поймуть. На суднъ не было ни одной книги; мой альбомъ, наполненный различными видами и рисунками костюмовъ, служиль намъ единственнымъ развлеченіемъ. По временамъ я добавлялъ его нъкоторыми случайными изображеніями. Однажды поутру я не нашелъ его въ карманъ камзола, служившаго мнъ подушкой. Капитанъ дозволилъ мнъ сдълать всевозможныя на суднъ разысканія. Вскоръ я убъдился, что мой альбомъ брошенъ въ море молодою женщиною, сопровождавшею старика Монтеса: она подозръвала, что я нарисовалъ на нее и на ея покровителя карикатуры, и вотъ какъ злодъйка отомстила!

Послѣ тридцатидневныхъ неописанныхъ страданій, наконецъ мы увидѣли землю. Даже на островѣ мы далеко такъ не терпѣли отъ голода и жажды. Едва оставалось у насъ чувство самосознанія. Когда судно поднималось вверхъ по рѣкѣ, мимо насъ прошла рыбачья лодка, наполненная большимъ количествомъ устрицъ. Капитанъ купилъ весь этотъ грузъ, и чрезъ четверть часа остались отъ него однѣ черепки. Вскорѣ прошла другая лодка съ бананами, ихъ также купили, и прежде, чѣмъ успѣли развести огонь, всѣ бананы были истреблены, къ великому удивленію продавца, который не совѣтовалъ ихъ ѣсть сырые.

Мы достигли Гваяквиля ночью. Таможня была уже заперта и потому намъ нельзя было сътхать на берегъ. Всю ночь мы не могли заснуть: огни, музыка, пъсни и городской шумъ увеличивали наше нетеритніе. Намъ казалось, что все въ городъ веселится. Мало-по-малу огни потухли и шумъ умолкъ; наконецъ послъ долгихъ часовъ ожиданія стало разсвътать.

Събхавъ на берегъ, у насъ закружилась голова отъ всего, что мы видъли: намъ казалось, что мы отлучены были многіе уже годы отъ образованнаго міра; мы были слабы, унылы, нёкоторые изъ насъ даже чувствовали себя какъ бы униженными. Мы спрашивали другъ друга, что подумаютъ о насъ и чего можемъ мы ожидать себѣ въ городѣ, гдѣ насъ не знаютъ, между тѣмъ, какъ мы безъ всякихъ средствъ и одѣты хуже нищихъ. Мы почти радовались тому, что въ городѣ есть большіе портики, подъ которыми можно засыпать и укрываться въ дурную погоду. Потомъ разсуждая, что надо же чѣмъ нибудь здѣсь существовать, мы рѣшились продать наши три ружья, нанять лодку, подняться на ней по рѣкѣ, чтобъ нарвать банановъ и апельсиновъ и продать ихъ на рынкѣ. Одинъ про-

давець ликера и табаку зазваль насъ къ себъ въ лавку и угостилъ виномъ и сухарами. Послъ того, онъ проводилъ насъ къ французскому консулу. Не смотря на нашу жалкую наружность, г. Жирардо принялъ насъ ласково, однакожъ смотрълъ на насъ съ нъкоторою недовърчивостью: въ-самомъ-дълъ, наши отвратительныя рубища не могли произвести выгоднаго впечатлънія. Онъ спросилъ наши имена и наши ремесла. Отвъты наши крайне его удивили, чего онъ и не скрывалъ. «Какъ! сказалъ онъ мнъ, вы братъ государственнаго совътника, воспитанникъ Парижской Академіи Художествъ, живописецъ? Не менъе былъ онъ удивленъ, услышавъ, что Лавинь владъетъ мельницою въ Чили и притомъ старинный купеческій капитанъ.

Мы разсказали ему въ короткихъ словахъ нашу плачевную исторію. Консулъ отвъчалъ, что не можетъ ее понять, потому-что подобныя разбойничества въ наше время не существуютъ; что впрочемъ, онъ сейчасъ же и сдълаетъ нужныя распоряженія, во-первыхъ, чтобъ доставить намъ нужную помощь, а потомъ просить начальствующаго надъморскимъ постомъ, чтобъ онъ приказалъ поймать воровъ нашего судна.

Благодареніе Богу, наши б'єдствія оканчивались. Лишь только консуль разсказаль о нашемъ несчастій значительнымъ жителямъ Гваяквиля, всъ спъщили оказать намъ помощь: не было дома, котораго бы двери для насъ не растворились, не было человъка, который бы не сострадаль нашему элополучію. Въ короткое время каждый изъ насъ получиль всё то, въ чемъ нуждался; нъкоторые упорнъйшіе опять пустились искать счастія въ Калифорнію; другіе, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, думали, что довольно и одного строгаго урока, ниспосланнаго намъ Провидъніемъ. Мало-по-малу всъ разбрелись въ разныя стороны; что касается до меня, я только и думаль, какъ бы работою поправить свое состояніе. Ожидать пособія изъ Франціи было бы слишкомъ долго и, признаться сказать, тягостно; между темъ хотелось какъ можно скорће поквитаться съ теми, которые такъ великодушно принали во мив участіе; я горвлъ нетерпвніемъ показать на двлв, что сколько нибудь заслуживаю ихъ вниманіе. Я просилъ только карандашей и кисточекъ. Скоро я засыпанъ былъ заказами и приглашеніями, меня искали и честили, такъ, что въ короткое время я не только заплатилъ мои долги, но и воротилъ капиталъ, нажитой въ Чили. Гваяквиль былъ для меня вторымъ отечествомъ, и я можетъ быть, навсегда бы тамъ остался, еслибъ мои обязанности и сердечныя чувства не влекли меня во Францію.

Остается разсказать въ короткихъ словахъ исторію нашей шкуны и

Смівсь. 59

мошенниковъ, которые ее похитили, о чемъ я узналъ предъ самымъ от-

Умысель злодъянія быль составлень въ тоть самый день, когда церевезли на судно нашь тяжелый денежный сундукъ. Штурмань Бультонь нарочно взяль мало пръсной воды, предвидя, что мы принуждены будемь зайти на одинь изъ уединенныхъ острововь Галлонагоскаго архинелага.

Мы видъли, что ему хотълось привести насъ именно къ необитаемому острову Албемарку, полагая, что мы всътамъ въ короткое время погибнемъ, и что ему легче будетъ схоронить концы въ воду.

Когда мы пришли къ острову С. Карлу, и, въ послъдній разъ съёхали со шкуны, ему представился удобный случай отъ насъ улизнуть. Онъ легко убъдилъ хозяина судна отправиться съ дамами на островъ и оставить на шкунт маленькую ихъ служанку. Потомъ удостовърясь, посредствомъ зрительной трубы, что мы скрылись въ другой сторонъ острова, и что хозяинъ судна съ дамами и четырьмя матросами, не бывшими въ заговоръ, далеко ушли въ гору, снялся съ якоря. Молодой племянникъ капитана выбъжалъ на палубу, и видя, что ставять паруса, спросилъ штурмана, что это значитъ? Последній, вместо всякаго отвъта вонзилъ въ него кинжалъ, у меня украденный, и бросивъ трупъ въ море, сошелъ въ каюту, гдв лежалъ больной подшкиперъ, котораго и задушилъ въ постелъ. Наша собака Тое, смотря на эти злодъйства, страшно выла, стараясь освободиться отъ цъпи: штурманъ, взявъ вымоовку * убилъ ею собаку. Что касается до двенадцатилетней девочки, трое преступниковъ, напившись до пьяна, заперли ее въ каюту. На другой день по утру они начали обшаривать пассажирскіе чемоданы: все, что могло обличить ихъ, бросали въ море. Имъ однакожъ стоило большаго труда раскрыть нашъ желъзный сундукъ. Долго не ръшаясь куда направить путь, они переходили отъ острова къ острову и сбыли большую часть нашего груза. Но день суда Божія для нихъ приближался. Французскій фрегатъ, крейсеровавшій близъ Сандвичевыхъ острововъ, однажды поутру замътилъ въ своихъ водахъ небольшую шкуну, которой неръшительныя движенія возбудили подозрѣнія въ вахтенномъ офицеръ. Казалось, что шкуна въ замешательстве. Капитанъ велелъ спустить барказъ и послалъ на немъ офицера съ двадцатью вооруженными матросами на шкуну. Офицеръ вошелъ на судно, и очутясь лицомъ къ лицу съ пиратомъ, спросилъ его: откуда, куда идетъ и какъ зовутъ судно? Пиратъ, смутившись, отвъчалъ весьма неопредъленно на разные во-

Брусья, которыми въртять шпиль, когда снимаются съ якоря.

60 Смись.

просы и наконець сказаль, что шкунт назначено было итти въ Калифорнію, но что набъжавшимъ валомъ, во время сильной бури, капитанъ и пассажиры смыты съ палубы и упали въ море. Офицеръ легко догадался, что подъ этою ложью скрывается какое нибудь преступленіе: онъ возразилъ, что судя по наружному виду шкуны, не замътно, чтобъ она подвергалась дъйствительной опасности и притомъ въ этихъ водахъ давно уже не было бури. Въ то же время, онъ приказалъ матросамъ арестовать этихъ троихъ людей и наложить на нихъ цепи. Потомъ сошелъ въ каюту, чтобъ посмотреть, нётъ ли тамъ еще злодеввъ или ихъ жертвъ. Капитанская каюта была заперта на ключъ: оттуда тонкій, жалобный голосокъ просилъ о помощи. Онъ выломилъ дверь, и девочка бросилась предъ нимъ на колъна, обнимала его ноги и руки, говоря: «Ради Бога, спасите меня!» Офицеръ поднялъ ее, увърилъ что она спасена, и распросиль ее обо всемь, чтобъ узнать истину. Узнавъ нея подробности, которыя здёсь изложены, онъ взяль дёвочку на фрегатъ: спустя часъ, капитанъ послалъ на шкуну офицера съ экипажемъ, приказавъ отвезти ее въ Валпарайсо и сдать, какъ судно, такъ и арестантовъ въ руки правительства. characteria macconact conquinter a horos.

Чрезъ нъсколько мъсяцевъ судъ приговорилъ: штурмана разстрълять, а двухъ сообщниковъ его (чилійскаго матроса и негра) отдать навсегда въ карторжную работу.

SOUR BY HE BEST TO THE STATE OF STATE OF STREET BOTTOMS

The approximate the virte of account of account to the particle of the account of a particle of the account of the approximate of the account of the account

erne mananguergoon aerenieus en appanepo arbes en abstend ar ekingol en en anoma convenia consecuenta anales en accesa a accesa con touren

on Market on obsorgantion makes agreement from property for

BOCHOMHHAHIA PYCCRAFO HYTBURCTBEHHIRA

to naprile extending the metallic measures in algebraic in algebraiches, energia no grass Castanation derfain in priest Heydows eleminated Moure, as corrected extending the against terms in them, on confirming definite Mawholl hims titles in allegers districted expensions, eleminate extending

0

ВЕСТЪ-ИНДІИ, КАЛИФОРНІИ И ОСТЪ-ИНДІИ.

A. F. POTTEBA.

4 1 весто с западания (Б-у. А. Глазенапу).

(Статья четвертая).

Прибытіе въ Сакраменто-Сити. — Городъ ночью. — Сцена въ нгорномъ домъ. — Ночлегъ. — Ривольверы. — Товарищъ Фремона. – Положеніе города. – Опасность отъ разлитія ръки. – Валь вокругь города. — Старый знакомець. — Пароходы идущіе на прінски. — Легенда. — Паромы. - Скватеры. - Донъ Антоніо Суньёль. - Плаваніе до фермы Сутера. - Пассажиры. -Ихъ наружный видъ. — Золотонскатель съ ясновидящей. — Hock-Farm. — Семейство Сутера. — Его бёдность. — Сборы на калифорнскіе пласеры. — Знакомство въ Панамё. — Нёмецъ не твиній три дня. — Охота за ягуарами. — Прітэдъ товарища изъ Европы. — Калифорнскій докторъ. — Вго биль. — Какъ делаются докторами въ Калифорніи. — Что делается изъ докторовъ въ этой земат. - Отправление на пласеры. - Переходъ ръки въ бродъ. - Заморская поговорка. - Покупка новыхъ костюмовъ. - Счетъ Сутера, поданный мит его управителемъ. -Мы въ области золота (Gold Region). — Геологическій очеркъ напластованія розсыпей и задеганія золота. - Тождество между розсыпями въ Сибири и въ Калифорніи. - Первый прівскъ на ръкъ Юбъ. — Замысловатый способъ снабженія водой. — Уставы на промыслахъ. — Рокеръ. - Лонг-томъ. - Ртугная машина. - Трата золота. - Неумънье работать. - Количество добываемаго золота. - Пространство золотой области. - Поразительное богатство розсыпей. -Промываніе тазомъ. — Отводъ ръчекъ. — Компаніи, составившіяся въ Англіи и во Франціи. — Компанін для разработки кварцевъ. - Restaurant Français. - Сикаръ. - Его гостинница. -Жизнь въ желёзномъ домике. — Виконтеса. — Судъ на пласере. —Приговоръ: отръзать ухо. - Ръчь, которую я хотваъ бы сказать.

Поздно ночью мы пришли въ Сакраменто-Сити. Само собою разумъется, первымъ дъломъ было отыскать какую-нибудь гостиницу, въ которой бы можно было дождаться утра и отправленія другаго меньша-

го парохода: на немъ мнв предстояло плаваніе до Мересвиля, сперва по ръкъ Сакраменто, потомъ по ръкъ Перовой (Faether River), а оттуда слъдовало на мулахъ ъхать въ горы, въ области золота (Gold Region), какъ здёсь называють золотые промыслы. Ступивъ съ пристани парохода на землю, я тотчасъ узналъ столътнія ивы, подъ которыми впервые въ 1838 году съ Сутеромъ пристали мы къ дъвственнымъ берегамъ Сакраменто. За группою этихъ маститыхъ старцевъ, устоявшихъ отъ волнъ нахлынувшей эмиграціи, точно также, какъ отъ широкаго разлива ръки, каждогодно охватывающей здъшнія долины, при свътъ мъсяца возвышались высокіе двухъ и трехъ-этажные домы, и шли широкія, правильныя улицы. Нижніе этажи въ нікоторыхъ изъ этихъ домовъ были ярко освъщены, и въ нихъ гремъла музыка; то были игорныя залы; здъсь мит представилось тоже зрълище, что и въ С. Франциско. Народы всего свъта толинлись у огромныхъ круглыхъ столовъ, загроможденных в золотомъ, въ видъ восьмиугольныхъ и круглыхъ монетъ, самородковъ разной величины и золотаго неску. За многими изъ этихъ столовъ раздавались однотонныя восклицанія: «Gentlemen! the gam is made! all ready! no more!..» т. е. «Госнода! карты стасованы! все готово! Все въ ходу!».. И здѣсь за каждымъ столомъ сидѣла нарядная красавица приманка для понтеровъ, и здъсь, какъ въ С. Франциско, на хорахъ раздавалась музыка, или тирольцы распъвали свои національныя пъсни, съ акомпаниментомъ гитары. Эта ночь осталась навсегда въ памяти моей по трагикомическимъ тревожнымъ сценамъ, которыхъ я былъ свидътелемъ, а наконецъ и дъйствующимъ лицемъ. За однимъ изъ столовъ французъ-банкометъ, уличенный въ илутив дюжимъ американцемъ, далъ туза сопернику. Послъ короткаго размъна отрывистыхъ словъ, объ враждующія нартіп сочли за лучшее разделаться на месте, тоть же чась, не дожидаясь разсвъта, и не приводя въ порядокъ домашнія дъла свои. Сказано - сдълано. Толпа отхлынула отъ этихъ молодцовъ, а они, тутъ же въ залъ, на разстояни десяти шаговъ, не болъе, одинъ отъ другаго, стали стралять другь въ друга изъ шестиударныхъ ривольверовъ. Прежде нежели присутствующіе успъли броситься на безумцевъ, двъ пули, миновавъ обоихъ враговъ, мътко влъпились въ двухъ зрителей, не принимавшихъ никакого участія въ схваткъ; не знаю, что сдълалось съ этими обдинками, но увъряю, что это происшествіе совершилось скорве, чемъ я его разсказываю. Не желая ожидать окончанія этой драмы, я бросился за дверь таверны, и увидъвъ на стеклянномъ фонаръ надпись: Loodging and Bording, пошель по лъстниць, при за намери им сличе поред!

— Есть ли комната? спросиль я. На этоть вопрось, рыжій парень отвічаль мив, что комнаты ніть, но ночевать мівсто есть. Взыскавь

Смись. 63

за ночлегъ впередъ испанскій піастръ, онъ повелъ меня еще выше, по узенькой, тъсной лъстницъ. Отворивъ дверь чердака—не могу назвать иначе предназначавшейся мнъ спальни,—и замътивъ, что я пріостановился, онъ толкнулъ меня; и я очутился подъ крышей, въ длинной комнатъ, въ которой былъ полъ, но ни одной кровати, ни одного стула, ни одного стола. Съномъ набитые мъшки лежали въ разныхъ направленіяхъ на грязномъ полу.

— «Вотъ не занятая постель, сказаль мив проводникъ мой. Вы можете взять ее! » Я хотвль сдвлать ему возраженіе, но онъ быстро погасиль сввчу и ушель, не слушая меня. Что жъ было двлать? Скрвпивъ сердце, я бросился на тюфякъ, утвшая себя мыслію, что благодвтельный сонъ накинетъ покровъ забвенія на кровавую драму, которой я быль недавнимъ зрителемъ, и унесетъ далеко непріятное впечатлівніе, которое овладіло мною при нецеремонномъ обращеніи со мною рыжаго Янки и при видів его оригинальной спальни, назначаемой для путешественниковъ.

Прежде, нежели разстанусь съ моимъ Прокустовымъ ложемъ, позвольте мит сказать итсколько словъ объ американскомъ ривольверт, о которомъ мит часто приходится говорить въ моихъ долгихъ перехожденіяхъ. Это вращающійся (revolving) пистолеть, длиною оть 4 до 8 вершковъ. Онъ имбетъ одинъ стволъ, къ задней части котораго на штыръ надъвается стальной цилиндръ, гдъ устроены шесть пороховыхъ камеръ, или иначе казенниковъ. Этотъ цилиндръ заряжается складнымъ желъзнымъ шомполомъ. Механизмъ курка такъ устроенъ, что его не нужно взводить, а при каждой тягь за собачку. этотъ курокъ поднимается и упадаетъ на пистонъ, между тъмъ, какъ шестиударный цилиндръ переворачивается отъ устройства того же механизма. Таковыхъ цилиндровъ обыкновенно бываетъ два: одинъ въ употребленін, а другой запасный. Въ минуту можно изъ такого ривольвера произвести 12 выстръловъ, и еслибъ даже случилось, что произошла при ударъ курка осъчка, быстрота вращенія цилиндра такъ велика, что такая неудача совершенно незамътна, и не воспламенившаяся камера въ мгновеніе замъняется другою. Выгоды такого оружія неисчислимы.

Американскіе Соединенные ПІтаты—страна, въ которой совершается столь ощутительное передвиженіе народовъ, первая почувствовала потребность въ оружіяхъ подобнаго рода, и въ настоящее время, можно утвердительно сказать, что всё выходцы, пускающієся къ берегамъ Тихаго Океана, чрезъ скалистыя горы (Rockey mountans), озера и степи, или чрезъ одинъ изъ перешейковъ, раздѣляющихъ два океана, непремѣню снабжены такимъ ривольверомъ. Въ такихъ земляхъ, наковы

Калифорнія, Сонора, Перу, Австралів, средства самосохраненія необходимы. Кромъ этихъ шестиударныхъ, одноствольныхъ пистолетовъ, о которыхъ я говорю, есть деватиударныя, одноствольныя винтовки и штуцеры. Имъя одинъ зараженный цилиндръ при стволъ, а другой запасный, можно въ одну минуту произвести осымнадцать выстреловъ. Известный американскій полковникъ Кольтъ (Colt) довелъ ривольверы до того совершенства, въ которомъ они теперь находятся. При красотъ отдълки, при той быстротъ съ которою ривольверъ посылаетъ выстрълъ, разстояніе, на которое онъ бьетъ и втрность, дтиствительно могуть изумить. Такое орудіе на сто шаговъ приносить пулю въ пятно и пробиваетъ доску въ 11/, и 2 дюйма. Чтобъ не возвращаться болве къ этому предмету, въ нъсколькихъ словахъ разскажу то, что я самъ видълъ, будучи на южныхъ золотыхъ промыслахъ Калифорніи. Я отправился въ (Bear-Valley) Медвѣжью долину, гдѣ были найдены новыя золотоносныя розсыпи; два американца пригласили меня туда для установки работъ на мъстахъ, имъ принадлежащихъ, третій, товарищъ ихъ, жившій съ ними не въ ладу, сталъ на меня смотръть непріязненно. Человъкъ огромнаго роста, закаленный переходами чрезъ степи и горы, онъ видимо пользовался общимъ уваженіемъ: мимоходомъ сказать, ростъ и сила здёсь въ большемъ почетъ. Онъ принадлежалъ къ партіи американца Фремона, который проложиль путь отъ береговъ Миссисици чрезъ Скалистыя горы въ Калифорнію. Поговоривъ съ моими пріятелями американцами о предстоящихъ работахъ, мы стали стрълять въ цъль изъ ривольверовъ. Ни я, ни товарищи не могли разбить пустую бутылку, поставленную въ 80-ти шагахъ; упражнявшись много и часто стръльбою изъ винтовки и штуцера, я не умълъ на такомъ значительномъ разстояніи ударить въ цель изъ ривольвера. Случилось третьему, колоссальному американцу проходить мимо, именно въ то время, какъ мы на воздухъ посылали заряды наши; не останавливаясь, не говоря съ нами ни слова, онъ прицелился и меткимъ выстреломъ разбилъ нашу цель. Досадна мнъ стала горделивая выходка удальца; я кликнулъ его, сказавъ ему, что изъ американскаго ривольвера стрълять не умъю, не привыкъ, а вотъ изъ винтовки, другое дело. Поставилъ бутылку въ 150-ти шагахъ, удариль, и она разлетълась. Тутъ пошли увъренія въ дружбъ и уваженін; но мит какъ-то холодомъ прошло по кожт при его сердечныхъ изліяніяхъ.... и мит тутъ же пришло въ голову: «Я, на далекой, чужой сторонъ, научу ихъ по моей системъ мыть золото; потомъ стану имъ не нуженъ, - влепять они мнъ пулю, и тъмъ расчетъ ихъ со мною буедтъ конченъ. », ил деприявал рено чтори вей заполо дене вед

Я видълъ въ Лондонъ на Темзъ фабрику ривольверовъ, принадле-

Сміьсь. 65

жащую полковнику Кольту. Всё работы исполняются посредствомъ машины, приводимой въ движеніе парами. На этой фабрике выделывается въ день полтораста ривольверовъ; стволы, ложи, мельчайшія пружинки, и самыя надписи все дёлается парами. Цёна такого пистолета въ Америке отъ 50 до 100 доллеровъ, т. е. отъ 75 до 150-ти руб. сер.

Кончивъ это небольшое отступленіе, я возвращаюсь къ моему разсказу. На заръ я посившиль возвратиться на пристань, съ которой отправляется пароходъ. Проходя по улицамъ, я видъль огромные запасы инструментовъ, желъзныхъ ръшетокъ, телъжекъ, рокеровъ, лонгтомовъ *, въсовъ, готоваго платья, огромныхъ сапоговъ, и вообще запасовъ, необходимыхъ для золотыхъ промысловъ.

Городъ Сакраменто лежитъ на общирной равнинъ, на берегахъ ръки того же имени.

Весной, когда отъ таящаго въ горахъ снъга и отъ дождей, падающихъ въ Калифорніи ливнемъ въ теченіе 4-хъ зимнихъ мъсяцевъ, воды Сакраменто выступаютъ изъ береговъ, равнина, на которой выстроился этотъ импровизованный городъ, вся поливается ръкою, и жители плаваютъ на лодкахъ по цълымъ недълямъ.

Этотъ городъ чрезвычайно важенъ, какъ складочное мѣсто, какъ рынокъ, съ котораго золотопромышленники калифорнскіе разливаются уже во всѣ стороны. Отсюда они ѣдутъ на югь по рѣкѣ С. Хуакиму къ Стоктону и Сонорѣ и на съверные промыслы по Юбѣ на Мерисвиль, Неваду, Доневиль, и въ горы Часта къ городу того же имени (Schasta City).

Не смотря на то, что Сакраменто-Сити ежегодно можетъ исчезнуть въ волнахъ ръки, лихорадочная дъятельность съверо-американцевъ неутомимо извлекаетъ средства къ отвращенію такого зла.

Я сказалъ уже, что городъ расположенъ на самомъ берегу ръки, отъ которой по равнинъ протянулись широкія, правильныя улицы. Чтобы предохранить городъ отъ наводненія, американцы повели за нъсколько верстъ до города, по берегу ръки и далеко внизъ по теченію, высокій валъ, который окаймилъ весь Сакраменто-Сити такъ, что эта насыпь, или лучше сказать возвышенная набережная, укръпленная сваями, препятствуетъ ръкъ выступать изъ береговъ, поднявъ ихъ весьма вначительно. Не смотря на эту трудную работу, городъ каждый годъ поливается водою: каждый годъ въ волнахъ ръки исчезаетъ множество

^{*} Рокеръ, rocker; Лонгтомъ Long-Tom—снаряды для промыванія золотоносныхъ розсыпей; о нихъ буду говорить послѣ.

66 Смъсь.

домовъ — и, едва ръка войдетъ въ берега, новыя строенія чрезъ нъскольно недъль являются на мъстъ прежнихъ, и какъ пожаръ, истреблавшій не разъ С. Франциско до основанія — не надолго разлившіяся воды ръки Сакраменто оставляютъ разрушительные слъды свои въ этомъ городъ. Какъ въ С. Франциско огонь, такъ здъсь вода является не истребителемъ, а только потребителемъ на заваленномъ всесвътными товарами рынкъ Нътъ никакого сомивнія, что при изумительной дъятельности выходцевъ въ этомъ краъ, городъ будетъ наконецъ обведенъ такою насынью, которая предохранитъ его отъ разрушительной стихіи.

Подходя къ ръкъ, я съ удивленіемъ увидъль множество купеческихъ судовъ, значительныхъ разм'вровъ, которыя стояли на швартовахъ, у самаго берега. Многія изъ нихъ, оставленныя экипажами, которые ушли на золотые приски, обращены въ пристани и магазины, и въ одномъ изъ нихъ я узналъ трехъ-мачтовый корабль, принадлежавшій хорошему пріятелю моему, мехиканцу Селису. Мит случалось на этомъ кораблъ посъщать гавани Верхней и Нижней Калифорніи, весело проводить вреия съ добродушнымъ морякомъ, его хозянномъ, а теперь пришлось грустно привътствовать стараго знакомца, и, какъ надгробную надиись, прочесть, на кормовой доскъ, сохранившей мъстами позолоту: Нуризсиапа. Именно съ этого блокшифа мић довелось вступить на маленькій паро ходъ, отправлявшійся по теченію Сакраменто въ Мерисвиль. Представьте себъ днище плоскодонной барки, на кормъ которой было устроено огромное мельничное колесо, а по всей длинъ поставленъ одноэтажный, средней величины домъ съ крышей и съ бельведеромъ на этой крышъ. Изъ этого бельведера, рулевой управлялъ ходомъ оригинальной посудины, приводимой въ движение мельничнымъ колесомъ, которое оборачивалось отъ хода двухъ поршней; находящихся у каждой оконечности оси. Такая посудина сидить только ивсколько вершковъ въ водв, что необходимо для прохода по мелководьямъ на Юбъ и на ръкъ Перовой.

Сакраменто-Сити столица Калифорній; въ немъ сосредоточено административное управленіе краємъ. Здѣсь живеть губернаторъ и другіе представители власти. Кромѣ того, что городъ этотъ на прямой дорогѣ къ золотымъ промыслачъ, и погому становится важнымъ торговымъ пунктомъ, утвержденіе его Колифорнскою метрополією, безь всякаго сомнѣнія, еще болѣе упрочитъ его будущность.

Видъ Сакраменто, также быстро, какъ и С. Франциско, раскинувшагося по необозримой долинъ, упирающейся въ горный хребетъ Сіэрры Невады, чрезвычайно живописенъ. Широкія, прямыя, правильныя улицы составляють квадраты, будто на шахматной доскъ. Здъсь мъстность позводила это сдъдать: нътъ ни горъ, ни овраговъ, ни спусковъвсе гладкая поверхность: часто на самой срединъ улицы высится колоссальное дерево огромной толщины, раскинувшее широкія вътви на кровли домовъ, стоящихъ по объимъ сторонамъ. Потокъ эмиграціи разступается благоговъйно предъ этимъ гигантомъ: топоръ человъка, сыскавшаго подъ его тънью новое отечество, щадитъ этого питомца стольтій, человъкъ учтиво обошелъ его.

Однажды, въ моихъ разъвздахъ по Германіи, привела меня судьба въ маленькій прусскій городокъ Лансбергъ. Изъ любопытства, имфя свободное время, пустился я бродить по пустымъ улицамъ этого городка; пора была рабочая, и мужчины и женжчины были въ полѣ, толпились одни дѣти, таскавшія на рукахъ дѣтей же, еще меньше себя, да изрѣдка медленнымъ шагомъ передвигались старухи. Войдя въ ограду, гдѣ стояла старая церковь, я былъ изумленъ чрезвычайною массивностью вѣковой, великолѣпной липы, тщательно огороженной и со всѣхъ сторонъ подчищенной; она имѣла на глазъ, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать футовъ, но огромныя вѣтви ея широко раскинули тѣнь по церковному двору. Не чудо видѣть въ Вестъ-Индіи, Остъ-Индіи и Америкѣ деревья исполинской вышины: тамъ природа не то, что въ Пруссіи, тамъ она и сильна, и роскошна; но для меня было ново увидѣть гиганта на бѣдной песчаной почвѣ Пруссіи.

Между-тъмъ какъ я, почтительно остановясь передъ липою, старался угадать, сколько покольній прошло подъ ея великольпною тынью, ко мив подошла пожилая женщина, и послв вступительнаго разговора, который начинался словомъ «Helfen sie mir. Gnädiper Herr!» т. е. «помогите мив! она разсказала следующее: «По книгамъ, находящимся въ ратушъ нашего города, мы знаемъ, что липъ этой слишкомъ пятьсотъ лътъ; каждый разъ, когда отъ непогоды или отъ старости сломится сукъ дерева, или нужно подчистить его, о такой работъ даютъ знать правительству. Словоохотная нёмка разсказала мнё далёе: «Въ ту пору, давно, очень давно, была въ нашемъ городъ приговорена къ смерти дъвушка за смертоубійство. Она не созналась въ преступленіи, и на этотъ самомъ мѣстѣ, предъ исполненіемъ приговора, сказала: «Видитъ Богъ, что кровь моя проливается невинно! доказательство правоты моей я сажаю въ землю корнемъ въ эту молодую липу; да обрататся вътви ея въ. корни, а корни въ вътви.» Сказавъ это, она законала въ землю отпрыскъ молодаго деревца, и это та самая пятисотлътняя, великольпная липа, передъ которою мы стоимъ теперь!» Сколько простоты въ этой легендъ! Я долго не могъ забыть невинной жертвы, и сознаваль возможность страниаго явленія!

Да простять меня за то, что я, желая передать читателю эту ле-

68 Смись.

генду, перенесъ его, безъ всякой церемоніи, даже не предупредивъ о дальней потздкъ нашей отъ береговъ Сакраменто, подъ небо Пруссіи. Но это я сдълаль во-первыхъ потому, что въ Пруссіи мит съ нимъ побывать не приведется, а во-вторыхъ что мит хотълось рельефите выставить поэтическое направленіе выходцевъ американскихъ, которые даже въ городахъ стараются обойти, ужиться съ въковыми представителями дъвственныхъ лъсовъ.

Наконецъ маленькій пароходъ нашъ, котораго очеркъ представилъ я выше, отвалилъ отъ пристани. Мы стали весьма усившно подниматься вверхъ по Сакраменто; здъсь я замътилъ нъсколько паромовъ, назначенныхъ единственно для безпрестаннаго сообщенія между берегами ръки; на каждомъ изъ этихъ паромовъ поставлена небольшая паровая машина, которая приводитъ колеса въ движеніе, и едва коснется онъ берега, ужъ отходитъ прочь, взявъ пассажировъ, а другой является на его мъсто. Такой способъ передвиженія между берегами ръки, не имъющей мостовъ, чрезвычайно удобенъ и выгоденъ. Смотря на догадливость съверо-американскую, мнъ пришло въ голову: а почему бы и у насъ, по ръкамъ, гдъ надо ждать иногда парома, двигающагося на веслахъ, или на веревкъ, цълые полчаса, не употребить такого же способа? Для этого достаточна паровая машина въ 4—5 силъ; а сборъ скоро бы вознаградилъ предпріятіе, сберегающее и время, и руки.

Еще недавно пустынные берега Сакраменто, теперь заселены на значительное пространство американскими выходцами (Squatter's). По закону Соединенныхъ Штатовъ, всякій, кто бы онъ ни былъ, пришедшій первый на незанятую еще землю, имфетъ право взять пространство въ сто патьдесять десятинъ. Для первоначального усвоенія этой земли, владълецъ обязанъ пройти илугомъ всю линію, которую онъ намъренъ занять. Само собою разумъется, что въ такой землъ, какова Калифорнія, весьма странно прилагается подобное узаконеніе. Какъ извъстно, страна эта уже болъе стольтія занята миссіонерами и испанскими креолами, которыхъ здёсь называютъ ранчерами (Rancheros). И миссіи, и эти ранчеры владёли огромными пажитями на раздольныхъ равнинахъ и на горныхъ скатахъ Калифорніи. Иногда такой владълецъ считаль за собою пространство въ насколько десятковъ версть, изъ которыхъ обработывалъ только изкоторую часть, а остальное предоставлялъ въ завъдываніе дикихъ козъ, медвъдей да изюбровъ. Права на эти владънія не были признаны ни Испанскимъ, ни Мехиканскимъ (cervus Canadensis) правительствами, а случалось и такъ, что земли, упроченныя за владъльцами правительствомъ Испанскимъ, до объявленія независимости Мехики, становились предметомъ распрей и споровъ съ претендентами, которые

Смњев.

69

явились на нихъ изъ Мехики. Само собою разумъется, что нахлынувшіе выходцы изъ Соединенныхъ Штатовъ, еще до открытія золотоносныхъ розсыней, воспользовались такимъ состояніемъ края. Новые засельщики (squatter's), не спрашивая принадлежить ли земля Калифорнскому ранчеру или нътъ, отмъриваютъ по произволу земли, ставить на нихъ первоначально палатки и шалаши, пригоняютъ рабочихъ быковъ и небольшое количество рогатаго скота, запасаются плугами и боронами, а главное, не забывають свою длинную зинтовку, которую, какъ патентъ, ставять на порогъ своего импровизованнаго владънія. Въ послъдствін они сколачивають изъ тонкаго теса домь, и никакіе протесты и требованія первыхъ владъльцевъ не могутъ уже заставить ихъ сняться и откочевать съ занятаго мъста. Калифорицы поняли съ своей стороны неравенство силь, и вмъсто того, чтобъ ссориться и стараться изгонять этихъ соседей, принимаютъ ихъ ласково, отводятъ имъ земли, которыхъ сами впрочемъ никогда не занимали, и пріобрътая дружбу первыхъ скватеровъ, такимъ образомъ ограждаютъ себя отъ дальнъйшихъ притязаній безпрестанно возрастающей толпы выходцевъ. Впрочемъ иногда, какъ я сказалъ, бываютъ странные примъры и случан примъненія правъ этого способа заселенія земель Калифорнскихъ. На дорогъ въ миссію С. Хоссе, жилъ мой давнишній пріятель, выходець изъ Испаніи, Донъ Антоніо Суньёль. Человъкъ онъ былъ очень зажиточный, засъваль обширныя поля пшеницы, имъль до 5000 головъ рогатаго скота и нъсколько ранчъ (Ranchos), по нашему заимокъ, весьма хозяйственно устроенныхъ. Въ 1848 году, когда толпы англо-саксонцевъ ринулись на золотые промыслы Калифорніи, вотъ что случилось съ моимъ пріятелемъ. Однажды къ нему прискакалъ управитель (maiordomo) съ одной изъ его запиокъ съ извъстіемъ, что американскій скватеръ, (объяснивъ значеніе этого слова я привожу его въ подлинникъ), раскинуль палатку, поставилъ соху и пустилъ быковъ своихъ, почти близъ дома, стоявшаго на заимкъ, и что необходимо присутствіе хозянна, чтобъ вытолкать незванаго гостя. Донъ Антоніо, старый, отяжелъвшій житель Мадрида, не разсудиль за благо състь на лошадь и скакать за 40 или 50 верстъ на ранчу, гдъ совершилось нашествіе. Онъ исподволь собрался въ эту потздку только на другой день. Прівхавъ на мъсто, онъ нашель, что скватеръ проръзаль плугомъ своимъ канаву, которую почти довелъ до дома, но какъ будто не кончивъ работы, остановился. Помънявшись грубыми словами, соперники разошлись. Донъ Антоніо отправился въ Миссію, гдъ жилъ судья, а американецъ, оставшись одинъ, вновь принялся плугомъ проводить борозду и очертиль ею самый домъ. Чрезъ несколько дней явился

70 Смпсь.

судья, который предоставиль Донъ Антоніо разбираться съ американцемъ и доказывать права свои въ судъ. И чтоже? Черезъ полгода пріятель мой цолучаеть извістіе, что заселившійся скватерь передаль права свои уже другому, а этотъ другой не замедлилъ прислать Д. Антоніо ваписку, въ которой изв'єщаль, что онъ ждеть со дня на день изъ Нью-Іорка прівзда своего семейства, и потому просить покорно Г. Суньола очистить домъ, купленный собственно для ожидаемой фачилів, отъ скарба и мебели. Когда, въ бытность въ Калифорији, я виделся съ моимъ пріятелемъ Донъ Антоніо, онъ пересталь уже хлопотать о своей заимкъ, и только съ добродушнымъ смъхомъ разсказывалъ объ этой оригинальной продълкъ, присовокупивъ къ своему разказу еще другое съ нимъ же случившееся обстоятельство. Донъ Антоніо, вскоръ послъ открытія золотоносныхъ розсыней, недалеко отъ земель, ему принадлежащихъ, нашелъ ртутную руду. Не имъя возможности тотчасъ дать этому дълу ходъ въ значительномъ размъръ, онъ устроилъ небольшой снарядъ, и поставиль на работы нъсколько человъкъ индъйдевъ. Скоро случилась и здёсь таже исторія, что и на заимкі: индійцы прибіжали сказать ему, что Янки выгнали ихъ съ завода. Вотъ тутъ старый мой пріятель не выдержаль: онъ въ свою очередь собраль полсотии индейцевъ, постоянно у него работавшихъ на ранчахъ, и прогналъ изърудника непрошеныхъ американцевъ. За этотъ подвигь Донъ Антоніо поплатился дорого: за самоуправство и за нанесенные убытки ему пришлось отсчитать 30 т. доллеровъ, т. е. около 43,000 т. р. серебромъ, и все таки проститься съ ртутнымъ рудникомъ, потому что онъ десять дней его не работалъ, а по уставамъ, о которыхъ я буду говорить въ послъдствін, за таковое упущеніе онъ лишался права на разработку руды, имъ найденной.

Мы быстро подвигались впередъ до-тъхъ-поръ, пока вошли въ р. Перовую (Facther River). Здъсь плаваніе наше было чрезвычайно затруднительно; не проходило четверти часа, чтобъ мы не становились на мель, не смотря на то, что пароходъ нашъ сидълъ не болье полуаршина въ водъ. Съ каждымъ такимъ пропсшествіемъ, вся команда, капитанъ нашъ, и большая часть пассажировъ отправлялись за бортъ, безъ церемоніи оставивъ ту часть отдъленія, которой смътливые французы дали названіе: «les inexprimables т. е. певыразильня. Вооруженные лонатами, они скоро очищали фарватеръ, и пароходъ свистя и шипя проползалъ по песку снова на вольную воду. Я уже сказалъ въ одной изъ предъидущихъ статей монхъ, что веъ пароходы американскіе снабжены машинами высокаго давленія, а потому, признаюсь, пе разъ въ подобныхъ случаяхъ, когда капитанъ прибавлялъ пара до-нельзя—

съ томительною тоскою ждалъ я, при оглушительномъ свиств и визгв, происходящихъ отъ напряжения машины, что мы совершимъ полетъ на воздухъ.

Я сказаль, что пароходь этоть назначень быль для перевозки пассажировъ и товаровъ въ Мерлевиль, последній ближайшій городъ къ золотымъ промысламъ по системъ ръки Юбы. Большая часть пассажировъ нашихъ отличалась широкополыми войлочными шляпами и была одъта въ красныя фланелевыя рубахи, затянутыя ремнемъ, на которомъ висъль огромный ножъ: «California protector» или «Bowy kneif» и ривольверы. Смотря на такое вооружение этихъ господъ, я дълалъ слъдующіе выводы: в'єдь маленькій, не им'єющій физической силы человъкъ не вдругъ бросится на дюжаго пария, который однимъ взмахомъ можетъ пришибить его къ землъ; такъ точно и этотъ дюжій парень не вдругъ опрокинется на маленькаго человъчка, имъя убъжденіе, ири этомъ маленькомъ соперникъ есть такой снарядъ, изъ котораго въ шесть секундъ онъ можетъ повалить шестерыхъ гигантовъ! Между чернорабочими, простыми золотонскателями, замѣтилъ я также порядочное число дилетантовъ, щеголей въ лосинныхъ перчаткахъ, лакированныхъ длинныхъ сапогахъ, въ вышитыхъ узорами рубашкахъ; при нихъ были лопатки и койлы съ ручками изъ краснаго дерева. Глядя на нихъ можно былоподумать: да ужъ не лорды-ли не баронеты-ли, или не члены-ли парламента были эти господа, и не торопились-ли они на закладку нерваго камня, или на съемъ перваго куска дерна для перваго рельса новой жельзной дороги? Я въ душъ смъялся надъ этими господами, воображая, какъ они будутъ кряхтъть, когда прійдется имъ снимать турфъ, разбивать камни и валуны, и потомъ полоскаться въ грязи и водъ на золотыхъ прискахъ въ тайгъ калифорнской! И дъйствительно, въ послъдствии я встръчалъ много такихъ франтиковъ, быстро направлявшихъ путь свой обратно изъ этого въчно волнующагося моря; проклипая «адское золото», они убирались съ пріисковъ и сохранили къ нимъ, конечно, непобъдимое отвращение, предпочтя игорные столы или стойки, за которыми продають разные живительные напитки, трудному золотопромышленному делу, для котораго они напрасно изорвали свои лосинныя перчатки и скоро стоптали даромъ лакированные сапоги.

Одинъ французъ, снъшившій также на пласеры, прилегающіе къ рѣкъ Юбъ, завелъ со мною рѣчь, и объявилъ мнь, что до-сихъ-поръ объѣздилъ онъ всѣ южные промыслы, понадѣясь на способности какой-то ясновидящей, которую онъ привезъ съ собою изъ Франціи. Легковърный искатель золота билъ усердно шурфы «j'ai prospecté partout» какъ го-

72 Смпсь.

ворилъ онъ, гдъ указывала сомнамбулка, и кончилъ тъмъ, что бросилъ ее на какомъ-то южномъ пласеръ, а самъ безъ нея пустился искать счастія на съверъ. Узнавъ, что я русскій, знаю хорошо Сибирь, ея золото и работы на сибирскихъ промыслахъ, онъ употребилъ всю ловкость француза, чтобъ втереться ко мнъ въ дружбу, и вывъдать, что за машины употребляемъ мы на промыслахъ, въ которыхъ пробивается огромное количество золотоноснаго пласта, и почти безъ потери металла. Въ послъдствіи я разскажу, какъ онъ мнъ заплатилъ за мои наставленія и пріязнь.

Наконецъ пароходъ нашъ остановился противъ фермы капитана Суттера. Ръка Юба изогнулась передъ самыми окнами его небольшаго домика, низъ котораго былъ сдъланъ изъ битой глины (adove) а верхъ. составлявшій мезонинъ, изъ легкаго тесу, пригнаннаго въ закрой, какъ то всегда бываетъ въ американскихъ странахъ. Передъ домомъ разбитъ небольшой садикъ, а за садикомъ порядочное пространство засажено виноградникомъ. Насколько домашнихъ строеній, изъ которыхъ оригинальнымъ своимъ видомъ отличается жельзный хлебный магазинъ, стояли по бокамъ главнаго дома; дубовая роща на необозримое пространство тянулась во всв стороны отъ прибрежій реки и терялась у скатовъ горныхъ хребтовъ, синтвшихъ за нъсколько десятковъ версть, и надъ всею этою далью опрокинулось дивное, голубое небо, на которомъ не рябило еще ни одно облако ни днемъ, ни ночью, хотя то была уже глубокая осень. Здёсь въ январе мёсяцё почти постоянно 220 тепла въ тени, и флора въ полномъ блескъ. Подходя къ фермъ Суттера, въ кустахъ бархатника и дикаго виноградника, какъ изумруды, какъ яхонты горъли на солнцъ колибри, останавливая полетъ свой, подобный цуль, на миновение надъ распустившимся цвъткомъ мальвы. Пусть Европейцы любуются небомъ Италіяно не сравнится оно съ небомъ Калифорніи: только небо Египта можетъ стать съ нимъ рядомъ, а ночи, калифорнскія ночи замъчательнъе дня, и безъ сомнънія прелестью и ясностью выше италіянскихъ ночей.

На воздѣланныхъ поляхъ Суттера я замѣтилъ пшеницу, ячмень, бобы, картофель и другія овощи, красный стручковый перецъ, виноградъ, персики, въ большомъ количествѣ дыни, арбузы и томаты. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ здѣсь разовьется шелководство въ огромныхъ размѣрахъ, а также обратится вниманіе на разведеніе хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника и даже индиго. И здѣсь, какъ въ другихъ частяхъ Калифорній, скаты горъ покрыты великолѣпными лѣсами: между множествомъ породъ замѣчательны вѣчно-зеленѣющая калифорнская чага, келръ, лавръ, рододендръ, разнообразные виды дуба и другія. Подъ ихъ

Смпсь. 73

широкими навъсами проявляется множество не столь высокихъ растеній, какъ-то каштановое, камфарное дерево, восхитительное своею растительностью и красотою.

Вскор'в посл'в открытія золотыхъ розсыней, Суттеръ вызваль изъ Швейцаріи жену и дітей своихъ, съ которыми быль въ разлукт больше 16-ти лътъ. И не странная лидоля? Человъкъ, подвергавшійся въ теченіе столькихъ лътъ добровольному затворничеству, совершенному отчужденію отъ цивилизованнаго свъта, проведя долгіе годы въ тундрахъ Миссисипи и на пустынныхъ прибрежьяхъ Сакраменто, далеко отъ своей Швейцаріи, схоронивъ глубоко въ душъ страшныя страданія ностальгіи, этой всеразрывающей тоски по родинь, окруженный необузданными дикарями, съ которыми ему такъ часто приходилось бороться, нанося имъ смерть, за тъмъ, что выбора не было: или онъ, или они. Этотъ человъкъ, такъ терпъливо выжидавшій минуты, въ которую онъ могъ сказать своимъ: «эти земли, эти цвътущія поля, эта новая Гельвеція, ваша»! долженъ былъ снова, надолго, если не навсегда отказаться отъ любимой мечты своей! Между тъмъ, какъ Суттеръ вызывалъ свое семейство изъ Швейцаріи, и жена его и дъти въ первые, тревожные дни, следовавшие за открытиемъ золота въ Калифорнии, вместе съ потокомъ эмиграціи, который понесся изъ Европы и Америки въ Калифорнію побъждала всъ преграды, боролась съ заразительнымъ воздухомъ Новаго Орлеана, Чагреса, Панамы и наконецъ, восторжествовавъ надъ всемь, пришла въ это Эльдорадо, Суттеръ успель лишиться своего колоссальнаго достоянія, ставившаго его выше многихъ владътельныхъ принцевъ Европы!... Семья Суттера застала его въ нищетъ и подверглась темъ же лишеніямъ, которыя она испытывала въ Швейцарін, не встрътивъ ни одного отраднаго, краснаго дня, о которыхъ такъ живо твердило ей воображеніе!...

Еще далеко не дойдя до крыльца дома, я быль встръченъ миловидною дъвушкой. На ней, по обыкновенію жительницъ Швейцаріи, была соломянная шляпка съ огромными полями и распущенными лентами. Когда я проговорилъ мое имя, дъвушка быстро убъжала отъ меня, сказавъ проворно «Пойдемте! папа будетъ очень радъ вамъ; мы такъ часто говоримъ объ васъ.»

Едва я усивлъ вступить на терасу, освненную великолвиными лаврами и тополями, передо мною стоялъ капитанъ Суттеръ, не тотъ, что пришелъ ко мнв въ 1838 году въ крвпость Россъ, не тотъ передовщикъ піонеровъ, полный силы и надежды, для котораго ничего не значило прогуляться отъ береговъ Мисиссипи по системв озеръ чрезъ Скалистыя горы въ Ванкуверъ, отыскивая мъсто для своей новой Гельве-

74 Смись.

ціи, — передо мной стояль человькь, разбитый, не числительностью льть, но бореніями правственными; да и мудрено ли? Я уже объясниль главньйшую причину, по которой онь такъ неожиданно достигнувь вершины благосостоянія, еще быстрье лишился многихь милліоновь, не сохранивь почти ничего, и ю что же такое, посль обладанія милліонами, его Носк-Гагт, стоящая на Перовой рькь? Оть многихь тысячь головь рогатаго скота не осталось ни одной головы; оть многочисленныхь табуновь лошадей уцьльло ньсколько сухопарыхь клячь, а изъ необъягнаго пространства земель, которыми Суттерь владьль по р. Сакраменто, до вторженія выходцевь, осталась земля подь его домомь и нодь огородами! Этоть перевороть невольно привель мнь на память стихь въ комедіи П'єридана: «Земля—жь осталася въ цвьточныхь лишь горшкахь!»

Можно привыкнуть къ неудачамъ въ жизни, но какъ перенести нищету, просидъвъ, послъ страшныхъ неудачъ, по уши въ калифорнскомъ золотъ—не постигаю!

Суттеръ не забылъ меня, но не ожидалъ видъть у себя въ гостяхъ; узнавъ о цъли, съ которою я прівхаль въ Калифорнію, узнавъ отъ меня, что въ тотъ промежутокъ времени, въ который мы съ нимъ не видались, я въ сибирскихъ лъсахъ изучилъ способъ промывать золотоносныя розсыни, никогда и въ голову не приходившій американскихъ выходцамъ, онъ въ нъсколькихъ словахъ откровенно открылъ мнъ свое положеніе и только повторилъ то, что я о немъ зналъ еще въ Мехикъ.

Его откровенность открыла и мит глаза. Велико искусство мириться съ жизнію! Я не владёль еще грудами золота, которыя непремънно надъялся промыть на прінскахъ калифорнскихъ, расчитывая на дружеское пособіе человъка, котораго я такъ удачно нъкогда поставиль на ноги. Скоро исчезла между нами неловкость, въ которую мы были поставлены обоюдно нашими отношеніями. Я объявиль капитану, что хочу нъсколько дней отдохнуть у него и дождаться моего товарища изъ Россіи, который непремънно долженъ быль за мною же вслъдъ отправиться на первомъ отходившемъ пароходъ. Я сказалъ ему, что намъренъ пробраться къ вершинамъ ръки Юбы до Доневиля, и тамъ, смотря по средствамъ, которыя будутъ у меня подъ руками, мыть золото, сперва можетъ быть на уродливыхъ снарядахъ, которые въ употреблекіи между здішними золотопромышленниками, а потомъ и самъ съ товарищемъ моимъ, знающимъ дъло, мы поставимъ сибирскую борону, употребляемую на многихъ промыслахъ въ тайгъ сибирской. Что же было делать? Положеніе, въ которомъ я засталь капитана, разрушало всв надежды мои на скорое обогащение, и изъ щеголя золотопромышленСмпсы

ника, желавшаго чужими руками разгребать, если не жаръ, то по крайней мъръ золотоносныя розсыпи, положение это дълало изъ меня просто чернорабочаго!.. Я съ покорностью повторилъ: «Какъ быть?.. Зато здъсь Калифорнія!..»

Въ ожиданіи моего товарища, надо же было мив чёмъ нибудь заняться. Чрезъ нёсколько дней подъ мирнымъ кровомъ капитана я совершенно оправился послё долгаго путешествія. Дня черезъ два послё моего прибытія къ Суттеру, пріёхалъ изъ С. Франциско мой нёмецъ К... Я совершенно забылъ разсказать, какъ и гдё взялъ этого я нёмца, а потому въ нёсколькихъ словахъ постараюсь поправить мой промахъ.

Въ бытность мою въ Панамъ, когда я сидълъ въ одной изъ знаменитыхъ гостиницъ, почти двъ недъли выжидая случая отправиться въ дальнъйшій путь, за стъною моей комнаты, по цълымъ часамъ, или по цълымъ днямъ, мучили меня докучливо-упорные звуки флейты. Подъ тропическимъ небомъ Панамы надо вставать рано, на заръ, чтобъ усиъть подышать прохладою еще не раскаленнаго утра. Такъ я и дълалъ; едва открываю глаза, флейта за стъною наигрываетъ и польки, и редовы, и всякія фантазіи, не переставая до вечера. Прошли три дня; на четвертый я не вытеривлъ: войдя къ неугомонному состду, я былъ готовъ закръпить ръчь мою какимъ нибудь англо-американскимъ: «годдемъ»! Едва я отворилъ дверь, какъ будто по удару Вольтова столба, выпрямилась передо мною изнеможенная фигура. Взглянувъ, я уз-. налъ въ ней типъ измца, и потому по-измецки проговорилъ выпрямившемуся передо мною автомату: М. Г., покоритише прошу хоть на короткое время прерывать ваши экзерциціи: если вы не натерли мозолей на губахъ, такъ въ моей головъ скоро будеть воспаленіе отъ вашего непрерывающагося надуванія на флейть. Воть уже три дня, какъ вы упражняетесь въ амбушюрт, принялись и за четвертый... Умилосердитесь!..

«Умилосердитесь... «ich flehe um Erbahrmung!» слабымъ голосомъ проговорилъ мнъ нъмецъ: Вотъ уже четвертый день я ничего не ълъ, и такъ усердно надувая эту флейту, надъясь, что кто нибудь выйдетъ изъ териънія, прійдетъ сюда и сжалится надо мною. Клянусь... Вотъ уже трое сутокъ я не ълъ!.. Умилосердитесь!..

Есть французская пословица, которая говорить: А beau mentir celui, qui vient de loin. Мнъ возразять: можеть-ли быть, чтобъ человъкъ не ъль три дня и играль на флейтъ! Правда, совершенная правда! Мм. Гг., у насъ на Руси это дъло совершенно невозможное! У насъ съ голоду никто не умираеть, а за моремъ, въ такъ называемыхъ просвъщенныхъ земляхъ, это даже не ръдкость. Увъряю васъ: скажите въ Лондонъ, въ Парижъ: я умираю, я голоденъ—пожмутъ

плечами и пойдутъ прочь!... Во всё три дня, въ которые несчастный нёмецъ надуваль флейту, ни одинъ изъ американскихъ и европейскихъ выходцевъ не обратилъ на игру его вниманія, никто не рёшился потревожить его, и это по тому общепринятому правилу, что всякій здёсь можетъ дёлать все, что хочетъ, лишь бы дёло его не выходило изъ уставовъ, обусловленныхъ обществомъ. Кому была нужда, что объднякъ игралъ трое сутокъ на флейтѣ, почти не переставая, безъ устали?

— Можетъ-ли это быть? сказалъ я. Нъмецъ хотълъ что-то говорить, но я перервалъ его ръчь: «Мы потолкуемъ послъ, а прежде всего ступайте объдать!» Я далъ ему доллеръ, случившійся у меня въ карманъ, и ушелъ въ мою комнату.

Нъмецъ незамедлилъ явиться ко мнъ; о судьбъ своей онъ разсказалъ мит следующее: «Я сынъ прусскаго дворянина, воспитывался въ Берлинъ; не смотря на всъ препятствія, не слушая никакихъ убъжденій отца моего, тому назадъ два года, я отправился въ Буэносъ-Айресъ на купеческомъ кораблъ, единственно по неудержной страсти къ путешествіямъ. Изъ Буэносъ-Айреса я перешель въ Вальпарайсо; путь этотъ я сдълалъ, не огибая Горнъ-нътъ, я прошелъ Памиы въ сопровождении двухъ индъйцевъ. Не стану говорить, сколько разъ жизнь моя висъла на волоскъ во время этой прогулки: « Ausflup» какъ выразился мой нъмецъ. Скажу только, что переходя отъ одной неудачи къ другой я решился отправиться изъ Вальпарайсо, въ Панаму. Капитанъ корабля, на которомъ я прибылъ сюда, согласился взять меня съ собою. съ темъ, чтобъ я исправляль должность буфетчика (Stuwart). Моя должность избавляла меня отъ взноса денегъ за переходъ. Я долженъ былъ согласиться, денегь у меня не было. Едва мы бросили якорь на Панамскомъ рейдъ, капитанъ отослалъ меня на берегъ, сказавъ, что я ему больше не нуженъ. Не имъя ни одного сенса въ карманъ, съ этой флейтой я отправился въ гостиницу, самъ не зная, какъ выйду изъ бъдственнаго положенія!...

- Что-же вы хотите дълать? просилъ я у него.
- Мий-бы хотилось перейти въ Гаванну, тамъ надъюсь сыскать какое нибудь мъсто, потому что говорю по-испански.»
- Въ Гаваниъ вамъ также прійдется насвистывать на флейтъ! Лучше пойдемте на калифорнскіе пласеры— тамъ все таки легче будетъ добыть кусокъ хлъба.

Нельзя описать восторга этого бъдняка, когда онъ услышалъ, что я его беру съ собою. Этотъ-то нъмецъ дня черезъ два прітхалъ съ мо-

Смись.

ими вещами къ капитану Суттеру и въ последствіи быль со мною везде, пока я оставался въ Калифорніи.

Въ ожиданіи моего товарища изъ Европы, я очень желаль съъздить на охоту въ горы, отстоявшія отъ фермы Суттера часовъ на семь. Я надъялся найти въ этихъ горахъ хорошія стада изюбровъ, за которыми и въ прежнее пребываніе въ Калифорніи охотился съ большимъ удовольствіемъ. Партія наша состояла изъ гостившаго на фермъ американца, моего нъмца, американскаго негра изъ Луизіаны и вашего покорнаго слуги—съ береговъ свътлой Невы.

Я взяль у Суттера трехъ лошадей и одного мула для негра, который ни за что не хотълъ състь верхомъ на лошадь. Красивый американецъ ловко гарцовалъ на лихомъ конъ и увърялъ меня, что славно бъетъ изъ винтовки: и дъйствительно, въ этомъ онъ скоро имълъ случай убъдить меня.

Мы долго вхали, не встретивь ни одного живаго существа, и я съ досады пустиль пулю въ журавля, который и остался на мъстъ. Дъло уже было къ вечеру, мы собирались остановиться, чтобъ разложить огонь и сварить ужинъ, который везъ нашъ негръ, парень веселый, готовый на всякіе проказы и кривлявшійся, какъ самая забавная обезьяна. Мы надъялись утромъ быть счастливъе, и въ горныхъ ущеліяхъ непремънно встрътить стадо изубровъ; думая о ночлегъ, мы подвигались медленно впередъ, какъ вдругъ лошади наши стали будто вкопаныя въ землю, рыли копытами песокъ, изтаурили уши и храпъли вздувая ноздри.

«Ягуаръ!» проговорилъ отрывисто американецъ, который не любилъ даромъ терять слова и раздвигалъ губы всегда на столько, на сколько того требовали обстоятельства. Я окинулъ глазомъ пространство и увидълъ негра, скачущаго что было мочи на своемъ мулъ. Онъ болталъ что-то по-своему съ примъсью словъ англійскихъ и французскихъ; билъ колънами и каблуками въ бока испуганнаго животнаго, и ежеминутно готовъ былъ свернуться съ съдла. Когда онъ подскакалъ ближе, я увидълъ въ одной рукъ его небольшаго ягуара, котораго онъ держалъ за шиворотъ и потряхивая показывалъ намъ.

«Смотрите! смотрите »1 закричаль опять американець: «Воть они, воть они! Держите-же теперь ухо востро»!

Подобравъ поводья лошади, я взглянулъ въ ту сторону, куда показывалъ американецъ, и увидълъ двухъ огромныхъ, матерыхъ ягуаровъ самку и самца. Звъри видимо настигали песчастнаго негра; они неслись за нимъ не болъе какъ въ трехъ стахъ шагахъ, и пространство это ежеминутно уменьшалось. Мы вонзили шпоры въ бока лошадей нашихъ и понеслись на переръзъ звърей. То была страшная охота! Мы очень хорошо знали, что жизнь негра висъла на волоскъ, и что за нее нельзя было дать и той охапки хворосту, на которой мы собирались варить ужинъ. Да и что могъ сдълать безоружный бъднякъ на своемъ непроворномъ мулъ?

Усердно пришпоривая лошадей, мы сближались; наконець очутились отъ бъдняка шаговъ на двадцать не болъе. Я держалъ на перевъсъ мою Кухенрейтерскую винтовку, въ которую входила коническая пуля чуть не въ унцію. Одинъ изъ ягуаровъ былъ почти на такомъ же разстояніи отъ негра какъ мы.

Я видълъ какъ звъръ на одно мгновеніе только прилегъ къ земль, какъ будто свернувшись клубомъ передъ губительнымъ скачкомъ. Въ эту минуту бъдный негръ тоже свернулся мячикомъ, выпучилъ глаза и кръпко схватился за гриву мула, не выпуская молодаго агуара; зубы его били такую страшную дробь, что во всякое другое время можно было нахохотаться до-сыта, но въ эту минуту, право, было не до смъ-ха. Ягуаръ огромнымъ прыжкомъ, испуская ревъ, потрясшій воздухъ, въ одно мгновеніе впился въ бока мула. Озадаченное животное сдълало въ свою очередь такой скачекъ, отъ котораго, по законамъ тяготънія, негръ долженъ былъ полетъть въ сторону, но благодаря его цъпкости и обезьяньей натуръ, которою такъ щедро одарены негры, онъ усидълъ.

Въ эту минуту я осадилъ лошадь, и ударилъ изъ винтовки—надежда тщетная! Ягуаръ кръпко впился въ мула, а тотъ въ отчаяни вертълся кругомъ съ своею двойною ношей!

Впрочемъ сомитніе мое прододжалось не долго; выстрѣлъ мой пришелъ ловко; пуля прошла звѣрю подъ переднюю лопатку на вылетъ: ягуаръ оторвался отъ мула.

Въ ту самую минуту, когда онъ опустился на землю, я услышаль еще два выстръла, и въ тоже мгновеніе, и съ тъмъ же рыканіемъ, самка бросилась на тъло самца, лежавшаго не подалеку отъ американца. Его лошадь метнулась въ сторону, и отъ страшнаго прыжка грянулась о земь. Ея паденіе на минуту прикрыло всадника, который успъль въ это время выхватить ривольверъ и ударить въ отверзтую пасть звъря. Звърь отскочилъ быстро; тогда американецъ схватилъ широкій острый ножъ въ одну руку, не выпуская изъ другой ривольвера, и съ твердостью ждалъ вторичнаго нападенія звъря.

Съ окровавленною пастью шелъ на него звърь; минута была великолъпная! Американецъ пустилъ второй зарядъ, но не потрафилъ, пуля прожужжала мимо, и онъ очутился въ кохтяхъ ягуара!.. И звърь и человъкъ повалились на землю, катаясь и зарываясь въ пескъ; звърь Смъсь.

съ ревомъ рвалъ человъка, а человъкъ, стиснувъ зубы, не произнося ни одного звука, буравилъ звъря ножемъ!..

Я спрыгнуль съ лошади и бросился къ нему на помощь, но нъмецъ былъ проворите меня. Прежде нежели я понялъ мысль его, онъ какъ сумасшедшій, выхвативъ свой огромный ножъ, вскочилъ прямо на спину разъяренному животному. Ягуаръ не успълъ обернуться на осъдлавшато всадника, какъ вдругъ щенокъ этого звъря, котораго все еще держалъ за шиворотъ негръ, вися на воздухъ жалобно взвизгнулъ. Самка, возбужденная инстинктомъ матери, быстро рванулась къ щенку, и сбросила нъмца, который описавъ въ воздухъ кругъ, совершилъ самый отчаянный сальтомарталь.

Въ то же мгновеніе вскочиль на ноги американець, почти бездыханный, ворча сквозь зубы свое привычное: «Годдемь!» Красота его сильно пострадала отъ борьбы съ ягуаромъ. Съ головы до ногъ по немъ струилась кровь; лице было все въ грязи, а на лѣвомъ плечѣ виднѣлась широкая рана; платье висѣло клочками. Видя его въ этомъ страшномъ положеніи, я полагаль, что онъ раненъ смертельно, но въ послѣдствіи оказалось, что кромѣ раны на плечѣ, вся кровь, его покрывавшая, была отъ раненаго звѣря. Ему пришлось бы несравненно хуже, еслибъ не толстое пальто и шерстяная рубашка, которыя были на немъ, не предохранили его тѣла отъ когтей ягуара, такъ-что, какъ я уже сказалъ, кромѣ порядочной раны на плечѣ, остальныя были только царапины.

Американецъ нашъ между-тъмъ нъсколько оправился; тогда какъ я къ нему обратился, желая что-то сказать, вдругъ раздался жалобный стонъ, уже совершенно различный отъ того злобнаго рыканья, съ которымъ самка бросилась на американца. Я съ изумленіемъ смотрълъ на нее; думаю, что негръ бросилъ щенка на земь именно въ ту самую минуту, когда самка рвала американца. Теперь раненая мать лежала на щенкъ, ласкала и лизала его, словно домашняя кошка, когда ушибется ея котенокъ: она не обращала на васъ ни малъйшаго вниманія, будто насъ совстив не было. Звтрь лежаль тихо, не шевелясь; американецъ, стоявшій нозади меня, взвелъ курокъ винтовки. Между тъмъ и я зарядилъ снова мою винтовку, и подойдя къ звърю еще на нъсколько шаговъ, мы оба холодно, твердо приложились. Я понималъ, что застрълить звъря въ такую минуту, похоже было на убійство, но также очень хорошо зналь и понималь, что его спокойствіе будеть не продолжительно, и къ тому же расчитывалъ, что сильных в ощущений на этотъ день было довольно!

Впрочемъ если бъ я въ эту минуту и захотълъ уговаривать амери-

канца о пощадъ оъднаго звъря, то навърное онъ влъпилъ бы въ меня зарядъ своей винтовки: такъ дурно расположили его промахи и неудачи.

Мы оба разомъ спустили курки—пули пришли одна возлѣ другой, прямо въ бокъ ягуара. Онъ быстро вскочилъ на ноги, но также быстро грянулся на землю, и началъ снова лизать щенка своего, а между тъмъ стоналъ такъ жалобно, что у меня разрывалось сердце. Кровътекла струею изъ ранъ, нанесенныхъ ножемъ и пулями; звърь видимо ослабъвалъ. Сдълавъ послъднее судорожное движеніе, онъ приподнялся, взялъ щенка въ зубы, но уже совершенно лишился силъ; приподнявшись до половины на переднихъ ногахъ, онъ выронилъ щенка, зашатался и упалъ мертвый.

Едва негръ увидълъ, что и этотъ ягуаръ лежалъ безъ движенія на земль, онъ такъ поторопился спрыгнуть съ своего мула, что ткнулся головою въ песокъ; но словно самая легкая обезьяна, вскочилъ на ноги, схватилъ щенка и началъ прыгать и кружиться надъ трупомъ убитаго звъря, громко припъвая какую-то пъсню на своемъ языкъ, самымъ дикимъ голосомъ.

Въ то время какъ онъ дотягивалъ послъднія ноты, къ намъ подоспъла партія промышленниковъ, которая услышавъ выстрълы, крики наши и ревъ звърей, спъшила къ намъ на помощь, ведя за поводъ лошадь американца, которую они поймали съ большимъ трудомъ.

Промышленники обступили насъ и засыпали вопросами о томъ, какъ мы добыли двухъ ягуаровъ, и любовались щенкомъ ихъ, котораго негръ не выпускалъ изъ рукъ.

Намъ хотълось дознаться, почему первая пуля американца не свалила звъря; разсматривая тщательно трупъ убитой самки, мы нашли, что американецъ овысилъ: пуля его вмъсто того чтобъ пробить тъло звъря подъ лопаткой, пробила навылетъ шею.

Мы расположились на ночлегъ при небольшой ръчкъ, и послъ одержанной побъды весело и плотно поужинали; всъ были весьма довольны, что такъ удачно отдълались отъ свиръпыхъ обитателей здъшнихъ горныхъ хребтовъ, и на заръ тщательно ободравъ шкуры съ нашихъ убитыхъ непріятелей, мы пустились обратно въ путь.

Негръ снова вскарабкался на своего мула, лаская щенка словно ребенка и ни на минуту съ нимъ не разставаясь. Черезъ нъсколько часовъ, мы безъ новыхъ приключеній добрались до фермы капитана, въ которую горделиво вътхали, прикръпивъ къ двумъ шестамъ шкуры звърей.

Наконецъ явился и П., такъ нетерпъливо ожиданный мною изъ

Смъсь.

Европы. Онъ быль не такъ счастливъ какъ я. Въ Панамъ П. занемогъ лихорадкой, и на пути едва не умеръ. Изъ городка Мерисвилн, лежащаго на полчаса отъ фермы Суттера, явился докторъ; онъ увърилъ меня, что мой товарищъ выздоровъетъ въ три дня, но для этого нужно было перевезти больнаго къ доктору. Такъ и было сдълано. На четвертый день докторъ привезъ больнаго обратно на ферму, увъряя, что лихорадка прекратилась, но осталась еще небольшая слабость, которан непремънно пройдетъ. За симъ подалъ онъ билль, т. е. счетъ за три дня леченія и лекарства. Итогъ счета испугалъ меня; крупными цифрами стоядо подъ колонною: Total 3 onces, что составляло 48 испанск. піастровъ, или на наши деньги почти 70 р. сер.! Въ этомъ случав я хотълъ было обратиться къ посредничеству капитана, но тотъ прямо сказалъ, что такіе поборы уже приняты въ Калифорніи, и что это дъло самое обыкновенное. Проклиная въ душъ такое безстыдство, я заплатилъ деньги по счету. Оказалось, что онъ ни сколько не помогъ больному — лихорадка чрезъ сутки возвратилась, и П. возидся съ нею еще послъ мъсяца четыре.

Въ Калифорніи не мудрено сделаться докторомъ, стоитъ только захотъть; вирочемъ не только въ Калифорніи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ это званіе не подвергается ни какому контролю; врачь не обязанъ держать гизаменъ, клопотать о свидътельствъ, объ аттестатъ. Всякій можеть выставить на двери своего дома или квартиры Surgeonи пошель въ ходъ, и пошель представлять билли въ тъхъ изумительныхъ размерахъ, въ которыхъ я выплатилъ поданный счетъ. Впрочемъ не думайте, чтобъ здъсь докторъ добросовъстный, хорошо понимающій науку, быстро сделаль фортуну. Число шарлатановъ, докторовъ-негодяевъ, гораздо больше, и они поглотили и знаніе, и добросовъстность людей честныхъ. Я неоднократно встръчалъ умныхъ, добрыхъ врачей, которые вынуждены были совершенно отказаться отъ своего званія и науки. Иные предпочли сами своими руками работать на золотыхъ розсыпяхъ, другіе поступили еще благоразумите: я зналъ доктора, который оторосивъ и практику, и занятіе медициной, занялся перевозкою припасовъ, матеріяловъ и товарныхъ вещей на прінски. Онъ купиль здоровую телегу и две пары муловъ, и совершалъ ежедневно переходъ отъ Мерисвиля до Сикаръ-Вара, одного изъ пласеровъ на ръкъ Юбъ. Разстояніе было не болье 20-24 версть. За фунта клади, какой-бы то ни было, докторъ бралъ 25 сенсъ, или по нашему 30 коп. сер. А сорокъ пудовъ онъ вывозилъ легко. Конечно, и расходы онъ имълъ большіе, платя н. п. за фунть свиа 50 сенсъ или 60 коп. сер., и столько же

за фунтъ ячменя; но все таки онъ наживался порядочно, и увърялъ меня, что никакъ не промъняетъ своего настоящаго занятія на возню съ папіентами.

Черезъ нъсколько дней мы совершенно приготовились къ отъъзду на пріиски. Я выпросиль у Сутера трехъ лошадей и одного мула, на которыхъ хотълъ добраться до Доневила, и при первомъ же случав полагалъ ихъ отправить обратно на ферму. Такое распоряженіе, при безпрестанно оскудъвающемъ кошелькъ моемъ было необходимо. Капитанъ, не распространяясь со мною, согласился, и мы увхали отъ него, напутствуемые желаніемъ успъха и просьбами о скоромъ возвращеніи на ферму.

Въ сухое время вы подумаете, что большая часть калифорнскихъ дорогъ проложена по прелестнъйшимъ англійскимъ паркамъ: такъ короткій перевздъ до Мерисвиля, отстоящаго, какъ я сказалъ, на полчаса, шелъ по прелестнъйшей равнинъ, усъянной дубами, лаврами и каштанами, а тамъ, гдъ дорога подходила къ ръкъ, вился по сучъямъ деревъ дикій виноградъ. Отправивъ впередъ своихъ товарищей я поъхалъ съ сыномъ Сутера въ американскомъ кабріолетъ (Bugy). Ни гдъ въ міръ я не видалъ такихъ экипажей. Чистота и легкость не могутъ не изумить васъ: это щегольскія игрушки, удивляющія красотою формы и отдълки.

Чтобы попасть въ Мерисвиль, мы должны были перевхать ръку Юбу; по направленію къ городу быль устроенъ летучій паромъ; подъвзжая къ этому парому, я сдълалъ Сутеру слъдующее замъчаніе:

«А что, молодой человъкъ, въдь вы хорошо знаете ръку? Чъмъ платить своекорыстнымъ Янки за переправу на паромъ и насъ и нашего кабріолета два доллера, (почти 3 р. с.) не отправимся ли мы въ бродъ, если вы такой знаете?»

«Какъ же-съ! отвъчалъ мнъ юноша, я знаю бродъ, которымъ часто перебираюсь на ту сторону, когда ъзжу верхомъ въ Мерисвиль.»

Перебирается верхомъ, почему же не перебраться въ Буги, по-

«Go a head! впередъ! Закричалъ я, вполнъ полагаясь на указаніе молодаго Сутера и усердно турилъ лошадь. На срединъ ръки вода покрыла спину лошади, и подушки кабріолета очутились въ водъ. Лошаль остановилась ни взадъ, ни впередъ! Между тъмъ она отыскивая опорной точки, валилась на теченіе, а легкій нашъ Буги валило теченіемъ. Что было

Смъсь. 83

дълать? Выскочить по горло въ воду, отръзать лошадь отъ удерживающей ея запряжки, было дъломъ минуты.

Освобожденная лошадь тотчасъ же перебралась на берегъ; оставалось главное: перетащить Буги на другую сторону. Видя людей, собравшихся на противоположномъ берегу рѣки, мы стали звать ихъ на помощь, но получили отвътъ: «Help your selfst.» т. е. «Помогайте-ко сами себъ!..» Въ эту минуту я и забылъ любимую заморскую пословицу, которая у всъхъ и всегда на зыкъ, иначе не звалъ бы на помощь.

Поставивъ молодаго Сутера въ оглобли, и не щадя моихъ силъ, сталъ я напирать то однимъ, то другимъ плечомъ въ кузовъ кабріолета. Долго он оставался неподвижнымъ, погрязнувъ въ тинистомъ днѣ рѣки. Наконецъ перетащилъ я его на берегъ, но литерально снявъ съ плечъ моихъ мясо, и я вышелъ изъ воды точно такъ, какъ американецъ изъ когтей терзавшаго его ягуара.

И вся эта сцена происходила въ цѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ зѣвающей толиы, со смѣхомъ кричавшей намъ: «Помогайте-ко сами себъ!..» Право, становится грустно и больше не за себя, а за людей!

Пока мы снова впрягали лошадь, на той сторонъ ръки показался возъ съ дровами, запряженный парою дюжихъ лошадей. Американецъ, провожавшій этотъ возъ, пошелъ по нашимъ слѣдамъ, и точно также завязъ какъ и мы. Видя его положеніе и такое же равнодушіе въ толиъ, стоявшей на берегу, я сказалъ Сутеру:

«Ни въ нашемъ языкъ, ни во всъхъ нашихъ словоряхъ и не слыхалъ поговорки, педходящей къ англо-американской пословицъ; а такъ какъ объ нашихъ индивидуальностяхъ и о платьяхъ нашихъ можно сказать безъ преувеличенія: «Хоть выжми,» и намъ все таки на первомъ рынкъ въ Мерисвилъ прійдется бросить на улицу все, что на насъ было, то не рискуя промочить ноги и нажить насморкъ, пойдемъ-ко въ ръку, пособитъ бъднягъ, да выкарабкаться.»

Что сказано, то и сдълано. Отправясь снова чуть не по уши въ воду, и сбросивъ нъсколько плахъ съ оза, мы перевязали ихъ возжами, а за симъ лошади, почувствовавъ облегчение, приняли и вздернули возъ на крутояръ.

Въ Мересвилъ, въ первой лавкъ, надъ которою мы прочитали на вывъскъ: «Здъсь продаются платья дешевле, нежели въ Нью-Іоркъ» мы перемънили костюмъ. Только Янки не представилъ намъ Нью-Іоркскаго прейскуранта, а постарался воспользоваться нашимъ положеніемъ и взяль за все въ три-дорога. Не отходя отъ обычая выкидывать платье и обувь на улицу, мы со смъхомъ побросали свои одежды, и отправились дальше.

Прівхавъ въ гостиницу я нашелъ уже въ ней моихъ товарищей; управляющій Сутера, магордомо, какъ ихъ здѣсь величаютъ, учтиво подаль мнѣ цисьмо отъ капитана. Это удивило меня: давно ли я съ нимъ разстался? О чемъ можетъ онъ цисать? Въ нетерпѣніи я сталъ читать письмо. Капитанъ извинялся передо мною, увѣрялъ въ дружбѣ, но также увѣрялъ что иначе поступить не можетъ; онъ просилъ у меня за проѣздъ на его трехъ лошадяхъ и мулѣ до сѣверныхъ пріисковъ р. Юбы 200 доллеровъ: это почти 300 р. сер! Въ концѣ письма онъ приводилъ въ доказательство свое положеніе.

Здёсь, я увёрень, что и вы, читатель, за меня воскликнете: «Ай да Калифорнія!»

Въ концъ 1842 года, черезъ мои руки отъ меня Сутеръ получилъ многочисленные табуны, а въ 1851 году, за проъздъ нъсколькихъ десятковъ верстъ по тундрамъ Калифорніи, онъ требовалъ за четырехъ плохихъ животныхъ 300 р. сер! Скръпя сердце я отдалъ деньги его маіордому.

Съ тъхъ поръ я не видалъ больше капитана. Говорятъ, онъ хлопочетъ о томъ, чтобъ получить вознаграждение отъ Соединенныхъ Штатовъ за то, что на его мельницъ водою промыты первыя золотыя розсыпи въ Калифорнии: сомнительно, чтобъ за эту услугу его притязанія нашли сочувствіе въ Вашингтонъ!

Между тъмъ какъ мы собирались въ новый путь, явился ко мить Французъ, прежде бывшій матросомъ на купеческомъ корабль, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ увтрялъ, что прямо приведетъ меня къ такимъ ръчкамъ, гдъ можно будетъ пригоршнями собирать зодото, стоитъ только нагнуться. Хорошо ввучивъ подобныхъ знахарей въ сибирской тайгъ, являющихся съ такимъ же предложеніемъ ко встмъ вновь прівзжающимъ, я хотълъ прогнать его, но товарищъ мой убъдилъ меня взять неотвязнаго болтуна съ собою, только не какъ путеводителя къ богатому золоту, какъ онъ выражался, а просто какъ работника за поденную плату.

Я разскажу въ последстви какъ дорого пришлось моему товарищу разделаться за то, что мы взяли съ собою этого человека.

85

Рано утромъ, положивъ выоки на мула и осъдлавъ лошадей, мы отправились въ нуть. Первыя золотыя розсыни лежатъ отъ ерисвиля въ разстояніи 20-ти версть; пройдя нісколько версть ровною дорогой, пролегающею по долинъ, омываемой ръкою, природа быстро и ръзко измѣняется. Путь направляется въ горныя ущелья и постепенно ведетъ на возвышенности; груды сброшенныхъ камней и валуны свидътельствують о міровыхъ переворотахъ. Рѣка, сперва спокойная, разливающаяся плесами по долинъ, постепенно измъняетъ видъ. Сдавленная громадными утесами и загроможденная камнями, она съ грохотомъ несется чрезъ преграды; только на короткое время и на незначительныя пространства образуя кругомъ вращающіяся ўловы, снова мечется съ одуртвающею быстротою. Чтобъ имъть понятіе о такой ръкъ, надо видъть ее послъ проливныхъ дождей, въ зимніе мъсяцы, когда вода въ берегахъ возрастаетъ на сорокъ футъ!.. Въ такомъ разливѣ и видълъ Юбу, не погибъ въ ней-но объ этомъ роковомъ происшествіи я разскажу ниже, а теперь мит хочется представить въ очеркт одинъ изъ пласеровъ Калифорнскихъ, предупреждая читателя, что па другой я его не поведу, тъмъ болъе, что показавъ ему панораму одного, я полагаю, онъ получить достаточное понятіе о всёхь прінскаль въ Калифорніи.

Я сказаль уже, что съ каждымъ шагомъ природа здъсь принимаетъ видъ, свидътельствующій о переворотахъ, здъсь совершавшихся. Углубляясь постепенно въ горы, я получалъ яснъйшія доказательства существованія золотоносныхъ розсыпей. Безчисленное множество кварцовыхъ и сланцовыхъ породъ видно было на горныхъ возвышенностяхъ, и сброшенныя съ горъ лежали грудами въ увалахъ и на покатостяхъ. Не вступая въ ученыя разсужденія и не желая развивать теоріи о мъсторожденіяхъ золота и о наспластованіяхъ золотоносныхъ розсыпей, я постараюсь коротко и наглядно объяснить сущность этого явленія, предваряя, что заключенія мои взяты съ лопатою въ рукахъ, на дълъ, на мъстъ, а не основаны на загадочныхъ теоріяхъ.

Разсматривая любой самородовъ, положительно можно сказать, что золото, заключающееся въ нѣдрахъ земли, въ слѣдствіе подземнаго огня, волканическаго процесса, выброшено на поверхность, частію въ видѣ сплавленныхъ кусковъ съ малою примѣсью или и совершенно безъ кварцовыхъ породъ, частію же въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ пластиновъ и даже песку. Схваченное потоками на скатахъ горъ, куда оно было первоначально выброшено изъ нѣдръ земли, оно влеклось на зна чительныя пространства и постепенно осаждаясь, образовало толщу, которая извѣстна подъ именемъ золотоностнаго пласта. Потоки, перво-

86 Смъсь.

начально несшіе золото, само собою разумѣется, терли его, мельчили въ порошокъ, и наконецъ оставляя частицы крупнѣйшія засѣдать въ пластахъ—выносили мельчайшія, растирая металлъ совершенно въ порошокъ, на мѣста отлогія. Вотъ почему можно заключить основательно, что чѣмъ менѣе истерто золото, тѣмъ ближе его мѣсторожденіе.

Такимъ образомъ осъли наносы или пласты, образовавшіеся отъ потоковъ, въ которыхъ мчалось золото, схваченное съ горъ, какъ я уже сказалъ.

Въ послъдствіи эти потоки измънили русла свои—а въка, идущіе обычнымъ ходомъ, накрывали золотоносные пласты дресвою, древесными листьями, корнями, землей, не содержащею золота, и образовали постепенно надъ ними другую толщу, которую мы называемъ « Турфомъ.»

Массы, выброшенныя изъ нъдръ земли во время переворотовъ, переработывались въ продолжение цълыхъ стольтий. Быть можетъ, эти великія явленія повторялись многократно, и оттого такъ многоразличны напластованія золотоносныхъ розсыпей. Мнт случалось, во время пребыванія моего въ тундрахъ Сибири, при развъдкахъ золотосодержащихъ мъстностей, наблюдать слъдующія явленія: при самомъ началт, углублянсь въ землю, я проходилъ на два и на три аршина талый, не содержащій золота пластъ, потомъ встртчалъ плотно замерзшую массу, въ которой заключалось золото, подъ этою массой являлась снона мерзлая толща, не имъвшая золота, и за нею снова талый пластъ съ золотомъ.

Пусть тѣ, которыхъ не удовлетворяетъ мое практическое истолкованіе, обратятся къ ученымъ трудамъ Букланда, Сира Гомфри Деви, Бракеприджа и другихъ знаменитыхъ геологовъ. Я посѣтилъ всѣ главныя розсыпи по системѣ рѣки Сакраменто, и встрѣчая знаки золота на равнинѣ, ею омываемой, и до верховій рѣкъ, въ нее впадающихъ, вывелъ тѣ заключенія, которыя привелъ выше.

Кромъ климатическихъ условій, совершенно разнствующихъ между собою, всъ другія условія залеганія золотоносныхъ розсыпей въ Калифорніи ръшительно тождественны съ сибирскими. Тъ же породы, говорящія о присутствіи металла, тотъ же наружный видъ разрушеній, свидътельствующій о совершившихся переворотахъ, и наконецъ тъ же напластованія наносовъ и золотоносныхъ розсыпей.

Скоро забълъли предъ нами шатры и палатки калифорнскихъ золотопромышленниковъ, работавшихъ на ръкъ Юбъ. Эта мъстность заключалась между горами, имъвшими значительныя отлогости; въ срединъ бъжала ръка, мъстами сжатая въ утесахъ, мъстами вырывающаяся на просторъ и омывающая широкія поляны, покрытыя валунами и крупнымъ булыжникомъ, что явно доказывало, что русло ръки измънилось.

Окинувъ взглядомъ мъстности, на которыхъ производились я быль изумлень способомь, посредствомь котораго золотопромышленники добывали воду на промывку песковъ. Берега ръки, на которыхъ происходили работы, были довольно возвышенны, такъ-что слёдовало поднять воду по-крайней-мёр'в на четыре сажени посредствомъ помпъ. а потомъ уже спустить ее на сплотки или на желобы. Промышленники придумали другое средство. Они взяли воду въ озеръ, находящемся въ горахъ, въ разстояніи 4 версть отъ мъста промывки, и провели ее посредствомъ канавы, часто извивающейся по скатамъ горъ, параллельно той площади, на которой происходила промывка золота. канаву, лежащую на покатостяхъ горы вдоль разработываемой площади. провели парусинныя трубы или рукава, иногда на пространствъ 60-70 саж. къ золотопромывальнымъ машинамъ; трубы эти иногда были жестяныя. Такихъ рукавовъ я насчиталъ до полусотни. Процессъ простой, первоначально, конечно потребовавшій значительныхъ капиталовъ, но безъ всякаго сомнънія приносящій постоянно огромныя выгоды предпріимчивымъ исполнителямъ дъла. Каждый рукавъ, проведенный изъ канавы на работы промышленника, отдается по 6 р. с. за день. Следовательно потребители 60-ти рукавовъ, устроенныхъ на этомъ прінскъ, платять хозневамъ до 360 р. с. въ день и болъе, потому-что цъны иногда возвышаются до 10 р. с.

Калифорнскіе промышленники не им'єють ни малійшаго понятія о работахь въ большихь размітрахь, значительнымь количествомь людей и хорошо построенными машинами.

Я уже объясниль выше, что всякій здёсь можеть работать, не испрашивая свидётельствь и разрёшительныхь дозволеній. По давнимь законамь, существующимь въ Соединенныхъ Штатахъ, всякій новопришелець имъеть право взять по теченію ръки пространство въ 15 ярдовъ или 45 футовъ, а въ ширину, т. е. мъстность, лежащую параллельно теченію ръки, работать на столько, на сколько въ ней заключается золотоносная розсынь. Такое пространство опредълить нельзя, иногда оно идеть въ береговой уваль на 25, 50 и даже на 100 сажень. Только такую узкую полоску можеть отмежевать себъ золотопромышленникъ, и вотъ причина, по которой онъ долженъ довольствоваться миніатюрными

своими снарядами для промыванія розсыпей. Само-собою-разумѣется, что это пространство онъ межетъ взять только тогда, когда оно свободно, или чтобъ получить его, онъ долженъ сдѣлать новое открытіе. Свободнымъ же почитается всякое пространство, на которомъ не происходило въ теченіе десяти дней никакихъ работъ.

При такомъ раздробленіи золотоносныхъ розсыцей, нѣтъ возможноети ставить значительныхъ работъ; здѣсь всякій работаетъ свою полоску втроемъ или четверомъ.

Ручныя машины, на которыхъ происходитъ промывка, вполнѣ соотвътствуютъ своему назначеню. Я упомяну о нѣкоторыхъ: а) Рокеръ (Rocker) это колыбелька, внутри которой вставленъ желѣзный грохотъ или рѣшето для всыпаемой розсыпи. Подъ грохотомъ вставляется небольшая рамка, обтянутая парусиной. Потомъ отъ этой рамки есть также наклонный спускъ съ раздѣленіемъ. На верху колыбельки сдѣлана ручка, посредствомъ которой промышленникт приводитъ одною рукою рокеръ свой въ движеніе, а другою черпаетъ и поливаетъ воду на брошенную въ грохотъ землю; отдѣляя предварительно крупные камни, онъ такимъ движеніемъ пробиваетъ розсыпь, изъ которой золото осаждается на рамку, а частію засѣдаетъ въ наклонной, раздѣленной перегородками плоскости. Самый усердный работникъ не можетъ пробить больше 100 ведръ земли, которыя ему долженъ заготовить и подвезти товарищъ.

Если при такомъ трудъ, каждый работникъ не добываетъ 6 р. с. въ день, онъ бросаетъ это мъсто и ищетъ новаго, или оставаясь на такой розсыпи, почти ничего отложить, сберечь не можетъ.

Можно утвердительно сказать, что мъста, дающія работнику менъе 6 р. с. въ день, въ Калифорніи чрезвычайно ръдки. Эта цифра есть средняя, показывающая изумительное богатство края. Принимаи ведро земли за пудъ, мы видимъ, что 100 пудовъ калифорнской розсыпи, среднимъ числомъ содержитъ до 3 золотниковъ золота. А при нашихъ усовершенствованныхъ работахъ въ Сибири, мы довольствуемся однимъ золотникомъ во ста пудахъ. За то, по расчету, нашъ сибирскій работникъ, на усовершенствованныхъ машинахъ сдълаетъ въ день за десятерыхъ калифорнскихъ.

b) Лонгтомъ (Longtom). Это простой, длинный, плоскодонный желобъ, раздъленный перегородками. Онъ становится наклонно, и розсынь прямо на него взваливаютъ. Вода здъсь бъжитъ на розсынь прямо изъ холщеваго рукава, о которомъ я говорилъ. Два работника по бо-

камъ снаряда безпрестанно разравниваютъ землю, сбрасывая крупные камни и булыжникъ. Эта работа успъшнъе, но потеря сносимаго водою золота чрезвычайно значительна.

c) Ртутный снарядь (Quicksilver machine). Этоть снарядь приводится въ движение ручкой, также какъ рокеръ, въ срединъ утвержденъ грохотъ, а подъ нимъ наклонно поставлены ящики, вмъстъ связанные, въ которые наливаютъ ртуть. Пробитая розсыие надаетъ въ ящики, и осаждающееся золото залегаетъ въ нихъ. Въ двухъ упомянутыхъ способахъ утвердительно можно положить 20°/, на сносъ золота вивств съ мутью, а въ последнемъ снаряде золота утрачивается до 30—35°/! Въ этихъ ящикахъ ртуть нисколько не соединяя золото, колыхаясь вибств съ розсыпью, только увлекаеть за собою Вотъ почему встръчалъ я розсыци, уже бывшія въ дълъ, промытыя, которыя будучи пропущены еще разъ, давали на человъка отъ 3 до 5 р. с. въ день! Часто на площади, уже работанной, вы находите гитадами лежащую ртуть, спущенную со снарядовъ, а золото, пропускаемое вторично на не ртутныхъ снарядахъ, является совершенно окрашенное ртутью.

Первоначальная развъдка золотоносныхъ розсыпей производится также ребячески. Вмъсто правильнаго, просторнаго шурфа, заложеннаго по извъстному размъренію на поверхности и выбиваемаго въ глубь до тъхъ поръ, пока встрътивъ горнокаменную породу, дальнъйшія усилія человъка пронвкнуть въ нъдро земли становятся и безполезны, и невозможны, калифорнскіе золотопромышленники копаютъ круглыя ямки, аршина въ полтора въ діаметръ, и углубясь на два, а много на три аршина, бросаютъ такой шурфъ не дойдя иногда до залегающей розсыни. На калифорнскихъ пласерахъ великая ръдкость порядочно пробитый шурфъ, и только съ монмъ пріъздомъ здъшніе промышленники стали понимать важность этой цервоначальной работы.

Далъе у нихъ нътъ никакой системы при снятіи турфовъ, т. е. не содержащихъ золота пластовъ; эти наносы сваливаются грудами какъ попало, часто на мъста еще не начатыя, которыя становится оттого ръшительно недоступными. Они не ведутъ по нашему ни забоя, ни разръза, не подчищаютъ до породы пласта, а копаютъ землю зря, и дотъхъ-поръ копаютъ, пока она выручаетъ на работника до 6 р. с. въ день, какъ я сказалъ, потомъ идутъ дальше и опять дальше.

Ясно, что при такихъ работахъ, пласеры калифорнскіе еще не начаты, они ждуть еще труда организованнаго, а къ такому труду прійдуть адёсь, быть можеть, черезъ нёсколько десятковъ лётъ. И не смотря на такой безпорядокъ, не смотря на работы, которыя ведутся такъ не экономически, такъ не хозяйственно, Калифорнія дала въ 1853 году, по офиціальнымъ извёстіямъ золота, на 88,250,000 руб. сер., и это количество все увеличивается.

Здъсь не мъсто разсуждать о томъ переворотъ, который можетъ произвести на рынкахъ такое страшное разлитие металла, но какъ любопытный фактъ, приведу все количество золота, добытаго въ 1849 году въ странахъ, гдъ прежде производилась добыча его и въ Калифорнии въ томъ же году, т. е. въ первый послъ ен открытия, и въ 1853 году.

Страны, въ которыхъ до 1849 года производилась разработка, дали золота въ этотъ годъ на 60,000,000 р. с. Калифорнія въ 1850 году дала золота на 31,250, 00 р. с.

	91,230,000 p. c.
Въ 1853 году страны, прежде разработы-	Control of the contro
ваемыя дали золота на	75,000,000 p. c.
Калифорнія	88,250,000 p. c.
Автралія, въ томъ же году	103,000,000 p. c.
or upfar an owner-more, a strongward of	966 950 000 p. c

01 050 000

Пароксизмы золотой лихорадки въ Калифорніи начинають ослабъвать. Міста, въ которых есть знаки золота, извіданы: оні заключаются между 37 и 40 градусами сіверной широты и составляють длинную полосу, стиснутую горами Сіэрры Невады и холмистыми возвышенностями Калифорніи. Для яснійшаго понятія объ этих залеганіях золотоносных должно себі представить четвероугольник въ 175 версты на каждую сторону. По направленію къ долинам Сакраменто пласеры калифорнскіе называются сіверными, а по долинам ріжи С. Хуакима, они носять названіе южных Уисло золотопромышленников на всіх прінсках простирается, смотря по времени года, отъ 80 до 100 т. человінь.

Я назвалъ среднюю цифру, достающуюся на каждаго работника на золотыхъ промыслахъ Калифорніи; не повторяя баснословныхъ сказаній, разносимыхъ въ этомъ крат о добычт золота, достававшагося въ удтлъ счастливцевъ, которой свидетелемъ я не былъ, я приведу немногіе только примтры, какъ очевидный свидетель. На описываемомъ мною про-

Смюсь. 91

странствъ по ръкъ Юбъ, компанія Охайо, имъвшая 36 работниковъ т. е. 36 участковъ (claims) о которыхъ я говорилъ выше, по одному на работника, въ продолженіе встхъ лътнихъ мъсяцевъ, т. е. отъ апръля до октября, каждый день вымывала по 40 фунтовъ золота этимъ количествомъ людей!..

Иногда изъ одного таза земли, взятой въ руслъ отведенной ръчки, оказывалось на 100 и на 150 р. с. золота! Говоря о разныхъ способахъ, употребляемыхъ въ Калифорніи для промывки розсыпей, я забылъ упомянуть о самомъ простейшемъ. Каждый промышленникъ имеетъ жестяной тазъ, въ который онъ насыпаетъ землю, отправляется на рѣчку, и сидя на корточкахъ начинаетъ прополаскивать землю въ тазу, наполняя его въ уровень съ краями водою, и сливая ее безпрестанно при вращательномъ движенін таза. Крупную гальку, камешки, онъ сбрасываетъ руками, а муть, содержащая золото, осаждается на дно таза. Постепенно поворачивая тазъ и наливая воду съ большою осторожностію, работникъ наконецъ получаетъ на дит таза частицы золота. Этотъ способъ чаще всего употребляется для развъдки розсыпи; впрочемъ китайцы, отдёльно цёлыми сотнями проживающіе на прінскахъ, другаго способа и не имъютъ. Китаецъ очень доволенъ, если онъ можетъ добыть такимъ тазомъ 11/, р. с. въ день. Не имън никакихъ издержекъ, довольствуясь горстью риса, онъ совершенно счастливъ при такихъ ре-

Кромъ тъхъ калифорнскихъ золотоискателей, которыхъ толпа приходитъ на пласеры съ лопатой, кайлой да винтовкой, и отдъльно, всякъ
самъ по себъ взрываетъ розсыпи, для промывки собственно золотоносныхъ пластовъ, нътъ компаній; есть, какъ я уже сказалъ, небольшія
общины, но онъ не основаны на капиталахъ, на акціяхъ, на паяхъ.
Это горсти людей, соединившіяся на время въ товарищество, и расходящіяся по окончаніи работъ осенью, при наступающихъ дождяхъ, въ
разныя стороны, и такимъ-образомъ поперемънно работая то на южныхъ,
то на съверныхъ промыслахъ, смотря по времени года.

Разсказавъ о замысловатомъ способъ, которымъ американцы приводатъ воду на пріиски, нельзя не упомянуть о любопытныхъ работахъ ихъ при отводъ ръчекъ, заключающихъ золото въ руслахъ. Ръчка въ извъстномъ мъстъ преграждается плотиною, и такимъ образомъ ее измененное теченіе направляется на сплотки, неподалеку отъ прежняго русла. При крутомъ паденіи ръки такая работа не представляетъ неудобствъ и затрудненій. Такимъ-образомъ, брошенный на сплотки потокъ бъщено мчится, стиснутый въ узкомъ пространствъ. Мъстами, гдъ вода

просачивается слишкомъ сильно-разстилается парусина, во избъжаніе медленныхъ и безпрестанныхъ поправокъ. Черезъ нъсколько сотъ саженъ, ръчка снова впадаетъ въ свое ложе, а при впаденіи ея со сплотокъ, устроены мельничные колеса, приводящіе въ движеніе нѣсколько снарядовъ, откачивающихъ и отчерпывающихъ воду изъ бывшаго русла, въ которомъ производится разработка розсыпи. Смотря на легкость, на экспромтность этихъ работъ, нельзя не удивляться. Нътъ ни свай, ни жельзныхъ скобъ, ни скрвпленій, всв эти снаряды, колеса, откачивающія воду и день и ночь, словно вырѣзаны изъ картъ; самые сплотки изъ дощечекъ на легкихъ педставкахъ, -- а все стоитъ, и все движется, разумъется, до первыхъ дождей, отъ которыхъ ръка вырастаетъ на нъсколько саженъ въ крутыхъ берегахъ; къ этому сроку спішатъ все снять, сломать и убрать, чтобъ послё, когда воды вступять снова въ берега, все строить и приводить въ порядокъ снова. Разумъется также, что въ несколько часовъ является полное разрушение всехъ этихъ устройствъ, если не успъваютъ снять и убрать эти снаряды. Тогда любонытно смотръть, какъ по зодотоноснымъ площадямъ мчатся потокомъ вев рокеры, лонгтомы и ртутныя машинки, колеса, и вся утварь золотоискателей калифорнскихъ.

Съ открытіемъ золотоносныхъ розсыцей въ Калифорніи, въ Англіи. болъе же всего во Франціи составлялись огромныя золотопромышленныя компаніи на акціяхъ; эти компаніи отправляли въ Калифорнію многочисленныя партіи рабочихъ на фрахтованныхъ судахъ; посылали множество машинъ чугунныхъ и деревянныхъ для промывки золота, и какіе же были результаты всёхъ этихъ экспедицій — безъ исполненія? Партів работниковъ, приплывавшія изъ Европы, ступивъ на почву такой земли, гдъ съ нихъ спадала обязанность исполнять условія, заключенныя въ Европъ, весьма хорошо понимая, что они пріобрътуть гораздо больше выгодъ, работан каждый на себя, нежели за ничтожную плату, на которую они согласились, отправлянсь на судахъ, для нихъ фрактованныхъ въ Европъ-немедленно расходились во всъ стороны и оставляли навсегда компаніи, съ которыми заключали контракты; а машины и снаряды, выгруженные сперва на пристань, въ поеледстви сбрасывались въ воду, чтобъ очистить место; а некоторые изъ нихъ частями перевозимые на пласеры, оставлены среди дороги, гдъ и донынъ свидътельствуютъ о напрасной тратъ капиталовъ, принадлежавшихъ людимъ, не понимавшимъ дъла, за которое брались. Можво сказать, что всв эти компаніи умирали въ тотъ самый моменть, когда корабли ихъ бросали якорь въ заливѣ С. Франциско.

Также утвердительно можно сказать, что при этихъ неудавшихся спекуляціяхъ накто не получиль выгодъ, кром'є разв'є директоровъ (Directeurs gérants), оставшихся въ Европ'є.

Впрочемъ, изъ среды Калифорнскихъ золотоискателей, работающихъ на розсыпяхъ, всякъ для себя отдъльно, и снабженныхъ только лопатой, жестянымъ тазомъ, или снарядомъ, напоминающимъ колыбель, да всегдашнимъ товарищемъ-винтовкой, начинаютъ составляться огромныя компаніи для разработки кварцовъ; это такъ называемыя Gol-dhill quarts Сотрапіе; иногда онъ имъютъ капиталъ въ 11/2, и въ 2 миліона р. с. и производять разработку посредствомъ паровыхъ машинъ въ 25 силъ и болъе при 18 и 20 ступахъ, въ которыхъ дробится до 30 тоннъ въ день кварцу, т. е. до 1800 пудовъ. Есть машины въ 65 силъ при 10 ступахъ и пильной мельницъ. При всемъ неимовърномъ обогащении кварца, въ настоящее время такое производство не можетъ дать блистательныхъ результатовъ, затъмъ, что на кварцовыхъ машинахъ нельзя имъть поденнаго работника дешевле 10-12 р. сер. Не ръдко мнъ случалось видъть въ Калифорніи кварцы, дающіе съ каждаго фунта отъ 10 до 15 коп. сер. Нътъ никакого сомнънія, что блистательнъйшая доля Калифорніи хранится въ разработкъ кварцовъ, которая въ непродолжительномъ времени дастъ огромные результаты людямъ, имъющимъ капиталы и могущимъ выдержать колебаніе цень въ такой странь. каково новое Эльдорадо. Для достиженія такихъ результатовъ нужно дробить значительнейшее количество камия, и иметь работниковь за дешевую цену. И то и другое, при остывающей золотой лихорадке въ Калифорніи со временемъ возможно. По собраннымъ мною свъдъніямъ, оказалось, что содержаніе металла въ камит, въ Калифорніи. относится какъ 1: 22, 105. Обогащение же кварца въ Сибири, можно опредълить 1: 250,000, не болье. До сихъ поръ не пришло въ голову нашимъ золотопромышленникамъ толочь кварцъ въ большихъ размърахъ. Ничтожныя же количества, разбиваемыя иногда на пробу на нашихъ сибирскихъ промыслахъ, не могутъ дать ни какимъ убъжденій! Такой промысель могь бы явственнье указать на будущность Сибири, а при дешевизнъ нашихъ работъ, должно было бы ожидать блистательныхъ выгодъ.

Подъвзжая къ большой, продолговатой палаткъ, я увидълъ надпись: Bestaurant francais, а въ низу: French eating House, и остановился съ ноею партіей. Едва я усиълъ слъзть съ лошади, какъ услышалъ громкое привътствіе: «Вы ли это, комендантъ? Добро пожаловать!» Взглянувъ на человъка, который говорилъ со мною, я узналъ въ немъ ста-

раго матроса, давно оставшагося съ китоловнаго корабля въ Калифорніи. Старикъ, бывало, прітажаль въ кртпость Россъ за разными мелочами, въ которыхъ онъ нуждался, и получая отъ меня эти бездтлицы, почти всегда даромъ, показывалъ мит большую привязанность. Отправляясь изъ Калифорніи въ 1842 году, я оставилъ его въ бъдности; въ первые дни отрытія золота, ему посчастливилось невтроятно. Онъ первый открылъ розсыпь по р. Юбъ, и въ честь его дано названіе одному изъ пласеровъ Калифорніи. Это мъсто и до сихъ поръ извъстно подъ именемъ: Sicar-Bar, т. е. Розсыпь, площадь Сикара.

Съ толиой индъйцевъ, прежнихъ своихъ знакомыхъ, онъ успълъ добыть золота на 310 т. р. с. въ самое короткое время. Само собою разумъется, что при такой удачь явились пріятели, совътники, люди желающие добра, которые подбили старика стараго моряка, купить въ С. Франциско корабль, състь на него капитаномъ и отправиться въ Мехику за товарами, т. е. за сахаромъ, ромомъ, и проч., въчемъ тогда юная Калифорнія, дъйствительно, весьма нуждалась; кажется бы дъло и хорошее — привезти грузъ, и продать по баснословной цънъ?! Что же вышло? Пока ех-китоловъ, а нынъ капитанъ Сикаръ ходилъ съ своимъ кораблемъ въ Мексику, на что, не имъя достаточныхъ познаній въ дёль, употребиль невъроятно много времени, потому что всегда придерживался къ берегамъ и встръчалъ или маловътріе, или противные вътры, товаровъ, о которыхъ онъ хлопоталъ, навезено было цълыя горы на рынки С. Франциско, и когда онъ пришелъ въ портъ, цена на нихъ такъ упала, что Сикаръ долженъ былъ бросить, для удовлетворенія расходовъ на кораблів и команды своей-и грузъ, и корабль!

Съ остатками своей фортуны онъ возвратился на Юбу, устроилъ свою полотняную гостиницу, и ведетъ дъла, какъ можетъ, давая ночлегъ и объдъ промышленникамъ.

Я очень обрадовался старику, за то ли радушіе, съ которымъ онъ меня принялъ, или за воспоминанія, которыя онъ оживилъ во мнъ своимъ присутствіемъ.

Въ его палаткъ помъщалось все: и стойка, за которою продавались развородные напитки, отъ Абсента и Бранди до шампанскаго и даже оржада, и магазинъ, въ которомъ перетасованы были всъ припасы, словно въ нашей мелочной лавкъ, и зала объденная, и спальни для постояльцевъ и путешественниковъ.

Длинные, импровизованные изъ теса столы, обтянутые весьма истер-

Смпьсь. 95

тою клеянкой, стояли середи палатки; на нихъ подавался объдъ; по объимъ сторонамъ палатки устроены были въ три яруса койки для публики; весь этотъ рядъ постелей былъ завъшенъ ситцемъ. Я обратился къ Сикару съ вопросомъ: не можетъ ли онъ помъстить меня лучше въ своемъ уголкъ? «Помилуйте! комендантъ!.. Стыдно мнъ будетъ не угодить вамъ! Пожалуй-те за мною » И онъ повелъ меня въ домикъ, сдъланный изъ цинковыхъ листовъ. Зданіе это имъло въ длину 2¹/2 сажени, а въ ширину четыре аршина; два маленькіе окна съ одной стороны, и дверь съ другой. Внутри домъ этотъ раздълялся ситцевою перегородкой.

«Вотъ эта половина ваша,» сказалъ мнъ Сикаръ, а въ другой живетъ m-me la Vicomtesse de С. m. р. а.»

Такое аристократическое сосъдство ни сколько не удивило меня, за тъмъ что я уже освоился съ занятіями парижскихъ барынь, пріъзжающихъ на промыслы въ Калифорнію.

Почти четыре мъсяца цровелъ я въ этомъ тъсномъ домикъ, отдъленный отъ миловидной виконтессы только ситцевою занавъской. Странное дъло! Мы были близко, и очень далеко другъ отъ друга; можно сказать, видълись только нъсколько разъ. Сосъдка моя возвращалась домой, имъя постоянное засъдание за trente et quarante, въ 2., въ 3 часа ночи. Но, я не стану утомлять читателя этимъ эпизодомъ въ истории моихъ странствований.

На другой день товарищъ мой взялъ съ собою француза, который объщалъ намъ указать груды золота, отправился для осмотра мъстностей въ верхъ по Юбъ до Доневиля, а я остался на Сикаръ-Баръ. Желая дождаться возвращения его, чтобъ тогда уже приняться за дъло, я успълъ на столько познакомиться съ розсыпями Юбы, что убъдился въ безполезности искать другаго, лучшаго мъста.

Однажды старинъ Сикаръ вошелъ ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ и сказалъ, что на нашемъ баръ происходитъ судъ Линча (Lynch Law;) что, нъсколько дней тому назадъ, украдена была лошадъ у одного изъ промышленниковъ, и что вора схватили и судятъ.

Я поспешиль въ ту палатку, где происходило заседание. Въ пространномъ шатре прежде всего бросилось мне въ глаза великое множество разставленныхъ напитковъ всехъ сортовъ на стойке, потомъ везде стояли игорные столы, а кругомъ скамьи. На этихъ столахъ и скамьяхъ сидели и лежали, въ разныхъ положенияхъ и эрители, и судъи. На одной изъ лавокъ сиделъ подсудимый съ завязанными веревкою руками. После долгихъ речей и преній за и противъ вора, онъ приго96

воренъ былъ къ смерти. Вдругъ одинъ изъ ораторовъ обратилъ вниманіе на молодость преступника и сказалъ публикъ: «Не лучше ли отмътить его такимъ пятномъ, которое навсегда ему помъщаетъ къ намъ возвратиться, нежели лишить его жизни? Онъ можетъ исправиться; а потому я предлагаю отръзать ему... ухо!»

«Уея! Уея!» раздалось со всёхъ сторонъ; и преступнику, подъ открытымъ пебомъ, черезъ нёсколько минутъ отрёзали правое ухо и тотъ же часъ отпустили на волю.

За симъ судьи (Jury) и зрители отправились снова въ палатку, и скоро загремъла на возвышении музыка, и зазвенъло золото на игорныхъ столахъ!.. Я не могъ никогда равнодушно смотръть на этотъ открытый разбой, и мнъ всегда хотълось проговорить въ этомъ сборищъ ръчь, въ которой бы я непремънно предложилъ отръзать уши всъми банкометамъ калифорнскимъ.

data and provide the contract of the contract

AR ASSECTOR AND MANAGEMENT AVAILABLY VALUE OF STATE OF ST

and light of the exercise a secretary, as well on among an ancient

notatigor mark mach at the construction of proposition of the construction of the cons

autorite aminestation as the ne discuss a quality and a larger than

are, diseased to the first are represented by the course of the contract of the course were

. - ofto - all consistent accioussom the granding of an accious to a consistency consistency account which accounts of the constant of the con

ATTREZO G MENTERAL OGON OTE U JERUSHMENDERSKOTH

Lienchart erst ein annarier a antoniere erst einer an arrange eine Lere find an.

The art informer, to the the analysis of the control of the following the control of the control

прежняя и ныньшняя турція.

исторический взглядъ на константинополь.

Въ половинъ седьмаго столътія до Р. Хр., увеличившееся народонаселеніе Мегары заставило н'єсколько семействъ, подъ предводительствомъ Византа, покинуть свое отечество и поселиться на чужбинъ. На пути своемъ чрезъ Грецію, Византъ спросиль оракула, гдв ему съ своими спутниками построить городъ. Оракуль совътоваль ему поселиться противъ «града слъпцовъ.» Не зная гдъ искать указаннаго оракуломъ мъста. Византъ отправился по тому-же пути, по которому еще лътъ за тридцать его соотечественники достигли азіятскаго берега Проионта и основали тамъ городъ Халкидонъ. Чрезъ Геллеспонтъ онъ достигь входа во фракійскій Босфоръ; здёсь онъ увидель Халкидонъ, лежавшій при мелкой и открытой для всехъ ветровъ бухть. Напротивъ же Халкидона, на европейскомъ берегу, Византъ нашелъ столь удобное мъсто для постройки города, какое могъ только желать. Это быль постепенно возвышающійся полуостровъ, съ запада омываемый Пропонтомъ, а съ съвера, далеко вдающимся въ материкъ, заливомъ, представлявшимъ удобную и закрытую отъ всёхъ вётровъ гавань. Тутъ Византъ увидълъ, что это то самое мъсто, на которое указалъ оракулъ; Халкидоняне действительно могли быть названы слепцами, потому что не могли оцфиить всфхъ его преимуществъ предъ своимъ городомъ. Византь, не задумываясь болье, построиль туть городь, который, при своемъ счастливомъ положеніи, скоро пришелъ въ цвътущее состояніе, и въ честь своего основателя быль названъ Византіею.

Основанный Византомъ городъ не долго пользовался спокойствіемъ: богатство скоро привлекло къ нему непріятелей, и еще при жизни Византа, жители должны были отражать нападенія хищныхъ сосъдей.

При походъ Дарія Гистаспа на Грецію, Византія вполовину покинутая жителями, была покорена Персами. Послъ же Саламинской и Платейской битвъ, Персы были изгнаны спартанскимъ царемъ Павзаніемъ, который присоединилъ Византію къ Спартъ. Потомъ она нъсколько разъ переходила въ руки то Спартанцевъ, то Авинянъ, пока при Тразивулъ не сдълалась независимою. Но ея цвътущее состояніе сдълало ее опять предметомъ зависти завоевателей и навлекло на нее несчастія. Филиппъ Македонскій, распространяя свои владънія, хотълъ покорить также и Византію, но ея жители, съ помощію авинянъ, разрушили всъ его замыслы. Когда Филиппъ увидълъ невозможность покорить Византію въ открытой битвъ, то задумалъ овладъть ею хитростью. Для этого онъ 98 Смњев.

подступилъ къ городу въ темную ночь, и хотель взять его внезапнымъ нападеніемъ, но когда онъ находился недалеко отъ городскихъ стенъ, то вдругъ изъ-за тучъ показалась луна и осветила войско Филиппа. Осажденные, во-время увидевъ опасностъ, приготовились къ обороне, и Филиппъ долженъ былъ оставить свой коварный замыселъ. Византійцы приписали свое освобожденіе чудесному вмёшательству Діаны, признали ее избавительницею города и изобразили ее нодъ символомъ полумёсяца. Оттого на древнихъ византійскихъ монетахъ встречается полумёсяцъ съ звёздою надъ нимъ и надписью «Покровительница Византіц.» Такъ, полумёсяцъ былъ гербомъ города еще въ самыя отдаленныя времена, нотомъ былъ оставленъ и при Константине, а въ послёдствіи, при по-кореніи Константинополя турками, сдёлался девизомъ турокъ.

Послъ многихъ войнъ за свою независимость, Византія обратила на себя вниманіе римлянъ, сдълалась ихъ союзницею, и въ войнахъ съ Филиппомъ, отцемъ Персея, Антіохомъ и другими соединяла свои войска съ римскими легіонами, и была признана сенатомъ свободнымъ городомъ. Союзъ съ Византіею былъ весьма важенъ для римлянъ, какъ по ея богатству, такъ и потому что она была ключемъ Азіи.

Въ споръ между Септиміемъ Северомъ и Песценіемъ Нигромъ, Византія приняда сторону посл'єдняго; она была въ то время единственнымъ городомъ въ Европъ, который не призналъ Севера императоромъ. Послъ смерти Нигра, Северъ осадилъ Византію; въ теченіе трехъ лътъ она мужественно отражала его нападенія. Когда-же всѣ средства къ защитѣ были истощены, то осажденные бросали въ непріятелей лучшими произведеніями искусствъ, женщины жертвовали своими волосами для сплетенія веревокъ, и умоляли своихъ мужей и сыновей лучше погибнуть на станахъ города, нежели сдаться. Но въ города открылся голодъ, оставалось питаться только трупами убитыхъ, и Византія должна была сдаться побъдителю. Северъ ръшился примърно наказать Византію за ея отчаянное упорство: она была разорена, ствны разрушены, лучшая часть народонаселенія истреблена, и чтобъ лишить ее возможности снова притти въ цвътущее состояние, у нея отняты были всъ ея привилеги, и она лишена даже названія города. Однако въ последствіи, по неотступнымъ просъбамъ Каракаллы, Северъ даровалъ ей опять ея прежнія права, и она снова начала медленно поправляться, какъ вдругъ неожиданное событіе сдълало ее столицею новой христіанской Римской Имперіи.

Когда Константинъ побъдилъ послъдняго изъ своихъ соперниковъ, добивавшихся престола, то первою его мыслію было основать новую столицу для образованнаго имъ христіанскаго государства. Впрочемъ мысль о перенесеніи столицы была не новою въ Римъ во времена Кон-

Смъсъ. 99

стантина: она существовала еще при Кесаръ и даже при Августъ. Константинъ же, принявъ христіанскую въру и открыто защищая ее, не могъ свободно дъйствовать въ Римъ, который былъ колыбелью языческаго върованія, учрежденій и обычаевъ; для свободы дъйствія ему нужна была новая мъстность имъ самимъ организованная. Первоначально онъ обратилъ вниманіе на Трою, но потомъ увидёль, что всё преимущества, для основанія столицы, находятся на сторонт Византіи, которую было легко защитить отъ непріятельскихъ нападеній и которая такъ удобна была для торговли, какъ можно было только желать. Она находилась въ виду Азін, недалеко отъ Африки, чрезъ Геллеспонтъ она представляла удобное сообщение съ землями, лежащими по Средиземному морю, а чрезъ Босфоръ съ Чернымъ моремъ; притомъ въ благорастворенномъ климатъ и волизи хлъбородныхъ земель. Ко всему этому присоединялась лучшая изъ всёхъ извёстныхъ тогда гаваней, съ давнихъ временъ посёщаемая судами всёхъ народовъ и по изобилію привозимыхъ въ нее товаровъ, названиая Золотымъ Рогомъ. Отсюда онъ могъ бдительнъе наблюдать за персами и варварами, дълавшими частыя нападенія на имперію.

Чтобъ назначить предълы, которые долженъ былъ занять городъ, Константинъ, съ коньемъ въ рукъ, шелъ въ торжественной процессіи впереди работниковъ, и путь его означаль черту городскихъ стънъ. Въ черту города вошли шесть холмовъ, на которыхъ раскинулся новый городъ, названный Константинополемъ. Для постройки зданій были вызваны искуснъйшіе архитекторы изь Италіи и Греціи. Въ строительныхъ матеріялахъ не могло быть недостатка; съ одной стороны леса, покрывавшіе вершины Балкановъ, могли быть сплавляемы къ городу по теченію воды въ нѣсколько часовъ, съ другой стороны, острова Мраморнаго моря, лежащіе въ самомъ близкомъ разстояніп, доставляли неистощимый запасъ мрамора. Для украшенія города были свезены произведенія искусствъ со всего государства. Число ихъ было такъ велико, что, напримъръ, купальни Цейксипа были украшены **тестью-десятью** бронзовыми статуями; гипподромъ или ристалище было уставлено целымъ лесомъ статуй и колоннъ. По непоколебимой воле императора, какъ волшебствомъ, возникли два театра, циркъ, восемь общественныхъ и до ста пятидесяти частныхъ купалень, пять хлъбпыхъ магазиновъ, восемь водопроводовъ и водохранилищъ, четыре зданія для собраній сената и судилищь, четырнадцать церквей, столько же дворцовъ, до четырехъ тысячъ четырехъ сотъ богатыхъ жилищъ для вельможъ. Замъчательнъйшимъ же памятникомъ вновь построеннаго города, была колонна изъ краснаго порфира, на пьедесталъ изъ бълаго мрамора.

Льть ето спусти посль Константина Великаго, при Осодосіи млад-

100 Смпсь.

шемъ, Константинопольскія стѣны были распространены до того объема, который онѣ имѣютъ въ настоящее время. При этомъ случаѣ и седьмой холмъ вошелъ въ черту города, такъ что теперь новый Римъ подобно старому, былъ расположенъ на семи холмахъ. Городъ имѣлъ въ объемѣ до одной и трехъ четвертей нѣмецкихъ миль, и образовалъ треугольникъ, котораго двѣ стороны, омываемыя водами гавани и Пропонта, почти ровны и немного длиннѣе третьей, ограничивающей его съ сухаго пути.

Слухъ о богатствъ Константинополя и изнъженности его жителей, вскоръ сталъ привлекать опять къ нему непріятелей. Въ 616-мъ году нерсы, достигнувшие до входа въ Босфоръ, хотъли завладъть этимъ складочнымъ мъстомъ произведеній трехъ частей свъта. Льтъ десять спустя, подъ его ствнами появились авары, а потомъ онъ долженъ былъ отражать нападенія съ суши и моря аравійскихъ халифовъ, продолжавmіяся до Гаруна-аль-Рашида (809). Уже въ то время безсиліе императоровъ было такъ велико, что они должны были дозволить магометанамъ свободное отправление ихъ богослужения въ Константинополъ и построить имъ мечеть въ самомъ городъ, недалеко отъ дворца и близъ церкви св. Ирины. Въ 764 году, онъ былъ осажденъ Болгарами, а въ 811 Славянами. Но въ особенности онъ много страдалъ отъ частыхъ внутреннихъ возстаній, пожаровъ и грабежей, которыми сопровождались возшествія на престолъ императоровъ и разные религіозные споры. Кромъ того Константинополь былъ предметомъ нападеній не съ цълію завоеваній, а собственно для добычи. Сюда относятся походы славянъ. которые на своихъ легкихъ ладьяхъ переплывали Черное море и неожиданно появлялись у Константинополя. Особенно замъчателенъ походъ Олега, который будучи недоволенъ скудными дарами славянъ, предпринялъ походъ на Константинополь. Въ 904 году, онъ появился въ Босфоръ. Греки думали видъть себя безопасными, потому что гавань была заперта цъпью; но воины Олега подступили съ сухаго пути, и привели въ ужасъ всю столицу. Греки сившили заключить миръ, предложивъ богатые дары, на что Олегъ согласился, а въ знакъ побъды прибилъ свой щить на городскихъ воротахъ. При этомъ случав между Россією и Греціею быль заключень торговый трактать, выгодный для Руси. Этотъ трактатъ сохранился до настоящаго времени и есть древнъйшій памятникъ русской дипломатики.

Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, Константинополь былъ зрителемъ событія весьма замѣчательнаго для Руси. Княгиня Ольга, мать Святослава, ознаменовавшая себя дѣлами мудраго правленія въ 957 году, пръбыла въ Константинополь, и по собственному убѣжденію приняла христіанскую

Смпось. 101

въру. Крестилъ ее патріархъ Поліевктъ, а воспріемникомъ отъ купели былъ императоръ Константинъ Багрянородный. Преданіе говоритъ, что будто Константинъ такъ плънился красотою Ольги, что предложилъ ей свою руку, но она отказала ему, напомнивъ о связывающемъ ихъ духовномъ родствъ. Впрочемъ это чистый вымыселъ, потому что Ольга была тогда уже лътъ шестидесяти.

Въ конць одиннадцатаго стольтія, вст умы въ Европь были взволнованы призывомъ простаго монаха Петра Пустынника, проповъдывавшаго походъ противъ невърныхъ магометанъ, во власти которыхъ находился гробъ Господень. Къ нему присоединились рыцари и вст свободные люди. Огромпыя полчища, безъ всякой военной дисциплины, отправились на востокъ, куда влекли ихъ болье баснословныя его богатства и слухи о роскошной его природъ. Сборнымъ мъстомъ былъ назначенъ Константинополь. Византійскій императоръ, Алексій Комненъ, испугался, увильть, въ предълахъ своей имперіи латиновъ, которыхъ грабежи и безчинства приводили въ ужасъ даже столицу. Однако же, хитростью ему удалось избавиться отъ этихъ крестоносцевъ, переправивъ ихъ на азіятскій берегъ, гдъ почти вст они погибли въ битвахъ съ мусульманами. Это было только начало тъхъ несчастій, которыя долженъ былъ претерпъть Константинополь отъ крестоносцевъ.

Императоръ Исаакъ II Ангелъ былъ сверженъ съ престола братомъ своимъ Алексвемъ, а потомъ ослвиленъ и заключенъ въ темницу. Сынъ несчастнаго Исаака обратился съ просьбою о защитъ противъ похитителя престола, къ папъ Иннокентію, но не получивъ отъ него никакой помощи, прибъгнулъ къ крестоносцамъ, собравшимся въ Венеціи. Набожные рыцари сначала отказались помочь ему, они говорили, что цёль ихъ есть избавленіе гроба Господня изъ рукъ невърныхъ, и что исполненіе столь важнаго діла не можеть быть отложено для мірскихъ нуждъ, но богатыя объщавія убъдили крестоносцевъ вступиться за Исаака. Многочисленный венеціянскій флоть, подъ предводительствомъ дожа Дондоло, остановился 23 Іюня 1203 года у Халкедона, а 6 Іюня сорокотысячная армія крестоносцевъ переправилась на европейскій берегь. Здісь крестоносцы встрътились съ греческою арміей, состоявшей изъ семидесяти тысячь человъкъ, но греки, не смотря на свою многочисленность, отступили послъ короткаго сопротивленія, и Алексьй III бъжаль чрезъ нъсколько дней, захвативъ съ собою какія только могъ богатства.

Когда бъгство Алексъя сдълалось извъстнымъ, то Исаакъ былъ выведенъ изъ темницы и онять провозглашенъ императоромъ. Теперь нужно было расплатиться съ крестоносцами за оказанную ими услугу, которые расположились лагеремъ по ту сторону гавани, въ ожиданіи

исполненія объщанныхъ условій. Юный Алексъй, раздълившій власть съ своимъ родителемъ, не могъ выполнить ихъ, имперія находилась тогда въ истощенномъ состояніи. Тогда крестоносцы вполнъ обнаружили свою хищность; они только искали случая, чтобъ ограбить Константинополь, и этотъ случай вскоръ имъ представился. Жители Константинополя, недовольные Исаакомъ и Алексъемъ, за ихъ приверженность къ крестоносцамъ, умертвили ихъ. Императоромъ былъ провозглашенъ Алексъй Духа Мурзуфлъ, который хотълъ защитить имперію отъ пришельцовъ, но они подъ видомъ мщенія за цареубійство, штурмомъ взяли Константинополь.

Злодъянія, послъдовавшія за взятіемъ Константинополя—неизгладимое пятно въ исторіи крестоносцевъ. Въ то время городъ имель до двухъ милліоновъ жителей. Въ немъ заключалось все, что было прекраснаго въ произведеніяхъ искусствъ, словесности и наукъ того времени; большею частію все это погибло при взятіи его и въ последовавшихъ за тъмъ грабежахъ и пожарахъ. Собираемое въ теченіе стольтій, было уничтожено въ нъсколько дней. Грубыя души ихъ, говоритъ историкъ, были нечувствительны къ изящному, опи были поражены только матеріяльнымъ великольніемъ Константинополя. Тысячи беззащитныхъ гражданъ, безъ различія возраста, пали подъ мечемъ непріятелей, предавшихся всякаго рода неистовствамъ; въ тоже время цёлыя части города были преданы пламени. Даже не была пощажена церковная утварь: сосуды употреблялись вижето пиршественныхъ чашъ, иконы ограблены, церковныя ризы употреблялись на чепраки. Но побъдители не довольствовались собранною добычею въ теченіе осьмидневнаго опустошенія, они завладели и самымъ государствомъ; на византійскій престоль быль возведенъ Балдуинъ Фландрскій. Ему была отдана четвертая часть имперіи и столица, остальныя же части разділены на ленномъ праві: между другими предводителями. Но латинскіе государи удержались на престоль неболье пятидесяти семи льть; внутренніе раздоры, войны съ болгарами, а также успъхи Греческой имперіи, основанной въ 1207 году. Осодоромъ Ласкарисомъ, скоро ограничили владенія ихъ только однимъ Константинополемъ.

Слабое правленіе и порочное поведеніе латиновъ породило къ нимъ народную ненависть грековъ. Этимъ воспользовался одинъ благородный грекъ, Алексъй, полководецъ Михаила Палеолога, вънчаннаго въ 1259 году въ Никомедіи императоромъ, кототорый съ немногочисленными силами появился вблизи столицы. Жители, ненавилъвшіе латиновъ, присоединились къ нему, и на улицахъ раздались восклицанія въ пользу Михаила Палеолога. Настигнутый въ расилохъ, слабый Балдуинъ Побжалъ въ Италію, гдъ и умеръ лътъ черезъ тринадцать.

Возстановленіе Греческой имперіи не повлекло за собою искорененія господствовавшихъ въ ней пороковъ, и ни одинъ изъ императоровъ не могъ возстановить падающаго могущества. Окруженная со всъхъ сторонъ врагами, внутри раздираемая раздорами о престолонаслъдіи и религіозными спорами, имперія находилась въ самомъ изнеможенномъ состояніи. Только науки, не смотря на падающее могущество, оставались неоспоримымъ украшеніемъ столицы и ея властителей.

Между тъмъ въ малой Азін образовался народъ, который успъхами своего оружія навель вскор'в страхь на всю Европу: это османскіе турки. Они скитались по берегамъ Оксуса, по ту сторону Каспійскаго моря, приняли исламъ и были данниками Сельджуковъ. Первый князь этого племени, сдълавшійся независимымъ по наденіи царства Сельджуковъ, около 1300 года, былъ Османъ. Пресмники его приняли титулъ султановъ, и въ теченіе одного стольтія распространили свое господство отъ Евфрата до береговъ Дуная. Они владъли Оракіею, Сербіею, Оессалією и Македонією, когда Баязедъ вздумалъ принудить Константинополь къ сдачъ голодомъ. Императоръ Мануилъ искалъ помощи у западныхъ государей. Папа объявилъ крестовый походъ противъ турокъ, въ которомъ принялъ живое участіе Венгерскій король Сигисмундъ, видъвшій, что отъ паденія Константинополя зависить участь его собственнаго государства. Онъ собралъ мночисленное христіанское ополченіе и двинулся противъ Баязеда, но былъ разбитъ наголову при Никополисъ, и съ нимъ рушились всъ надежды христіанъ. Баязедъ осаждалъ Константинополь до 1402 года. Греческая имперія казалась близкою къ паденію, и только появленіе монголовъ, подъ предводительствомъ Тимура, отдалило это паденіе еще на нісколько времени. Но до снятія осады, Императоръ долженъ былъ согласиться на унизительныя условія: отвести туркамъ для жительства особый кварталъ, дозволить имъ судиться своимъ судомъ и построить мечеть. Не знавшій себъ соперника, Банзедъ былъ побъжденъ монголами, и умеръ у нихъ въ плену.

Наконецъ явился Магометъ II, сынъ Мурада II. Мысль о покореніи Константинополя не оставляла его ни днемъ, ни ночью; онъ изыскивалъ для этого всевозможныя средства, и все болъе и болъе окружалъ Константинополь своими завоеваніями. Въ Адріанополъ вельль онъ вылить, подъ надзоромъ венгерскаго литейщика, три огромныя стънобитныя пушки, бывшія потомъ ужасомъ враговъ и уцълъвшія на дарданельскихъ укръпленіяхъ до настоящаго времени. Западные христіане, видя близкое паденіе государства христіанъ восточныхъ, не подали ему никакой помощи и ограничились однъми сожальніями.

Походъ начался въ февралъ 1453 года, когда Магометъ II тронул-

104 Смись.

ся изъ Адріанополя со всёми осадными орудіями. Всё взоры были обращены на огромную пушку, которую везли пятьдесять паръ воловъ. Для постройки мостовъ и устройства дорогъ предшествовали двъсти піонеровъ и до пятидесяти разныхъ мастеровыхъ. Не смотря на всѣ эти приготовленія, два мъсяца нужно было употребить, чтобъ провести ее по дорогъ, для которой нужно было неболье двухъ дней. Между тъмъ турки опустошали окрестности Константинополя и завладели почти всеми укръпленными мъстами, исключая Селимбріи, которая не сдавалась, хотя всемь, защищавшимь укрепленныя места и оказывавшимь сопротивленіе, отрубали головы. Втораго апраля самъ султанъ выступилъ съ войскомъ изъ Адріанополя, и чрезъ четыре дня обложиль Константинополь съ сухаго пути 200,000 армією. Огромную пушку направили противъ воротъ св. Романа, которыя отъ того и въ настоящее время называются «Топъ Капусси», (пушечныя ворота). Вся турецкая армія состояла изъ 258,000 человъкъ, изъ которыхъ 100,000 было конницы; во флотъ было всего до четырехъ сотъ двадцати судовъ разной величины, которыми командовалъ ренегатъ Балта-Оглы.

Этимъ огромнымъ силамъ Константинополь могъ противупоставить только двойныя городскія стѣны, наружныя въ десять футовъ, а внутреннія въ двадцать футовъ толщиною и около пяти тысячъ вооруженныхъ грековъ. Къ этому присоединились до 2000 чужеземцевъ и 500 генуэзцевъ, подъ предводительствомъ кондотьери Джустиніани. Артиллеріею и инженерною частію распоряжался нѣмецъ Грантъ; гавань защищалъ собранный на скорую руку флотъ, состоявшій только изъ четырнадцати кораблей.

28 мая, султанъ раздълилъ свои полчища для штурма на три части. Первая часть состояла изъ рекрутъ и инвалидовъ, вторая изъ войскъ, пришедшихъ изъ Анатоліи и Румеліи, третья изъ зерна арміи, янычаръ; флотъ же обложилъ городъ съ моря. Вечеромъ того же дня, императоръ увъщевалъ храбръйшихъ и надежнъйшихъ защитниковъ къ предстоящей битвъ и самъ со многими придворными причастился св. Тайнъ въ церкви св. Софіи. Потомъ императоръ объъхалъ городскія стъны, уговаривалъ всъхъ исполнить свой долгъ, и при первомъ пъніи пътуха былъ на своемъ обыкновенномъ мъстъ, у воротъ св. Романа, на которыя былъ назначенъ главный приступъ. Подлъ него былъ Джустиніани съ тремя стами избраннъйшихъ генуэзцевъ. У слъдующихъ къ гавани воротъ командовали генуэзцы, Павелъ и Антоній Бохіарди; ворота, называемыя теперь Эгри-Капу, защищали Феодоръ изъ Каристоса и нъмецъ Іоганъ Грантъ, а крайнюю оконечность у гавани, прибывшій изъ Рима для переговоровъ о соединеніи восточной церкви съ западною,

Смъсь. 105

кардиналъ Исидоръ. Италіянцы защищали императорскій дворецъ. Въ гавани распоряжался великій адмиралъ Лука Нотарасъ; отъ оконечности нынъшняго сераля до Селимбрскихъ воротъ, стъны охранялись венеціянцами, генуэзцами и испанскимъ консуломъ Педро Джуліани, а отсюда до воротъ св. Романа, Ософиломъ Палеологомъ, вторымъ грекомъ между всеми предводителями. Съ первыми солнечными лучами приступъ, который былъ отраженъ съ урономъ для осаждающихъ. При гром'в пушечныхъ выстр'вловъ, раздавшихся въ одно время съ батарей и судовъ, онъ былъ опять возобновленъ съ сухаго пути. Позади турецкаго войска были поставлены наблюдатели, которые должны были гонять нерасторонныхъ желъзными прутьями, самъ же султанъ воспламеняль свои войска ласками и угрозами и наконець, чтобъ окончить битву решительнымъ ударомъ, ввелъ въ дело янычаръ. Въ эту важную минуту Джустиніани быль легко ранень въ руку и ногу, и оставиль свой ность и товарищей, чтобъ переправиться въ Галату для перевязки ранъ. Пикакія просьбы императора не могли его убъдить остаться, его отсутствіемъ распространилась робость между находившимися подъ его начальствомъ войсками, и тридцати янычарамъ удалось взобраться на стъну. Осажденные, однако же, дали имъ столь удачный отпоръ, что они частію были побиты, частію прогнаны, какъ вдругъ разнесшійся ложный слухъ, что турки вторгнулись въ гавань, привель всёхъ въ ужасъ. Всъ бросились бъжать съ городскихъ стънъ, не смотря убъжденія Императора, который видя, что все потеряно, бросился толоу непріятелей съ восклицаніемъ: «Лучше умереть, чъмъ и паль геройскою смертію.

Побъдители вступили въ городъ безъ всякаго сопротивленія и рас пространили въ немъ смерть и опустошеніе. Гарнизонъ бъжалъ къ гавани, откуда нъкоторымъ удалось спастись на греческихъ и генуэзскихъ судахъ. Жители же бросились въ Софійскій соборъ, гдъ патріархъ совершалъ литургію, и заперлись въ немъ. Запертыя двери храма были сбиты, его драгоцънности разграблены. Христіане же, искавшіе въ немъ убъжища, или побиты, или обращены въ рабство. Когда турки узнали о малочисленности населенія, то убійства были прекращены, чтобъ получить болъе невольниковъ. Въ полдень самъ султанъ, окруженный сановниками и тълохранителями, вътхалъ въ покоренный городъ, и прямо отправился въ храмъ св. Софіи. Вошедъ въ него, онъ былъ пораженъ его величіемъ, и собственнымъ мечемъ наказалъ наглость солдата, хотъвшаго, въ его присутствіи, разломать мраморный полъ. Храмъ св. Софіи, съ большею частію христіанскихъ церквей, былъ обращенъ въ мечеть. Между тъмъ было отыскано тъло злополучнаго императора

106 Смњев.

Константина XI, узнанное по вышитому золотомъ орлу на его обуви. Голова его цълый день была выставлена на порфировой колонить, а потомъ послана напоказъ по азіатскимъ городамъ; тъло же отдано для погребенія грекамъ. Многіе знатные греки, принимавшіе участіе въ защитъ, а также попавшіеся въ плънъ чужеземцы, были предаваемы казни въ теченіе трехъ дней. Потомъ султанъ приказалъ войску и флоту, обремененнымъ огромною добычею и невольниками, удалиться, первому въ Адріанополь, а послъднему по направленію къ Азіи.

Такъ какъ хорошо защищенное и обитаемое генуэзцами предмъстіе Галата сдалось на капитуляцію на пятый день послѣ покоренія Константинополя, то оно не было разграблено, и жители его остались свободными и сохранили свое имущество. Также дано дозволение возвратиться въ городъ и грекамъ, избъгнувшимъ рабства и даже объщана защита. Городъ, изъ котораго до 60,000 жителей всякаго званія было обращено въ рабство, вельно опять заселить, и укрышленія его возстановить. Жителямъ Оракіи приказано селиться въ опустъвшемъ Константинополь, и изъ нихъ до 10,000 семействъ силою были въ него переведены. Но въ особенности народонаселение Константинополя увеличилось уже при Селимъ I, когда онъ далъ въ немъ убъжище евреямъ, выгнаннымъ инквизицією изъ Испаніи. Впрочемъ и евреп, съ своей стороны принесли много пользы Константинополю. По покоренія его турками, вев ремесла и торговля почти вовсе въ немъ не существовали, потому что турки, не имъя ни охоты, ни способностей заниматься промышленостью, оставили ихъ на произволъ судьбы. Евреи же, отъ природы надъленные ловкостью и дъятельностью, занялись торговлею и промышленостію и поддержали ихъ. Уже въ последствіи, греки и армяне стали ихъ соперниками на этомъ поприщъ, и евреи должны были раздълить съ ними выгоды своего положенія.

Вообще должно сказать, что Магометь II, избравъ Константинополь своею столицею, старался сохранить его оть разрушенія при послѣдовавшемь за взятіемь его грабежь и пожарь, и взятіе города турками не было для него такъ гибельно, какъ при покореніи его латинами. Но съ особеннымъ сожальніемъ должно упомянуть о превращеніи нъкоторыхъ христіанскимъ храмовъ въ магометанскія мечети, а другихъ въ зданія совершенно противныя первоначальному назначенію: такъ въ церкви св. Іоанна Богослова помъщенъ былъ звърпнецъ. Магометь и его преемники украшали городъ новыми зданіями во вкусъ и обычаяхъ господствовавшаго въ немъ народа, сообразныхъ съ магометанскою религією, такъ что Константинополь изъ христіанскаго города вскоръ обратился въ восточно-мусульманскій.

COBPEMENHOE.

adour de la composition de la composit La composition de la La composition de la

make a particular absorber and an interest of the control of the control of the control of

gode Schot Belog (157 km / Tapi p.) 1970 will be strong a straigh-

ПИТЕРАТУРА: Маркиза Сабле и дитературные салоны XVII стольтія (Статья Виктора Кузена). — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСНУССТВА Эдмондъ Кинъ и мистрисъ Сидонсъ. — Новый плафонъ Энгра. — Девятая симфонія Бетговена. — Пьеса, данная по случаю. ОТ-КРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Обозръніе успъховъ астрономіи и физическихъ наукъ въ 1853 и 1854 годахъ. — Ловля китовъ посредствомъ электро-магнитизма. — Инфузоріи въ воздухъ. — Новый металлъ. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗА-МЕЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАЙ, ПУТЕШЕСТВІЯ: Жизнь въ Альпахъ. — Публичное воспитаніе въ Турціи. — Соперникъ Ко-и-нура. — Торговля волосами. — Странныя случайности жизни. — Страсть къ танцамъ. — Дунукъ-Дашъ, гробница Сарданапала близъ Торса. — Скала Инга-Чангама. — Огромное дерево. — Новый журналъ. — Ужасный обычай въ Остъ-Индіи. — Откупъ пгорныхъ домовъ. — Развалины Акаркура. — Лиссабонъ (изъ записокъ путе-шественника).

І. ЛИТЕРАТУРА.

A was to the second of the sec

маркиза Сабле и литературные салоны XVII стольтін (статья Виктора Кузена). Маркиза Сабле представляеть образець женскаго ума и утонченнаго образованія въ первой половинь XVII въка. Въ ней нътъ красоты г-жи Монбазонъ, смълости г-жи Шеврёзъ, таланта приннессы Налатинской, добродьтели г-жи Рамбулье, граціи г-жи Лонгвиль, геніяльности г-жи Севинье; но она обладала въ высшей степени тъмъ, что называли тогда любезностью обращенія (galanterie). Маркиза Сабле обладала счастливымъ соединеніемъ разсудительности, ума, веселья и доброты. Въ этомъ заключалось ея главное достоинство, и поэтому она занимала такое значительное мъсто въ обществъ своего времени, чрезвычайно замъчательномъ.

Жизнь г-жи Сабле раздѣляется на два періода: въ первомъ она является свѣтскою женщиной съ блистательными, изысканными манерами, живетъ возлѣ Лувра; во второмъ періодѣ она удаляется въ предмѣстье Сен-Жакъ, въ Пор-Ройяль, и съ этого времени становится извѣстною своимъ вліяніемъ на литературу; въ салонѣ ея болѣе чѣмъ когда нибудь стекается лучшее парижское общество, и онъ дѣлается двигателемъ новаго рода литературы.

Магдадина Сувре были дочь Эгидія Сувре, маркиза де-Куртанво, послідовавшаго за герцогомъ Анжуйскимъ въ Польшу, находившемся въ сраженіи при Кутра, и оказавшаго значительныя услуги Генриху IV, который сділаль его гувернеромъ Людовика XIII. Эта важная должность доставила ему маршальскій жезль.

Маглалина Сувре родилась въ 1599 году, почти вмѣстѣ съ новымъ вѣкомъ и умерла почти вмѣстѣ съ нимъ. Въ 1614 году 9-го января она обвѣнчана была съ Филиппомъ-Эмануиломъ Лаваль-Монморанси, сыномъ маршала Буа-Дофина, маркизомъ Сабле. О мужѣ ея извѣстно только то, что онъ умеръ въ 1640 году, и оставилъ ей четверыхъ дѣтей: дочь Марію Лаваль, умершую монахиней въ Сентъ-Аманъ де-Руанѣ, Генриха, Турскаго декана, епископа Сен-Поль-де-Леона и ла-Рошели; Урбана Лаваля, маркиза де-Буа Дофина, умершаго въ 1661 г., и прекраснаго и храбраго Гюи-Лаваля, сначала называвшагося кавалеромъ Буа-Дофенъ, потомъ маркизомъ Лаваль, погибшаго въ ранней молости генералъ-лейтенантомъ при осадѣ Дюнкирхена въ 1646 году.

Г-жа Мотевиль видёла маркизу Сабле при дворё, когда та была молодода, и говоритъ, что она была очень хороша собою.

Что касается до ея ума, всѣ современники единогласно утверждаютъ, что она была очень умна, и даже Тальманъ, видѣвшій въ людяхъ только ихъ дурную сторону, не могъ не согласиться съ этимъ въ своихъ запискахъ.

Г-жа Мотевиль хвалить ея характеръ: «Я замечала всегда, говорить она, въ Маркизъ Сабле чистосердечіе и свътлый взглядъ. Неудивительно, что молодая и прекрасная маркиза неимъла недостатка въ обожателяхъ при дворъ отчасти италіянскомъ, отчасти испанскомъ, гдъ любовь была въ такой модь; но г-жа Сабле была настоящая героння романа Астрен; она понимала любовь съ той идеальной стороны, которую Корнель заимствоваль въ Испаніи и перенесь въ свои сочиненія, и много содъйствовала къ распространенію этихъ высокихъ чувствъ, въ одно время и энергическихъ, и благородныхъ, которыя такъ высоко цениль Людовикъ XIII, и которыя господствовали въ литературе и въ большомъ свъть до Людовика XIV: «Маркиза Сабле, говоритъ г-жа Мотевиль, принадлежала къ числу техъ женщинъ, чья красота производила болће всего шума въ то время, когда во Францію прівхала молодая королева. Она была любезна и еще болье желала казаться любезною. Во Франціи еще оставались следы этикета, принесеннаго Екатериною Медичи изъ Италіи; всв комедіи и другія произведенія въ стихахъ и прозъ носили отпечатокъ утонченной въжливости, составлявшей главное условіе этикета, который Испанцы въ свою очередь заимСмись.

ствовали у Мавровъ. Маркиза Сабле была твердо убъждена въ томъ, что мужчивы должны были питать къ женщинамъ самое нъжное чувство, что желаніе вравиться побуждало ихъ къ истинно благороднымъ и прекраснымъ поступкамъ, придавало имъ остроуміе и вдохновляло ихъ къ высокимъ произведеніямъ духа и нравственности; но съ другой стероны, женщины, будучи украшеніемъ большаго свъта, должны внушать также ѝ уваженіе.

Эти понятія переносять нась въ оттель Рамбулье. Г-жа Сабле была предметомъ общаго вниманія и представляла типъ женской любезности въ совершенствъ. Въ письмахъ Вуатюра мы на каждомъ шагу встръчаемъ ея имя; нъкоторыя изъ нихъ адресованы прямо къ ней и полны такимъ достоинствомъ и уваженіемъ, какое онъ оказываль не всемъ. Между молодыми людьми, страстными поклонниками ума и красоты, обращавшими на нее все свое внименіе, первое місто занимаєть блестящій герцогъ и маршаль Генрихъ Монморанси, достойный брать прекрасной Шарлоты-Маргариты, принцессы Конде, походившій болте на храбраго соддата, чтыт на расчетливаго полководца; врагъ герцога Рогана, выигравшій сраженіе при Вальянь, но имъвшій глупость вмѣшаться въ заговоръ Гастона, герцога Орлеанскаго, противъ Кардинала Ришелье. Извъстно, что Монморанси быль разбить, взять въ плень, и умерь на эшафоте въ Тулузе, 30-го октября 1632 года на тридцать восьмомъ году. Хотя во взглядь его выражалось что-то слишкомъ смелое, трудно было все-таки встретить человека красивее. Сердце его было очень занято г-жею Сабле, и повидимому она смотрела на него неравнодушно.

Тальманъ говоритъ, —впрочемъ, чего не говоритъ Тальманъ, —что у г-жи Сабле были и другіе счастливые поклонники; мы не видимъ однако же ни малъйшаго слъда ихъ ни въ однихъ запискахъ, ни у одного автора, и послъ Монморанси находимъ въ маркизъ Сабле только одно глубокое чувство, —это чувство дружбы. Вступивъ въ свиту Маріи Медичи, г-жа Сабле познакомилась съ молодой прекрасной и умной женщиной, чувствительной почти до восторженности, Анной д'Аттищи, сдълавшейся послъ графинею Моръ, бывшей довольно долго фрейлиной королевы матери. Двъ молодыя женщины сощлись и заключили самую тъсную и въжную дружбу, пережившую всъ перевороты и сдълавшуюся самымъ пріятнымъ и высокимъ утѣшеніемъ ихъ жизни.

Маркиза Сабле въ 1640 году потеряла мужа. Въ 1646 году она перенесла не меньшую потерю, лишившись втораго изъ своихъ сыновей, къ которому она имъла особенную привязанность, и на которомъ основывала всё свои надежды. Гюи де-Даваль былъ одинъ изъ тѣхъ зна менитыхъ петиметровъ, товарищей принца Конде, воспитанныхъ съ нимъ и составлявшихъ его свиту, которая не оставляла его ни въ удовольствіяхъ, ни въ битвахъ; эти молодые люди отличались на торжествахъ въ Дуврѣ и Шантильи, и по слову своего молодаго предводителя, устремлялись на поле сраженія, избирая посты самые опасные, воздагая на себя исполненія самыхъ трудныхъ порученій, пріобрѣтая такимъ образомъ навыкъ и рѣшительность, которая заставляетъ

людей совершать блистательные подвиги. Упрекая Конде въ томъ, что онъ уже слишкомъ много дълалъ для своихъ молодыхъ друзей, расточалъ имъ милости и повышенія и дѣлалъ ихъ предводителями, не должно вабывать, что они въ свою очередь проливали за него кровь свою и служили съ редкой преданностью. Большая часть изъ нихъ были убиты въ молодыхъ лътахъ. Потье де-Жевръ погибъ подъ одною миною при Тіонвил'в въ то время, какъ ему сл'вдовало получить званіе маршала; Шатильонъ быль убить въ сраженіи при Жарантонь, и маршаль скій жезль быль возложень уже на его могилу; Пизани, сынь г-жи Рамбулье, погибъ при Нордлингенъ; Мюссей умеръ въ ранней молодости, также какъ Шабо, Немуръ и множество другихъ молодыхъ героевъ. Гюи де-Лаваль быль однимъ изъ красивъйшихъ петиметровъ, и одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ остроумныхъ молодыхъ людей своего времени. Онъ имѣлъ лушу такую же прекрасную какъ и лицо; былъ великодушенъ, человъколюбивъ, пріятенъ въ обществъ и самый обязательный товарищъ. Онъ заставилъ всъхъ любить себя; мать обожала его. Ему минуло только двадцать лать при Рокроа, гда онъ въ первый разъ оказаль замъчательную храбрость. Въ 1646 году онъ уже быль генераль-лейтенантомъ въ кампаніи Фландрской, кончившейся осадою Дюнкирхена, одною изъ самыхъ блестящихъ въ XVII въкъ. Заъсь погибъ онъ въ цвътъ лътъ, едва имъя двадцать четыре года отъ роду.

Во время Фронды всѣ друзья маркизы Сабле разошлись. По примѣру дѣвицы Рамбулье, маркизы Монтозье, по примѣру своего брата командора Совре, маркиза Сабле осталась неизмѣнно приверженною

королевѣ и Мазарину.

Въ это время въ Парижѣ было нѣсколько литературныхъ обществъ, сформировавшихся по образцу и изъ остатковъ общества отеля Рамбулье, закрывшагося около 1648 года, при наступленіи Фронды, въ то время, когда Монтовье удалился съ женою въ свои владънія Сентонжъ и Ангумуа. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ обществъ было то, которое собиралось по субботамъ у г-жи Скюдери. Редереръ написалъ исторію отеля Рамбулье. Описаніе субботь могло бы быть интересиће по контрасту этихъ обществъ. Въ отели Рамбулье всѣ образованные люди принимались благосклонно, каково бы ни было ихъ званіе: отъ нихъ требовалось, чтобъ они имѣли только хорошія манеры, аристократическій топъ, преобладавшіе тамъ безъ затрудненія, потому-что большая часть посътителей дома принадлежала къ аристократіи, и потому-что хозяйка была въ одно и тоже время Рамбулье и Вивонь. Литераторы занимали въ отелъ Рамбулье почетное мъсто, но не первенствовали въ немъ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на свое время. Знаменитыя субботы назначены были для одной литературы. Это собраніе состояло большею частью изъ лицъ обыкновеннаго круга, и не смотря на живъйшее желаніе подражать отелю Рамбулье, далеко не походило на свой образецъ. Некоторыя лица высшаго круга и аристократки еще появлялись иногда и у Скюдери, но основатели этого общества принадлежали къ низшему разряду какъ по дарованіямъ, такъ и по происхожденію. Въ умѣ не было недостатка, но Смись.

онъ быль не глубокъ; не было истинной возвыщенности, ни простоты: вездъ напыщенность и безвкусіе. У маркизы Рамбулье преобладали утонченное обращеніе, благородство, простота; у Скюдери говорили, напротивъ, съ претензіей о самыхъ маловажныхъ предметахъ; подражали изысканному обращенію, потому-что отъ природы его не имъли. Въ отелъ Рамбулье сбирались принцъ Конде, Ришелье, Малербъ, Бальзакъ, Корнель, Боссюэтъ, Вуатюръ; изъ женщинъ: принцесса Конде и ея дочь, герцогиня де-Лонгвиль, принцесса Марія, будущая королева Польская; иногда также девица Скюдери съ братомъ. которую хорошо принимали, чего впрочемъ она и заслуживала; она и брать находили въ этомъ обществъ предметы для описаній и портреты для своихъ романовъ. Въ другомъ собраніи находилась эта же самая Скюдери, и ихъ обыкновенные посттители г-жа Арагоне, дъвица Лежандръ, дъвица Робино и нъкоторыя женщины писательницы, какъ г-жа Плабюнсонъ, девица Серманъ, де-ла-Винь, Дежарденъ, въ последствіи госножа Вильдії. Это общество имело свои назначенные лни, устройство почти академическое, свой меморіаль, свою хронику, секретаря, которымъ былъ Пелисонъ и хранителя архива общества, Конраръ. Конраръ дъйствительно сохранилъ потомству часть бумагъ общества, и между прочими одну въ роде протокола объ одномъ изъ сеансовъ, устроенномъ Пеллисономъ; сеансъ этотъ былъ 20-го декабря 1653 года. Записка Конрара называлась: La Journées des Madrigaux, fragment, tirè de Chroniques du Samedi. Осталось множество другихъ сочиненій такого же рода, потому-что въ салонь Скюдери господствовала страсть къ стихамъ и легкой поэзіи. Мадригады, сонеты, стансы, элегін, буриме, письма, перемішанныя со стихами и прозою. изобилують въ манускриптахъ Конрара. Довольно большое число ихъ появилось последовательно въ сборникахъ Серси, Барбана, Кинеля, книгопродавцевъ беллетристической поэзіи и сладенькихъ сочиненій; но не смотря на все это, осталось много еще неизданныхъ произведеній, которыми можно было бы наполнить множество альманаховъ музъ и грацій.

Субботы эти продолжались довольно долгое время; он в им вли худое и хорошее вліяніе, развивая и распространяя вкусь въ литературь, но въ тоже время дъйствовали вредно, защищая и поддерживая пустую литературу. Ноября 18-го 1659 года Мольеръ издалъ свою знаменитую комедію «Жеманницы» (Les Precieuses Ridicules). Онъ явился въ ней истолкователемъ мывнія уже значительно распространеннаго и им вль огромный успъхъ, нападая на мелочность литературы и общества. Неумолимый непріятель встхъ преувеличеній напалъ на изысканное направленіе вкуса, распространившееся какъ въ Парижъ, такъ и во всей Франціи; онъ впрочемъ ни сколько не нападаль на отель Рамбулье, который въ то время уже не существовалъ.

Маркиза Сабле, вкусъ которой быль такъ утончень, чувствовала больше другихъ смѣшную сторону субботь; но такъ какъ они были для нея воспоминаніемъ лучшихъ дней ея молодости, и такъ какъ она жила на королевской площади, по сосѣдству съ отелемъ Скюдери, она по-

Смись

същала его иногла съ графинею Моръ. Маркивъ пріятно было встръчать тамъ Шапелена, Пелисона, Конрара.

Герцогиня Гастонъ, единственная дочь герцога Орлеанскаго, хотъла сама устроить свою карьеру и не умъла сдълать этого. Не разъ она могла бы надеяться на родство съ Людовикомъ XIV, и кончила темъ, что увлекалась необдуманно страстью къ одному дворянину, не отличавшемуся ни какими особенными достоинствами, и который даже не очень любиль ее. Въ молодости она была не дурна собою. Не изучивъ ничего серіозно, она находила удовольствіе передавать бумагь все, что думала и что приходило ей въ голову. Отъ нея остались мемуары, писанные ея рукой, свидътельствовавшіе о ея плохомъ правописавій и наполненные самыми пустыми подробностями; мемуары эти писаны не дурнымъ языкомъ во время ея бездъйствія отъ 1654 до 1659 и 1660 года; не имъя пикакихъ обязанностей, она ванялась литературой. Секретаремь ся быль Сегре, членъ французской Академіи, поэтъ, умный, образованный чедовъкъ, оставившій въ литературъ свое имя, старавшійся, безъ сомнънія, передать свой вкусъ принцессъ. Les Nouvelles français и Les Divertissement de la princesse Aurelie, появившіеся въ 1656 году, заключають въ себь историческій разсказь о томь, какь принцесса Аврелія, т. е. герцогиня Орлеанская проводила время въ замкѣ съ своими пятью подругами, г-жами Фіескъ и Фронтенакъ, называвшимися въ романъ Жидонидою и Фронтенисою, г-жею Валансей, сестрой г-жи Шатильонъ и Люксанбургскаго маршала, называвшейся Апланисою, по знаменитому девизу ея дома; хорошенькою маркизою Мони, прозванною Силерита и Ураніей, г-жею Шуази, женою канцлера герцога Орлеанскаго. Эти дамы забавляли другъ друга, разсказывая каждая исторію, маленькій романъ, какую нибудь замысловатую новость въ родъ Кира, но гораздо короче и съ той значительной разницей, что лица разсказовъ не заимствованы, такъ какъ у Скюдери у Грековъ и Римлянъ, а взяты изъ европейскихъ типовъ средняго въка и принадлежатъ Франціи: вотъ объ ясненіе заглавія Les Nouvelles françaises. Это быль уже шагь кь литературъ болье дъйствительной и національной, и эти-то сочиненія приготовили въ последствии романы: Дъвица Монпансье и Принцесса Клевская. Къ кругу герцогини принадлежала также сестра г-жи де-Монтеспань, прославленная Лафонтеномь, г-жа Тіанорь, герцогиня Морь. задушевная подруга маркизы Сабле, и ея гордая и остроумная илемянница дъвица Ванди; также прекрасная графиня де-Брежи, которая писала легко и въ прозв и въ стихахъ; милая герцогиня де-ла-Тремуль, внаменитая своимъ изящнымъ вкусомъ, оставившая самый интересный сборникъ девизовъ всъхъ знаменитыхъ дамъ своего времени; герцогиня Шатильовъ, одна изъ свътлыхъ звъздъ того въка, прославленнаго своею правственностью, провицательнымъ умомъ и смелостью при красоте самой обыкновенной; дъвица Монбазонъ, аббатисса Кана и потомъ Мальну; герцогиня Шомбергъ, бывшая Гофторъ, достойный предметь отеческой привязанности Людовика XIII; наконецъ г-жи Севинье и Лафайеть. По женщинамъ можно судить о мужчинахъ: они стоили другъ друга. На первомъ планъ былъ герцогъ ла-Рошфуко.

Смњов,

Однажды на дачѣ въ 1657 году, герцогинѣ Орлеанской валумалось предложить членамъ ея общества описать ихъ характеристику, и тутъ же она сама сдѣлала свой портретъ, начиная съ довольно подробнаго описанія наружности и переходя къ ея уму, душѣ, правиламъ и всѣмъ нравственнымъ качествамъ. Она также составила портретъ Бетюна, ея поклонника, дѣвицы Ванди-Антрага, г-жи Монгла и многихъ другихъ. Показавъ примѣръ, она хотѣла, чтобъ ему послѣдовали. Было сдѣлано условіе, чтобъ говорили о себѣ все, что только думаютъ хорошаго, но также можно было говорить и дурное. Прекрасная герцогиня Шатильонъ, говоря о себѣ, нашла, что заслуживаетъ только однѣ похвалы. Между этими авторами портретовъ находились лица только высшаго круга; горцогиня Орлеанская избирала своихъ друзей не изъ круга писателей, и никто изъ посѣтителей субботъ, даже сама дѣвица Скюдери, заслужившая и вниманіе и уваженіе, прославившаяся своимъ искусствомъ писать портреты, не написала вдѣсь ни одного портрета.

Такимъ образомъ проводила время герцогиня и ея пріятельницы въ продолжение 1657 и 1658 годовъ: такое препровождение времени образовало целую отрасль литературы. Въ 1559 году, Сегре просмотрелъ эти портреты, прибавиль къ нимъ значительное число ихъ въ прозв и въ стихахъ, и издалъ въ красивой книгъ, прекрасно напечатанной и сдълавшейся въ наше время ръдкостью подъ заглавіемъ: «Различные портреты (Divers Portraits). » Этой книги было напечатано только тридцать экземпляровъ, не поступившихъ въ продажу, и которые герцогиня раздарила своимъ знакомымъ. Эта книга имъла значительный успъхъ. Романы Скюдери также имели успекъ по портретамъ, изображавшимъ лицъ подъ видомъ азіятскихъ героевъ. Въ первые же дни 1659 года просили у герцогини Орлеанской позволенія сділать новое изданіе этого сочиненія, которое могло бы войти въ общее употребленіе. Но и этого оказалось недостаточно; въ тотъ же самый годъ надо было сделать еще изданіе. «Портреты» распространились въ Париже и въ провинціи; изъ высшаго круга они перешли въ самый низшій; между ними находились прекрасные, посредственные, и даже очень слабые; Ла-Брюеръ въ 1688 возобновилъ и возвысилъ этотъ родъ подъ названіемъ Caracteres, гдѣ вмѣсто личностей онъ представиль общія изображенія въка и человъчества.

Маркиза Сабле часто бывала въ Люксанбургъ и участвовала во всъхъ литературныхъ затъяхъ, также какъ и подруга ея графиня Моръ. Она не писала сама, но давала совъты, и герцогиня Орлеанская изнила высоко ея миъніе. Когда она издала «Разсказъ о воображаемомъ островъ (Relation de l'Ile imaginaire) маркиза Сабле была въ числътъхъ лицъ, чью благосклонность она заискивала.

Маркиза Сабле обратила болѣе вниманія на другой маленькій рожанъ герцогини Орлеанской, бросающійся въ глаза болѣе чѣмъ Relation de l'Île imaginaire, это «Исторія Пафлагонской принцессы» (Historie de la Princesse de Paphlagonie). Эта картина внутренней жизни самой герцогини, ея круга и литературныхъ споровъ, тамъ происходившихъ. Маркиза Сабле тоже выведена въ этомъ романѣ, также какъ

графиня Моръ: последняя называется Миснійской королевой, а маркива Сабле представлена подъ именемъ принцессы Партаніи. Надъ ними смѣются немного, какъ надъ лицами боящимися заразы, безъ причины заботящимися слишкомъ много о своемъ здоровьѣ, и также надъ другимъ недостаткомъ маркизы Сабле: надъ страстью къ лакомству; вивств съ темъ хвалять ея учтивость и умъ. Вотъ шуточный и вивств съ темъ верный разсказъ герцогини о томъ, какимъ образомъ проводили время двѣ подруги. «Не проходило часу, въ который онв не помышляли бы о средствахъ предохранить себя отъ смерти, и объ искусствъ продлить свою жизнь. Ихъ заботы были: опасеніе дышать или слишкомъ холоднымъ, или слишкомъ теплымъ воздухомъ, боязнь, чтобъ воздухъ не былъ слишкомъ сухъ, ни слишкомъ сыръ, что температура не такъ равна какъ следуетъ для сохраненія здоровья. Онъ переписывались изъ одной комнаты въ другую. Хорошо было бы найти эти письма и собрать ихъ. Я увърена, что въ нихъ нашли бы правила умфренной жизни, вфрное предохранение себя отъ того состоянія, когда уже требуются болье сильныя средства, и даже такія, о которыхъ не слыхали Иппократъ и Галліенъ, не смотря на всю свою ученость; это была бы очень полезная вещь, изъ которой бы извлекли свою пользу факультеты Парижа и Монпелье; принцесса Партанія, иміва такой же тонкій вкуст какт и умъ: ничто не могло сравниться съ великолепіемъ даваемыхъ ею пировъ, все блюда были изысканны и вкусомъ выше всего, что можно себѣ представить.

Смпьсь.

Въ продолжение нѣсколькихъ лѣтъ до 1659 года, домашнее горе, потеря состоянія и надеждъ, потеря молодости въ особенности, постоянно тревожило воображение Маркизы Сабле, наводило на нее все болѣе и болѣе мрачныя мысли. По принятому обыкновению, она думала составить себѣ средину между жизнью и смертью и удалилась отъ свѣта.

Безъ всякаго сомитнія, на маркизу Сабле сдълало большое впечатажніе то, что она услышала о новой жизни своей старинной подруги, герцогини Лонгвиль. Въ половинъ 1654 года, въ тридцать пять лътъ, во всемъ блескъ своей красоты, герцогиня Лонгвиль отказалась отъ удовольствій світа, и хотіла сохранить свой умъ и прелести въ глубинъ Нормандіи; она перестала принимать блестящее общество, и оставила всякое чтеніе кром'є религіозных в книгъ. Она спрятала свои б'єлокурые волосы, окутала очаровательный станъ въ длинное платье и большое покрывало. Она налагала на себя самыя трудныя лишенія, осыпала всъхъ вокругъ себя самыми щедрыми милостями; тщательно разъиснивала въ провинціяхъ следы, нанесенные войною и посылала огромныя суммы, чтобъ загладить его. Въ одну жестокую зиму она кормила почти встхъ бъдныхъ Берри. Вездъ только и было разговора, что о замечательной перемень въ блистательной герцогинв. Маркиза Сабле, такъ хорошо знавшая сердце своей старинной подруги, сердце, бывшее причиною всъхъ ея ошибокъ, жажду правиться и быть любимой, страсть блистать въ обществъ, маркиза болъе чъмъ кто-нибудь поняла сколько горя и великодушія было въ поступкахъ герцоСміьсь.

гини Лонгвель. Она также захотела изменить свой образь жизни. Она удалилась въ Пор-Ройяль, убежище, приличное и скромное, где съ маленькими средствами, могла поддержать свое звание и не совсемъ отказаться отъ света, а между темъ удалиться отъ шума, сохранить въ высшемъ кругу дорогую для нея дружбу, имея предъ глазами назидательные примеры, наконецъ посвятить себя совершенно заботамъ о своемъ душевномъ спасении и своемъ здоровъе.

Въ Пор-Ройялъ маркиза вела жизнь пріятную и скромную. Она вельла выстроить себь отдъльное зданіе. Ее посыщало лучшее высшее общество. Изъ своей явартиры въ Поръ-Ройяль она сдълала другой оттель Рамбулье въ маломъ видь, аристократическій, изящный. Ее посъщали аббать Тестю, Ла Виктуаръ, Эспри, Альи, Ла Шамбръ, маркизъ Сурди, ивсколько редкихъ посьтителей высшаго круга: Николь. Арно, Дома, Паскаль съ своей сестрой Жильбертой, госпожа Перье, герцогиня д'Эгильонъ, племянницы Ришелье, Анна Роганъ, прекрасная принцесса Гимене, герцогиня Шомбергъ, герцогиня Ліанкуръ, монтозье, принцъ и принцесса Конти, иногда даже братъ Людовика XIV, очень часто Ла-Рошфуко и госпожа Лафайеть, постоянно и всегда: графиня Моръ и герцогиня Лонгвиль Въ этомъ кругу вели умные и серіозные разговоры, угощались разными лакомствами, сочиняли элексиры и рецепты противъ всехъ болезней. Маркиза Сабле успевала вездь, занималась всьмъ-литературными новостями и серіозными дълами, не выбажая много, и въ последствіи почти совсемъ не оставляя своего кресла и постели. Иногда на нее находила тоска, и въ продолженіе этого времени двери ея запирались для всёхъ, даже для лучшихъ ел друзей; но эти минуты бывали редки и непродолжительны. Это была вообще прекрасная хозяйка дома, въ полномъ смыслѣ этого слова. Она обладала для того всемъ, что было нужно иметь: значительное имя, вкусъ, сердце, дъятельный и любезный умъ, мало оригинальности. Умъ маркизы Сабле состояль особенно въ любезности. Она имъла тъ манеры и тотъ вкусъ, который необходимо имъть женщинъ, управляющей гостиною.

Имя маркизы Сабле сохранится въ потомствъ, потому что она проложила дорогу къ новому роду понятій въ литературъ. Она сама служить образцемъ въ этомъ случаъ. Этотъ родъ произошель отъ особаго настроенія ея ума, отъ ея обстановки въ свътъ, отъ ея привычекъ. Маркиза Сабле была слишкомъ разсудительна, чтобъ увлекаться. Весь ея геній состояль во вкусъ и обращеніи; она любила разсуждать; ей было шестьдесять льтъ въ 1659 году, и она хорошо понимала свътъ. Ваписки маркизы Сабле вичто иное какъ отдъльныя мысли и разсужденія, и которыя могли причислять къ литературнымъ произведеніямъ только ея поклонники.

Письма Ла-Рошфуко подтверждають вполнѣ существованіе двухъ отрывковь изъ записокъ Маркизы Сабле, одинъ о воспитаніи дѣтей, другой о дружбѣ Ла-Рошфуко передаль госпожѣ Сабле свой афоризмъ о дружбѣ: «Самая безкорыстная дружба есть торговля, гдѣ наше самолюбіе предполагаетъ всегда что нибудь выиграть » Сердце госпожи

Сабле развило въ вей другаго рода мысли. Она поставила себъ правиломъ опровергнуть опредъленіе Ла-рошфуко и доказала, что въ дружбъ, въ самомъ дълъ, заключается обмънъ взаимныхъ услугъ, но что сама дружба заключается только въ надеждъ на этотъ обмънъ. Она отличаетъ дружбу отъ природной склонности, стремленія, которое ощущается къ какому нибудь лицу; склонность раждаетъ дружбу и составляетъ ея прелесть, одно уваженіе довершаетъ ее и даетъ ей продолжительное и прочное основаніе. Вотъ, безъ сомнѣнія, справедливыя и върныя сужденія. «Мысли» маркизы Сабле (Les Maximes) появившіяся послъ ея смерти, были написаны только для нея и ея друзей. И въ самомъ дѣлъ, изъ восьмидесяти напечатанныхъ мыслей, едва ли найдется восемь или десять нѣсколько замѣчательныхъ. Приведемъ нѣкоторыя:

«Быть слишкомъ недовольнымъ собою — слабость; быть слишкомъ довольнымъ собою доказываетъ глупость.»

«Злая выходка все портить, даже справедливость и благоразуміе.»

«Главная сторона предметовъ заключается въ томъ, какимъ образомъ ихъ выказываютъ, и видъ, который придаютъ имъ, смягчаетъ самые непріятные изъ нихъ.»

Злоба открываетъ недостатки даже между добродътелями, чтобы болье отличить и выказать этотъ недостатокъ, что скоръе можно назвать зародышемъ зла, чъмъ умъньемъ понимать предметы такъ какъ они есть.»

Хозяйка дома желала, чтобъ всѣ слѣдовали ся примѣру. И поэтому случаю у маркизы Сабле всякій долженъ быль въ свою очередь излагать свои «мысли».

Посъщая гостиную маркизы Сабле, Дома и даже Паскаль встрътили такое пристрастіе къ остроумнымъ изреченіямъ и нравоучительнымъ мыслямъ, что сами подверглись господствующему тамъ вліянію. Кто бы могъ ожидать, чтобъ изъ строгаго пера Дома могли зыливаться такія мысли: «Всякая глупость и несправедливость, которую я не сдѣлаю, сердитъ меня. «Я не буду слѣдовать ни Демокриту, ни Гераклиту; я изберу среднее, и буду каждый день сердиться на всѣхъ.»— «Надо болѣе бояться того, чтобъ не имъть слишкомъ много въ часъ смерти, чъмъ слишкомъ мало при жизни.»

Воть мысли, которым напоминають болье маркизу Сабле: «Въ насъ такое желаніе правиться, что мы не хотимъ казаться дурными передъ другими, лаже когда не правимся самимъ себъ, и напротивъ, хотимъ правиться тымъ, кто намъ не правится. «—«Похвалы хотя бы были ложныя и смышныя, хотя бы имъ не вырили на тотъ, кто говоритъ, на тотъ, кому говорятъ, все таки не перестають правиться, потому что доказываютъ зависимость того, кто хвалитъ.»

Паскаль написаль также нѣсколько мыслей для общества, собиравшагося въ Пор-Ройялѣ. Желаніе нравиться любезной маркизѣ, ванимать мѣсто въ этомъ обществѣ, внушило Паскалю другое сочиненіе, кромѣ «Мыслей» и «Провинціяльныхъ писемъ» это разсужденіе о страстяхъ и любви (Discours sur les passions et l'amour). Въ немъ заключастся краткій очеркъ жизни герцогини Шеврезъ и Да рошфуко. АвСмпьсь. 11

торъ говоритъ: «Какъ счастлива жизнь, начинающаяся любовью и кончающаяся честолюбіемъ. Если бъ мнѣ предоставили выбирать, я бы выбралъ такую жизнь. Покамѣсть не погасло пламя—живетъ любовь; но она гаснетъ наконецъ, и тогда открывается общирное и удобное поприще для честолюбія!»

Маркиза Сабле написала следующую мысль о любви: «Везде и всегда любовь всёмъ управляеть .. Кажется, что къ душё того, кто любить, любовь имъетъ тоже отномение, какъ душа къ тълу, въ которомъ она находится. Въ первомъ изданін своего сочиненія, Ла-рошфуко помъстиль эту мысль, заимствовавъ ее у маркизы Сабле; въ слъдующихъ же изданіяхъ онъ исключиль ее, возвративъ маркизь ея собственность. Паскаль возставаль противъ мысли маркизы. «Честолюбіе можеть управлять только началомъ любви, но вскорт оно беретъ верхъ. Это мучитель, не имъющій соперниковъ: онъ хочеть быть одинь; всь чувства должны покориться ему.» Ла-рошфуко говорить: «Любовь, какъ огонь, не можеть существовать безь постояннаго движенія. «Паскаль замъчаетъ: «Души, способныя любить, требують жизни дъятельной. Ла-рошфуко и Паскаль оба пишутъ лля женщинъ высшаго круга, но Ла-рошфуко, знающій ихъ вполн'в, не церемонится съ ними, и просто открываеть зав'єсу, за которую овіз любять прятаться. Въ Паскаліз же видень умъ Платона; любовь, разбираемая имъ, напоминаетъ Корнеля. Уничтожьте общество маркизы Сабле и господствующую въ немъ страсть къ остроумнымъ изреченіямъ, и Ла-рошфуко не подумаль бы ни сочинять, ни выдавать въ свътъ своихъ сочиненій. Онъ не беретъ на себя званія основателя такого рода произведеній. Въ своихъ письмахъ онъ часто жалуется на то, что вывсто отдохновенія его заставляли испытывать усталость, и бранить того, кто возбудиль въ немъ желаніе сочинять, отнимавшее у него спокойствіе. Посылая свои мысли маркизъ Саоле, онъ въ замънъ ихъ просить у нея какого нибудь рецепта или вкуснаго кушанья. «Воть всё мои заметки; но такъ какъ долгь плетежемъ красенъ, то я напоминаю вамъ о супъ, изъ моркови (potage aux carottes) бараньемъ рагу и проч. в Вотъ какъ были написаны эти мысли. Ла-рошфуко браль начало большей части своихъ мыслей изъ разговоровъ, происходившихъ у маркизы Сабле. Написавъ ихъ, онъ тотчасъ же предлагать ихъ для разбора, или отсылалъ въ какомъ нибудь письмъ. О нихъ говорили, разбирали ихъ; ему дълали замъчанія, которыя онъ не оставляль безъ вниманія; ему можно было зам'втить его ошибки, но трудно было прибавить что нибудь къ тому, что уже было у него написано, какую нибудь тонкую и оригинальную черту, остроумное или язвительное замѣчаніе.

Нельзя любить Ла-рошфуко какъ человъка и философа; но должно цънить его, какъ писателя. Безъ сомнънія, Ларошфуко, какъ мы это видъли даже изъ предшествующихъ примъровъ, стоитъ ниже Паскаля; но Паскаль геніяльный человъкъ, общирный умъ, вдохновенный высокимъ сердцемъ и полный чувства. Въ немъ соединяются въ одно время возвышенность и чувство Корнеля, глубовая шутка Мольера, торжественность слога Босюэта; съ ними вмъсть онъ обладаетъ высо-

кимъ искусствомъ. Послѣ Паскаля и его великихъ образцевъ Ла-рошфуко занимаетъ значительное мѣсто; его настоящій соперникъ, съ которымъ онъ имѣлъ всякаго рода сношенія, это кардиналъ Рецъ. Кардиналъ превосходитъ его въ описаніи портретовъ, выказываетъ въ нихъ больше искусства, а въ особенности удивительное безпристрастіе къ тѣмъ, кто выше его, исключая одного Мазарина; онъ можетъ служить образцемъ глубокой отчетливости описаній и върнаго изображенія внутренней стороны каждаго изъ описываемыхъ имъ лицъ; въ этихъ портретахъ видна тонкость, энергія, блескъ, и сверхъ всего этого совершенная простота и непринужденность. Одного недоставало ему: болье тшательной отдѣлки. Искусство не усовершенствовало его генія: онъ оставленъ безъ полировки и часто направленъ въ ложную сторону.

Ла-рошфуко быль, напротивь, робокь до нерьшимости. Онь не имыль сильныхь порывовь, иногда противь воли проявляющихся въ некоторыхь людяхь. Честь заставлала его сражаться, но онь не имыль способностей воина. Слепая страсть къ герцогине Лонгвиль началась, какъ онь самъ говорить, расчетомь и надеждой на выгоды, которыя онь могь извлечь изъ дружбы съ герцогиней для своего благосостоянія, получивь, посредствомь сестры, протекцію брата знаменитаго Конде. Онь также не способень быль составить свою партію, не имыя ни довольно тверлости, ни постоянства, занимаясь всымъ поверхностно. Онь почти ничему не учился; многія женщины его общества знали латинскій языкь лучше его. Онь извлекаль, и то съ большимь трудомъ, изъ природнаго ума все, что писаль. Записки его представляють все что онь видыль; мысли содержать философію этихь записокъ. Въ немъ много простоты и вмысть съ тымъ энергіи. Ни о чемь онь не говорить съ такимъ простолушіемъ, силою, одушевленіемъ, какъ о себь

Во всехъ насъ есть недостатки, между которыми проглядывають и достоинства. Ла-рошфуко, не замічая въ себі особыхъ достоинствъ, хотя ови безъ сомнънія въ немъ были, не признаваль ихъ и въ другихъ, ни въ Конде, ни въ Босюэть, ни въ Венсенъ-Поль, ни въ Анжеликъ, ни въ Лавальеръ, ни даже въ герцогинъ Лонгвиль. Тщеславный болье всего, онъ представиль тщеславіе началомъ всьхъ нашихъ поступковъ, нашихъ мыслей и чувствъ. Но и у людей съ большими недостатками бывають такія минуты, когда при всемъ тщеславів, эгонямъ, мелочности, недостатки, при всёхъ дурныхъ наклонностяхъ человька, - проявляется вдругь въ его сердць инстинктивный и необдуманный порывъ, иногда даже относящійся пе кълицу, но къ какой нибудь мысли, и это одно уже обнаруживаеть въ насъ что-то духовное, остатокъ или начало величія, которое если бъ было поддерживаемо, могло бы проникнуть въ душу, поддержать цёлую жизнь, загладить наши заблужденія, противостать порокамь, увлекающимь нась и недостаткамъ, незамъчаемымъ нами.

Маркива Сабле, не дъйствуя прямо отъ имени Ла-рошфуко, передавала его мысли тъмъ, кого она считала болье достойнымъ разбирать ихъ. Она требовала, чтобъ ихъ не переписывали, и чтобъ ей письменно излагали свое митине; всъ эти письма она потомъ показывала Ла-рошфуко Смпсь. 13

Годъ, предшествующій публикаціи Мыслей, прошель въ чтеніи и поправкахъ.

Книга эта, пересмотрѣнная и исправленная нѣсколько разъ, явилась наконець въ свѣтъ въ началѣ 4665 года. Ла-рошфуко написалъ предисловіе (Avis au lecteur) а Сегре, предложившій свое перо къ услугамъ Ла-рошфуко, написалъ длиное разсужденіе о самомъ сочиненіи (Discours) помѣщенное въ началѣ книги. Ла-рошфуко поручилъ Сегре напомнить, что онъ не авторъ, и не претендуетъ на это званіе, и что его насильно заставили написать эти Мысли. «Легко можно видѣть, пишетъ Сегре, что это произведеніе не назначено было для печати. Если бъ это былъ М***, я бы могъ сказать, что его умъ, званіе, достоинства ставятъ его выше обыковенныхъ людей, и что извѣстность его уже обезпечена самыми почетными трудами, что онъ не долженъ заботиться о составленіи себѣ имени, сочиняя книги.

Чтобъ поддержать эту роль, Јарошфуко просилъ маркизу Сабле написать о немъ статью въ единственномъ журналѣ того времени, явившемся въ томъ же году, Journal des Savans, и услужливая маркиза составила объ немъ самую восторженную рецензію. Ла-рошфуко впрочемъ самъ просмотрѣлъ статью эту, оставилъ въ ней похвалы, отбросивъ всякую критику, и самъ помѣстилъ ее въ journal des Savans, исправленную такимъ образомъ отъ малѣйшихъ признаковъ безпристрастія.

Ла-рошфуко всю свою жизнь провель въ томъ, что исправляль и увеличиваль изданіе своихъ *Мыслей*. Онъ сдёлаль второе изданіе ихъ въ 1666, третье въ 1671 — четвертое въ 1765 году, и за два гола до своей смерти, въ 1678 году, иятое, еще болѣе тщательное и увеличенное, чѣмъ предшествующія и бывшее его послёднимъ трудомъ.

Вліяніемъ на «Мысли» Ла-рошфуко оканчивается роль, занимаемая маркивою Сабле въ литературѣ XVII столѣтія. (Revue des deux mondes.)

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Эдмондъ книъ и мистрисъ сиддонсъ. Вотъ любопытная статья о двухъ сценическихъ художникахъ, которыхъ имена знакомы всей образованной Европъ и ярко озарили англійскую сцену. И сколько біографій посвящено этимъ именамъ, и сколько ложнаго въ этихъ біографіяхъ. Разбирать мы ихъ не станемъ, скажемъ только, что Кина представили какимъ-то баснословнымъ героемъ, а мистриссъ Сидонсъ какою-то необычайною женщиною, хотя вся жизнь этой артистки была проста и не обиловала приключеніями.

До Кина, знаменитостью англійской сцены быль Гаррикъ: онъ яснѣе поняль и лучше оттѣниль всѣ измѣненія человѣческаго характера. Питомець Шекспира, Аддисона, Стиля, по своему пониманію искусства, онъ принадлежить къ школѣ англійскихъ наблюдателей и философовъморалистовъ. Кинъ, склонный къ другому направленію, владѣль бурнымъ и эксцентрическимъ характеромъ. Грубый, но неподражаемо страстный, онъ превосходно выражаль всю природную жестокость дѣй-

ствительности. Съ младенческихъ лѣтъ онъ приготовленъ быль къ этому: онъ быль и кулачнымъ бойцомъ, и фехтовальнымъ учителемъ, и кочующимъ актеромъ, и канатнымъ плясуномъ. Его воспитаніе совершилось само-собою, въ тавернахъ и балаганахъ, предъглазами случайно сбиравшихся зрителей.

Темны первые годы его младенчества; извъстно только, что родился онъ въ Лондонф, близъ Лейстеръ-Сквера, между 1787 и 1790 годами. Много существовало догадокъ на счетъ его происхожденія, но мы считаемъ излишнимъ доискиваться истины, и потому оставляемъ въ покоф родителей великаго актера. Какъ-бы то ни было, Кинъ впервые является на Друриленскомъ театрф: восьми-лѣтий бѣдняжка усердно играетъ чертиковъ и купидоновъ, обезьянъ и геніевъ. Однажды какъ-то при представленіи Макбета, онъ оступился и привель въ безпорядокъ стройный ходъ статистовъ. Раздраженный Кембль подбѣтаетъ въ нему, осыпая его упреками и угрозами: «Милостивый государь, гордо отвъчаетъ ему малютка: вѣдь сегодня я въ первый разъ являюсь въ трагедіи!»

Онъ играль Мальчика ст пальчикт, но театральныя льтописи ничего не говорять намь объ его успьхахь въ этой роли. Съ-тьхъ-поръ напрасно его отдали въ школу и тамъ розгами хотьли внушить любовь къ ученію, ньть; тихо и безъ шуму, въ одинъ прекрасный день, онь отправился въ гавань и опредълился на корабль юнгой; ему было тогда десять льть. Узналь онъ наконець, что попаль изъ огня въ полымя; ласками показались ему школьпыя наказанія передъ грозною девяти хвостою кошкою, огромною плетью, которая въ Англіи совершенствуеть воспитаніе маленькихъ матросовъ и обучаеть ихъ добру и порядку.

Эамонать изнемогаеть, и тяжкій недугь овладъваеть имь; его оставляють въ госпиталь, на островь Мадерь, и тамь страдаеть онь около авухъ мьсяцевъ. По выздоровленіи, его отправляють въ Англію и высаживають на берегь. Ньть у него ни пенса въ кармань, но онь пробирается въ Лондонь; ни отца, ни матери ньть, а встрычаеть его дядя Моисей (должно быть изъ евреевъ); онт помогаеть бъдняку и даеть ему ньсколько наставленій въ драматическомъ искусствь. Въ эту эпоху Кинь пріобрытаеть множество маленькихъ талантовъ, которыми онъ особенно гордился и въ зръломъ возрасть. Онъ учится ходить по канату, драться, пыть пытухомъ, лаять по собачьи, чревовыщать и выдылывать сальто-мортали. Какая-то миссъ Твидъ, игравшая полезныя роли на Друриленскомъ театрь и мистриссъ Приссъ позаботились объ его образованіи, заставляя его читать и декламировать.

Едва лишь этотъ маленькій канатный плясунь выучивается произносить нісколько стиховь, душа его уже кипить и волнуется порывами страсти. Зрители дивятся, и уже многіе слушатели угадывають въ этомъ мальчикі театральнаго генія, который долженъ привести въ восторгъ всю Великобританію. Одиннадцатилітній Отелло, двінадцатилітній Ричардъ ІІІ-й оставляеть живое впечатлініе въ воспоминаніи лорда Байрона и его друзей.

. Гдё случалось, то въ таверне, то въ клубе, безъ покровителей, безъ

Смњеь.

родной семьи, безъ друзей, кровавымъ потомъ добывалъ онъ кусокъ насущнаго хавба Получивъ мъсто на автскомъ театръ, онъ разнородностью своихъ талантовъ приноситъ пользу и доставляетъ обильный сборъ. На Вареоломеевской ярмаркъ онъ ломаетъ себъ ногу, упражняясь въ скачкъ, но его вылечиваютъ. Вступивъ на Гаймаркетскій театръ, онъ начинаетъ отличаться во многихъ второстепенныхъ роляхъ; но однажды, когда юноша мистеръ Ботти, модный актеръ тогдашняго времени, игралъ главную роль, Кину хотъли назначить роль второстепенную. Людямъ пожилымъ онъ повиновался, юношъ подчиниться онъ не могъ! «Не буду играть!» сказалъ онъ и уъхалъ въ провинцію. И тогда уже проявлялся этотъ гордый характеръ, оправданный въ послъдствіи его странною и причудливою жизнію.

Вотъ онъ и на провинціяльных в театрахъ. Кинъ играетъ Скарамуша и Ричарда III-го, Арлекина и Синюю бороду, Аталибу и Паяса. Въ антрактахъ свистить онъ на флейть, въ балетахъ танцуетъ, тъшитъ зрителей скачками, прогуливается по спущенной и натянутой веревкъ и смъщитъ всъхъ своею мимикой. Съ-тъхъ-поръ онъ жаждетъ славы, и во что бы ни стало, пріобрътетъ ее.

На островѣ Гернси его освистываютъ. Въ Экзетерѣ, когда онъ, по окончаніи спектакля объявилъ, что на другой день намѣренъ выполнить роль Александра Великаго, какой-то голосъ изъ партера вскричалъ:

«Ого! не великъ-же Великій Александръ!

— Да, отвѣчалъ гордый юноша онъ мадъ ростомъ, но великъ лушою! Случай устроилъ, что въ томъ же деревенскомъ балаганѣ, превращенномъ въ театральную залу, соединились однажды Шериданъ-Нольсъ, знаменитый англійскій драматургъ, его жена и молодой Кинъ. Среди Одиссеи этой скитальческой жизни, Кинъ женится на миссъ Чопманъ, которая слѣдуетъ за нимъ во всѣхъ его драматическихъ странствованіяхъ и дѣлятъ съ нимъ нищету и невзгоды. Однажды вечеромъ пришлось ему играть Отелло, а онъ цѣлые сутки не ѣлъ; деревенскій цирюльникъ сжалился надъ нимъ и одолжилъ ему два пенса. Актеръ купилъ себѣ стаканъ портеру, и подкрѣпилъ ослабѣвшія силы. Не смотря на бѣдность, Кинъ былъ гордъ, онъ самъ предписываль контракты директорамъ и покидалъ ихъ, если они не соглашались на его условія.

Всѣ старанія и труды не доставляли ему особенной извѣстности и не извлекали его изъ провинціяльнаго мрака. Онъ не отчаявался и вѣрилъ, что когда нибудь сжалится надъ нимъ судьба и озаритъ его лучемъ артистической славы. То время пришло. Нашіонъ, экзетерскій гражданинъ открылъ будущность, ожидавшую этотъ великій драматическій талантъ и сообщилъ свои замѣчанія коммиссіонеру Гренфельду, который путешествовалъ по порученіямъ директоровъ Друрилена. Получивъ извѣстіе отъ Гренфельда, мистеръ Арнольдъ самъ отравился изъ Лондона смотрѣть на игру Кина. Вся жизнь молодаго актера зависѣла отъ приговора строгаго судьи, а онъ ничего не зналъ объ этомъ. Отыгравъ по своему произволу роль Александра Великаго, передъ парте-

16 Carbob.

ромъ, состоявшимъ изъ десятка зрителей, онъ узналъ, что между ними находился и депутатъ отъ Друрилена. «Увы! вскричалъ онъ женѣ, по возвращеніи домой! Я разрушилъ счастіе моей жизни! Мистеръ Арнольдъ былъ въ театръ... мнѣ не сказали, и я игралъ для деревни.»— «Тѣмъ лучше, отвѣчала мистриссъ Кинъ, еслибъ ты зналъ, то сталъ бы слишкомъ хорошо играть.»

Важное происшествіе въ жизни актера! Строгій и безпристрастный критикъ скажетъ въ Лондонъ, что провинція обладаетъ драгоцъннымъ

талантомъ: богатство, слава и благосостояніе упрочены.

За Арнольдомъ следуеть онь въ Лондонъ, бедный и неуклюжій провинціяльный актеръ! Несеть онь по улице свой узелокъ съ ветхимъ бельемъ, и не грустно ему: онъ верить въ будущность; талантъ ему ващита. Въ театре встречають его насмешки закулисныхъ товарищей: они вслухъ называють его «плохимъ товаромъ мистера Арнольда. Пусть такъ!

Но воть онь является въ роли Шейлока, поражаеть ужасомъ изумленный партеръ, на мгновеніе заставляеть забыть великаго Кембля, обнаруживаеть новое, еще не извъданное богатство Шекспира и пожинаеть блестящую и громкую славу. Директоры сами уничтожають его первое условіе, предлагають ему пятьлесять гиней награды и заключають съ нимъ контракть на амплуа перваго сюжета Счастіе улыбается ему, и время невзгоды забыто!

Талантъ актера, эфемерный и предестный таланть, блестящій кратковременнымъ, но яркимъ свѣтомъ, умирающій не только съ человѣкомъ, но часто съ юностью, имѣетъ огромное превосходство предъ
всѣми талантами. Съ перваго проявленія онъ неоспоримъ. Если успѣхъ
сопровождаетъ его, онъ признанъ всѣми. Могутъ не согласиться въ достоинствѣ художника, въ законности славы поэта; но если актеръ собираетъ рукоплесканія, если комикъ возбуждаетъ смѣхъ, а трагикъ
извлекаетъ слезы: — чего желать болѣе: ихъ побѣда упрочена. Кину
стоило только показаться на помостахъ Друрилена, и всѣ препятствія разсѣялись передъ нимъ. Истинный талантъ былъ найденъ—всѣ
увѣрились въ этомъ.

Серьезное достоинство Кембля, торжественную и глубокую важность, которая долго и безраздёльно господствовала на лондонскихъ театрахъ, смѣнило другое могущество, могущество дикой, но увлекательной энергіи, страсти ужасной, но впечатлительной. Самыя чудовищныя создавія Шекспира: Отелло, Жидъ Шейлокъ, Яго, Ричардъ ІІІ, Макбетъ, обрисовываются ярче и разительнье. Кембль былъ въ театръ, когда Кинъ игралъ Ричарда III-го. Какой-то льстецъ вскричаль: «Это фарсъ и очень плохой!»

— Нътъ, прервалъ Кембль, если это фарсъ, то фарсъ, приводящій въ трепетъ!

Кинъ съ своей стороны, по своему отдавалъ справедливость блестящимъ качествамъ своего соперника. Въ одной Бирмингемской тавернъ разсуждали, въ его присутстви, о преимуществъ двухъ корифеевъ англійской сцены, и разумъется, превосходство отдавали ему. Смњеь.

— Полноте, господа, вскричаль онь: не-помрачайте славы Джона Кембля, этимь мнь не услужить. Пусть каждая бочка стоить, въ по-гребу, на своемь мьсть: опрокинувь одну, другой не поднимешь. Джонь Кембль великій актерь, даже актерь очень великій; только, видите, я дълаю кой-какія вещи, которыхь ему никогда не удастся сдълать...» При этихь словахь онь перескочиль черезь столь, перекувыркнулся два раза и раскланялся съ изумленными критиками.

Возвратимся къ успѣхамъ его театральнаго поприща. *Нейлокъ*, *Ричардъ III*, *Лиръ*, олицетворенные имъ, имѣли успѣхъ огромный. Но Кинъ обезумѣлъ отъ этого успѣха. Бѣдный провинціяльный актеръ нанимаетъ роскошную квартиру, катается четвернею по улицамъ Лондона, и причудами старается превзойти эксцентричность записныхъ денди. Чего не дѣлалъ онъ, чтобъ добиться громкой извѣстности. У него былъ ручной левъ, яхта на Темзѣ; онъ держалъ значительныя пари и, дѣйствительно, пріобрѣлъ извѣстность, но извѣстность жалкую и пичтожную. Въ особенности онъ старался показать, что англійская аристократія волочится за нимъ, но что онъ пренебрегаетъ ею и дарить презрѣніемъ благородныхъ меценатовъ. Наскучивъ глупымъ чванствомъ актера, покровители покинули его: въ журналахъ начали появляться статьи, которыя громили его смѣшную дерзость и жалкія претензіи. Къ довершенію всего скандалезное происшествіе нанесло артисту послѣдній губительный ударъ.

Ведя безпорядочную жизнь, онъ обольстиль жену какого-то альдермена, женщину уже не молодую. Мужъ узналъ, подалъ жалобу на Кина въ судъ, и потребовалъ съ него значительную сумму за безчестіе. При первомъ появленіи на сцену, Кинъ быль встрівченъ произительными свистками и громовымъ шиканьемъ: его прогнали. Народный любимецъ былъ пораженъ въ самое сердце. Трудно изобразить впечатавніе, произведенное народнымъ міценіемъ въ его непокорной душь: успъхъ вскружиль ему голову, а неуспъхъ его уничтожиль. Съ этой эпохи способности начали слабъть; ядовита была нанесенная рана, поступки его сдълались еще предосудительнъе, но это было следствіемъ его безсильнаго отчаннія; онъ шель на перекоръ народному приговору, и вся жизнь его сділалась цінью несообразностей. «Я не узнаваль его! говорить одинь изъ его друзей. Досада и безнадежность ръзко обозначались на его судорожной физіономіи. Отъ излишняго употребленія кріпкихъ напитковь и оть постоянной внутренней борьбы, лицо его изм'внилось и распухло, глаза покраснити и налились кровью, волосы торчали въ безпорядкъ, а на лицъ выступали синеватыя пятна! Нельзя было смотръть безъ состраданія на эту грустную развалину таланта, юпости и успъха! Изъ огромныхъ суммъ, полученныхъ имъ, у него едва оставались тогда сто фунтовъ стерлинговъ; изъ многочисленныхъ знакомыхъ, два или три върные друга навъщали его украдкою.»

Онъ снова вдетъ въ провинцію и изумляетъ всвхъ странностью своихъ причудъ. Часто, забываясь на сценв, въ патетическій монологъ составляетъ безмысленные прологи и эпилоги. Мало ему денегъ онъ

2

18 Смъсь.

ванимаетъ, и чужое добро тратитъ вмѣстѣ съ своимъ. Иногда на репетиціяхъ трагедіи, посреди одушевленной и дышащей ужасомъ сцены, онъ начиналъ кувыркаться и прыгать, приговаривая: «Этимъ я началъ, этимъ, какъ видно, и окончить приходится.»

Черезъ годъ Кинъ возвратился въ Лондонъ и появился сперва на мелкихъ театрахъ. Владътели Суррейскаго театра купили тильбюри, принадлежавшее знаменитому Виру, убитому Туртселемъ. Чтобы привлечь любопытныхъ, они показывали тильбюри, обагренное кровію убитаго. Кинъ, увидъвъ изъ-за кулисъ этотъ экипажъ, вскакиваетъ въ него, стегаетъ лошадей, и три раза проносится по аренъ передъ многочисленною публикою. Съ Туртселемъ онъ познакомился когда-то въ тавернъ, за стаканомъ, и Туртсель однажды чуть-чуть не раскроилъ ему черепъ ударомъ подсвъчника.

Изъ Лондона Кинъ отправился странствовать: онъ былъ и во Франціи, и въ Америкъ.

Надо сказать, что являются и черты великодушія въ его жизни, полной безразсудства: въ 1822 году онъ отдаль весь сборъ своего бенефиса въ пользу бѣдныхъ гражданъ Ирландіи, опустошенной голодомъ; послѣ онъ игралъ Шейлока, чтобы наполнить пустую кассу разорившейся труппы актеровъ.

Въ Америкъ, онъ на свой счетъ воздвигнулъ памятникъ актеру Куку.

Вскорѣ англійская публика почувствовала сожальніе объ изгнанномъ актерѣ, который умѣлъ тревожить душу восторгомъ и ужасомъ. Малопо-малу любовь народная возвратилась къ Кину. Но едва ли бы Коріоланъ драматическаго искусства возвратился въ Англію, еслибъ не поддался на замысловатую мистификацію. Друзья его придумали хитрость,
и отправили къ нему письмо, въ которомъ отъ имени мистера Приса, ему предлагалось управленіе Друриленскимъ театромъ. Обманъ
удался, въ сердцѣ Кина заговорило самолюбіе и на крыльяхъ радости полетѣлъ онъ въ Лондонъ. Тамъ только узналъ онъ свой промахъ, по дѣлать было нечего, и онъ заключилъ контрактъ съ театромъ мистера
Приса. За каждое представленіе ему назначили по сту-пятидесяти гиней.

Народность его возраждается; громкія, оглушительныя рукоплесканія встрѣчаютъ его при выходѣ на сцену,—но и этимъ успѣхомъ не могъ воспользоваться онъ: самонадѣянность и легкомысліе погубили актера. Одинъ изъ лучшихъ друзей Кина, романистъ Граттанъ, собственно для него написалъ преврасную трагедію. Въ ней роль Бенъ-Назира, первая и важная по характеру, назначена геніальному артисту. Кинъ внѣ себя отъ восторга: льва своего называетъ онъ Бенъ-Назиромъ, секретаря—Бенъ-Назиромъ, якту— Бенъ-Назиромъ. Онъ ежеминутно говоритъ о своей роли и о новой пьесѣ, не является на репетиціи, увѣряя, что этимъ только сбережетъ эфектъ и поддержитъ всю энергію выполненія. Насталъ давно ожиданный день. Огромный, исполинскій театръ кипитъ и волнуется нетериѣливыми зрителями. Завѣса взвилась, все умолкло, пьеса началась—и вотъ, въ концѣ перваго акта, является Кинъ. Но что это? Восторгъ замѣняется негодованіемъ. Роль выра-

жаетъ неистовую радость; актеръ долженъ въ энтузіазмѣ выбѣжать на сцену, а Кинъ, съ поникшею головою, медленными шагами приближается къ рампѣ, останавливается на первомъ стихѣ и ждетъ помощи суфлера. Онъ ни одного слова не выучилъ изъ пьесы, которую довѣрилъ ему другъ. Свистъ поражаетъ и безсовѣстнаго актера, и драму несчастнаго автора.

Паденіе было жестоко, но онъ заслужиль наказаніе: онь разрушиль надежды друга своего, Граттана, явился на сцену, какъ школьникъ,

не выучившій букваря...

Съ этой эпохи онъ только изръдка являлся на сценъ. Бевсонныя ночи ослабили его мощное тъло. Онъ самъ расплель и уничтожиль вънокъ своей артистической славы, и остатокъ жизни помрачилъ жалкимъ кутежомъ. Ему мало было десяти-тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго жалованья, онъ утопаль въ долгахъ. Онъ стыдился ъздить въ кабріолетъ, а держалъ коляску, и катался на шестернъ отличныхъ лошадей. Великодушіе его, какъ и мщеніе, было также причудливо. Онъ полными пригоршнями бросалъ гинеи, а человъку, который нанесъ ему хотя и малъйшую обиду, онъ отказывалъ въ самой ничтожной помощи.

Какому-то франту, приглашавшему его на завтракъ, Кинъ даритъ полный нарядъ и прекрасную лошадь. Какому-то бъдняку, который еще въ день его свадьбы одолжилъ ему полгинеи, и на котораго, въроятно, онъ былъ сердитъ, Кинъ возвращаетъ полгинею, завернутую въ бумажкъ и даже не благодаритъ за одолжение. Всъ эти поступки отзываются какою-то жалкою и ничтожною пародиею глупой гордости.

Странности равнялись его таланту; и самолюбіе не только вовлекало его въ проступки и пороки, но даже дѣлало его смѣшнымъ. Иногда онъ любилъ говорить по латинѣ, и старался увѣрить всѣхъ, что получилъ классическое воспитаніе въ Этонскомъ коллегіумѣ. Вотъ курьезная сцена, разсказанная секретаремъ его Филлипсомъ. Однажды часа въ два, подъ утро, Филлипсъ является въ таверну Крибба, любимое мѣсто оргическихъ подвиговъ Кина.

- Что дълаетъ Кинъ? спрашиваетъ Филлипсъ у прислужника.
- Играетъ на фортепьяно и поетъ.
- Ну, еще худаго нъть въ этомъ.

Въ половинъ третьяго Филлипсъ возвращается и возобновляетъ вопросъ:

— «Что онъ теперь дѣлаетъ?

- «Говорить рѣчь о Шекспирѣ.

- Чортъ возьми! Того и гляди, что напьется. Вели подать карету. Въ три-четверти третьяго на тотъ-же вопросъ, прислужникъ отвъчаетъ:
- Теперь, мистеръ, овъ толкуетъ что-то непонятно... должно быть по латыни разсуждаетъ!..

— A! восклицаетъ Филлипсъ, — онъ готовъ... Помоги, братецъ, мнъ посадить его въ карету.»

Въ это мъ обществъ гулякъ находилось нъсколько старыхъ разорив-

20 Смпсь.

михся актеровъ, любимыхъ и драгоцѣнныхъ товарищей Кина. Дружба съ ними ему нравилась: онъ госполствовалъ надъ ними, осыпалъ ихъ бранью по своему произволу, и потомъ чокался съ ними и пѣлъ разгульные стансы. Нищіе артисты дивились его генію и вполнѣ подчинялись прихотямъ его самолюбиваго характера. Какой-то Фуллеръ принялся однажды пародировать передъ Киномъ игру великаго актера въ Отелло и Шейлокѣ. Кинъ бросилъ въ него стаканомъ вина.

— Еслибъ я походилъ на эту жалкую пародію, —вскричалъ онъ, — я давно-бы повъсился.

Старикъ Инкльдонъ, человъкъ необувданный и дерзкій, актеръ, нетерпимый публикою, сдѣлался задушевнымъ пріятелемъ Кина. Лордъ Байронъ очень оскорбился, узнавъ, что вечеромъ однажды Кинъ ушелъ отъ него въ таверну пить и гулять съ Инкльдономъ.

Спустя нѣсколько времени, лордъ Эссексъ, сдѣлавшись исключительнымъ покровителемъ Кина, объявилъ ему, что всѣ усилія его друзей будутъ безполезны, и что клубъ, въ которомъ участвовали они, перестанетъ принимать Кина, если онъ будетъ продолжать дружескія сношенія съ Инкльдономъ, заслужившимъ общее презрѣніе.

— Милорат, отвічаль Кинь, вставая изь-за стола, Инкльдонь быль мив другомь, когда еще у меня не было друзей. Теперь-же, когда онь въ несчастіи и отчуждень отъ общества, я не заслуживаль бы самь вниманія великодушныхъ людей, еслибь оставиль его.

Сказавъ эго, онъ взялъ шляну и вышелъ изъ залы.

Лордъ Байронъ, нѣсколько времени уже не говорившій съ нимъ, присутствоваль на его дебютѣ въ роли сира Демальса Оверлиха Кинъ одариль это лицо страшною драматическою жизнію; съ могущественною, неподражаемою энергіею передаль онъ всѣ подробности этого характеристическаго созданія. Физическіе недостатки его, малый рость, жгучій ваглядъ, нахмуренныя брови, все выраженіе звѣрства, мстительности, ненависти въ человѣчеству, непреклонной рѣшимости, горькаго сарказма, и тысяча сатанинскихъ выраженій, превосходно переданныхъ актеромъ, произвели эфектъ необычайный. Чувство удивленія восторжествовало надъ лордомъ Байрономъ: онъ позабыль свою холодность къ Кину. Проходя за кулисами, онъ подошель къ актеру и протявуль ему руку: «Вотъ, что значитъ играть!» сказаль поэтъ геніяльному артисту.

Характеры молодыхъ энтузіастовъ были не въ духѣ Кина. У него недоставало меланхоліи въ Гамлетѣ, нѣжности въ Ромео. Но жаль, и вздохъ состраданія невольно вырывается изъ груди, когда подумаешь, что этотъ чудный трагическій даръ не развивался съ лѣтами. Нѣтъ, онъ слабѣлъ и слабѣлъ, и наконецъ совсѣмъ затихъ! На закатѣ дней, затемнивъ свою славу, оставщись безъ денегъ, безъ покровителей и безъ друзей, Кинъ умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1833 года.

Усивхъ и слава озарили жизнь артиста, но онъ не умелъ пользоваться ими, онъ самъ уничтожилъ вёнокъ своей славы. Въ следующемъ умере мы постараемся разсказать жизнь мистриссъ Сиддонсъ.

andpace a stance on a cross by a con-

Смъсь. 21

новый илафонъ энгра. Если бъ какой-нибудь путешественникъ, разрывая развалины храма Тезея или Аполлона, нашелъ подъ ними плафонъ, только что оконченный Энгромъ, онъ бы съ восторгомъ любовался древнею апотеозой и невольно воскликнулъ: одни Греки знали тайну доводить искусство до идеала! Слова эти составляютъ похвалу, но въ тоже время и упрекъ новому произведению великаго живописца, все еще молодаго и сильнаго, который останется лучшимъ представителемъ современной французской живописи.

Уже пятьдесять льть Энгръ работаеть неутомимо. Смыю преподаеть онъ свои правила многочисленнымъ ученикамъ, не отступая отъ нихъ ни на шагъ, и живетъ въ особенномъ мірѣ, созданномъ его воображеніемъ. Въ немъ онъ разговариваеть съ забытыми олимпійскими богами, провожаетъ Діану на охоту, заходить въ кузницу Вулкана и присутствуетъ на безконечныхъ пирахъ, гдъ Юпитеръ гаситъ свои громы и опускаетъ тяжелую голову на плечо Ганимеда. Ничто не могло поколебать артистическихъ върованій Энгра въ продолженіе полувька. Энтузіазмъ романтиковъ, новые элементы искусства, открытія наукъ и промышленности, новыя идеи, требованія в ка-ничто не могло потревожить таинственного спокойствія артиста, въ которомъ поселилась душа Апеллеса или Парразія. Онъ не хотвлъ видьть настоящаго, пе только будущаго, и всв способности его, все обожание обращено къ прошедшему Про него можно сказать тоже, что говорили о Прадье это последній греческій художникъ! Кажется, больше этой славы нельзя и желать!

Энгръ написалъ Апотеозу Наполеона, занятый въчными мыслями о древности. Надобно было имъть его огромный талантъ, чтобъ оживить этотъ старый сюжетъ. Въ древности, это было очень легко. Когда умиралъ герой, его помъщали въ Олимпъ, и боги тъснились немного, чтобъ дать мъсто новоприбывшему. Теперь слава наполняетъ только этотъ міръ, котя память объ ней живетъ долье древнихъ апотеозъ. Самые отдаленные народы знаютъ чудную исторію молодаго воина, который былъ императоромъ, и умеръ на скалъ посреди моря. Арабы и теперь часто видятъ тънь его въ пустыняхъ Ливіи. Друзы ночитаютъ его сверхъестественнымъ существомъ. Черкесы уже смъщиваютъ его съ Александромъ Великимъ, поселяне и солдаты увъряютъ, что ядра и пули не смъли долетать до его груди, словомъ всъ народы составили особенныя легенды про этого необыкновеннаго человъка.

Естьли какое нибудь отношеніе между Наполеономъ и древностью? Наполеонъ чисто современный геній, и не имѣетъ ничего общаго съ Тезеемъ или Ахилломъ. Можемъ ли мы представить себѣ его иначе, какъ въ историческомъ съромъ сюртукѣ и маленькой шлянѣ? Этотъ простой костюмъ заставилъ уже забыть и корону Карла Великаго, и императорскую мантію! Можно ли также забыть его блестящую свиту маршаловъ, генераловъ, ученыхъ, артистовъ, прекрасныхъ женщинъ! Для его апотеозы надобно было разбудить молодыхъ героевъ, павшихъ въ битвахъ и старыхъ гренадеровъ, слъдовавшихъ вездѣ за звѣздою полководца.

22 Смњев.

Энгръ понять совершенно иначе свой сюжеть, и имъть на это полное право. Но дъло не въ томъ, чтобъ спорить о мысли художника, надобно разобрать композицію его картины и посмотръть, сдъзаль ли артисть все, что можно было извлечь изъ этого сюжета. На послъдній вопросъ смъло отвътимъ: да, потому что между всъми современными живописцами одинъ Энгръ могъ предпринять такую неблагодарную работу и окончить ее такъ блистательно. Вотъ что изображаетъ его новая картина:

Небо темно-голубое съ блёдною полосою, на которой изображены знаки зодіака. Четыре с'єрыя лошади, съ длинной гривой, превосходныя животныя по форм' и цвъту, напоминающія коней Феба, съ уздечками, облитыми драгоцівными камилми, мчатся въ пространствів, повинуясь слав'в, парящей въ воздух в и направляя къ храму Коринеской архитектуры золотую колесницу съ героемъ. Наполеонъ стоитъ, опираясь правою рукой на скипетръ и держа въ лѣвой сафирную державу. Онъ покрыть одной красной дранировкой, падающей съ его плечь и развѣвающейся сзади головы. На этомъ-то пурпуровомъ фовѣ отдѣляется блёдная, строгая голова, во всей силе и красоте, съ чуднымъ выражениемъ спокойствия и безстрастия. Надъ нимъ блестить звізда, которой онъ долго върилъ и которая наконецъ измѣнила ему. Возлъ него, на колесниць, стоить слава, тоже строгая и задумчивая, и возлагаетъ на чело императора вѣнокъ изъ желтыхъ имортелей. Орелъ, держа въ когтяхъ небесные громы, смъло разръзываетъ крыльями воздухъ. Внизу на правой сторонъ колесницы, Франція приподнимаеть на головъ печальное покрывало, и съ горестью протягиваеть руку къ удаляющемуся герою; на лъво въ ровень (pendant) къ этой фигуръ, Немезида поражаеть чудовище. Посрединь возвышается пустой тронь, возлы котораго грустить орель, мрачный и отчаянный, какъ старый солдать, потерявшій сраженіе. Вдали на дальнемъ горизонть видна скала св. Елены посреди моря, освещенного кровавыми лучами солнца.

Вотъ вся картина Энгра. Изъ нея видно, что талантъ автора еще въ полной силь, и что онъ можетъ подарить еще нъсколько образдовыхъ произведеній въ родь Стратоники, плафона Гомера, Одалиски и друг.

Что касается до подробностей, всв онв отделаны превосходно, потому что Энгръ имветъ похвальную привычку не пренебрегать аксесуарами и не считать ихъ не важными. У него все окончено старательно, какъ въ природе, отделывающей искусно каждую травку, каждое насекомое. Все въ этой огромной картине, почти круглой формы, отчетливо до чрезвычайности. Даже между красками есть гармонія, и яркіе пвета не мешають одинъ другому. Небо его голубое, почти синее, резко обрисовываетъ сильныя формы серыхъ лошадей, и съ ярко волотой колесницы взброшена на него красная драпировка; блёдная Немезида преследуеть темнаго демона. Кажется, изъ всёхъ этихъ цвётовъ должна составиться пестрота, непріятная для глазъ, но Энгръ сделаль изъ нихъ не только картину, но даже симфонію.

Всь фигуры Энгра имьють типь идеальной красоты, напоминающій

Смпсь.

муву гармоніи, вѣнчающую стараго Керубини въ нартинѣ, на которой изображенъ этотъ артистъ. Слава, направляющая лошадей, прекрасна съ своими голубыми крыльями, нѣжной улыбкой, закутанная въ блѣднопалевый пеплумъ. Рука, держащая золотую пальму, самой изящной формы; нога, освобождающаяся изъ-подъ драпировки, просто неподражаема. Глаза у лошадей поражаютъ своею странностью. Темно-фіолетоваго цвѣта съ яркими оттѣнками, они блестятъ умомъ, и выразительны какъ человѣческій взглядъ.

Слава, вънчающая Императора, тоже прекрасна и удачно костюмирована, но она кажется слишкомъ молода, и черты ея почти дътскія. Фигура Наполеона удивительная Если въ Елисейскихъ поляхъ собираются послъ смерти герои и толкуютъ о своихъ побъдахъ, то они должны быть также покойны, безстрастны и грустны, какъ великій полководецъ. Вообще онъ отдъланъ еще съ большимъ стараніемъ, если это возможно. Новое образцовое произведеніе знаменитаго живописца, украситъ залу Ратуши. Это будетъ лучшее ее украшеніе, точно также какъ въ Лувръ лучшій плафонъ изображаетъ anomeosy Гомера.

Позволимъ себѣ еще сдѣлать маленькое замѣчаніе Энгру. Слава его давно утверждена, почитателей у него множество, но уже двадцать лѣть не выходить онь изь своей палатки и не дарить выставки своими произведеніями. Въ 1855 году готовится всемірная выставка въ Парижѣ. Неужели онъ откажется участвовать въ общей работѣ и не явится между своими учениками Фландреномъ, Леманомъ, Амори, Дювалемъ, которые уже давно сами сдѣлались учителями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Энгръ пробудится отъ баздѣйствія и докажетъ, что онъ все еще первый и лучшій представитель современной живописи. (Illustration).

девятая симфонія ветговена. Девятая Симфонія Бетговена, глубокомысленньйшее и самое неподражаемое произведеніе великаго композитора, составляеть граничную черту, у которой старая и новая школа враждебно расходятся и уже двадцать льть ведуть между собою самые жаркіе споры. Не входя вь эготь спорь, мы только для любопытства читателей сообщимь выписку изь: «Музыкальнаго праздника въ Карлеруз», программу этой симфоніи, объясненной Ричардомь Вагнеромь, композиторомь совершенно проникнутымь духомь Бетговена.

Онъ начинаеть свое обълснение следующимъ вступлениемъ: «При огромныхъ затрудненияхъ, предстоящихъ всякому, кто еще не знакомъ съ этимъ мастерскимъ и чуднымъ произведениемъ, очень естественно наше желание облегчить, если не совершенное истолкование образцоваго творения Бетговена (чего только можно достигнуть собственнымъ убъждениемъ), то по-крайней мъръ отличительныя качества и неподражаемыя черты новизны, которыя трудно понять не посвященнымъ въ музыкальныя таинства и не приготовленнымъ слушателямъ. Прежде всего надобно сказать, что существо высшей инструментальной музыки состоитъ въ выражения звуками того, чего словами нельзя вы-

разить. А потому, для необъяснимой задачи рѣшенія этихъ звуковъ употребили мы слова знаменитаго нашего поэта Гёте, которыя хотя и не имѣютъ непосредственной связи съ чисто-музыкальнымъ твореніемъ Бетговена, но по заключающемуся въ нихъ высшему смыслу человѣческой поэзіи, ихъ можно принять за иден композитора, чтобъ хотя нѣсколько понять возвышенность музыкальнаго генія Бетговена.

— Программа.—Первая часть Идея первой части основана на исполинской борьб в души, стремящейся къ радости, но насильственно угнетаемой враждебною силою, безпрестанно возстающею между человъчествомъ и земнымъ его счастіемъ. Главная тема, быстро проявляющаяся при самомъ начал симфоніи, можетъ быть выражена извъстнымъ стихомъ Гёте:

Entbehren sollst du! Sollst entbehren!
(Ищи лишенія, — лишенія ищи!)

Противъ этого сильнаго врага видно благородное упорство, мужественная сила сопротивленія, которыя до половины первой части выдерживають эту борьбу, въ которой побёда колеблется между обоими противниками. Въ отдёльныхъ свётлыхъ чертахъ мелькаетъ изрёдка кроткая улыбка счастія, которая какъ бы ищетъ насъ, тогда какъ мы гоняемся за нимъ и вездѣ встрѣчаемъ врага, отталкивающаго насъ отъ этого счастія, закрывающаго его отъ нашихъ взоровъ чернымъ кры ломъ своимъ и низвергающаго насъ въ отчаяніе и въ новую борьбу. Такимъ образомъ первая тема представляетъ силу, сопротивленіе, борьбу, желаніе, належду, полудостиженіе неудачу, новое стремленіе, новую борьбу, и почти оканчивается безнадежностью, выражаемою Гёте въ слѣдующихъ стихахъ:

Nur mit Entsetzen wach' ich morgens auf;
Ich möchte bittre Thränen weinen,
Den Tag zu sehn, der mir in seinem Lauf
Nicht einen Wunsch erfüllen wird, nicht einen!
Der selbst die Ahnung jeder Lust
Mit eigensinnigem Krittel mindert;
Die Schöpfung meiner regen Brust
Mit tausend Lebenspratzen hindert
Auch muss ich, wenn die Nacht sich niedersenkt,
Mich ängstlich auf das Lager strecken.
Auch da wird keine Rast geschenkt,
Mich werden wilde Träume schrecken.

Съ ужасомъ просыпаюсь я поутру и проливаю горькія слезы. Я встрѣчаю день, который не исполнить ни одного моего желанія, даже ни одного! который даже всякую жажду къ удовольствію своенравно критикуетъ, который тысячьми условій жизни препятствуетъ развитію совданій собственной моей души. Да и когда настанетъ почь, я съ

Смпсь. 25

боязнію ложусь въ постель, я и тамъ не буду имъть покоя: меня будуть пугать сны)

Въ концѣ первой части, это печальное и безнадежное расположеніе духа возрастаетъ до исполинскихъ размѣровъ, чтобъ въ грозномъ величіи указать на достоинство радости, ниспосылаемой Провидѣніемъ на землю.

— Вторая часть. При первыхъ ритмахъ сердце наполняется веселостью. Мы вступаемъ въ новый міръ, увлекаемся въ водоворотъ, въ пресыщеніе. Какъ бы спасаясь отъ недавно преслѣдовавшаго насъ несчастія, мы съ неутомимымъ усиліемъ стремимся къ новому счастію, потерявъ прежнее безвозвратно. Гёте выражаетъ это состояніе слѣдующими стихами:

Von Freude sei nicht mehr die Rede;
Dem Taumel weih' ich mich, dem schmerzlichsten Genuss.
Lass in den Tiefen der Sinnlichkeit
Uns glühende Leidenschaften stillen.
In undurchdrungenen Zauberhüllen
Sei jedes Wunder gleich bereit!
Stürzen wir uns in das Rauschen der Zeit
In's Rollen der Begebenheit?
Da mag denn Schmerz und Genuss,
Gelingen und Verdruss
Mit einandern wechseln wie es kann;
Nur rastlos bethätigt sich der Mann.

(Перестанемъ говорить о радости. Я посвящаю себя водовороту и горькому наслажденію. Пусть на див чувственности погаснутъ наши пламенныя страсти. Мы низвергнемся въ бурю мимолетнаго времении, въ водоворотъ событій! Пусть тогда горе и наслажденіе, удача и досада сміняются какъ хотять. Мужъ долженъ быть неутомимо діятельнымъ).

Со вступленіемъ въ среднее отдѣленіе, внезапно открывается намъ сцена земной радости и сердечнаго удовольствія. Чистая радость выражается въ частомъ повтореніи мотива, соединенная съ наивностью и вадушевностью, которыя выражены у Гёте:

Dem Menschen hier wird jeder Tag ein Fest; Mit wenig Witz und viel Behagen Dreht jeder sich in engem Zirkeltanz.

Для человъка всякій день здъсь праздникъ. При немногомъ остроуміи и многомъ удовольствін каждый кружится здъсь въ тъсномъ кружкъ своихъ танцевь.)

Но этотъ тъсный кругъ веселости не можетъ составить цъли человъческой жизни. Сцена покрывается тучами. Мы снова пускаемся отыскивать лучшее счастіе, котораго, увы! не находимъ. Въ концъ отдъленія опать мы попадаемъ на тоть же мотивъ тѣсной веселости, но мы уже его насильно отталкиваемъ.

— Третье отдъление. Какъ эти звуки иначе говорятъ нашему сердцу. Какъ чисто и сладостно прекращаютъ они нашу борьбу, наше отчаяніе, превращая ихъ въ тихія, грустныя ощущенія. Мы какъ бы пробуждаемся отъ воспоминаній прежняго, чистаго счастія.

> Sonst stürzte sich der Himmels-Liebe Kuss Auf mich herab in ernster Sabbatsstille; Da wang so ahnungsvoll des Glockentones Fülle, Und ein Gebet war brünstiger Genuss.

(Вокругъ меня торжественно раздавался звонъ колоколовъ, и молитва была сладчайшимъ наслажденіемъ).

При этомъ воспоминаніи является и тема втораго отділенія. Она выражаетъ стремленіе къ любви и надеждів. Первая тема успоконтельно отвівчаетъ на нес, такъ что любовь и надежда, кажется, подають другь другу руку, стараясь преодоліть измученное наше стремленіе:

Was sucht ihr, mächtig und gelind Ihr Himmelstöne mich im Staube?

Klingt dort umher wo weiche Menschen sind.

(Небесные звуки! Зачьмъ такъ могущественно и кротко ищете вы меня, погрязшаго во прахъ? Раздавайтесь тамъ, гдъ обитаютъ кроткіе люди).

Такъ колеблющееся сердие старается еще оттолкнуть отъ себя эти звуки. Но ихъ сладостное могущество сильнѣе нашего ожесточенія. Мы вскорѣ бросаемся въ объятія этого радостнаго вѣстника счастія.

> O! tönet fort, ihr süssen Himmelslieder! Die Thräne quillt, die Erde hat mich wieder!

(О! продолжайте звучать, сладостные, небесные звуки! глаза мои наполняются слезами! Я опять принадлежу земль).

Да! измученное сердце кажется выздоравливаеть, обновляется силою и мужествомъ. Мы видимъ торжество его въ концѣ отдѣленія. Но это возобновленіе еще подвержено бурямъ жизни. Вырываются вопли прежней боли, но волшебная и кроткая сила успокоиваеть ихъ и наконецъ разгоняеть какъ тучи разрѣшившейся грозы.

— Четвертое отдъление. Переходъ отъ третьяго къ четвертому отдълению начинается какъ бы громкимъ воплемъ.

Aber ach! schon fürcht' ich bei dem besten Willen,
Befriedigung noch nicht aus dem Busen quillen!
Welch holder Wahn, — doch ach! — Ein Wähnen nur!
Wo fass ich dich unendliche Natur?

Euch Brüste, wo? Ihr Quellen alles Lebens, An denen Himmel und Erde hängt; Dahin die welke Brust sich drängt, Ihr quellt, ihr tränkt, und schmacht ich so vergebens.

(Ахъ! съ лучшею доброю волею не чувствую я, чтобъ жажда груди моей была удовлетворена. Пріятная мечта! но только одна мечта! Гдѣ же я обниму тебя, безграничная природа? Гдѣ же открою васъ, источники жизни, соединяющіе небо съ землею? Туда стремится мое измученное сердце. Вы бъете ключемъ и напояете, а я жажду вотще).

При самомъ началь этого отделенія музыка Бетховена решительно принимаеть характеръ говорящей музыки, оставляя бывшій дотоль въ прежнихъ отделеніяхъ характеръ чисто-инструментальной музыки. Теперь звуки требують уже разрѣшенія поэтическаго, словеснаго. Надобно удивляться съ какимъ мастерствомъ композиторъ дълаетъ необходимымъ выражение словъ посредствомъ потрясающаго речитатива басовых в инструментовъ, выходящихъ уже изъ рамы абсолютной музыки и переходящихъ наконецъ въ певучій мотивъ, увлекающій съ собою въ потокъ чистой и торжественной радости всв прочіе инструменты, съ которыми составляетъ общую, высокую совокупность. Это кажется посл'вднею попыткою выразить инструментальною музыкою върное и неизмъняемое счастіе. Но неукротимый элементь не можеть удержаться въ этой рамь. Онъ панится какъ бурное море, упадаетъ, и еще сильнъе воздымается звукъ какъ вопль хаотическихъ страстей. Не знаемъ, чему больше удивляться: смълости ли композитора, или наивности его, когда онъ заставляетъ инструменты восклицать:

«Нътъ, друзья! не эти топы! Возгласимъ пріятнійшіе и радостній-

Съ этими словами проясняется хаосъ симфоніи. Является в'єрное и опред'єленное выраженіе: преобладающіе элементы инструментальной музыки ясно уже говорять слова поэта:

Freude, schöner Götterfunken,
Tochter aus Elisium,
Wir betreten feuertrunken
Himmlische, dein Heiligthum
Deine Zauber finden wieder,
Was die Mode streng getheilt,
Alle Menschen werden Brüder,
Wo dein sanfter Flügel weilt.

Радость! чистая божественная искра, дочь Элизіума, одушевленные твоимъ огнемъ, вступаемъ мы въ твое небесное святилище. Ты волшебно соединяеть то, что мода строго отдълила. Тамъ, гдъ въютъ кроткія твои крылья, всь люди дълются братьями.)

Приближаются мужественные, воинственные звуки; мы кажется видимь толпу юношей, смыю идущихъ на побыдный бой и возглашающихъ: Froh, wie seine Sonnen fliegen Durch des Himmels Prächtigen Plan, Laufet, Brüder, eure Bahn, Freudig, wie ein Held zum siegen

(Какъ солнца, летящія по великольпному пространству небесъ, летите и вы, братія, радостно по своему поприщу, какъ герои къ побъдь.)

Происходить какъ бы веселое ратоборство между всёми инструментами. Юноши естественно бросаются въ битву и возвращаются съ побёдою. Сила награждена улыбкою радости и увёренностью въ счастіи; изъ сердца вырываются звуки всеобщей любви къ человёчеству, къ природё:

Seid umschlungen Millionen!
Diesen Kuss der ganzen Welt!
Brüder! überm Sternenzelt,
Muss ein lieber Vater wohnen.
Ihr stürzt nieder, Millionen?
Ahnest du den Schöpfer, Welt?
Such ihn überm Sternenzelt!
Ueber Sternen muss er wohnen!

(Обнимемся, милліоны! Поцёлуй этотъ да будеть всему міру! Братья! Надъ зв'єзднымъ сводомъ должень жить вселюбящій отець. На колени милліоны! Міръ, чувствуешь ли ты присутствіе Творца? Онъ надъ сводомъ зв'єздъ; надъ зв'єздами его жилище) (Illustrirte Zeitung.)

после верезинского пораженія фельдмаршаль Кутузовъ победителемъ вступиль въ Вильну, директоръ тамошняго Польского театра спросиль у знаменитаго полководца: «Какую пьесу угодно ему приказать дать въ честь торжественнаго его вступленія въ Вильну?»

— Ту же самую, отвъчалъ фельдмаршалъ, какая была играна при вступленіи сюда французовъ.

Это быль самый приторный апоосозь въ честь императора Наполеона и непобъдимой его великой арміи съ разными насмѣшками надъ русскими.

Напрасно бѣдный директоръ старался представить, что пьеса эта неприлична въ теперешнихъ обстоятельствахъ и подвергнетъ бѣдныхъ актеровъ большимъ неудовольствіямъ отъ русскаго войска, фельдмаршалъ былъ непоколебимъ, и приказалъ, чтобъ ни одпого слова не было выброшено.

Ввечеру прибыль онь самь съ блистательною свитою въ театръ. Началась пьеса, и при всякой выходкѣ въ честь всемірнаго побѣдителя Наполеона, театръ оглашался громкими рукоплесканіями русскихъ

Смпсь. 29

офицеровъ и самаго князя Кутузова. Бѣдные актеры дрожали всѣмъ тѣломъ. Ничего не бывало. Спектакль кончился. Фельдмаршалъ велѣлъ выдать Директору значительный подарокъ, и когда тотъ на другое утро явился для принесенія ему своей благодарности, князь сказалъ ему:

- Успокоился ли ты?
- Свътлъйшій князь!.. Мы боялись... Мы, дъйствительно, заслуживали...
- Помни, что русскіе только великодушіемъ отміцаютъ своимъ врагамъ. (Moden-Zeitung.)

ПГ. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Обоаръніе успъховъ астрономін и физическихъ наукъ въ 1852 и 1854 годахъ.

I.

Умъ человъческій находить необыкновенную прелесть въ занятіяхъ науками отвлеченными. По врожденному въ насъ любопытству, мы стремимся къ наблюденіямъ и познаніямъ. Пифагора спрашивали: въ чемъ заключается главнъйшая характеристика человъка, онъ отвъчалъ: «въ познаніи истины для самой истины » Въ самомъ дълъ, человъкъ, по выраженію Гомера, живетъ произведеніями земли, но преимущественно занимается умственными науками, предпочитая ихъ тъмъ, которыя имъютъ цълію сохраненіе его жизни или доставленіе ему матеріяльныхъ выгодъ. Образованнаго человъка болье интересуетъ открытіе новой планеты, блестящей кометы, появленіе новой звъздочки, чъмъ проложеніе новой коммерческой дороги, или какое-нибудь открытіе въ химіи, могущее имъть значительное практическое примъненіе. Изъ трехъ главнъйшихъ побужденій: нужда, желанія, жажда познаній, послъднее одерживаетъ верхъ въ человъкъ мыслящемъ.

Истекшій годъ хотя и не произвель важныхъ въ наукахъ открытій, но служиль продолженіемь ихъ постепеннаго развитія. Астрономія обогатилась тремя новыми небольшими планетами между орбитами Марса и Юпитера, такъ что къ 1854 году считали уже 27 планетъ * неизвъстныхъ при началь XIX въка.

Изъ четырехъ кометъ 1853 года, только одна могла быть видима простыми глазами, но всё онё заняли мёсто въ лётописяхъ неба. Знаменитая комета, возвёщенная на 1848 годъ, не явилась. Точнёйшія вычисленія заставляють ожидать ее между 1856 и 1860 годами. Наблюденія на всёхъ обсерваторіяхъ сопровождались успёхами. Прекрасный примёръ поданъ Ливерпульскимъ художникомъ Ласселемъ, который въ тоже время и замёчательный астрономъ. Наскучивъ пасмурнымъ небомъ Англіи, которое въ цёломъ году даритъ лишь немногіе часы для наблюденія свётилъ, Лассель перенесъ въ Мальту свои гигантскіе

[🐣] Въ настоящее время считается 29 такихъ иланетъ или астероидовъ (апръль 1854).

30 Смпсь.

телескопы, для которыхъ стекла, по примъру Вилліама Гершеля, самъ отлилъ и выполировалъ. Подъ этимъ благословеннымъ небомъ онъ могъ свободно наблюдать новое прозрачное кольцо Сатурна, открытіе котораго столько же принадлежитъ ему, какъ и астроному Бонду въ Сѣверной Америкъ, и составляетъ единственный феноменъ въ пашей планетной системъ.

Давно уже знаменитый Лапласъ предлагалъ перенести сильнъйшие телескопы въ тонкую, прозрачную атмосферу, на возвышенности экватора. Гора Перотъ близъ Вера-Круса, въ Мексикъ, соединяетъ въ себъ самыя выгоднъйшія условія для астрономическихъ наблюденій. Многіе астрономы, находящіеся въ городахъ, лежащихъ по долинамъ кордильерскимъ Южной Америки, влоль Тихаго океана, желали бы воспользоваться счастливою мъстностью, но, къ сожальнію, политическіе смуты и неустройства въ американскихъ республикахъ, досель препятствовали развитію тамъ астрономіи.

Примѣръ, данный Ласселемъ, конечно не будетъ потерянъ. Астрономы въ Мексикъ, Перу и Чили не всегда же будутъ обречены на бездъйствіе. Баконъ говоритъ: «Люди замѣняются людьми, а наука все идетъ впередъ да впередъ.»

Одинъ изъ главнъйшихъ вопросовъ, принадлежащихъ къ современной астрономіи, составляеть точнійшее познаніе формы и величины нашей планеты. Въ настоящее время честь гигантскаго, можно сказать, по этому предмету труда, принадлежить русскимъ астрономамъ, которые въ 1853 году окончили измъреніе земной дуги отъ Нордъ-Капа до Чернаго моря, то есть почти половину разстоянія отъ полюса до экватора. Все, что ни предпринимаютъ русскіе, совершается въ огромнъйшихъ размърахъ и носитъ на себъ печать величія, соотвътствующаго достоинству Имперіи, одушевляемой великимъ Монархомъ. Астрономы разныхъ государствъ споспъществовали этому труду; но Россіи, но русскому астроному Струве, которому нётъ ныне равнаго, ученый свёть обязань замечательнейшими результатами по этому вопросу въ истекшемъ году. Великія неправильности въ формъ земнаго шара, которыя темь заметнее, чемь меньше человекь въ сравнении съ землею, заставляють измерять ее подъ различными меридіанами. На земле также невозможно вайти двухъ равныхъ меридіановъ, какъ невозможно найти двухъ равныхъ листовъ въ дубовомъ лесу. Сначала полагали, что измѣреніе дуги меридіана французскими астрономами, достаточно будеть для разрѣшенія этого вопроса, но увидѣли необходимость произвести подобныя измъренія въ Индіи и въ Россіи. Замъчательные успъхи наукъ въ юной Америкъ, дадутъ намъ, подъ управленіемъ Баха, любопытные результаты изм'вреній дугъ меридіана, предпринятыхъ въ разныхъ мъстахъ, и наконецъ всъ эти частныя данныя приведутъ къ познанію не только общаго вида земли, но и очертанія разныхъ ея частей.

Чтобъ не впасть въ утомительныя подробности, мы не будемъ исчислять вдёсь всего, что сдёлано въ прошломъ году по механикѣ, фивикѣ, химіи и прочее; мы уже сказали, что особенно важныхъ открыСміьсь. 31

тій въ этомъ году не было Физики разнымъ образомъ измѣняли прекрасный опытъ г. Фуко, показывающій, посредствомъ особаго прибора, обращеніе земли около своей оси отъ запада къ востоку. Химическія изслѣдованія падъ составомъ воздуха и хлѣбными растеніями привели къ полезнымъ результатамъ. Медицина продолжала изучать и употреблять анесфезическія, то есть отнимающія боль средства.

Знаменитыя американскія суда, имінощія двигателями вмінсто пара теплый воздухь, еще недостигли до того практическаго приложенія, которое, можеть быть, ихъ ожидаеть. Наконецъ нельзя не упомянуть и о томъ, что еще не сділано надлежащихъ опытовъ касательно приміненія легкихъ паровозовъ по системі барона Сегюіе, могущихъ свободно біжать по склонамъ и пригоркамъ и весьма сокращающимъ издержки по устройству желізныхъ дорогъ.

Извѣстно, что подводный канатъ, заключающій въ себѣ четыре наэликтризованныя проволоки, соединяетъ чрезъ проливъ Кале Францію съ Англіей. Уже три года этотъ электрическій телеграфъ передаетъ англійскому правительству и журналамъ новости съ континента, и доселѣ незамѣчено никакой порчи въ этомъ приборѣ, приносящемъ честь постоянству и твердости г. Бре, побѣдившемъ всѣ затрудненія и противоборства, чтобъ связать неблагодарное свое отечество съ твердою землею. Наука не менѣе выпграла отъ этого телеграфа, связавшаго обсерваторію Гринича съ обсерваторіею Парижа.

Въ истекшемъ году учреждены два новые подводные телеграфа между Великобританіею и Европою. Одинъ идетъ изъ Дувра въ Остенде и соединяетъ желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы Бельгіи и Германіи съ Англією; другой, проведенный чрезъ Нѣмецкое море изъ Голландіи въ Англію, на высотѣ Гааги, успѣхомъ своимъ покавываетъ возможность связать подводнымъ телеграфомт Францію съ Алжиріей, протянувъ электрическую нить чрезъ Корсику, Сардинію и сосѣдственный берегъ Африки, чѣмъ теперь уже и занимаются.

Всемъ известно, что въ Америке начали употреблять телеграфъ для точнъйшаго опредъленія географических в долготъ мъстъ. Въ странахъ, гдъ горы и ръки не носять еще названій, и куда жители впервые приходять, только географическое определение можеть показать положеніе селеній, общинъ или будущихъ городовъ. Компаніи электрическихъ телеграфовъ продають общинамъ ихъ географическую долготу, какъ и всякій другой полезный для употребленія товаръ. Въ Европъ электрическіе телеграфы могуть также оказать большую услугу для точнъйшаго опредъленія положенія примъчательнъйшихъ точекъ вемнаго тара. И такъ телеграфическое сообщение будетъ утверждено между обсерваторіями Гриничскою и Парижскою. Англійскій астрономъ Эри, въ первыхъ мѣсяцахъ 1853 года успѣвъ саѣлать удачные опыты между Кембриджемъ и Эдинбургомъ, готовился съ Араго и другими французскими астрономами соединить Гриничъ съ Парижемъ, но бользнь и потомъ невознаградимая для наукъ потеря Араго замедлила эту важную ученую операцію. Въ недавнее однакожъ время, обсерваторія гриничская связана съ брюссельской чрезъ подводный телеграфъ отъ Дувра 32 Смъсь.

до Остенде, благодаря стараніямъ брюссельскаго астронома Кетеле, котораго труды и по метеорологіи столь же замѣчательны, какъ по астрономіи. Въ скоромъ времени надѣются учредить прямое, непосредственное электро-телеграфическое сообщеніе отъ Лондона до Берлина, Вѣны и Флоренціи. Намъ кажется, что эта цѣль легче и удобиѣе была бы достигнута учрежденіемъ электрической батгареи въ центрѣ пространства, которое желаютъ связать, такъ, напримѣръ, изъ Страсбурга электрическіе сигналы могли бы быть передаваемы безъ чувствительной потери времени на востокъ и западъ Европы. Вообще подобные телеграфы могутъ служить и къ опредѣленію точнѣйтаго вида земли.

Въ 1853 году делались опыты электрическаго освещения. Такое освъщение можетъ быть полезно для производства и ночью необходимъйшихъ строительныхъ работъ. На парижскихъ театрахъ показывали дъйствіе электрическаго свъта. Мы думаемъ, что наука и искусство не произнесли еще последияго своего слова на счеть этого могущественнаго освещенія столь же удобнаго, какъ и действительнаго въ своемъ примъненіи. Но всего полезнъе было бы приложить его къ телеграфу не электрическому. Какъ магнитная стрълка движеніями своими направо и налѣво можетъ передавать депешу, такъ точно можно это исполнить и двумя электрическими огнями, которые будуть горать одинъ надъ другимъ, или одинъ возлѣ другаго. Три знака намагниченной стрълки и именно: настоящее положеніе, правое, лъвое-могуть быть замънены слъдующими тремя знаками: одинъ огонь, два огня одинъ надъ другимъ, два огня одинъ возав другаго. Такой электрическій телеграфъ весьма удобенъ для сношеній осажденнаго города съ свонми довольно отдаленными войсками, главной крипости съ отдильными фортами или судовъ въ морѣ съ берегомъ. Нътъ сомивнія, что безъ изобрѣтенія новаго электрическаго телеграфа и приложенія его къ жельзнымъ дорогамъ, телеграфъ посредствомъ электрическаго огня былъ бы введенъ повсюду; но и въ настоящее время онъ весьма можетъ быть полезень для всёхъ странъ, гдё нёть еще желёзныхъ дорогь или электрическихъ нитей.

II.

Почти нътъ ни одного значительнаго помъстья или загороднаго дома, которые бы не имъли телескопа или по крайней мъръ хорошей зрительной трубы. Владъющіе такими инструментами могутъ заниматься наблюденіями на земль и на небъ. Теперь мы будемъ говорить не столько объ ученой, сколько о любопытной части астрономіи; между тъмъ неръдко случается, что послъдняя приводитъ любителей къ повнанію таинствъ первой. Случается и то, что повъряя открытія другихъ, доходять до открытій собственныхъ. Нътъ сомньнія, что число любителей астрономіи между лицами, пользующимися досугомъ и нъкоторымъ довольствомъ, будетъ умножаться, по мъръ того, какъ облегчатся средства для производства наблюденій и распространятся необходимо нужныя для того свъдънія.

Лапласъ вамътилъ, къ чести астрономическихъ теорій, что только

Смњев. 33

наука о небъ непогръшительно можетъ предсказывать будущія явленія. Конечно, не всёхъ людей занимаютъ эти явленія. Не для всёхъ любопытно, напримёръ, знать, что чрезъ столько-то тысячельтій наша полярная звёзда уступитъ мёсто болёе блестящей звёздё, дирѣ, и что нёкоторыя звёзды, скрытыя нынѣ подъ горизонтомъ Цетербурга, появятся надъ нимъ чрезъ нёсколько десятковъ вёковъ? Однакожъ затмёнія, приливы, движенія солнца и дуны, планеты, видимыя въ различныя времена года разныя созвёздія, привлекаютъ на себя вниманіе жителей, разумётся, не городскихъ и въ особенности имёющихъ телескопы. Означеніе того, что можно наблюдать на небѣ, можетъ быть интереснымъ для многихъ. И такъ поговоримъ о популярнонаблюдательной астрономіи на нынёшній годъ. Вообще между настоящимъ временемъ и 1861 годомъ представится рядъ любопытнёйшихъ наблюденій надъ планетами, кометами, затмёніями и надъ физическими особенностями планеть, солнца и звёздъ.

Затмънія въ ныньшнемъ году не представять ничего любопытнаго для Европы. Сильные приливы моря быди уже 28 февраля и 14 апръля, и еще случатся между 13 и 14 мая, 9 и 10 августа, 8 сентября и 7 октября *. Иногда бывали приливы изумлявшіе необычайнымъ обна руженіемъ великихъ двигательныхъ силь природы. Когда флотъ Александра находился предъ устьемъ Инда, Квинтъ-Курцій описываетъ: Былъ третій часъ лня, когда океанъ, повинуясь непреложнымъ законамъ природы, остановилъ теченіе ръки, и воды ея побъжали вспять къ источнику своему быстръе свергающихся съ горъ потоковъ. «Далье слъдуетъ исчисленіе вреда, причиненнаго этимъ приливомъ флоту Александра, брошенному на мель.

Пятна въ солнцѣ и кометахъ вообще представятъ любопытныя наблюденія. Дагерротипическіе снимки солнца весьма полезны для теоріи этихъ пятенъ, связанныхъ съ внутреннею природою нашей звѣзды. Полное затмѣніе солнца случится 31 декабря 1861 года, и, безъ сомнѣнія, скажетъ кое-что о любопытныхъ физическихъ проблемахъ. Подождемъ.

Магнитная стрълка въ 1666 году въ Парижъ (при учреждени Академии Наукъ) показывала однимъ своимъ концемъ прямо на сѣверъ; съ тъхъ поръ, до 1816 года продолжала она уклоняться къ западу. Въ 1816 году г. Араго нашелъ, что направление ея нѣсколько времени оставалось неизмѣннымъ, потомъ она начала возвращаться къ востоку, то есть уменьшать свое склонение, такъ что въ 1967, какъ полагаетъ г. Казаллонъ, или въ 1966, какъ находитъ г. Бабине, стрѣлка опять будетъ показывать прямо на сѣверъ, или склонение ея равно будетъ нулю. Этого мы уже пе увидимъ! Наибольшее склонение магнитной стрѣлки въ Парижѣ найдено г. Араго въ 1816 году 22½° зап.—З декабря 1853 года г. Ложье опредѣлилъ его въ 20° 17°. Съ 1571 по 1660 годъ склонение магнитной стрѣлки въ Парижѣ было восточное. Аристотель, говорятъ, бросился въ Авлидское море съ горя, что не могъ постичь настоящей причины приливовъ въ этомъ поэтическомъ проливѣ, чрезъ

^{*} Счисление времени завсь везав означено по новому стилю.

который нынѣшняя положительность, ищущая только полезнаго, осмѣлилась бросить мостъ. Пожалуй, и нынѣ какой-нибуль физикъ, наскучивъ тысячьми теорій для объясненія уклоненій магнитной стрѣлки, пронзить себя магнитною стрѣлкой тѣмь легче, что нѣкоторыя изъ нихъ бывають огромиѣйшаго размѣра. Г. Бабине употреблялъ намагниченныя стрѣлки, имѣвшія болѣе одной сажени длины.

Луна въ этомъ году дважды закроетъ звёзду в (эпсилонъ) въ созвёздін близнецовъ. Впрочемъ эти явленія уже совершились, послёднее
могло быть наблюдаемо 5-го апрёля. Планеты Сатурнъ и Марсъ также
закрывались луною. Первое закрытіе, вёроятно, многими было наблюдаемо 5 февраля, около захожденія солнца и второе 13 марта, среди ночи. Что касается до затмёнія юнитеровыхъ спутниковъ, то объ этомъ
можно имёть точнёйшія указанія въ Connaissance des tems, въ которомъ
на каждый день означены положенія четырехъ лунъ этой планеты, ихъ
затмёнія, прохожденія по юпитеру, и проч.; но перейдемъ къ планетамъ.

Маленькій серпъ Меркурія видѣнъ былъ около 15 марта и 10 апрѣля, будетъ видѣнъ 15 іюля и 15 августа, потомъ 8 и 27 ноября. Въ телескопы посредственной силы можно будетъ наблюдать эту любопытную форму планеты, похожую то на новую луну, то на луну въ ущербѣ, являющуюся утромъ предъ восхожденіемъ солнца. Венера также являлась въ прекрасной формѣ серпа по вечерамъ въ февралѣ. Послѣ 15 марта ее можно было видѣть въ видѣ серпа предъ восхожденіемъ солнца до первой половины апрѣля. Наибольшій ея блескъ былъ 5 апрѣля а наибольшее отъ солнца удаленіе будетъ 9 мая. Марсъ въ полномъ своемъ блескѣ былъ видимъ около полуночи въ послѣднихъ числахъ февраля и первыхъ марта. Впрочемъ еще мѣсяца четыре будемъ видѣть его въ большомъ блескѣ.

Юпитеръ будетъ видимъ по утру около восхожденія солнца до половины іюля, а послів до конца года онъ заблестить надъ горизонтомъ по вечерамъ. Въ различныхъ положеніяхъ его спутниковъ представится много любопытнаго для наблюденій телескопами посредственной силы; надлежащія для сего данныя могутъ также быть заимствованы изъ Connaissance des tems и изъ Annuaire du bureau des longitudes.

Любопытная планета Сатурнъ съ своими кольцами весьма удобно будетъ наблюдаема нынѣшнимъ лѣтомъ. Въ августѣ кольцы ея достигнутъ наибольшей широты, что случается въ промежуткахъ времени пятнадцати лѣтъ. Въ 1853 году совершены были прекрасныя физическія наблюденія надъ этою планетою и ея спутниками Ласселемъ въ Мальтѣ, капитаномъ Жакобомъ въ Мадрасѣ, г. Отто Струве на Пулковѣ и г. Бондомъ въ Кембриджѣ, въ Сѣверной Америкѣ. Въ нынѣшнемъ году, конечно, умножится жатва любопытнѣйшихъ фактовъ, которые постараемся сдѣлать извѣстными.

Есть родъ наблюденій, для которыхъ не нужно и телескоповъ, но на которыя нынѣ мало обращають вниманія: это движеніе планеть по звѣздному небу. Обыкновенно планеты двигаются отъ звѣздъ западныхъ къ звѣздамъ восточнымъ. Однакожъ есть эпохи, въ которыя смо

Смись. 35

тря на планеты съ земли, кажется, что онѣ двигаются въ противную сторону. Такимъ образомъ отъ 16 іюля до 12 августа и въ послѣдней половинѣ ноября, меркурій будетъ двигаться къ западу. Тоже было съ Венерой отъ 5 до 19 февраля. Съ февраля до 15 апрѣля марсъ также шелъ къ западу, и находясь близъ звѣзды регула, уподоблялся ему своимъ блескомъ. Тоже послѣдуетъ и съ Юпитеромъ, который отъ 15 мая до 15 сентября будетъ имѣть направленіе между звѣздами каприкорнуса и Сагитаріуса. Наконецъ Сатурнъ, въ срединѣ созвѣздія Тельца, пойдетъ къ западу съ 30 сентября до конца года.

Поучительно и пріятно разсматривать зв'єздное небо и сравнивать горящіе въ безпред'єльномъ пространств'є огоньки съ небесною картою, на которой изображены вс'є созв'єздія. Познакомясь съ ними, легко будеть зам'єчать и собственныя движенія солнца, луны, планеть и кометь. Н'єкоторые астрономы, въ числ'є ихъ и Джонъ Гершель, пренебрегали странными изображеніями людей и животныхъ, которыми древніе наполнили зв'єздное небо.

Однакожъ предложеніе замѣнить ихъ соотвѣтствующими для каждой звѣзды градусами и минутами, оказалось не удобнымъ. Принятыя для звѣздъ изображенія изучаемы были Гиппархомъ, Цезаремъ и Цицерономъ. Многіе изъ этихъ изображеній восходять до Өалеса, упоминавшаго о малой медвѣдицѣ; ихъ находятъ въ Гомерѣ и даже въ книгъ Іова. И такъ они освящены древностію. Конечно, фигуры на небесномъ глобусѣ не имѣютъ большой правильности, напримѣръ, большая медвѣдица Гомера и малая Өалеса изображаются съ предлинными хвостами. Но если каждую звѣзду вы означите только градусами, минутами и секундами ея прямаго восхожденія и удаленія отъ полюса, никакая память не въ состояніи будетъ удержать всѣхъ этихъ цифръ и представить себѣ взаимное положеніе даже и главнѣйшихъ звѣздъ.

Желающіе изучить зв'єздное небо посредствомъ небесной карты, пусть прежде всего обратять вниманіе на созв'єздія близъ полюса, гд'є не появляются планеты. Начиная съ двухъ медв'єдиць, легко будеть отыскивать и прочія созв'єздія.

Біографія знаменитых вастрономовь показываеть многіе примѣры, что страсть къ астрономіи часто развивается именно отъ подобныхъ наблюденій. Будемъ надъяться, что созерцаніе неба, вызванное нашими совътами, породить новаго Гершеля или Струве для участія въ безчисленныхъ трудахъ звъздной науки.

модение вытовъ посредствомъ электромагнитизма. — Въ Allgemeine Modenzeitung сообщають, что профессоръ Якоби въ С. Петербургъ изготовилъ круговращательный аппаратъ (Rotation's Apparat) изъ двънадцати огромныхъ магнитно-жельзныхъ подковъ. Къ нему придълана изолированная проволока, проведенная въ канатъ, на концъ котораго гарпунъ. Отъ дъйствія электромагнитнаго аппарата, гарпунъ этотъ убиваетъ кита какъ моднією. Корабль, который впервые употребитъ эту

машину, называется Аяксъ, и принадлежитъ Россійско-финской китоловной компаніи. Онъ недавно изъ Або пошель въ Тихій океанъ. Найдя это любопытное извъстіе, мы собщаемъ его, предоставляя отвътственность въ върности упомянутому журналу.

ни-сузорін въ нозлухъ. — Профессоръ Шредеръ въ Мангеймів фильтрироваль воздухъ сквозь хлопчатую бумагу. Если воздухъ этотъ пропускать потомъ чрезъ трубку въ воду, въ которой варятъ мясо, то ни самое мясо не подвергается гнилости, ни въ водів этой не разводятся инфузоріи.

Жидкость, обыкновенно легко приводимая въ броженіе, остается неизмѣнною и не бродить, если въ нее пустить этого фильтрированнаго воздуха. А какъ пропускаемый сквозь хлопчатую бумагу воздухъ не измѣняется въ своемъ химическомъ составѣ, то надобно предполагать, что при этомъ фильтрированіи остаются въ хлопчатой бумагѣ инфузоріи, наполняющія воздухъ и производящія явленія броженія и гніенія.

(Novell. Zeit.)

новый металлъ. — Французскій химикъ Сен-Клеръ Девиль извлекъ изъ глинозема новый металлъ, который, исключая тяжести, имбетъ всв свойства серебра, и представилъ парижской академіи наукъ бляхи и проволоки изъ этого металла. Слъдствія этого открытія могутъ быть очень важны, потому что новое серебро, добываемое изъ глинозема очень дешево. Академія назначила Сен-Клеру значительную сумму для произведенія опытовъ въ большомъ размъръ. (Illustration).

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМЪЧАТЕЛЬ-НЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕПІЕСТВІЯ.

жизнь въ Альнахъ: (Фенъ; протяжение лединковъ; уничтожение лъсовъ; стада). Изъ всѣхъ вѣтровъ, дующихъ въ альпійскихъ долинахъ,
самый важный по своимъ послѣдствіямъ, безъ сомнѣнія, южный вѣтеръ,
называемый Фёнъ. Холодные вѣтры приходятъ изъ полярныхъ странъ,
дождливые съ запада отъ Атлантическаго океана; изъ жаркихъ же степей Африки прилетаютъ въ среднюю Европу теплые вѣтры, возвышающіе температуру. Альпы не только не останавливаютъ дѣйствія этихъ
вѣтровъ, но еще помогаютъ имъ. Снѣга, покрывающіе вершины горъ,
понижая температуру воздуха, дѣлаютъ его тяжелѣе и заставляютъ скорѣе спускаться въ долину.

Фёнъ дуетъ только во время зимы и въ началѣ весны. Предвѣстникомъ его бываетъ легкій паръ, покрывающій вершины на югѣ; солнце скрывается безъ блеска, и долго потомъ неподвижные облака сохраняютъ пурпуровый цвѣтъ. Воздухъ тихъ, но тяжелъ, и луна выходитъ, окруженная краснымъ кольцомъ. Вдругъ вдали начинаютъ шумѣть лѣса все громче и громче, и въ долину врывается теплый потокъ воздуха, который продолжается иногда дня трй. Подъ могущественнымъ

Смись. 37

дыханіемъ этого урагана снѣга таятъ, потоки выходятъ изъ береговъ, деревья ломаются и даже слетаютъ крыши съ домовъ. Двѣнадцать часовъ фёна достаточны въ долинѣ Гриндельвальдъ, чтобъ уничтожить слой снѣга въ два фута толщины, который растаялъ бы только послѣ пятнадцати солнечныхъ дней. Вотъ отъ чего жители горъ хотя и боятся этого вѣтра, но ждутъ его съ нетерпѣніемъ, какъ предвѣстника весны.

Въ Гларисъ, во время фёна, запрещено жителямъ зажигать огонь въ домахъ для предупрежденія несчастій. Безъ этого вітра, въ Альпахъ не было бы ни какой растительности. Снъга накоплялись бы въ долинахъ, и такъ какъ солнечнаго жара недостаточно, чтобъ растопить ихъ, ледники заняли бы огромное пространство, какое занимали прежде, наполняя всв нижнія долины и останавливаясь только у горы Юры. Еще и теперь видны следы этого обширнаго протяженія ледниковъ, хотя неизвъстно, въ какое время это было; можетъ быть, до населенія этой страны людьми. Фёнъ африканскій вітерь-это доказано; по геологи и ученые, наблюдая почву, песокъ, и находя остатки морскихъ животныхъ въ большихъ степяхъ Африки, давно уже уверились, что огромный этотъ материкъ долженъ быть дномъ моря, приподнятымъ какимъ нибудь переворотомъ выше поверхности воды. Геологическая эпоха эта не могла быть очень отдаленна. Стало-быть, фёнъ не могъ существовать, когда обширное море покрывало все пространство, сжигаемое теперь зучами тропическаго созица. Тогла и сифга, накопляясь по-немногу, составляли ледники, покрывающіе всю Швейцарію, и начали постепенно таять, когда новый материкъ явился изъ океана и послаль на свверь теплый ввтерь своихъ степей.

Аарскіе ледники наблюдали и изучали нісколько літь сряду Агасси, Дезоръ, Дольфусъ; они составили теорію ледниковъ, объяснили составление и качество льда, ни сколько не похожаго на ледъ, покрывающій зимою р'єки; описали различные феномены, происходящіе внутри и на поверхности этой огромной ледяной массы, движущейся въ долинахъ, окружающихъ ее со всъхъ сторонъ. Много составлено было методъ для объясненія происхожденія и движенія ледяныхъ потоковъ, которые прорывають себь русло въ гранить и тихо протекають посреди лісовъ и полей, какъ въ Гриндельвальді, но задача эта еще не рісшена, потому что каждый ледникъ въ Альпахъ требуетъ особеннаго изученія и им'єть свои прим'єты. Движеніе ледяныхъ массъ можно сравнить съ теченіемъ ручья. Въ срединѣ движеніе это быстрѣе, чѣмъ у береговъ, и когда встръчается препятствіе, то груды льда, отшатываясь въ сторону, принимаютъ другое направление и часто плывутъ вверхъ по теченію. Наконець въ ледникахъ есть свои каскады, которые съ шумомь кинять въ сжатыхъ берегахъ, а потомъ тихо плывутъ въ широкихъ бассейнахъ. Небольшіе потоки льда, вливаясь въ большой, долго еще сохраняють свое теченіе, какъ рукава рікь, и соединяются съ другими массами очень далеко.

Жаль, что ученые, наблюдающіе ледники, не добившись тайны движевія льда, оставили свои работы и отправились въ Новый свёть изучать 38 Смпсь.

другіе феномены природы. Это еще не значить однакоже, чтобъ вопросъ остался неръщенымъ, и флагъ, водруженный Дольфусомъ въ Аарскомъ ледникъ, ясно говоритъ, что ученый этотъ опять займется любопытнымъ предметомъ, надъ которымъ трудился уже семь лѣтъ. Онъ собраль объ этомъ ледникъ прекрасную книгу, заключающую фотографическіе виды, планы, рисунки, размъры. Изъ этихъ драгоцънныхъ документовъ можеть быть наконецъ узнають тайны ледниковъ. Съ некотораго времени замечають, что ледяныя эти массы спускаются съ вершинъ и подвигаются все ближе къ долинамъ. Богатыя поля, гдф сто леть тому назадъ паслись стада, теперь находятся подъ льдами или подъ потоками, истекающими изъ ледниковъ. Ель, сломанная или вырванная съ корнемъ напоромъ льда, обугливается и воспламеняется, какъ каштановыя деревья на Этнъ, тронутыя потокомъ лавы. Покинутыя селенія, груды камней и строительныхъ матеріяловъ, смѣшанныхъ со льдами, краснорѣчиво доказывають о медленномъ, но всеобщемъ наводнении льдами Альпійскихъ долинъ. Гдв остановится это движеніе? Возможно ли будетъ человъку противиться ему? И какая можеть быть причина пониженія средней температуры и изм'вненія климата: Вотъ еще н'всколько нер'вщеныхъ

Истребленіе лісовъ можеть быть одною изъ вліятельнійшихъ причинь. Въ Альпахъ горы постепенно освобождаются отъ лісовъ, и скоро сбудутся слова одного жителя Авера, который, видя погибель деревьевъ, говориль, что прійдется вскорт пройти дві мили, чтобъ найти палку. Теперь уже ріштельно не топять дровами въ Альпахъ, а высущеннымъ навозомъ козъ и барановъ. Во время Шеуцера возвышался еще шировій стволь сухой пихты на вершині Стеллы. Нісколько лиственниць и пихтъ разбросаны по горамъ, какъ послідніе представители исчезнувшихъ лісовъ. Небольшой еловый лість, елва защищающій отъ лавинъ Андермантское селеніе, сохранился одинъ, тогда какъ прежле всі горы были покрыты величественными деревьями. На вершинів Симплона, глістеперь даже ність кустарниковъ, находили огромные корни лиственницъ, свидітельствующія до какой высоты достигали древніе ліса.

Лавины, вътры, потоки, пожары истребляють тоже огромное количество деревьевъ, и жители, не заботясь о будущемъ, вырубаютъ лъса, и тъмъ истребляють всякую растительность; потому-что сильные дожди, неудерживаемые теперь листьями деревьевъ, тяжело падаютъ на землю и смываютъ понемногу слой плодородной земли. Солнце съ своей стороны сущитъ эту землю, не защищенную тънью; вътеръ уноситъ всъ съмена, и всъ покатости горъ сдълались до того пусты и безплодны, что на нихъ не растетъ даже трава. Земля, лишенная лъса, испытываетъ большія перемъны: климатъ дълается суровъе, лавины безпрепятственно скатываются на средину долины, и тая тамъ посреди лъта, понижаютъ еще температуру. Воды, не находя выхода, соединяются въ одномъ мъстъ и производятъ наводненія, которыя иногла доходятъ до нижнихъ пастбищъ...

Альпійскія животныя считаются умиве техь, которыя живуть въ

39

долинахъ. Природные инстинкты болье развиваются на свободь, и животное, принужденное заботиться о своемъ пропитаніи, гораздо внимательнье, осторожнье и понятливье, чьмъ скотъ, запертый въ хлывахъ. Корова зваетъ мыста, гдь трава ныжные: она помнитъ часъ, когда ей надобно вернуться къ хозяину, чтобъ освободиться отъ тяжести молока; она повинуется знакомому голосу пастуха, предчувствуетъ грозу, знаетъ какія растенія ей вредны, и заботливо слыдитъ за своими дытьми, охраняя ихъ отъ всыхъ опасностей. Но случается иногда, что густая трава завлечетъ это животное на опасный обрывъ, который отрывается отъ массы и увлекаетъ съ собою неосторожную тварь. Тогда быдная корова закрываетъ глаза, чтобъ не видыть пропасти, и если въ паденіи ее задержитъ кусть или камень, она не дылаетъ никакого движенія, зная, что сама не можетъ себь помочь, и ждетъ терпыливо, чтобъ пастухъ избавиль ее отъ опасности.

Во всьхъ стадахъ каждая корова имъетъ свое мъсто. Главная корова, носящая колокольчикъ, не только самая красивая, но и самая сильная. Она илетъ всегла впереди, и никто не смъетъ занять ея мъсто. За нею слъдуютъ самыя сильныя послъ нея животныя, и когда хозяинъ увеличиваетъ стадо, то новоприбывшія должны завоевывать себъ мъсто, если не хотятъ итти позади. Битвы за первенство бываютъ довольно продолжительны, но за то окончательно утверждаютъ права всякаго.

Главная корова кажется понимаетъ свое важное назначение. Она показываетъ стаду лучшее пастбище, приводитъ его домой, и когда соперница похищаетъ у нея звонокъ, показавъ свое преимущество въ силъ, то она начинаетъ скучать и дълается больною.

Стада животныхъ всегда послушны и покорны воль человыка; но бывають минуты, когда у нихъ наступаеть настоящая анархія Это, когда сильная гроза застаеть стада въ поль ночью. При первыхъ глухихъ ударахъ грома, коровы просыпаются и сившать по дорогь къ жилищу; но если молнія блеснеть имъ предъ глазами, онь въ ужась останавливаются, мычатъ, и потомъ бъгуть въ галопъ по вътру. Напрасно пастухи стараются собрать ихъ, называя каждую по имени: стадо въ безуміи продолжаеть свой бъщеный галопъ, не видя и неслыша ничего. Къ утру, когда гроза кончится, успъвають загнать ихъ въ одно мъсто, но всегда двъ п три коровы погибають въ пропастяхъ.

Къ счастію еще, что рѣдко гроза приходить неожиданно, и пастухи успѣвають принять мѣры для охраненія стадъ. Другая причина, необъясненная до-сихъ-поръ, производить большой безпорядокъ въ стадѣ. Когда потрошать мертвую корову, и по неосторожности разроняють на землю внутренности ея желудка и кишки, то мѣсто это дѣдается ареною битвы всего стада. Самая смирная корова, дойдя до него, начинаетъ рыть землю рогами, мычитъ, сердится, все стадо сбѣгается на ея крики и начинается страшное сраженіе, которое пастухи съ трудомъ могутъ прекратить. Изъ него всегда нѣсколько коровъ выходятъ тяжело ранеными. Если даже внутренности эти зарыты въ землю, то коровы все-таки отгадывають ихъ присутствіе и начинаютъ бѣситься.

Вст пастухи были свидътелями подобныхъ случаевъ, и хотя не могутъ растолковать ихъ, но тщательно избъгаютъ неосторожности при потрошени животныхъ.

(Athenaeum).

шубличное воспитаніе въ Турціи. Система публичнаго воспитанія получила въ послѣднее время новое направленіе. Прежде этой эпохи было только два рода заведеній: элементарным школы (мектебъ) и высшіє классы (Медрессехъ), безъ которыхъ нельзя было достигнуть важныхъ мѣстъ въ правленіи и духовенствѣ. Школъ же для торговли, промынленности и земледѣлія совсѣмъ не было, и средній классъ не могъ на образоваться, ни достигнуть высшихъ званій. Теперь же воспитаніе раздѣляется на три класса.

- 1. Элементарное воспитаніе, заключающее въ себѣ чтеніе, письмо, ариометику и религію. Родители обясаны посылать дѣтей своихъ въ школу съ шести лѣтъ. Обучаются они даромъ, и правительство поддерживаетъ эти заведенія.
- 2. Школы временныя (мектебъ и рушдіе). Теперь въ Константинонолѣ шесть подобныхъ школъ, обучающихъ 870 учениковъ, и правительство намѣрено открыть ихъ еще восемь. Ученикамъ преподаютъ арабскій языкъ, ортографію, композицію, религіозную исторію (исламъ), исторію турецкую и всемірную, географію и математику. Ученіе это тоже безвозмездно, и правительство содержитъ всѣ заведенія.
- 3. Коллегіи, разділенныя на нісколько классовь. Дві коллегіи мечетей султановь Ахмета и Селима назначены для молодыхь людей, готовящихся къ гражданскому поприщу; коллегія султанши-родительницы основана въ 1850 году, для изученія дипломаціи и администраціи. Нормальная школа служить приміромь для провинціяльныхь, школа медицины въ Галата-Сераи, основана Махмудомъ II. Кромі того есть военная султанская коллегія, морская школа, земледівльческая и ветеринарная. Нечего и говорить, что всі эти школы въ самомъ жалкомъ видів.

Въ Константинополѣ есть сорокъ публичныхъ библютекъ, только не магометане съ трудомъ въ нихъ допускаются. Въ 1848 году сильный пожаръ истребилъ въ медицинской школѣ музей, собранія рѣдкостей, ботаническій садъ и анатомическую коллекцію. Теперь слѣланы новыя постройки, и почти всѣ потери вознаграждены. Музей древностей открытъ въ старомъ Сералѣ, близъ арсенала, и съ мая 1852 года иностранцы могутъ восхищаться превосходною коллекцією древнихъ костюмовъ. Само собою разумѣется, что все это только лля проходящихъ.

Въ Костантинополь три типографіи (на восточномъ языкъ), для государственныхъ бумагъ и газетъ и для медицинской школы. Кромъ того есть двъ европейскія типографіи, дозволенныя правительствомъ, гдъ литографируютъ также турецкія рукописи. Въ Булакъ, близъ Каира, есть типографія для всъхъ восточныхъ внигъ. Періодическія изданія и европейскія подчинены ценсуръ. Ценсоры есть въ Константинополь, Смирнъ, Каиръ и Александріи. (Athenaeum).

41

соперинкъ ко-и-пура. Одинъ изъ ведичайшихъ брилліантовъ въ свъть, представленъ на дняхъ на сохраненіе въ лондонскій банкъ. Онъ принадлежитъ одному лондонскому дому, который получилъ его въ Ріо-Жанейро. Онъ въситъ 254 карата, и оцьненъ въ 280,000 фун. стерлинговъ (1,680,000 руб. сер.). Онъ чистьйшей воды, и не имъетъ ни одного пузырька. Негръ, нашедшій его, получилъ за это своболу. (Jllust).

торговля волосами. Прежде парикмахеры скупали свой матеріяль въ госпиталяхъ и тюрьмахъ. Теперь во всей Западной Европъ сдълалась эта торговля сельскою, то есть лучшіе и красивъйшіе волосы покупаются у крестьянокъ, которымъ нужны деньги. Употребляются и мужскіе волосы, но они жестки, и идутъ только на дешевые парики. Всего дороже цънятся съдые волосы, потому что хорошо принимаютъ всякаго рода окраску.

Свътлорусые волосы получаются изъ Германіи, гді существуетъ голландское общество скупателей, доставляющихъ огромное количество этого матеріяла въ Англію. Впрочемъ, послі продолжительной моды на этотъ цвітъ, стали теперь больше требовать темно-русыхъ париковъ. Сперва въ Лондоні обогащались парикмахеры світлозолотистыми волосами, продавая ихъ за восемь шиллинговъ унцію (значитъ вдвое дороже серебра), теперь мода пошла на брюнетовъ, а этотъ цвітъ волось наиболіє получается изъ Франціи. Тамъ поселились теперь монополисты этой торговли, и поочередно объізжають всі французскія деревни, возвращаясь не прежде, какъ по прошествіи нісколькихъ літъ въ тіз селенія, гді уже были.

Цены при покупке ими волось бывають различныя, смотря по качеству и курчавости, а именю: отъ десяти до двадцати су за фунть. Англійскіе закупщики платять по пяти шиллинговъ. Сами же беруть потомъ на свой товаръ до 300%, а именю: парикъ, на которомъ три унціи волось, то есть на одинъ шиллингъ, продается отъ двадцати пяти до тридцати шиллинговъ.

Вообще во Франціи ежегодно собирается до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ фунтовъ волосъ. Одинъ домъ въ Парижѣ продаетъ ихъ потомъ ежегодно на четыреста тысячъ франковъ. (Novellen Zeitung.)

странныя случайности жизни. Изв'єстный германскій путешественникъ Кизеветтеръ, издавшій недавно любопытные этнографическіе очерки,—описываетъ удивительные случаи въ своей жизни. Во время пятнадцатильтняго своего путешествія по С'єверной Азіи и Европь, быль онъ шаманомъ у калмыковъ, сыномъ Татарина и отцемъ Курда.

У курдовъ, когда прівдеть чужестранець, то б'єдныя женщины являются къ нему и кладуть у чогь его новорожденное свое дитя, говоря: «ты отець» Послів чего прохожій обязань дать ей подарокь на воспитаніе ребенка, получая вм'єсть съ тымь право національности въ этомъ племени.

У татаръ Кизеветтеръ имѣлъ случай спасти дѣвушку слѣдующимъ образомъ. Тамъ свадьба состоитъ въ томъ, что женихъ долженъ похи-

тить невъсту, и въ теченіе трехъ дней построить съ нею особенный для себя домъ. Однажды дъвушка вдругь раздумала въ ту самую минуту, какъ женихъ пришелъ похитить ее—и закричала.

- Спасите меня! я не хочу съ нимъ строить домъ.

Кизеветтеръ случился побливости и съ оружіемъ въ рукахъ освободилъ ее и привелъ обратно въ семейство, которое за это дало ему право и названіе брата дъвушки.

У калмыковъ одни жрецы, или шаманы имѣютъ право быть живописцами. Узнавши, что Кизеветтеръ живописецъ, жрецы тотчасъ же вообразили себѣ, что онъ долженъ быть изъ ихъ сословія, приняли его въ свой кругъ, посвятили въ свои таинства и заставили даже исправлять свою должность. (Nov. Zeit.)

страсть къ тапцамъ. Конечно, нигдѣ такъ много не пляшуть, какъ въ Ютландіи. Тамъ свадебныя празднества совершаются три, четыре дня сряду, и всякій день танцы съ обѣда продолжаются до глубокой ночи и даже до утра. Этотъ обычай сохранился еще съ древнихъ временъ. Тогда плясали подъ звуки военныхъ пѣсень. Теперь довольствуются одною скрипкою. Невѣста должна протанцовать со всѣми гостями. Послѣ этого она удаляется и надъваетъ женскій чепчикъ. Въ этомъ нарядѣ должна она перетанцовать со всѣми женщипами.

Въ Зеландін танцы продолжаются по улицъ чрезъ всю деревню, въ поле, черезъ рвы и кочки, по грязи и песку. (Nov. Zeit).

Тарса отправляться къ берегамъ Кидна, то прежде всего встрѣчается по дорогѣ джами, или мечеть, посѣщаемая мусульманскими пилигримами. За нею тянутся сады апельсинныхъ, фиговыхъ и другихъ деревьевъ. Въ одномъ изъ этихъ садовъ стоитъ огромный намятникъ, посѣщаемый всѣми путешественниками, которые однакоже до сихъ поръ ничего опредѣленнаго не знаютъ о значеніи этого монумента. Онъ вышиною въ восемь футовъ, но его видно только, когда пройдешь окружающія его деревья. Къ нему проведены каналы изъ Кидна, содержащіе около него самую роскошную растительность. Лѣтомъ, садъ Дунукъ-Даша составляетъ сборное мѣсто для вечерней прогулки всѣхъ окрестныхъ жителей. Здѣсь пьютъ кофе и шербетъ, курятъ наргилье, но надобно быть осторожнымъ и не слишкомъ близко подходить къ высокой травѣ, растущей у подножія Дунукъ-Даша, потому что въ ней часто скрываются черныя змѣи.

Этотъ намятникъ служитъ также предметомъ мусульманскихъ пилигримствъ (хотя никто не знастъ по какому поводу). Подлѣ него стоитъ старое оливковое дерево, обвѣшанное лентами, привязываемыми феллахами, получившими исцѣленіе отъ лихорадки. Это оливковое дерево называется деревомъ Савтона-Али, и нуссаріо (крестьяне) стекаются сюда во множествѣ для совершенія молитвы.

Турецкое слово Дунукъ-Дашъ значитъ опрокинутый камень. Магометанскія преданія увѣряютъ, что на ближней высотѣ стоялъ дворецъ, котораго жители (князь и дочь его) заслужили гнѣвъ Магомета, опрокинувшаго это зданіе и бросившаго его на нынѣшнее мѣсто, такъ что дворенъ очутился вверхъ дномъ, и сдѣлался гробницею.

Дунукъ-Дашъ древнѣйшій памятникъ Тарса, лежить на юго-восточной сторонѣ этого города, на правомъ берегу Кидна. Онъ составляєть большой паралеллограммъ въ 115 метровъ длины, 42 ширины и 7 вышины изъ пуддинговаго камня, составляющаго смѣсь кремня, извести и песку, соединенныхъ цементомъ, превратившимъ составныя части камня въ самую твердую массу.

Французскій консуль въ Тарсѣ Жилле, пытался въ 1836—1839 годахъ проникнуть во внутренность этого зданія, чтобъ рѣшить цѣль загадочнаго его существованія, но принужденъ быль однакоже отказаться отъ своего намѣренія, не открывъ почти ничего.

Внутри параллелограмма находятся два больные кубические камня, и тоже столь кръпкіе, что жельзныя орудія ломались объ нихъ. Эти камни отстоять на 42 метра одинь оть другаго и оть ограды. Къ свверо-востоку пространство между камнями и стъною засыпано землею; съ юго-западной открыто. За съверо-восточнымъ камнемъ есть свободный проходъ, позади котораго поперечная ствиа; далве еще открыто пространство и еще такая же стіна. По близь зежащимъ развалинамъ можно заключить, что объ эти поперечныя стъны были соединены сводами съ главнымъ зданіемъ. У подножія и около паралеллограмма и камней разбросано множество кусковъ самаго бълаго и чистаго мрамора. Груды такого же мрамора, почти превращеннаго въ пыль, лежать на оградной стана, гда на накоторой высота видны углубленія, въ которыхъ в'вроятно тоже были мраморныя доски. Он'в уже конечно изчезли, и Дунукъ-Дашъ состоитъ только изъ массъ, похожихъ на обтесаную скалу. Впрочемъ фундаменты въ лучшемъ положеніи, и все, что осталось, на долго еще сохранится въ целости.

Чесни писаль къ французскому консулу Жилле: «Это удивительный памятникь, какь по твердости построенія, такь и по чрезвычайной простоть распредьленія частей. Всь признають его за надгробный монументь. Жилле, раскапывавшій землю между камнями и оградою, нашель въ ней большой мраморный палець, заставляющій догадываться, что здысь стояла колоссальная статуя.

Дунукъ-Дашъ обнаруживаетъ въ построеніи чисто-азіятскія формы. Но налобно полагать, что овъ въ послѣдствіи быль украшенъ, когда греческая образованность царствовала въ этой странѣ; это доказывается тарсійскими монетами временъ самостоятельности, династіи селевкидовъ и греческихъ императоровъ. На этихъ монетахъ есть изображеніе этого памятника съ нагробными гирляндами и съ пирамидою надъ нимъ; въ срединѣ же пирамиды изображеніе Сардананала въ ассирійскомъ костюмѣ, на какомъ-то звѣрѣ верхомъ. Эта эмблема его апотеоза. Сарданападъ основалъ Тарсъ и окрестныя колоніи. Тарсіоты ежегодно праздновали день кончины Сарданапала особеннымъ торжествомъ.

При недостатвъ историческихъ извъстій и надписей, только по этому обстоятельству и названъ этотъ памятникъ гробницею Сарданапала. (Magaz. für die Litter.)

свала инга-чангано. У подножія укрѣпленнаго замка Саксахнамана (въ Перу) лежитъ колоссальный обломокъ гранитной скалы продолговатой формы. Всякій путещественникъ съ изумленіемъ смотритъ на эту массу и непостигаетъ, какъ она сюда попала. Очевидно, что сила человѣческихъ рукъ принесла ее, но какимъ средствомъ, какими машинами, откуда, для какой цѣли? Всѣ эти вопросы остаются неразгаданными. Должно заключить однако, что скала эта назначаема была куда нибудь въ другое мѣсто, но что по недостатку силъ брошена здѣсъ. Можетъ быть, капризъ какого нибудь перуанскаго Инки заставилъ ее тащить для цѣли, ему одному извѣстной... вдругъ онъ скончался, и скала брошена тамъ, гдѣ извѣстіе о смерти его застало ее.

Она имѣетъ до 15-ти саженъ вышины и до 40 длины. Въ ней изсѣчено много ступеней и углубленій, куда нанесли земли и гдѣ развели цвѣты. Инки часто посѣщали эту скалу, куда ихъ приносили на золотомъ тронѣ. Они отдыхали тутъ и любовались съ высоты скалы прелестною панорамою. Отъ этого и скала была названа Инга-Чангана (покой Инки). (Nov Zeit).

огромное дерево. — Вновь открытое въ Калифорніи колоссальное дерево названо Wellingtonia gigantea. Подобныхъ деревьевъ найдено теперь отъ восьмидесяти до девяноста. Высота ихъ отъ 250 до 320-ти футовъ (бол е 45 саженъ), а въ поперечникъ до 30-ти (бол е 4 саженъ). Эти деревья принадлежатъ къ хвойной породъ. Кора толщиною отъ 12 до 15 дюймовъ; вътви круглыя и висятъ къ низу, какъ кипарисъ; дистья блъднозеленые и остроконечные, шишки, подобно еловымъ, въ 2½ дюйма длины и 2 ширины.

По числу внутреннихъ слоевъ срубленнаго пня можно было судить, что дерево росло 3000 лѣтъ, то есть во времена троянской войны было оно слабымъ подросткомъ. Дерево легко, мягко и красновато, какъ Taxodium Sempervirens.

Цёльный кусокъ коры этого дерева, снятый съ нижней части въ 12 футовъ вышины, выставленъ на показъ въ Санъ-Франсиско. Внутри этой коры устроена комната, обитая коврами, съ фортепьяно и сорока стульями. Недавно собрали въ эту комнату сто сорокъ дътей, которыя и забавлялись въ ней разными играми. Это дерево пріобрѣтаетъ только по два дюйма толщины каждые двадцать лѣтъ (Nov. Zeit).

[—] новый журналь.—Г. Дельвенкуръ будеть издавать журналь въ Парижв: Les annales du bien. Въ немъ будуть только печатаемы примвры добрыхъ и благородныхъ поступковъ. Каждые два мвсяца будеть выходить книжка. Желаемъ этому журналу много подписчиковъ. (Illustr).

Сміьсь. 45

ужасный обычай въ Остъ-индін. — Въ Allgemeine Zeitung пишуть, что недавно было въ Амрутсирѣ (въ Дагорѣ) трехдневное засѣданіе Старѣйшинъ подъ предсѣдательствомъ главнаго Британскаго комиссара въ Пенджабѣ для совѣщаній къ прекращенію ужаснаго обычая умерщвлять новорожденныхъ дѣтей женскаго пола. Въ Triend of India увѣряютъ, что нѣсколько сотъ фамилій Сейковъ никогда не оставляло въ живыхъ дочерей своихъ. Причина этого варварскаго обычая состоитъ въ томъ, что за дочерью нало давать большое приданое, разоряющее всегда семью. Обычай этотъ наиболѣе распространенъ въ Раджиутанѣ, какъ между магометанами, такъ и Индусами. Въ Пенджабѣ тоже есть секта жрецовъ, воспитывающая только дѣтей мужескаго пола.

Теперь заведены строгія метрическія книги о рожденіи всёхъ дётей, и всякая недоказанная врачебнымъ свидѣтельствомъ смерть ребенка наказывается какъ дѣтоубійство.

откупъ нгорныхъ домовъ. — Правительство Гессенскаго Курфирста отдало вновь на двадцать четыре года французскому обществу Віальи и Комп. откупъ игорныхъ домовъ на водахъ въ Натгеймѣ, съ платою въ годъ казнѣ по 30,000 талеровъ и съ обязанностью употребить въ первые шесть лѣтъ 550,000 талеровъ на постройки, ухрашенія и пр. въ Натгеймѣ, которыя по истеченіи контракта будутъ сданы въ собственность казны. — Если въ первые двѣнадцать лѣтъ, постановленіемъ германскаго Сейма воспрещены будутъ азартныя игры, то откупщикъ получаетъ отъ казны вознагражденіе. Если же это случится по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, то онъ неимѣетъ права на это вознагражденіе. (Illustr.)

средства отъ обжоги. — Восьмимъсячное, дитя, которое обварили кипящимъ молокомъ, было вылечено слъдующимъ образомъ. Уничтоживъ сперва пузыри, врачъ намазалъ обожженныя мъста смъсью 50-ти частей коллодіума съ 6-ю частями кастороваго масла. Сперва боль усилилась, но мало по малу успокоилась, такъ что четыре часа спустя, дитя играло уже очень спокойно. Дальнъйшее леченіе состояло въ приложеніи ваты. Въ нъсколько часовъ все зажило безъ нагноенія. (Nov. Zeit).

развалины Акаркуфа. Известный ученый и антикварій Анперъ пишеть парижскому географическому обществу следующее: «Я сейчась только осматриваль колоссальныя развалины Акаркуфа (въ семи часахь на западе отъ Багдада) и лумаю, что Акаркуфъ древній Бу-Азаргать (храмъ Азаргата). Имя это находится на кирпичахъ Навуходоносора. Древніе Греки говорять о храмь Атаргета въ Месопотаміи. Можно почти принять имя Атаргета за испорченное слово Би-Азаргать. По Вавилонской и Финикійской Мифологіи, Атаргета была богиня, которая съ сыномъ своимъ ихтисомъ (рыбою) бросилась въ Аскалонское озеро. Въ развалинахъ видно огромное, хотя уже и довольно разрушившееся зданіе въ 300 метровъ въ окружности и въ 40 вышины. Это, въроятно, развалины большой Вавилонской башни, хотя устройство ея и разнится отъ прочихъ халдейскихъ памятниковъ. Кирпичи ея черны и очень толсты, но нешироки. Они связаны цементомъ изъ земли и камыша.

На этихъ Акаркуфскихъ кирпичахъ не нашелъ я никакихъ надписей. (Nov. Zeit).

Лиссабонъ. (Изт записокт путешественника) 13 августа прибыли мы въ Лиссабонъ. Хотя мы въ географіяхъ и учились, что Лиссабонъ стоитъ на твердой вемлѣ, но туда иначе не ѣздятъ, какъ моремъ, по Средиземному ли, по Атлантическому, кому какъ ближе. Но черезъ Испанію, кажется, еще отроду никто не ѣзжалъ. А развѣ путешествовали Саламанкскіе студенты во время каникулъ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ.

Кто хочеть вхать изъ Парижа въ Лиссабонъ, тотъ садится на съверной жельзной дорогь въ вагонъ, переправляется черезъ Проливъ, просыпается въ Соутгемитонь, пересаживается на пароходъ Peninsular Сотрапу, и черезъ пять иногда черезъ шесть дней прівзжаеть въ устье Тага.

Сперва берегъ видънъ только въ телескопъ, потомъ простыми глазами; но Лиссабона нътъ. Горы скрываютъ его. Видны только крутые берега, голые и безжизненные, обливаемые жгучимъ солнцемъ. Жатвы, бывшія тутъ всѣ уже сняты въ іюнѣ и іюлѣ. За то на высотахъ множество вътренныхъ мельницъ самаго страннаго устройства, которыя любопытно было бы изслъдовать.

Наконецъ является налѣво ферма Санъ-Гуліао; далѣе Белемская башня; берега расширяются, и Лиссабонъ передъ глазами. Панорама великолѣпная: весь городъ выстроенъ въ видѣ амфитеатра. На другомъ берегу все усѣяно деревьями. На западной оконечности красуется общирный дворецъ кородевы Айуда.

Вотъ брошенъ якорь. Но надобно ждать прівзда полиціи и карантинныхъ чиновниковъ. Они уже летять на двінадцативесельной лодкі и объявляють насъ въ благополучномъ состояніи. Таможня здісь чрезвычайно услужлива и снисходительна. Они знають даже нісколько словь по-французски. Всего боліве отыскиваетъ таможня сигары и мыло. Эта монополія теперь въ рукахъ одного изъ главныхъ португальскихъ богачей, графа Фарробо. Она ему отдана въ уплату за заемъ, сділанный у него Дономъ Педро въ 1833 году. — Впрочемъ и тутъ добросовістный пассажирь скоро отділывается, передавая свой багажъ одно му, или двумь Галлего.

Галлего составляетъ главное и необходимое лице всей Лиссабонской жизни. Это руки Лиссабонскихъ жителей, безъ которыхъ они не могли бы существовать. Всё они приходятъ въ столицу изъ Галлиціи. Галлего вевдё встречается, онъ ждетъ васъ у дверей, когда вы идете куда нибудь; онъ отворяетъ вамъ дверь, когда вы возвращаетесь. Онъ восильщикъ, водоносъ, онъ пожарный въ день пожара, онъ комиссіонеръ, онъ слуга. Онъ однакоже не знаетъ ни тачки, ни телъжки: у него только руки и плечи. Если ноша тяжела ему, онъ беретъ товари-

ща, вѣшаетъ ношу на палку посрединѣ, а концы кладетъ себѣ на плечи.

Галлего, какъ носильщикъ воды, занимаетъ важное званіе въ Лиссабонь, гдь льтомъ такъ мало воды, не смотря на великольпный водопроводъ Das agoas livreo, построенный королемъ Ioao V. Съ утра до вечера ходятъ они по домамъ съ своими боченками... и вдругъ пускаются всь опрометью бъжать въ запуски. Они услышали сигналъ пожара, и всь спъшатъ туда съ своею водою. Первому, кто явится на пожаръ, назначена премія.

Нѣтъ дома въ Лиссабонѣ, гдѣ бы въ подмогу служительниць не было нѣсколькихъ Галлего, которые, разумѣется, больше всѣхъ работаютъ. Онъ съ поваромъ и кухаркою идетъ на рынокъ и несетъ корзину съ припасами, потому что португалецъ послѣдняго сословія низа что не понесетъ по улицѣ ни малѣйшей тяжести. Онъ для этого нанимаетъ Галлего. Прачка явится къ вамъ съ готовымъ бѣльемъ, которое однако же несетъ за нею Галлего.

Эти горцы составляють въ Лиссабонь особую колонію, имьющую свой языкъ и костюмъ, свои нравы, свою физіономію. Имья ежеминутныя сношенія съ жителями столицы, они никогда не мьшаются съ ними. Едва они собрали себь достаточно денегъ (грузъ мелкой, мьдной монеты франковъ въ пятьдесятъ,) они возвращаются на родину. Столица для нихъ нечто иное, какъ Калифорнія, наполненная мьдною монетою; безпрестанно составляются группы нажившихся галлего, которые караваномъ идутъ назадъ въ свои горы, а новыя толны являются на смьну. Ихъ постоянно считается до восьмнадцати тысячъ въ Лиссабонь. Сборъ же ихъ съ Лиссабона простирается до двухъ милліоновъ франковъ въ голъ.

Лиссабонь охотно илатить эту подать и мстить за это преврвніемь къ этимь горцамь. Інссабонцы придумали поговорку: «Осель создань для облегченія человівка, а галлего для облегченія осла.» Трудь, работа, слова неизвістныя для португальцевь; у одного бідняка, стоявшаго въ рубищі на перекресткі для выпрашиванія милостыни, прохожій потребоваль незначительной услуги, предлагая ему деньги, но тоть съ гордостью отвічаль:

— Ступай дальше. Я не галлего.

Впрочемь, въ Португаліи слово осель и личность этого животнаго вовсе не обидны. Осель пользуется здѣсь большимь уваженіемь. Важвѣйшія лица ѣздять на немь верхомь по улицамь и не подвергаются ни мальйшимь каламбурамь. Первые франты разъѣзжають на ослахъ; конечно всего больше употребляется онь въ среднемъ сословіи. Вездѣ вы встрѣтите телѣгу, на которой усѣлось цѣлое семейство, ѣдущее подъ оградою большихъ зонтиковъ.

Въ Парижъ стали бы смъяться, кто въ солнечный день пойдетъ съ распущеннымъ зонтикомъ. Въ Лиссабонъ это необходимо.

Во всъхъ географіяхъ сказано, что въ Лиссабонь до 300,000 жителей. Прівзжій никогда не повърить этому, потому что сколько бы онъ ни ходиль по улицамъ, онь всегда пусты. Кромь важной, особенности никто не ходить со двора; летомъ, съ іюня до сентября, все живуть за городомъ.

Въ Лиссабонѣ много красивыхъ площадей и улицъ Plaça da commercio (торговая площадь), на которой стоятъ таможня, биржа, домы министерствъ; Росіо, гдѣ прежде была инквизиція; улицы: золотая, серебряная, Августовская, Кіадо, (сборище магазиновъ, слѣдственно полу-французская улица. Что же касается до чистоты и прямолинѣйности улицъ, этого нельзя требовать отъ Лиссабона. Здѣсь до сихъ поръ остались развалины отъ землетрясенія 1755 года. Ихъ никто не трогаетъ, не очищаетъ. Къ нимъ присоединяются еще и другія развалины, а именно: жилища, запустѣвшія отъ нищеты. И онѣ остаются въ цѣлости.

Впрочемъ, что намъ до зданій? они вездѣ въ Европѣ одинаковы. Іюди гораздо любопытнѣе. Только чтобъ узнать ихъ, надобно прежде съ ними встрѣтиться. А это здѣсь очень трудно. Теперь же лѣтомъ Іиссабонцы живутъ на дачахъ (кинтасы).

Къ сѣверо-запалу отъ столицы, въ пяти португальскихъ миляхъ отъ нея (не спрашивайте велика ли эта миля—этого еще никто не опредълилъ; она считается въ часъ ѣзды шагомъ) стоитъ городокъ Синтро. Онъ весь составленъ изъ кинтасовъ, куда жители Лиссабова перебираются на лѣто. Попробуйте поѣхать туда. Вы найдете всѣ сады открытыми для посѣтителя. Обойдите ихъ, осмотрите, восхищайтесь, рвите, пожалуй, цвѣты, если не совѣстно. Но хозяевъ никогла не встрѣтите. У нихъ сады не для того, чтобъ гулять, а чтобъ изъ-за-жалузи смотрѣть на нихъ. Развѣ какой нибудь праздникъ, или бой быковъ выманитъ жителей изъ домовъ. О! тогда и португальцы умѣютъ веселиться. Музыка, балъ, танцы, вальсъ въ два темпа, продолжаются всю ночь. Праздникъ конченъ, и до слѣдующаго вы уже опять никого не увидите.

Въ концѣ сентября и въ октябрѣ мода требуетъ купаться въ морѣ на западной оконечности Лиссабона, у подножія Белемской башни.

Португальцы очень гостепріимны къ лицамъ, которыя имъ рекоменлованы; но если кто не знаетъ въ точности адреса, тотъ долго будетъ искать. У какой бы двери онъ непостучался, ему въ форточки, сдыланныя во всякой двери, будутъ сурово отвъчать: «tenhe paciencia!» (имъйте терпъніе) и съ этимъ словомъ запрутъ ее.

Но кто наконецъ достигъ до хозяина, тотъ принятъ очень хорошо-Меблировка комнатъ самая простая. Полъ всегда покрытъ циновкою отъ дворцевъ до хижинъ. На стѣнахъ пѣтъ обоевъ, потому-что ихъ всякій годъ къ Святой недѣлѣ бѣлятъ. Печей, камедьковъ нѣтъ нигдѣ, и слѣдственно принадлежащихъ къ нимъ роскошныхъ часовъ. Да и вообще стѣнныхъ часовъ очень мало въ Португаліи. На что они? Спокойная жизнь этихъ людей течетъ мирно и неизмѣнно. Что было вчера, то будетъ и завтра. Они не понимаютъ дѣятельной жизни сѣвернаго человъка, гдѣ самый климатъ раждаетъ новыя вужды. Тамъ нужны часы для распредѣленія работъ: здѣсь они безполезны.

И столъ здешнихъ жителей такъ же скроменъ и простъ, какъ ме-

блировка. Яйца, рисъ, курица—вотъ всѣ блюда, съ которыми употребляютъ немного здѣшняго легкаго вина. Только въ большіе праздники откупоривается бутылка порто, или сетубальскаго мускателя. Здѣсь обѣдаютъ обыкновенно въ три часа, а къ ужину подаютъ арбузъ и чай. Къ ночи всѣ окна открываются, жалузи опускаются, и дамы выходятъ на балконъ подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться на пустоту улицъ.

Здёсь все подъ секретомъ. Темная мантія покрываетъ женщивъ съ головы до ногъ. Жилища закрыты для всёхъ такъ, что никто непроникнетъ въ нихъ. Національная карета, сеха, двумёстная, герметически закрыта кожаными занавёсками, сквозь которыя продёланы крошечныя отверзтія, какъ у актеровъ въ передней завёсѣ, такъ чтобъ можно быдо видёть, но не быть видёнными. Прочіе европейцы ёздятъ въ своихъ экипажахъ, чтобъ ихъ видёли, а здёсь, напротивъ того, такъ, чтобы никто не угадалъ сидящаго въ каретѣ.

Въ Лассабонѣ нѣтъ гульбища, какъ Гейдъ-паркъ и Ренджентсъ-паркъ, гдѣ бы публика съѣзжалась и раскланивалась Кампо-гранде родъ сквера, окруженный домами съ одною аллеею, обсаженною деревьями—вотъ единственное мѣсто прогулки. Оно чрезвычайно мало, но для Лиссабона слишкомъ велико.

Лиссабонъ раздѣляется на два города: на Старый и Новый. Это не только физическое раздѣленіе, но и нравственное. Старый городъ живетъ только воспоминаніями прошедшаго, Новый стремится подражать европейцамъ. Это двѣ крайности, которыя не скоро сойдутся.

Въ Новомъ городъ французы больше всего въ модъ. Имъ во всемъ подражають; всякаго пріъзжаго француза принимають съ отверзтыми объятіями.

Главный порокъ лиссабонскихъ жителей—это страсть къ азарднымъ играмъ. Это лихорадка, обхватившая, заразившая всё общества. Игра сравниваетъ здёсь всё состоянія. Герцогини д'Абрантесъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что въ ея время нёкто герцогъ Кадаваль, задолжавши много своему повару, позваль его и предложилъ сыграться въ банкъ. Тотъ принялъ, и долгъ былъ сквитанъ. Этому разсказу тогда не вёрили, но онъ повторяется безпрестанно. Ужаснёйшая игра разоряетъ богачей, а бёдные отдаютъ послёднюю рубаху, чтобъ взять билетъ въ лоттерею. Между первыми есть люди, которые выигрываютъ. У послёднихъ выигрышъ—мечта, а существенность—нищета.

Впрочемъ одна а ктриса выиграла недавно въ лоттерею значительную сумму.

Театръ Сенъ-Карло здѣсь довольно обширенъ, но ни фасадъ, ни украшенія внутренности залы—не подлежатъ критикѣ. Лѣтомъ онъ закрытъ; зимою играетъ италіянская труппа. Примадонна г-жа Кастелланъ, очень не дурна.

Впрочемъ, какъ и во всъхъ столицахъ, публика имъетъ здъсь претензію на музыкальность. Кажется, это пріятное заблужденіе. На театръ Доны-Маріи давали, въ день рожденія наслъднаго принца, оперу Обера Черное Домино, пънія въ оперъ ни съ чъмъ иначе нельзя сравнить,

1/84R

50

накъ еслибъ актеры французской мелодрамы вдругъ вздумали быпропъть Севильскаго цирюльника Россини.

Въ этомъ театръ видълъ я королеву. Тогда ожидали вскоръ разръшенія ея оть бремени, и всъ заранье опасались этой минуты. Къ несчастію опасенія сбылись. Но мнъ и тогда казалось, что на величественномъ лиць ея видны слъды меланхоліи.

Театръ на площади Росіо посвященъ національной литературь. Но увы! ее нътъ Авторы стараются переводить и подражать французамъ. Только недавно нъкто де-Альмада-де-Ланкостеръ поставилъ пяти-актную драму: Предсказаніе или Осада Герусалима, которая имъла нъкоторый успъхъ. Впрочемъ, съ актерами этой труппы показался мнъ всякій успъхъ невозможнымъ.

Есть и французскій театръ Дона-Фернандо. Труппа второстепенная, и зрителей бываеть не много. Одинъ графъ Фарроба поддерживаеть этотъ театръ своими деньгами.

У полошвы Айуды, на берегахъ Тага простирается Белемское предмъстье, которое при королъ Хозе I было присоединено къ городу и въ которомъ сохранился богатый монастырь въ Португаліи

Основаніе самаго Белема восходить къ блистательнъйшей эпохъ португальской исторіи. Когда Васко-де-Гама нашель путь въ Индію, изъ этого монастыря отправлялся онъ въ первую свою экспедицію въ 1497 году. Архитектура зданія довольно странная. Это смѣсь разныхъ архитектуръ, но все таки великольпная. Здѣсь погребены короли: Донъ Маноэль, и Іоао III основатели храма, и таинственный Донъ-Себастьянъ, котораго смерти такъ долго невърила вся Португалія.

Послѣ белемской церкви смотрѣть уже не на что въ Лиссабонѣ. Только въ церкви Сенъ-Роха есть часовня вся изъ мозаики, выписанная изъ Рима королемъ Іоао V. Она стоила огромныхъ суммъ. Тутъ висятъ три мозаичныя картины. (Revue contemporaine).

and the second of the second s

description of the control of the co

The first are find the on a finding and the control of the state of th

granden manager and the common that the state of the stat

ИЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Первыя книги Москвитянина. — Матеріялы для русской исторіи и литературы. — «Смёсь» нынъшняго Москвитанина.-Г. Покровскій и его памятный листокъ -Заграничныя письма г. Погодина. — Салдустій. — Критики « Москвитянина », — Разборъ «Пантеона» и литературной діятельности В. Зотова, написанный г. А. Г.-Три пункта обвиненій. - Что такое направленіе, вкусъ и цёль въ журналъ? - Неуважение къ литературъ и борзописание. - Какое мъсто занимаетъ журнальная работа въ исторіи литературы? — Стихотворенія Москвитянина. — Народность и литературныя приличія. — Эдегія — ода-сатира г. Григорьева. — Эпиграммы. — Зеденая книга. графини Ростопчиной. -- Стихи Пушкина. -- Макбетъ Шекспира въ переводъ г. Лихонина. --Англійскія метафоры. — Плохіе стихи. — Б'єдность отділа «Русской Словесности». — «Отрывокъ изъ семейной жизни». - Драма г. Потехина. - Шестая книга «Москвитянина». - Стихотворенія г. Стаховича и Раича. - Военная пъснь грековъ. - Сужденія племянника о дядъ. -Повъсть Стендаля. - Язык г. М. П. - Разборъ «Трехъ писемъ». - Что пишеть по поводу ихъ г. Г. и чёмъ онъ восхищается. - Смёсь «Москвитянина. - Опять г. Покровскій. -Последняя страница «Москвитянина». — Четвертый нумеръ «Современника». — Гоголь. — Критика И. С. Т.-Разборъ Раута.-Московскіе и петербургскіе сюрпризы.-Сюрпризь неупоминаемый «Современникомъ», -- Иногородный Подписчикъ и Литературный Ералашъ.

Мы въ долгу передъ «Москвитяниномъ». Уже апръль, а мы не говорили еще ни слова о первыхъ книгахъ этого журнала. Въ нашей неакуратности извиняетъ насъ неакуратность самого «Москвитянина». Вмъсто двухъ книгъ его, въ январъ явилась одна, толщиною, впрочемъ замѣняющая двѣ; въ февралѣ случилось тоже самое; въ мартѣ вышла только одна тоненькая книжка, съ нациисью № 5. Шестая только что получена, ни седьмой, а тѣмъ болѣе восьмой нѣтъ еще въ Петербургѣ, хотя мы пишемъ эти строки уже во второй половинѣ апрѣля. Еще страннѣе, что послѣдняя книжка прошлаго года также до-сихъ-поръ не выходила, и «Москвитянинъ» 1854 года не упоминаетъ ни слова объ этой недоданной книжкѣ 1853, какъ-будто это вовсе до него не касается.

Въ вышедшихъ до-сихъ-поръ трехъ, а по счету «Москвитянина» пяти книгахъ, есть однако же много замъчательныхъ статей. Самый богатый и любопытный отдълъ его—это матеріялы для русской исторіи и литературы, и за нихъ мы всегда въ особенности благодарны «Москвитянину.» Не понимаемъ только, почему эти статьи то относятся къ отдълу Словесности, (какъ Записки «Современника»), то къ отдълу Наукъ, то къ отдълу Историческихъ матеріяловъ, и почему эти два послъдніе отдъла не соединены въ одно? Развъ историческіе матеріялы не принадлежатъ къ наукъ? Разберемъ эти статьи:

«Записки Современника» Дневникъ студента. Продолжение въ высшей степени замъчательнаго сочинения, но о которомъ покамъсть нельзя ничего сказать, потому-что все оно помъщается на трехъ неполныхъ страничкахъ, послъ которыхъ сказано: «продолжение будетъ», а такъ какъ его не было, то совершенно напрасно было помъщать и начало, въ которомъ пока ровно ничего не сказано.

«Любопытные документы, изъ портфелей Миллера» не всё любопытны, а еслибъ и всё были, то думаемъ, что ни въ какомъ случаё не слёдовало давать имъ названіе: «любопытные». Этотъ эпитетъ можно было пожалуй, вывести въ примѣчаніи, но не дёлать его заглавіемъ.

«Инструкція дворецкому Ивану Нѣмчинову о управленіи дому и деревень», написанная извѣстнымъ кабинетъ-министромъ Артеміемъ Волынскимъ, замѣчательна въ особенности по той заботливости, съ какою этотъ вельможа занимался благосостояніемъ своихъ крестьянъ.

«Смъсь къ московскимъ въдомостямъ 1795 года.» Она составлялась Карамзинымъ и перепечатана потому, что не вошла въ составъ полнаго собранія его сочиненій.

О стать т. Максимовича: » «родина Гоголя», неговоримъ ничего потому, что и самъ авторъ не сказалъ въ ней ровно ничего. Въ смъси 5-й книги собственно одна, также недурная статья: «Валлотти Тротъ, или легенда о льнъ и другихъ пряжахъ». Листокъ ошибокъ въ русскомъ языкъ г. Покровскаго принадлежитъ скоръе къ критикъ, но къ критикъ мелкой, привязывающейся къ ошибкамъ и недосмотрамъ, неизбъжнымъ во всякой срочной работъ. Намъ также часто случается замъчать промахи и непра-

вильности въ журнальныхъ статьяхъ, но мы обращаемъ на нихъ вниманіе читателей только въ томъ случав, когда эти неправильности ръзко бросаются въ глаза или дълаются въ особенности непріятны по самому тону статьи. Но составить для себя исключительное занятіе въ отъискиваній мелочныхъ недосмотровъ въ статьяхъ переводныхъ и даже текущихъ извъстіяхъ и новостяхъ, находить въ статьяхъ только однъ ошибки и больше ничего, - признаемся, мы не понимаемъ этого и не думаемъ, чтобъ подобная работа принесла какую-нибудь пользу... даже грамматикъ. Г. Покровскій прибавляетъ, правда, къ своему названію «Памятнаго Листка» слова: «съ присовокупленіемъ мніній, разсужденій, взглядовъ по части языкознанія вообще; » но это присовокупленіе существуєть только въ заглавіи, и ни какихъ ни взглядовъ, ни разсужденій нътъ въ этихъ корректурныхъ замъткахъ. Правда, г. Покровскій присовокупиль къ своему Листку еще «Листокъ удачныхъ нововведеній въ русскомъ языкъ», но это составило не очень удачное нововведение. Сверхъ того, со многими замътками и поправками г. Покровскаго нельзя согласиться. Такъ, напримъръ, онъ замъняетъ слово оргентироваться-глаголомъ опознаться, переводить arrière pensée-nomaennaя цтоль, вмъсто дилеммы пишетъ бъда, что даже смъшно, или что еще смъшнъе и доказываетъ совершенное незнание терминовъ живописи, замъняетъ слово этюдъ-урокомъ. Многія фразы поставлены г. Покровскимъ въ число неправильныхъ, не извъстно на какомъ основаніи. Почему, напримъръ, нельзя сказать: я никогда не быль такъ здоровъ, какъ сегодня? Музыка доставляетъ средство къ существованію? Здёсь г. Покровскій замъняетъ существование-прокормлениемъ, забывъ, что существовать, значить не только кормиться, но и имъть другія необходимыя условія въ жизни: одежду, кровъ, и проч. Слово ношатай, противъ котораго онъ возстаетъ, кажется намъ, напротивъ, очень удачнымъ нововведеніемъ, совершенно правильно составленнымъ по формъ, чисто русской (глашатай, оратай) и во всякомъ случат гораздо приличнъе сказать: ношатай обезьянъ, нежели носильщикъ, какъ предлагаетъ г. Покровскій. Говоря о живописи, онъ хочетъ уничтожить выраженія: традиціи, персонажи, тонь ландшафта (противъ самого слова ландшафть, онъ не возстаетъ, хотя оно тоже не русское) экспрессія, контурт, утрировант, карьера, наивность, зигзагь, и даже оригинальность и костюмь. Любонытно, какъ перевель бы г. Покровскій слово костюмерь - въроятно одежникъ. Указывая на слово его, пять разъ встръчающееся въ четырехъ строкахъ переведенной статьи, г. Покровскій ставитъ три восклицательные знака, и думаетъ, что этимъ все сказалъ. Мы бы пригласили его исключить хоть одно изъ этихъ его безъ ущерба ясности и смы-

сла фразы. Найти негладкую фразу не трудно, но исправить ее не такъ легко, какъ поставить три восклицательные знака. Въ другомъ мъстъ ему опять не понравилось частое повтореніе слово эти и онъ только изъ учтивости не предлагаеть его замънить мъстоименіемъ сіи. Слова: логика и здравый смысль для г. Покровского одно и тоже. Онъ въроятно забыль, что можно имъть здравый смысль и не знать логики, или наоборотъ, можно знать логику и неимъть здраваго смысла. Странно также, что заботясь, повидимому о чистотъ и богатствъ русскаго языка, г. Покровскій хочеть уничтожить въ немъ всв синонимы, находить, что сострадание и сожальние совершенно одно и тоже (и стало-быть одно изъ этихъ словъ надо исключить вовсе, какъ не нужное?) хвастать и фанфаронить одно и тоже; до-нельзя и какт только мого, одно и тоже. Г. Покровскій очень негодуеть, зачемь эти выраженія поставлены одно подлі другаго. Онъ забываеть, что даже риторика допускаетъ повторение не только однозначущихъ, но даже однихъ и тъхъ же словъ, какъ фигуру усиленія. Ненравится ему также выраженіе: «счастливъйшій человъкъ въ природи». «Будто это лучше, нежели ез сетть, ез мірь?» спрашиваеть г. Покровскій, а будто хуже? спросимъ мы въ свою очередь. Предсмертная агонія, катастрофа, эксцентричность, интимный, эластичность, фать, также навлекаютъ на себя негодованіе г. Покровскаго. Увлеченный своею кампаніею противъ иностранныхъ словъ, онъ въ жару делаетъ самъ галлицизмъ, говоря: «это есть французское выраженіе.» Но довольно о г. Покровскомъ и его странностяхъ. Если мы заговорили объ его коректурныхъ занятіяхъ, то потому, что и онъ самъ, и журналъ, помъщающій его замътки, приписывають имъ уже слишкомъ много важности. Повторяемъ, что набрать ошибокъ и неправильностей въ нашихъ журналахъ очень легко, но трудъ этотъ совершенно безполезенъ, въ особенности если онъ составленъ не добросовъстно и придирчиво, что мы старались доказать приведенными нами примърами, взятыми только изъ двухъ нумеровъ «Памятнаго Листка.»

Къ смѣси же должны мы отнести отдѣлъ «Современныхъ извѣстій», подраздѣляющихся еще на заграничныя, внутреннія и московскія. Въ этомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаютъ, конечно, письма самаго редактора изъ-за границы. Игривость слога его слишкомъ извѣстна, чтобъ объ ней распространяться; приведемъ нѣсколько строкъ въ доказательство того, что г. Погодинъ пишетъ все также, какъ въ то время, когда онъ издаваль свои первыя путевыя впечатлѣнія. Авторъ ѣдетъ въ Парижъ по желѣзной дорогѣ изъ Страсбурга. Описавъ съ обычною живостью, какое реанье бываетъ на станціяхъ, у буфетовъ, какимъ образомъ пас-

сажиры, при звонкъ «на всемъ лету садятся по мъстамъ, какъ угорълые, жуютъ, обтираются и насилу-насилу опомниваются,» господинъ Погодинъ говоритъ:

«Но вотъ Эперней, столица шампаніи. На галлерев буквами въ аршинъ написапо: Buffet d'Epernay, а 50 centimes le verré! (эпернейскій буфетъ, шампанское по 40 к. за бокаль!)»

Неуспъли вы подумать о томъ, какимъ образомъ 50 сантимовъ, т. е. 15 коп. сер. превратились въ 40 коп., неизвъстно чего,—путешественникъ увлекаетъ уже васъ къ буфету:

«Машина остановилась, дверцы всв расперлись, путешественники поскакали благимъ матомъ къ буфету. Du champagne, du champagne! Виночерпіи въ бълыхъ передникахъ бъгаютъ взадъ и впередъ. Пробки летятъ въ потолокъ. Перестрълка не умолкаетъ. Пішшъ, шшшъ... бокалы пънятся. Спросили и мы полбутылки. Выпили по другому бокалу, закусили. Allons, allons messieurs! А захотълось уже еще: епсоге une demi bouteille! но звонокъ раздался, нъкогда (т. е. некогда)... побъжали, съли—двинулись.»

Очень, очень живо. Вся статья написана въ такомъ же родъ; есть въ ней много и другихъ любопытныхъ вещей въ родъ: отдиранья на скрипкъ, великолъпнаго позорища, впрочемъ поставленнаго въ скобкахъ, конечно изъ скромности, подлъ великолъпнаго спектакля, и т. п.; Очень върно. Поразительно. Прочли. Восхищались... удивились. Хотъли перечитать, некогда, пожалъли, двинулись дальше.

Во внутреннихъ извъстіяхъ замъчательна статья г. Терещенки «Улусъ хошотскій», хотя о калмыкахъ этого улуса П. И. Небольсинъ номъстиль большую статью въ «Библіотекъ для Чтенія» 1852 года, составленную върнъе и лучше. Объ извъстіяхъ изъ Петербурга, помъщаемыхъ въ этомъ же отдълъ, не можемъ отозваться съ похвалою: они очень не полны и часто ошибочны, а письма о Рашели П. А-ва даже весьма слабы.

Заговоря о смъси «Москвитянина», мы не усиъли уномянуть еще о трехъ статьяхъ, относящихся къ матеріяламъ исторіи и литературы. Первая изъ этихъ статей: «Саллустій» римскій историкъ, ошибочная по выбодамъ, странная по изложенію, заключаетъ въ себъ однако же нъсколько любопытныхъ фактовъ, и доказываетъ близкое знакомство автора съ источниками, хотя онъ часто перетолковываетъ ихъ по-своему. Авторъ статьи хочетъ, во чтобы то ни стало, защитить Саллустія отъ всъхъ возводимыхъ на него обвиненій, и съ этою цълью представляетъ себъ, что передъ нимъ является призракъ Саллустія и начинаетъ разсказывать свою жизнь. Почти вся первая половина статьи состоитъ въ

разговорѣ автора съ тѣнью историка. Не говоримъ уже о томъ, что избравъ такую форму для своего изслѣдованія, авторъ очевидно не могъ заставить Саллустія говорить противъ себя, но спрашиваемъ каждаго: можно-ли писать такимъ образомъ историческія изслѣдованія, и слѣдуетъ-ли ихъ помѣщать въ отдѣлѣ наукъ?

Вторая статья г. Лешкова: «О народномъ продовольствій въ Россій», замічательна во всіхъ отношеніяхъ; объ ней нельзя ничего сказать кромі похваль, вполні заслуженныхъ авторомъ.

Въ статъв «Нъсколько сочиненій Пушкина», превосходно посланіе его къ Дельвигу. Мы приведемъ его, когда будемъ говорить о стихахъ, помъщенныхъ въ «Москвитянинв». Все остальное любопытно только потому, что написано Пушкинымъ.

Перейдемъ теперь къ критикъ «Москвитянина», чтобъ окончить обзоръ серьезныхъ статей. Мы говорили уже, что это самый слабый отдълъ журнала, что въ литературной оцънкъ книгъ и писателей встръчаются часто сужденія самыя странныя, въ митніяхъ итть ни единогласія, ни системы, ни направленія. Вообще отдълъ этотъ даже очень маль; разбираются три, четыре книги, неизвъстно почему избранныя изъ вновь выходящихъ произведеній, точно также, какъ неизвъстно почему о другихъ, болъе замъчательныхъ книгахъ не говорится ни слова. По этому отдълу, отъ котораго болъе всего требуется единства взглядовъ и мыслей, у «Москвитанина» много сотрудниковъ, даже не для спеціальныхъ изданій, а для произведеній одного и того же рода. Такъ «Отечественныя Записки» разбираетъ Е. Э. «Пантеонъ»—Г.; кромѣ того въ трехъ нумерахъ «Пантеона» мы встрътили заглавныя буквы еще следующихъ критиковъ: N., Б., И. Д., К. З., Б. А.; послъднія буквы разбираютъ «Современникъ», и того семь критиковъ для двадцати двухъ книгъ и четырехъ нумеровъ журналовъ. Замътимъ также, что кромъ разбора журналовъ и комедіи Островскаго: «Бъдность не порокъ», всъ эти рецензіи очень коротки и поверхностны. Само-собою-разумъется, что комедія Островскаго, разобранная на осьмнадцати страницахъ, названа чудомъ совершенства. Странныхъ митній въ этихъ рецензіяхъ немало. Такъ неизвъстный критикъ, разбирая разсказы Тепфера, ставить этого пустаго, скучнаго и сладенькаго нувеллиста на ряду съ Альфредомъ де Мюссе, Шарлемъ Нодье, Мериме и Ауербахомъ и выше Гюго. Бальзака и Дюма, въ чьихъ произведеніяхъ, по словамъ рецензента, геніяльныя карикатуры и фантастическіе характеры. Это не доказываеть въ рецензенть ни вкуса, ни знанія французской литературы. Если къ нъкоторымъ слабъйшимъ произведеніямъ Гюго и Дюма можно въ извъстной степени примънить странные эпитеты рецейзента, то сказать, что Бальзакъ создаваль фантастические характеры, значитъ вовсе не знать этого удивительнаго живописца современнаго парижскаго общества, который въренъ дъйствительности до малъйшихъ, микроскопическихъ подробностей.

Въ разборъ «Современника» всего любопытнъе выговоръ редакціи, зачъмъ герой романа Станицкаго и повъсти Тургенева носятъ одно и тоже имя Борисъ. Критикъ видитъ въ этомъ явное подражаніе графинъ Ростопчиной, съ легкой руки которой всъ герои начали называться Борисами.» Сознаемся смиренно, что мы даже и не знаемъ, какого это геров графини Ростопчиной звали Борисомъ... Въ разборъ «Отечественныхъ Записокъ» рецензентъ восхищается стихотвореніемъ Н. О. Щербины «Волосы Береники», и находитъ слабыми «Лъсъ» и «Дъвочки», тогда какъ, напротивъ, первое гораздо слабъе послъднихъ. Во всъхъ этихъ рецензіяхъ мы остались болъе всего довольны слъдующими словами, сказанными по поводу неразборчиваго подражанія Гоголю, сильно замътнаго въ «Слобожанахъ» г. Данилевскаго.

«Никогда еще, можетъ-быть, языкъ не былъ въ такомъ пренебрежени у нашихъ писателей, какъ въ настоящее время. На слогъ теперь не многіе обращаютъ вниманіе... Такъ еще недавно было сказано, что Гоголь довелъ русскую прозу до высокой степени совершенства. Конечно, никто болье насъ не уважаетъ Гоголя, но, suum cuique, и при всемъ уваженіи къ писателю, мы все-таки не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Въ языкъ каждаго писателя есть двъ стороны языкъ и слогъ. Языкъ у Гоголя былъ живъ и выразителенъ, но это его личное свойство, а слогъ у него былъ не всегда правиленъ и довольно небреженъ. Это совершенно върно.

Самая большая рецензія (двадцать четыре страницы) посвящена «Пантеону», и изъ нихъ почти половина нашему постоянному сотруднику В. Зотову. Мы обязаны отвъчать на эту статью господину Г.

Онъ начинаетъ рецензію похвалою нашему журналу «ставшему на равную степень съ Современникомъ». Потомъ послѣ этой позолоты пилюли начинаются обвиненія.

1) У Пантеона инто и не было того, что называется направленіемо. Прежде всего мы не понимаемъ какого направленія рецензенть требуеть отъ «Пантеона», не объясняя, въ чемъ, по его мнѣнію, должно состоять это направленіе. Онъ говоритъ: «Пантеонъ» высказываль иногда серьезный, дѣльный взглядъ на литературу и искусство, «Пантеонъ» вооружался и вооружается противъ деидизма, свирѣпствующаго въ литературныхъ взглядахъ «Совремеменника,» въ «Пантеонъ» было мнго очен хорошихъ статей по части критики, но послъ

этихъ же статей самаго редактора, г. Сърова, г. В. З. и нъкоторыхъ другихъ, печатались такія статейки разныхъ корреспондентовъ и начинающихъ критиковъ, о которыхъ и говорить совъстно.» Если бъ даже послъднее предположение и было справедливо, развъ ошибочныя мнънія какихъ-нибудь корреспондентовъ составляютъ направление журнала? Развъ недовольно, если оно высказывается въ очень хорошихъ критическихъ статьяхъ редактора и его главныхъ сотрудниковъ? Начинающимъ не поручаютъ писать критикъ, это очень хорошо знаетъ г-нъ Г. и онъсказаль это только для красоты слога, а въ кореспондентъ можно ошибиться, и его промахи еще не составляютъ существеннаго недостатка въ журналъ, главная часть котораго, конечно, не фельетонныя и летучія извъстія, а именно критическія статьи, въ которыхъ выказывается направленіе журнала, и которыя рецензентъ «Москвитянина» находитъ очень хорошими. Стало-быть, это обвиненіе напрасное. Перейдемъ ковторому.

2) У «Пантеона» не было и нътг того, что называется вкусом вы выборы статей по изящной словесности. Въ этомъ пунктъ обвиненія, назвавъ изящными статьями: «Квартиру въ татарскомъ кварталь» г. Полонскаго и Деревенскій случай г-жи Хвощинской, рецензентъ говоритъ, что подлъ нихъ помъщаются плохія повъсти, изъ которыхъ онъ однакоже не называетъ ни одной. Если мы опять предположимъ, что это справедливо, рецензентъ будетъ все таки не правъ въ своемъ обвинении. Ни одинъ журналъ не можетъ отвъчать за то. что помъщаемыя въ немъ повъсти не одинаковаго достоинства, да никто и не потребуетъ этого. Журналъ не можетъ создавать писателей. Онъ употребляетъ только всв зависящія отъ него средства, чтобъ на его страницахъ являлись писатели, извъстные публикъ и любимые ею, и не являлись разсказы совершенно плохіе й незам'вчательные, ни въ какомъ отношении. А что однъ повъсти будутъ слабъе другихъ, это не только возможно, но даже неизовжно. Если бъ рецензентъ взглянулъ хоть на перечень пменъ и статей прошлаго года «Пантеона,» который онъ, по всему видно, читалъ далеко не вполнъ, то не обвинялъ бы насъ въ бъдности хорошихъ разсказовъ. Извъстно, что наши авторы пишутъ не очень много, и это единственная причина, почему нъкоторыхъ именъ читатели «Пантеона» не встрвчали еще на страницахъ этого журнала. Впрочемъ и этотъ недостатокъ пополняется съ каждымъ мъсяцемъ. Въ последнее время привлекли въ особенности внимание публики г. Григоровичъ своимъ романомъ, г. Михайловъ своими повъстями, г. Щербина своими стихотвореніями, г. Небольсинъ своими живыми и видеть съ тъмъ дъльными статьями, и вотъ гг. Григоровичъ, Михайловъ, Щербинъ и Небольсинъ явились уже въ «Пантеонъ,» а если на его страницахъ не являются сотрудники «Москвитянина,» въ этомъ виноватъ не «Пантеонъ,» а сами сотрудники «Москвитянина.»

3) У «Пантеона» нъто яснаго сознанія своей литературной цыли. Признаемся, что этого обвиненія мы вовсе не понимаемъ. Что подразумъваетъ г-нъ Г. подъ литературною цълью журнала, п какан, по его мивнію, должна быть эта цвль-остается для насъ неразгаданною тайною. Обвинение свое рецензентъ подтверждаетъ слъдующими словами, въ которыхъ мы все-таки ничего не видимъ. «Журналъ, который такъ умно и дъльно разсуждаеть о Моцартовскомъ Донъ-Жуанъ, такъ смъло и прямо высказываетъ умъренный взглядъ на Рашель, такъ върно опредъляетъ недостатки игры покойнаго Каратыгина, и желаетъ другимъ журналамъ побольше уваженія къ литературъ, впадаетъ подъ-часъ только въ такіе промахи, которые позволительны только инымъ газетамъ.» Точка и конецъ обвиненію. Что это за промахи? Неизвъстно, поэтому и отвъчать на него нечего. Намъ кажется даже, что этотъ третій пункть приведень только для счета, и составляеть только перефразировку пункта перваго. Не одно ли и тоже: направление и цъль журнала?

За этими обвиненіями слъдуетъ разборъ первой книги «Пантеона.» Рецензентъ недоволенъ повъстью В. Савинова «Канарейка.» Объ этомъ мы не будемъ спорить. Это дъло вкуса, и если критикъ говоритъ прямо, безъ доказательствъ: такое-то произведеніе мнъ не нравится, мы не возьмемъ на себя труда доказывать, почему оно должно нравиться, незная индивидуальныхъ свойствъ рецензента, его взгляда и привычекъ.

Первый маскарадь, В. Зотова, не извъстно правится или нътъ г-ну Г. Сначала критикъ говорить: «не все то, что говорилось вчера, хорошо для печати сегодня,» потомъ выписывая строкъ десять изъ разговора кавалера съ маской, прибавляетъ: «Мужчина говоритъ дъло и умно, много язвительной, выстраданной опытомъ правды, которую ръдко къ сожально удается слышать въ нашей литературъ женщинамъ, и говоритъ ее довольно энергически. Слъдуетъ еще строкъ тридцать выписокъ, и все это оканчивается такъ: «Много грусти и правды звучить въ этихъ словахъ, но тъмъ-то и досадно, что авторъ недостаточно выносилъ ее въ душъ.» Не знаемъ какъ еще слъдовало бы, по мнънію критика, выносить въ душъ эту правду... По поводу этой повъсти рецензентъ говоритъ нъсколько искреннихъ словъ о литературной дъятельности В. Зотова, и хотя мы не вполнъ согласны съ мнъніемъ рецензента, но прежде всего поблагодаримъ его за это мнъніе. Искренность всегда заслуживаетъ уваженіе, тъмъ болъе, если одинъ им-

сатель обращаетъ вниманіе на своего собрата, не побуждаемый къ этому ни чёмъ, кромѣ вопроса объ пскусствѣ, любви къ литературѣ. Разобравъ подробно обвиненія г-на Г., относящіяся вообще къ «Пантеону,» разберемъ также и его обвиненіе противъ одного изъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ, тѣмъ охотнѣе, что это даетъ намъ поводъ высказать нѣсколько мыслей нашихъ о журнальной литературѣ вообще. Мы еще въ первый разъ бесѣдуемъ о «Москвитянинѣ» въ отдѣлѣ журналистики, и потому намъ необходимо поближе познакомить съ нимъ читателей.

Воть что говорить г-нъ Г. о В. Зотовъ.

«Если проследить въ Пантеоне и Репертуаре отъ 1843 по 1854 годъ, въ Литературной Газете за 1847 годъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» за последніе годы, все что писалъ В. Зотовъ, то можно некоторымъ образомъ прійти въ изумленіе. Г. Зотовъ является и лирическимъ поэтомъ въ несчетномъ количестве стиховъ, и драматургомъ въ несчетномъ же количестве заимствованныхъ, просто переведенныхъ и оригинальныхъ драмъ, и повествователемъ во многихъ большихъ и маленькихъ повестяхъ и разсказахъ, и романистомъ въ огромныхъ нескончаемыхъ романахъ, и критикомъ литературнымъ и театральнымъ, и историкомъ литературы въ различныхъ статьяхъ объ иностранныхъ писателяхъ. Не смеясь, но глубоко сожалея приводимъ мы эти факты, приводимъ съ намереніемъ воздать должное г. Зотову, въ которомъ видимъ мы и даровитость, и умъ, и начитанность, погубленныя борзописаніемъ и недостаткомъ уваженія къ литературъ.»

Остановимся на этихъ словахъ и посмотримъ, въ какой мъръ они справедливы. Прежде всего чтобъ еще болъе усилить изумление г-на Г., скажемъ, что онъ пересчиталъ еще далеко не всю литературную дъятельность В. Зотова, начавшаго печатать еще въ 1840 году, въ то время, когда онъ воспитывался еще въ Лицев. Въ 1842 году, прежде Репертуара онъ помъщалъ много стихотвореній, переводныхъ и компиляціонныхъ статей въ «Маякъ,» и въ этомъ же году издалъ отдъльно поэму «последній-Хеакъ», которую Литературная льтопись Библіотеки для Чтенія сравнила съ Хаджи-Абрекомъ Лермонтова, и предрекала автору первой поэмы такую же извъстность-предсказаніе, увы! не сбывшееся... Въ 1843, 1844 и 1845 году онъ писалъ много театральныхъ фельетоновъ въ «Стверной Пчель,» нъсколько ученыхъ, и одно лъто, въ отсутствие г-на Булгарина, писаль фельетоны о новостяхь, удовольствіяхь и общественной жизни Петербурга. Это не помъшало, конечно, въ послъдствіи г-ну Булгарину называть своего бывшаго сотрудника бездарнымъ, какъ прежде называль его умнымъ и даровитымъ. В. Зотовъ такъ мало былъ тронутъ этою измънчивостью въ литературныхъ мнъніяхъ, что никогда даже не упоминаль объ этомъ, относя свое сотрудничество въ «Съверной Пчелъ» къ молодости. Въ 1847, 1848 г. и въ первые мъсяцы 1849 года онъ завъдывалъ редакцією «Литературной Газеты», и помъстиль въ ней, действительно, несметное количество статей едва ли не по всёмъ отраслямъ литературы и наукъ, потому что кроме чисто-литературныхъ статей, В. Зотовъ писалъ много ученыхъ и спеціальныхъ, будучи близко знакомъ съ выводами и открытіями въ главныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ. Въ концъ этого же 1849 года и въ началъ 1850. онъ заведывалъ редакціею нёсколькихъ книгъ Сына Отечества, и приничалъ въ немъ дъятельное участіе въ теченіе всего 1851 года. Сколько стихотвореній написаль г. Зотовъ, мы не считали, да и врядъ ли самъ онъ знаетъ это, но театральныхъ пьесъ онъ написалъ и передълалъ болве сорока; изъ нихъ нъкоторыя имъли замъчательный успъхъ, но и эти последнія даже по разнымъ обстоятельствамъ не удержались на сценъ. Повъстей и разсказовъ онъ напечаталъ пятнадиать, одинъ романъ въ «Библіотект для чтенія» (Человткъ съ характеромъ) и одинъ въ одиннадцати книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» (Старый домъ). Кромъ того, въ «Репертуаръ» сороковыхъ годовъ напечатано имъ болъе двадцати юмористическихъ очерковъ петербургской жизни, лучшія произведенія В. Зотова, по нашему мивнію. Его критическихъ, театральныхъ, фельетонныхъ, мелкихъ и переводныхъ статей не въ состояни перечесть самъ авторъ.

Все это, однакоже, даетъ ли намъ право обвинить В. Зотова въ неуваженія къ литературѣ и въ борзописанія? Первое обвиненіе опровергаеть самъ же г-нъ Г. следующими словами, сказанными несколькими строками ниже: «какъ критикъ, въ особенности какъ критикъ театральный, В. Зотовъ не быль оценень по достоинству: статьи его были часто різки, но большею частью дільны, вірны и мало льстили грубому вкусу публики и грубому самолюбію исполнителей; въ нихъ являлись у г. Зотова такой такть, такая любовь къ правдъ и искусству, какихъ дай Богъ многимъ привилегированнымъ критикамъ нашихъ журналовъ. Въ статьяхъ г. Зотова о писателяхъ иностранныхъ, о Рабле, о Шекспиръ и проч., видна была губительная поспъшность работы, но вмъсть съ тъмъ и начитанность, мало свойственная нашимъ критическимъ дъятелямъ... И чтоже остается отъ всей этой количественноизумительной діятельности?.. Для публики почти ничего, для немногихъ искреннее сожальніе о натурь даровитой, отзывавшейся, какъ видно изъ ел дъятельности, на всъ современные интересы искусства и жизни, полной благородныйших стремленій, но недостаточно уважавшей самыя эти стремленія. Знаемъ, что надъ многими

произносимъ мы приговоръ, произнося его надъ дъятельностью г. Зотова... Sed magis amica verita — и приговоръ нашъ такъ искрененъ, что въроятно, по самой искренности не можетъ быть оскорбителенъ.»

Оскорбительнаго, конечно, итть ничего въ этомъ приговорт, но справедливъ ли онъ? Это другой вопросъ, заслуживающій того, чтобъ его разсмотрть подробно, тімь болье, что по словамъ самаго рецензента, приговоръ этотъ произносится не надъ однимъ В. Зотовымъ, а надъ многими. Что касается собственно до него, то обвиненіе его въ неуваженіи къ литературт, какъ мы уже сказали, опровергается самимъ же рецензентомъ. Въ комъ есть сильная любовь къ правдт и искусству, даровитая натура, полная благородитимихъ стремленій, отзывавшаяся на всть современные интересы искусства и жизни—тотъ не можетъ не уважать литературу и ея стремленій. Это не требуетъ доказательствъ. Остаются, стало-быть, упреки въ борзописаніи и напрасно потраченной дъятельности, безъ пользы для искусства, безъ слъда въ публикъ, безъ результатовъ въ литературт, упреки, раздъляемые В. Зотовымъ со многими.

И, во-первыхъ, что такое борзописаніе? Слово это, составленное въ весьма недавнее время, немножко оскорбительное, означаетъ скорость, посившность труда писанія. Но недостатокъ ли это? Нисколько, — точно также какъ и не заслуга. Это просто индивидуальная способность писателя излагать свои мысли на бумагь быстро, не затрудняясь, не переработывая и изминяя выраженій. Каждый, кто много писаль на своемъ въку, знаетъ, что эта способность пріобрътается часто даже навыкомъ. Къ иному она, конечно, и въкъ не прійдеть, не смотря на всъ старанія, другой пріобрѣтаетъ ее легко, на лету, словно по вдохновенію; поэтому нечего гордиться ею, по не-зачто и обвинять въ ней. Это все равно, что упрекать человъка, зачъмъ онъ скоро кончилъ данную ему работу. Другой вопросъ, если она сдълана дурно; но, при одинаковомъ выполненіи, тотъ еще болье заслуживаеть благодарности, кто скорье кончиль свою работу. Если Бюффонъ сказалъ, что геній-терпівніе, это еще не авторитеть, и многіе, напротивь, видять геній вь быстроть соображенія и выполненія, во вдохновеніи. Это еще не рішенный вопросъ: какое произведение больше дъйствуетъ на современниковъ, долъе остается въ потомствъ, то ли которое создано долгимъ, усидчивымъ трудомъ, или родилось подъ вліяніемъ сильнаго чувства въ данную минуту? Многіе писатели сознавались, что лучшія произведенія ихъ выливались почти готовыми на бумагу, такъ что перо едва успъвало следить за полетомъ мысли, и кропотливой правильности не оставалось почти ничего исправлять въ этихъ мгновенныхъ проявленіяхъ человъческого ума. Одинъ пиметъ десять томовъ въ то самое время, когда другой производитъ одинъ, неужели произведенія перваго будуть въ десять разъ слабъе втораго? Понятно, что этотъ второй будетъ удивляться плодовитости перваго, находить ее неестественною, утверждать, что количество дълаетъ ущербъ качеству, но должна ли безпристрастная критика повторять тоже самое? Какое ей дъло до того, сколько и въ какое время пишетъ такой-то? Она должна заботиться о томъ, какт написано это и радоваться, когда писатель производить много, а не упрекать его за это. Сочинивъ слово борзописець, критика думаеть, что она этимъ сказала все, когда не сказала ровно ничего. Всъ эти строгія замъчанія о необходимости долгихъ соображеній при трудъ, обдуманности плана, медленности создаванія, потребности выносить въ душт идею-напоминаютъ намъ старую басню о безплодной яблони, которая охуждала другое плодовитое дерево, и предрекало ему, что оно когда-нибудь подломится отъ тяжести своихъ плодовъ. - Легко можетъ-быть, отвъчала плодовитая яблонь, но по-крайней-мере пока я живу, то наделю многихъ моими плодами.

Стало-быть и упрекъ въ борзописаніи совершенно напрасенъ. Помня такъ хорошо, что писалъ В. Зотовъ въ «Репертуаръ», издаваемомъ покойнымъ Межевичемъ, г-нъ Г. могъ бы кстати также приномнить, что въ данное время, и именно въ теченіе нъсколькихъ мъсяцевъ, г-нъ Апполонъ Григорьевъ писалъ въ «Репертуаръ» гораздо болъе В. Зотова, и наполнилъ почти одинъ послъднія книжки, кажется 1845 года.

Второй упрекъ въ напрасной растратъ дъятельности, безплодной и безполезной для исторіи литературы имфетъ нфкоторое основаніе въ общихъ чертахъ, хотя и ложенъ въ своихъ выводахъ. Рецензентъ позабыль, что это общая участь всякаго журнальнаго труда, важнаго большею частью только въ данную минуту, интереснаго въ настоящее время. Много ума, познаній, дарованія, остроумія тратится на эти летучія, фельетонныя статьи, забываемыя на другой день послъ ихъ появленія, но забываемыя несправедливо, прибавимъ мы. Въ нашей литературъ нътъ обыкновенія собирать не только фельетонныя, но даже серьезныя статын и издавать ихъ потомъ отдъльною книжкою. Мы очень жалбемъ объ этомъ и думаемъ даже, что для подобныхъ сборниковъ нашлись бы читатели, съ условіемъ, чтобъ авторъ быль только немного строгъ къ самому себъ, и дълалъ не только сборникъ, но и выборку изъ своихъ журнальныхъ статей для изданія ихъ отдъльною книгою. Посмотрите, накимъ уситхомъ пользуются во Франціи вст эти этноды разныхъ втковъ и народовъ, эти сборники статей, часто совершенно разнородныхъ, но проникнутыхъ одною идеею, написанныхъ одинаково занимательно. Съ какимъ удовольствіемъ перечитываемъ мы, напримъръ, фельетоны

Жюль-Жанена, составившіе два огромные тома его «Исторіи драматической литературы», фельетоны общественной жизни въ Парижъ изданные г-жею Жирарденъ, подъ названіемъ «Lettres parisiennes и Vicomte de Launay». Не говоримъ уже о томъ, что подобные сборники дадутъ нашимъ потомкамъ богатые матеріялы для исторіи нравовъ нашего въка, что мы сами хорошо изучили эпоху Людовика XIV и XV не по серьезнымъ и офиціальнымъ французскимъ историкамъ, а по запискамъ той эпохи, тъмъ же фельетонамъ стараго времени. Слъдовательно и журнальная работа не такъ безплодна и безполезна, какъ это кажется съ перваго взгляда. Конечно, занявшись ею, писатель уже не можеть создавать ничего отдёльнаго, серьезнаго, капитальнаго... Очень можетъ быть, что трудясь не торопливо, изучая подробно избранную имъ часть, онъ могъ бы создать на другомъ поприщъ произведение, которое одно доставило бы ему громкую извъстность, легко можетъ быть, что его назначеніе, призваніе было не журнальное, но критикъ «Москвитянина» знаетъ, конечно, и самъ, что человъкъ не создаетъ обстоятельствъ, что если онъ можетъ иногда управлять ими, то еще чаще долженъ, хотя бы и противъ воли, следовать за ними....

Приведенными нами цитатами не оканчивается суждение г-на Г. о В. Зотовъ, занимающее болъе тринадцати страницъ разбора «Пантеона». Мы благодарны за такое внимание къ нашему сотруднику, хотя не мо жемъ вполнъ съ нимъ согласиться, какъ въ нъкоторыхъ похвалахъ, такъ и въ порицанияхъ. Г-нъ Г. пишетъ далъе: «Какъ лирикъ, В. Зотовъ написалъ нъсколько стихотворений и простыхъ и искреннихъ; но также изысканныхъ и смъшныхъ, какъ, напримъръ:

Часто васъ видя и часто васъ слушая, Я не могу наглядъться, наслушаться; Всъ мои мысли, теоріи рушатся.

Цатата этимъ и оканчивается. Спрашиваемъ всёхъ, что же изысканнаго и смёшнаго въ этихъ трехъ стихахъ? Въ нихъ нётъ ровно ничего ни дурнаго, ни хорошаго. У В. Зотова можно найти плохія стихотворенія, но говоря объ нихъ слёдовало бы дёйствительно привести въ примёръ что-нибуль плохое, а подобныя цитаты только заподозриваютъ искренность рецензента. Далѣе онъ говоритъ: «Какъ повъствователь г. Зотовъ написалъ повъсть Черный тараканъ (Репертуаръ 1844 г.) которая ни чѣмъ не хуже многихъ хваленыхъ повъстей натуральной школы, а много лучше; повъсти: Любовь и приличие, Левъ и барышня, которыя не много развъ ниже свътскихъ повъстей графа Сологуба; поэму Геннадій, (изъ нее помъщены были только отрывки) которая ни

чъмъ не хуже, а многимъ лучше Андрея, Параши, Помъщика, и другихъ стихотворныхъ произведеній г. Тургенева.» Съ этимъ мы уже не можемъ согласиться: не говоря объ Андрев, произведеніи не вполнъ развитомъ и довольно темномъ, другіе поэмы г. Тургенева: Параша и Помъщикъ выше всъхъ напечатанныхъ стихотвореній г. Зотова, а повъсть Черный тараканъ, если и не хуже повъстей натуральной школы, то потому, что принадлежитъ къ одному роду съ ними, и авторъ ея ставилъ себъ всегда въ заслугу то, что онъ не принадлежитъ къ числу писателей школы не натуральной.

Послѣ этихъ общихъ сужденій о В. Зотовѣ, г. Г. разбираетъ два его стихотворенія, напечатанныя въ первой книжкѣ «Пантеона», говоря, что «оба они написаны подъ вліяніемъ чувства весьма искренняго, доказываютъ живость и поэтическую воспріимчивость натуры г. Зотова» Стихотвореніе «Свиданіе, » по словамъ рецензента, начинается въ особенности мило и простодушно, другое (Знаменитой артисткѣ) такъ строго задумано и строго выдержано, что онъ цитируетъ его все, отмѣчая курсивомъ всю вторую половину. Далѣе онъ дѣлаетъ еще болѣе выписокъ изъ статьи В. Зотова о Рашели, которою (то-есть статьею, а не Рашелью) рецензентъ очень доволенъ. Не можемъ въ свою очередь не выписать двухъ совершенно вѣрныхъ и прекрасно высказанныхъ мыслей рецензента о Рашели: «Она не просто талантъ, а талантъ съ прихотью, которому любо только въ цѣпяхъ, который хочетъ дѣйствовать просто и не можетъ». Сколько ложь ни совершенствуй, выйдетъ все-таки усовершенствованная ложь».

Разбирая «Журналистику» Петербургскаго Въстника, г-нъ Г. доволенъ тономъ и направленіемъ статьи, но возстаетъ противъ сужденій о нъкоторыхъ отдѣльныхъ произведеніяхъ. Такъ ему ненравятся похвалы Огненному зміью г. Авдѣева и Святкамъ г. Михайлова. Въ послѣднемъ случаѣ рецензентъ «Пантеона» явно противорѣчитъ рецензенту, похвалившему Святки въ этомъ же самомъ нумерѣ въ отдѣлѣ «Библіографіи», и такая двойственность сужденій, или какъ выражается московскій рецензентъ: такое странное сопоставленіе, въ «Москвитянинѣ» встрѣчается очень часто. Въ этой же статьѣ рецензентъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, что повѣсть «Три письма», помѣщенная въ прошломъгоду въ «Библіотекѣ для чтенія», все-таки истинно поэтическое произведеніе, не смотря на единогласное осужденіе всѣми журналами и этой повѣсти, и этого мнѣнія.

Продолжая разборъ «Пантеона», рецензентъ останавливается на «Деревенскомъ Случаъ» и стихотвореніяхъ П. Д. Хвощинской, хвалитъ мысли, порицаетъ исполненіе. Мы уже столько разъ говорили о неправильномъ взглядѣ нашихъ критиковъ на поэму и стихотворенія этой писательницы, что считаемъ излишнимъ возставать противъ г-на Г. точно также какъ противъ мнѣній его о другихъ отдѣлахъ нашего журнала. По своему мнѣнію онъ сдѣлалъ «Пантеону» оцѣнку добросовѣстную, за что мы и благодаримъ его. Въ какой степени она вѣрна, читатели видѣли это изъ нашего отвѣта, который вышелъ довольно обширенъ, почему мы и спѣшимъ перейти къ отдѣлу Русской Словесности «Москвитянина» и прежде всего къ стихотвореніямъ.

Въ первомъ нумерѣ напечатано патріотическое стихотвореніе князя Вяземскаго «Нахимовъ, Бебутовъ—побѣды близнецы», оно безукоризненно прекрасно по мысли и чувству, но не вездѣ равно выдержано по исполненію. Такъ подът превосходныхъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Вновь сѣверъ загремитъ средь бранныхъ непогодъ, Грозой вспылаетъ онъ, ударитъ бурей шумной, И горе гордецамъ, которыхъ пылъ безумной Накличетъ на себя двѣнадцатый нашъ годъ,

подлѣ этихъ сильныхъ и звучныхъ стиховъ помъщены другіе, совершенно въ другомъ тонъ, въ родѣ:

Что не отвыкли мы турить пашей по шет.

этотъ водевильный каламбуръ кажется намъ здѣсь неумѣстнымъ. Другое дѣло, еслибъ все стихотвореніе написано было въ простонародномъ тонѣ, а смѣшеніе возвышеннаго и тривіальнаго поражаетъ непріятнымъ образомъ. Тѣмъ же недостаткомъ отличаются и два стихотворенія, помѣщенныя въ прошломъ мѣсяцѣ въ «Сѣверной Пчелѣ», о которыхъ мы говорили въ послѣднемъ нумерѣ «Пантеона».

Другое стихотвореніе князя Вяземскаго «Масляница на чужой сторовъ» перепечатано изъ «Отечественныхъ Записокъ», о чемъ однакоже не упомянуто.

Въ Смъси второй книги помъщена элегія-ода-сатира г. Григорьева «Искусство и правда», съ эпиграфомъ Лермонтова:

О, какъ мнѣ хочется смутить веселье ихъ И дервко бросить имъ въ лице желѣзный стихъ, Облитый горечью и влостью.

Эта элегія-ода-сатира написана противъ лицъ, восхищавшихся въ Москвъ Рашелью. Г. Григоровичъ начинаетъ съ восторженныхъ по-хвалъ покойному Мочалову, актеру съ дарованіемъ, но игравшему гораздо чаще очень плохо, нежели хорошо.

Отъ Мочалова г. Григорьевъ переходитъ къ Садовскому и расхваливаетъ его по пріятельски въ роли Любима Торцова, въ новой пьесъ Островскаго «Бѣдность не порокъ», и потомъ переходитъ къ Рашели, видя въ ней одно искусство, а въ двухъ первыхъ лицахъ—правду. Это сближеніе болъе чъмъ странно. Положимъ Мочаловъ, въ особенности послъ того какъ онъ умеръ, сдълался для Москвы какимъ-то идеаломъ совершенства и сценическаго искусства, но ставить на ряду съ нимъ Садовскаго, чисто комическаго актера, въ слабой роли и слабой пьесъ, и подлъ нихъ поставить исевдоклассическую Рашель, это отзывается уже не правдою, не искусствомъ, а скоръе ухищреніемъ, изысканностью. Мы нашли нъсколько хорошихъ стиховъ въ этомъ неудавшемся стихотвореніи, напримъръ:

....Печально, не смѣшно,
Что слишкомъ мало въ насъ достоинства, сознанья,
Что на эффекты насъ поддѣть не мудрено,
Что въ насъ не вывелся, бичеванный давно
Духъ рабскаго, слъпаго подражанья.

или слъдующее четверостишіе:

Я видѣлъ, какъ Рислей дѣтей на верхъ бросаетъ... И больно видѣть то и тяжко было мнѣ, Я знаю, какъ Рашель по часу умираетъ И для меня вопросъ о ней рѣшенъ вполнѣ.

Но за то сколько и плохихъ, натянутыхъ стиховъ въ этой одъ. Тутъ есть и игреливая пъсня, и гульливый умъ, и здравая небалованность, и трагизмъ, и Проминей и множество другихъ ръдкостей. Понятно, что выведенный изъ терпънія фанатическими поклонниками и хвалителями Рашели, г. Григорьевъ не могъ сдержать своего негодованія и написалъ противъ нихъ и кумира ихъ свое стихотвореніе, но оно легко могло принять болье упрощенную, спокойную форму. Онъ могъ сказать, напримъръ, всякому восторженному критику, воспъвающему Рашель до хриноты:

Нът, напрасно этотъ критикъ горячится, Разогръть ему нельзя здъсь никого; Для чего жъ онъ такъ усердно суетится? Для того чтобы замътили его. И при возгласахъ актрисы дикой Отчего же онъ ничкомъ упалъ, И, хрипя, зоветъ ее великой? Оттого, что самъ онъ очень малъ

Этихъ немногихъ стиховъ было бы довольно для отвъта Рашелелюбцамъ, увлекающимся даже до того, что при воспъвании молодости артистки, они описываютъ, обращаясь къ ней, какъ

Твой глазъ отъ жадности горитъ, Когда ты входишь въ закоулки, Гдъ въ лавкъ окорокъ виситъ.

Но, если, по нашему мнѣнію, не слѣдовало печатать этой элегіи-одысатиры, въ которой нѣтъ ничего ни элегическаго, ни лирическаго, ни сатирическаго, то еще менѣе слѣдовало бы печатать двѣ эпиграмы, помѣщенныя въ 6-й книжкѣ «Москвитянина», съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Москвитянинъ» всегда любилъ шутку, лишь бы она была остра, умна, не заключала никакого оскорбленія, еще меньше обиды. Въ такомъ случать для него все равно — къ кому бы эта шутка не относилась, хоть бы къ нему самому. Вотъ почему редакція помъщаеть съ удовольствісмо двт эпиграмы по поводу случайнаго стихотворенія, помъщеннаго въ послъдней книгъ:

Вы говорите, мой любезный,
Что будто стихъ у васъ жельзный!
Жельзо розное: цьна
Ему не всякому одна!
Иное на рессоры годно;
Другое въ ружьяхъ превосходно;
Иное годно для подковъ:
То для коней, то для ословъ,
Чтобъ и они не спотыкались.
Такъ вы которымъ подковались?

Недобрый человѣкъ, кто злостью безполезной Смутитъ веселый кругъ и хватитъ камнемъ въ лобъ! Твой стихъ тяжелъ, но не желѣзный: Нѣтъ! ты «увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ.»

Замѣтимъ, что подобные стихи «Москвитяйннъ» помѣщаетъ съ удовольствиемъ.

Въ этомъ же нумеръ помъщено недурное патріотическое стихотвореніе г. Ознобишина. Напрасно только авторъ называетъ Венеціянскаго купца у Шекспира — Шиллокомъ. Пъсня г. Берга о Гильдебрантъ и Гадубрантъ переведена недурно, хотя въ ней и употреблено уморитель-Рое слово: ажено. Очень граціозны также пять стихотвореній графини ностопчиной. Лучше всъхъ по мысли: «Прежней наперсницъ». Поэтъ

говоритъ, что для женщины не опасенъ большой свътъ съ его искушеніями, а скоръе уединенье въ пустомъ домъ и безотрадное житье. Мысль послъдней строфы также очень върна:

Подъ хитрымъ словомъ у мужчины Мысль часто въ рѣчи не видна, Чтобъ скрыть нѣмой тоски причины Улыбка женщинѣ дана.

По звучности стиха очень хорошо стихотвореніе «Не вѣрю вамъ». Изъ остальныхъ пяти стихотвореній того же автора «Пѣсня» слаба. «На прощанье»—старая исторія, нъсколько уже разъ воспѣвавшаяся:

Я знаю ужъ люди рѣшили
Въ премудромъ сужденьи своемъ,
Что слишкомъ мы пылко любили
И часто видались вдвоемъ.

Душей близнецы мы... Ахъ, чтобы Намъ встрътиться раньше съ тобой!...

Да, много тоски и горя бываетъ въ жизни отъ того, что близнецы душою поздно встръчаются другъ съ другомъ... И хорошо еще, если они найдутъ въ себъ столько силы и твердости, чтобы сказать, какъ поэтъ:

Прощай!.. роковая разлука
Настала .. О сердце мое!
Поплатимся долгою мукой
За краткое счастье свое!..

Въ стихотвореніи «Надъвая албанскій костюмъ» поэту хочется дышать раздольно у іонійскихъ береговъ.

Разбивши цёпь приличій скучныхъ, Пошла бъ часовъ благополучныхъ Искать у гордыхъ дикарей

и тамъ-то, въ простой хижинъ, она

Нашла бы счастія прямаго Удёль незнаемый въ дворахъ И Наликара молодаго Со страстью пламенной въ очахъ,

Какъ ни хороши всъ эти стихотворенія, но самое блестящее дарованіихъ автораблъдиъетъ передъ громаднымъ талантомъ этого протея Пуше кина, являющагося въ этой книгъ «Москвитянина» съ новымъ, до сихъ поръ неизвъстнымъ еще анакреонтическимъ стихотвореніемъ. Сколько въ немъ неподражаемой граціи, шутливой веселости, безпечнаго эпикуреизма. Вотъ этотъ вновь отысканный перлъ:

Другъ, Дельвигъ, мой парнасскій братъ, Твоей я прозой былъ утвшенъ, Но признаюсь, баронъ, я грвшенъ: Стихамъ я больше былъ бы радъ... Ты знаешь—я въ минувши годы, У береговъ Кастальскихъ водъ, Любилъ марать поэмы, оды; Ревнивый зрвлъ меня народъ На кукольномъ театръ моды; Поклонникъ правды и.., Бывало что ни напишу, Все для иныхъ не Русью пахнетъ

Теперь я право чуть дышу, Отъ воздержанья муза чахнетъ И редко, редко съ ней грешу. Къ молвъ болтливой я хладъю, И изъ учтивости одной Донын' волочусь за нею, Какъ мужъ лѣнивый за женой Наскуча музъ безплодной службой, Другой богиней, тихой дружбой Я славы замѣнилъ кумиръ, Но все люблю, мои поэты, Фантазіи волшебный міръ, И чуждымъ пламенемъ согрѣтый Внимаю звуки вашихъ лиръ!.. Такъ точно, позабывъ сегодня, Проказы, игры прежнихъ дней, Глядить съ лежанки ваша... На шашни молодыхъ...

Стихами также переведенъ «Макбетъ» Шекспира въ первой книгъ «Москвитянина». У насъ уже есть четыре перевода этой знаменитой трагедіи: г-на *Ромчева*, переводившаго съ нъмецкой передълки Шиллера, превосходно передавшей однако же духъ Шекспировской трагедіи; г-на *Вроиченки* — переводъ добросовъстный, но написанный тяжелымъ

^{*} Курсивъ и точки въ подлинникъ, также какъ и въ концъ стихотворенія.

языкомъ, г. Кетчера — въ прозъ и г. Кронеберга, самый върный, хотя тоже не отличающійся гладкостью стиха. Новый переводчикъ г. Лихонинъ, по собственному признанію «старался передавать Шекспира какъ можно ближе къ подлиннику, даже подстрочно, сохраняя самый метафоризмъ поэта.» Этими словами г. Лихонинъ самъ произноситъ приговоръ надъ евоимъ переводомъ. Изысканныя и натянутыя метафоры Шекспира, допускаемыя въ подлинникъ самымъ свойствомъ англійскаго языка, буквально переданные по-русски, будутъ непонятны, дики и смъшны. Не выраженія, не слова несвойственныя нашему языку, а точный смыслъ этихъ словъ и выраженій долженъ передавать переводчикъ. Подстрочный переводъ нуженъ только для грамматическаго изученія языка. Метафора показываеть духъ языка, эпохи, а не духъ писателя, и върный переводъ ея ровно ничего не прибавить къ извъстности писателя. Въдь и coment-vous-portez-vous метафора. Неужто мы должны неревести ее: «Какъ вы себя носите? если встрътимся съ нею у Шекспира? Подобная точность обращается въ педантизмъ, и Шекспиръ въ такомъ переводъ можетъ не привлечь къ себъ, а скоръе оттолкнуть отъ себя. Съ первыхъ же страницъ мы встръчаемъ слъдующія іероглифическія выраженія:

>Макдонвальдъ нещадный, (Достойный цели быть бунтовщикомъ Затьмъ, что все презрънное въ природъ Надъ нимъ носилось).... Такъ и родникъ, принесшій намъ отраду, Бъдой взбугрился... слушай царь шотландскій: Едва лишь право въ мужество облекшись, Принудило къ побъгу быстрыхъ керновъ, Какъ вождь норвежскій, случай улучивъ, Вновь началъ бой.... ... Что за поспъшность сквозь очей глядится? ... Раздоръ здѣсь сдѣлаль образцовый фокусъ. Онъ святотатнымъ разломалъ убійствомъ Господняго помазанника храмъ И изъ него жизнь зданія похитиль. ... Напитокъ жизни выпущенъ, и дрожжи Лишь въ хвастовство у погреба остались. ...Твоя корона мив быки мозолить.

Подобныхъ дикихъ выраженій тысячи въ этомъ переводъ, но кромъ того, онъ наполненъ промахами прямо противъ русскаго языка, напримъръ:

> Котелокъ же подсластимте, Потрохъ Тигра покрошимте.

Меня жъ, источницу всёхъ дёйствій злыхъ. Еще не забрались вёдь наши слезы. ...Ктожъ можетъ быть разсудливъ и испуганъ, Быть честенъ и неутраленъ въ тоже время? Никто! И вотъ, порывъ любви столь пылкой Перескакалъ спокойный мой разсудокъ...

Послъдняя метафора — образецъ нелъпости. Возьмемъ еще на выдержку нъсколько подобныхъ фразъ, спросивъ между прочимъ г. Лихонина: отчего онъ чорта называетъ муриномъ?

> Обманутъ насъ потомъ но въ болъй важномъ. Два пролога, Чреватыхъ третьей царственною темой,

двое, чреватые третьимъ, любонытный физіологическій фактъ!

Онъ не схожи съ жительми земли (небывалое сокращение!)

Есть въ переводъ стихи и семистопные, какъ напримъръ:

И не поздравствовавъ его и не простяся съ нимъ есть и такіе, въ которыхъ нътъ вовсе никакого размъра:

Ты Гламись и Кавдоръ, и сбудется.

Но довольно объ этомъ неудавшемся трудъ. Пожалъемъ, что столько времени и стараній потрачено на неудачиую, и безполезную работу.

Прозаическій отдъль русской Словесности въ «Москвитянинѣ» еще бъднъе стихотворнаго. Ни одной русской повъсти не помъщено въ этихъ пяти нумерахъ, потому что повъсть «Вторая жена» переведена съ польскаго и неизвъстно какъ попала въ отдълъ русской словесности, а разсказъ «Послъдній Патито», впрочемъ читающійся легко, больше ничего какъ выдержка изъ записокъ туриста по Италіи. Замътимъ также, что повъсть Корженевскаго была уже переведена въ «Пантеонъ» въ прошломъ году. Превосходный разсказъ С. В. А. «Отрывокъ изъ семейной хроники» также не повъсть, а мемуары въ высшей степени занимательные, по прочтеній которыхъ остается сожальть только, зачъмъ они такъ коротки. Картины семейной жизни и переселеніе дъда автора въ Уфимское намъстничество, очерчены удивительно. Это лучшая статья во всъхъ пяти нумерахъ «Москвитянина», по отдълу Русской Словесности, но все-таки не повъсть. Остается одна драма г. Потъхина «Братъ и Сестра», о которой мы должны сказать нъсколько словъ.

Г. Потъхинъ безъ всякаго сомнънія писатель съ большимъ дарова-

ніемъ, но... по поводу этого, но пришла намъ на мысль фраза изъ письма, полученнаго на дняхъ отъ нашего пріятеля: «Во встхъ разборахъ, которые я читалъ этимъ временемъ, меня почти смъщила въчно повторяемая фраза; отделавъ человека какъ следуетъ, критикъ прибавляетъ: «при всемъ уважении къ таланту» или: «это нисколько не уменьшаетъ нашего уваженія къ таланту», и проч. Но всего лучше, что въ Петербургскихъ Въдомостяхъ пересказавъ уморительную драму г. Потъхина прибавляють: «Это и есть доказательство несомивниаго таланта, богатства воображенія.» Послѣ этого и сумашествіе есть доказательство ума и богатства воображенія.»—Замъчаніе это совершенно справедливо, но что же делать и критику, если онъ долженъ охуждать произведение писателя, создавшаго прежде что нибудь замъчательное? Нельзи же все-таки сказать: такое-то лицо совершенно бездарно, что можно было бы заключить по его последнему неудачному созданію? И потомъ, въ самомъ слабомъ произведении развъ не мелькаютъ иногда, двъ, три черты, по которымъ мы всегда можемъ заключить, что нацисавшій ихъ человъкъ съ дарованіемъ. Развъ не случается намъ иногда читая какую нибудь вздорную вещь, чувствовать, что писатель этотъ могъ бы, при другихъ условіяхъ, создать прекрасное произведеніе? Мы ощущали это же самое, читая драму «Брать и Сестра». Содержаніе ея пусто до крайности: гувернантка, Анна Ивановна, геропня прежняго романа г. Потъхина «Крестьянка», живетъ у одной помъщицы, дочь которой, Лизу, воспитываетъ Анна Ивановна. Чтобы спасти ее отъ оскорбленій, на ней женится помъщикъ — филантропъ Радугинъ; все это очень неправдоподобно, скучно, написано безт всякаго знанія сцены и ея условій, характеры дъйствующихъ лицъ очерчены слабо или идеализированы, до последней степени возможности, и не смотря на это, несмотря на выписку, приведенную нами выше, мы все-таки скажемъ, что плохая пьеса эта написана человъкомъ съ дарованіемъ, который попалъ только на ложную дорогу, вздумавъ довести до конца ложную идек, развитую имъ въ романъ «Крестьянка». Всъ страданія «Крестьянки» происходять отъ того, что ей дали образование свыше ев звания. Если мы даже и согласимся съ этимъ тезисомъ, выдержалъ ли его г. Потъхинъ, остался ли онъ въренъ задуманной имъ идеъ? Нисколько. Радугинъ только потому и женится на крестьянкъ, что она образована. Стало быть, не смотря на всв мелкія непріятности ея жизни, все-таки образование было для нея источникомъ счастия. Оно такъ и должно быть. Никогда и ни въ какомъ случат образование не вредно, оно укръпляетъ не одинъ умъ, но и сердце; для этого необходимо только одно условіє: чтобъ образованіе было не поверхностное, а основательное, чего къ сожальнію достигають не всегда, даже не въ однихъ низшихъ кругахъ. Все зло въ міръ происходить не отъ ученія, а отъ недоученія. Это такой предметь, котораго нельзя исчерпать вполнъ въ журнальной статьъ.

Вотъ самый подробный и самый откровенный разборъ пяти нумеровъ «Москвитянина». Не наша вина, если онъ будетъ недоволенъ нами. Намъ въ первый разъ пришлось разбирать здись этотъ журналъ, и московскіе рецензенты легко могутъ быть недовольны петербургскою критикою. По крайней мъръ, мы убъждены, что исполнили со всевозможною добросовъстностью принятую пами обязанность, а сознаніе въ точномъ исполненіи этой обязанности—первое условіе всякаго добросовъстнаго труда.

Уже по окончаніи рецензіи нашей мы получили шестую книжку «Москвитянина», и присоединяемъ обзоръ ея къ обзору первыхъ пяти книгъ. Она начинается десятью стихотвореніями, очень слабыми. Въ особенности пеизящны произведенія господина Михаила Стаховича. Отсутствіе всякой мысли не выкупается гладенькимъ стихомъ, а еще мъстами и стихъ-то у него весьма негладокъ, какъ напримъръ въ стихотвореніи «Старуха на печкъ», писанномъ невъдомымъ размъромъ.

Пришла старуха въ избу со двора.

— Ай, холодно! на дворѣ и мятель и кура!
Экая сила, что снъгу навалило!
Совсъмъ старуха застыла.

Въ отвътъ на жалобы старухи (мы передаемъ содержаніе этого стихотворенія, чтобъ показать, какіе богатые предметы воспъваетъ г. Стаховичъ) старикъ отвъчаетъ, что если ей холодно на печи, каково должно быть теперь мужику въ обозъ.

Охъ, говоритъ старуха, сударикъ ты мой!
Что мужичку въ обозѣ, то дѣется?
Бѣжитъ да грѣется.

И все тутъ; остальныя произведенія г-на Стаховича все въ такомъ же родъ. Немного лучше два стихотворенія г. Рапча: «Война и миръ» и «Грекамъ». Незнаемъ тотъ ли это Раичъ, который издаваль, въ 1823 году, «Новые Лониды», въ 1827 издалъ «Съверную Лиру», перевелъ Виргиліевы Георгики и наконецъ знаменитый освобожденный Герусалимъ, послѣ Москотильникова, Попова, Шишкова и Мерзлякова. Впрочемъ стихотвореніе г. Ранча «Грекамъ», замъчательно по мысли, если не по исполненію. Онъ призываетъ Грековъ

свергнуть съ себя иго мусульманъ. Стихотворение это напомнило намъ знаменитую военную пъснь Грековъ, славившуюся во время освобождения Греціи и написанную извъстнымъ Ригою, погибшимъ такою печальною смертію. Байронъ перевель эту пъснь почти подстрочно, размёромъ подлинника. Приводимъ ее въ русскомъ переводъ также по возможности върномъ. Она начинается слъдующими стихами:

Δεύτε παιδες τωυ 'Ελλγυωυ Ο καιρός της δοξης ήλδεν!

Дъти Греціи, возстаньте!
Часъ спасенья пробиль вновь!
Вспомня предковъ славныхъ, гряньте
Грозной бурей на враговъ!

Впередъ! на бой съ врагами, На страшный мести бой! Пусть хлынетъ передъ нами Невърныхъ кровь ръкой.

Ярмо стыда свергая, Вся Греція встаеть. Встаетъ страна родная, И цепи рабства рветь: Строй доблестныхъ героевъ Стремися съ нами въ брань! Сонмъ падшихъ среди боевъ Ты къ жизни вновь возстань! Соединитесь съ нами Вожди былыхъ въковъ, И грозными рядами Пойдемъ мы на враговъ. Польются грековъ волны, Поля мы наводнимъ И городъ седмихолиный * Опять освободимъ.

Ептадорос. Константинополь, стоящій на семи ходмахь, какъ Римь.

Онъ нѣкогда отчизнѣ
Все отдаль, что имѣлъ,
Онъ для нея и жизни
Въ бою не пожалѣлъ.
Весь міръ почтилъ слезою
Героя п Царя
Возстань же, Спарта, къ бою
Отмщеніемъ горя.

Дъти Греціи, возстаньте!
Часъ спасенья пробилъ вновь!
Вспомня предковъ славныхъ, гряньте
Грозной бурей на враговъ.

Пъсня эта, неимъющая особеннаго литературнаго достоинства, замъчательна какъ произведение современной греческой литературы и по чувству патріотизма, которымъ она проникнута. Только одна вторая строфа ея не идетъ къ нынъшнимъ обстоятельствамъ.

Въ отдълъ Словесности довольно интересны «Уличныя зрълища въ Италіи», изъ записокъ Туриста, г-на Бибикова (Замътитъ ли г. По- кровскій это иностранное слово). Напрасно Г. М. Дмитріевъ, описывая заслуги своего дяди, восхищается даже такими стихами, которые весьма негладки для нашего времени. Такъ онъ говоритъ, что покойный писатель, рисуя въ воображеніи картину, которую намъревался представить въ стихахъ, спрашивалъ всегда самъ себя: могъ ли изобразитъ ее на полотнъ живописецъ, «отъ этого мы видимъ у него удивительную цълость, полноту и тонкую отдълку частей» и въ примъръ этого М. Дмитріевъ приводитъ слъдующіе стихи: «къ Волгь».

Тамъ кормчій, руку простирая Чрезъ льсъ дремучій па кургань (по-русски: къ кургану) Въщаль сопутниковъ свывая: Здъсь Разиновъ быль, други, стань; Въщаль и въ думу погрузился, Холодный потъ по немъ разлился (отчего же это?) И перстъ на воздухъ дрожалъ.

Сознаемся, что мы не видимъ въ этихъ стихахъ никакой тонкой отдълки и удивительной цънности. Не говоря уже о томъ, что картина эта очень не граціозна, она и не върна, потому что неловко погрузиться въ думу съ дрожащимъ на воздухъ перстомъ. Въ другомъ мъстъ, при описаніи, впрочемъ весьма недурнаго портрета ротмистра Брамербаса, приводя цитату, въ которой находятся и слъдующіе стихи:

Какимъ ты ужасомъ разиль тогда меня! ...Съ какимъ безмолвіемъ ты быль внимаемь мною! Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,

Г. М. Дмитріевъ, не смотря на эти промахи противъ языка и разстановки словъ восклицаетъ: «Что за прелесть эти стихи!... Нынче не умъютъ этого.» Чего этого? Авторъ въроятно хотълъ сказать: не умъютъ такъ писать, да и хорошо, что не умъютъ, прибавимъ мы. Замътимъ кстати Г. М. Дмитріеву, что нельзя сказать: «молодые писатели самонадежные прежнихъ», а надо употребить слово «самонадъяннъе.» Странно также слъдующее замъчаніе автора: «Въ Аонидахъ и послъдующихъ журналахъ Дмитріевъ ставилъ подъ стихами только три звъздочки ***. По этимъ признакамъ можно узнать тъ изъ его стиховъ, которыхъ (то есть которые) онъ не помъстилъ въ собраніи своихъ сочиненій». Но тремя звъздочками подписыю слъдуетъ принисать Дмитріеву?

Въ отдълъ Иностранной Словесности помъщенъ переводъ повъсти Стендаля (Бейля) «Мина фонъ Вангель» писателя замъчательнаго, съ которымъ петербургскіе журналы не знакомили своихъ читателей. Жаль только, что для перевода выбрана очень странная исторія, содержаніе которой составляетъ романтическая любовь одной нъмки къ женатому человъку. Нъмка эта поступаетъ въ горничныя къ женъ этого человъка, ссоритъ ихъ и потомъ убиваетъ себя, когда онъ, узнавъ ея козни, отвергаетъ ее съ презръніемъ, послъ любви однако же. Можно было бы выбрать изъ Стендаля что нибудь и получше. Языкъ перевода хорошъ. Мы замътили въ немъ только одно неуклюжее слово: «сослуживка».

Статья М. П. въ отдъль наукъ «О политическомъ равновъсіи» была напечатана въ 1829 году и перепечатана здъсь неизвъстно съ какою цълью. Авторъ еще двадцать пять лътъ тому доказывалъ, что политическаго равновъсія не можетъ быть между государствами, и что выраженіе это пустое изобрътеніе публицистовъ. То, что было можетъ быть новостью въ 1829 году, въ 1854 ни въ какомъ случат не можетъ быть ново. Замътимъ, что авторъ статьи въроятно не полюбивъ слова факты переводитъ ихъ словомъ быти, а въ тоже время безъ всякой нужды вводитъ иностранное слово дедукціи, совершенно лишнее.

Въ «Библіографіи» разобранъ подробно и дъльно романъ Евгеніи Туръ «Три поры жизни.» Въ «Журналистикъ» тридцать двъ страницы разбора «Трехъ писемъ», плохой повъсти, помъщенной въ «Библіотекъ для Чтенія» прошлаго года и которою восхищается одинъ критикъ Москвитянина г-нъ Григорьевъ исключительно. По поводу этого письма р

цензентъ говоритъ много удивительныхъ вещей, хвалитъ спачала иногороднаго подписчика, увъряетъ, что «Пантеонъ и Отечественныя Записки «накинулись съ яростью» на «Три письма.» Что за выраженіе! И нашъ журналъ и «Отечественныя Записки» только посмѣялись надъ вычурностью и ходульностью этого произведенія, и скорбе критикъ Москвитянина самъ накинулся съ яростью на эти рецензіи, потому что возводить не совствь приличныя обвинения на оба эти журнала, говоря: «чистота и поэтичность чувства повъсти, благородство чувства любви и въра въ это чувство, вотъ что оскорбило нашихъ рецензентовъ.» Подобныя слова могли бы скоръе оскорбить рецензентовъ, еслибъ они не знали давно, какъ выражается критикъ Москвитянина. Онъ находить однакоже «незаконною» манеру автора «Трехъ писемъ», и не смотря на это, для поученія самой беллетристики принимается за дёло «расчистки,» чего? неизвъстно. Съ этою цълью онъ начинаетъ толковать о Пушкинъ, находитъ, что повъсти госпожи Туръ, похваленныя въ этомъ же нумеръ Москвитянина, очень илохи, начинаетъ приравнивать духъ поэзій Пушкина къ духу поэзій Шиллера, находить что Шиллера, какъ эротическаго поэта, нельзя читать безъ смеха, что тамъ, гдъ онъ нъженъ, онъ впадаетъ въ сентиментальность и приторность, гдъ страстенъ, тамъ впадаетъ въ неистовство идеализма, близкое къ грубъйшему матеріализму; не говоримъ уже о томъ, что въ послъдней фразъ нътъ никакого смысла; но назвать приторными «Теклу» Валенштейна, «Елисавету» Донъ Карлоса, всв высокіе женскіе типы, созданные Шиллеромъ, значитъ не понимать ни слова въ Шиллеръ. Послъ того мы подозрительно смотримъ и на похвалы рецензента Пушкину, котораго онъ называетъ «цъльнымъ, неразорваннымъ человъкомъ». Далъе онъ находить какое-то особенное чувство въ любви Гордъевны къ Митъ въ весьма слабой пьесъ Островскаго, восхищается слогомъ г. Рамазанова, неизвъстно что написавшаго, и вообще выражается весьма вычурно, къ чему мы впрочемъ привыкли, потому что послъ знаменитыхъ «заложеній» насъ уже ничто не можетъ удивить въ критикахъ г-на Г. Новаго замътимъ мы только въ этой статьъ: особенное пристраетіе къ выраженію трезвый взглядь, трезвое чувство. Въроятно рецензенть думаеть, что можеть быть пьяный взглядь и пьяное чувство? Результать всей этой экстравагантности, какъ выражался изкогда Иногородный подписчикъ, тотъ, что «Три письма»-перлъ русской литературы. Желаемъ обладать этимъ перломъ рецензенту Москвитянина вполнъ и нераздъльно. Соперниковъ у него не будетъ. Замътимъ также новый способъ писать критику, вышисывая изъ повъсти четырнадцать

TOWNS IN STREET

страницъ, то есть почти всю повъсть. Оно и читателямъ и критику выгоднъе.

Заграничныя современныя извъстія весьма не полны. Статья М. П. «Объдъ въ клубъ реформы» весьма хороша, но намъ кажется напрасно авторъ ен напоминаетъ о крестьянской пословицъ: «не хвались ъдучи на рать.» Мы конечно, очень богаты пословицами, но не всякая изъ нихъ умъстна въ серьозной статьъ. Это же богатство не должно намъ позволять присвоивать себъ пословицы другихъ народовъ, и г. М. П. ошибается называя русскою пословицу: «если кого Богъ хочетъ наказать, то пошлетъ на него затмъніе.» Это только переводъ извъстной латинской поговорки: Quem vult perdere Iupiter-dementat.

Любопытно также, для чего при описаніи похоронъ Арманъ-Бертеня переведена цілая страница именъ лицъ, бывшихъ на погребеніи. Изъ ста шестидесяти трехь именъ, приведенныхъ въ статьт, нітъ и половины извітстныхъ.

Въ смѣси хороша статья «Подмосковная охота», только мы замѣтили, что по-англійски извѣстная порода собакъ называется пойнтеръ, а не пуэнтеръ. Нумеръ оканчивается опять «Памятнымъ листомъ» г. Покровскаго», и опять между нѣсколькими правильно подмѣченными ошибками, нэходится множество несправедливыхъ замѣчаній, доказывающихъ, что авторъ этихъ критическихъ замѣтокъ самъ не силенъ въ тонкостяхъ языка. Вотъ пять примѣровъ, взятыхъ подъ рядъ, безъ выбора, съ 45-й страницы.

- Лица ихъ, руки и шеи подходили подъ цвътъ краснаго дерева. А по-русски: ихъ лица, руки, шея походили цвътомъ на красное дерево. »—Мы думаемъ напротивъ, что ни на русскомъ, ни на какомъ либо другомъ языкъ нельзя нъсколькимъ лицамъ дать одно лицо и одну шею. И потому, отчего выраженіе: походили цвътомъ, правильнъе нежели: подходили подъ цвътъ? Этого не разръшаетъ г. Покровскій.
- Тупая его поиятливость. Понятливость есть способность понимать ясно, быстро и следовательно не можеть быть тупою. «Это отчего?» Понятливость есть способность пониманія и можеть быть быстрою и тупою.
- Рембрандтъ караулилъ каждый эфектъ свъта. Здъсь слово караулилъ не довольно благородное и въ слъдствіе этого предлагается высматривалъ. Чъмъ же это послъднее слово благородите? и по какимъ признакамъ г. Покровскій различаетъ благородство и не благородство слова?
- «Неуклюжія загадки» г. Покровскій допускаеть, что неуклюжимъ можеть быть только человѣкъ. Отчего? И что за страсть соби-

рателя ошибокъ изгонять всякую живописность изъ языка, заботиться только о безжизненной грамматической правильности!

— Благодъяние сдълалось цълью его жизни. И это не такъ: по мнънію критика надо сказать благотоворительность. Ръшительно ему хочется изгнать изъ языка всъ синонимы, составляющіе его богатство.

Но довольно о г. Покровскомь, мы не будемъ часто возвращаться къ нему; читатели наши видять теперь ясно, до какой степени основательны его замътки. Всего любопытнъе въ его статьяхъ изобрътаемые имъ самимъ слова, какъ напримъръ: повсюдный вопросъ. Очень хорошее прилагательное!

Неизвъстно съ какою цълью помъщено въ самомъ концъ этого нумера еще стихотвореніе Михайла Стаховича «Пъснь бывшихъ студентовъ». Оно ничъмъ не хуже напечатанныхъ въ началъ. Хорошъ въ этомъ стихотвореніи особенно одинъ стихъ:

Быль студенческій отець.

послѣ этого, вмъсто отецъ младенца можно сказать:

Быль младенческій отець.

На самой последней странице, pour la bonne bouche, дается «петербургскимъ редакціямъ добрый советь быть осторожнее и скромнее, чтобы не случилось имъ прочесть въ Москвитянине чего нибудь слишкомъ горькаго. Увы! не позднее ли уже это предостереженіе? Не угощалъ ли уже насъ этотъ журналъ и безъ того чемъ нибудь слишкомъ горькимъ? Вотъ вопросъ! какъ говоритъ Гамлетъ.

Бестда съ Московскимъ журналомъ отнимаетъ у насъ возможность говорить въ этомъ нумерт о петербургскихъ его собратіяхъ. Мы скажемъ нъсколько словъ о послъдней книгъ «Современника,» оставивъ только разборъ его стихотвореній и романа г. Станицкаго до слъдующаго нумера «Пантеона».

Изъ серьозныхъ статей въ апръльской книгъ «Современника» помъщено окончание «Опыта біографіи Гоголя.»

Чтобъ быть вполнѣ современнымъ, журналъ этотъ помѣстилъ въ отдѣлѣ Наукъ: «Свѣдѣнія о современномъ состояніи Европейской Турціи.» Въ статьѣ этой нѣтъ никакихъ новыхъ фактовъ послѣ того, что сообщили своимъ читателямъ петербургскія газеты и въ особенности Петербургскія вѣдомости. Есть впрочемъ одна новость въ этой статьѣ: выраженіе «пластическій видъ Балканскаго полуострова.» Новость эта рек омендуетъ правильность языка этой статьи съ самой первой строки

«Нъсколько словъ о стихотвореніяхъ О. Тютчева» критическая статья И. С. Т. на двухъ страницахъ заключаетъ въ себъ много страннаго, ошибочнаго и изысканнаго. Критикъ считаетъ г. Тютчева выше всъхъ своихъ собратовъ по Апполону, находитъ въ немъ «соразмърность таланта съ самимъ собою, соотвътственность его съ жизнью автора, » возстаетъ противъ отдъленія таланта отъ той почвы, которая одна можетъ дать ему и сокъ, и силу противъ отделенія его отъ жизни той личности, которой онъ дано во даро, отъ общей жизни народа, къ которой какъ частность принадлежитъ сама та личность», говоритъ что, «это отделение таланта способствуетъ къ развитию въ немъ виртуозности, совершающемуся на счетъ ея жизненности.» Мы увърены. что еслибъ самъ И. С. Т. встрътилъ подобныя тяжелыя и темныя фразы въ какомъ нибудь разсказъ, то конечно улыбнулся бы. Отчего же писатели, отличающиеся прекраснымъ языкомъ въ своихъ повъстяхъ, становятся на ходули, какъ скоро принимаются за критическую статью? Неужели необходимо, чтобъ критика отличалась отъ повъсти надутымъ и тяжелымъ слогомъ? Отчего бы казалось не разбирать чужія произведенія такъ же ясно, какъ пишешь свои собственныя?.. Къ чему въ критикъ выраженія въ родъ: компоновать, фіалка не разить своимъ запахомъ, или періоды въ родъ приведенныхъ нами выше? И можно-ли такъ высоко ставить г. Тютчева? Нътъ, критика не далась И. С. Т., и онъ напрасно оставилъ для нея родъ произведеній, въ которыхъ онъ такъ великъ.

Но еще болъе критики поразила насъ въ этомъ нумеръ «Современника» библіографія и въ особенности разборъ Раута. Мы не говоримъ о языкъ разбора, въ ксторомъ есть и оппоненты и ретроспективное направленіе и другія ръдкости, но насъ удивляетъ пренебреженіе, съ которымъ рецензентъ говоритъ о писателяхъ, если и стоящихъ осужденія, то ни въ какомъ случать не заслуживающихъ неуваженія. Вотъ что говоритъ, напримъръ, рецензентъ.

«Воскресителем» особаго рода альманаховъ, отличавшихся невыразимою прелестью старческой наивности, быль изданный въ 1850 году г. Пименомъ Араповымъ «Драматическій Альбомъ», снабженный портретами артистовъ, такими портретами, при взглядъ на которыхъ становилось, какъ выражался нъкогда Полевой въ Гамлетъ:

За человъка страшно

до такой степени не было въ нихъ ничего человъческаго. Въ этомъ Драматическомъ альбомъ г. Арапова появились въ печати его водевили, игранные въ 1815 году, Мальтійскій Кавалеръ и т. д... Все это по

большей части были произведенія того давнопрошедшаго времени, о ко-торомъ такъ относился покойный Писаревъ:

Скропаль Пимешка водевиль, Гобоевскій сложиль музыку, Пісса пілепнулась безъ крику, Mann kann nicht immer was man will!

Развъ подобныя выходки-критика? Нътъ-ли имъ другаго, болъе прилич-

Говоря о Рауть, рецензенть увъряеть, что это сюриризь, который можеть явиться только въ Москвъ, а въ Петербургъ подобные сюрпризы имъютъ характеръ болъе отрывочный. Послъ этого, рецензентъ перечисляеть эти сюриризы: «стишки г. Ф * къ Рашель, статейки г. Каменскаго объ Американскихъ Штатахъ, съ которыми знакомство автора очень подозрительно, разсылка при какомъ нибудь подземномо сборникъ портрета его редактора и т. и.». Рецензентъ забываетъ самый любопытный сюрпризъ: появление въ иномъ журналѣ цѣлаго отдѣла, посвященнаго пародіямъ, тупымъ эпиграмамъ, непонятнымъ остротамъ, не совсьмъ приличнымъ карикатурамъ и разной литературной галиматьв. Къ числу сюпризовъ же относится и следующее известие, упоминаемое рецензентомъ: «Такъ, напримъръ, послъ трехъ-мъсячнаго пребыванія здъсь великой трагической артистки, до настоящей литературы дошли слухи о томъ, что въ течение этихъ трехъ мъсяцевъ, въ какомъ то литературномъ захолусть составился родъ мим противъ нея и что тамъ преследовали ее систематическимъ образомъ». Не знаемъ, кто-бы захотелъ взять на себя трудъ составлять подобную лигу, но можемъ въ свою очередь, привести въ примъръ другой сюрпризъ, помъщенный все въ томъ же журналь, о которомъ мы говорили. Тамъ была помъщена пълая фантастическая сцена, въ которой дъйствовали разные литературные гномы. Никто не станетъ спорить, что подобный сюрпризъ былъ, конечно, самымъ неожиданнымъ въ литературъ и чуть-ли не въ первый разъ въ ней являющимся.

Объ иностранныхъ извъстіяхъ «Современника» не говоримъ: онъ составляются по образцу помъщаемыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», но гораздо менъе интересны и системы въ нихъ нътъ никакой.

«Иногородный Подписчикъ» въ своемъ письмѣ совътуетъ литераторамъ имъть больше самолюбія, не убъгать отъ труда упорнаго, мощнаго, не беречь себя, какъ нъкое сокровище, совътуетъ даже лучше походить на крутыхъ писателей, полныхъ конфузливости. Потомъ онъ толкуетъ о Дельвигъ, что поэтъ этотъ былъ слишкомъ лънивъ, и «го-

лова его не облекалась въ священную бурю». Разбирая стихи Майкова: «Клермонтскій соборъ», находить, что слова: идеаль, цинизмъ, матеріализмъ не должны употребляться въ стихахъ; что истинный поэтъ долженъ быть юношей, почти дитятей и писать будто для несовершеннольтнихъ». Почему же ужъ и не для слабоумныхъ, если поэзія занятіе только дътскаго возраста, какъ это предполагаетъ подписчикъ. Въ доказательство своего тонкаго, поэтическаго пониманія, онъ восхищается также какими-то плохими стихами, переведенными съ Сербскаго. Это письмо убъдило насъ, что «Иногородный Подписчикъ» также върно смотритъ на русскую поэзію, какъ и на русскую прозу.

О «Литературномъ Ералашъ» четвертой книги мы не можемъ сказать ничего новаго: тоже отсутствие вкуса и уважение къ литературъ, таже пустая проза, являющаяся только въ формъ анекдотовъ, какъ въ третьей книгъ являлась въ видъ афоризмовъ, изъ которыхъ мы забыли привести самый остроумный:

 Страждущему принеси утъшеніе; подай ему бальзамъ; копая другому яму, самъ въ нее попадешь.

Въ стихахъ есть пародія на балладу Шиллера, какъ въ третьемъ нумерѣ пародія на стихи Жуковскаго. Нецеремонность ералашниковъ до ходитъ до того, что написавъ какой-нибудь вздоръ, они подписываютъ подъ нимъ: «Изъ такого-то знаменитаго поэта» и смѣло печатаютъ, хотя у поэта, конечно, не встрѣчалось никогда ничего подобнаго. Въ этомъ же отдѣлѣ разбираютъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, нѣкоторыя современныя произведенія, но, говоря стихами Лермонтова, немного из-мѣненными:

Занять вашъ умъ намъ не дано,
Все это вяло, скучно, тупо,
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ... грустно.

The way we will not form the state of seven and why a

ST THE STATE OF STATE

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

справочный энциклопедическій словарь, А. Старчевскаго, томы VII и VIII. 1853, 1854, въ большую восьмушку С. П. Б.

Книга, лежащая передъ нами, невольно напомнила намъ другое подобнаго рода изданіе, начавшееся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, объщавшее блистательное развитіе, богатство матерьяловъ, и преждевременно прекратившееся. Мы говоримъ объ «Энциклопедическомъ сло-

варъ А. Плюшара.» Сколько тутъ было редакторовъ, сотрудниковъ! какою полнотою словъ и ихъ опредбленій отличались первые томы; все, казалось, предвъщало успъхъ... но не всъ надежды сбываются въ міръ. Червь литературныхъ самолюбій подточиль и это прекрасное дерево, объщавшее обильные плоды. Правда, что въ послъднее время редакція Энциклопедического словоря позволяла себъ нъкоторыя шуточки, очень напоминавшія тогдашнюю литературную літопись «Библіотеки для чтенія, в но не менте того, все таки въ книгахъ встрічались статьи очень дъльныя и хорошо развитыя. Но-де mortuis aut bene, aut nihil. Маленькое предисловіе наше, если только можно считать предисловіемъ нъсколько строчекъ, сказанныхъ мимоходомъ, мы привели собственно для того, чтобъ имъть право сказать, какъ трудно частному человъку предпринимать подобныя изданія, требующія чрезвычайно разнообразныхъ условій. Что подобная книга необходима, доказывать также безполезно, какъ доказывать необходимость журнала и газеты для образованнаго человъка; а потому, съ своей стороны мы емотримъ на трудъ г. Старчевскаго съ особеннымъ уваженіемъ. Какіе бы недостатки не имъло такое изданіе, оно все-таки большая заслуга, которая требуетъ поощренія, тімъ болье что недавно еще словарь А. Плюшара, паденіемъ своимъ, казалось, надолго долженъ былъ отбить охоту заниматься составленіемъ словаря «Энциклопедическаго.» Само собою разумъется, что подобный «Словарь,» когда имъ занимается одинъ человъкъ, не можетъ быть вполнъ самобытенъ по составу своему и разработкъ, а долженъ составляться по чужимъ системамъ и образцамъ, и даже по большей части изъ переводныхъ статей иностранныхъ словарей. Дъло все состоитъ въ хорошемъ выборъ подлинниковъ для переводовъ и въ тщательномъ просмотръ этихъ переводовъ, подъ руководствомъ спеціальных в людей. Въ этомъ отношеніи г. Старчевскій ведетъ трудъ свой довольно тщательно и добросовъстно. Но изъ этого не слъдуетъ однакоже выводить заключенія, что мы безусловно будемъ хвалить трудъ г. Старчевскаго: напротивъ, сколько позволитъ объемъ статьи, мы постараемся указать на нъкоторыя недостатки и погръшности, вкравшіяся въ его книгу, и которыя легко могутъ быть устранены въ послъдствіи.

Въ предлагаемыхъ двухъ томахъ разработаны слова на буквы Л, М и Н. Видно, что издатель старается какъ о полнотъ словъ, такъ и о полнотъ ихъ опредъленій, что опредъленія дълаются по источникамъ върнымъ съ людьми знающими свое дъло; но, въроятно, при поспъшности, (что не служитъ однакоже оправданіемъ,) встръчаются недостатки, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаъ. По нашему мнънію, редакціи слъдовало бы обратить вниманіе на это обстоятельство, тъмъ болъе, что въ

вышедшихъ томахъ «Энциклопедическаго словаря» и въ «Военно-Энциклопедическомъ лексиконъ» легко найти пособіе. За то г. Старчевскій помъстилъ много словъ, не встръчающихся въ упомянутыхъ изданіяхъ, а многія опредълилъ гораздо полнъе, воспользовавшись источниками, которыми не пользовалась редакція «Энциклопедическаго словаря.» Такъ напр. словъ, относящихся къ Польшъ, къ Западной и Южной Россіи у него гораздо больше, и опредълены они точнъе и пространнъе.

Отдавая однакоже должную справедливость и внолит сочувствуя труду, заслуживающему полное одобрение, мы, руководимые безпристрастиемъ, не можемъ коть вкратцт не замътить того, что по нашему митнию служитъ неполнотою, или неточностью.

Въ опредълени словъ Лабрадоръ (т. VII стр. 3) описанъ только полуостровъ, а не сказано, что такъ называется камень изъ породы шпата, который по своимъ цвётамъ и отливамъ служитъ однимъ изъ красивыхъ матерьяловъ для издёлій разнаго рода, начиная отъ колоннъ, до самыхъ мелкихъ украшеній. Большія массы этого минерала еще недавно открыты у насъ въ Россіи, именно въ Кіевской губерніи, въ Родомысльскомъ убздё, въ селеніи Каменный Бродъ.

Въ словъ *Ландскиежтъ*, въ статьъ, составленной прекрасно, (т. VII стр. 43) пропущено опредъление азардной игры *ландскиежтъ*, которая въ большомъ употреблении за границей и также извъстна у насъ.

«Лапушникт или репейникт, въ Малороссіи репяхъ и лапухъ (Autium) т. VII, стр. 64.

Въ Малороссіи растеніе это называется не лапухъ, но лопухъ, а репьяхомъ называють не растеніе, но собственно плодовую коробочку лонуха, цепляющуюся иглами своими за платье и вообще за все, за что она можеть уцепиться.

Въ опредъленіи слова *Лашмоны* (т. VII стр. 99) упущено изъвида одно довольно важное обстоятельство, именно то, что показывая мъстопребыванія лашмоновъ въ губерніяхъ Симбирской, Казанской, Нижегородской и Оренбургской, и приводя цифры, редакція не упомянула о новой губерніи—Самарской.

Въ статъв Лобода, малороссійскій полковникъ, (т. VII, стр. 265) сделаны две важныя ошибки: во-первыхъ, показанъ одинъ только полковникъ Лобода, погибшій вивств съ гетманомъ Наливайкою, и не упомянутъ другой, бывшій при Хивльницкомъ; во-вторыхъ, въ указаніи мёста въ исторіи битвы Наливайки съ поляками—другая погръшность: «надъ рёкою Случемъ, при Лубияхъ, на Салонице.» Подъ статьею «Малороссія» въ этомъ же словарв указаны источниками Бантышъ-Ка-

менскій и Маркевичь. У Маркевича, точно, есть важная описка, и ръка Сула названа у него Слулью, но у Бантышь-Каменскаго этой описки нътъ. Но откуда въ «Справочномъ словаръ» появился небывалый городъ Аубни, когда это Аубны (по мъстному Лубни)? Это тъмъ болъе странно, что въ томъ-же «Справочномъ словаръ» на стр. 292 сказано, что Лубны стоятъ на правомъ берегу ръки Сулы. Составитель статьи, положимъ, могъ не замътить другаго Лободы, но за неправильностью географическихъ названій въ Россіи слъдуетъ смотръть со всею строгостью. Въ VII томъ, на стр. 295, пропущенъ Луганский Заводъ, который стоитъ быть описаннымъ, какъ по производству работъ, такъ и по положенію своему въ краъ.

Тамъ же, на стр. 353, пропущено слово: *Магдебургское право*, такъ часто упоминаемое въ исторіи Малороссіи и въ разныхъ договорныхъ и историческихъ актахъ.

Страннымъ показалось намъ также, что въ статъв *Мазыль* (Т. VII, стр. 390), при описаніи этого класса въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, сказано: «Это родъ шляхты, получившей особыя права и пре-имущества,» и проч. Къ чему это польское названіе? Въ исторіи западной части Руси, бывшей подъ непосредственнымъ или условнымъ владычествомъ Польши, слово шляхта имѣетъ еще смыслъ, но въ Придунайскихъ провинціяхъ оно совершенно неумѣстно.

Статья Малороссія (Т. VII, стр. 414—416), котя и составлена по Бантышъ-Каменскому и Маркевичу, однако составлена уже слишкомъ сжато и неопредъленно. На стр. 416 приводятся слова короля Владислава: «Ты въ правъ употребить противу гетманскаго (польскаго правителя Малороссіи) (?!) мъры насильственныя, и для всъхъ казаковъ, подобно тебъ, это одно средство избавиться отъ притъсненій.» Не упомянувъ даже, кому король сказалъ эти слова, авторъ замъчаетъ: «Такова была власть польскаго короля въ XVII въкъ!»

По Ригельману «Лътописное повътствованіе о Малороссіи» Ч. І. стр. 43) слова, въ родъ этихъ, король Владиславъ произнесъ Барабашу Хмъльницкому и другимъ именитымъ малороссіянамъ; а потомъ (стр. 49) повторилъ сильнъе въ отвътъ на жалобу того-же Барабаша.

У Маркевича (Ист. Малор. Т. 1. стр. 158) сказано, что король Владиславъ писалъ въ отвътъ на жалобу Барабаша:

«Поневажъ вы воины есте, то что вамъ возбраняетъ стать за себя и за свою свободу? Ибо видно жребій вашъ таковъ, чтобъ имѣть все отъ меча, и даже самую свободу; а я помогать вамъ не въ силахъ, будучи обуреваемъ партизанствомъ и ихъ факціями.» Гдъ же и когда говорилъ король Владиславъ слова, приведенныя въ Справочномъ Энциклопедическомъ словарѣ? И что это былъ за правитель польскій въ Малороссіи, Гаплинскій? Панъ этотъ былъ не болѣе, какъ подстароста Чигиринскій, имѣвшій свои личные счеты съ Богданомъ Хмѣльницкимъ, и никогда не управлялъ Малороссіей, которая имѣла гетмановъ. Подобныя невѣрности непремѣню слѣдуетъ исправить. На той же страницѣ авторъ статьи, послѣ Виговскаго, ставитъ гетманомъ Тетерю, пожалованнымъ отъ короля въ гетманы (1664). Какъ же это возможно? Въ 1654 году Малороссія присоединилась къ Россіи; какое же имѣлъ право король польскій жаловать въ гетманы, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, избирала всегда изъ среды своей казачина. Слѣдовало бы сказать, что въ это печальное время смутъ и раздоровъ, возникло два гетманства—по правой и по лѣвой сторонамъ Днѣпра, и указать уже всѣхъ гетмановъ, или умолчать о нихъ вовсе, но не затемнять порядка.

По нашему митнію, статьи подобнаго рода, если онт приготовлены для подобнаго изданія, какъ Справочный Энциклопедическій словарь, должно подвергать строгой критикт. Гораздо больше заслуги, въ нтсколькихъ строчкахъ описать какую нибудь страну, но только втрино, нежели составить статью въ нтсколько страницъ съ неточностями историческими. Исторія Бантышть-Каменскаго и Маркевича весьма достаточные матеріялы для опредъленія Малороссіи.

Въ статьъ: Мальчевскій (Т. VII. стр. 428), польскому поэту этому приписали уже слишкомъ много достоинствъ. Поэма его Маріл названа высокимъ художественнымъ произведеніемъ, и сказано, что врядъ ли въ польской литературъ найдется другое произведеніе, которое превосходило бы «Марію» богатствомъ вымысла и художественностью отдълки. Не мъсто здъсь входить въ споръ съ авторомъ статьи и исчислять польскія поэмы, превосходящія «Марію» Мальчевскаго; но мы скажемъ, что фантастическая эта поэма далеко не высокое художественное произведеніе. Написанная прекрасными, гладкими стихами, поэма «Марія», хотя и пользуется извъстностью, однако она не имъетъ тъхъ достоинствъ, какія приписываютъ ей въ Справочномъ Энциклопедическомъ словаръ, потому что для поэмы мало еще хорошихъ, гладкихъ стиховъ и волшебной обстановки, а необходимы мысли, которыхъ въ ней весьма немного.

Редавція прекрасно сділала, что помістила въ словарь имя поэта, потому что мы такъ мало имісмъ свідіній о польскихъ писателяхъ.

Несоблюдено также однообразіе въ правописаніи также Мексика; такъ Т. VIII на стр. 45 написанъ Мексиканскій союзъ, а тамъ же на стр. 92 Мехиканскій заливъ.

Предъ статьею: Метрическія системы (Т. VIII стр. 86) пропущено очень важное слово—метрика. Въ статъв *Миссолонги* (Т. VIII стр. 140) не сказано ни слова о смерти Байрона.

Въ статъъ *Митра* (Т. VIII стр. 144) не опредълено другое значеніе, очень важное у насъ, и пропущено слово митрополить.

Неправильно также названіе Кіевскаго монастыря (Т. VIII стр. 151): Михайловскій злато-верховъ. Онъ называется: Кіево-золото-верхо-Михайловскій, или, просто, Злато-верхій, но не злато-верховъ.

Въ статът Міусскій округт (Т. VIII стр. 170—171) произошла очень важная ошибка въ цифрахъ: въ округт показано конскихъ табуновъ, принадлежащихъ помъщикамъ 6,957, а встатъ вообще лошадей 5,600 (!). Положимъ что это недосмотръ корректурный, но онъ очень непріятенъ въ такомъ дъльномъ изданіи, какъ Справочный Энциклопедическій словарь. Тутъ же пропущено очень важное слово: Назаретъ.

Въ статът *Несторъ* лътописецъ (Т. VIII стр. 377) не упомянуто, что мощи его почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ.

Послъ статьи Нигеръ (Т. VIII стр. 381), ни слова не сказано о Нигриціи.

Въ томъ VIII на стр. 421 описанъ монастырь Нино-цминде и не описана жизнь св. Нины, просвътительницы Грузіи!

Въ томъ же томъ, на ту же букву, не показаны штабы поселенныхъ кавалерійскихъ полковъ, какъ-то Ново-Бѣлгородъ, Ново-Серпуховъ, и проч., пропущенъ даже Ново-Хоперскъ, уѣздный городъ Воронежской губерніи, а тамъ же описана Новоселица, незначительное мѣстечко Бессарабской области.

Въ статът Нъэкинт (Т. VIII стр. 452) пропущено одно весьма важное обстоятельство, что въ городъ этомъ въ XVII столътін поселились выходцы греческіе и вели значительную торговлю. Городъ этотъ обязанъ грекамъ, какъ бывшимъ своимъ значеніемъ въ коммерческомъ міръ, такъ и всъми важными постройками. Еще не такъ давно московскіе купцы вели дъло съ Одессой не иначе, какъ посредствомъ нъжинскихъ грековъ. Народъ этотъ и до сихъ поръ еще живетъ въ Нъжинъ, хотя уже и въ маломъ количествъ.

Но мы боимся утомлять читателей подобными замѣчаніями, за которыя вѣроятно ночтенный составитель Справочнаго Энциклопедическаго словаря на насъ не посѣтуетъ, потому что эти справедливыя указанія могутъ служить для исправленій при новомъ изданіи. Хотя мы не показали и половины невѣрностей, безъ которыхъ, впрочемъ, такого рода изданіе и быть не можетъ, но, повторяемъ, все таки трудъ г. Старчевскаго заслуживаетъ участія и одобренія со стороны всѣхъ образованныхъ читателей. Нѣтъ сомиѣнія, что полезная книга эта разойдется,

скоро потребуеть втораго изданія, и тогда конечно, редакція Сиравочнаго Энциклопедическаго словаря исправить свои недосмотры, и прибавленіемъ новыхъ словъ увеличить свой словарь по крайней мѣрѣ еще въ поль-раза. Всего вдругъ сдѣлать нельзя; но мы должны быть благодарны и за то, что сдѣлано добросовѣстное начало, и сдѣлано не обществомъ ученыхъ и спеціалистовъ, а однимъ человѣкомъ, съ великимъ самоотверженіемъ принявшимъ на себя такую обузу труда, самаго кропотливаго, и выполнившаго задачу, по средствамъ и крайнему своему разумѣнію, съ усердіемъ, достойнымъ всякаго уваженія. Прійдетъ время, и мы увѣрены, что этотъ же Справочный словарь, нересмотрѣнный и исправленный, сдѣлается всеобщею необходимою настольною книгою.

II.

искусства и художества

1. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

- Маркитантка» драма Нестора Кукольника. — Отвътъ Петербургской публики на статью Пантеона объ игръ г. Максимова въ роли «Гамлета». — Бенефисъ г. Мартынова — и г-жи Самойловой и размышленія по поводу этихъ бенефисовъ.

Н. В. Кукольникъ въ последние годы своею драматическою деятельностью занималь Русскій театръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ поставиль двъ большія драмы: «Денщикъ», «Костровъ» одно лраматическое представленіе «Праздникъ въ Севастополь», и сверхъ того окончиль другое представление «Азовское сидънье». А теперь онъ даритъ намъ еще «Маркитантку.» Плодовитость изумительная! Въ этой последней драме г. Кукольникъ ясно и опредълительно высказалъ свой взглядъ на драматическое творчество и на искусство вообще. Изъ Маркитантки мы видимъ, что г. Кукольникъ въ сценическихъ произведеніяхъ не признаетъ драматическаго развитія характеровъ, равномърно и развитія драматической иден. Онъ избираетъ лицо, которое дълаетъ главнымъ въ пьесъ, влагаетъ ему въ уста свои собственныя мысли и сентенціи, и заставляеть около него вращаться все дъйствіе, также совершенно произвольное или эпизодическое, неимъющее органической связи съ главною мыслыю, или съ задачею драмы, которой собственно въ ней и нътъ. Оттого всв лучшія міста у него — чисто лирическія, всв слабыя містапатетическія. Взглядъ на исторію у г. Кукольника также довольно странный. Онъ полагаетъ, что достаточно взять историчесэпоху, какъ раму, и вставить въ нее итсколько историческихъ именъ, безъ участія въ дъйствіи и безъ опредъленныхъ характерическихъ очертаній, чтобъ изъ этого вышла историческая драма. Напротивь, драма становится историческою тогда только, когда вся основа ея покоится на точномъ событіи, которое именно истекаеть изъ характеровъ, воззрѣній и дѣйствій главныхъ лицъ эпохи. Словомъ, въ этомъ отношении историческая драма должна следовать действительности. Въ жизни народовъ, историческія событія проистекають отъ столкновенія характеровъ, интересовъ, идей цілыхъ націй или отдільныхъ лиць, которыхъ имена поэтому исторія и заносить на свои страницы. Въ драмъ исторической рычаги дъйствія должны быть тъже самые. Конеч но, авторъ можетъ украсить свое произведение частными подробностями, придать лицамъ или событіямъ болье или менье поэтическій рить, но основа должна быть върна дъйствительности. Языкъ сценическій г. Кукольника совершенно своеобразный. Онъ удаляется отъ простоты выраженія, которая въ драмѣ, какъ въ дѣйствіи, восиронзводящемъ дъйствительную жизнь, должна бы играть главную роль. Вездъ у него метафоры, сравненія, высокопарность, что много вредить правдоподобію выводимыхъ имъ лицъ. Гдв простой человекъ, каково бы нибыло положение его въ жизни, выразился бы самымъ обыкновеннымъ образомъ, тамъ у него онъ становится на ходули и дебютируетъ какой-нибудь Демосоеновской фразой, съ небольшими прикрасами изъ восточной поэзіи. Такое упражненіе въ краснорфчіи нисколько не выдвигаетъ характеровъ дъйствующихъ лицъ, а напротивъ дълаетъ ихъ похожими другъ на друга, и изъ обыкновенныхъ смертныхъ перераждаетъ ихъ въ героевъ классической французской трагедіи. Не смотря однакожъ на всв эти странности взгляда, несоотвътственнаго современному развитію драматическаго искусства, надо сказать, что г. Кукольникъ владветъ замвчательнымъ талантомъ. Почти въ каждой изъ его пьесъ есть отдёльныя сцены высокаго драматизма, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ изъ величайшихъ драматурговъ. Отчего-же, при такомъ умъньи потрясать зрителя истинно сильными и върными картинами въ отдъльности, въ цъломъ драма почтеннаго автора по большей части растянута, холодна, и не обаятельна? Мы полагаемъ, что это происходить отъ неуясненія себ'є авторомъ точной художественной цели созданія, отъ отсутствія основной идеи, которая должна разрѣшаться окончательнымъ результатомъ всякой драмы, и въ слъдствіе того, отъ недостатка движенія драматическаго въ самомъ ея развитіи.

Авторъ, выпуская на сцену своихъ дъйствующихъ лицъ, самъ не хочетъ скрыться за кулисы, онъ мыслить ихъ умомъ, говорить ихъ устами, заставляетъ ихъ высказывать свои собственныя, своевременныя убъжденія, хочеть ихъ сдълать сколь можно современными, хотя береть ихъ изъ отдаленной эпохи. Оттого они всегда являются передъ зрителемъ какъ-бы подъ маскою, сами за себя не чувствують, не мыслять и не говорять сообразно своему времени, своему образованію и положенію въ свъть. Увлеченіе ихъ не искренно. потому что въ немъ видно слишкомъ много искусственности; языкъ ихъ не шевелить душу, потому что черезъ-чуръ отзывается витійствомъ. Еслибъ то, что они пересказываютъ намъ въ длинныхъ монологахъ про себя, довольно сильными стихами, они заміняли дійствіями—драма кипъла бы жизнію и непремънно производила бы сильное впечатлъніе, разумъется, только тамъ, гдъ дъйствительно есть драма, то есть борьба. Всъ эпизоды, вводимые г. Кукольникомъ, всегда эфектны и жизненны, хотя не всегда въроятны, и это именно оттого, что въ этихъ эпизодахъ есть и своя отдёльная, довольно округленная мысль. Одинъ изъ главивишихъ недостатковъ его драмы состоитъ въ томъ, что канвы для действія хватаетъ только на два акта, а узоровъ риторическихъ разведено на ней столько, что выходять пять актовъ. Следовательно три изъ нихъ, какъ совершенно лишніе, только растягиваютъ самое дъйствіе, а виъстъ съ тъмъ прерывають и расхолаживають интересъ зрителя.

Сюжетъ «Маркитантка» т. е. сказка драмы изобрътена очень не дурно, но желаніе растянуть ее на пять актовъ, когда въ ней матерьяла едва достаетъ на два, портитъ все созданіе. Въ Маркитанткъ иътъ основной мысли или задачи, которую авторъ предположиль бы себъ ръшить или разъяснить. Онъ хотъль просто сказку передать въ драматической формъ. Маркитантка на столько-же историческая драма, (хотя въ ней и выведены историческія лица), на сколько Денщикъ принадлежитъ исторіи. Тутъ есть историческая эпоха, которая не имъетъ ровно никакой связи съ самымъ дъйствіемъ, точно такъ, какъ и дъйствіе драмы не имъеть никакого вліянія на эпоху. Историческія лица, выведенныя на сцену, могли бы и не быть на ней, и даже очень хорошо сдълали-бы, еслибъ не были; потому-что это тъни-безъ обликовъ, имена-безъ содержапія: ни одной черты ихъ историческаго и даже человъческаго характера въ нихъ не видно; да притомъ они своимъ неумъстнымъ появленіемъ только останавливаютъ ходъ сказки. Все, что есть въ этой драмъ дъйствительно историческаго, это фактъ, что нъсколько русскихъ, томившихся у шведовъ въ плъну, въ

старыхъ Санджарахъ, освобождены помощью, присланною имъ Петромъ Великимъ изъ-полъ Полтавы. На этомъ фактъ, по себъ весьма незначительномъ, г. Кукольникъ построилъ всю свою драму, прикрасивъ ее вымыслами, болъе или менъе правдоподобными. Вотъ все содержаніе «Маркитантки»:

Въ мъстечкъ Веприкъ стоитъ небольшой русскій отрядъ, во время войны Россіи со Швецією, въ 1709 году. При отряд'в есть дазутчикъ, еврей Ицекъ, и маркитантка Катериненталь, а при ней хорошенькая дочка. Эту нъмку Катериненталь, по какому-то странному случаю, зовуть Өеклой, а дочку ея Татьяной. Маменька барышинчаеть, а дочка поглядываеть себъ на господъ офицеровъ. Въ особенности нравится ей подполковникъ Юрловъ, командующій русскимъ отрядомъ. Она видъла его раза два издали и влюбилась такъ, что вотъ хоть на ножи итти. Является Юрловъ и также, не говоря дурнаго слова, влюбляется въ нее съ оника. Скучно Юрлову: дай-молъ задамъ ассамблею. Сказано, сдълано. Являются на балъ разныя лица, въ томъ числъ и полковникъ Переяславскій Томара, который свое семейство, ради безопасности въ военное время, ръшился перевезти изъ Переяславля прямо къ театру войны. Дочка его, Авдотья Павловна, которая, несмотря на тогдашнюю ненависть Гетманщины къ Польшъ, образовалась въ Варшавъ и вернулась оттуда истой, разбитной полькой, сильно кокетничаеть передъ Юрловымъ и весьма бы не прочъ завербовать его въ мужья. По этому случаю она выпъваетъ ему разныя мазуречки, подъзвуки бандуры, инструмента, который по виличинъ его и по принятому малороссійскому обычаю ни одна дама ни за что въ руки не возьметъ. Но желаніе выйти замужъвещь великая, для него на что не рашаются! Между тамъ, какъ обыкновенно, въ съни протъснилась толна любопытныхъ: поглазъть на танцовальное упражнение. Въ числъ ихъ и маркитантка съ дочерью. Юрловъ, увидя последнюю, начинаетъ съ нею любезничать, позабывъ стей и не обращая вниманія на пании Дуню, которая преусердно ему

Коршунъ по небу плыветь,
Взгляды страстные бросаеть,
Про любовь онъ ръчь ведеть:
Пташка слушаеть и таетъ...
Ой! не слушай тъхъ ръчей;
Ръчь та лжива и лукава...
Ой, не върь огню очей,
Не любовь въ нихъ, а отрава.

Поздно: онъ взмахнулъ крыломъ...
Когти мъткіе вцъпились...
Только въ воздухъ пустомъ
Перья пташки закружились.

Въ досадъ, что Юрловъ ее не слушаетъ, Дуня затягиваетъ другую польскую пъсню:

Черный глазъ, густыя брови У моей коханки, Не найдешь ты Зость въ пару Въ огородъ-ль на работъ, Въ праздникъ ли гуляетъ, Точно пава, величаво - за при в за выступаеть. На душт ея невинной, Чистой и прекрасной, Точно на небъ весною, И свътло и ясно. Ръчь ея-что медъ душистый, Звонкій сміхъ-отрада, А зальется звонкой пъснейгодовья не надо,

Но и эта изсня не беретъ. Дуня рветъ и мечетъ. Начинается мазурка. Юрловъ предлагаетъ ей руку, она грубо отказывается. Тогда онъ беретъ дочь Маркитантки и съ нею танцуетъ. Дуня поднимаетъ гвалтъ, кричитъ о непристойности, объ оскорбленіи, и начинаетъ ругаться съ Таней, которая ее съ достоинствомъ отдълываетъ на порядкахъ. Шумъ прекращается извъстіемъ, что Карлъ XII съ войскомъ идетъ на Веприкъ.

Въ третьей картинъ, послъ двухъ приступовъ Карла къ Веприку, счастливо отбитыхъ, Юрловъ, немного оцарапнутый по рукъ, начинаетъ хвастать передъ Маркитанткою о своей храбрости, о своихъ подвигахъ, е томъ, что у него все львы, что онъ одинъ за десятерыхъ стоитъ, что шведа накормилъ мыломъ, и о другихъ доблестяхъ. Но благоразумный лекарь, видя, что монологъ его принимаетъ слишкомъ общирные и гиперболические размъры, останавливаетъ его словами: «Ваше высокоблагородіе! Не извольте много резоновать; конечно, рана не опасная, но

излишняя ажитація...» Пушечные выстрѣлы прерывають сцену. Результать новаго приступа—взятіе шведами Веприка. Юрловь въ плѣну. Является самъ Карлъ XII, чтобъ велѣть плѣниковъ заковать въ колодки и сослать въ Старыя Санджары; онъ не можетъ ихъ видѣть, за то, что они дрались, какъ львы,

Таня, узнавъ объ этомъ, подговариваетъ жида Ицку бъжать съ нею въ Санджары.

Въ четвертой картинъ русскіе плънные сидать въ казаматахъ, подъ начальствомъ шведа Кристерфорса, съ которымъ Юрловъ обошелся очень рыцарски, когда онъ самъ быль въ плену русскихъ. Является Ицекъ и приводитъ Таню, одътую жиденкомъ; онъ выдаетъ ее за своего племянника. Они просять, чтобъ коменданть ихъ приняль въ услуженіе. Шведъ тотчасъ узнаетъ ихъ и, подозрѣвая что тутъ, кроется какая нибудъ измъна, хочетъ ихъ испытать. Для этого онъ Таню оставляеть на единъ съ Юрловымъ, а самъ уходить въ боковую комнату подслушивать. Таня запираеть его, потомъ поговоривъ о разныхъ нъжностяхъ, бъжитъ осъдлать коня, чтобъ дать знать русской арміи о томъ, что 2000 русскихъ томятся въ Санджарахъ. Кристерфорсъ слишкомъ поздно узнаетъ объ измѣнѣ: онъ посылаетъ за Таней погоню, но ея и слъдъ простылъ. Жиденокъ-Таня между тъмъ прискакала подъ Полтаву и выхлопотала отрядъ для освобожденія Санджарскихъ плённиковъ. Плённики между темъ порешили: при первомъ выстреле запеть песню «Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,» такъ, чтобъ она была слышна во всѣхъ казаматахъ, и при словахъ «А я въ три косы косила», разбить свои колодки камнями и броситься на шведовъ. Вожделенная пушка заревела, и они исполняють свой замысель.

Затемъ окончательное действіе, восьмое счетомъ, или восьмая картина—если угодно, представляетъ закулисную часть Полтавской битвы. Бабы съ рогатинами похваляются, что разбили трусовъ—шведовъ. Ими командуетъ Маркитантка. «Одного, говоритъ она—я плашмя рогатиной такъ и положила. Какъ увидела, какъ вы шведа лупите, такъ не то ужъ мужской полъ, а наша братья, белоручки, подвигаются... охъ, разыгралось молодецкое сердце. Постой—же шведъ, насолю я тебе... За рогатину, и ты сама знаешъ, сама видела, каково имъ отъ меня приходилось! »—Вследъ за этой сценой бегутъ шведы въ безпорядке и знаменитый Левенгауптъ не въ состояніи уговорить ихъ итти въ бой. Они готовы подъ командой его итти всюду, хоть домой—въ Швецію, а на битву ни за что. Едва они убегаютъ, несутъ и Карла XII, а при немъ и старый гетманъ. И они оба бегутъ. За темъ, въ заключеніе, собираются на сцену всё действующія лица, и жидъ Ицка, и Таня, и

Маркитантка, и Юрловъ, и Томара, какъ будто назначили себъ тутъ свиданіе, для того, чтобъ порьшить свои семейныя дъла и покончить пьесу свадьбою, что оказывается совершенно удобнымъ на не простывшемъ еще Полтавскомъ поль. Юрловъ беретъ Таню за руку и подводя къ Тамаръ, говоритъ: «Свадьбы никогда откладывать не должно! Такъ вотъ и мнъ позвольте вамъ представить мою невъсту.»—А Таня, схватясь за сердце, на это вскрикиваетъ: «Убилъ! ножъ здъсь! Спасите!» Зрители думаютъ, что онъ въ самомъ дълъ пырнулъ ее ножемъ, и дивятся такой неожиданной трагической развязкъ, но по счастію оказывается, что эта фальшивая тревога, просто эфекта ради. Всъ дивятся великости души и рыцарству Юрлова, который, изнывая отъ любви, женится на прекрасной, благородной дъвушкъ—и драмъ конецъ.

По принятому и логическому порядку, въ каждомъ драматическомъ произведеній последній актъ есть разрешеніе заданной себе авторомъ темы, онъ заключаетъ въ себѣ выводъ главной, основной мысли, какъ первый актъ долженъ заключать въ себъ ея изложение. Просмотръвъ «Маркитантку» на сценъ, и прочитавъ ее въ книгъ, у зрителя и читателя невольно раждается вопросъ: какая-же теза истекаетъ изъ этихъ восьми актовъ? Хотълъ-ли авторъ доказать, что наши деревенскія бабы сильнъе и храбръе самыхъ прославленныхъ воиновъ? Едвали, потому что эта тема давно уже доказана на сценъ Полевымъ, въ его комедіи «О войнъ Оедосыи Сидоровны съ китайцами.» Съ историческимъ воспоминаніемъ о Полтавской побъдъ мы привыкли соединять мысль о блистательнъйшей славъ Россіи. Битва эта не была дъломъ случайности или удачи: она была следствіемъ глубокихъ комбинацій и превосходныхъ распоряженій великаго полководца Петра. Онъ имълъ дъло съ отборнымъ въ то время войскомъ, съ врагомъ опытнымъ и сильнымъ, въ то время съ героями испытанными, признанными всей Европой непобъдимыми, а не съ трусами, которые бъгутъ съ поля битвы и которыхъ поражаютъ бабы рогатинами и метлами. Потому-то именно полтавская побъда такъ важна и блистательна. Но картина, выставленная въ «Маркитанткъ» убавляетъ цъну великаго дъла и этимъ самымъ непріятно дъйствуеть на душу. Но перейдемъ опять къ задачь драмы. -- Можетъ быть, авторъ хотвлъ доказать, что подполковникъ въ случав нужды можеть, въ порывъ великодушія, жениться даже на дочери Маркитантки, не уронивъ своей чести? Но въ нынъшнее время доказывать подобныя вещи-было бы довольно странно. Да притомъ Юрловъ знаетъ, что вопервыхъ Таня девушка прелестная, великодушная и целомудренная, хотя и влюбляется въ офицеровъ, и убъгаетъ за ними отъ матери, и живетъ

у нихъ въ обозъ во время похода; во 2-хъ, онъ страстно въ нее влюбленъ, и она составляетъ все счастіе его жизни; въ 3-хъ, онъ-же самъ говоритъ, во второмъ актъ: «Красота душевная—самый огромный женскій чинъ, какой только я знаю на этомъ свътъ». (страница 49.) Авторъ, заставя Юрлова возить Таню при себъ въ обозъ, и потомъ приведя довольно неопредълительный разговоръ между Таней и Маркитанткою, дълаетъ этотъ бракъ даже необходимымъ, тъмъ болъе, что онъ хочетъ выставить своего героя рыцаремъ доблести и чести.—Стало быть и втораго вывода изъ пьесы сдълать нельзя. Остается еще одинъ: что женщина, страстно-любящая, готова на всякое самопожертвованіе для любимаго ею человъка. И это не ново, всъмъ извъстна поговорка—«Любовь творитъ героевъ и поэтовъ»; да притомъ, мы и не видимъ особеннаго самопожертвованія со стороны Тани; она пускается на смълые для дъвушки подвиги для спасенія своего возлюбленнаго — это сдълала бы и всякая другая любящая женщина на ея мъстъ.

Но мы напрасно будемъ искать выводовъ изъ драмы «Маркитантка», ихъ быть не можетъ, потому-что въ драмъ нътъ задачи, т. е. основной мысли. Это, какъ мы выше сказали, просто сказка—въ лицахъ, и какъ сказка, она не лишена иъкоторой степени занимательности.

Автору для его вымысла нужна была военная эпоха, и онъ выбралъ последнюю борьбу Петра съ Карломъ. Для эфекта вывелъ тутъ, кстати, и Полтавскую битву, и некоторыя историческія лица. Что онъ сделаль изъ Полтавской битвы, мы уже показали выше; но что это за бледный, изувеченный Карлъ XII, который является на сцену только за тъмъ, чтобъ поругать бабъ-за ихъ хлъбъ-соль, и русскихъ воиновъ-за то, что они дрались, какт львы. Это-ли Карлъ-рыцарь, который мужество и воинскую доблесть ставиль выше встать добродттелей и въ храбромъ, но несчастномъ врагъ чествоваль евоего собрата по оружію? А этоть жалкій, слабодушный Левенгауптъ?.. Ужели это тъ громадныя фигуры, которыя эпопея исторіи рисуеть намъ такими різжими, широкими чертами? И къ чему всв эти историческія лица въ драмв, когда они ни на развитіе ея, ни характерами своими, ни положеніемъ, ни дійствіями, никакого вліянія не имфють и нисколько ее не подвигають впередъ? — Выкиньте всъ эти лица, и пьеса останется таже, даже много выиграетъ отъ сокращенія всёхъ эпизодическихъ сценъ. Не вникая во внутренній смыслъ характеровъ, который долженъ основываться на тонкомъ изучении исихическихъ сторонъ человъческой природы и объ которомъ во многомъ можно-бы поспорить съ авторомъ «Маркинантки», мы скажемъ, что по вившности, ивкоторыя изъ его лицъ довольно хорошо обработаны. По

крайней мъръ они представляютъ актеру возможность развить и разцвътить ихъ своимъ талантомъ. Первый изъ такихъ характеровъ—жидъ Ицекъ: это типъ довольно близкій натуръ.

Авторъ хотълъ изъ него сдълать героя благородства, но во многихъ мъстахъ самъ измънилъ ему. Такъ, напр., выставляя Ицека върнымъ, безкорыстнымъ слугою русскаго войска, онъ, по взяти шведами Веприка, заставляеть его разсуждать следующимъ образомъ: «Хотель доложить подполковнику, какъ тамъ все чудесно исправлено, какъ на Черномъ Гат наше гуляють, а полковникъ мостикъ сломалъ, до Царя побъжалъ... Все хотълъ ему сказать... А теперь развъ шведу все это сказать? Большія деньги дасть! Ай, какія можно взять деньги! А что въ самомъ деле? За такія вести дали-бы кварту дукатовъ. А что тамъ кварта? Кто ее дукатами мърялъ? Сто дукатовъ влъзетъ? Ой больше, двъсти, триста... А что, еслибъ гарнецъ дукатовъ? Ай вай! А что, если вмъсто дукатовъ, петлю наложатъ, да и скажутъ: а ну, Ицекъ, признавайся! Какъ-бы я тамъ честенъ ни былъ, проклятыя губы со страха все сами разболтають!» И воть герой честности готовъ изм'внить русскимъ за кварту дукатовъ, лишь бы знать нав'врное, что ее дадутъ. «Знаемъ мы шведскіе дукаты», - продолжаеть онъ: польскіе бизуномъ считають, а шведскіе фухтелемъ, а конецъ одинъ — на осину! Нътъ! Ицекъ не такой! Я честный еврей: я возьму да уйду, у меня есть дорожка». Значить, вся честность этого героя состоить въ томъ, чтобъ взять деньги, гдв можно, и съ кого-бы-то ни было, а нельзя взять и есть опасность-такъ убъжать, оставя своихъ на произволъ судьбы. Эти противоречія встречаются у Ицека на каждомъ шагу. Не затъй авторъ выставить Ицку — идеаломъ доблести, весь этотъ характеръ былъ бы превосходенъ, по многимъ ловко подмиченнымъ чертамъ національности, по естественнымъ его побужденіямъ и по положеніямъ, которыя безпрестанно ставять его внутреннюю натуру въ борьбу съ внъшними обстоятельствами. Второй характеръ, выступающій нъсколько впередъ изъ этой массы полуобразовъ, полу-призраковъ, характеръ забубенной маркитантки. И тутъ опять есть слабыя стороны и противоръчія. Какъ маркитантка, какъ грубая торговка-барышница-она выставлена очень верно и правдоподобно, за то, какъ человекъ, какъ мать-слабо, безцевтно; въ некоторыхъ местахъ даже возмутительно холодно. Объ Танъ говорить нечего-это эксцентрическое лицо, чистый вымысель, а не живая натура. Юрловъ просто говорунъ: Авдотья Тамара, и всв ея пъсни и танцы — страшный анахронизмъ. Въ Малороссіи въ началь XVIII въка общество не было такъ образовано, чтобъ пускаться въ романсирование и пляску, и женщины жили тамъ еще въ строгомъ чинъ. Авторъ самъ чувствовалъ эту неловкость и для того послалъ Дуню въ Варшаву, гдъ она изъ скромной казачки сдълалась бойкою полячкой. Но и это невърно. Малороссы въ это время питали глубокую ненависть къ Польшъ и не имъли съ ней никакихъ родственныхъ и дружескихъ сношеній.

Но общій недостатокъ всёхъ главныхъ характеровъ драмы отсутствіе всякаго теплаго, внутренняго чувства, задушевности, нравственной энергіи. Всё они представляются, какъ тѣ автоматы, за которыхъ говоритъ тотъ, кто заставляетъ ихъ двигаться на ниточкахъ. Рѣчи ихъ не вытекаютъ изъ взволнованной страстью души, они заучены, они явно по изысканности оборотовъ и по выбору выраженій, раждаются не въ сердцё, а въ холодномъ умё, который старается придать имъ силу.

Въ талантъ г. Кукольника въ отношении къ драматическому творчеству, большое сходство съ талантомъ Александра Дюма-отца. У обоихъ одинакое стремленіе къ запутанности дъйствія, къ афектаціи, къ историческому колориту, къ вводнымъ сценамъ и къ придумыванию потрясающихъ театральныхъ эфектовъ. Выше сказано уже, что эти сцены иногда превосходно удаются г. Кукольнику. Почти въ каждой его драмъ есть нъсколько такихъ сценъ, но не всъ онъ одинаковаго художественнаго достоинства, потому-что не всѣ необходимо вытекають изъ самаго хода и положенія драмы. Сцена Екатерины въ «Скопинъ Шуйскомъ,» дъйствительно Шекспировская сцена, и производитъ глубокое впечатлъніе, потому-что она вызвана самымъ положениемъ драмы въ этотъ моментъ, и не могла быть иначе въ дъйствительности, до того въ ней все върно и согласно съ характерами лиць, съ въкомъ и его понятіями, съ самымъ событіемъ и ходомъ драматическаго движенія. Такія эфектныя сцены есть и въ «Маркитанткъ.» Первая изъ нихъ и лучшая, это сцена Тани съ Дунею, на балъ Юрлова. Мы говоримъ это лучшая сцена, потому-что въ ней вырвалось наружу что-то въ родъ чувства и душевной энергіи, но за то она въ высшей степени неправдоподобна. Можно ли допустить, чтобъ Юрловъ, въ этотъ еще слишкомъ претендательный въкъ, ръшился оскорбить своихъ именитыхъ и почетныхъ гостей сообществомъ дочери маркитантки, какъ бы онъ ее не любилъ, и еще болъе - дозволилъ унизить ръзкими словами благородную дъвушку, которую самъ было избралъ въ невъсты? Вторая сильная, потрясающая сцена, хотя немножко изысканная, та, гдв русскіе плвники сбивають съ себя колодки, подъ пъсню «Возлъ ръчки, возлъ моста». Но эта сцена одна, по производимому ею впечатленію, выкупаеть всю драму.

Мы долгомъ сочли высказать почтенному автору «Маркитантки»

наше задушевное мивніе о его произведеніи, потому что серьозная и доказательная критика для человіка съ дарованіемъ должна быть пріятна: она свидітельствуетъ объ уваженіи къ его таланту. О людяхъ бездарныхъ и о пустыхъ произведеніяхъ не распространяются. Высказать это мивніе было необходимо еще и потому, что при новомъ, совершенно національномъ, сознательномъ направленіи нашей драматической литературы, Россія вправъ ожидать отъ первыхъ ея корифеевъ, къ которымъ въ настоящее время принадлежитъ Несторъ Васильевичъ, произведеній, глубоко продуманныхъ, истинно народныхъ, какъ по замыслу, такъ и по формъ, современныхъ въ эстетическомъ смыслъ, словомъ, такихъ, которыя не только бы обогащали сценическій репертуаръ, но оставались бы какъ образцы насущной намъ эпохи въ літописяхъ русской словесности.

Вет главныя лица «Маркитантки» на нашей сцент были выполнены мастерски. Пальма первенства, безспорно, принадлежитъ г. Самойлову, который въ роли жида Ицки представилъ новое, блистательное доказательство своего могучаго дарованія. Прочитавъ эту роль въ книгѣ и носмотря ее на сценъ, невольно дивишься той глубокой, върной, аналитической наблюдательности, которою артисть придаль жизнь и кровь этому характеру, не лишивъ его въ тоже время типическаго его колорита. Мало того, что г. Самойловъ представилъ настоящаго, польскаго жида, со всёми его мельчайшими оттёнками, онъ умёль возвезти его до высокаго патетизма. Сцена, гдъ бъдный Ицекъ приговоренъ комендантомъ Санджаръ къ висълицъ и, послъ тяжкихъ побоевъ, прибъгаетъ къ Юрлову, просить, чтобъ онъ спасъ его, потрясла всёхъ зрителей, не смотря на то, что авторъ хотелъ ее сделать комическою. Артистъ поняль, что въ такую минуту въ каждомъ человъкъ, какого бы онъ племени ни былъ, должно пробудиться человъческое чувство, и онъ его передаль превосходно. Слова «ой, и здъсь болить, и здъсь больно! пожалъйте бъднаго Ицека!» проникали холодомъ до мозга костей. О костюмъ, гримировкъ и говорить нечего: они у г. Самойлова всегда безукоризненно върны. Г-жа Сосницкая, съ свойственною ей ловкостью, передала роль Маркитантки, и въ особенности отлично выполнила первый актъ. Г-жа Читау теплотою своей души подогръла безжизненный риторическій характеръ Тани. Она дополнила недостатокъ словъ превосходными нъмыми сценами. Нельзя придумать для молодой артистки роли, невыгодиће этой. Вообразите себъ трагическую героино, которая въ шести картинахъ должна выражать самыя сильныя чувства, щеголяя въ одеждъ оборваннаго жиденка. Это самая несчастная мысль, когда либо входившая въ голову драматурга. Не говоря уже, что это лишаетъ ха-

рактеръ всей женской граціи, но каково артисткъ производить лъніе чувствомъ, когда вся фигура ея и одежда производять смъхъ. И не смотря на все это, артистка со славою разрѣщила свою трудную сценическую задачу. Но для этого и нуженъ только такой обаятельный талантъ, какъ у г-жи Читау. Въ сценъ бала она выказала много благородства и умфренности, что скрыло нфсколько неправдоподобіе этой сцены. Въ концъ драмы, авторъ хотълъ заключить роль Тани громкимъ эфектомъ и заставилъ ее, очень не кстати, закричать: «Убилъ! ножъ здісь! Спасите!» тогда, какъ неожиданную радость и счастіе любящей дъвушки можно бы выразить не столь трагическимъ возгласомъ, а гораздо ближе подходящимъ къ природъ образомъ. Но этого артистка измънить не могла, и возгласъ, къ сожальнію, произвель совстив не то впечатленіе, какого вероятно, ожидаль отъ него авторъ. Роль Дуни Тамары совершенно во вкуст г-жт Самойловой 1-й: она птла и плясала. Еслибъ въ игръ ея было по меньше бойкости, съ характеромъ Дуни можно было бы скоръе помириться. Но тутъ большая вина лежить на роли, а не на исполнительниць. Карль XII, какъ мы сказали, выставленъ исторически каррикатурнымъ: г. Каратыгинъ былъ тутъ совершенно на своемъ мъстъ. Г. Максимовъ-бенефиціантъ исполнялъ Юрлова и сдълаль все, что только можно сдълать изъ этой ходячей риторики.

Тутъ кстати упомянуть объ одномъ фактв, который имветь и къ намъ нъкоторое отношение. Спектакль этотъ былъ первый бенефисъ г. Максимова, послъ созданія имъ роли «Гамлета». Сочувствуя этому созданію, публика въ первый разъ, въ теченіе слишкомъ двадцати-лѣтней службы на сценъ г. Максимова, при первомъ его выходъ передала ему черезъ оркестръ большой лавровый вънокъ, перевитый лентами. Честь, которой не удостоивался за Гамлета еще ни одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ артистовъ. Пусть это явное выражение общественнаго мизнія послужить отвътомъ на выходку Съверной Пчелы, по поводу статьи нашей о Максимовъ въ Гамлетъ. Съверн. Пчела полагала, что статья наша написана не для Петербурга и Москвы, но для Курильскихъ острововъ. Петербургская публика, но-крайней-мірі, показала ей, что согласна съ митніемъ «Пантеона» а не Пчелы, а что скажеть Москва, когда посмотрить Максимова въ Гамлетв, это мы вврно также скоро узнаемъ, и тогда вопросъ о томъ, на чьей сторонъ дикость мнѣнія, и кто пишетъ для острова Нукагивы, будетъ окончательно решенъ.

Теперь остается намъ сказать еще нъсколько словъ о двухъ по слъднихъ бенефисахъ: г. Мартынова и г-жи Самойловой. Много распространяться тутъ будетъ не о чемъ. Г. Мартыновъ, первый комикъ русской сцены, въ бенефисъ свой, въ годичный отчетъ своихъ успъховъ,-

угостиль русскую публику французскимъ представленіемъ г-жи Рашель. Прочія двъ маленькія пьески бенефиса ничтожны и успъха не имъли. Г-жа Самойлова, которая считаеть себя первою актрисою русскаго водевиля, представила въ свой бенефисъ критику въ лицахъ на игру г-жи Рашель. Къ сожалънію, критика эта была самая неудачная. Въ пьескъ «Антрепренеръ», она ръшилась читать Федру на французскомъ языкъ. Публика однакожъ нашла, что г-жа Рашель читаетъ эту роль все-таки немножко получше г-жи Самойловой. Еслибъ г-жа Самойлова ограничилась однимъ копированіемъ г-жи Рашель, какъ она прежде копировала Гризи, Демерикъ, Маріо, Плесси и другія большіе таланты, - это, можеть быть, посмішило бы зрителей, потому, что у величайшихъ геніевъ есть свои привычки и пріемы, и передразнивъ ихъ въ каррикатуръ-ловкій артисть всегда произведеть эфекть. Такой эфектъ произвела г-жа Мила на французской сценъ, конируя въ нельной роли пріемы и декламацію Рашели. Но г-жа Самойлова на этотъ разъ хотъла пойти дальше подражанія: она выбрала настоящую роль Федры и прочла ее по-своему, вовсе не похоже на Рашель, потому-что прочла дурно. Конечно, г-жа Самойлова не могла копировать Рашель. потому-что для такой копін нужно и сходство съ подлинникомъ: надо обладать ростомъ, стройностью, звучнымъ голосомъ, правильнымъ произношениемъ и пластической грацией г-жи Рашель. Ну, а въ этомъ отношенів наша артистка похожа на знаменитую трагедіантку, какъ рюмка воды на бокалъ шампанскаго. Но по нашему мивнію, въ такомъ случав ей и не следовало-бы вступать въ явное состязание съ г-жею Рашель. На итальянской сценъ г-жа де-ла-Гранжъ изумительно поетъ мазурку Шульгофа. Г-жа Самойлова въ этой же пьескъ хотъла показать, что ей и это ни-почемъ, и сиъла легонькую мазурку, аранжированную г. Кажинскимъ. Г-жа де-ла-Гранжъ и Рашель остались тъмъ-же, чъмъ были, но мы боимся, чтобы публика не сочла такое благородное состязаніе г-жи Самойловой съ первокласными талантами за избытокъ самонадъянности и за слишкомъ ръзкія притязанія со стороны русской ар.

to the season of the second second a second second

ALAMAN DEPUN ADDRESS E MAN STREET B. C. KOHN.

2. музыка.

Последніе концерты нынешняго зимняго сезона, г. Франкенштейна, концертнаго общества Филармоническаго благотворительнаго общества, г. Лешетицкаго, г. Гензельта, гг. Карла Шуберта и Аполлинарія Контскаго, прощальный концерть г-жи де-ла Гранжъ. — Второстепенные концерты. — Музыкальное состязаніе. — Некрологъ Рубини и его благотворительность.

state - the adjoint grant at Area in gentle and

Въ перечит петербургскихъ музыкальныхъ новостей за прошлый мъсяцъ, мы остановились на концертъ г. Франкенштейна, урожденца варшавскаго. Франкенштейнъ былъ уже года три тому назадъ въ Петербургъ, далъ концерта два, но какъ и нынъ, не произвелъ особеннаго эфекта, не смотря на неотъемлемыя достоинства: отчетливость въ исполненіи, бъглость игры и порывы къ чувству. Михайловскій театръ, въ которомъ онъ игралъ въ нынёшнемъ сезоне, былъ цочти пустъ, что, можеть быть, очень мъшало воодушевленію молодаго артиста, расхваленнаго когда-то до nec plus ultra въ «Сынъ отечества» въ повъствования о пребываніи этого скрипача въ Константинополів и о томъ фурорів, который онъ тамъ произвелъ своею игрою среди собранія османскихъ меломановъ. Избалованная первоклассными, не турецкими артистами, публика наша не была такъ снисходительна къ артисту хотя и путешествовавшему за границею, и не старалась оцфиить въ его игрф тфхъ совершенствъ, которыхъ онъ можетъ со временемъ достигнуть только постоянными трудами и добросовъстнымъ изучениемъ своего искусства. Почти также равнодушна оказалась петербургская музыкальная публика и къ Концерту концертнаго Общества. данному въ залѣ Пѣвческой Капеллы. Слушая неизвъстно сколько разъ пьесы Бетговена, Мендельсона, Генделя, Моцарта и Вебера, многіе изъ дилетантовъ не рашились подвергнуться капризамъ стоявшей въ тотъ день погоды, разразившейся ситгомъ, дождемъ и вихремъ, и вотъ, можетъ-быть, въ чемъ болъе всего заключается причина, что послъ столькихъ лътъ, въ первый разъ со времени учрежденія Концертнаго Общества, зала півческой капеллы была не такъ наполнена какъ бы слъдовало надъяться. За то какъ столинлась публика, черезъ день после этого концерта, въ воскресенье, 28 марта, въ залъ Дворянскаго собранія. Всякаго влекъ въ нее двойной интересъ, интересъ патріотическій-положить свою лепту въ пользу госпиталей дъйствующей арміи, и интересъ чисто музыкальный - послушать любителей и любительниць, хоръ придворныхъ півчихъ, оркестры Императорскихъ театровъ, хоры италіянской и русской оперъ, два хора военной музыки и проч. Петербургскіе дилеттанты въроятно давно не запомнятъ такого блистательнаго концерта, такого огромнъйшаго числа исполнителей на эстрадъ и такой большой программы.

Программа концерта Филармонического Общества состоила изъ трехъ

частей и началась, торжественною увертюрой, посвященной Государынъ Императрицъ г. Бертольдомъ. За нею слъдовалъ дуэтъ для двухъ фортепьянъ, который исполнили девица Книборгъ-Штаркъ, известная уже читателямъ «Пантеона» по отзыву о ней въ прошломъ мъсяцъ, и г. Мартыновъ, далъе маршъ для двухъ оркестровъ, молитва передъ битвой, слова А. Н. Майкова, музыка Рубвиштейна, исполненная А. С. Шашиной съ хорами, и наконецъ «нашъ народный кликъ», кантата А. Н. Майкова, музыка К. Шуберта для большаго оркестра и хора, въ которой соло пълъ г. Петровъ. Во второй части, состоявшей изъ пьесъ Даргомыжскаго, Шуберта, Вебера, Глинки и Рубинштейна участвовали всё певицы-любительницы: г-жи Павлова, Гирсъ, Пильсутская, Шиловская. Третья часть, въ которой г. Контскій сыградъ эдегію Эрнеста и La cascade (капризъ), пьесы, уже извъстныя публикъ, началась русскою военною увертюрой, нарочно написанною къ этому концерту для большаго оркестра и военной музыки г. Промбергеромъ. Въ этомъ отдъленіи этого благотворительнаго концерта, гдъ благородная цель шла рука объ руку съ талантливостью, была также прекрасно исполнена «Солдатская пъснь», отрывокъ изъ новой оперы графа М. Ю. Віельгорскаго — «Цыгане» и Тріумфальный маршъ, исполненный большимъ оркестромъ и военной музыкой подъ управленіемъ самого композитора А. Мауера. Народный гимнъ заключилъ блистательное музыкальное утро. Тотчасъ, вслъдъ за этимъ концертомъ, въ понедъльникъ, 19 марта, далъ концертъ г. Лешетицкій, только еще прошедшую зиму прівхавшій въ Петербургь и уже успъвшій пріобръсти общее внимание къ своему замъчательному таланту, который многие безпристрастные и разборчивые знатоки, (не во гитвъ будь сказано гг. приверженцамъ Антона Контскаго) ставятъ гораздо выше этого послъдняго. Совершенство, съ какимъ г. Лешетицкій исполняетъ сочиненныя имъ пьесы, отчетливость, чувство, блескъ и изящество, съ которымъ вылетаютъ звуки изъ-подъ его пальцевъ, быстрота и равность ихъ изумляютъ самаго хладнокровнаго слушателя и приводятъ его въ восторгъ. Всякому хотя мало посвященному въ таинства музыкальнаго міра извъстно какъ трудны бывають для молодаго артиста исполненія такъ называемыхъ ньесъ классической музыки-это пробный камень на степень таланта, но такъ какъ сыгралъ г. Лешетицкій въ послёднемъ своемъ концертъ военный септуоръ Гуммеля, врядъ ли удастся сыграть кому-нибудь иному не обладающему подобнымъ огромнымъ талантомъ, даже прославленному viva voce г. Антону Контскому, sauve le respect que nous lui dévons. Кромъ этой трудной пьесы концертантъ исполнилъ еще итсколько салонныхъ пьесъ (pièces de salon) своего соб-

ственнаго сочиненія и сочиненія другихъ композиторовъ, пьесъ по-види мому для каждаго легкихъ, но пусть попробуютъ ихъ сыграть тв. которые были ими очарованы, и посмотрять тѣ ли самые звуки и съ такимъ ли же чувствомъ и граціозностью будуть они раздаваться. Г. Лешетицкій артистъ еще очень молодой, и нътъ сомивнія, что, при его постоянныхъ занятіяхъ, при томъ замъчательномъ развитіи, которое замътно въ его талантъ въ продолжение такого недолгаго времени, музыкальный міръ можеть ожидать отъ него многаго и полагать на него надежды не шаткія, не такія, въ которыхъ иногда разочаровываются самые жаркіе партенеры и поклонники какого-нибудь другаго пьяниста, прославленнаго голосомъ партій и печатными похвалами, укореняющимися какъ-то невольно въ большинствъ толны и переходящими изъ предположеній въ дъйствительные факты. Такому таланту, каковъ таланть г. Лешетицкаго, нельзя не пожелать успёховъ, хотя всё его ком позиціи написаны въ легкомъ родь; у всякаго есть свое особенное назначение, своя колея, по которой напрасно будутъ стараться итти другіе даже самые талантливые композиторы. Въ этомъ случав г. Лешетвикій спеціалисть въ своемъ родъ, и потому ему нужно предоставить полное право распоряжаться въ избранной имъ сферъ.

Въ пятинцу, 2 апръля, зала Дворянскаго Собранія опять наполнилась многочисленною публикой, спъшившей услышать вновь звуки, которыхъ она давно не слыхала. Гензельтъ, послъ осьмиздцати лътъ молчанія ръшился выступить опять передъ петербургскою публикою и въ своемъ концертъ повторить почти весь тотъ репертуаръ, которымъ онъ восхищалъ нашихъ меломановъ въ нервый годъ своего прибытія въ Петербургъ. Вся программа концерта, состоявшая изъ десяти пьесъ, кромъ двухъ увертюръ, сыгранныхъ оркестромъ, была исполнена самимъ концертантомъ. Гензельтъ былъ неутомимъ, и кажется желалъ разомъ вознаградить петербургскую публику за долговременное ожиданіе. Larghetto и allegro agitato, съ акомпаниментомъ оркестра, романсъ и этюдъ si oiseau j'étais, Poéme d'amour, вальсъ, «Бывало» русскій романсь, сочинение графа Віельгорскаго и аранжированный для фортепьяно г. Гензельтомъ и Pollaca brillante, сочинение Вебера, составляли капитальныя пьесы. Кромъ того концертантъ сыгралъ нъсколько пьесъ Мошелеса, Крамера, Шопена, Бетговена, Листа и Вебера. Этотъ перечень ясно показываетъ всю добросовъстность знаменитаго артиста, весь огромный запасъ его, который другому сталь бы на два концерта и которымъ онъ хотълъ виолнъ напомнить о себъ любителямъ, а между тъмъ зала Дворянскаго собранія не была такъ полна какъ должно бъ было надъяться. Время, сглаживающее вст внечатлтнія, виною этому явленію. Безъ того такое равнодушіе большинства показалось бы страннымъ и загадочнымъ, потому-что не смотря на промежутокъ двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гензельтъ первый произвелъ реформу въ игрѣ на фортепьяно, не смотря на появленіе другихъ, замѣчательныхъ артистовъ Тальберга и ученика его Леопольда Мейера, явившихся съ новыми эфектами игры, съ самыми разнообразными и роскошными варіяціями, на Листа, превратившаго фортепьяно въ цѣлый оркестръ и Шопена, изъ-подъ пальцевъ котораго вылетали человъческіе голоса, игра Гензельта осталась столь же нѣжною, мягкою, полною блеска и энергіи. Общій восторгъ, съ которымъ встрѣчала его не многочисленная публика, собравшаяся повѣрить свои воспоминанія въ настоящемъ, долженъ уже одинъ служить артисту ручательствомъ, что сочувствіе къ нему не остыло и что ему не слѣдуетъ бояться забвенія.

Во вторникъ, 13 апръля, въ Большомъ театръ давали концертъ гг. Карлъ Шубертъ п Аполлинарій Контскій. Въ этомъ концертъ участвовали гг. Дробишъ, Бееръ, Ферерро, Мецдорфъ, Зейфертъ и г-жа Леонова. Г. Контскій пграль только одну новую пьесу Souvenir de S. Petersbourg, а двъ прочія Элегія Эрнста и мазурка, давно уже извъстны публикъ. Объ игръ г. Контскаго столько разъ было уже говорено въ нашемъ журналъ, что въ сотый разъ не стоитъ повторять того, что съ тъхъ поръ не измѣнилось; но должно замѣтить только одно, что восторгъ къ нему кажется видимо охладълъ. Хотя въ послъднихъ рядахъ и раздавались оглушительныя рукоплесканія и возгласы, потрясавшіе своды театра-Контскій, Контскаго, но они не были отголоскомъ большинства, втроятно оттого, что публика наша очень разборчива и прихотлива, не любить слишкомъ долго слушать все одно и тоже, по пословицъ, что и хорошее можетъ прискучить, а главное скоро приходитъ въ то спокойное состояніе, которое позволяеть ей здраво обсудить, на какихъ данныхъ было основано ея кратковременное увлечение. Общая дань восторга принадлежала въ этомъ концертъ г-жъ Леоновой, которой звучный, чистый, сильный энегрическій голосъ совершенствуется кажется не по днямъ, а по часамъ. Особенно хороша эта пъвица въ русскихъ пъсняхъ, которыя всегда бываютъ ею сильно прочувствованы, и потому не удивительно, что послѣ пропътыхъ ею романсовъ, восторженные слушатели вызываютъ ее по нъскольку разъ и просятъ повторенія. На другой день послъ концерта г. Контскаго, давала въ залъ Благородиаго Собранія прощальный концертъ г-жа де-ла-Гранжъ, производившая до-сихъ:поръ фуроръ какъ въ Петербургъ, такъ и въ Москвъ. Отдаваа полную справедливость несомивниому таланту этой пъвицы и ея вкусу, нельзя не пожальть, что вив сцены она очень односто ронна, и постоянно повторяется, ограничи-

ваясь пьесами, которыя уже никому не новы въ устахъ ея, именно своею въчною каватиной una voce poco fa, apieю Casta diva, венгерскою аріею и вальсомъ. Сравнивъ московскія извъстія «Пантеона» о составъ концерта г-жи де ла-Гранжъ, можно видъть, что программа его почти одинакова съ программою ен прощальнаго петербургскаго концерта. Все пъніе ея въ этихъ ньесахъ основано на верхнихъ нотахъ, треляхъ и фіоритурахъ, такъ что, не смотря на все напряжение слуха, нельзя уловить ни одного звука чистаго, настоящаго ея голоса. Нельзя предполагать, чтобъ, прибъгая ко всъмъ подобнымъ обстановкамъ, каковы трели, стокато и друrie tours de force, г-жа де-ла-Гранжъ какъ опытная, искусная и находчивая пъвица, хотъла скрыть недостатокъ полныхъ гортанныхъ и грудныхъ средствъ. Впрочемъ, это наше личное мизніе, которое каждый въ правъ не разделять, и всё посетители концерта г-жи де-ла-Гранжъ единодушными и чистосердечными рукуплесканіями отблагодарили знаменитую артистку за то музыкальное наслаждение, которое она постоянно доставляла имъ въ продолжение зимняго опернаго сезона. Между пьесъ, спътыхъ г-жею де-ла-Гранжъ въ этомъ концертв, она исполнила также и русскую пъсню: «Матушка, голубушка», соч. Гурилева. Выполненіе этой пъсни было превосходно; но тутъ мы осмълимся выразить также свое личное мивніе, задушевности и сердечной теплоты, которыми такъ украшаются мотивы встхъ русскихъ пъсень, у нея очень мало. Кромъ этихъ концертовъ, были даны концерты заслуженнымъ петербургскимъ капельмейетеромъ г. Людвигомъ Мауреромъ, дъвицею Витмакъ, ученицею Лауэ, почти ребенкомъ, которая многое объщаетъ въ будущемъ, если станетъ продолжать изучать музыку подъ руководствомъ опытнаго и даровитаго преподавателя, г. Артемовскимъ и многими другими, хотя извъстными, но второстепенными талантами.

Исчисливъ концерты, нельзя умолчать тоже объ одномъ музыкальномъ явленіи, именно испытаніи въ органной музыкъ и искусствъ, на мъсто органиста евангелическо-лютеранской церкви, о смерти котораго мы извъщали читателей «Пантеона» въ прошедшемъ мъсяцъ. На это вакантное мъсто явились восемь соискателей гг. Пауль, Штиль, Гирлингъ, Деккеръ, Жилисъ, Фогтъ. Бертольдъ и Шаубъ. Каждый изъ кандидатовъ игралъ, по вынутой жребіемъ очереди, на органъ хоралы фуги и другія пьесы, въ присутствіи членовъ церковнаго управленія и комитета, нарочно назначеннаго по этому случаю изъ извъстныхъ знатоковъ музыки, и другихъ, довольно многочисленныхъ, постороннихъ слушателейлюбителей. Игра на органъ, который по полнотъ и обилію издаваемыхъ имъ звуковъ, можно назвать самымъ величественнымъ инструментомъ, очень трудна, и требуеть отъ артиста большой опыт-

ности искусства для достиженія должнаго эфекта, иначе звуки органа теряютъ свою торжественность и силу. Особенно трудно бываетъ управленіе педалями и выборъ регистровъ, отъ сочетанія которыхъ зависить характеръ исполняемой музыки. Комитетъ, назначенный присутствовать при испытаніи артистовъ, прослушавъ всёхъ ихъ въ два вечера, призналъ достойными занять мъсто г. Белинга, троихъ конкурентовъ, гг. Штиля, Фогта и Бертольда, которые оказались отличными знатоками своего дела, и привосходно исполнили назначенныя имъ задачи, и кроме того другія пьесы по собственному выбору. Г. Штиль сыграль пьесу духовнаго содержавія Мендельсона и фугу, а г. Фогть фугу собственнаго сочиненія, признанную цілымъ комитетомъ за образцовое музыкальное произведение. Г. Фогтъ еще недавно прибылъ въ Петербургъ, но уже успъль обратить на себя вниманіе, какъ замъчательный композиторъ и преподаватель генералъ-баса. Объ искусствъ, съ которымъ онъ исполнилъ композицію подобнаго рода, можно судать по его фугь «Fugue d'amateurs», поступившей въ продажу въ музыкальномъ магазинъ Бернарда.

По въ то время, когда въ музыкальномъ мірѣ возникаетъ столько новыхъ талантовъ и столько новыхъ произведеній, неумолимая и ничего не разбирающая смерть стираетъ съ лица его имена, упрочившія себѣ въ немъ безсмертіе. Вѣсть о смерти Рубини, первомъ артистъ въ Европъ, основавшемъ съ Тамбурини и Віардо Гарціей, нашу петербургскую, италіянскую оперу, къ сожальнію подтвердилась. Онъ умеръ въ своемъ palazzo, построенномъ имъ въ родимомъ городъ, местидесяти лътъ отъ роду, оставивъ по себъ всеобщее непритворное сожальніе, не только какъ о необыкновенномъ пъвцъ, но и какъ о благородномъ и ръдкой души человъкъ. Никто не умълъ пріобръсти себъ такой популярности, какъ Рубини, и между тъмъ никто такъ долговременно не долженъ былъ достигать заслуженной извъстности, какъ онъ. При началъ своего артистическаго поприща, Рубини не былъ, какъ многіе другіе счастливые артисты, благопріятствуемъ счастіемъ, и оно не скоро перестало его ласкать ежевой рукавицей. Онъ долго принужденъ былъ бороться съ бъдностью, неизвъстностью, и проходить по тернистому пути встхъ возможныхъ испытаній.

Жанъ-Батистъ Рубини родился 7 апръля (по другимъ въ маъ) 1793 года, въ одинъ годъ (счастливое стечение обстоятельствъ!) съ знаменитымъ композиторомъ Россини, въ маленькомъ предмъстъи Романо, близъ незначительнаго города Бергамо, который итальянцы называли когда-то отечествомъ арлекина, перваго дъйствующаго лица народной комедіи, а нынъ именуютъ «la citta dei tenori», потому-что въ немъ родились

почти всё знаменитые теноры, прославивше въ последне пятьдесять летъ Италію: Давидъ (отецъ и сынъ), Ноццари, Бардоньи, Донзелли, Біанки, Виганони и три брата Рубини. Несправедливо говорятъ, что отецъ его былъ гонецъ, перевозившій извъстія между Романо и Бергамо и отдавшій будущаго знаменитаго тенора въ ученье къ портному, на окнъ котораго, распѣвая пѣсни, онъ обратилъ на себя вниманіе какого-то любителя музыки, и по его совѣту, бросивъ свое ремесло, поступилъ въ школу пѣнія.

По болъе достовърнымъ свъдъніямъ, Рубини принадлежалъ къ семейству кочующихъ музыкантовъ, снискивавшихъ себъ пропитаніе уличными концертами на дорогахъ окрестныхъ селеній и подъ окнами домовъ
Бергамо. Отецъ Рубини игралъ на трубъ, мать пъла, одинъ братъ игралъ на віолончелъ, а самъ Рубини на скрипкъ, и даже довольно порядочно; что же касается до его голоса, то все семейство приходило въ
отчаяніе и положительно ръшило, что мальчику никогда не суждено
сдълаться пъвцомъ. Это подтвердилъ и одинъ бергамскій органистъ, къ
которому его отдали въ ученье. Но Рубини скоро поколебалъ такое невыгодное мнъніе. Онъ однажды такъ хорошо и съ такою торжественностью спълъ «Qui tollis», что заслужилъ всеобщее одобреніе слушателей, и тъмъ пріобрълъ себъ мъсто въ маленькой кочующей въ Романо
лирической труппъ. Въ этой-то труппъ и начались первоначальные артистическіе дебюты Рубини.

Въ 1812 году, девятнадцати лътъ отъ роду, Рубини перешелъ на сцену миланскаго театра de la Scala, на самое незавидное мъсто, въ разрядъ второстепенныхъ теноровъ хора, съ платою чуть-ли не по пятнадцати копъекъ серебромъ на наши деньги, за цълый вечеръ. Какова плата для будущаго генія гортанныхъ звуковъ! Поневолъ повторишь строфы Д. П. Ознобишина:

Върьте жъ въ дивное призванье— Былъ тяжелъ пъвецъ твой рокъ, Чуднымъ пъснямъ въ воздаянье, Брошенъ скудный былъ вънокъ!

Но такая скудная заджленая плата не приводила въ отчаяніе Рубини, онъ не терялъ бодрости, все пѣлъ да пѣлъ съ утра до ночи, и наконецъ за свое усовершенствованіе въ пѣніи былъ принятъ, черезъ два года, съ повышеніемъ платы, въ кочевую труппу, въ кототой и явился предъ почтенною публикою въ оперѣ Танкредъ, въ роли Арджиріо. Но дѣла кочующей труппы, въ которую вступилъ Рубини, скоро такъ пошли, что импрессаріо, управлявшему ею, при-

шла въ голову счастливая мысль обратить свою оперную труппу въ балетную и всъхъ пъвцовъ и пъвицъ преобразовать въ танцовщиковъ и танцовщицъ. Вполит увтренный, что обстоятельства этимъ поправятся. импрессаріо приказалъ своимъ наемщикамъ разучить бывшій въ то время въ большой модъ балетъ Il Molinari (Мельники) сдълалъ имъ иъсколько свыжевоздушных репетицій на чистомъ поль, близъ опушки лъса, замънившаго задній планъ и боковыя кулисы, и полный самыхъ радужныхъ надеждъ, тотчасъ же отправился давать представление въ одно изъ близъ-лежащихъ селеній. Однакожъ надежды не сбылись, и веселый балетъ превратился въ трагическое представление. Сельская публика, недовольная дурнымъ исполненіемъ балета, пришла подъ конецъ въ негодование, и желая наказать импровизированныхъ балетмейстеровъ за самонадъянность, заперла всъхъ въ сараъ, въ которомъ труппа давала свое представленіе, не кормя ничёмъ, кром'є гнилыхъ яблокъ, которыя имъ туда бросали вмъсто аплодисментовъ и почетныхъ вънковъ. Простодушный и откровенный Рубини, возвращаясь къ воспоминавіямъ своей молодости, очень часто любиль вспоминать объ этомъ неожиданиомъ эпизодъ перваго времени своихъ артистическихъ похожденій.

Справедливость поговорки labor omnia vincit сбылась надъ Рубини: постоянное теривніе и прилежаніе его до того преобразовали его голосъ, что въ 1816 году композиторъ Фіоравенти первый сочинилъ для Рубини оперу «Adelson e Salvini», а чрезъ два года написалъ для него Меркаданте партитуру Eurico IV al passagio della Marna, которая привела въ восторгъ весь Неаполь. Въ следующемъ, 1819 году, будучи въ Римъ, Рубини участвовалъ въ оперъ Gazza ladra, только что написанной Россини, и вспомоществуемый Алеброжіо, однимъ изъ лучшихъ басовъ Италіи, баритономъ Пелигрини и пъвицею Монбелли, произвелъ какъ говорится фуроръ, и много способствовалъ къ успъху оперы. Gazza ladra послужила первою надежною ступенью для будущаго счастія и довольства молодаго пѣвца. Имя его начало все больше разноситься по Италів, его вызвали наконець въ Неаполь и тамъ, кроткій и талантливый Рубини, еще не имъвшій ничего, кромъ надеждъ на будущность, успъль обратить на себя внимание дъвицы Шомель, молодой и прекрасной французской пъвицы, восхищавшей всю Италію и извъстной подъ названіемъ La Comelli. Отвергнувъ всё искательства и блестящія партін, она отдала и свою руку и свое сердце еще тогда бъдному Рубини. Жена Рубини была богата; талантъ ея давалъ ей возможность удовлетворять всемъ своимъ прихотямъ, а между темъ, не смотря на вет си старапія, она не могла освободить своего нъжнолюби

маго мужа отъ обязательства, которое онъ заключилъ съ Барбая, главнымъ директоромъ всёхъ игальянскихъ театровъ, въ минуту жизни трудную. Потерявъ мъсто и управление Итальянскими театрами, корыстный и алчный спекулаторъ Барбая, не желалъ воспользоваться выгодными предложеніями, и расчитывая на большій интересъ, отправилъ связаннаго контрактомъ Рубини въ Въну, чтобъ тамъ давать представленія и пъть безъ устали. Къ счастію знаменитаго пъвца, срокъ контракта быль не продолжителень. Участвуя шесть разь въ недѣлю, диемъ въ театральномъ фойе, а вечеромъ на сценъ, волею и неволею обработывая все болье и болье свой голось, тратя дни въ сверхъестественныхъ трудахъ, способныхъ убить самаго сильнаго и здороваго человъка или сдълать изъ него единственнаго пъвца, Рубини перенесъ вет испытація, и наконецъ, 6 октября 1825 года, вырвался изъ хищныхъ лапъ Барбан и дебютировалъ въ Парижъ. Усивхи его на парижской сценъ превзошли всъ его ожиданія. Избалованные парижане оцьнили все могущество и всю прелесть его голоса и осыпали его рукоплесканіями, вънками и болье существенными наградами. Пробывъ годъ въ Парижъ, Рубини поъхалъ съ женою путешествовать по Европъ, посътилъ почти всъ замъчательные города и наконецъ, томимый какою-то непонятною жаждою къ любимому имъ искусству, снова возвратился въ 1828 году въ Парижъ, въ которомъ и пробылъ безвытадно до 1842 года, участвуя постоянно во всъхъ оперныхъ представленіяхъ. Главными ролями его тамъ были-въ оперъ «Донъ-Жуанъ»-Донъ-Оттавіо, въ Тайномъ бракъ, роль Паолино. Въ операхъ Россини: роль Альмавивы въ Севильскомъ Цырюльникъ, роль Оттело въ оперъ Оттело, Аменофиса въ «Зора» — въ операхъ Беллини — пирата, въ оперт этого же имени, Эльвина въ «Невъстъ Лунатикъ,» Артура въ «Пуританахъ; » въ операхъ Доницетти»: Перси въ «Анна-Боленъ,» Эдгарда въ «Луціи де Ламермуръ,» и многія другія. Прямо изъ Парижа Рубини повхаль въ Петербургъ, сперва одинъ, а на следующій годъ онъ прибыль вместе съ Тамбурини и Віардо-Гарціей. Онъ пробылъ у насъ три зимнихъ сезона и исполнялъ большую часть оперныхъ ролей, игранныхъ имъ въ Парижъ. По мивнію знатоковъ, слышавшихъ его въ Италіи и во Франціи, голосъ его достигь въ Петербургъ самой высшей точки своего развитія и совершенства, и нигдъ еще такъ не пъваль онъ, какъ у насъ, не емотря на свои уже зрёдыя лёта. Справедливости этихъ отзывовъ подтвердить нельзя, и потому должно сослаться на вкусъ и знаніе любителей музыки; достовърно одно, что ни Маріо, которымъ восхищалась такъ наша публика, ни какой нибудь другой пъвецъ никогда не будуть въ состояніи замѣнить пѣвца, подобнаго Рубини, и тѣ, которымъ удалось слышать его замфчательный голосъ, никогда не позабудутъ его магическихъ звуковъ. Удалившись изъ Петербурга, півецъ, получавшій въ началь своего вступленія на оперную сцену не болье пятнадцати копъекъ серебромъ, имълъ уже около четырехъ милліоновъ ассигнаціями состоянія, и рѣшился навсегда покинуть артистическое поприще и отдохнуть отъ своей тяжелой, преисполненной разными испытаніями артистической жизни, жизни трудной и облитой кровавымъ потомъ хотя и разцвъченной торжественными лаврами. Рубини поселился въ своемъ palazzo, построенномъ имъ въ Романо, и прожилъ въ немъ до послъдней минуты своей жизни, посвятивъ остатокъ дней своихъ на благодъянія неимущимъ артистамъ и не артистамъ. Этой чертою онъ всегда отличался въ противоположность характеру человъку, знаменитому какъ и онъ въ музыкальномъ мірѣ — Паганини. О великодушін, щедрости и готовности помочь всякому горю, ходять въ Италін про Рубини многочисленные анекдоты, которыхъ достало-бы на целую книгу. Приведемъ здесь хоть одинъ изъ нихъ, относящійся до того времени, когда Рубини только что началь входить въ славу, не имъя еще самъ достаточныхъ средствъ къ обезпеченному существованію. Бъдные жители Бергамо и особенно еще и до сихъ поръ кочующая каста артистовъ преимущественно любитъ разсказывать анекдотъ этотъ. Однажды, преходя по Риму, въ самый палящій полдень, онъ встрітиль на улиці сліпаго старика, играющаго на скриикъ, около котораго стояла на землъ пустая смятая шляна. Не смотря на те, что по крунному поту, катившемуся по лицу съдаго виртуоза, можно было легко догадаться, что всъ претензіи его основаны единственно на надеждъ состраданія прохожихъ, конецъ продолжался уже давно. Нисколько не задумываясь, Рубини выложиль въ шляпу скрипача половину достоянія своего кошелька и съ стъсненнымъ сердцемъ пошелъ далъе. Возвращаясь обратно, онъ увидълъ ту же самую картину, и возлъ своего щедраго подаянія еще двъ или три мелкія монеты. А между тъмъ народъ кишилъ на улицахъ Рима, прохожіе и богатые экипажи бороздили пространство, ничуть не замъчая усилій слаща, невнимая отнюдь дребезжащимъ звукамъ его инструмента, въ которыхъ среди веселыхъ мелодическихъ напъвовъ итальянскихъ народныхъ пъсень слышался какъ будто какой-то посторонній стонъ, просьба о помощи и о хлъбъ. Не долго нужно было размышлять Рубини; нахлобучивъ себъ на глаза шляпу и взявъ въ руки съдаго скрипача, онъ опустился рядомъ съ нимъ на разгоряченные камни, и звучный, пріятный голось его огласиль окрестность, заглушивь почти совершенно звуки разбитой скрипки. Прохожіе начали пріостанавливаться и прилушиваться, и скоро вокругь обоихъ артистовъ, певда и музыканта, образовалась густая толпа. Рубини пълъ безъ устали пъсню за пъснію, арію за аріею, твердою рукою протягивая впередь свою импровизированную изъ шляпы кружку, и монеты за монетами, вмъстъ съ одобрительными браво и фора, сыпались въ шляпу. Такъ прошло по-крайнеймъръ два часа. Тогда Рубини замолкъ, отдалъ шляпу своему слъпому товарищу и въ знакъ благодарности за вниманіе слушателей обнажилъ съ поклономъ свою голову.

— Ecco Rubini, ecco Rubini, раздались изъ толпы десятки голосовъ зрителей, видъвшихъ и слышавшихъ его на римской сценъ. Bravo Rubini, vivat Rubini!

Но скромный Рубини, съ замъчаніемъ что вст артисты должны помогать другъ другу, поситшилъ скрыться отъ благодарности уличнаго скрипача и отъ шумной толиы, восхищенной его благороднымъ, человъколюбивымъ поступкомъ.

Почти всегда случается, что люди, вышедшіе изъ ничтожества и въ последстви прославленные и обогащенные счастиемъ, стараются позабыть свое прошедшее и не любять говорить о немъ, даже встми силами избъгаютъ людей и предметовъ, которые могли бы имъ напомнить о минувшемъ. У Рубини было совствъ напротивъ: онъ любилъ говорить о своей бъдной молодости, съ гордостью вспоминалъ о трудахъ и лишеніяхъ, которыя долженъ былъ переносить, чтобы достичь до настоящаго своего благосостоянія, и въ своемъ великолепномъ замкт, блиставшемъ марморомъ, картинами и позолотой, отъ двери котораго никогда не отходилъ съ пустыми руками ни одинъ нуждающійся артистъ, художникъ и бъднякъ, опредълилъ нарочно особую комнату, для трофеевъ, полученныхъ имъ во время его долговременнаго поприща на сценахъ почти цълой Европы. Между золотыми вънками, автографами и письмами къ нему людей самыхъ замъчательныхъ и высокихъ, между самыми драгоцънными подарками, посланіями, одами, написанными въ честь его, первымъ и драгоціннійшимъ воспоминаніемъ была для него старая афиша, тщательно сберегаемая въ золотой рамкъ подъ зеркальнымъ стекломъ, въ которой импрессаріо миланскаго театра la Scala, объявляя объ открытіи театральнаго сезона въ 1812 году и о составъ своей труппы, поставилъ имя Жана Батиста Рубини въ числъ вторыхъ теноровъ своего ничтожнаго хора.

Рубини умеръ бездътнымъ и завъщалъ часть своего огромнаго состоянія на основаніе въ Бергамо консерваторія пънія и музыки. Такъ и послъ своей смерти старался онъ оказать благодъяніе своимъ соотечественникамъ и недостаточнымъ собратьямъ по искусству. Люди, знавшіе Рубини лично или хотя разъ слышавшіе его, въроятно долго его не позабудуть. Но живые помышляють о живомъ, говорить пословида, и потому мы и обратимся къ дальнъйшему повъствованію о петербургскихъ новостяхъ, потому что Петербургъ спъшить и жить, и чувствовать, и нелюбить долго задумываться надъ тъмъ чего вельзя воротить.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Настоящее появленіе весны. — Вербы и старинный обычай. — Праздничныя балаганныя представленія. — Четверть візковая нгрушка. — Замічательный микроскопъ. — Дачный сезонъ и маленькій разсказь о дачных утовольствіяхь, особенно о томь, какъ веселился одинъ петербургскій житель на чужой дачі. — Новыя картины, новыя книги. — Синопское сраженіе г. Боголюбова, изображеніе воинскихъ подвиговъ г. Зичи, портреты г. Тимма. — Первыя двіз книжки Сборника событій, относящихся до настоящей войны, г. Путилова. Розыгрыши дотерей. Неумістное счастье. Патріотическіе стихи, искусственные цыплята. Наряды.

Въ Петероургъ теперь весна, настоящая весна: на улицахъ сухо, кой гдъ начинаетъ зеленъть уже травка, и синяя Нева, освобожденная отъ льдинъ, спокойно, какъ ни въ чемъ небывалая, катитъ по прежнему свои волны въ Финскій заливъ, а надъ нею, на берегу ея:

Среди шума и движенья,
Подымаясь на гринить,
Будто геній охраненья,
Всадникъ бронзовый стоить.
Мѣдный конь въ очарованьи,
Грива вьется, взоръ въ сіяньи,
Новдри пышутъ, и гранитъ
Подается отъ копытъ.
И у ногъ коня въ презрѣньи
Зависть стелется змѣей,
Зритъ Петра, и въ изступленьи
Камень гложетъ подъ собой,...

На Вероной недълъ, благодаря хорошей погодъ, галереи гостинаго двора были наполнены толпою гуляющихъ, покупавшихъ и непокупавшихъ разныя разности, между которыми большинство останавливалось предъклътками, наполненными пернатыми узниками и выпускало ихъ на волю. При видъ этого русскаго добродушія намъ невольно пришли на память стихи Туманскаго, отъ которыхъ приходилъ въ восхищеніе самъ Пушкинъ, написавшій пьесу на тотъ же самый предметь. Стихи эти, въроятно весьма многимъ неизвъстны, но мы напомнимъ ихъ, чтобъ располо-

жить на будущую весну добрыхъ людей въ пользу птичекъ, которыхъ оборотливые люди нарочно ловятъ для этого случая чтобы добыть барышъ:

Я нынче отвориль темницу
Крылатой узниць моей,
Я рощамъ возвратиль пьвицу,
Я дароваль свободу ей.
Она взвилася, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ вапъла улетая,
Какъ бы молилась за меня!

Послѣ гулянья на вербахъ наступилъ Свѣтлый праздникъ, и уже съ перваго дня Адмиралтейская площадь закипѣла разноцвѣтною толпою народа и вся покрылась орѣховыми скорлупами, несомпѣннымъ признакомъ и атрибутомъ всякаго народнаго гулянья, потому что безъ орѣховъ и безъ пряниковъ простому русскому человѣку и пиръ—не пиръ. Онъ любитъ посмѣяться, а главное усладить свою гортань чѣмъ нибудь пріятнымъ, пе нарушающимъ порядка и гармоніи цѣлаго.

Предъ встми прочими балаганами, построенными нынтшній годъ, первое мъсто, безъ всякаго преувеличенія, принадлежить балагану Раппо, какъ по наружности, такъ и по исполнению объявленныхъ афишею пьесъ, поэтому-то въроятно онъ и наименованъ академическимъ театромъ. Труппа Раппо нынъшній годъ довольно многочисленна и тщательно обучена, декораціи хороши, костюмы опрятны и сделаны со вкусомъ. Въ продолжение целой недели главною пьесой академического театра. привлекавшею огромную массу посътителей, была пантомина подъ названіемъ «Слава Россіи въ 1854 году,» состоявшая изъ четырехъ картинъ и обстановленная прилично. При поднятіи завъсы глазамъ, зрителей представлялся Турецкій паша, окруженный женами и многочисленною свитой, веселящійся на корточкахъ, на берегу Босфора, представленіемъ жонглеровъ и эквилибристовъ. Между гостями, приглашенными пашею на этотъ спектакль, видны англійскіе и французскіе офицеры, Это только прологъ, а самое дъйствіе начинается во второй картинъ, представлявшей русскій бивуакъ, расположенный близъ опушки лъса, на берегу Дуная, который послъ двухъ, трехъ пантомимъ тотчасъ же приходить въ движение при звукт тревоги, и скорымъ маршемъ выступаетъ навстръчу показавшемуся непріятелю и подступаетъ въ третьей картинв, къ турецкой крвности, предъ которою, нагулявшійся и насмотравшійся вдоволь, паша далаеть смотрь своему войску. Но является всадникъ, возвъщаетъ о приближении русскаго отряда. Начинается сраженіе: раздаются выстрілы, и русскіе торжественно вступають въ крівность, объятую пламенемъ. Пантомима оканчивается общею картиной, изображающею торжество русскихъ воиновъ, стоящихъ надъ поверженными турками съ подъятымъ оружіемъ, надъ которымъ паритъ двуглавый орелъ, а въ облакахъ появляется слава и лавровый вінокъ въ рукъ. Пантомима эта, до того въ самомъ діль была хорошо обстановлена и ведена съ такою живостью, что одинъ изъ постителей верхнихъ слоевъ балагана, порядоч ю уже навеселившійся, позабылся, и полагая, что видитъ предъ собою дійствительную картину пораженія, закричалъ съ негодованіемъ на одного изъ дійствующихъ войновъ:

— Да что тебѣ надъ этимъ туркомъ разиня ротъ стоять, пришиби его поскорѣе да потомъ примись за другаго, который вонъ тамъ за стѣною табакъ нюхаетъ...

За балаганомъ Раппо слъдуетъ сказать о балаганъ классическихъ мимико-воздушныхъ представленіяхъ профессора Разими, о которомъ мы уже говорили въ прошломъ нумеръ и который къ своимъ обыкновеннымъ мимико-воздушнымъ представленіямъ пресоединилъ еще живыя картины, заимствованныя изъ побъдъ русскихъ надъ турками въ настоящую войну. Представленія эти очень хороши, и только нужно пожальть о томъ, что публикъ неудалось видъть главнаго дъйствующаго лица цълой труппы Разими, маленькаго Карла Фура, который, говорятъ, сильно разшибся во время одного урока головоломнаго искусства, преподаваемаго профессоромъ Разими.

За балаганомъ Разими следуетъ балаганъ Легата, дававшій картину гибели турецкаго флота при Синопъ съ приличными варывами и освъщеніемъ бенгальскимъ огнемъ. Въ Олимпійскомъ циркъ Спози, не смотря на его ученую лошедку, очень плохо и очень скучно, хотя онъ также давалъ картину, изображавшую переходъ русскаго войска черезъ Дунай и взятіе кръпости, но эта картина нисколько не оправдала тъхъ надеждъ, которыми приманивала зрителей на афишъ количествомъ полутораста человъкъ-дъйствующихъ лицъ, изъ которыхъ не оказывалось на лицо и патой части. Взятіе крѣпости представляемое въ балаганъ Симонсона, исполняется гораздо удачное, хотя и уступаетъ по обстановко и числу дъйствующихъ лицъ пантомимъ Раппо. О прочихъ балаганахъ нестоитъ говорить, они появляются уже постоянно нъсколько лътъ съ однимъ и темъ же, и кому известенъ зверинецъ Зама, съ престарелымъ, едва двигающимся львомъ Самсономъ, съ обыкновеннымъ русскимъ волкомъ, который вовсе не въ диво простому русскому человъку-театръ маріонетный, и пр. и пр.

Карусели нынъшній годъ видимо усовершенствовались, и вмъстъ съ

пароходами и паровозами, и неизбѣжнымъ дюдушкой въ сѣромъ армякѣ, расточающимъ толпѣ остроты, украсились еще танцовщиками и танцовщицами, обязанными танцовать безъ устали съ утра до вечера, для удовольствія катающейся публики. Въ одной изъ каруселей, учредитель ея, желая перещеголять прочихъ, пошелъ еще далѣе, и въ центрѣ вертящихся лодокъ устроилъ платформу въ аршинъ величиною съ кулисами и занавѣсою. Вывѣска у входа въ эту карусель подробно объясняетъ любопытнымъ, какія таинства сокрыты за этою завѣсою и краснорѣчиво гласитъ: Въ вновь устроенная сцена для танцованіе качуче и прочіихъ разныхъ искуственныхъ танцъ. Но довольно о гуляньѣ, благо оно уже кончилось; перейдемъ къ другимъ, болѣе замѣчательнымъ новостямъ.

Кому не извъстна поговорка: «терпъливъ, какъ нъмецъ.» Поговорка эта недавно подтвердилась въ полномъ блескъ. Одинъ изъ артистовъ нашей нъмецкой труппы, г. Лааде, ради единаго только своего удовольствія, просидълъ усидчиво почти двадцать лътъ надъ картонною арміей всъхъ европейскихъ гусударствъ, со всъми перемънами, происшедшими въ мундирахъ войска каждаго государства. Съ неутомимымъ стараніемъ онъ тщательно отыскивалъ рисунки, и по нимъ также тщательно раскрашивалъ и выръзывалъ изъ картона каждую фигуру солдата и офицера, и пъшаго, и коннаго. Г. Лааде, живущій на большой мъщанской, съ удовольствіемъ показываетъ любопытствующимъ свое оригинальное произведеніе.

Покуда низшій классъ народа забавлялся на Адмиралтейской площади и наперерывъ одинъ передъ другимъ стремился въ балаганы смотръть представленія Раппо, Разими и прочихъ, высшій и любознательный классъ публики собирался въ домъ Рихтера, на углу Большой Садовой и Невскаго Проспекта, смотръть таинства природы чрезъ усовершенствованный микроскопъ, увеличивающій предметы въ милліонъ разъ,
первые опыты которыхъ произведены были физикомъ и оптикомъ Его
Императорскаго Высочества Наслъдника Цесаревича, г. Типнеромъ, 30
Марта, въ пользу русскихъ воиновъ раненыхъ на турецкой границъ.
Усовершенствованный микроскопъ этотъ можетъ почесться дивомъ изобрътательности ума человъческаго, который кажется скоро въ состояніи будеть слъдить и подмътить по словамъ А. С. Пушкина:

И горній всёхъ духовъ полёть, И гадъ морскихъ подземный ходъ, И дольной лозы прозябанье....

Микроскопъ этотъ совершенно похожъ на волшебный китайскій фонарь, отражающій предметы на бъломъ огромномъ полотив, но вмъ-

сто солнца, онъ освъщается такъ называемымъ «Друмондовымъ свътомъ, » то есть, смъсью водорода и кислорода, которой такъ направляется на кусокъ негашеной извести. Свътъ этотъ такъ ярокъ, что глазамъ почти нельзя переносить его, а температура его такъ высока, что стальнай пружинка, приставленная къ нему, расплавляется, бросаетъ искры и горитъ, какъ простая соломянка; самое пламя свъчей, поставленное предъ этимъ свътомъ, отбрасываетъ отъ себя на полотно тънь, твердое, непрозрачное тело. Кажется, летъ пятнадцать тому назадъ, г. Тицнеръ уже былъ въ Петербургъ и ознакомилъ любознательную публику съ удивительнымъ своимъ аппаратомъ, въ то время получилъ многія Высочайшія награды, но посл'я этого прошло такъ много времени, и притомъ г. Тициеръ усивлъ еще такъ усовершенствовать свой микроскопъ, что даже видъвшимъ его опыты, можно не соскучившись опять нъсколько разъ посмотръть ихъ. При взглядъ на бълое полотно, на которомъ, какъ волшебныя тъни, двигаются не подозръваемыя въ міръ мельчайшія наливчатыя животныя, которыя принимають такіе огромные разміры, что можно разглядъть не только наружные ихъ органы, но даже движеніе разныхъ соковъ въ ихъ желудкахъ, поневолѣ воскликнешь: чудны дѣла твои, Господи! Въ течение часа времени (отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ утра и отъ 7-ми до 8-ми вечера) г. Тицнеръ, толкуя подробно каждый предметъ, показываетъ все существующее невидимое въ царствъ природы, зоологической, ботанической, минеральной. Изъ живыхъ предметовъ особенно замъчательна капля ръчной воды съ миріадами живущихъ въ ней инфузорій или наливчатыхъ животныхъ, называемыхъ по устройству ихъ зрительнаго органа, одноглазками (топосиla). Бъдныя инфузоріи эти, сожигаемыя жаромъ температуры Друмондова свъта, тотчасъ же умирають и уступають мъсто вновь родившимся. Форма ихъ нъсколько элиптическая, на передней части тъла явственно видънъ глазъ, а на задней два тонкіе волоска, гораздо длиннъйшіе, чемъ щетины, которыми покрыто все тело. Эти два волоска дыхательные органы одноглазокъ. Онъ двигаются очень быстро по всъмъ направленіямъ и болье всего приближаются къ краямъ заключающаго ихъ аппарата, желая въроятно избъгнуть сильнаго жара. Въ каплъ стоячей прудовой воды живутъ другія инфузоріи, называемыя daphnaea apulex, совершенно различныя и видомъ, и величиною отъ инфузорій, живущихъ въ рачной вода. Еще любопытна капля пивнаго уксуса съ частію гназда, которую простымъ глазомъ можно принять за самую мельчайшую пылинку. Изъ этого гиъзда сотнами выползаютъ какія-то змъи, свиваясь въ многочисленныя кольца и постепенно потомъ расплываясь, какъ студень отъ Друмондова жара. Страннымъ покажется, можетъ быть, многимъ при этомъ, что въ уксусъ, такъ называемомъ рейнскомъ, и обыкновенно всъми употребляемомъ, никакихъ инфузорій не находится. Необыкновенно любопытна также сырная пыль, покрывающая сырную корку: въ каждой пылинкъ копышится множество маленькихъ уродливыхъ животныхъ, похожихъ съ виду на смъсь поросятъ съ медвъжатами. Животныхъ этихъ нельзя смъшивать съ тъми, которыхъ въ видъ маленькихъ личинокъ можно иногда видъть на какомъ нибудь старомъ сыръ, особенно на лимбургскомъ, посредствомъ увеличительнаго стекла, или даже и простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Животныя, показываемыя г. Тицнеромъ, водятся только въ пыли покрывающей наружную часть корки сыра и по зоологическому порядку стоятъ гораздо ниже тъхъ, которыя водятся въ старомъ сыръ.

Показавъ всъ различныя породы инфузорій, г. Типнеръ приступаетъ къ породъ насъкомыхъ и показываетъ личинку зеленой флоровой мухи, зародышь ея въ ея оболочкъ до той поры, пока она находится въ водъ до начала весны. На головъ этой личинки находится мъшечекъ съ запасомъ пищи, она снабжена щупальцами, похожими съ виду на клещи, которыми она открываеть клапань этого мешечка и достаеть себе пищу. Микроскопъ г. Тициера до того силенъ, что даже обращение самихъ соковъ въ пищепроводныхъ каналахъ этого зародыща можно видъть довольно явственно. Крылья самыхъ мухъ различныхъ породъ очень разнообразны и ткань, если такъ можно выразиться, на которой держатся ихъ чешуйки, образована съ такою изумительною точностью и правильностью, что ни одна самая причудливая фантазія въ мірѣ не можеть придумать такого превосходнаго рисунка, и не одна машина не въ состояніи исполнить ткани съ такою тонкостью, какъ она создана природой. Тоже самое можно сказать и о цвътистой пыли съ крыльевъ бабочекъ различныхъ породъ. Пыль эта, представляющаяся простому глазу одною только какою нибудь цветною краской, есть ничто иное, какъ перышки, прикръпленныя къ-оболочкъ крыла, самыхъ разнообразныхъ формъ, похожія на лиліи, тюльпаны, астры, кампанулы, такъ, что каждая пылинка, отдъльно взятая, представляетъ особеннаго вида прекрасный цвътокъ. Къ этому роду явленій можно отнести также и пыль съ цвъточныхъ тычинокъ, которая сама по себъ представляетъ особеннаго рода флору и заключаетъ въ миніатюръ зародыши невидимыхъ, самыхъ прекрасныхъ и разнообразныхъ цвътовъ. Трудно было бы описывать органы различныхъ насъкомыхъ, которые очень ясно видны чрезъ микроскопъ, и потому ограничимся жаломъ пчелы и комара, и головою муравья. Жало пчелы такъ тонко, что самая тончайшая бисерная иголка кажется въ сравненіи съ нимъ толстою булавой, покрытой ноздреватыми огромными наростами, которые ничто иное какъ незамътная для глазъ ржавчина. Комаръ питается не жаломъ, какъ можно предполагать, но маленькимъ хоботомъ, находящимся надъ жаломъ; жаломъ онъ только прокалываетъ ранку и потомъ уже сосетъ хоботомъ кровь; у самки нътъ жала, и хоботъ ея имъетъ совершенно другой видъ, чъмъ у самца.

Любопытиће встать устройство головы муравья: она снабжена такимъ множествомъ сильныхъ мускуловъ и зубчатыми челюстями, что это насъкомое способно поднять тяжесть въ тысячу разъ большую въса его тыла, такъ, что еслибъ человъкъ былъ сравнительно такъ же силенъ, какъ муравей, то онъ бы могъ поднять одною рукою цёлый вооруженный батальовъ-тысячу человъкъ; а между тъмъ головка муравья прикрвиляется къ туловищу, такою тонкою шеей, что она даже увеличенвъ мильонъ разъ, кажется самою тончайшею ниткою. Изъ глазъ насъкомыхъ очень любопытно устройство глаза бабочки; глазъ этотъ похожъ на такой тонкій тюль, что самый тонкій газъ кажется прель нимъ сплетеннымъ изъ толстыхъ канатовъ, которые въ состояния удержать на якоръ корабль. Не менъе любопытны также разръзы раздеревъ, какъ-то оливковаго, персиковаго и стебелька розы. Вст они имъютъ различной формы рисунокъ, различное устройство поръ или скважинъ, чрезъ которыя проходятъ жизненные соки дерева, всъ они отличаются также самыми причудливыми, разнообразными рисунками, годными для любаго роскошнаго ковра. Но всъхъ предметовъ, какъ-то кристализаціи различныхъ солей, изъ которыхъ каждай кристализуется своеобразно и такими узорами, которымъ не въ состояніи подражать ни одинъ карандашъ, описать невозможно, и потому каждый желающій можеть самь полюбоваться и подивиться той чудной гармоніи и тому величію, которыя скрываетъ природа въ самыхъ незамътныхъ своихъ атомахъ.

Временемъ надо пользоваться, потому что оно летить, летитъ и съ каждымъ новымъ днемъ представляетъ новыя удовольствія, новыя картины для глазъ, новыя ощущенія для сердца. На дворѣ уже май, нора, воспѣтая всѣми поэтами, нора соловьиныхъ пѣсень, пурпура розъ, изумруда зелени, безсумрачныхъ ночей, однимъ словомъ, наступаетъ тотъ срокъ, когда всѣ разъѣзжаются по дачамъ, кто въ глушь, въ деревню, чтобъ сколько нибудь отдохнуть отъ петербургскаго шуму, кто въ окрестныя дачи, неубранныя и убранныя, чтобъ дышатъ свѣжимъ воздухомъ и прохладою подъ тыпью стриженыхъ акацій. Всѣ спѣшатъ вонъ изъ города воспользоваться на своихъ и чужихъ дачахъ сельскою непринужденностью. Не знаю, какъ прочіе, а я такъ не вѣрю въ не-

принужденность цетербургскихъ дачъ, особенно чужихъ, и слово: быть гдъ нибудъ, какъ дома, исключено изъ моего лексикона. Почему? спросите вы. Да такъ, потому что я испыталъ непринужденность чужихъ дачъ. Однажды въ самый лучшій день августа брелъ я по солнечной сторонъ Невскаго проспекта, чтобъ тоже немного подышать свъжимъ проспектнымъ воздухомъ и полюбоваться явленіями природы, шелъ, смотря на толпы экипажей и извощиковъ, увозившихъ любителей дачъ, кого къ Излеру на минеральныя воды, кого въ Екатерингофъ, и вдругъ самое веселое ахъ! заставило меня оглянуться и вздрогнуть. Предо мною стоялъ одинъ прекрасный и премилый молодой человъкъ, Петръ Петровичъ Пътушковъ.

- Что вы такъ радостно ахнули? спросилъ я его, въ полной увъренности, что этотъ ax означаетъ что нибудь необыкновенное, потому что я видълъ Пътушкова не болъе, какъ за день до этого новаго свиданія.
- Потому, отвъчалъ онъ, что вы встрътились со мною, какъ нельзя болъе кстати. Я васъ ташу съ собою, mon cher, какъ вы уже хотите.
- Куда? за на принамент на при и принамент во втанция и
- Въ одно доброе мъсто.
- Именно.
- На дачу къ одной моей дальней родственницъ, къ тетушкъ, къ которой я долженъ нынче непремънно ъхать. Вы помните, что вы дали мнъ недълю тому назадъ, слово. Я уже нанялъ вкипажъ и распорядился такъ, чтобъ быть свободнымъ по крайнеймъръ дней на иять. Мы вмъстъ и назадъ возвратимся, согласны? Посмотрите, какъ мы повеселимся; вотъ ужъ будетъ настоящая partie de plaisir!

Напрасно представляль я Петру Петровичу, что я не имъю чести знать его тетушку, онъ былъ неотступенъ и твердилъ, отъ Аничкова моста чуть ли не до Казанскаго:

— Она будеть очень рада видъть васъ; я уже говориль ей о васъ; вы будете у нея на дачъ, какъ у себя дома, полнымъ распорядителемъ своихъ дъйствій и притомъ встрътите тамъ самое милое общество. Цыпципкина Андрея Андреевича, напримъръ. Вотъ человъкъ такъ человъкъ: образованный, начитанный, цълую исторію всъхъ петербургскихъ окрестностей проглотилъ, каждое мъсто, какъ свою ладонь знаетъ... Потомъ еще Пампушкина, вотъ тоже человъкъ удивительный, настоящій Немродъ, звъроловъ, охотникъ и стрълокъ удивительный, да мало ли кого мы встрътимъ на этой дачъ. О, я увъренъ, что мы повеселимся!

Какъ я ни старался, не было никакой возможности отдълаться. Су-

щ ествують, къ несчастію, на свъть такія объщанія, которыя даешь очертя голову, полагая, что они ничтожны, и никакъ потомъ не можешь ихъ не исполнить, подъ опасеніемь, въ противномъ случать, быть поставленнымъ въ такое положеніе, что при встръчт съ людьми, которымъ дано объщаніе, должно необходимо бъжать куда-нибудь. И вотъ почему надо иногда соглашаться на приглашеніе отобъдать чъмъ Богъ послаль, присутствовать въ концертт любителей музыки, и слушать стихи какого нибудь мальчика, который оказываетъ нъкоторыя поэтическій способности. Я согласился. Пътушковъ былъ до того радъ, что чуть не бросился ко мнт на шею посреди самаго тротуара, и только одна проходившая мимо дама пріостановила его сердечное изліяніе. Петръ Петровичъ разстался со мною взявъ съ меня десять разъ слово что черезъ часъ я непремтно буду дома ждать его.

— Что жъ, думалъ я, возвращаясь на квартиру, можетъ быть и въ самомъ дълъ мнъ удастся повеселиться; Пътушковъ насказалъ столько, что если и вполовину повърить словамъ его, то будетъ превесело, да и самъ бы онъ не рвался такъ часто и радостно къ своей дальней родственницъ, еслибъ на дачъ ея было скучно.

О мечты, мечты и разныя предположенія, какъ вы обманчивы! просто вы никуда не годитесь!

Пътушковъ былъ точенъ, какъ смертный часъ. Была уже половина втораго когда мы тронулись съ мъста.

- Однако же, замътилъ я ему, вы еще до сихъ поръ миъ не сказали, гдъ дача вашей тетушки?
 - Близко, рукою подать, какъ говорится, отвъчалъ онъ.
 - Однако же, какъ примърно?
- Да, говорю вамъ, очень близко, не успъемъ и наговориться порядочно, какъ предъ нами зазеленъютъ роскошныя поля, зашелеститъ лъсъ, замелькаютъ пригорки, засинъютъ озера—дача моей тетушки на три минуты взды, за третьимъ Парголовымъ.
- За третьимъ Парголовымъ, вскрикнулъ я невольно, припомнивъ, что у меня, какъ говорится, съ самаго утра еще маковой головки во рту не было. Однако же это очень далеко!
- И, что вы! верстъ шестнадцать, небольше, за то какая природа.
 О, природа! Часа черезъ три мы добдемъ, какъ-разъ къ объду.

Новость эта была мит не очень пріятна, потому что изъ третьяго Парголова не такъ легко возвращаться въ Петербургъ, какъ съ какой нибудь Черной ръчки или изъ Новой деревни. Но мы были уже у Выборгской заставы, и потому отступать отъ своего слова, я почелъ неумъстнымъ. Чтобъ какъ нибудь укоротить время, я принялся разспрашивать моего пріятеля.

- Скажите мив, пожалуйста, спросиль и Пвтушкова, съ которыхъ поръ вы, такой страстный любитель театровъ, баловъ, бульваровъ и Невскаго проспекта, однимъ словомъ, всёхъ городскихъ удовольствій, сдвлались вдругъ любителемъ сельской природы?
- О, вы не знаете, какъ мой вкусъ измѣнился съ нѣкотораго времени, отвѣчалъ мнѣ Пѣтушковъ. Теперь я ничего не люблю, кромѣ полей, ручейковъ, лѣсочковъ и тому подобнаго. При этомъ... Виноватъ, я позабылъ вамъ сказать, что у моей тетушки гоститъ теперь племянница, которая приходится мнѣ тоже седьмая вода на киселѣ... Quelque chose de superfin... Линочька... Олимпіада Александровна. Вы тоже се увидите, только, пожалуйста, не влюбляйтесь въ ея жгучіе глазки, хотя они отчасти и съровато—зелененькіе. Я вамъ долженъ признаться, что глазки у нея просто кинжалъ.
- -— A! теперь понимаю, почему вы такъ полюбили сельскую природу, замътилъ я Пътушкову: это по случаю глазокъ вашей родственницы.
- Долженъ признаться, я точно влюбленъ въ Линочку, и тотчасъ бы женился на ней, еслибъ зналъ, что и она меня любитъ, но только, пожадуйста, пусть эта тайна замретъ между нами, потому что тетушка слишкомъ строга, и если узнаетъ, что я такъ разчувствовался, не отпуститъ Линочку ни на шагъ... Кстати, вы въроятно играете въ преферансъ?
 - Кто въ него не играетъ, а что?
 - Такъ, тетушка очень любитъ играть въ преферансъ.
- Очень хорошо, но я потхалъ къ ней на дачу совстиъ не для преферанса, согласитесь въ томъ.
- Знаю, знаю, прервалъ меня Пттушковъ, вы можете дълать все, что вамъ угодно, на дачъ у тетушки совершенная свобода.

Пътушковъ началъ торопить извощика; мы мчимся какъ... какъ могутъ только мчаться падшія на ноги извощичьи лошади, и въ половииъ пятаго являемся на дачу къ тетушкъ Пътушкова, построенной на самой большой дорогъ и окруженной высокимъ заборомъ. Только что мы
въъхали на дворъ и я вышелъ изъ коляски, какъ на меня бросилась
большая цъпная собака, къ счастію подбъжалъ дворникъ и избавилъ
ноги мои отъ неминуемой непріятности.

- Что, Лавръ, тетушка уже объдаетъ? спросилъ у дворника мой товарищъ.
- Съ четверть часа, какъ съли за столъ; въдь вы изволите знать, что въ иять часовъ всегда у барыни заведение кушать.

- Гм! какъ это непріятно, пробормоталь Пътушковъ, останавливансь съ неръшительнымъ видомъ посреди двора.
- Что жъ за бъда, замътилъ я, тъмъ лучше, мы подосиъли еще въ пору, признаюсь, я сильно проголодался.
 - И я тоже, сказалъ Пътушковъ, но...
- Поспъшимъ же, продолжалъ я.

Но Пътушковъ, не слушая моего предложенія, обратился опять къ дворнику.

- Лавръ, сказалъ онъ, объдаетъ кто нибудь у тетушки?
- Какъ обыкновенно, Андрей Андреичъ, да еще другой сосъдъ, охотникъ-то, да старая барышня, отвъчалъ дворникъ.

Во время этого перечисленія гостей я старался подвинуть Пътушкова къ дому, но онъ, вмъсто того, чтобъ итти впередъ, потащилъ меня обратно за ворота, приказывая дворнику не говорить до времени о нашемъ пріъздъ.

- Что это значить, растолкуйте мнв, пожалуйста? спросиль я Пътушкова: я умираю отъ голоду; отчего мы не идемъ объдать?
- Я вамъ долженъ сказать, отвъчалъ Пътушковъ, что хотя тетушка моя во всъхъ отношеніяхъ прекрасная и добрая женщина, однакоже у нея есть кой-какія странности. Такъ, напримъръ, если она закажетъ объдъ на пятерыхъ, то уже при видъ шестаго чувствуетъ какуюто тягость, ей все кажется, что кому нибудь недостаетъ кушанья. Что дълать! въ ея лъта трудно отвыкать отъ нъкоторыхъ странностей, и притомъ она терпъть не можетъ, чтобъ чъмъ нибудь тревожили ее за объдомъ, и наше появленіе вывело бы ее изъ себя; но не безпокойтесь, мы отлично пообъдаемъ: въ третьемъ Парголовъ превосходный трактиръ. Пройдемте къ нему пъшкомъ, онъ отсюда не болъте полуверсты.

Такое вступленіе не предвѣщало ничего хорошаго.

— Хороша же сельская непринужденность, подумаль я, когда боишься войти въ домъ во время объда.

Признаюсь, еслибъ въ эту минуту могъ мнѣ попасться на встръчу какой-нибудь извощикъ, я бы тотчасъ возвратился въ Петербургъ дышать его обыкновеннымъ городскимъ воздухомъ и любоваться просто домами.

Пътушковъ втащилъ меня въ какіе-то покосившіеся на бокъ полуразвалины, на вывъскъ которыхъ былъ нарпсованъ огромнъйшій самоваръ, который мы точно и одинъ только и нашли въ готовности, потому что кухня, по случаю жаркаго дня, не была истоплена. Насилу могли мы добиться яичницы да старой телятины, которая была до того жестка, что можно было переломать объ нее всв зубы.

- Ну, Петръ Петровичъ, замѣтилъ я Пѣтушкову, если всѣ обѣщанныя вами сельскія прелести похожи на вашъ прекрасный трактиръ, долго я не забуду нашей partie de plaisir.
- Когда вы взглянете на Линочку, возразилъ мит Петръ Петровичъ, то увидите, обманулъ ли я васъ.
- Върю, что ваша кузина должна быть лучше этой гостиницы и нъжнъе этой телятины, сказалъ я съ досадою, но признаюсь, первый шагъ на дачъ мнъ не слишкомъ нравится.
- Когда вы увидите Линочку, вы все позабудете, твердилъ мнъ Пътушковъ, поспъшимъ къ тетушкъ; теперь она уже должна кажется отобъдать.

Мы вошли опять на дворъ дачи, и на этотъ разъ собака успъла немного попробовать моего тъла.

- Ну, что, спросилъ Пътушковъ у дворника, откушали?
 - Кофій теперь только кушаютъ.
- Еще за кофеемъ, пробормоталъ Пътушковъ, снова пріостанавливаясь посреди двора изъ опасенія и за кофеемъ потревожить свою тетушку. Паконецъ онъ ръшился и храбро вступилъ въ переднюю, въ которой встрътилъ горничную, выносившую пустыя чашки. Пътушковъ будто освободился отъ какой-то тяжести при этомъ отрадномъ видъ, и уже не боялся ввести меня въ гостиную, въ которой сидъли вокругъ стола три дамы и двое мужчинъ. Петръ Петровичъ съ самымъ почтительнымъ видомъ представилъ меня своей родственницъ, высокой, сухой женщинъ, въ благосклонной ко мнъ улыбкъ которой показалось мнъ даже чтото сухое и серьезное.
- Будьте у меня, какъ дома, сказала миъ тетушка Петра Петровича, у меня для всъхъ полная свобода по-деревенски.

Поблагодаривъ за обязательное предложение, я началъ осматриваться. Кузина Пітушкова, дъвушка очень миловидная, поклонилась ему, потупя глаза. Близъ нея сидълъ какой-то господинъ, толстый и румяный, который осмотрълъ меня съ ногъ до головы съ такимъ вниманиемъ, какъ будто желалъ насквозь пронзить меня своимъ взглядомъ. Рядомъ съ нимъ сидъла старушка съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ и съ слуховымъ рожкомъ въ рукъ. Наконецъ не много поодаль находился господинъ, съ довольно глупою физіогноміею одътый въ полуохотничій костюмъ, онъ качалъ и головою и ногой, и стуломъ вмъстъ. Я тотчасъ догадался что это былъ тотъ самый звъроловъ, о которомъ говорилъ Пътушковъ.

Еслибъ не было поздно, сказала миъ тетушка Петра Пе-

тровича, я предложила бы вамъ прогуляться по саду, но теперь ужъ темно и притомъ въ воздухъ есть что-то похожее на грозу; какъ вы думаете, Андрей Андреичъ, будетъ или не будетъ нынче грозы? обратилась родственница Пътушкова къ полному и румяному своему гостю.

- По моимъ вычисленіямъ, непремѣнно должна быть, отвѣчалъ онъ. Постоянно качавшійся господинъ, переложивъ одну ногу на другую, также вмѣшался въ разговоръ.
- Что касается до грозы началь онь, то вамь всёмь никогда не прійдется видёть такой, какую я видёль въ Финляндіи. Я тамь охотился за дикими козами. Дикая коза есть животное, которое очень праворно и весьма легко прыгаеть на самыя высокіе утесы. Въ Финляндіи есть преогромные утесы, и что удивительно, на этихъ утесахъ бывають маленькія хижины, въ хижинахъ этихъ живуть люди, которые вмѣсто хлѣба ѣдятъ сухія лепешки, лепешки эти дѣлаются...

Хозяйка не дала ему досказать, изъ чего дълаются лепешки и обратившись ко мнъ съ вопросомъ: играю-ли я въ проферансъ, и послъ утвердительнаго отвъта, не заботясь желаю-ли и играть или нътъ, тотчасъ приказала поставить карточный столъ.

— Когда мой племянникъ прівзжаеть сюда, замвтила тетушка Пвтушкова, то онъ всегда участвуеть въ партіи, потому что я не сажаю еще за карты племянницу, полагая что она молода... притомъ племянникъ мой очень разсвянь; вы сядете за него.

Тутъ только я догадался, чему такъ радовался Пътушковъ, когда я согласился съ нимъ такть къ его родственницъ. У него въ головъ таился хорошо расчитанный планъ. Онъ звалъ меня на дачу, чтобъ замъстить его въ карточной игръ, въ продолжение которой ему будетъ своя воля говорить съ миловидною кузиной.

- Вы говорили мнъ, шепнулъ я Пътушкову, что у вашей тетушки не стъсняются, а между-тъмъ меня насильно приневоливаютъ играть.
- О, это только на первый день, отвъчаль онъ, а тамъ вы увидите, какъ вамъ будетъ пріятно. Поиграйте, пожалуйста, я вамъ буду очень благодаренъ... А что, не правда-ли, что моя кузина прехорошенькая?

У меня осталась еще надежда попросить състь за меня глухую старушку. Я подошелъ и сдълалъ ей въжливое предложение, на которое она отвъчала очень любезно:

Да, вы правы, я очень люблю собакъ, особенно болонокъ.

Дама эта ръшительно не могла играть, и мы усълись. При каждой ошибкъ, которую я дълалъ въ игръ, тетушка Пътушкова, казалось, хотъла съъсть меня глазами, и постоянно вскрикивала.

- Ахъ, Боже мой, да объ чемъ вы думаете? Отъ чего не ходили вы съ пикъ? Развъ вы забыли что у меня въ нихъ ренонсъ... Ну, посмотрите, какой я изъ-за васъ ремизъ поставила!..
- Все не такой, какой поставиль я въ Гельсингфорсъ, вмъшался звъроловъ. Это было однажды вечеромъ; вечеръ тогда былъ предождливый; я игралъ напротивъ одного иностранца, который пріъхалъ брать морскія ванны; этотъ молодой человъкъ былъ подверженъ самымъ сильнымъ головнымъ болямъ; я полагаю, что боль эта была у него врожденная; мать его, въ то время, когда его кормила, говорятъ, сидъла однажды подъ полными лучами солнца; солнечные лучи производятъ иногда самыя странныя болъзни. Вотъ, въ Африкъ, говорятъ, солнце такъ ужъ солнце...
- Ахъ, батюшка, прикрикнула тетушка Пътушкова, вы въчно начнете за здравіе, а сведете за упокой; ну, какое отношеніе между ремизомъ, о которомъ вы болтали, и вашимъ африканскимъ солнцемъ; пусть его палитъ себъ, сколько угодно, на доброе здоровье, только мъшаете соображеніямъ. Вотъ, можетъ быть, я бы сыграла, а теперь пасъ какъ пасъ, а все вы виноваты съ вашимъ солнцемъ. Лучше-бы сдълали, если бъ повнимательнъе слъдили за мастями.

Звероловъ замолкъ и въ продолжение нъсколькихъ минутъ я только и слышалъ, что ворчанье холяйки на мою невнимательность. Это ръшительно противоръчило увъреніямъ Пътушкова что я проведу время очень весело. Отъ нечего дълать я сталъ разсматривать картины, висящія на стънахъ, тутъ былъ портретъ капитана Кука, сильно изуродованный непочтительными мухами, и двъ гравюры лошадей. Толстый старичекъ Андрей Андреичъ, котораго Пътушковъ почиталь образцемъ начитанности, замътивъ осмотръ мой, произнесъ съ важностью:

- Знаменитый капитанъ Кукъ, убитый дикими. Островитяне южнаго океана вообще очень жестоки. Кукъ находился тогда...
- Ахъ, Андрей Андреичъ, какъ вы несносны съ вашимъ Кукомъ, ну, былъ онъ, хорошо, нътъ его теперь, еще лучше; извольте ходить, проговорила хозяйка...
- Выступаю, выступаю, произнесъ Андрей Андреичъ, и потомъ продолжалъ:
- А эти лошади этюды Карла Вернета, отличнаго живописца; сынъ его Горасъ Вернетъ еще болъе замъчателенъ. Оба они происходятъ отъ знаменитаго Іосифа Вернета, который, чтобъ лучше изучить природу, велълъ себя однажды, во время самой сильной бури, привязать къ верхушкъ мачты...

- Ахъ, оставьте, пожалуйста, ваши мачты и продолжайте ходить съ червей, все съ червей да съ червей, произнесла хозяйка...
- Понтирую, понтирую, отвъчалъ Андрей Андреичъ, и точно началъ понтировать, съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, а между тъмъ тетушка Пътушкова была такъ раздражена общею невнимательностью, что клялась цълую недълю не играть въ преферансъ. Чтобы она върнъе сдержала свое слово, я на каждомъ шагу дълалъ новые промахи. Наконецъ игра, къ счастію, кончилась и сосъди разошлись по домамъ.

На другое утро я поднялся очень рано и хотёлъ погулять по окрестностямъ. Я сошелъ съ маленькаго чердачка, въ которомъ помъстили меня, на томъ основаніи, что за городомъ обходятся безъ церемоніи, и вышелъ въ переднюю. Двери ея были заперты на ключъ, не было ни какой возможности выйти даже въ садъ, и я долженъ былъ опять возвратиться на чердакъ и просидъть въ немъ плънникомъ до девяти часовъ, покуда поднялась хозяйка.

- Что это у васъ какъ въ крѣпости? спросилъ я дворника, всѣ двери заперты, даже изъ дому въ садъ нельзя выйти.
- Барыня все какихъ-то разбойниковъ трусить, хоть объ нихъ и слуху нътъ, и беретъ всъ ключи на ночь подъ подушку, отвъчалъ онъ мнъ.
- Ну, а теперь, можно выйти за ворота?
- Можно, только скоро завтракать будуть, если не подоспъете то до объда ничего не будете кушать. Барыня порядокъ страхъ какъ любить; все у нея на дачъ по звонку дълается.

Не желая остаться голоднымъ, я ограничился садомъ. Тамъ я встрътилъ Пътушкова.

- Не правда-ли, хорошенькій садъ? спросиль онъ меня.
- Очень, особенно этотъ большой лугъ: какая свъжая и густая трава; полежимте на этомъ лугу.

И я уже ступилъ ногою на край луга. Пътушковъ поспъшно схватилъ меня за руку.

- Что вы хотите дёлать? вспричаль онъ, по этому лугу нельзя ходить.
- Почему?
- Потому, что смять траву просто преступление въ глазахъ тетушки; это тоже одна изъ ея странностей, во всемъ прочемъ она прекрасная женщина.
- Ну, что дълать, пусть будетъ такъ, согласился я, нагибаясь, чтобъ сорвать маргаритку. Пътушковъ опять векрикнулъ:

- Ахъ, что вы, да тетушка возненавидитъ васъ, если увидитъ, что вы что нибудь срываете въ ея саду, во всемъ прочемъ...
- Знаю, что вы хотите сказать, прерваль я съ улыбкой Пътушкова: во всемъ прочемъ, кромъ того, чтобъ не рвать цвътовъ, не ходить по травъ, оставаться въ заперти до девяти часовъ утра, играть въ карты, когда не желаешь, на дачъ вашей тетушки всякій можетъ пользоваться полною свободой.

Въ эту минуту раздался звонокъ къ завтраку, и Пътушковъ почти бъгомъ повлекъ меня за собою въ комнаты, такъ онъ боялся даже одною минутою нарушить заведенный порядокъ своей тетушки.

День быль прекрасный, на небѣ ни одного облака, и хозяйка дачи предложила мнѣ и своему обыкновенному обществу итти прогуливаться по окрестностямь. Я вздохнуль, что наконець освобожусь оть принужденнаго илѣна; не туть-то было! Тетушка Пѣтушкова, сдѣлавъ мнѣ честь быть ея кавалеромъ, повисла на моей рукѣ, и я въ продолжение трехъ битыхъ часовъ осужденъ былъ тащить эту ношу такимъ медленнымъ шагомъ, какъ будто мы ступали по зеркаламъ и боялись разбить ихъ.

— Не правда ли, какая была веселая прогулка? сказалъ миъ Пътушковъ, гулявшій подъ руку съ своею молоденькою кузиной.

Вмъсто отвъта я только вздохнулъ и потеръ себъ плечо, которое довольно сильно оттянула мнъ его родственница. Не знаю что я началъ-бы говорить о сельскомъ удовольствіи, которымъ онъ такъ угостилъ меня, еслибъ меня не утъшала мысль, что на другой день срокъ моего плъненія кончится. Едва кончился объдъ, я уже спъшилъ уйти изъ дому, чтобъ не быть принужденнымъ партенеромъ въ пенавистный преферансъ, о которомъ уже начала поговаривать тетушка Пътушкова. За полверсты отъ дому я встрътилъ сосъда моей гостепріимной хозяйки, отъявленнаго партоловскаго охотника. Онъ шелъ, покрытый потомъ и вооруженный съ ногъ до головы, будто собирался итти противъ французовъ и англичанъ.

- А я шелъ собственно за вами, сказалъ онъ мнъ.
 - Зачимъ?
- Безъ сомнънія вы любите охоту; каждый мужчина долженъ непремънно любить ее, и потому я вамъ предлагаю поохотиться со мною. Мнъ сейчасъ сказали, что видъли версты за двъ отсюда куропатку. Каково, куропатку; я увъренъ, что мы ихъ настръляемъ столько, что не донесемъ. Посмотрите, я уже распорядился во всемъ: у меня два ружья, два патронташа, двъ пороховницы—выбирайте себъ любое ружье

и пойдемте; о, я увъренъ, что вы повеселитесь; я такой стрълокъ, какого еще поискать.

Я согласился, взялъ ружье и пошелъ за парголовскимъ звъроловомъ, который почти бъжалъ рысью изъ опасенія, чтобъ куропатка, о которой ему говорили, не улетъла въ какое нибудь другое мъсто.

- Что же вы, страстный охотникъ, безъ лягавой собаки? спросилъ я своего нетерпъливаго спутника.
- Оттого, что собака моя дня съ три какъ нездорова, отвъчаль онъ мнт; я былъ съ нею на охотъ, и представьте, не знаю какимъ случаемъ въ морду бъднаго Медора попало нъсколько дробинокъ; должно полагать, что онъ какъ нибудь удалился отъ меня и какой нибудь неискусный стрълокъ попалъ въ него... Но будьте покойны, съ такимъ стрълкомъ, какъ я, совершенно не нужно собаки. Я такъ хорошо знаю всю мъстность и дълаю такіе выстрълы, что просто чудо. Однажды на Черной ръчкъ я охотился съ однимъ моимъ знакомымъ; онъ немножко хромъ; его ранили нечаянно въ молодости, чъмъ, позабылъ спросить у него, но жена его прехорошенькая; она отлично играетъ на фортепьяно; училъ ее Герцъ. Герцъ этотъ сочиняетъ очень трудныя варіаціи. Когда былъ въ Петербургъ Листъ я тоже его слышалъ; а у насъ тоже есть хорошіе музыканты, вотъ, напримъръ, господинъ Лазаревъ...

Но видя, что мой товарищъ перешелъ уже отъ простаго выстрѣла въ область музыки, и не зная, на чѣмъ онъ остановится, я посиѣшилъ отдалиться отъ него и пошелъ по тропинкѣ, заросшей густымъ кустарникомъ. Минуты съ четыре пробирался я по неровной поверхности, то спускаясь въ овраги, то подымаясь на пригорки, какъ вдругъ раздавшійся выстрѣлъ, отъ котораго попало мнѣ въ ногу нѣсколько дробинокъ, заставилъ меня вскрикнуть. Вслѣдъ за этимъ раздался радостный голосъ моего товарища:

- А, каковъ выстрель! Ну, что, убить, убить заяць?
- Не знаю убитъ ли заяцъ, отвъчалъ я съ досадою, знаю только что вы меня чуть не подстрълили вмъсто зайца.
 - Не можетъ быть! вскричалъ искусный стрелокъ.

Я показалъ ему на ногу, изъ которой просачивались кровинки, и товарищъ мой по охотъ пришелъ въ совершенное отчаяніе, и взявъ меня бережно за руку, не смотря на все мое сопротивленіе, повелъ обратно на дачу, разсказывая во всю дорогу съ обычными своими вводными мъстами множество случаевъ, въ которыхъ онъ желалъ доказать, что эта маленькая неловкость произошла совствъ не по его ощибкъ.

— Теперь догадываюсь, кто ранилъ въ морду Медора, думалъ я

просебя, стараясь успоконть парголовскаго дачника на счетъ ничтожности моей раны.

Тетушка и кузина Пътушкова огласили весь домъ сильными ахами, узнавъ о моемъ маленькомъ несчастіи. Не смотря на всѣ мои увѣренія, старушка непремінно хотіла послать въ Петербургь за докторомъ и приглашала погостить у нее еще недвли съ двъ, утъщая меня объщаніемъ играть со мною съ утра до вечера въ преферансъ; но я лучше бы согласился остаться целую жизнь хромымъ, чемъ пробыть еще хоть день въ этомъ сельскомъ веселомъ пріють. Какъ радостно забилось мое сердце, когда замелкала снова предо мною адмиралтейская игла, не смотря на вст увтренія Пттушкова, что за исключеніемъ такого непредвидъннаго охотничьяго случая, на дачъ его тетушки пренепринужденно и превесело. Что касается до меня, то я не люблю дачныхъ увеселеній, особенно чужихъ дачныхъ увеселеній, но нельзя не посовътовать другимъ отправляться за городъ, на свіжій воздухъ, потому что, вмісті съ дуновеніемъ весны, въ самомъ городъ становится очень душно. Что за прелесть зеленьющій вынець острововь, перепутанный голубою лентою Невы, что за роскоть въ Петербургъ, окаймленномъ голубымъ пространствомъ залива и моря. Кстати о морь: извъстіе о славныхъ подвигахъ русскаго оружія, происходящихъ на Дунат, болте встхъ прочихъ новостей занимаетъ въ настоящее время Петербургъ, и жизнь его, какъ и жизнь всякаго другаго русскаго города, приняда теперь новый оттънокъ, и сосредоточилась на безпрерывномъ рядъ славныхъ событій, совершающихся вдалект отъ насъ, за предълами южныхъ границъ нашего отечества. Даже наши обыкновенныя удовольствія и увеселенія носять на себъ отпечатокъ современныхъ событій. Въ концертахъ поются патріотическія пъсни, живыя картины изображають настоящія и минувшія дъла русскихъ воиновъ; въ окнахъ магазиновъ красуются картины, представляющія отдёльные подвиги храбрости.

Изъ веъхъ картинъ, нарисованныхъ и налитографированныхъ по случаю настоящихъ военныхъ дъйствій, болье прочихъ заслуживаютъ вниманія: видъ Синопскаго пораженія, литографированнаго художникомъ Козловымъ съ оригинальной картины нашего даровитаго моряка-художника Лейтенанта Алексъя Петровича Боголюбова, который, получивъ отъ Императорской Академіи Художествъ двъ золотыя медали, ъдетъ теперь совершенствоваться въ Италію и Швейцарію, чтобъ познакомиться тамъ съ знаменитымъ европейскимъ пейзажистомъ Каламомъ и перенять у него иъкоторые пріемы тъхъ аксесуаровъ, которые необходимы бываютъ иногда даже живописцу морскихъ видовъ Вмъстъ съ картиною Синопскаго сраженія, которая, между прочимъ, далеко уступаетъ у г. Коз-

лова прекрасному оригиналу А. П. Боголюбова, можно рекомендовать читателямъ Понтеона прекрасныя литографированныя картинки г. Зичи, представляющія различныя сцены изъ быта нашихъ кавказскихъ воиновъ, а также и подвиги отдъльной храбрости офицеровъ и солдатъ арміи, дъйствующей на Дунаъ противъ турокъ.

Не менъе любопытенъ спимокъ съ портретовъ всъхъ европейскихъ туркофиловъ, какъ-то Людовика-Наполеона, Бараге д'Илье, Пальмерстона, Лорда Редклифа, Чарльза Непира, самого Султана Абдулъ Меджида и прочихъ ихъ сотрудниковъ въ дълъ луны противъ Креста, вышедшемъ недавно въ Художественномъ листкъ», издаваемомъ художникомъ Тиммомъ.

Къ числу этихъ художественныхъ новостей, присоединимъ извъстіе о выходъ въ свътъ, въ объщанный срокъ, двухъ книгъ «Сборника нынъшнихъ военныхъ событій, «Издатель говорить въ посвященіи Сборника Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу: «Изданіе это составить літопись современных событій-доблестныхъ для Россіи, по правотъ дъла, славныхъ великими подвигами побъдоноснаго воинства, отрадныхъ по единодушному выраженію безпредъльной любви и довърія върноподданныхъ Россіи къ обожаемому Монарху, Отцу отечества. Автопись сія изъ рода въ родъ будетъ передаваема въ поучение будущимъ поколфиямъ.» Предисловие очень върное: эта книга, въ самомъ дълъ, сохранитъ для потомства всв политическія военныя и гражданскія событія нашего времени. Сборникъ раздъляетси на следующія части: І Политическій отдель, заключающій въ себъ всь переговоры, манифесты и отношенія различныхъ державъ между собою, отъ прівзда въ Константинополь Князя А. С. Меншикова. И. Дунайская армія, т. е. всъ дъйствія Русскихъ войскъ, съ мальйшими подробностями на Дунав и за Дунаемъ. III. Кавказская армія, дъйствія Русскихъ въ Азін. IV. Черноморскій флотъ, подвиги нашего флота въ Черномъ моръ. У. Патріотизмъ Россіи, или полныя извъстія о пожертвованіяхъ и приношеніяхъ русскихъ на алтарь отечества. VI. Приложеніе, весьма любопытное отдъленіе, въ которомъ заключаются выписки изъ Высочайшихъ Манифестовъ о Кучукъ-Кайнарджійскомъ и Адріанопольскомъ трактатахъ; текстъ Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата; угнетенія христіанъ въ Турцін: умершвленіе константинопольскаго патріарха въ Константинополь въ 1821 году, и многія весьма любопытныя изв'єстія о внутреннемъ правленіи и состояніи Турціи и т. п. Въ этомъ же отдёлё помъщаются стихотворенія на вынъшнюю войну. Къ первой книжкъ «Сборника» приложены: портретъ генералъ-адъютанта князя А. С.

Меншикова; положение нашихъ судовъ до сражения и во время сраженія при плаваніи черноморскаго флота и подробности о взятіи парохода «Первасъ-Бахри», съ 28 октября до 5-го ноября 1853 года включительно; видъ города Ахалцыха. Ко второй книжкъ приложены: портретъ намъстника Кавказскаго, князя Михаила Семеновича Воронцова; планъ сраженія на Синопскомъ рейдъ. Обращаемъ вниманіе всъхъ любителей художествъ на видъ города Ахалцыха, выръзанный на деревъ художникомъ Съряковымъ. До-сихъ-поръ мы еще невидали ни въ какихъ заграничныхъ изданіяхъ подобной гравюры на деревъ. Если бъ это было гравировано на мъди или на стали, и тогда было бы превосходно. По нъжности штриховъ и оттънкамъ, видъ Ахалцыха-совершенство въ своемъ родъ! Сборникъ предположено печатать, по мъръ полученія матеріяловъ, отдъльными книжками, въ двънадцать печатныхъ листовъ, и къ каждой книжкъ будетъ приложено по одному портрету, плану сраженія или политипажу. Подписка принимается на двенадцать книжекь, въ книжномъ магазинъ П. И Крашенинникова, на углу Невскаго проспекта, въ домъ Грефа. Подписная цъна въ Петербургъ и Москвъ 7 руб. 50 коп., и для иногородныхъ съ пересылкою 9 руб. сер. Такимъ образомъ каждая книжка Сборника обходится въ 63 коп. сер. Дешевле быть не можетъ ни въ какомъ случат!

Въ среду, 28 апръля, происходилъ розыгрышь давно ожиданной лотереи серебряныхъ вещей. Кому посчастливилось выиграть главный выигрышь лотереи неизвъстно; въроятно онъ выцалъ на долю того кто всего меньше ожидаль его и меньше надъялся. Счастье прихотливо и любитъ иногда подъ часъ подшутить надъ тъми, кто питаетъ уже чрезъ чуръ большую самонадъянность на его исключительную благосклонность. Миъ пришелъ на память одинъ италіянскій анекдотъ о бъдной дъвушкъ. которая не могла пропустить ни одной лоттерец, чтобъ не попытать своего счастія. Но счастіе до того было къ ней не благосклонно, что, при каждой новой попыткъ, не смотря на усиленныя работы, у нее уменьшалось ея наличное состояніе, исчезала какая нибудь цінная вещица, добытая трудовымъ потомъ. Къ концу зимы, отъ слишкомъ сильныхъ надеждъ, у бъдной осталось только одно платьеце, поношенное, ситцевое, котораго ни продать, ни заложить было невозможно. А между тъмъ, подруга ея, Джузеппа, выиграла сани, и покатавшись на нихъ на нанятой извощичьей лошади вдоволь, продала ихъ на другой день очень выгодно; другая ея подруга щеголяла въ прекрасномъ французскомъ платкъ, — одной только ей не было ни какой удачи, и не было ни какихъ средствъ, еще последній разъ довериться жребію въ новой лоттерев, где разыгрывалось и брилліантовое ожерелье, и домъ близъ Ріальто съ кирпичемъ и

бревнами, чтобы его надстроить, и рояли, и кареты, и много другихъ блестящихъ вещей. Разсказы подругъ, что у такой-то изъ нихъ, три билета, у такой-то два, волновали сердце ея завистью и отчаяніемъ, согнали съ лица румянецъ молодости. Грустно стояла она, незная на что рѣшиться, чтобъ добыть себѣ хоть рубль, потому-что послѣдній день раздачи билетовъ былъ уже на исходѣ, и вдругъ заплаканные глаза ея отразились въ висѣвшемъ передъ нею зеркальцѣ. Она не могла удержаться, чтобъ не много не полюбоваться собою, и на губахъ ея мелькнула радостная улыбка, лицо просіяло надеждой. Она провела рукою по своимъ волнистымъ, густымъ, пепельнаго цвѣта волосамъ, поддержала косу, которой тажесть гнула толстыя булавки, набросила холодный бурнусъ, и полная какой-то рѣшимости вышла изъ своей комнаты.

Путь ея прямо стремился къ вывъскъ, на которой была нарисована толстая, румяная, разряженная барыня, которой мальчикъ съ полузавитою головою пускалъ кровь, и франтъ, мужчина, съ намыленными щеками. Она отворила дверь и спросила дрожащимъ голосомъ:

- Не нужно-ли вамъ волосъ?
- Волосъ? Какихъ?
- Бѣлокурыхъ.

Хозяинъ-цирюльникъ, занимавшійся большею частію припусканіемъ піявокъ, обвелъ глазами свою конурку, въ которой висѣло нѣсколько клоковъ, похожихъ на расчесанную паклю, и отвѣчалъ небрежно:

- Нътъ, бълокурыя есть; вотъ еслибъ шатеновыя другое дъло; впрочемъ покажите, если сходно, пожалуй, можно будетъ купить; авось на маскарадный парикъ кому-нибудь пригодятся.
- Дъвушка сняла шляпку, и дрожа отъ стыда и застънчивости, распустила свое богатое руно; коса такъ и упала волнами на грязный полъ цирюльни.

Желая скрыть свое удивленіе и восторгъ, прозорливый цирюльникъ, видъвшій въ этой огромной женской жертвъ нужду самую сильную, и желавшій воспользоваться случаемъ, только крякнулъ; ему никогда не приходилось расчесывать такую роскошь. Онъ приподнялъ косу съ полу и долго подбрасывалъ ее на своихъ грязныхъ ладоняхъ, стараясь приблизительно опредълить ея въсъ.

- А что просите? спросилъ онъ.
- А что вы дадите?
- Вашъ товаръ, вы и запрашивайте; ну, напримъръ, я посулю вамъ нъсколько скуди, въдь это вамъ, можетъ, и обидно покажется.
 - Ахъ, какъ можно, скуди! вскричала дъвушка; она помялась

немного въ неръшимости отъ незнанія настоящей цънности своей собственности, и потомъ произнесла: тридцать скуди, хотите?

— Не по деньгамъ, — отвъчалъ ръшительно цирюльникъ; двадцать скуди, пожилуй, дать можно; угодно-съ?

Дъвушка молча, въ негодованіи, набросила свою мокрую шлянку и вышла изъ цирюльни.

— Мамзель, произнесъ ей вслёдъ цирюльникъ, повремените на одно слово: не угодно-ли вамъ продать ваши волосы по фунтамъ — пять скуди- за-фунтъ дамъ; срѣжемъ ихъ, свѣсимъ, и что вамъ прійдется, получите чистыми.

Но дъвушка не отвъчала, она шла далъе. Такъ обошла она нъсколько парикмахерскихъ, покуда одинъ куаферъ, тронувшись страдальческимъ выраженіемъ лица ея, не далъ ей требуемой суммы. Если бъ
я былъ на его мъстъ, я бы отдалъ послъдніе свои деньги этой бъдняжкъ. При каждомъ звукъ ножницъ бъдняжка судорожно вздрагивала
и блъднъла все болъе и болъе; казалось, что съ каждою отпадавшею
прядью, огрубълый какой нибудь хирургъ отръзалъ одинъ изъ ея нервовъ. Въроятно, она лишилась бы чувствъ, еслибъ въ эту тягостную минуту не блестъло въ воображеніи ея лоттерейное ожерелье, не высился домикъ и не звучалъ рояль. Воображеніе сильно дъйствуетъ и въ
радостяхъ, и въ тяжкихъ страданіяхъ.

И вотъ бѣдняжка острижена, парикмахеръ до самаго корня снялъ ея кудри, и ея головка стала похожа на скошенную ниву. Нахлобучивъ на лобъ свою маленькую шляпку, чтобъ скрыть свое безобразіе, которое могли измѣнить только одни долгіе годы, она почти бѣгомъ пустилась въ тѣ магазины, гдѣ продавались лоттерейные билеты.

- Есть билеты въ лоттерею? спросила она въ одномъ.
 - На какую?
- Гдъ разыгрываются ожерелья и домъ?
- Вчера вст вышли.

Сердце добровольной жертвы сильно ёкнуло, и сколько перенесла она невыносимыхъ ощущеній, покуда не нашла въ одной кандитерской нісколько билетовъ; она остановилась въ раздумым и незнала которые изъ пихъ ей выбрать.

- Вотъ возьмите этотъ, тутъ цифра семь—семь частей свъта, семь земныхъ чудесъ, семь добродътелей, посовътовалъ ей какой-то почтенный посътитель, также бравшій себъ билетъ.
- Разв'в вы полагаете, что онъ будетъ счастливъ?—спросила его дъвушка.

— Все-непремънно, извольте посмотръть; я самъ себъ взяль тоже билеть съ цифрою семь.

Дъвушка взяла магическій билеть.

— Нътъ, вы лучше возьиите тотъ гдъ цифра *четыре*, — замътилъ ей другой посътитель: четыре стороны свъта, четыре главныхъ вътра, четыре возраста жизни.

И на четыре возраста жизни быль взять билеть; однимъ словомъ вся цѣнность густой косы была вымѣнена на билеты, и довольная собою, швея поспѣшила домой, чтобъ сшить себѣ коленкоровый чепчикъ, которому долго суждено было оставаться на ея головѣ. И вотъ наконецъ день розыгрыша наступиль—загорѣлся и потухъ на небѣ. Въ промежуткѣ этого роковаго дня до слѣдующаго, въ который должна рѣшиться ея неизвѣстность, для нетерпѣливой швеи не было ночи. Едва-ли не первая очутилась она у дверей залы, гдѣ должны были раздаваться выигрыши, и съ трепещущимъ сердцемъ подошла къ периламъ, за которыми все блестѣло и сіяло, такъ что разбѣгались глаза.

— Позвольте узнать, —спросила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, № 777 выиграль или нѣтъ? Раздаватель выигрышей пробѣжалъ взоромъ таблицу выигрышей, и отвъчалъ съ убійственнымъ равнодушіемъ:

- Нътъ!

Бъдняжкъ цочудилось, что въ груди ея что-то какъ-будто подорвалось.

— А 14,710?—спросила она тише.

Послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ. Самые счастливые нумера измѣнили ей; что же оставалось для прочихъ? Въ ушахъ бѣдненькой звѣнѣло, предъ глазами все отуманилось, и она едва слышно, съ какимъ-то болѣзненнымъ стономъ выговорила нумеръ послѣдняго своего билета.

- Выигралъ, также равнодушно отвъчалъ кассиръ.

Дъвушка ожила; дурноты ея, слабости, отчаянія, какъ-будто не бывало; она даже похорошьла и помолодьла. Ей чудилось даже, что будто она немного выросла при этомъ магическомъ отвъть. Но чьмъ же вы думаете, почтенный читатель, наградило ее прихотливое счастіе, за ен великую женскую жертву?—Головнымъ гребнемъ въ пять скуди!...

Былъ также на-дняхъ розыгрышь лотереи въ пользу бъдныхъ призръваемыхъ французскимъ и нъмецкимъ обществомъ,

Патріотическое стремленіе наше все болье и болье проявляется, народное мужество возрастаеть; воть для примьра весьма замьчательное по содержанію и по исполненію сльдующее стихотвореніе:

and the state of t

собака, кошка и орелъ.

Собака съ кошкой разъ въ союзъ вступили, Соединились и ръшили, Чтобы гивадо орлово разорить, И славу на весь міръ объ этомъ протрубить. Загрызть орла собака хочетъ, И на орла ужъ кошка когти точетъ; Но высоко союзнымъ до орла! «О! если бъ на скалахъ могла «Я ловко лазить, говоритъ собака, — «У насъ съ орломъ была-бъ на-славу драка! «Послушай, кошка! ты ловка, «Поди-ко влёзь въ гнёздо орлово; «Я-жъ посмотрю изъ далека; «Даю тебъ честное слово, «Орла на землю не пускать. И вотъ, прельщенная собачьими словами, Пользла кошка воевать, Цепляясь за скалу когтями; Вотъ взбросилась она-и загорълся бой; Поднялся лай, и шумъ, и вой; Собака мечется и на скалу все рвется, И задыхается отъ злости, и трясется; Но на скалу вспрыгнуть никакъ не удается. У кошки выгнулась спина; Ухъ! какъ окрысилась она! Блестятъ огнемъ глаза большіе, И когти бѣлые, живые, Уже расправлены; открыта злая пасть, И кошка на орла готовится напасть. И вотъ она къ землъ пригнулась, И разомъ на орла рванулась. Но взиахомъ мощнаго крыла Къ собакъ сброшена была, Орель же со скалы слетьвъ на нихъ стрълою, Избивши крыльями и мощнымъ клювомъ ихъ, Поднялся снова надъ скалою, И съ торжествомъ взглянулъ онъ на орлятъ своихъ! Враги разбитые домой вернулись съ поля;

(Что задъвать орла была имъ за-неволя?) Пришли. Но тутъ опять бъда:—
Старинная открылася вражда
Межъ кошкой и собакой—
И дъло кончилося дракой.

Не знаю, право, нужно ль мит Сказать и кошкт и собакт, Что если быть съ орломъ войнъ— Не миновать межъ ними драки.

При этомъ нельзя не упомянуть также о произведении одного молоаго поэта г. Гурландьё. Оно полно патріотическаго чувства и показываетъ народное наше сознаніе въ свои силы. Вотъ оно:

> Намъ незваныхъ приходилося Угощать не разъ гостей; На поляхъ Руси ложилася Тьма несмътная костей. Чужеземцы! подивитесь ей-Не одинъ въ ней врагъ разбитъ: Много храбрыхъ, падшихъ витязей У нее подъ сивгомъ спитъ! Наши предки бились съ нъмцами Заходили далеко . Такъ потомкамъ съ иноземцами Перевъдаться легко! Есть у насъ оружье върное На пришельцевъ и враговъ: Въра въ Бога и примърная Къ Царю и родинъ любовь, И блестящій славой чудною Привославный русскій кресть!... Наша-ль Русь немноголюдная?.. Собереть изъ дальнихъ мъстъ Затвердевшихъ въ вечномъ холоде Въ шестимъсячной ночи, — Всѣ кто стары, всѣ, кто молоды, Всъ возьмутся за мечи.

^{*} Простолюдяны всёхъ иностранцевъ называютъ нъмцами.

Тъ, которыхъ солнце южное
Распаленнымъ зноемъ жгло,
Станутъ всѣ стѣною дружною
Мечъ широкій на голо!

Теперь разскажемъ еще одно изъ петербургскихъ дивъ, словами нашего пріятеля, забзжаго провинціяла. «Какъ-то въ половинъ января, говоритъ онъ, гуляя отъ нечего дѣлать по Невскому проспекту, я съ любопытствомъ степняка заглядывалъ во всѣ магазины, и уже въ сотый разъ, я думаю, любовался на разныя заморскія диковинки, которыми блистали магазины, каждый порознь и всѣ вообще, какъ вдругъ, на поворотѣ въ Большую Морскую, я столкнулся, какъ говорится, носъ съ носомъ, съ однимъ изъ моихъ пріятелей. А надо вамъ сказать, что въ продолженіе моего кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, я таки завелъ себѣ достаточное число друзей и пріятелей (я люблю обѣдать—не одинъ, и не умѣю отказывать просящему взаймы). Здорово, другъ, сказалъ онъ мнѣ, пожимая руку, откуда и куда?

- Да изъ дому, братецъ, вотъ опять толкаюсь по вашимъ чуднымъ улицамъ, да любуюсь на всякія чудеса, выставленныя на показъ, почитай что на каждомъ окиъ, чего только тутъ нътъ: бронза, фарфоръ, серебро, золото, бархатъ, шелкъ, какъ будто со всего свъта свезли сюда всъ эти богатства; ужъ правду у насъ говорятъ, что въ Петербургъ только итичьяго молока, да развъ объ Рождествъ живаго цыпленка не достанешь, а то все найти можно.
- Ну, другъ, сказалъ миъ, улыбаясь, мой знакомый, благо тебъ больше нечего дълать, какъ любоваться на что ни попало, такъ ной-демъ-ка со мною, я тебъ покажу одну изъ тъхъ диковинокъ, которую вы полагаете невозможнымъ обръсти у насъ въ Петербургъ, и докажу тебъ, что для насъ нътъ невозможнаго.

Пройдя Морскую, мы повернули на Вознесенскій проспекть и первый домь быль границею нашего путешествія; на рубежь которой, я должень быль увидьть ту диковинку моего пріятеля. Мы поднялись на парадную льстницу въ третій этажь, позвонили, дверь отворила намь хорошенькая, даже очень хорошенькая дъвушка. Ужъ не это ли диво, про которое говорить мой пріятель, подумаль я, но въ тоже время какой-то отдаленный пискъ, какъ будто сотни голосовъ, привлекъ мое вниманіе, заставя спросить, что это такое?

 Погоди, увидишь, отвъчаль мнъ, смъясь, мой знакомый. Я объщаль тебъ показать чудо и покажу.

Въ сосъдней комнатъ насъ встрътила пожилая женщина, должно

быть нёмка, потому что только нёмкё могло прійти въ голову то, что и потомъ увидёль.

- Можно посмотръть? спросилъ мой знакомый!
- Можно, очень можно, отвъчала женщина, отворяя дверь въ смъжную комнату, и представьте мое удивленіе: сотни цыплять, живыхт, настоящихъ цыплять, начиная отъ перепелки и до канарейки включительно, буквально наполняли эту большую свътлую комнату. Молодыя цыплята въ январъ, да это дъйствительно диво!
- Да гдъ же вы ихъ взяли въ эту пору? спросилъ я женщину.
- Я ихъ вывела, отвъчала она.
 - Да это невидано, чтобы куры садились на яйца въ январъ.
- Мит ненадо куръ, сказала женщина.
 - Какъ не надо? Какъ же вы ихъ вывели?
 - Машиной.
- Машиной, проговорилъ я, оглянувшись на свой безукоризненный костюмъ, не понимая, почему эта нъмка узнала, что я постоянный степной житель, и ръшилась посмъяться надо мною.
- Да, сударь, машиною.
- Ну, матушка, ужъ это вы разсказывайте кому нюудь другому. а не мнъ, что это издълје что ли какое, чтобы дълать ихъ машиною. А между тъмъ дъйствительно это были машинные цыплята, я самъ видълъ эту машину, мнъ ее показали, при мнъ вышелъ изъ якца цыпленовъ. Пріятель мой не обмануль меня и показаль мив истинное диво: простой ящикъ, наполненный яйцами, окруженный со всёхъ сторонъ теплою водою можетъ вывъсть въ извъстный срокъ, т. е. въ три недъли, до восьмидесяти цыплять, и когда же, въ январъ, когда многіе бы дали за живаго цыпленка просто баснословную цену. Въ домъ есть больной, докторъ прописываетъ ему строгую діэту, какъ-то уху, габеръ-супъ или супъ изъ молодаго цыпленка; въ три дня уха ему наскучила, на овсяный или габеръ-супъ онъ глядъть даже не можеть, а аппетить предвъстникъ здоровья, требуетъ пищи; что дълать, надо варить цыпленка, и вотъ -является цыпленокъ, большой, дебълый цыпленокъ; его варятъ три раза, и подають больному; жестко, говорить онь съ неудовольствиемъ, и вамъ больно видъть, что вы не могли удовлетворить страждущаго — вари еще, говорите вы повару, цыпленокъ еще сыръ - и снова варятъ цыпленка, варять долго, долго и опять подають бальному, и чтоже-упорный цыпленовъ остается въренъ себъ, онъ по-прежнему жестовъ-и вы сознаете, что это не цыпленокъ, а старая курица, которая притворилась цыпленкомъ. Но васъ увърялъ купецъ, что это цыпленокъ молодой, свъжій цыпленокъ, надо было ему повърить на-слово, потому, что прямаго живаго

доказательства и в сели у васъ завтра объдъ, не простой обыденный объдъ, а объдъ званый, которымъ вы хотите блеснуть, угостить вашихъ друзей на славу, вы достали все, что только было можно достать зимою ръдкаго, дорогаго: и спаржи, и зелени; свъжіе огурцы въ салатъ, даже малина кой гдъ красуется въ вашихъ пирожныхъ; но жаркое—это камень преткновенія, телятина—такъ обыкновенна, мороженая дичь наскучила всъмъ, индъйки и пулярды слишкомъ просто, фазановъ достать негдъ, и вы не знаете, что дълать — а въ тоже время молодые цыплата сотнями живутъ почти возлъ васъ, и вы этого не знаете, а какое бы роскошное, диковенное жаркое подали вы вашимъ гостямъ, если бъ знали объ этомъ!

- А что, можно ли достать для деревни такую машину? спросилъ я изобрътательную мадамъ нъмку.
 - Можно, сударь; я могу вамъ продать такую машину.
- A что она будетъ стоить?
- Восемьдесятъ рублей.

И въ пять минутъ безъ карандаша и бумаги я едълалъ слъдующій выводъ. Надо вамъ сказать, что я очень силенъ въ ариеметикъ, это мит говорият и мой учитель, покойный Оома Кузмичь, который эту науку зналь, какъ свои пять пальцевъ. Выводъ быль нижеследующій: въ три недъли выходить восемьдесять цыплять, стало въ годъ 960 круглымъ числомъ считая яйцы по двадцати копъекъ серебромъ десятокъ, потребуется 193 руб.; машина на первый разъ моя будетъ стоить восемьдесятъ рублей; предположу, что одна часть цыплять пропадеть или въ яйцахъ, или передохнуть маленькими, мив останется только шестьсотъ сорокъ цыплятъ; на трехъ-мъсячный ихъ кормъ, ассигнуя двадцать четвериковъ крупы, я даю вдвое болъе того, сколько надобно, потому что я не скупъ; двадцать четвериковъ составятъ двадцать рублей; смъта расхода показала въ первый годъ 292 руб. Предполагая тоже, что я буду круглымъ счетомъ продавать монхъ цыплять по цълковому пару, а зимою, извъстно, онъ стоятъ не цълковаго, но я ужъ такъ говорю для круглаго счета, выходить барыша чистаго, неотъемлемаго триста сорокъ восемь рублей; это при величайшемъ несчастии, при потеръ едной трети цыплять и считая покупку машины, а при хорошемъ кормѣ и уходъ этого быть никакъ неможетъ, стало, сколько же я получу чистаго барыша каждый годъ? Э! да я не потду въ деревню: меня цыплята обезпечивають! Помилуйте, да я человъкъ богатый-если куплю двъ машины! И я купилъ ихъ, право купиль, и повърите-ли, не разскаяваюсь-первый же мъсяцъ мнъ показалъ, что я

на широкой дорогѣ къ обогащенію; нѣмка мадамъ открыла мнѣ своего рода Калифорнію. Если кто-нибудь захочетъ, подобно мнѣ, сдѣлать наивърнѣйшую спекуляцію, не рискуя ничѣмъ, тотъ можетъ отправиться на Вознесенскій проспектъ, на углу Большой Морской, въ домѣ Калгина, въ № 22, и вѣрно скажетъ и себѣ и мнѣ спасибо.

Въ заключение изъ множества стихотворений, вызванныхъ настоящими обстоятельствами, сообщаемъ одно изъ Русскаго Инвалида, относящееся до бобмардирования Одессы, и особенно интересное по правдъ, въ немъ высказанной и по прекрасному изложению.

10-ГО АПРЪЛЯ 1854 ГОДА.

Словно туча изъ-за лъсу Навалились на Одессу Англичанинъ и французъ; Вишь у турокъ взголодались; Такъ до хлъбца добирались... Только что-то первый кусъ Не пришелся имъ на вкусъ. Для Христова Воскресенья Имъ такого угощенья У Одессы поднесли, Что кораблики иные Оть похмёлья, какъ шальные, Еле ноги уплели... Наскочили очень прытко, Да забыли, что попытка Въдь не шутка иногда, Не вините, господа, Что десертъ не очень сладокъ; На Руси такой порядокъ: Хочешь кущать, такъ изволь, Но гдв хльбъ, ужъ тамъ и соль! Въ этомъ мы не виноваты; Не взыщите, чъмъ богаты, Тъмъ и рады угощать. Просимъ впредки посъщать. Батарейки невелички И стръляли съ-непривычки; Но, кажись на первый разъ, Важно угостили васъ И употчивали сытно.... Знать бы очень любопытно: Что-то станутъ говорить; Какъ-то насъ благодарить

overen were cased Тамъ начнутъ за угощенье, И описывать сраженье? Ихъ журналы мастера Пули отливать съ пера! Вотъ, я думаю, разскажутъ, И распишуть и размажуть, Что они и то, и то, Мы же, Русскіе-ничто! Ужъ теперь они, съ досады, Чай разсказывать пошли: Что они у насъ пожгли Цълый городъ и посады И безъ счету корабли; Что людей всъхъ перебили, Пушки всв перетонили, Все до крошки истребили, И что только оттого и завистими И не взяли ничего. Впрочемъ, ежели-бы въ этомъ Довърять чужимъ газетамъ, Лыбомъ волосы встаютъ-Такъ они насъ сильно быотъ. У меня кума считала, Что по ихъ газетамъ, пало На Дунав, въ этогъ годъ, Русскихъ тысячъ восемьсотъ! Только какъ ни убиваютъ, А войска не убываютъ! Что за чудныя войска?... Ужъ журналы пишутъ, пишутъ, (Знать у нихъ рука легка,) Что разбиты, еле дышуть, Отступають и бъгуть.... Смотришь - анъ впередъ идутъ! Вотъ народъ заговореный! Ужъ не то, что ракъ вареный, Красный англійскій солдать, Что мечтаетъ лишь о грошахъ, На войну идетъ въ калошахъ, И тогда лишь только хвать, Если выспался онъ въ волю. Да повль въ извъстный часъ; А, безъ этого, такъ-пасъ! Проклинаетъ злую долю И готовъ задать стречка. Правда! въ полв, какъ попало, Можно-ль спать безъ одъяла

И ночнаго колцака, И почнаго колцака, И безъ пудинга быть сыту? Мудрено-ли тутъ быть биту? Нашимъ, въ полъ, все пустякъ; Есть что-съвсть; а ньть-и такъ Гдв попало легъ, свернулся; Сборъ ударятъ-всталъ, встряхнулся, Остнилъ себя крестомъ, И пошолъ пахать штыкомъ. Храбръ и сытый и голодный Воинъ Божій, благородный; Съ нимъ Господня благодать Нерушимо пребываетъ; Онъ въ бъдъ не унываетъ; За него, онъ это знаетъ, Молится Россія-мать; И отецъ его Державный, Царь Великій Православный Мыслью всюду съ нимъ идетъ И стопы его блюдетъ!

Теперь скажемъ еще несколько словъ о господствующихъ въ Петербургъ модахъ въ дамскихъ нарядахъ. Въ теченіе Светлой недели и на Ооминой мы подметили несколько прелестныхъ костюмовъ, на прогулкахъ по Невскому проспекту и въ Летнемъ саду, а также въ утреннихъ и вечернихъ концертахъ. Постараемся описать ихъ съ возможною точностью.

4-й нарядъ. Для прогулки и утренних визитовъ. Шляпка гроденаплевая съ мягкою тульею, переплетенная свитками изъ бархата или шелковой матеріи темнаго цвъта; маленькія поля подбиты мелкимъ кружевомъ или блондою, между которыми разсыпаны небольшіе цвъты. Подвязушки изъ широкой ленты съ полосками. Платье атласное, â la Musquetaire, съ выръзнымъ корсажемъ; юбка въ три волана; рукава немножко длиннъе локтя и къ низу широкіе. Передъ корсажа, рукава и воланы съ нашивками изъ лентъ бархатныхъ или шелковыхъ, только потемнъе платья. Муфта изъ боброваго котика.

2-й нарядъ. Для той-же цъли. Крошечная, голубая шляпка изъ гласе, вся перевитая съткою изъ атласныхъ руло, общитыхъ самою мелкою блондочкой; на боку страусовое перушко, подъ цвътъ. Подвязушки широкія, длинныя, изъ плотной шелковой ленты. Платье-капотъ изъ чернаго дама или тяжелаго моара. Корсажъ въ видъ кофточки съ

полосками. Все платье отдълано бархатными зубчатыми накладками, которыя по краямъ общиты лентою и узкимъ чернымъ кружевомъ. На каждомъ фестонъ по пуговкъ. Подрукавники глухіе, съ вышитыми отворотами. Часы съ цъпочкою и ключиками; часы скрыты, но цъпочка на виду. Благородный, скромный и вмъстъ роскошный костюмъ.

З-й нарядъ. Бальный и свадебный. На головъ, вмъсто убора, вънокъ, отъ котораго по объимъ сгоронамъ ниспадаютъ обильные грозды изъ цвътовъ. Платье изъ moire-antique; юбка чрезвычайно пышная: сверхъ нея, ниспадаетъ тюлевая тюника, съ серебряными звъздочками; она подобрана въ шести мъстахъ и въ каждомъ подборъ связана букетомъ розъ, съ длинными, висящими отъ него концами атласной ленты; корсажъ съ закругленнымъ мыскомъ напереди, драпированный наверху тремя широкими складками, съ бертою. И скадки и низъ корсажа обшиты тюлевыми оборками. На груди и на рукавчикахъ богатые букеты изъ розъ. Перчатки короткія, палевыя. Вмъсто всъхъ украшеній, простенькія золотыя браслетки. Особенно въ большой модъ гладкія браслетки съ эмалью, по которой видна надпись: Dieu te garde.

4-й нарядъ. Шляпка изъ узорчатой соломки и тюля. Вмъсто всъхъ украшеній черезъ всю тулью пущена широкая палевая лента, которая служитъ подвязушками; подъ полями маленькіе цвъточки.

-gorall an example ballotter of

Платье съ кофточкою изъ тяжелой шелковой матеріи или шерстяной ткани. Юбка въ три большіе волана, на каждомъ воланѣ разрѣзы, обшитые сборчатыми лентами или аграмантомъ. Полочки кофты и рукавчики не доходящіе до локтей, также съ разрѣзами, одинаково съ юбкою отдѣланными. Напереди кофты, сверху до пояса, бантики изъ лентъ. Подрукавники съ обшлагами, отогнутыми къ верху и богато отдѣланными кружевомъ. Это прелестный костюмъ для визитовъ, спектаклей и утреннихъ концертовъ.

5-й Дътскій нарядъ. Мантилья, обшитая лебяжьимъ пухомъ. Платье на ватъ, съ двумя воланами, вышитыми шелками; корсажъ гладкій, съ эполетками, также вышитыми. Шляпка бълая, атласная, съ перушкомъ. Подъ полями гирлянда изъ цвътовъ, согласныхъ съ цвътомъ платья. Панталончики открытые, съ англійскимъ шитьемъ. Ботиночки изъ той-же матеріи, какъ платье.

ном блондочкой; на болу страутовое перупик, поль лекта. Подинзушки широкію, даналіл, пек плотиой постологі допуса. Платье-вішоть отк. черного дака или темплаца докра. Порежителька пика, пофустави съ

новыя музыкальныя сочиненія

въ магазинъ

И. ПЕЦА, нынъ ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домп Лауфферта.

РУССКІЕ РОМАНСЫ И ПЪСНИ ДЛЯ ПЪНІЯ.

вулаховъ. Колыбельная песня. (60 к.)

веберъ. Застольная пъсня изъ оперы: «Волшебный стрълокъ». Что и жизнь намъ безъ вина. (40 к.)

глинка м. н. Не называй ея небесной. (1 р.) Только узналь я тебя. (50 к.) Побъдитель. Сто красавицъ свътлоокихъ. (60 к.) Пъсня Ильинишны. Ходитъ вътеръ у воротъ. (50 к.) Я здъсь Инизилья. (60 к.) Голось съ того света. (70 к.) Если встречусь съ тобой. (40 к.) Слышу ли голосъ твой. (60 к.) Сомнвніе. Уймитесь волненія страсти. (85 к.) Сомнъніе, для контральто. (85 к.) Когда въ часъ веселый откроешъ ты губки. (75 к.) Есть пустынный край. (60 к.) Въ крови горитъ огонь желанья. (50 к.) Сонъ рахили. Я видала его жениха моего. (60 к.) Не искуптай меня безъ нужды. (50 к.) Забудуль я! слова Голицына. (40 к.) Ночной смотръ, слова Жуковскаго. (1 р. 20 к.) Гдъ наша роза друзья мои. (40 к.) Ночной зефиръ струитъ эфиръ. (60 к.) Не щебечи соловейко. Малорос. пъсня. (40 к.) Скажи зачъмъ явилась ты. (50 к.) О память сердца ты сильнъй. (60 к.) Ахъ! ты ночь ли ночинька. (40 к.) Ночь осенняя любезная. (40 к) «Дѣдушка» Дѣвицы разъ мнѣ говорили. (40 к.) Ахъ! ты душечка красна-дъвица. (40 к.) Гуде витеръ вельмы въ полъ. Малороссійская пъсня. (40 к.) Прощаніе съ Петербургомъ. Романсы и пъсни слова Н. В. Кукольника: № 1. Кто она и гдѣ она. (60 к.) № 2. Съ горнихъ странъ палъ туманъ. (50 к.) № 3. Болеро. О дъва чудная моя! (85 к.) № 4. Каватина. Давно ли роскошно ты разцвѣла. (85 к.) № 5. Колыбельная пъсня. Спи, мой ангелъ, почивай. (85 к.) № 6. Попутная пъсня. Дымъ столбомъ кипитъ дымится пароходъ. (1 р. 40 к.) № 7. Фантазія. Стой мой бурный в'єрный конь. (1 р. 30 к.) № 8. Баркаролла. Уснули голубыя. (85 к.) № 9. Virtus Antiqua. Прости, корабль взмахнулъ крыломъ. (60 к.) № 40. Жаворонокъ. Между небомъ и землей. (85 к.) № 11. Къ молли. Не требуй пъсень отъ пъвца. (85 к.) № 12. Прощальная пъсня. Прощайте добрые друзья. (85 к.)

гурилевъ. Однозвучно гремитъ колокольчикъ. (60 к.) Нътъ, красавица напрасно. (60 к.) Мъсяцъ всталъ и озаряетъ. (60 к.) Долго ли же будещъ, сердце ты томится. (50 к.) Разскажи мнъ старичокъ. (40 к.)

ДЕРФЕЛЬДЪ Не говори, что я любимъ. (60 к.) Желаніе непробуднаго сна (50 к.) Мечты любви. (50 к.)

дюръ. Пъсня Вероники. «О милый другъ изъ за могилы. (55 к.)

МАРНОВЪ. Цыганская пѣсня. Вотъ на пути село большое! на два голоса. (40 к.) РОМБЕРГЪ. Когда бъ онъ былъ теперь со мной. (60 к.) Когда бъ онъ былъ теперь со мной, съ аккомпаниментомъ віолончели. (85 к.) Темнорусыя кудри милаго. (60 к.) Темнорусыя кудри милаго, съ акомпаниментомъ віолончели. (85 к.) Младые дни. (60 к.) Младые дни съ акомпаниментомъ віолончели. (85 к.) Дайте крылья мнъ перелетныя, съ аккомпаниментомъ віолончели (1 р. 50 к.)

титовъ Горныя вершины. (40 к.) Сосна. Уединенная сосна. (30 к.) Что ты

вътка бъдная. (30 к.)

ШАХТЪ. Люблю тебя. (40 к.)

шиловская. Зачёмъ твержу я стихъ унылый. (60 к.) Всё оныя романсы собственность Ф. Стелловскаго и продаются исключительно въ вышеозначенномъ магазинъ.

пьесы для фортепьяно въ двъ руки.

GORIA. Etude de Concert. Op. 7. Nouvelle édition (60 R.)

HENSELT. A. Romance et Etude Si oiseau j'etais (1 p.) Petite-Valse. Nouvelle édition. (50 κ.) Chant sans paroles. Op. 33. (60 κ.)

MOSCHELES. Etude célèbres. Знаменитыя двадцать четыре характеристическія этюды во всёхъ тонахъ, составленныя для изучающихъ основательно фортепьяно и служащія для развитія вкуса, съ объясненіемъ на русскомъ, французскомъ и нёмецкомъ языкахъ какъ именво должны оные этюды исполняться. Тетрадь 1-я (4 р.)

Въ этомъ же магазинъ получены новости изъ-за границы, какъ для пѣніятакъ и для всѣхъ инструментовъ въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинъ можно получать всъ музыкальныя сочиненія, гдъ и къмъ бы они ни были изданы, пли объявлены въ какомъ либо каталогъ на слъдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менъе, какъ на три руб. сер. получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менъе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тъ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болье, чъмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнъйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобръль довъріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болье семпдесяти лътъ. Также и на будущее время всъ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пънія, такъ и для всъхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичным струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьётаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

Parallella (1000) proposal a compressione estado por estado de est

Experience of the company will be distanted for all literation appropriation on a

(S) ICV ALTERNATION (SO IC)

Symmes replied the governor for the Pascings timb evaporers.

MOCKOBCKIH BECTHIKE.

more granted and an appropriate and any processors as a supplementary

one production of the contract of the contract

OBESON STREET, JOHN SOME STREET, MILESON

Московская весна — Комета и непріятности, которыя она причиняєть и вкоторымь — Гулянье на вербахъ и подъ Новинскимъ. — Цпркъ и новыя пьесы на нашемъ театръ, — Взглядъ на пропилое. — Рапель въ Москвъ. — Подарокъ, сдъланный ей М. С. Щепкинымъ. — Многочисленность ея портретовъ въ Москвъ. — Представленіе сценъ изъ пьесы «Праздинкъ въ Севастонолъ.» — Концертъ любителей въ пользу раненыхъ воиновъ въ залъ Благороднаго собранія. — Концерты : Чіарди, Кавалини, г-жи де-ла-Гранжъ, братьевъ Контскихъ, Пфлугаунта, Мортье де Фонтена, Сакса, концертъ въ пользу Инвалидовъ 19 марта. — Нервое празднованіе вшествія русскихъ войскъ въ Парижъ, — Ныпъпняя сороколътняя годовщина этого вступленія: число пынъшнихъ соратниковъ 12 года и стихи, сочиненные по этому случаю. — Бюстъ Н. А. Полеваго. — Картины Синопскаго сраженія, кавказскихъ подвиговъ и сраженія при Ольтеницъ. — Панорама Москвы — Утренній балъ и вечеръ съ сюрпризами.

Привимаюсь писать перечень нашихъ московскихъ новостей подъ вліяніемъ московской весны, которая, говорять, у вась, въ Петербургь, не смотря на его большую съверность, совсъмъ не похожа на нашу. У васъ, по разсказамъ, сухо и жарко; у насъ же грязно и холодновато. Хотя и были у насъ, правда, проблески камней на мостовыхъ и кареты, коляски и дрожки в застучали было по улицамъ московскимъ, но это былъ лишь только обманъ, «плющъ, играющій по развалинамь съдымъ.» Чрезъ итсколько дней это появление весны снова исчезло, и огромные хлопья ситту превратили вновь льтній путь въ зимній, такъ что у насъ существовала новая пятая стихія, найденная гдів-то не нынішнимь, разумівется, а первымъ Наполеономъ и пятое время года, которое не разберешь, какъ назвать: лътомъ ли, весною ли, осенью или зимой. Такіе быстрые переходы температуры отъ весны и поры зефира къ области съ бълыми власами Борея, московскіе старожилы принисывають появленію кометы, частью совершенно почти не жданной, довольно большой, видимой на съверо-западъ, съ блестящимъ хвостомъ и ядромъ, нъсколько изогнутымъ къ съверу между созвъздіемъ рыбъ Андромедою, и горизонтомъ на право отъ Овна. Ее можно было видъть по вечерамъ довольно ясно даже простыми, не вооруженными глазами. Прохожденіе этой кометы можно было только видіть въ девятомъ часу ночи, но не долгое время, и потомъ многимъ занятымъ въ это время какими нибудь дёлами, быть можетъ, и не разу не удалось видіть этого временнаго небеснаго явленія. Такъ какъ Москва всегда отличалась краснобайствомъ и безвредными шуточками, то разсказываютъ, будто одна какая-то провинціяльная дама, пріёхавшая полюбоваться всёми московскими новостями, очень оскорбилась, когда явлсь на университетскую обсерваторію, въ двінадцатомъ часу ночи, на покорную просьбу показать ей комету, одной, на просторів, нетолкаясь съ посторонними зрителями, получила отвіть, что кометы въ настоящую минуту видіть уже никакъ нельзя. Она отнесла все это къ нелюбезности московскихъ астрономовъ, и постоянно говорила, что въ Москві ніть ничего порядочнаго, и что въ ней нельзя видіть даже и кометы.

Что ни говорять про московское хльбосольство, повторяла она, а ему съ этихъ поръ я не върю. Какое тутъ радушіе и предупредительность, когда и простой какой нибудь кометишки, которую всякій въ обыкновенные часы можетъ сколько хочетъ смотръть, порядочному человъку не хотятъ показать особо. Еслибъ не привлекали меня дешевые товары, шелкъ, бархатъ и разные атласы, которые, ради Оомина понедъльника, купцы отдаютъ почти даромъ, минуты лишней нога бы моя не осталась. Только меня и удерживаетъ, что необходимость закунить наряды для праздниковъ.

И въ самомъ деле, уже съ пятой недели поста въ Москвъ стало замътно наступление праздниковъ; газеты стали наполняться объявленіями о новыхъ товарахъ, а на окнахъ модныхъ магазиновъ Кузнецкаго моста съ каждымъ днемъ вывѣшивалось все болѣе нарядовъ, шлянокъ, бурнусовъ и прочаго, раскупаемыхъ на расхватъ. Въ пятницу на шестой недвав появились на нашихъ улицахъ разнощики съ раскрашенными вербами и дъланными цвътами. Наступила наконецъ и Лазарева суббота, а съ нею вивств и старинное гулянье на вербахъ, на Красной площади, гдъ красуется памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому, святое воспоминаніе, что Русь не боится никакихъ нашествій. Прекрасная погода, бывшая ныпъшній годъ въ Лазареву субботу, не смотря на грязь, покрывавшую всѣ улицы, обратила гулянье на вербы въ гулянье самое многолюдное, а потому продажа вербъ, цвътовъ, игрушекъ и другихъ товаровъ, которыми торгуютъ по воскресеньямъ у Сухаревой башни, происходило на Красной площади въ большихъ размерахъ. Утромъ на гулянье было и много пъщеходовъ, и много экипажей съ дътьми. Послъ объда публики было еще болье, особливо пъшеходовъ изъ класса рядской или если хотите городской (по Петербургскому гостинодворской) молодежи; въ этотъ день на ихъ улицъ былъ настоящій праздникъ, особливо подлъ торговыхъ рядовъ московскихъ лавокъ.

Страстная недъля, по обыкновенію прошла въ Москвъ въ молитвахъ и приготовленіяхъ къ Свътлому празднику. Одни хлопотали, чтобъ доставить удовольствіе себъ, другіе своему семейству, и потому покупокъ, которыя сдъланы у насъ въ послъдніе дни передъ праздникомъ, нельзя даже исчислить. Наконецъ наступило гулянье подъ Новинскимъ. и въ этотъ разъ мы видъли разнообразныя представленія труппы Легата, такъ знакомаго петербургскимъ жителямъ. Легатъ до пынъшняго года не былъ еще извъстенъ намъ. До сихъ поръ онъ давалъ представленія свои въ одномъ Петербургъ, и теперь только въ первый разъ является въ Москвъ. Знакомство свое съ Москвичами онъ началъ самымъ блестящимъ образомъ. «Не щадя трудовъ и издержекъ», г. Легатъ сдълалъ для московскихъ представленій своихъ новыя декораціи и костюмы. Въ числъ разнообразныхъ, занимательныхъ представленій его, москвичи видели две движущіяся картины: Синопское сраженіе и Слава Россіи, или возвращеніе Русскаго флота въ Севастополь. Пальба изъ пушекъ, канонада, горящіе турецкіе корабли и наконецъ пожаръ крвпости, - все это доставляло зрителямъ большое наслажденіе, представляя имъ, какъ бы въ живой картинъ, современный подвигь русскаго флота.

Циркъ, дававшій въ продолженіе поста постоянно свои представленія, все болье и болье заслуживаетъ любовь московской публики, какъ составомъ своихъ представленій, такъ и прекраснымъ ихъ исполненіемъ. Въ среду, на Святой, былъ бенефисъ г. Карона.

Стоитъ разъ только побывать въ Циркъ, чтобъ отдать справедливость искусству г. Карона. Лошади, вытаженныя имъ — верхъ совершенства и дълаютъ вещи изумительныя. Біутти, Ивануе, Абигаель и др. его четвероногія ученицы уже пріобръли себъ громкое имя у циркистовъ; имъ апплодировали, ихъ вызывали, и онт выходили и раскланивались предъ публикой, какъ настоящіе артисты. А самаго Карона, при каждомъ ноявленіи, всегда встръчаютъ самыя громкія рукоплесканія. Вст лучшіе артисты цирка приняли участіе въ бенефисъ Карона; между прекрасно-дрессированными Карономъ лошадьми явилась новая, называемая Замори, завода Д. П. Воейкова, между натадницами семильтняя дъвочка, ученица Карона, московская урожденка, Александрина Женеровская.

Заговоривъ о циркъ, кстати можно замътить, что искусство вер-

ховой взды становится въ настоящее время не на шутку необходимою принадлежностью воспитанія и почти необходимостью въ общежитіи. Нынашней зимою безчисленное множество амазонокъ вздило въ манежъ Фрейтага, гдъ часто играетъ музыка и гдъ можно найти хорошо вывзженныхъ лошадей. Наступитъ льто, и многочисленныя кавалькады понесутся по московскимъ окрестностямъ. Впрочемъ, верховая взда, разумъется, не въ излишкъ, полезна для здоровья, и болъе или менъе можетъ восполнить недостатокъ гимнастическихъ упражненій, ощущаемый въ нашемъ воспитаніи, въ которомъ такъ много заботятся о развитіи внутреннихъ, душевныхъ силъ человъка, и такъ мало о развитіи внъшнихъ, тълесныхъ силъ, которому такое большое значеніе придавали древніе, оставя въ урокъ намъ выраженіе «meus sana in corpore sano, т. е. здравый умъ въ здравомъ тълъ.

Театръ, закрытый въ продолжение восьми недъль, по открыти своемъ, готовилъ не мало замъчательныхъ новостей. Кромъ нъсколькихъ бенефисовъ, изъ которыхъ каждый представлялъ не по одной новинкъ (на одномъ изъ бенефисовъ мы видъли новую драму Кукольника «Маркитантка») заботливая дирекція готовитъ еще четыре новыя пьесы: «Морской праздинкъ въ Севастополъ», драму Н. В. Кукольника, «Людской судъ не Божій», драму изъ крестьянскаго быта г. Потъхина, «Воскресное дитя, или мечта и дъйствительность», драму Великопольскаго и «Демонъ» (Satan ou le diable a Paris)», большой водевиль, пер. съ французскаго Латашинскимъ.

Но чтобъ дать подробный отчетъ, какъ мы проводили цълую зиму, необходимо вернуться немного назадъ.

Начнемъ извъстія съ Рашели.

Въ пятницу на масляницѣ, 47 февгаля, Рашель посѣтила Русскій спектакль. Давали «Горе отъ ума», пьесу, которой прекрасная обстановка составляетъ украшеніе московскаго театра. Рашель сдержала слово, данное Щепкину въ Парижѣ, пріѣхать посмотрѣть игру его, и увидѣла его въ роли прекрасно постигнутой имъ, «Фамусова», постоянно и восторженно аплодировала ему, въ продолженіе комедіи, очень хвалила игру русскихъ актеровъ. Она была поражена простотою и естественностью ихъ игры и сказала, что, смотря на нее, думала будто присутствуетъ не въ пьесѣ, разыгрываемой на сценѣ, а при событіи, совершающемся въ самой жизни. Жаль, что она сама не съ той же точки смотритъ на сцену и на искусство. Хотя слова знамечитой французской актрисы и отзываются нѣсколько комплиментомъ, но въ нихъ много и весьма много правды. Русское искусство стремится къ высокой цѣли—достигнуть про-

стоты и естественности, и въ достижении этой цели, актеры московскаго театра достойны похвалы, вполне заслуженной.

Но все свое уважение къ таланту знаменитаго ветерана нашей сцены, Рашель публично выразила въ субботу, 20 февраля, когда на бенефисъ Рафаэля Феликса, вызываемая публикою, за прекрасно исполняемую ею роль Камиллы въ «Гораціи» она явилась, ведя съ собою М. С. Щепкина.

Зала потряслась отъ рукоплесканій, увидъвъ двъ эти знаменитости, шедшія рука въ руку, съ искреннимъ сердечнымъ убъжденіемъ въ несомнънныхъ и оцъненныхъ всъми ихъ обоюдныхъ артистическихъ заслугахъ.

Въ воскресенье, 21 февраля, былъ прощальный спектакль г-жи Рашель. Опа играла Андромаху, и была вызывана 22 раза, кромъ этого ей подпесли богатый кубокъ; не говоря уже о множествъ букетовъ, брошенныхъ на сцену изъ ложъ и партера. Но этимъ не ограничились ея поклонцики, она получила въ Москвъ еще иъсколько дорогихъ подарковъ.

Вечеромъ того-же 21 же февраля, Рашель дала прощальный вечеръ, въ залѣ Благороднаго Собранія, на которомъ прочла сцены изъ «Госоліи» и «Эссири» Вотъ, что называется: куй желѣзо, пока горячо. Рашель оставила Москву 25 февраля, и какъ у насъ слышно, выъхала въ Варшаву, откуда отправляется въ Берлинъ.

Во многихъ иностранныхъ и нашихъ газетахъ было говорено о свиданіи Щепкина съ Рашелью въ Парижъ и о подаркъ, который она ему сдълала, вручивъ искусно переписанную трагедію «Эсопрь,» съ собственноручною, не очень ясною надписью.

Русскій артистъ въ свою очередь не захотълъ остаться въ долгу, и, въ бытность Рашели въ Москвъ, подарилъ ей прекрасную рукопись «Скупаго рыцаря» Пушкина, съ двумя рисунками, сдъланными молодымъ талантливымъ художникомъ Соколовымъ; они представляютъ двъ сцены изъ этой траги-комедіи: Барона въ его върномъ подвалъ, и вызовъ отцемъ сына на поединокъ. Кромъ того, при рукописи находились два портрета: Пушкина и Щепкина (по желанію Рашели имъть его портретъ) два московскіе вида, снятые фотографіею и прекрасные французскіе стихи.

Денной балъ Благороднаго собранія, въ субботу, на масляницѣ, былъ очень великольненъ, многолюденъ и оживленъ. Кадриль-монстръ впервые исполненная въ нашемъ собраніи 6 декабря, танцовалась и на этомъ балѣ съ большимъ успѣхомъ. Между посътителями Собранія на короткое время показалась и г-жа Рашель. Не смотря на то что мы давно уже простились съ этою артисткою, слъды ея пребыванія между

тыть еще такъ живы, что куда ни взглянешь, все пробуждаеть объ ней воспоминаніе. Пройдитесь по Кузнецкому мосту, по Петровкъ, зайдите въ любой книжный или эстаминый магазинъ, вы всюду встратите ея портреты во всёхъ возможныхъ форматахъ и позахъ, всёхъ возможныхъ ценъ. Между этими портретами впрочемъ есть некоторые, не имъющіе ни мальйшаго сходства съ оргиналомъ. Однажды мы сделали это замъчание книгопродавцу, у котораго смотръли одинъ изъ подобныхъ портретовъ; но онъ намъ весьма остроумно замътилъ, это несходство зависить отъ необыкновеннаго искусства Рашели мънять свою физіономію; ея черты такъ неуловимы и подвижны, что она часто бываетъ не похожа сама на себя. Въроятно, въ одну изъ такихъ минутъ, прибавилъ онъ, снятъ и этотъ портретъ, въ которомъ ненаходятъ сходства. Этой способности Рашели мънять свою физіономію еще болъе должно удивляться, разсматривая ея портреты, которыми украшены конфектныя коробочки кандитеромъ Робана, Люке, Трамбле или Педотти. Множество головокъ, не имъющихъ ни мальйшаго сходства между собою, а между тъмъ по надписи видишь, что это все одна и таже Рашель; и если, чтобъ не повредить издателямъ всёхъ этихъ портретовъ, нельзя сказать, что они не похожи на Рашель, за то смъло можно сказать, что и Рашель не похожа на эти портреты, а въдь это ужъ вина Рашели, а не портретовъ.

Въ продолжение театральнаго зимняго сезона давали у насъ на сценъ двъ лучшія картины изъ драмы Н. В. Кукольника. «Морской праздникъ въ Севастополъ» а именно: Синопскій бой и возвратъ въ Севастополь побъдоноснаго корабля В. Кн. Константинъ. Драма Кукольника, для которой темою послужило блистательное Синопское дъло, по своему содержанію близка и отрадна сердцу Русскаго. Каждое слово пьесы, имъвшее отношеніе къ подвигамъ нашихъ войскъ, къ Россіи и русскимъ, находило отголосокъ въ залъ, и вызывало восторженныя рукоплесканія.

Почти вслёдь за Праздникомъ въ Севастополъ, въ залъ Благороднаго собранія происходиль другой праздникъ, достойный патріотизма московскихъ жителей: то быль большой вокальный и инструментальный концертъ, данный опытными московскими любителями музыки въ пользу раненыхъ воиновъ. Никто не ошибался, предполагая навърное, что на этотъ концертъ, даваемый съ такою высокою цълью, стечется множество московской публики, которая такъ умъетъ сочувствовать полвигамъ нашихъ храбрыхъ войскъ. Не стану говорить объ огромной, блистательной программъ этого концерта, скажу только, что лучшимъ украшеніемъ этого концерта, по мизнію большинства, былъ гимнъ, «Гласъ соотчичей къ побъдоносному русскому воинству». Слова Е. И. Классена, музыка В. И. Радивилова.

Съ наступленіемъ великаго поста, въ Москвт началась концертная пора, а съ нею витетт и непрерывный рядъ концертовъ, большихъ и малыхъ, вокальныхъ и иструментальныхъ, извъстныхъ, неизвъстныхъ, и знаменитыхъ артистовъ и артистокъ еще не знаменитыхъ, но надъющихся сдълаться со временемъ такими. Принимаясь за перечень концертовъ, я долженъ замътить, что буду высказывать объ исполнении ихъ только то мнъніе, которое они пріобръли въ Москвт, можетъ быть, и не много не сходное съ вашимъ петербургскимъ музыкальнымъ мнтніемъ и оцтикою. Нынтшній сезонъ нашихъ московскихъ концертовъ представлялъ впрочемъ очень много замъчательнаго. Онъ начался утреннимъ концертомъ г. Чіарди, въ залъ Благороднаго собранія.

Въ этомъ первомъ концертъ своемъ, г Чіарди исполнилъ фантазію на мотивы изъ оперы Линда де-Шамуни Un Soupir à la mémoire de Bellini, элегію, посвященную г-жъ Рашель и Венеціянскій карнавалъ. Кромъ того, въ этомъ концертъ извъстный уже московской публикъ и любимецъ ея, даровитый піанистъ г. Рубинштейнъ исполнилъ соло на фортеціано, г. Герберъ на скрипкъ фантазію Вьетана, молодая пъвица нашего театра, г жа Легошина, пропъла романсъ Гурилева и еще съ г. Климовскимъ дуэтъ Soirées Musicales (Mira la bianca luna).

Почти вслъдъ за этимъ концертомъ давалъ концертъ свой г. Кавалини, прітхавшій едва-ли въ Москву не въ одно время съ г. Чіарди. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изъ этихъ концертовъ зала была полна. Но изъ встхъ художественныхъ наслажденій, которыми такъ обиленъ былъ вашъ Петербургъ въ минувній нынъшній зимній сезонъ, у насъ по-крайней-мъръ одними изъ дучшихъ своихъ минутъ онъ обязанъ былъ чудному, обаятельному таланту италіянской примадонны—де-ла-Гранжъ. Не знаю каково у васъ, въ Петербургъ, общее о ней мнъніе, но мы, москвичи, почитаемъ ее одною изъ тъхъ феноменальныхъ пъвицъ, которыя по объему и обработкъ голоса появляются одинъ или два раза въ продолженіе цълаго стольтія.

Первый концертъ г-жи де ла-Гранжъ былъ данъ въ залъ Благороднаго собранія, въ немъ она исполнила всъ лучшія свои аріи, отъ которыхъ, по слухамъ, приходилъ въ восторгъ весь Петербургъ. Она исполнила въ 1-мъ отдъленіи: Una voce росо fa. Россини, романсъ Дездемоны изъ «Отелло», арію изъ Вену — Донизетти, Полаку — изъ «Пуританъ»; венгерскія пъсни, сочиненныя для нея Эркелемъ, и наконецъ знаменитый вальсъ собственнаго ея сочиненія.

Сколько наслажденія было у насъ въ одинъ вечеръ! Но этимъ концертный репертуаръ знаменитой артистки далеко не былъ истощенъ, и въ другомъ ея концертъ московская публика испытала новое наслажденіе, и во всякомъ изъ концертовъ этой пѣвицы было столько публики, что рѣшительно нѣкоторымъ приходилось страдать отъ тѣсноты.

Вследъ за г-жею де-ла-Гранжъ, Аполинарій Контскій далъ у насъ въ Москве также несколько концертовъ. Не смотря на то, что въ Москве у насъ разнеслись слухи, что миеніе о музыкальной геніяльности г. Контскаго немного упало, и число восторженныхъ поклонии-ковъ со дня на день уменьшается и редетъ, онъ встреченъ былъ нашею публикою съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ она принимаетъ всехъ артистовъ, прибывшихъ изъ-за границы или изъ Петербурга.

Во второй концертъ Аполинарія Консткаго, московская публика въ первый разъ слышала игру его брата, пьяниста, Антона Контскаго. Трудно представить себъ, что дълаетъ этотъ виртуозъ на фортепьяно. Опъ вполнъ оправдываетъ похвалы, съ которыми отзывались объ немъ петербургскія газеты и ту славу, которую онъ пріобръль въ Европъ. -- Уноминая объ этихъ концертахъ, нельзя не упомянуть о молодомъ, талантливомъ пьянистъ г. Пфлуггаунтъ. П. Пфлуггаунтъ еще мало извъстенъ московской публикт; но заграничные журналы отзываются объ немъ съ большою похвалою; впрочемъ Москва разъ уже имъла случай слышать его замъчательною игру: это было въ Благородномъ собраніи, 11-го января, на другой день послѣ бала, даннаго въ пользу дътскихъ пріютовъ. Мы помнимъ, какъ въ этотъ день, не смотря на развлекавшій вниманіе публики розыгрышъ лоттерен, многочисленные слушатели, въ которыхъ, при первыхъ аккордахъ артиста, чувство эстетического наслажданія взяло верхъ надъ матеріяльнымъ интересомъ, всв перестали следить за движеніемъ роковаго колеса, и спішили въ главную залу слушать прекрасное исполнение. Въ концертахъ участвовали нашъ даровитый скрипачъ Герберъ и оригинальный по своему бъдному инструменту артистъ Соколовскій, въ рукахъ котораго гитара, этотъ неблагодарный инструментъ, уже не разъ заставляла восхищаться любителей музыки. Тоже усившенъ быль, концертъ четы г. и г-жи Мортье-де-Фонтенъ. Вообще всемъ артистамъ, дававшимъ въ Москве концерты, нельзя жаловаться на равнодушіе къ нимъ публики. Въ каждомъ концертъ залы были почти полны, а у г-жи де-ла-Гранжъ не гдъ было, какъ говорится, упасть даже яблоку. Это, въроятно, происходило потому, что кромъ г-жи де-ла-Гранжъ, назначившей довольно высокія цены билетамъ, все остальные артисты, къ видимой для себя пользе, вышли въ нынешнемъ году изъ прежней трехъ-рублевой нормы, сбавивъ входъ въ залу на два рубля. Для успокоенія техъ, которые цънатъ артиета по платъ за входъ и думаютъ, что только тотъ артистъ можеть считаться дъйствительнымъ артистомъ, который не береть менъе трехъ рублей серебромъ, были отдълены первые ряды креселъ, нумерованные, въ три рубля. Такимъ образомъ и большинство публики, и самые артисты много выиграли отъ этой благоразумной мъры. Благой примъръ первыхъ артистовъ оказалъ еще болъе благопріятное вліяніе на артистовъ домерощеныхъ, которые, въ прежніе годы, увлекаясь общимъ требованіемъ, также назначали свои билеты въ три рубля и кончали тъмъ, что раздавали ихъ даромъ. Въ нынъшнемъ году и эти артисты свободно могли сбавить цъны и слъдовательно получить болъе выгоды.

Изъ второстепенныхъ концертовъ, имъвшихъ порядочный успъхъ, можно упомянуть о концертъ г. Сакса, данномъ 21 марта, въ которомъ этотъ даровитый и извъстный Москвъ музыкантъ и композиторъ, исполнилъ съ своимъ оркестромъ увертюру изъ оперы «Фаустъ», Линдпентнера, финалъ изъ оперы «Гвельфы и Гибелины,» Мейербера, увертюру «Неbriden,» Мендельсона-Бартольди, и «Эпизодъ изъ жизни воина,» большую музыкальную фантазію. Изъ постороннихъ участниковъ, кромъ самихъ членовъ концерта г. Сакса, участвовалъ одинъ г. Рубинштейнъ.

Постоянный концерть въ пользу инвалидовъ, данный 19 марта, также не уступиль предъидущимъ, и въ немъ особенное впечатлъніе на
слушателей произвель маршъ, сорокъ лътъ тому назадъ гремъвшій въ
стънахъ Парижа. Этотъ маршъ былъ повторенъ нъсколько разъ, также
какъ и народный нашъ гимнъ, кончившійся громкимъ «ура!» Въ этомъ
концертъ приняли участіе гг. Чіарди и Контскіе, исполнившіе по одной
пьесъ сверхъ назначенныхъ въ программъ. Въ этотъ же день градоначальникъ Москвы, графъ А. А. Закревскій, великольпнымъ объдомъ
праздновалъ сорокольтіе вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. Такое же празднество было и за сорокъ лътъ предъ этимъ, и потому
считаю не лишнимъ сообщить читателямъ «Нантеона» описаніе перваго торжества, бывшаго въ Москвъ по полученіи извъстія о вступленіи
побъдоносной нашей арміи въ стъны покореннаго Парижа, напечатанное
въ то время въ Московскихъ въдомостяхъ 1814 года.

«Въ слъдствіе назначеннаго въ Москвъ четырехъ-дневнаго празднества по случаю полученнаго радостнаго извъстія, съ прибывшимъ сюда, по Высочайшему повельнію, изъ Петербурга, г-мъ полковникомъ графомъ Васильевымъ, о побъдъ, одержанной подъ Парижемъ и о занятіи оной столицы, начато оно съ 23-го числа сего мъсяца, въ день Св. Великомученика Георгія Побъдоносца, поборника мужественныхъ и благочестивыхъ воиновъ. Послъ благодарственнаго Господу Богу молебствія и объденнаго стола у господина главнокомандующаго, весь городъ по вечеру былъ освъщенъ, а у дома его сіятельства графа О. В. Ростопчина, на Лубянкъ, горъла прозрачная картина съ слъдующими изобра-

женіями: въ срединъ древняя столица христіаннъйшихъ королей французскихъ, стонавшая болъе двадцати лътъ подъ игомъ пагубной революціи, съ величественною ръкою Сеной, надъ нею мость, извъстный подъ названіемъ Новаго моста, и при вътздт на него колоссальная статуя на конъ любимаго короля французовъ Генриха IV; по объимъ сторонамъ ръки набережныя, по коимъ прогуливались воины торжествующей Россіи, вшедшіе въ городъ, послѣ кровопролитнаго сраженія, безъ мести и безъ корыстолюбія — пороковъ, чуждыхъ воинству Великаго Монарха. Надъ городомъ сінло въ лучахъ вензеловое Имя Государя Императора, съ надписью внизу опаго: Оружіемо и великодушіемо взять Парижь 1814 года, марта 19 дия. Ввверху двуглавый орель, гербъ могущественной Россіи. По одну сторону Европа, въ видъ страдавшей женщины, съ коей спали обременявшія ее нісколько літь оковы; она держала лучезарное вензеловое имя своего избавителя, Августвишаго нашего Монарха, съ надинсью: Имо освобождена. Въ нъкоторомъ разстояни отъ сего, подъ горящимъ въ лучахъ вензеловымъ Именемъ Его Императорскаго Величества, видънъ былъ колоссъ, упадающій въ бездны моря, съ надписью въ четырехъ строкахъ: Наполеоно было и всяко его страшился, Александръ явился-и Наполеонъ не бъ. По другую сторону Парижа, въ видъ молодой и прекрасной женщины, благополучная Россія въ лавровомъ вънкъ; она сидъла на побъдоносныхъ трофеяхъ и въ нъжномъ умиленіи, съ сердечною благодарностью, насыщалась зрвніемъ на лучезарное вензеловое Имя Отца Отечества, внизу надпись: Спасена, прославлена, счастлива. Далъе изображенъ былъ воинъ, въ полномъ вооружении, съ переломленнымъ мечемъ и съ надписью: Бонапарте; потомъ валяющійся по землів маленькій трупъ, пожираемый хищными птицами, съ надписью: Наполеонъ. Впереди надъ воротами шаръ земной, поддерживаемый двумя ратниками; надъ нимъ сіяло въ лучахъ вензловое имя громкаго въ войнъ и въ милосердін Государя съ краткою, сильною и справедливою надписью: Міру миръ. Вст вензеловыя имена Великаго Монарха изображены были въ видт пирамиды, означающей твердость и непоколебимость, въ срединъ оной кресть, священный знакъ неизреченной благости и чудесъ Господнихъ, исполнившихся въ сіе блистательное время для Россіи. По близости картины гремела духовая музыка и раздавались громкіе голоса песенниковъ, повторявшихъ нарочно сочиненные стихи г. Сушкова на занятіе Парижа. Сверхъ того, болье нежели у двухъ сотъ казенныхъ зданій и домовъ частныхъ людей возвышались прозрачные щиты и картины, и на всъхъ изображено было или лучезарное вензеловое имя Государя Императора, или Храмъ Безсмертія, въ коемъ воздвигнуть быль бюсть

Его Императорскаго Величества съ приличными простыми и красноръчивыми надписями. Казалось, что всв души жителей первопрестольнаго града слились въ одну, пылающую чувствомъ радости и благодарности къ Творцу ихъ благоденствін. — 24 числа, отъ дома благороднаго собранія данъ былъ великоленный балъ, какъ для членовъ онаго, такъ для дворянскаго и купеческаго сословій. Блистательное освъщеніе дома, огромная музыка. гремъвшая въ честь всероссійскаго торжества и многочисленное собраніе родителей и ближнихъ родственниковъ героевъ, прославившихся на берегахъ Сены храбростью и великодушіемъ, добродътелями, насажденными въ нихъ Великимъ Монархомъ, составило балъ сей знаменитымъ. По окончаніи посттители угощены были ужиномъ и пили за здравіе Его Императорскаго Величества при звукъ трубъ и литавръ. Въ тотъ же день, астраханскіе и казанскіе татары давали об'єденный столь на 500 человъкъ своихъ земляковъ. Потомки Золотой Орды, благоденствующіе близъ трехъ въковъ, подъ державою Россійскихъ Государей, желали также участвовать въ общей радости всехъ языковъ и вероисповеданій. 25 числа, въ 11 часовъ по утру, Императорскій Московскій Университетъ имълъ торжественное собраніе, и въ присутствіи духовныхъ и знатныхъ особъ читаны были ръчь и ода на случай знаменитаго происшествія, при пініи приличныхъ сему куплетовъ; а по вечеру отъ купеческаго сословія данъ быль маскерадь на двіз тысячи человікь, въ которомъ всв молодыя женщины и дввицы, отличающіяся знатностью, рожденіемъ и красотою, были въ богатыхъ сарафанахъ, народной одеждъ счатливой Россіи. Угощеніе было самое роскошное, веселье праздника необыкновенное. 26-го числа, генералъ-майоръ и кавалеръ Позняковъ далъ прекраситиший маскерадъ на тысячу человъкъ, и въ ономъ благородныя россіянки, краса и слава обширной Имперіи, отвергнувъ свойственное ихъ полу стремление къ изобрътению новыхъ перемънъ въ нарядахъ, явились въ богатыхъ сарафанахъ съ блестящими повязками. Онъ, гордясь безсмертными подвигами царствующаго надъ ними Самодержца, гордились народною одеждою. Во вст сін четыре дня неумолкно продолжался колокольный звоиъ, во всв сін четыре дня зажжены были иллюминаціи и весь городъ великольшно освъщень. Събодъ кареть и стеченіе народа, какъ въ собраніяхъ, такъ и при излюминаціяхъ, было столь многочисленно, что одна только неутомимая дъятельность полиціи могла сохранить вездъ должный порядокъ и устройство. Въ слъдующее воскресенье, 3-го мая, назначено совершить десять бракосочетаній изъ недостаточныхъ семействъ купеческихъ и мъщанскихъ; и невъстамъ отъ купеческаго сословія положено дать по 300 руб. каждой, на домашнее обзаведеніе, и вст сіи новобрачные съ ближними ихъ родственниками угощены были

въ домъ господина главнокомандующаго объденнымъ столомъ. - Присланному г. полковнику графу Васильеву подарены, при отъйзде его изъ Москвы, отъ дворянскаго сословія чрезъ губерискаго предводителя: золотая табакерка съ брилліантами въ 3 тысячи руб., отъ господина главнокомандующаго деревянная табакерка съ брилліантовымъ медаліономъ въ 5 тысячъ руб., на живописи изображено въ голубомъ полъ, съ лазурью, вензеловое имя Спасителя Европы пирамидою и съ крестомъ, подъ онымъ въ сіяніи 4814 годъ, а въ низу низверженное вензеловое имя Наполеона, въ видъ изгибающейся змъп, утопающее въ кровавой ръкъ, и отъ купечества на серебряномъ блюдъ 500 червонцевъ. Въ оные же дни представлено къ его сіятельству господину главнокомандующему для раненыхъ воиновъ въ знаменитомъ парижскомъ сраженіи: отъ нъжинскаго грека Прихова 5 тысячъ рубл., отъ капитана Дмитріева, во время деннаго въ дом'в его концерта, въ ту минуту какъ получено было извъстіе о задержанін Наполеона, въ минуту перваго радостнаго движенія, собранные бывшими у него посътителями 2,450 руб., отъ нъжинскихъ грековъ, временно въ Москвъ пребывание имъющихъ, 53 человъкъ, 6530 р.б., отъ членовъ преображенской богадъльни 500 червонцевъ. Всего же до 20 тысячъ рублей, что все, бывъ обращено въ червонцы, препровождено къ его сіятельству господину фельдмаршалу графу Барклаю де Толли, съ прошеніемъ одблить оными вояновъ, раненыхъ подъ ствиами столицы Франціи.»

Въ нынъшнемъ году, еще торжественнъе чъмъ когда либо, праздноваль эту годовщину нашей народной славы градоначальникъ первопрестольной столицы графъ А. А. Закревскій, со встии сослуживцами и соратаями отечественной войны 1812 года. 19 марта 1854 года, настало сорокольтіе и тому великому дню, когда Всероссійскій двуглавый орелъ нарилъ надъ Монмартромъ; когда знамена св. Георгія Побъдоносца шествовали за Миротворцемъ Европы, вступившимъ побъдно и торжественно въ распахнувшіяся предъ нимъ врата Парижа; когда отъ свътлаго лика Императора Александра сіяла, на проносящихся громовыхъ тучахъ, радуга—завътъ даруемаго мира.

Въ Богъ была помощь, въ Богъ и слава русскаго оружія. Торжествуя блистательные его подвиги, графъ А. А. Закревскій пригласиль къ себъ на трапезу воспоминанія—всткъ сослуживцевъ, отъ высшаго до низшаго чина, которыхъ грудь, какъ и у него, украшена серебрянымъ знакомъ на голубой и георгіевской лентъ съ надписью: «за взатіе Парижа, 19 марта 1814 года».

Много ли осталось свидътелей—участниковъ этого благотворнаго для всей Европы событія? — Благодаря Бога за долгій въкъ и кръпость

русскихъ силъ—много; много еще ихъ и въ Москвъ, опалившей крылья одноглавому орлу гальскихъ легіоновъ, который занесся въ область двуглаваго, трехкороннаго, скинтро-державнаго орла съ георгіевскимъ щитомъ на груди.

На пространствъ 2500 верстъ, побъдоносная русская рать притоптала кости этой *великой арміи*. Прошло сорокъ лътъ, но многіе еще соратники славныхъ дней стоятъ подъ тъми же георгіевскими знаменами, которыя развъвались на стънахъ Парижа.

По приглашенію графа А. А. Закревскаго, воины 1812 года, послѣ благодарственнаго молебствія, собирались 11 октября, въ домѣ его праздновать сороколѣтнюю годовщину освобожденія древней столицы Россіи отъ враговъ. Въ текущемъ году, 19 марта, наступившее сороколѣтіе покоренію столицы Франціи побѣдоносному оружію русскаго Царя, обновило въ памяти москвичей это великое событіе, ознаменованное торжествомъ христіанской вѣры и любви надъ нечестіемъ и злобою.

Наполеонъ, внеся въ древнюю столицу Россіи пламенникъ пожаровъ, насиліе, грабительство и святотатство, не встрътилъ на опустълыхъ ея стогнахъ того раболъпства, какое онъ привыкъ встръчать въ столицахъ западной Европы, преданныхъ въ его руки счастіемъ оружія; но въ пылавшей Москвъ онъ увидълъ начало, а не желанный имъ конецъ войны, увилълъ жертву, принесенную за отечество. Угрожаемый со всъхъ сторонъ огнемъ и дымомъ, онъ бъжалъ изъ нъдръ русскаго міра, и въ ожесточеніи своемъ тщетно покушался истребить въ Москвъ все, что свято и драгоцънно для русскаго, что связуетъ ее съ цълою Россіею искреннымъ, завътнымъ, неразрывнымъ союзомъ. Промыслъ соблюлъ среди огня и разрушенія святыню народа русскаго: мощи святителей московскихъ и гробы вънценосцевъ.

Но отъ Поклонной горы и отъ разграбленной и оскверненной врагами Москвы въ 1812 году перепесемся мыслію къ высотачь Монтмартра и на улицы самаго Парижа въ 1814 году. На цвътоносной недълъ, когда Спаситель міра шествовалъ въ Іерусалимъ «кротокъ и спасаяй» и когда восхищенный народъ встръчалъ его восклицаніемъ: «Благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ», на той же седмицъ въ среду, марта 19, русскій Царь, Помазанникъ Божій, подражавшій кротости и милосерлію Искупителя міра, вступаетъ въ покоренную оружію его столицу Франціи, не какъ мститель и завоеватель, но какъ мпротворецъ и спаситель; онъ въ нее внесетъ миръ не одной Франціи, но и всей Европъ, и воздвигнетъ на мъстъ эшафота, обагреннаго невинною кровію Лудовика XVI, алтарь Воскресшему Спасителю, чтобъ тамъ праздновать Свътлый день Пасхи прощеніемъ и милосер-

діемъ. Александра окружаютъ державцы Европы, недавно бывшіе его врагами, а теперь его союзники и сподвижники. Нъмое недоумъніе еще оковывало толны народа, наполнявшія не только улицы, во и кровли, и окна домовъ; они не знали, что ихъ ожидаетъ. Но какъ скоро донеслись до нихъ слова благословеннаго Царя: «Я вступаю къ вамъ не врагомъ, а возвращаю вамъ миръ и торговлю» — тысячи тысячъ голосовъ раздались: «Ла здравствуетъ Александръ! Царствуй надъ нами, или дай намъ Государя, на тебя похожаго!» Весь многолюдивний городъ ожилъ радостью, и торжество русскаго Царя тамъ было безпримърнымъ торжествомъ Христіанской Въры, и побъдою божественнаго чувства любви надъ правомъ возмездія, достойными вѣчно жить въ благодарной памяти русскаго народа и занимать почетное мъсто въ лътописяхъ міра. Праздиственнымъ воспоминаніемъ этого великаго и славнаго событія въ христіанскомъ мірѣ питается благоговѣніе къ св. Вѣрѣ, любовь и преданность къ Помазаннику Божію, пекущемуся о благь Церкви и Отечества. Этотъ высокій опыть милосердія Александра ко врагамъ Россіи не служить ли теперь большею укоризною въ ихъ неблагодарности, въроломствъ и злобъ?

Но отъ этихъ, разительно-противоположныхъ между собою картинъ, обратимся къ самому празднеству настоящаго дня. Начало его освящено благодарственнымъ молебствіемъ, которое совершено было въ церкви Измайловской военной богадъльни, вспоминавшей въ этотъ день свое открытіе 1850 года.

Вев сподвижники, участники этого славнаго торжества русскихъ въ 1814 году, дожившіе до сорокольтней годовщины, начиная отъ генерала до солдата, приглашены были Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, графомъ А. А. Закревскимъ на почетное столованье-на отечественный праздникъ, украшенный воспоминаніемъ минувшихъ бъдствій, опасностей и торжества, отраднымъ сознаніемъ настоящей силы и славы, равно и сладостнымъ упованіемъ на будущее благословеніе надъ святою Русью, крѣпкою поборницею за Православіе и законныя права христіанъ на Востокъ. Это нравственно-великое чувство, оживлявшее здъсь и начальниковъ, и товарищей по оружію, и подчиненныхъ, вполит разделяль самъ маститый хозяннъ, какъ втрный свидътель и дъятельный участникъ въ событіяхъ 1812 и 1814 годовъ. Всв ветераны, или говоря стариннымъ языкомъ, дильцы, составляли живую лътопись. Грудь ихъ, украшенная знаками военныхъ орденовъ и медалями за кампаніи Турецкую, 1812 и 1814 годовъ, ручалась за ихъ доблести; въ этой груди бъется Русское въщее сердце, полное любовію къ своему Царю и Отечеству, восхищенное восноминаніемъ славныхъ подвиговъ Христолюбиваго нашего воинства. Здѣсь прошедшее для нихъ обратилось какъ бы въ настоящее: имъ представились трудности походовъ, нылъ битвъ, слава побѣдъ и блескъ торжествъ, на берегахъ трехъ рѣкъ Лейпцигскихъ, Рейна, Марны, Эна, Оба, и Сены, обновились въ ихъ воображеніи Какъ живые свидѣтели и участники, они не забыли и того удивленія парижанъ въ 1814 году, когда послѣдніе встрѣтили филантроповъ въ мнимыхъ варварахъ Ствера, равно какъ и разочарованіе Москвичей въ 1812 году, когда въ европейцахъ нашли варваровъ, ничего не щадившихъ. Словомъ—это собраніе представляло любонытное и умилительное зрѣлище.

Гости собрались къ тремъ часамъ полудии. Приглашенныхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ было до 200, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ до 400 человекъ; только некоторые изъ нихъ, по бользии, не могли принять участія въ этомъ празднествъ. Болье двадцати столовъ накрыты были въ среднемъ и нижнемъ этажахъ общирнаго дома-этого памятника открытія Московской губерніи. Пять столовъ для почетныхъ гостей въ среднемъ этажѣ были уставлены живыми пвѣтами весны, лаврами и миртами, напоминающими славу побъдъ и сладость мира. Хлебосольный хозяниъ старался угодить не только вкусу. но и слуху своихъ гостей. Хоры музыки и пъвчихъ 2-го Учебнаго Карабинернаго полка, дирижируемые капельмейстеромъ Ящукевичемъ, въ продолжение объда прекрасно исполнили соотвътственыя этому празднеству пьесы лучшихъ русскихъ сочинителей. Объдъ открытъ былъ торжественнымъ маршемъ, за коимъ слъдовали хоръ съ кантатою, музыка Варламова, слова Красова, блистательная фантазія на мотивы русскихъ пъсень, музыка Львова. Между тъмъ за роскошнымъ столомъ, одушевленнымъ радушіемъ хозянна, живъе завязывался разговоръ между собесъдниками; они считались между собою лътами и службою, припоминали другъ другу разные случаи въ походахъ и битвахъ, прежнихъ начальниковъ и товарищей, которые положили животъ свой за Паря и отечество. При началъ превосходной аріи и рондо изъ оперы: Жизнь за Царя-графъ Арсеній Андреевичь съ одушевленіемъ провозгласиль тость за здравіе и многольтнее благоденствіе Отца Отечества, Всемилостивъйшаго Государя Императора Николая Павловича. Ему отвъчало громкое единодушное «ура »

Съ этимъ загремълъ на хорахъ гимнъ: «Боже, Царя храни!,» который отозвался въ сердцахъ присутствовавшихъ, какъ молитвенное воззвание къ Промыслу, «лающему снасение Царямъ» и «возвеселяющсму ихъ силою своею.» Въ залахъ царствовала благоговъйная тишина, свидътельствовавшая о молитвенномъ расположения сердецъ. Но вскоръ

COMPRESS.

она была прервана русскою боевою пъснью, слова и музыка Вельтмана; за нею слъдовала Бородинская пъсня.

Между тімь графь Арсеній Андреевичь, вставь изь за стола, съ бокаломъ вина пошелъ привътствовать старыхъ воиновъ, пиршествовавпихъ въ нижнемъ этажъ. Тамъ было имъ угощенье въ русскомъ духъ и въ ихъ вкусћ; кушање изобильное, сытное и смачное, любимые ими напитки, которые согръвая ихъ въ холодь, ободряя въ утомленін, веселять сердце. Сверхъ того, поставлены разныя лакомства. Всего было такъ вдоволь, что старики не могли съйсть, но еще взяли съ собою, вмъсто гостинца съ графскаго стола, кто для дътей, кто для внучать, а кто и для себя, прекрасной кулебяки, сдобныхъ аладьевъ и дакомствъ. Такъ хозяннъ, какъ русскій бывалый человѣкъ, постигъ обиходъ и духъ русскаго солдата! Сама хозяйка, графиня Аграфена Эедоровна, съ дочерью своей графинею Лидіею Арсеньевною Нессельродъ, радостно угощали заслуженныхъ вопновъ. По желанію хозяйки, московскій оберь-полицеймейстерь И. Д. Лужинь прочель имъ стихи графини Ростопчиной на это празднество. Сперва навернулись на глазахъ старцевъ слезы, потомъ въ устахъ ихъ загремъло громкое «ура!», при слъдующихъ одушевленныхъ стихахъ:

> Не помня зла, какъ ангелъ примиренья, Нашъ Александръ возсталъ среди Царей, Своимъ врагамъ онъ даровалъ прощенье, Далъ міру миръ, какъ другъ людей!...

Вы были съ нимъ, защитники Россіи,
Вы шли за нимъ, полны любви къ нему,
Хвала и честь вамъ, воины съдые,
И память въчная ему!

Отцы, сынамъ велите встать въ омщенье, За русь, за честь, и имъ на брань пора!.. Царю небесъ греми, о русь, хваленье, А русскому Цлрю ура!

«Матушка, графиня, сказали нѣкоторые изъ ветерановъ, удостойте намъ пожаловать этихъ афишечекъ, (такъ они назвали стихи); мы перечитаемъ ихъ дома. Графиня Аграфена Оедоровна, раздълявшая съ ветеранами ихъ патріотическія чувства, тотчасъ исполнила ихъ желаніе. Тѣже чувствованія возбудили патріотическія стихотворенія г-жи Головиной, написанныя по сему случаю.

Когда явился къ нимъ графъ Арсеній Андреевичъ и возгласилъ тостъ за долгольтнее здравіе и благоденствіе Царя-отца, восхищенные старцы, набожно перекрестясь и поднявъ правую руку кверху, воскликнули дружно и твердо тоже «ура!», которое нъкогда раздавалось на высотахъ Монтмартра. Потомъ графъ объявилъ имъ высочайшее повельніе о вступленія отставныхъ опять въ военную службу съ большими привиллегіями. Въ одно мгновеніе, многіе, выхвативъ изъ-за пазухи указы объ отставкъ, подали ихъ графу, съ тъмъ, чтобъ принять ихъ въ службу. То ужъ были шестидесяти и семидесяти-лътніе старцы, дряхлые тъломъ, но еще бодрые духомъ. Графъ похвалилъ ихъ благородный порывъ любви и преданности къ Царю и отечеству; но сказалъ, что лъта и раны ихъ требуютъ покоя, какой и даетъ имъ милосердый Государь.

Послъдній тость, предложенный хозянномь за здоровье всъхъ присутствующихь, принять быль съ восхищеніемь и радостнымь восклицаніемь; гости чокались бокалами и радушно привътствовали другь друга, какъ братья одной великой семьи.

Въ заключение этого великолъпнаго и достопамятнаго празднества сыгранъ былъ тотъ самый торжественный маршъ, съ коимъ, назадъ тому сорокъ лътъ, русскія войска вступили въ Парижъ.

Великодушный хозяинъ не ограничился однимъ угощеніемъ старыхъ воиновъ 1814 года; но, по русскому обычаю, пожаловалъ имъ и на дорогу: унтеръ-офицерамъ дано было по 1 рублю серебромъ, а рядовымъ по полтиннику. Ветераны наши были сыты, довольны и веселы. На улицъ они набожно крестились, повторяя: «Дай Богъ многія лъта и побъду надъ супостатами батюшкъ Государю нашему! Хотя мы и стары, и хворы, а кликни-ка кличъ, батюшка, Государь, пойдемъ. Въдь надобно же умирать; такъ лучше на боевомъ раздолицъ, чъмъ на койкъ. Пусть молодежь у насъ поучится, какъ служить Царю и отчизнъ!

Необходимо добавить, что когда сёли за столь, то каждаго гостя привътствовало лежавшее на приборъ стихотвореніе. Выписываемъ здёсь нъкоторыя изъ иихъ, чтобъ дать понятіе о томъ, какими чувствами полно горячее сердце Россіи. Вотъ онъ:

19 МАРТА 1854 ГОДА.

Не повил сла, како Алгода, приниреля

Сей славный день, сей день благословенный На братскій пиръ опять сзываетъ васъ, Чтобъ торжество Россіи надъ вселенной Отпраздновать въ веселый часъ. Вы помните побъды упоенье;
То чудная была для васъ пора:
Царю Небесъ гремъли вы хваленье,
А Русскому Царю ура!

Хоть сорокъ лътъ со дня того минуло,

Хоть многихъ ужъ отъ бывшихъ съ вами нътъ;

Но радость въ васъ отвагой проглянула,

Долой съ костей всъ сорокъ лътъ!

Помолодъвъ, расправьте станъ воинскій,
Ружье къ плечу, тряхните стариной,
Припомните свой подвигъ исполинскій
И славу родины святой!

Гордынею успъха ослъпленный,
Поднявъ на насъ двунадесять племенъ,
Русь сокрушить грозился дерзновенный
Европы бичъ—Наполеонъ...

Но Русь кръпка для въры Православной,
Но Русь върна въ любви къ своимъ Царямъ:
Дътей своихъ созвалъ Отецъ Державный,
Навстръчу ихъ послалъ врагамъ.

Русь дрогнула, возстало ополченье,
Бой закипълъ въ поляхъ Бородина...
Горитъ Москва, какъ выкупъ за спасенье...
Березиной отмститъ она!..

За нашъ рубежъ бъгущихъ провожая,
Вслъдъ за собой побъду Русь вела,
Русь шла впередъ, Европу избавляя,
И за Москву Парижъ взяла!..

Не помня зла, какъ Ангелъ примиренья, Нашъ Александръ возсталь среди Царей, Своимъ врагамъ Онъ даровалъ прощенье, Далъ міру миръ, какъ другъ людей!..

Вы были съ нимъ, защитники Россіи, Вы шли за нимъ, полны любви къ нему,

Хвала и честь вамъ, воины съдые, А память въчная Ему!..

Опять война!.. Наемники Султана, Кичливый Галлъ, сребролюбивый Бриттъ Идутъ на насъ подъ знаменемъ корана, А Русь одна за Крестъ стоитъ!..

Отцы, — сынамъ велите встать въ отмщенье, За Русь, за честь, и имъ на брань пора!.. Царю Небесъ греми, о Русь, хваленье, А Русскому Царю ура!..

Графиня Ростопчина.

ХОРЪ.

Чрезъ сорокъ лѣтъ, друзья, все мы же,— Теперь съдые старики,— Мы повстръчалися въ Парижъ; Ввели родные насъ штыки!

Какою славой предъ вселенной Орелъ двуглавый нашъ шумълъ! Предъ нами—былъ *Благословенный*, За нами—громъ великихъ дълъ!

Какъ вся Европа ликовала!
И мы спасли ее тогда;
При насъ надъ бездной угасала
Наполеонова звъзда...

Чрезъ сорокъ лътъ опять волненья! Вновь Западъ двинулся на Русь! Но молодыя поколънья Жизнь нашу знаютъ наизусть...

Россіей—Царь могучій править! Ура! великій Николай! Тебя Господь и міръ прославить: Воюй, —и царствуй, —и спасай!...

Isings an at log B. Kpacost.

Nonza n veers and a penula chase

БОЕВАЯ ПЪСНЯ.

Трахъ-трахъ-трахъ!
Грянемъ, братцы, пъсню!
Трахъ-тарарахъ!
Пъсню полковую!
Бумъ-бумъ-бумъ!
Пъсню штурмовую!

Нутка грянемъ, какъ пѣвали, Мы во оны времена; Припомянемъ—гдѣ бывали Полковыя знамена,—

Трахъ-трахъ-тарарахъ,— На сраженьяхъ, на бояхъ!

Да бывали и въ Парижъ,
Исходили мчого странъ;
А ни дальше и не ближе—
За Кавказъ, да за Балканъ!
Пафъ-пафъ! да впередъ!
Русской подъ-Богомъ идетъ!

Были мы и за Карпатомъ, Сирвчь въ Угорскихъ горахъ. Были мы за Араратомъ. Во Азійскихъ во странахъ; Пафъ-пафъ, грохай въ ладъ, Въ перебой да въ перекатъ!

Да и малоль гдѣ бывали
Наши Русскіе полки:
Штурмовали, да бивали,
Да сажали на штыки!
Штыкъ-штыкъ, не великъ!
А посадишь трехъ на штыкъ!

Пуля дура проминула,
Поднесешь ему штыка!
Бумъ-бумъ, то-то умъ!
Не стръляй братъ, на обумъ.

Нутко, съ Богомъ, полковые!
Грянь ура! какъ взговорю:
Слава матушкъ—Россіи,
Слава батюшкъ—Царю!
Ура, ура! ура-ура-ура! (2)

Сослужить Имъ службу надо:—
Сердце чуетъ, говоритъ:—
На воротахъ Царяграда,
Подновить Олеговъ щитъ!
Ура, ура! ура-ура-ура! (²)

A. B.

ватобувов отепостофертота.

Колгонскиха, регистраторов в

Исчислимъ въ заключение участниковъ этого замъчательнаго события, которые за трапезою московскаго градоначальника дълили между собою славу прошедшихъ лътъ и взывали къ славъ будущаго времени. Полныхъ генераловъ 8: именно

Горчаковъ, князь Андрей Ивановичъ, генералъ отъ инфантеріи. Ермоловъ, Алексъй Петровичъ, генералъ отъ артиллеріи; Шиповъ, Сергъй Павловичъ, генералъ отъ инфантеріи; Чеодаевъ, Михаилъ Ивановичъ, генералъ отъ инфантеріи; Отрощенко, Яковъ Осиповичъ, генералъ отъ инфантеріи; Арбузовъ, Алексъй Оедоровичъ, генералъ отъ инфантеріи; Горчаковъ, князь Петръ Дмитріевичъ, генералъ отъ инфантеріи; Строгоновъ, графъ Сергъй Григорьевичъ, генералъ отъ кавалеріи.

Дъйствительныхъ тайныхъ совътниковъ 5.

Генераль-лейтенантовъ 16.

Тайныхъ советниковъ 10.

Генералъ-майоровъ 24.

Дъйствительныхъ статскихъ совътниковъ 9.

Статскихъ совътниковъ 4.

4 Полковниковъ 21. под подраго ода могат да възда изидетой изи

Коллежскихъ совътниковъ 7.

6 го власса 1.

Подполковниковъ 7. принадоприя за звиский ва звиска ад

Надворныхъ совътниковъ 8. По вобыти пинана зобыва датамо со

Пула пречинула,

· Homecenn our mysmal 1000

7-го класса 2.

Майоровъ 12.

Капитанъ лейтенантовът 1. от от стато сито

Коллежскихъ ассессоровъ 7. A STATE OF THE PARTY OF THE PAR

Ротмистровъ 2.

Капитановъ 5. предоставно действа на тратей

9-го класса 1.

Штабсъ-капитановъ 6.

Штабсъ-ротмистровъ 2.

Коллежскихъ секретарей 3 Поручиковъ 7.

Губернскихъ секретарей 2. правод стоти ощем. 12-го класса 3.

Подпоручиковъ 6.

Користовъ 2 (5) верх-ках-бах верх жай

Прапорщиковъ 3.

Коллежскихъ регистраторовъ 3.

Унтеръ-офицеровъ 180, рядовыхъ 206, и того нижнихъ чиновъ 386 человъкъ. Въ томъ числъ: призръваемыхъ въ Измайловской военной богадъльнъ 57, въ Екатерининской богадъльнъ 29 и въ Страннопрівмномъ домъ графа Шереметева 7.

Магазины Даціаро и Беккерса, на Кузпецкомъ мосту, постоянно привлекаютъ множество зрителей, которые тъснятся подъ окнами этихъ магазиновъ, любуясь гравюрами. Въ особенности въ настоящее время привлекаютъ общее вниманіе гравюры художника Козлова, выставленныя на окнахъ магазина Беккерса; содержаніе большей части этихъ гравюръ составляють отдъльные подвиги героевъ войнъ 1812 года и кавказской; патріотическое содержаніе ихъ драгоцінно для сердца каждаго Atherences, with the contribute 5. русскаго.

Магазинъ Даціаро продолжаеть издавать свои прекрасные эстамны, заимствуя ихъ содержание изъ русскаго быта. Таковы напримъръ, «Русскія сцены» (6 рисунковъ,) превосходно иллюминованныя гравюры, между которыми намъ всего болъе поправилась: «Voyageurs égarés » Императорская Россійская гвардія, въ больщомъ формать, 6 эстамновъ, изъ которыхъ вышли въ свъть еще только два и въ маломъ форматъ, 20 листовъ, также составляють замъчательное произведение въ области литографического искусства. Giru Misces Lie

Въ этомъ же магазинъ, въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свътъ, коллоссальный эстамиъ: «Панорама Москвы.» Въ магазинъ братьевъ Бекерсъ, на Кузнецкомъ мосту, поступилъ въ продажу, среди бюстиковъ разныхъ литераторовъ, бюстикъ П. А Полеваго. Сколько намъ извъстно, это первое скульптурное изображение ревностнаго дъятеля Русской Литературы—Полеваго. Въ этомъ же магазинъ продаются, полученные изъ Петербурга, превосходно литографированные эстампы, изображающие подвиги солдатъ нашихъ въ нынъшнюю Турецкою войну, въ сражении при Ольтеницъ, а также изображение сражения при Синопъ; эта картина литографирована съ картины г. Боголюбова, извъстнымъ художникомъ нашимъ, г. Козловымъ, и отпечатана красками съ пяти камней.

Во вторникъ на Святой недъль былъ данъ въ залахъ Благороднаго собранія утренній и вечерній баль, съ 180 сюрпризами, въ пользу состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы, попечительства о бъдныхъ въ Москвъ. Балъ этотъ начался въ 12 часовъ утра концертомъ, въ которомъ участвовалъ пъянистъ Антонъ Контскій, сыгравшій valse de concert своего сочиненія и М. С. Щепкинъ прочитавшій два отрывка лирическаго сочиненія. Съ ними вмъстъ участвовала А. Е. Тюрина, пропъвшая каватину изъ Линда де Шамуни и русскую патріотическую пъснь г-жи В. П. Головиной, которую я уже помъстилъ выше. — На объихъ балахъ играли два хора музыки, а вечеромъ пълъ хоръ цыганъ.

Нельзя не прибавить къ описанію этого торжества прекрасныхъ стиховъ, написанныхъ г-жею Головиной, превосходно выражающихъ чувство Москвы подъ названіемъ: Достопамятные для Россіи годы. Стихотвореніе это имѣетъ нѣсколько отдѣловъ, именно: 1812 годъ, 1814, сороколѣтіе нынѣшняго 1854 года и Гимнъ Надежды. Вогъ этотъ гимнъ:

«Восторжествуетъ православный Нашъ Императоръ Николай, И пронесется подвигъ славный Изъ устъ въ уста, изъ края въ край! Онъ побъдитъ, благочестивый Защитникъ въры, Русскій Царь, И грекамъ дастъ онъ миръ счастливый, И оградитъ Онъ ихъ алтарь. Добро надъ зломъ восторжествуетъ, И верхъ одержитъ свътъ надъ тьмой, И вся Россія возликуетъ Царь православный нашъ съ тобой; Да благоденствуетъ Россія!

rasteprana anciendanomente de le commencia de la loreanomente aparectamente apдожниковъ ваниять, т. Позловыть, и отчетаталя правилян съ мити, камей. Во вторинки на Святой недель быль, лать нь плязкъ. Благеродиаго coopania expenda a severnia bara, or 150 receptante, er marry coстбицага поль Высозабиция, поправитем ствоит Ва Виличиства Госкульний Hammarring, nonequentionerns o otimiza in Morara, bara erera nawant are not 12 december to the content of the cont anera Aurora Konveria, campannia vales de concert cosera commenta a M. C. Hienenus approvamenta and orpania caractero connecia: Co num untert yeacinomia A. R. Tiopana, uportamen asserunt cor drugs at Hanyan a process applicances are all B. H. Tonegra areand arides off - onice appropries only a organic finance a de la compania de recepcion actual aceptante de la compania del compania de la compania de la compania del compania de la compania del compania de la compania de la compania del compania . . Польши пр прибленть нь описаны ругого тормества препрасвыхы стиховъ, написанияха г-жеза Головиней, привессоно инфиналовихъ чуветью Morney nors marked that Joseph and marked and Porcia rome. Cruzurnopenib aro nuturil unengando organione, amening: 1812 range, 1814, copocountrie nuntiquere 1851 rem u l'acces declerador, flora arora

Господь хранить ея судьбы;
Угодниковъ мольбы святыя
Отъ супостатовъ, отъ вражды,
Отъ смуты злой изъ рода въ роды
Крестомъ пречистымъ оградятъ,
И православные народы
На путь святой благославятъ.»

Hen yers as even was apas us upail.

Our moditions, described Happy, Bacquing Happy, Pycerid Happy, Bernarding, appropriate Our are accept.

I appoints Our are accept.

John was accepted accepted.

Haps uppressanged name on roboti;

"11 con Peccia nosanayera

въсти изъ провинцій.

or new merchanism and declaration of the property of the second prop

He appeted, selected amountainment une control, manuscontra legalitum person entre a l'especial de l'especial de la literatura de la literatur

ИРКУТСКІЙ ТЕАТРЪ И НЪСКОЛЬКО СЛОВЪ ВООВЩЕ О ПРОВИНЦІЯЛЬНЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Потребность къ театру въ сильной степени развита почти во всей Россіи; къ сожальнію, мы часто видимъ какъ многіе провинціяльные театры представляють собою эмблемму горькихъ оскорбленій для истиннаго искусства.

На всемъ огромномъ пространствъ отъ Москвы до Иркутска, въ каждомъ губерискомъ городъ есть театръ, съ труппою постоянною или временною. Я имълъ случай въ недавнее время побывать во всъхъ этихъ театрахъ, и результатъ моихъ впечатлъній постараюсь изложить въ нъсколькихъ словахъ безпристрастно.

Театры Владимірскій п Нижегородскій никогда не выходили изь предъловъ грустной посредственности, а послъдній оживаетъ только во время ярмарки отъ прівзда столичныхъ артистовъ. Коммерческій разсчетъ и матеріяльныя выгоды поставляютъ содержателей провинціяльныхъ театровъ въ необходимость давать преимущественно раздирательныя драмы, въ которыхъ все основано, говоря языкомъ афишъ, на великольпиомъ спектакль и неестественныхъ, уродливыхъ эфектахъ. Талантовъ здъсь, кромъ устаръвшихъ гг. Трусовыхъ, нътъ ни одного замъчательнаго.

Казанскій театръ, по наружнымъ формамъ, щеголь: зданіе, въ архитектурномъ и акустическомъ отношеніяхъ превосходно, декораціи, костюмы и механическая часть обратятъ вниманіе каждаго, но увы! Les apparences sont trompeuses и къ нему, какъ нельзя лучше, идетъ извъстная пословица, только съ перестановкою словъ: хоть красна изба углами, да не красна пирогами. За доказательствами не станетъ, но входя въ подробный разборъ и оцьнку труппы, скажемъ одно, что комъдія г. Островскаго: Не въ свои сани не садись, явилась на Казанской сценъ какою-то жалкою каррикатурою и исполненіемъ своимъ навела на зрителей скуку! Одна только г-жа Стрълкова, актриса истинно даровитая, передала роль свою съ душею и смысломъ. Вотъ вамъ примъръ сочувствія гг. артистовъ къ произведеніямъ дъльнымъ!

Въ труппъ, довольно значительной по составу, замъчателенъ талантомъ только одинъ г. Бергъ, а изъ актрисъ Стрълкова 2-я и Новикова—послъдняя на роли старухъ.

Далъе, въ Перми и Екатеринбургъ, труппа содержателя Соколова, живущая прежнею славою и преданіями старины глубокой. Ничто въ ней неизмънилось, хотя безжалостное время и наложило руку свою на многихъ артистовъ, а въ особенности на актрисъ! Конечно, постоянство дъло хорошее, но только не въ искусствъ, которое требуетъ движенія впередъ и разнообразія.

Въ Томскю какая-то сборная смъсь. Единственный актеръ—самъ содержатель, г. Ярославцевъ, человъкъ опытный, съ большимъ навыкомъ къ сценъ и страстно преданный театру.

Въ Краспо прски постояннаго театра нътъ, но съ апръля мъсяца настоящаго года до великаго поста тамъ давала представленія часть пркутской труппы содержателя Маркевича. Замъчательныхъ талантовъ въ ней нътъ, одни Санковскіе, мужъ и жена, выносятъ все на сво-ихъ плечахъ; первый изъ настоящаго своего амилуа, резонеровъ и благородныхъ отцевъ, долженъ часто по необходимости переходить на роли комическія, для поддержанія комика Григорьева, одареннаго отъ природы и комическою фигурою, и подвижною физіономією, но отличающагося постоянно дурнымъ и небрежнымъ изученіемъ ролей и отсутствіемъ всякаго понятія о благородномъ комизмъ.

На роли драматическія Волковъ и Глушковъ; первый весьма способень, но односторонень до крайности, а въ драмахъ свътскихъ положительно дуренъ; здъсь неумънье держаться въ порядочномъ обществъ, какой-то непріятно-отрывистый разговоръ и ненатуральный смѣхъ ярко бросаются въ глаза и заставляютъ сожалъть о нелъпомъ самолюбіи браться за роли не по плечу.

Гръшно было бы не отдать справедливости г. Волкову. Въ исполнении нъкоторыхъ сценъ «Гамлета», гдъ нужна энергія, жаръ, увлеченіе, онъ весьма хорошъ, но за то многія слова произносить на удачу, а въ мъстахъ тихихъ и спокойныхъ итть простоты и естественности, нътъ однимъ словомъ понятія о характеръ Гамлета въ его главнъйшемъ основаніи, въ постоянномъ разладъ ума съ волею. Причиною всему жалкая увъренность въ пониманіи геніяльныхъ произведеній Шекспира, увъренность, которая губить этого молодаго, безъ всякаго прочнаго образованія и мало знакомаго со сценою актера. Безсознательно восхищаться Шекспиромъ—дъло еще немудреное; нужно многостороннее образованіе, глубокое проникновеніе духомъ въ его высокія созданія, гдъ что ни шагъ, то глубоко заданный вопросъ о жизни. Въ національныхъ

драмахъ г. Волковъ хорошъ, иногда читаетъ съ большимъ смысломъ, но много и много ему надо еще учиться и развивать себя, а не увлекаться восторженными криками и похвалами цѣнителей высшихъ слоевъ театральной отмосферы. Г. Глушкову мы не находимъ нужнымъ давать совъты, они будутъ безполезны: это актеръ временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма, съ своими убъжденіями и своимъ взглядомъ на искусство. Величественная постунь его и раздирательная декламація на распъвъ при совершенномъ отсутствіи таланта дълаютъ его изъ драматическаго героя бездарнымъ буфомъ!

Что касается до прекраснаго пола, то за исключеніемъ г-жи Санковской, актрисы съ несомнѣннымъ дарованіемъ, преимущественно въ драмѣ и въ комедіи, всѣ остальныя представляютъ золотую посредственность или бездарность. На амилуа простонародныхъ женщинъ и вообще старухъ средней руки, есть вирочемъ довольно порядочная актриса, г-жа Ударцева.

Дочь содержателя, д-ца Маркевичъ, весьма слабая жрица Терпсихоры, при нѣкоторыхъ ограниченныхъ способностяхъ къ танцамъ, совершенно бездарна въ комедіи и водевилѣ. Непріятный звукъ голоса въ разговорѣ, дѣлается такимъ же въ пѣніи куплетовъ, неговоря уже о постоянно фальшивомъ ихъ исполненіи. О г-жѣ Глушковой, неимѣющей никакого призванія къ сценѣ, говорить не стоитъ. Главнѣйшая причина всѣхъ этихъ недостатковъ и дурнаго направленія заключается въ самомъ содержателѣ, человѣкѣ неимѣющемъ рѣшительно никакого понятія объ искусствѣ. Глядя на дѣйствія его, невольно приходятъ на мысль слова покойнаго Крылова:

Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ А сапоги точать пирожникъ!

Въ Пркутскъ, гдъ постоянный театръ, въ продолжение 3-хъ лътъ,— въ нынъшнюю зиму играла только часть труппы Маркевича, небольшая, но весьма удачно составленная. Большихъ драматическихъ произведеній труппа, по составу своему, давать не можетъ, но комедіи и водевили стараго и современнаго репертуара, разыгрываются такъ хорошо и кругло, что многіе изъ жившихъ долго въ Москвъ и Петербургъ, повторяютъ прежнія пріятныя ощущенія. Труппою управляетъ находящійся временно здъсь въ отпуску артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ г. Разсказовъ, молодой человъкъ съ талантомъ замъчательнымъ и удивительнымъ навыкомъ къ сценъ. Неутомимость и любовь его къ искусству, точно неностижимы, и не смотря на постоянное участіе его во

всёхъ спектакляхъ, онъ всегда внимательно обдумываетъ и часто мастерски передаетъ свои роли. Роль Подколесина, напримъръ, въ Женитъбъ Гоголя выполняется имъ прекрасно; это портретъ съ натуры неръщительнаго флегматика, нарисованный рукою художника! Игра его въ роли Бородкина, въ комедіи Не въ свои сани не садись, типически върна характеру лица и живо напоминаетъ игру извъстнаго московскаго артиста г. Васильева. Трудныя роли молодыхъ свътскихъ людей ему также доступны; онъ благородно и съ достоинствомъ держитъ себя на сценъ и постоянно сохраняетъ приличіе; умънье костюмироваться составляетъ неотъемлемое достоинство Разсказова. Въ Разсказовъ одно неудачно, именно, что прекрасно исполняемыя имъ роли простаковъ выходятъ у него слишкомъ однообразны и въ игръ и даже въ костюмировкъ.

Другой артистъ на роли драматическія, благородныхъ отцевъ и молодыхъ людей, г. Львовъ, съ большимъ призваніемъ и усердіемъ къ сценѣ, но въ роляхъ молодыхъ людей еще безъ необходимой развязности и ловкости. Конечно, подобныя роли камень преткновенія вообще для провинціяльныхъ актеровъ, и мы отъ души желаемъ, чтобъ г. Львову удалось видѣть Максимова, Самойлова и Шумскаго. Но его cheval de bataille и безпорно лучшее созданіе, это роль старика Русакова въ комедіи Островскаго: Не въ свои сани не садись; здѣсь онъ, смѣло можно сказать, не уступитъ ни одному столичному артисту; какое благородство, какое художественное спокойствіе во всѣхъ движеніяхъ и разговорѣ сколько теплоты и глубокаго чувства! Если только г. Львовъ будетъ продолжать терпѣливо и съ любовію совершенствовать себя, то ему можно предсказать прекрасную будущность.

На роли комическія и старыхъ волокитъ г. Павловъ, актеръ добросовъстный, играющій безъ всякихъ балаганныхъ выходокъ и грубыхъ фарсовъ, потомъ г. Гудковъ, съ положительнымъ комическимъ талантомъ и весьма пріятнымъ голосомь для русскихъ пъсень, но къ сожалѣнію, съ плохою памятью.

Роли дряхлыхъ стариковъ, лакеевъ резонеровъ весьма хорошо исполняются г. Скворцовымъ—это его настоящая сфера, изъ которой ему не слъдуетъ выходить.

Для ролей молодыхъ женщинъ и дъвушекъ г-жа *Разсказова* (бывшая Андреева, жена режиссера) играющая сознательно, съ душею и неподдъльнымъ чувствомъ; въ трудной, немногимъ доступной роли Сфеліи (въ Шекспировскомъ Гамлетъ) она доказала, что въ ней есть и драматическій элементъ. Сцена безумія передается ею върно и отчетливо. Это точно Офелія Шекспира, грустная, тихая и глубоко-трогательная. Но искренній совъть нашь г-жь Разсказовой—не брать ролей сильныхь, которыя она ръшительно выдержать не можеть. Лучшая ея роль, безъ всякаго сомнънія, Маріи въ опереть: Дочь 2-го полка; здъсь прекрасный чистый голось, пріятная наружность и непринужденность игры заслужили ей общую любовь и уваженіе. Замътимь еще, что у г-жи Разсказовой довольно и разнообразный туалеть, и она постоянно одъвается изящно и со вкусомъ. Грустно, что это прекрасное, свъжее дарованіе, заключающее въ себъ всъ данныя къ артистическому развитію, не видало еще образцовъ, подобныхъ сестрамъ Самойловымъ, Читау, Жулевой и др.

На вторыя роли молодыхъ дъвушекъ субретокъ и горничныхъ д-ца Николаева, еще весьма молодая, но уже замътно идущая впередъ. Признавая въ этомъ миломъ созданіи зародышъ несомнѣннаго таланта, нельзя не сдълать ей замѣчанія, что неумѣстный смѣхъ на сценѣ, скороговорка и нѣсколько угловатыя, рѣзкія движенія много вредятъ ея игрѣ и общему впечатлѣнію, а оставить всѣ эти недостатки очень легко съ еа способностями и умомъ.

О провинціяльныхъ театрахъ много было писано въ разныхъ церіодическихъ изданіяхъ, но объ Иркутскомъ, кажется, весьма мало; между тъмъ значение его въ краъ, столь отдаленномъ, весьма важно въ нравственномъ отношенін; онъ нъкоторымъ образомъ дълаеть болъе ощутительнымъ умственное развитие общества, и въ театръ поневолъ высказываются митнія, втрованія и убъжденія. Театръ у насъ, при отсутствін жизни общественной, богатой въ другихъ мъстахъ интересами живыми, современными, пользуется большимъ и справедливымъ вниманіемъ общества. Дай Богь, чтобъ постоянное управленіе Иркутскою труппою перешло въ руки содержателя опытнаго, преданнаго съ любовью искусству, который бы смотръль на театръ не какъ на торговое заведеніе, въ родъ торговыхъ бань, приносящее извъстный доходъ; тогда, при постоянномъ вниманіи нашей публики, можно поручиться за долгое процвътание театра въ Иркутскъ. - Оканчивая статью нашу, вспомнимъ съ чувствомъ глубокой грусти объ утратъ, постигшей въ прошломъ году Иркутскую сцену. Мы лишились лучшаго и достойнъйшаго ея представителя, актера Лебедева, умершаго въ полномъ развитии силь и дарованія. Блестящая будущность ожидала этого артиста съ душею пламенною и благородною. Драма и высокая комедія были его поприщемъ, и здісь сочувствію публики къ его дійствительно художественной игріз не было предъловъ. Воспріничивая натура его и глубокое постоянное проникновение ролью, были причиною упадка и разрушения силъ физическихъ. Миръ праху твоему, добрый и умный артистъ, невозвратимое украш еніе нашей сцены! Любитель театра.

MANA REAL STAND CONTROL NACAY - 10 PTOBCKIN. CONTROL OF STANDARD OF

Спъшимъ сообщить подробности о театръ изъ самаго отдаленнаго уголка Россіи, подробности въ высшей степени любопытныя, за которыя мы чрезвычайно благодарны даровитому нашему корреспонденту, г. Горемыкину. Вотъ что онъ пишетъ: «Случай далъ мнъ возможность узнать подробности объ открытіи и постоянномъ совершенствованіи театра, учрежденнаго въ глуши, въ захолустьи нашего обширнаго отечества, театра три года процвътающаго среди битвъ, подъ пулями непріятелей. — Я видълъ театръ, гдъ каждый играющій ждетъ ежеминутно тревоги и въ любви къ искусству забываетъ о томъ, что каждая тревога угрожаетъ его жизни. Здъсь все дружно, все ладно; здъсь всъ и каждый заботится объ одномъ: объ усовершенствованіи. Не сказать о такомъ театръ ни слова было бы гръшно, уже потому собственно, что трехъ-лътнее его существованіе даетъ ему болье или менье права называться постояннымъ Хасау-Юртовскимъ театромъ.

Убъжденъ, что для многихъ читателей это название совершение ново и даже дико; многие изъ нихъ примутся отыскивать, на картъ, положение этой мъстности и даже не найдутъ ее. Хасау-Юртъ одно изъ передовыхъ укръпленій лъваго фланга центра Кумыкскаго владънія и штабъ квартиры егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка.

И такъ, вотъ въ какой дали учрежденъ театръ любителей; поддерживается, лелъется ими и годъ отъ году совершенствуется. Согласитесь, что эта новость по крайней мъръ интересна, какъ простое извъстие, если даже не обращать вниманія на ея правственное значеніе! А между тъмъ оно велико.

Нечего говорить, что одно только просвъщение вызываетъ потребность сцены: эта истина слишкомъ извъстна. Но вызванная къ жизни такимъ высокимъ началомъ, потребность въ театръ часто искажается; теряетъ изъ виду цъль наслаждения высокимъ искусствомъ, и становится средствомъ къ удовлетворению минутныхъ прихотей пресыщеннаго вкуса... Много лицъ являются въ залу театра, заранъе сознавая, что сцена ихъ не увлечетъ, а увлечетъ ихъ развъ личико хорошенькой актрисы или ручка красавицы, сидящей въ ложъ. Сколько есть людей, которые идутъ въ театръ отъ нечего дълатъ, въ слъдствие невозможности составить пульку и, зъвая, равнодушно порицаютъ все на-повалъ; для нихъ искусство мертвая буква, да они и сами мертвы для искусства... Сколько... Но нечего перечислять тъхъ, для кого сцена вещь посторонняя, а театральная зала важна только тъмъ, что даетъ возможность удовлетворить нъкоторы мъ мелкимъ страстишкамъ, мелочному самолюбію, пустой при-

Accounters manning.

Venues enfe annoli chenal

хоти. Такихъ господъ многое множество, и не простительно было бы сказать, что они большею частью не принадлежать къ образованнъйшему кругу того или другаго общества. Но чъмъ болъе общественная жизнь доставляетъ имъ возможности удовлетворять своимъ минутнымъ требованіямъ, тъмъ равнодушнъе становятся эти люди къ удовольствіямъ постояннымъ, къ наслажденіямъ духовнымъ.

Какъ же опънить то общество, которое служебною обязанностью удалено отъ всъхъ центровъ цивилизаціи, занесено въ глушь непроходимую и, ежедневио, жертвуя своею жизнью для славы отечества, ежечасно неся тяжелые труды, пользуется минутнымъ отдыхомъ для того, чтобъ насладиться самымъ высокимъ удовольствіемъ—театромъ? Что сказать объ обществъ, которое ежегодно жертвуетъ своими небольшими средствами, чтобъ поддерживать это наслаждение, и собираясь по вечерамъ, въ тъсный кружокъ, представляетъ собою одну семью нераздъльную, въ которой каждый старается или доставить другимъ удовольствіе, или являетъ готовность чистосердечно, безтребовательно наслаждаться?.. Мив кажется, примвръ этотъ достоинъ подражанія, достоинъ и того. чтобъ едблаться извъстнымъ... И скажите, если французы въ Алжиръ, англичане въ Индіи, заводя общественныя увеселенія, пишуть объ нихъ, публикують, гордятся ими, почему намь, Русскимь, не поступать точно также, не имъть права гордиться тъмъ же самымъ!.. Вотъ еще причина, заставившая меня взяться за перо и набросать эти немногія строчки.

Вы вправ'в спросить: почему въ продолжение трехъ латъ не нашлось никого, кто бы извъстилъ о существовании Хасау-Юртовскаго театра? На это была основательная причина, и я вамъ поясню ее. По словамъ Пантеона, какой-то режиссеръ какого-то театра, въ Англіи, на вопросъ одной знатной особы: «Почему спектакль долго не начинается?» отвъчаль. «Королева бриется!» До текущаго года, королевы Хасау-Юртовскаго театра тоже брились, или лучше сказать, въ женскихъ роляхъ играли молодые люди. Конечно, это нисколько не мъшало спектаклямъ итти весьма удачно, темъ более, что молодые люди, бравшіе на себя женскія роли, кром'в соотв'єтственной наружности, отличались хорошимъ воспитаніемъ и прекрасными манерами, и до того удовлетворительно выполняли эти роли, что сделалось возможнымъ ставить и разыгрывать серьозныя пьесы, какъ напр. «Женитьба.» Но какъ бы то ни было, при выполнении мужчинами женскихъ ролей, театръ носиль характеръ слишкомъ семейный, для того, чтобъ можно было писать о немъ. Общество, основавшее театръ, съ цълью проводить нъсколько часовъ, въ недълю, наслаждаясь драматическимъ искусствомъ,

дорожило усердіемъ и добросовъстнымъ стараніемъ лицъ, взявшихъ на себя обязанность выступать на сцену; общество понимало, что недостатки, встръчавшіеся въ игръ любителей-артистовъ, составляли неизбъжное слъдствіе выполненія женскихъ ролей мужчинами, а потому было снисходительно къ этимъ недостаткамъ, поощряло каждый талантъ, каждую счастливую минуту въ игръ того или другаго лица; было довольно возможнымъ, но существованіе театра держало втэйнъ, и объ немъ знали только немногіе на Кавказъ. Между тъмъ артисты, занимавшіе мужскія амилуа, развивались съ каждымъ представленіемъ. Явились таланты сильные, ръзко-замъчательные, въ особенности на роли комическія. При ихъ совершенствъ, недостатокъ женскихъ лицъ чувствовался сильнъе; но число семействъ въ Хасау-Юртъ умножалось, и вотъ... Но прежде, чъмъ опишу настоящее состояніе этого театра, закончу его исторію, сказавъ нъсколько словъ объ его устройствъ.

Хасау-Юртовскій театръ, съ 1851 года открывается каждую осень; сезонъ продолжается до половины декабря или начала января слѣдующаго года, т. е. до времени открытія зимней экспедиціи. Еженедѣльно даются одинъ или два спектакля, смотря по обстоятельствамъ; число пьесъ, разыгранныхъ со дня открытія театра до начала ноября, прошлаго года, въ Хасау-Юртѣ простиралось до 80-ти. Репертуаръ этотъ состоитъ исключительно изъ комедій и водевилей, что дѣлаетъ большую честь директору и артистамъ, понимающимъ необходимость браться за то, что имъ по силамъ. Театръ въ разное время удостоивался посѣщенія князя намѣстника и его супруги; графини Шуазель; (1851 г.) е. с. князя Барятинскаго, (1852 г.) генералъ-маіора Майделя, (1853 г.) и друг. Князю намѣстнику угодно было даже пожертвовать, въ пользу театра, значительную сумму, съ тѣмъ, какъ выразился онъ, чтобъ поддерживать эту прекрасную полытку.

Вотъ всв подробности, которыя я могъ собрать объ основаніи и постепенномъ развитіи Хасау-Юртовскаго театра; теперь опишу его настоящее положеніе, то впечатльніе, которое онъ на меня произвель, и позволю себъ сдълать небольшую оцънку игры замьчательныйшихъ персонажей этой сцены.

Служебныя обязанности заставили меня, въ началъ ноября мъсяца, пріъхать въ Хасау-Юртъ. Не видавъ этого укръпленія года четыре, я не узналь его: огромныя постройки, мощеныя, правильныя улицы, фонари, всъ удобства порядочнаго города заставили меня искренно удивиться неутомимой дъятельности, съ которою князь Барятинскій и его преемники, въ какіе нибудь пять лътъ обратили двухверстное пространство лъса въ красивый, изящный форштатъ и сильное укръпленіе. Но я

отступиль отъ предмета моей беседы... Остановясь у своего товарища, уставъ отъ дороги, я сбирался уже лечь спать, какъ вдругъ пріятель мой остановилъ меня вопросомъ: не хочу-ли я отправиться съ въ театръ, и прибавилъ: у насъ сегодня въ первый разъ играютъ дамы. Можете судить, какъ обрадовало меня это предложение, около шести лѣтъ жившаго въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ укрѣиленій, въ которомъ все общество ограничивалось тремя-четырьмя офицерами, и куда разъ въ мъсяцъ приходилъ транспортъ, привозившій, вмъстъ съ провіантомъ, отсталыя кавказкія новости и запоздалыя болье полугода новости остальнаго міра! И воть мив вдругь представляется случай вспомнить былое и насладиться монмъ любимымъ удовольствіемъ; заговорило ретивое; прошла сонливость, забыта усталь, я пустился въ распросы, и К ..., постоянный житель Хасау-Юрта, сообщивъ мнъ всъ, изложенныя мною, подробности о здъшнемъ театръ, подалъ мнъ афишу. Въ этотъ день давали: Бархатную шляпку и Колыбельную пъсенку, двъ пьесы, занесенныя въ эту окраину Россіи заботливымъ Пантеономъ. Въ семь часовъ я уже быль въ залѣ полковаго собранія, * могущей вмѣщать до 150 зрителей, и соединенной легкою аркой съ другою довольно обширною комнатою, которая обращена въ сцену. Устройство этого домашняго театра заслуживаетъ полнаго одобренія и неоставляетъ ничего желать лучшаго, даже самому требовательному вкусу. Нътъ здъсь, правда, богатства, роскоши, но за то всё, начиная отъ завъсы, драпировки, до последней мелочи, исполнено изящной, благородной простоты.

Когда я вошелъ въ залу, публики было уже довольно и число ея увеличивалось постоянно; поздоровавшись со многими знакомыми, я началъ прислушиваться къ общему разговору. Главнымъ предметомъ его былъ настоящій спектакль, ожиданія возбужденныя имъ и воспоминанія о прошломъ .. Всъ были довольны и казалось счастливы... А гдъ же П..? спросилъ кто-то.

- Забольть посль вчерашняго набыта, отвычали ему.
- Вы были вчера въ набъгъ? спросилъ я.

Сосъдъ, къ которому обратился я съ вопросомъ, очень обязательно разсказалъ мнъ, что дъйствительно, въ прошлую ночь они ходили въ набъгъ, изъ котораго вернулись сегодня утромъ, отбивъ у горцевъ послъ сильной свалки довольно скота... Такъ какъ разговоръ продолжался, то мнъ было легко узнать, что почти всъ играющіе въ этотъ день

^{*} Въ Хасау-Юртъ построенъ домъ полковаго собранія, въ которомъ заключается полковая библіотека, составленная почти изъ 1000 названій и около 3000 томовъ; здъсь же помъщается билліардная зала, буфетъ и проч, сюда каждую среду, т. е. въ почтовый день, обирается все общество, читаеть газеты, журналы, играетъ въ карты, танцуетъ, и проч.

артисты, участвовали прошлую ночь въ этомъ дѣлѣ. Съ по́ля битвы на сцену!!.. промелькнула въ головѣ моей мысль и,—можете судить, какое чувство благодарности и удивленія къ артистамъ-любителямъ она должна была возбудить во мнѣ!..

Но зала уже наполнилась; прибыль командирь полка баронъ Н. Оркестръ сыграль увертюру изъ «Фенеллы»—и завъса взвилась. Нътъ надобности разсказывать сюжеты объихъ пьесъ: они извъстны вашимъ читателямъ. Скажу только, что отлично срепетованныя пьесы шли съ ансамблемъ удивительнымъ, съ тою стройностью и согласіемъ, которыя живо напомнили мнъ Михайловскій театръ, и доставили столько удовольствія, что я ръшился, во-что-бы-то ни стало, видъть слъдующіе спектакли, и вскоръ съ восторгомъ смотрълъ на умную, изящную игру Хасау-юртовскихъ артистовъ въ пьесахъ: «Что импемъ, не хранимъ», и въ «Путешественникъ и путешественниць»

Нъсколько часовъ, проведенныхъ мною въ эти два вечера, напомнили мет вст лучшія чувства, какія испыталь я въ жизни; они напомнили миж тёхъ великихъ жрецовъ драматическаго искусства, имена которыхъ, какъ нечто родственное, хранятся въ душе человека, любящаго искусство! Эти два вечера напомнили мит имена Плесси, Вольнисъ, Аллановъ... Въ Хасау-Юрть встрътилъ я игру, оживившую въ моемъ воспоминаніи, если не самую лучшую, то самую задушевную сторону игры этихъ великихъ талантовъ. Вся прелесть эксиственности, вся очаровательность милаго каприза (bouderie); вся тонкость чувства и кокетливости, характеризующія вгру ихъ, въ совершенствъ слились въ пгръ г-жи Гейманъ, супругъ директора Хасау-Юртовскаго театра, Оръшкина; Ольга Васильевна (Колыбельная пъсенка); Софья (Что имъемъ не хранимъ) и Путешественница, т. е. кокетство и домашияя тиранія мелкой, пустой, но самолюбивой чиновницы; гордое благородство, нравственная усталость и тонкій умъ Мирно-Валевской, женщины высшаго круга; благородное, сосредоточенное въ себъ самомъ страданіе любящей Софьи и Путешественница-эта блестка французскаго остроумія, этотъ милый очеркъ французской causerie, требующій отъ исполнительницы чрезвычайной игривости, вотъ четыре разнообразные характера, которые выказали огромныя сценическія способности Гейманъ. Въ тоже время природа надълила ее очаровательными средствами, начиная отъ ума, наружности, голоса, до малъйшаго движенія, которыя у нея граціозны до последней степени. Прибавьте къ этому, что г-жа Гейманъ знаетъ въ совершенствъ музыку, прекрасно поетъ, и судите, какое впечатлъніе, при такихъ средствахъ, игра ея производитъ а зрителя.

По окончаніи перваго спектакля, когда т-жа Гейманъ со сцены вошла въ залу, всъ встали съ своихъ мъстъ и встрътили ее единодушными рукоплесканіями.

Роль Матрены Марковны была очень умно, бойко исполнена г-жею Тимошенко; накоторыя маста, напримарь, ссора и прощаніе съ Павловъ Цавловичемь, вышли у нея мастерски. Въ роли Клыковой г-жа Тимошенко полдерживала ансамбль пьесы и была хороша по возможности; говорю по возможности, потому что эта роль выходить изъ ся амплуаженщинь среднихъ лать и старухъ.

Перехожу къ мужскимъ персонажамъ

- Г. Афендикъ имъетъ большія способности и своею игрою напоминаетъ игру Мартынова. Онъ, не прибъгая къ фарсу, смъшитъ зрителей противъ воли; въ его игръ бываютъ истинно артистическія минуты. Но входя въ характеры ролей, измъняя мимику, движенія, манеры, обращансь въ другаго человъка, г. А. не можетъ еще вполнъ совладать съ своимъ голосомъ, который часто напоминаетъ предшествовавшія
 роли. Это усовершенствуется съ большею практикою. Трудная роль
 Оръшкина была исполнена имъ артистически; Павелъ Павлычъ, при его
 игръ, напомнилъ зрителямъ одну изъ лучшихъ ролей Мартынова; но
 Тясминскій (хотя при знаніи сцены, при умной игръ Г. А. эта роль
 была выполнена очень хорошо) показалъ, что амилуа молодыхъ людей
 (јеппе ргешіег) внъ средствъ Г. А.
- Г. Тимиенко, игравшій въ оба спектакля, Ушко и Путешественника, лучше Г. А. выполняеть первыхъ любовниковъ, играетъ очень умно, владатель прекраснымъ голосомъ. Мнъ говорили, что г. Тимченко чрезвычайно хорошъ въ роляхъ Кочкарева и Шпилькина (Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ) и я этому върю, въ особенности въ отношеній къ Шпилькину.
- Г. Смирновъ незамънимый артистъ въ роляхъ подобныхъ Клыкову; его голосъ, манеры увлекаютъ зрителей. Я слышалъ, что онъ создалъ многія роли: напр. Чухломскаго (богатый холостякъ); Яичницу и др.
- Г. Навроцкій молодой человікь, еще развивающійся физически; отсюда и недостатокь его игры, потому собственно, что въ ней ніть ничего установившагося, різко очерченнаго, но, тімь не меніве онь, по словамь всіххь, весьма хорошь въ трудной роли каменданта (Лекарь) и смішить до слезь непринужденной, бойкою игрою въ Жевакині.

Вотъ главнъйшія персонажи Хасау-юртовскаго театра; я опредълиль, по крайнему разумънію, характеры, способности и недостатки каждаго изъ нихъ; не говорю объ остальныхъ артистахъ, не потому, чтобъ не могъ сказать объ нихъ ничего хорошаго, нътъ! всъ аксессуарныя лица

здѣсь у мѣста, всѣ добросовѣстно и отчетливо выполняютъ свое дѣло, но, письмо мое уже приняло страшные размѣры, а между тѣмъ мнѣ предстоитъ еще сказать вамъ кое-что.

Не буду говорить, что обстановка, костюмировка не оставляють желать ничего лучшаго, но я быль бы не правь, еслибь не упомянуль о трудахь Г. К... который по временамь ставить здёсь живыя картины, составляющія гордость Хосау-Юрта уже потому собственно, что живыхь картинь не ставили, кажется, даже на тифлисской сцень! А между тёмь живыя картины Г. К... художественны въ полномь смыслё. Красота группь, изящность костюмировки, при безукоризненной исторической вёрности, удовлетворяють требованіямь знатоковь въ живописи. Мнѣ удалось видёть двё картины, сюжеть которыхь быль заимствовань изъ романовь Вальтерь-Скота: Смерть цыганки Меге-Мерилисе, въ пещерь контрабандиста Геттерека (Гей-Мейнрингь) и Баронъ Регинальдъ, требующій оть еврея Исаака выкупа, подъ угрозою пытки. (Айвенго.) Обѣ картины превосходны, въ особенности же вторая, по группировкё и декораціи.

Вотъ подробный отчетъ о неизвъстномъ публикъ доселъ театръ, театръ, дающемъ возможность сотвъ людей забыться эстетически отъ тяжкихъ трудовъ, отъ грозныхъ зрълищъ, представляемыхъ войною... и высказать ли вполнъ мысль свою: этотъ театръ, возбуждая въ зрителяхъ и въ играющихъ лучшіе помыслы и благороднъйшія человъческія чувства, не даетъ имъ впасть въ убійственную апатію среди тяжелой жизни Кавказа.

Да, искренняя благодарность обществу Хасау-Юрта за его умѣнье доставлять себѣ счастливыя минуты въ жизни и за умѣнье счастливить другихъ! Отъ души желаю, для общаго блага, чтобъ примѣръ этого общества не остался безъ подражанія, а моя попытка безъ преемниковъ, и чтобъ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе Хасау-юртовскаго театра нашло своихъ повѣствователей.

The paper of the second seconds, one passes offer desiration

directive the second contract of the contraction of the second one, in contract (Line (1))

-да крадинат настявайи, удовичена, одовебнойтя и инстолить наидина или наста, на тезары пов истолитахь пристика, по ночому, этобъе но исто двагаль объ пихь динего хонечато, изять! нев пессокуправы дине

PEHEPTYAP

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Nº 4.

БРАКЪ

ПРИ

петръ великомъ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДВЙСТВІЯХЪ И ПЯТИ КАРТИНАХЪ.

Соч. Н. КРОЛЯ.

представлена въ первый разъ
на императорскомъ с. петербургскомъ театръ
Февраля 12-го 1854.

\$987793H89

como cuanda.

дъйствующія лица:

посланникъ датскій посланникъ польскій. ПАВЕЛЪ НВАНОВИЧЪ ЯГУЖИНСКІЙ, генераль-лейтенанть. ТИМОФЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЧЕСТНОВЪ, кунецъ. МАША. дочь ero. ПАРАМОНЪ МАТВЪЕВИЧЪ БАРЫШОВЪ, московскій купецъ. АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ, (петиметръ, возвратившійся изъ-за границы). ИВАНЪ, слуга его. ГЕНЕРАЛЪ. НОВИКОВЪ, корабельный секретарь. ЧЕТЫРЕ ЭКЗАМЕНАТОРА. ОФИПЕРЪ РУССКІЙ. ОФИЦЕРЪ ДАТСКІЙ. гренадеръ датскій. Early Tolkin and on the area she as those by a capable by пожилая гостья. КУЗМИНИШНА, няня Маши.

Экзаменаторы, экзаменующіеся, гости Тимофея Васпльевича, народъ.

HA HHURPATOPENOUS C. HETEPSPECKOMS TEATER

a Della Significant

HEROTOTAN TERM BY HERBERT BARB LA

дъйствіе первое.

КАРТИНА 1.

ВЪ СЕМЬВ НЕ БЕЗЪ УРОДА.

Компата въ домъ купца Честнова. Посреднит на правой и на атвой сторонахъ двери.

T

Голосъ ЧЕСТНОВА изъ-за двери налъво:

Чтожъ, Маша, намъ винца. Аль ты забыла. Еще бутылочку.

маша. (выходя изъ дверей направо съ подносомъ въ рукахъ).

Сей-часъ, сей-часъ.

Вотъ-кланяйся, проси да угощай,

А на сердцѣ такъ тяжело, такъ грустно. (уходить въ дверь на льво и тотчасъ возвращается).

Нътъ, вамъ не обмануть меня. Напрасно
Мнъ выйти батюшка велълъ оттуда.
Шепчитесь, вамъ не обмануть меня.
О, понимаю я, зачъмъ пріъхалъ
Къ намъ Парамонъ Матвъичъ! понимаю.

Онъ сватомъ изъ Москвы за мной отъ сына! А батюшка? Неужто согласится? Ахъ да, навърно, въдь они друзья, И вмъстъ издавна вели торговлю. (помолчавъ). Не прогитвись, Иванъ Степанычъ, волей Не измънила-бъ слову Маша. Долгъ Велитъ, Иванъ Степанычъ! Долгъ дочерній Родителямъ во всемъ повиноваться! Ахъ, для чего, какъ я въ семьъ купецкой Ты не рожденъ! Иль я, какъ ты безродный, Въ чужой семьъ, одна не вскормлена. Мы равны были-бы. А нынче... Боже! Какъ онъ хорошъ! Онъ сталъ еще пригожъй! Намедни только что изъ чуждыхъ краевъ Прівхаль, тотчась къ намъ. Какихъ чудесъ Не насказалъ, чего не насмотрълся, И батюшка его хвалиль, дивился Познаніямъ: и я то такъ-бы вотъ Все слушала тебя, Иванъ Степанычъ! Ушель. Я батюшку спросить посмъла, Какъ онъ Иванъ Степаныча находитъ. И чтожъ мнъ батюшка сказалъ на это?... «Онъ парень смътливый, и честный малый, И добръ Иванъ.»—Я замолчала, И больше спрашивать о немъ не смъла.

The state of the s

suspendent their amount

ЧЕСТНОВЪ и БАРЫШОВЪ.

fernand on an dioution o TECTHOBB.

Вотъ посвъжъе здъсь, прошу покорно.
Садись-ка, Парамонъ Матвъичъ. Тутъ
И потолкуемъ на просторъ. (увидъвъ Машу) Маша!
Ты здъсь, лебедушка! Да Богъ съ тобой,
Что нонъ ты какъ словно не своя?
Аль не здорова, что-ль?

O, northines a, septer appraisant

Здорова-съ. типа чтый произвиди принция

честновъ.

То-то

Не надобно хворать. Вѣдь ты, лебедка,
Дороже мнѣ всего! Одна теперь
Наслѣдница всему добру-богатству;
Побереги себя, молися Богу:
Да сохранитъ онъ мнѣ тебя на радость.
А вотъ ужъ чай, кажись къ вечерни скоро.
Поди-ко въ горенку свою, сберися
Въ храмъ Божій, да Кузьминишну возьми. (иълуетъ Машу въ голову. Маша уходитъ).

III.

Тъ-же кромъ МАШИ.

честновъ.

Садись-ка (наливая вина). Выкушай.

БАРЫШОВЪ.

Спасибо, будетъ.

Hapanous Marghay

da percevinar

ton has read that the

Хмъль, Тимофей Васильичъ, забираетъ.

честновъ.

И полно! Такъ-ли мы въ былые годы... Откушай-ко.

БАРЫШОВЪ.

(пьеть) Благодаримъ.

честновъ.

Такъ, такъ-то.

Ну, а касательно Царевыхъ дѣлъ, Не правъ ты, Парамонъ Матвъичъ. Словно Всей благости его дѣяній ты Уразумѣть не хочешь.

БАРЫШОВЪ.

Эхъ, товарищъ,

Неладно! нътъ, когда пораземотръть Да пораздумать все! Пригоже-ль дъло, Всю старину родимую вертъть, Крутить пошелъ по-своему. Смотри-ка, На что похожи мы? Стыдъ молвить.

честновъ.

Кушай,

ATTRIBUTE SORBOTER OF

БАРЫШОВЪ. (пьеть)

Благодаримъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Упрямство, другъ, упрямство— Вотъ что намъ не даетъ добра-то видъть.

БАРЫШОВЪ.

Эхъ, ужъ толкуй что хочешь, а не ладно! Нътъ, Тимофей Васильичъ, хоть сердись, Ругай, а не согласенъ я. Родной обычай Дороже всъхъ. Заморскую причуду, Которую здъсь вводятъ... ненавижу.

честновъ.

Эхъ, Парамонъ Матвъичъ ..

-БАРЫШОВЪ.

Ненавижу.

честновъ.

Да выслушай...

БАРЫШОВЪ

Ну, статочное ль дъло,

are tale quartal doublest

Боярство все, людей приказныхъ, войско
Въ какіе-то кафтаны нарядилъ,
Какъ скомороховъ словно! Первообразъ
Коверкать нудитъ насъ! На что похоже
Брить бороды!..

ЧЕСТНОВЪ.

Во истинну, товарищъ, Смышленъ ты разумомъ, а молвишь дрянь.

Аль думаешь, что русскій умъ таится Лишь въ бородахъ?

БАРЫШОВЪ.

На сходбищахъ у нихъ,
По ихнему на асамблеяхъ, слово
Поганое! таковско для позорищъ!
Тамъ, слышь ты, съ парнями безстыдно дѣвки,
Фатами не укрытыя, смъются, пляшутъ,
Ужимкамъ учатся лукавымъ! Парни
Хохочутъ, пьютъ да курятъ зелье. Словно
Какъ Вавилонъ! Такое развращенье!
Поди себъ жену тамъ выбирай!

ЧЕСТНОВЪ.

Постой же, въ свой чередъ и я промолвлю. Когда бы я не зналъ твою смышленость, Да издавна не велъ съ тобой хлъбъ-соли, На ръчь твою смолчалъ бы я и только. Нътъ, Парамонъ Матвъичъ, и не такъ Ты судишъ разумомъ. Ты молвишь войско Одълъ Царь Петръ въ заморскіе кафтаны, Да русскій духъ вдохнулъ богобоязни И старую крамолу вырвалъ вонъ! Въ кафтанахъ тъхъ мы шведовъ побъдили, И швейскій богатырь предъ великаномъ Треща, погнулся!—Кушай.

БАРЫШОВЪ

Да не пьется.

ЧЕСТНОВЪ.

Неволить не хочу, а я во славу Викторіи полтавской вынью. (Пьеть). Такъ-то, Ты охуждать изволишь ассамблею, Несправедливъ въ хулъ своей напрасной. На ассамблеяхъ мы бываемъ съ Машей, Худаго нътъ—людъ Божій веселится, Мужчины съ женскимъ поломъ обхожденью, Манерамъ учатся пріятнымъ.

БАРЫШОВЪ (въ сторону съ сердцемъ).

Не бывать!

Чтобъ у меня невъстка съ ассамблеи... Нътъ, завтра же въ Москву!

TECTHOB'S. A SECONDARY OF THE SECOND SECONDARY OF THE SEC

Да ты не кушаешь?

БАРЫШОВЪ.

Спасибо, будетъ.

честновъ.

Неволить не хочу. А въдь винцо Не нечисть, и соъжить съ усовъ, товарищъ, А не сбъжить-утремся полотенцемъ. Во здравіе Царево! (пьеть). Зоркій глазъ Петра все видитъ самъ, во все вникаетъ, И какъ замътитъ что, да погрозитъ, Чтобъ впредь, —такъ помнить будетъ виноватый, Гдъ ябеду примътитъ, гдъ за взятки Подьячаго накажетъ, гдъ въ обмъръ И брата нашего купца изловитъ. А тамъ, послушаешь, за безкорыстье Судью похвалить; тамъ за добрый торгъ Спасибо Царское промолвить; тамъ Заслугу наградитъ по-Царски, саномъ, И сладкими устами поцълуетъ! Гдъ бъдныхъ посътитъ, хлъбъ-соль раздълитъ; Гдв окрестить матроса, и на радость Что новаго слугу Богъ даровалъ, Откушаетъ и чарку на крестинахъ.... Самъ плотникъ, самъ матросъ онъ, самъ токарь, Всему наставить хочеть Государь, И подданнымъ даетъ примъръ дъяньемъ. Не то, что встарину, хоть чтитъ и родъ, Да и другимъ къ отличью путь даетъ, И ценить всехъ по смыслу и познаньямъ. Петръ Алексвевичъ, слышь, молвилъ такъ: Что рода знатнаго дуракъ Противнъй дурака простаго рода.

Оно и подлинно! Ему порода
Вст средства отличить себя дала.
Простой дуракт не много можетт зла
Принесть другимть, а человтить въ почетт,
При разумт его, да при охотт
На добрыя пригодите дъла!
Что скажешь?

БАРЫШОВЪ (cyxo).

Ничего.

ЧЕСТНОВЪ.

Разшевелиль! Не чисто, Парамонь;
Во осужденье ввель тебя лукавый.
Да воть хоть о себь скажу, коль къ слову
Пришлось. Ну, что я быль, самъ знаешь, просто
Торговець мелочной, хоть плюнь, и только.
Да честность Государь во мнъ замътиль,
И милостью своею отличиль.
Охъ, не забыть до смерти дня, какъ лавку
Онъ въ первый разъ изволиль посътить,
Смутился я; но по плечу съ улыбкой
Царь потрепаль меня, хвалиль товары,
Порядку, чистотъ полюбовался,
И сладкими ръчами обласкаль!
Охъ, не забыть мнъ дня того до смерти!

БАРЫШОВЪ (завистливо).

Вотъ что!

ЧЕСТНОВЪ.

А ужъ потомъ и часто въ лавку
Изволилъ заходить, всегда—«спасибо
Старикъ»—промолвитъ уходя. А я
Всю лавку отдалъ бы за то спасибо! (утираетъ слезу).
Ну, вотъ потомъ коммисію мнъ далъ,
Подрядецъ ставить—холстъ на госпитали.
А какъ давалъ, охъ не забуду слово
Устъ ласковыхъ его: «смотри жъ, старикъ,

Промолвилъ Государь: тебя я знаю,
Ты честенъ, не берись въ убытокъ, прежде
Обдумай, разорять я не хочу;
Безъ барышей не долго наторгуешь,
Чтобъ было хорошо, да чтобъ и прибыль
Тебъ была.»—Ахъ, Парамонъ Матвъичъ,
Все даромъ сдълалъ бы Царю такому!

БАРЫШОВЪ (съ любопытствомъ).

Ну, Тимофей Васильичъ.

честновъ.

Ну, воть я

И взяль подрядь, ужь всеконечно силы
Всв приложиль, чтобь угодить; а что
До барышей,—не утаю—копъйку
Я нажиль. Воть пришель къ Царю съ повинной
Я головой, и осмотръть товары
Просиль. Онъ такъ мнъ повельть изволиль.
А въ барышахъ до гроша повинился.
Всъ до куска онъ осмотръль, ощупаль,
Потомъ ко мнъ съ улыбкой обратился
И молвиль: «Ну, старикъ, благодарю!»
И обняль онъ, и Царскими устами
Поцъловаль!

БАРЫШОВЪ (съ удивленіемь).

Тебя-то?

честновъ.

Да, другъ...

БАРЫШОВЪ.

болов Ну?-петров датальна

честновъ.

Ну, вотъ отъ той поры и благодать

Небесную ко мнъ при честномъ торгъ

Господь послалъ, и милостью Царевой

Я не забытъ.

БАРЫШОВЪ.

Эхъ, Тимофей Васильичъ! Выходитъ въдь давно мы не видались; Слышь, что за чудеса!

честновъ.

Давненько будеть; Ну, кушай же.

БАРЫШОВЪ (въ сторону).

Одно не хорошо, На ассамблею, видишь, дъвка ходить; Чъмъ не жена бъ; онъ самъ богать, въ почетъ...

честновъ.

Такъ такъ-то... Вотъ одно меня печалитъ— Прикащика хорошаго не знаю. Былъ у меня одинъ сидълецъ-,—парень Наичестнъйшій, умный, расторопный, Да Государь изволилъ отобрать.

БАРЫЩОВЪ.

Сидъльца-то?

честновъ.

Да, другъ, сидъльца. Видишь Во всякомъ званіи Царь цънитъ разумъ.

БАРЫШОВЪ.

Да какъ же это такъ?

честновъ.

А вотъ какъ. Былъ онъ

Слуга боярскій, сирота; мальчишкой Бояринъ мнъ знакомый его отдалъ; Авось либо помощникъ будетъ. Точно, Въ немъ бойкость разума не по лътамъ Была на диво! Я ужъ говорилъ, Что Государь изволилъ за частую Въ мою лавчонку жаловать. Вотъ разъ Меня-то не было, одинъ Иванъ

Въ ней торговалъ; ужъ былъ онъ парень взрослый. Анъ и случись на ту пору, что въ лавку Заходитъ Государь, вотъ и примътилъ, Что мой Иванъ смышленъ и ловкій малый, И дъло все какъ должно понимаетъ, И на запросъ даетъ отвътъ разумный. Онъ похвалилъ его, а много разъ И мит потомъ хвалилъ. А тутъ случись Чрезъ полгода въ чужіе краи Царь Дътей боярскихъ отправлялъ въ науку. И на сынка боярина Ивана Чередъ палъ тоже. Вотъ тогда и вспомни Про моего Ивана Государь. Вишь ты, какъ помнитъ онъ, въ комъ хоть однажды Что доброе примътитъ! Ну, вотъ вспомнилъ И говоритъ боярину, отцу-то: Есть-дескать у тебя такой-то малой, Дай сыну въ путь его, онъ пригодится Ему смышленостью, а возвратится Тебъ не нуженъ будетъ-мнъ полезенъ. Вотъ такъ-то я сидъльца и лишился. А былъ ужъ точно что...

БАРЫШОВЪ.

Ну, что жъ, прівхалъ?

Проси назадъ.

честновъ.

Прівхать-то прівхаль,
И разуму, сказать, понабрался;
Да самъ бояринъ, видишь, померъ старый,
Осталася жена—что баба знаетъ.
А молодаго я боярина
Не видывалъ (стучать въ дверь; голось Ивана).
Хозяинъ, отворите.
Эй, Тимофей Васильевичъ!

честновъ.

Ахъ! въдь онъ! (Бъжитъ къ двери). Гость дорогой! Иванъ! сейчасъ, сейчасъ! Вотъ легокъ на поминъ. Ну, спасибо, Не забываетъ насъ. (отвориет). Прошу покорно.

IV

ТВ ЖЕ И ИВАНЪ.

ИВАНЪ.

Я съ бариномъ. Не прогнъвись, прошу, За безпокойство. На дорогъ съ нами Несчастье приключилось,—а до дому Далеко, такъ къ тебъ...

ЧЕСТНОВЪ (кланяясь).

Прошу покорно.

Гостямъ мы дорогимъ бываемъ рады. Не прогнъвитесь, что въ расплохъ застали.

(Продолжаеть кланяться).

V

ТЪ ЖЕ И АНДРЮША, ОНЪ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ВЪ ДВЕРЯХЪ И МОЛЧА ДОЛГО СМОТРИТЪ ВЪ ЛОРНЕТЬ НА ТИМОФЕЯ Васильевича. Андрюша одъть въ черный бархатный камзолъ послъдняго французскаго фасона, въ бълме панталоны, шелковые бълме чулки и башмаки съ пряжками. Въ рукъ шляпа временъ Людовика XIV. Лицо, камзолъ, панталоны, чулки и башмаки испачканы грязью. Андрюша говоритъ то протяжно, то скороговоркой.

АНДРЮША.

Такъ это Јеап твои знакомцы?

ИВАНЪ.

Здъсь тотъ домъ,

Въ которомъ выросъ я, Андрей Петровичъ, честно: Гдъ чувствамъ былъ просторъ, не было сердцу тъсно. Вотъ и хозяинъ самъ...

A, часто такъ объ немъ Ты говорилъ (слегка кивнувъ головою). Мнъ многое извъстно. Vraiment quelle sotte figure!

ИВАНЪ

Хозяинъ, услужи:

PAREHIE ARTEM SHAR PRIV. OTOT 5

Дай щетку и воды.

АНДРЮША: 2011 диникования в подат лугой

Да, да другъ, прикажи.

честновъ (суетливо).

Я тотчасъ... (тихо Ивану). Чемъ подчивать?

ИВАНЪ.

Къ чему! лишь щетку, безъ хлопотъ. Проходу не давалъ намъ въ улицахъ народъ.

честновъ (суетливо).

Я тотчасъ прикажу. (скоро уходить, за нимь робко слыдуеть Парамонь Матвыевичь).

Marcolle VI. Richard Pri and Commandation of

Андрюша и иванъ.

АНДРЮША (спет).

Le diable m'em porte! ну, встръча!
Проъздомъ захотълъ вступить со мной Царь въ ръчи,
Распросы, какъ я жилъ и что, а самъ «пошелъ!»
Лишь кучеру кричитъ: «Пошелъ же! погоняй-ка!»
Я часъ за нимъ бъжалъ, и таратайкой
Испачкало лицо, чулки мнъ и камзолъ!
Вдругъ «вправо» вскрикнулъ Царь, а мъсто ада хуже!
Я по колъна въ грязь и вслъдъ за нимъ по лужъ!

ИВАНЪ.

Чтожъ съ вами Государь?..

SA sonod t you god the AHAPROMA . To fow the annal and stroken.

А онъ о щегольствъ,

teron or varent hely.

На всемъ скаку, — о томъ, о семъ, о мотовствъ... И вдругъ какъ громомъ озадачилъ: Экзаменъ завтра мнъ въ коллегіи назначилъ.

MBAHD. I denoted whose within the mines.

Экзаменъ?

АНДРЮША.

Этого ужъ я не ждалъ никакъ!

BBAHЪ (muxo).

Сегодня хорошо тебя онъ одурачилъ,
Посмотримъ, завтра какъ.

АНДРЮША:

И могъ ли я, скажи, объ этомъ думать ранъ? Прогулки, иль театръ, иль ужинъ, иль банкетъ!..

иванъ (насмъшливо).

Такъ точно-съ.

АНДРЮША.

A! charmant! вотъ люди—парижане! А здъсь? ils ont vecus ici toujour en bête!

BRAND. AND BRAND. AND LONG THE SECOND STORE OF THE SECOND STORE OF

Сгруснется сорванцамъ.

АНДРЮША.

А нъжныя свиданья!

Spirite AMAR SE ST

Ты помнишь ту,—ну, ту... Бывало только ночь... И вдругь! экзаменъ—испытанье! Послушай, Jean, ты можешь мнъ помочь.

ИВАНЪ.

Не знаю, сударь, въ чемъ.

андрюша.

Въ Парижъ въдь отъ скуки

Ты эти разныя переучилъ науки. Мнъ было некогда, разсъянъ, ну, влюбленъ... Послушай, подскажи!

ИВАНЪ.

Да можно ль?

Очень можно!

И отчего жъ нельзя? лишь дѣлай осторожно, Чтобъ не замѣтилъ Царь. Ужъ я-жъ похохочу. Послушай ты ко мнѣ какъ можно встанешь ближе. Ни шагу, никуда, ни съ мѣста, ни на мигъ! С'est juste pour cela que j'ai un domestique!

Вотъ тоже хорошо, да развъ я въ Парижъ

Затъмъ свой проживалъ оброкъ,

Чтобъ заданный твердить, какъ школьнику, урокъ?

Вотъ вздоръ! Я предпочелъ забавы;

Гризетокъ изучалъ, обычаи и нравы.

А какъ бываю Jean пріятно изъ кулисъ

Выманивать къ себъ хорошенькихъ актрисъ!

ИВАНЪ.

Не знаю, за собой не зналъ такой замашки.

Да чортъ возьми! межъ нихъ какія есть милашки!

VII.

ТВ ЖЕ МАША съ умывальникомъ и КУЗМИНИШНА съ щетками.

МАША (увидъвъ Ивана съ замъшательствомъ присъдаетъ).

Иванъ Степанычъ!

ИВАНЪ (поклонившись, въ сторону).

О, какъ разцвъла она!

АНДРЮША (обернувшись лорнируеть).

A! (подходить ближе кь Машь лорнируя) Petitte fillete! и право не дурна.

Лукавые глаза! въ климатъ этомъ гадкомъ Я полюбить ее не прочь, за недостаткомъ Француженокъ.

MATTA.

Вотъ-съ щетки и вода. (Бросивъ на Ивана взглядъ, хочетъ итти).

Тонжом аногАНДРЮША.

Спасибо, душечка. Куда же ты? куда?

DENIE distance MAMA:

Миз батюшка вельлъ-съ къ вечериз торопиться.

АНДРЮША (снявт камголь, который Ивань чистить).

Но прежде, мой дружокъ! ты мнъ подашь умыться!

МАША (съ замъшательствомъ).

Но я-съ...

КУЗМИНИШНА.

Что жъ, прислужи.

АНДРЮША (умываясь).

А сколько душкъ лътъ?

a compagn he middines of

КУЗМИНИШНА.

Осьмнадцать съ Покрова!

АНДРЮША.

А! возрастъ презатъйный! А влюблена? (Маша съ замъшательствомъ опускаеть глаза).

КУЗМИНИШНА.

Кого любить, мой свътъ?

АНДРЮША (взявъ съ плеча Маши полотенце, заигрывая).

И что за миленькій у ней платочекъ шейный!

MAMA (omcmynuss).

Оставьте-съ.

АНДРЮША.

Хочешь, я, красотка, подарю Тебъ косыночку,—привезъ изъ чуждыхъ краевъ.

КУЗМИНИШНА.

Не нужны намъ.

Для продоля и полостей премеждами.

Покорно васъ благодарю.

андрюща.

Въдь я шалунъ!

Osópinnas/

BAHT (muxo).

Да, мало негодяевъ

Такихъ найдешь.

АНДРЮША (возвративъ полотенце)

Мегсі. А что въдь не толкуй, Я много бы за твой даль, крошка, поцълуй.

МАША (отскочивъ).

Не стыдно-ль съ дъвушкой вамъ этакъ обращаться!

КУЗМИНИШНА.

До свадьбы ей гръшно съ мужчиной цъловаться.

АНДРЮША (подступая).

Mon ange! O quelle betise! Въ Парижъ цъловалъ я миленькихъ маркизъ.

КУЗМИНИШНА.

Ужъ знать таковскія!

маша.

Я, баринъ, не маркиза.

Я русской дъвушкой родилася, простой.

(мания в поможно в Андрюша.

Тъмъ лучше, другъ ты мой,
И сдаться мнъ должна безъ всякаго каприза!
(наступая). Ну, ну...

маща (убъгая въ двери).

Ай, что...

кузминишна.

Ахти!

НВАНЪ (останавливая Андрюшу).
Андрей Петровичъ, тутъ

Lauryanu mangul

Для проказъ и шалостей не мъсто. (провожаетъ Машу и Кузминишну до дверей).

КУЗМИНИШНА (въ дверяхъ).

Озорникъ!

VIII.

АНДРЮША и ИВАНЪ

АНДРЮША.

А тебъ какое дъло, плутъ! Она тебъ сестра, любовница, невъста!..

ИВАНЪ.

Я это не сказалъ.

АНДРЮША.

Послушай, какъ ты смълъ?

ИВАНЪ.

Андрей Петровичъ, я за васъ здѣсь часъ краснѣлъ. Грѣшно надъ дѣвушкой столь скромной издѣваться; Безсовѣстно пятнать у беззащитной честь.

АНДРЮША.

Въ Парижъ ничего не значитъ цъловаться.

ИВАНЪ.

Различіе вездъ межъ женщинами есть.

АНДРЮША (надпьет камзолт).

Каковъ! Онъ мнъ пошелъ давать нравоученье. Очисти мнъ чулки.

ИВАНЪ (чистить; молчаніе).

АНДРЮША.

Но впрочемъ не сердись,

Јеап, знаю я, ты братецъ плутъ, ей-Богу.

Дъвчонка не дурна! И хочешь такъ женись.

Но съ тъмъ... Вотъ эту чисти ногу.

Что если какъ нибудь вдругъ вздумается мнъ

Жениться здъсь, отъ скуки, спозаранки,

Такъ будущей моей женъ

Отдашь ли ты свою въ служанки?

ИВАНЪ.

Андрей Петровичъ! такъ не мыслилъ вашъ отецъ.

АНДРЮША.

Да, на это онъ былъ, какъ-то глупъ не много.
А вотъ ужъ матушка, сказать что—молодецъ,
И батюшку въ рукахъ держать умъла строго.
Конечно, цълый въкъ въ Россіи прожила,
У насъ, во Франціи, такъ нынъ
Жена вотъ здъсь, а мужъ на этой половинъ,
И не мъшаются въ ихъ частныя дъла. (Отходить, лорнируя).
Однако гдъ жъ хозяинъ?

Cardina to IX. 100 diesa grand

ТВ ЖЕ и ЧЕСТНОВЪ.

TECTHOBS.

Здъсь бояринъ?

АНДРЮША.

Ну, братецъ, я тебъ премного благодаренъ. Прощай.

TECTHOB'S. TOTHON A WOM A PROPERTY.

Не прогивнись.

маноруо АНДРЮША по подпольной сто данной.

А дочкъ поклонись.

На счетъ ея, совътъ тебъ дамъ преполезный: Держи въ рукахъ.

нванъ (тихо, пожавъ Честнову руку).

Ахъ, Тимофей Васильичъ, не сердись.

АНДРЮША (въ дверяхъ, дълая ручкой)

Tura dynymon money reme

А отъ меня снеси ей поцълуй, любезный. (уходить, за нимь Ивань).

X.

ЧЕСТНОВЪ И ПОТОМЪ БАРЫШЕВЪ.

ЧЕСТНОВЪ.

Иль онъ помъщанный?

БАРЫШЕВЪ (крадучись изъ-за дверей).

Что, Тимофей? а, ну-ка! Уменъ! что? Вотъ тебъ заморская наука!

TECTHOBS. Hope Hope are done ...

Петръ Алексъевичъ, ты хлопоталъ! За что жъ! На человъка онъ въдь вышелъ не похожъ!

БАРЫШОВЪ.

Какъ притчу разръшишь ты намъ такого рода?

честновъ (махнувъ рукою).

А. Генераль

An a ma evers paters and

Визанень Молодики полист

Hamming gens ceromen and other

Эхъ, Парамонъ, въ семьт не безъ урода!

дъйствіе второе.

КАРТИНА 2.

ЭКЗАМЕНЪ.

Пріемная комната въ коллегіи. Всрединъ и налѣво отъ зрителей двери.

T

ягужинскій, съ бумагами въ рукахъ.

Библіотекарю Піумахеру
Его Величества Указъ: впускать
Въ кунскамеру безъ платы, сверхъ того
Еще столомъ хорошимъ угощать,
Кто ръдкостей прійдетъ смотръть собранье.
Непостижимо, какъ Великій Петръ
О просвъщеньи подданныхъ печется. (чимаемъ другую бумагу).
А, Меншикову написать, что роту
Желаетъ Государь изъ кондукторовъ
Имъть въ своемъ полку Преображенскомъ,
Что здъсь? вотъ и указъ о торжествъ
Назначенномъ Его Величествомъ
Въ Москвъ, въ присутствіи посланниковъ.

Да, любитъ вспоминать великій Царь
Викторію столь славную надъ Карломъ,
Гдѣ мы, ученики въ военномъ дѣлѣ
Учителей перехитрить успъли.
Да, любитъ Царь Полтавскую побъду
Средь радостной семьи торжествовать!
Его жъ семья—обширная Россія.
Родной кружокъ на каждомъ мѣстѣ Царства!

Maron otomis Alem in annovamo vernoji sensi -

ягужинскій и новиковъ. Новиковъ.

А, Генералъ-..

ЯГУЖИНСКІЙ.

Вы върно къ Государю?

новиковъ.

Да, я на счетъ работъ въ Адмиралтействъ. Его Величеству угодно было Назначить день сегодня для осмотра. Что, занятъ Государь?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Сейчасъ окончилъ Экзаменъ. Молодыхъ людей, которыхъ Онъ посылалъ въ чужіе краи, здъсь Сегодня испытуетъ самъ. Пождите.

na on West mar are essent

новиковъ.

Ну что о торжествъ московскомъ слышно?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Сбирайтесь, вотъ указъ, чтобъ чрезъ недълю Готово было все. На дняхъ Царь ъдетъ, А съ нимъ и мы.

новиковъ.

Я слышаль ждуть пословъ?

ягужинскій.

Да, Датскаго и Польскаго ждеть Царь.

III.

1, ЗКЗАМЕНАТОРЪ, скоро выходя изъ дверей налъво, хочочетъ.

Ха, ха, ха, быть грозъ! и смъхъ и горе!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Что съ вами, генералъ!

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Представьте странность; Успъли върно вы, замътить, генералъ, Въ числъ тъхъ молодыхъ людей одного, Одътаго французскимъ петиметромъ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Да, какъ же. Что жъ?

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Неправда ль, что по взгляду. Подумать можно бы, что всю ученость Онъ проглотилъ Европы, и насъ всъхъ Нулями почитаетъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Ну, признаться, Я этого не думалъ; взглядъ надмѣнный Ума не много можетъ объщать. По шутовскому жъ платью, господа, Отмътите глупца вы безъ ошибки.

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Позвольте. Съ нимъ, не знаю какъ случилось, Что въ залъ его слуга протерся тоже. Тамъ позади его онъ помъстился FASAMOOR ROSTING & Съ записками наукъ и чертежами. И только Государь лишь отвернется, Онъ шепчетъ на ухо тому отвъты.

ЯГУЖИНСКІЙ.

A CASMENDINE TEL

PAVESHOO AREK THEHS.

· Permaro Toccheran

all nectors boront corp. Or sent

И знаетъ хорошо предметъ?

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ. Воона віти од привод»

И почолчавъ, спросиль съ ст. оннамтО сел

ЯГУЖИНСКІЙ.

Ну, чтожъ, — слуга за барина учился. Все жъ не въ потеръ Царь, не тотъ, такъ этотъ Цтль выполнилъ и дтльнымъ воротился.

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Каковъ слуга, однако жъ?

personnages IV auroned

ТЗ ЖЕ и ГЕНЕРАВЪ, выходя скоро. footon avan deput at

PEHEPAND. MYDIS WICHAUS THERED WIST

Xa, xa, xa!!..

Попался!

BCB.

Какъ? что, что?

ТЕНЕРАЛЪ ОВ ОТР. ТЕЙ ОВЕНИ АТОКУ ГОВЕ

Нашъ франтъ попался. На мъстъ преступленья Государь Поймалъ его.

ВСВ

Какъ, что, неужли?

ГЕНЕРАЛЪ, ОЗЕМЕН ДО ЗИОЗВЕДЕН ОТ

Вотъ какъ.

Невъжествомъ дворянчика наскучивъ, Его Величество сердиться началъ. И грозно обратясь къ нему промолвилъ:

- «Безсовъстный! Затъмъ ли я тебя
- «Учиться посылаль, чтобъ ты глупъе
- «На родину оттуда возвратился?
- «Обманщикъ ты, за тъмъ, что ты надежды
- «Царя такъ обманулъ; а кто обманетъ
- «Роднаго Государя, тотъ обманщикъ,
- «И передъ Богомъ тотъ не чтитъ закона.
- «Родной религіи своей не знаетъ!»

И помолчавъ, спросилъ съ суровымъ взоромъ:

Во сколько дней быль созданъ міръ? Замялся Сначала петиметръ, но тутъ проворный . Слуга ему шесть пальцевъ показалъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

И что жъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

На дъло глупъ, смышленъ на плутни, Онъ тотчасъ понялъ знакъ, и бодро: въ шесть.

BCB.

Каковъ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Тогда опять съ вопросомъ Царь:
«А изъ чего Богъ создалъ человъка!»
Молчитъ. Ну, изъ чего жъ? спросилъ Царь гнъвно?
Молчитъ. Межъ тъмъ слуга его на глобусъ
Въ то мъсто самое, гдъ крупнымъ словомъ
Написано земля, ужъ кажетъ пальцемъ.

BCB.

Ха, ха, что жъ онъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ну, чтожъ, опять смекнулъ.

И отвъчаетъ бодро изъ земли.

ягужинскій.

Забавно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Не совсъмъ забавно вышло.

А женщину? спросилъ вдругъ Государь,
И отвернувшись скорыми шагами
Пошелъ по комнатъ. Нагнувшись такъ (показываетъ)
Къ губамъ слуги приставилъ франтикъ ухо,
А тотъ ему чуть слышно: изъ ребра.

BCB.

Что жъ онъ?

генералъ.

На этотъ разъ ужъ промахнулся, И что же, отскочилъ:—изъ серебра!

BCB

Вотъ хорошо, вотъ славно! Ха, ха, ха!

ГЕНЕРАЛЪ.

Его Величество отвътъ сразилъ; Онъ быстро обернулся. Что жъ? и видитъ На корточкахъ нагнувшись петиметръ Стоитъ, къ губамъ слуги приставивъ ухо. А тотъ ему все шепчетъ: изъ ребра.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Что жъ, разсердился Государь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Напротивъ

Его Величество на позитуру
Расхохотался. Гитьвъ его въ минуту
Прошелъ. Онъ подошелъ къ столу,
Взялъ франта за ухо и на колъна!

BCB.

Ну, а слуга?

ГЕНЕРАЛЪ.

Стоялъ, ни живъ, ни мертвъ. Вдругъ ласково къ нему Царь обернулся И проницательно, орлинымъ взглядомъ Его Величество его измърилъ. Ты, кажется, знакомъ мнъ? Ну, посмотримъ, Всегда ли ты въ отвътахъ будешь боекъ! И началъ Государь давать вопросы.

BCB.

Что жъ онъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Да что, задачи такъ ръшаетъ, Что хоть бы лучшему изъ инженеровъ! Непостижимо, какъ онъ научился! Его Величество такъ восхищенъ Его отвътами, что первый гитвъ Совсъмъ съ лица исчезъ у Государя.

BCB.

Ну, слава Богу!

V.

второй экзаменаторъ вошедъ, ягужинскому.

Васъ и Новикова Его Величеству угодно видъть.

(Ягужинскій и Новиковь уходять).

VI

БЕЗЪ НИХЪ. ГЕНЕРАЛЪ.

Ну, что тамъ?

2. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Все идетъ теперь прекрасно. Его Величество не въ шутку веселъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

А все слуга!

2. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Преловкій вышель малый.

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

И кто могъ ожидать!

VII.

ТВ ЖЕ 3 и 4 ЭКЗАМЕНАТОРЫ и экзаменуемые.

3. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Экзаменъ конченъ.

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Ну, что, какъ Государь?

3. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Весьма доволенъ.

4. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

А ужъ слуга, признаться, молодецъ! Хоть бы изъ насъ кому такъ знать науку. Вотъ и они.

VIII.

ТВ ЖЕ, ЯГУЖИНСКІЙ ЗА НІМЪ АНДРЮША І ИВАНЪ.

ягужинскій.

Его Величество

Благодарить велъль всъхъ за успъхи.
Онъ по домамъ велъль васъ распустить.
Объ васъ особые указы будутъ.
Ступайте, Господа. (Экзаменующіе уходять).
А васъ двоихъ

Его Величество мнѣ повелѣлъ
Сейчасъ назначить въ полкъ Преображенскій.
(Ивану). За рѣдкую любовь къ образованью,
За то, что пользы ты постигъ Россіи,
Стараніемъ свой разумъ просвѣтилъ,
И хочешь быть полезенъ Государю—
Среди его трудовъ, его заботъ,
Средь битвъ его противу предразсудковъ,
Невѣжества упорнаго, что цѣль
Великую ты понялъ Государя,
Отъ имени его—тебя я поздравляю
Его Величества сержантомъ роты. (Садится писать).

ИВАНЪ.

О Господи, продли ему лѣта!
Чтобъ выполнить онъ могъ задуманное дѣло!
Молись отечество! да подкръпитъ самъ Богъ
Его на подвигъ трудный!
Чтобъ съ изумленіемъ потомокъ дальній могъ
Благословить его, взглянувъ на образъ чудный
Гиганта! О, продли Господь и мнѣ
Лѣта, за тѣмъ, чтобъ могъ я доказать,
Какъ милость Царскую цѣнить способенъ русскій!

ЯГУЖИНСКІЙ. (Андрюшт).

Родившійся бояриномъ, ты лучше Былъ долженъ понимать великость пользы. Которую вамъ, близорукимъ, Царь Открыть старается. А ты что сдълалъ? Ты время расточаль въ пустыхъ забавахъ; Надеждъ Царя не оправдавъ, вернулся Глупве, чъмъ повхалъ. Это мало; Но пользуясь свободою въ Россіи Ты можешь быть другимъ примъромъ вреднымъ. Во избъжанье зла тебя назначить Его Величеству угодно въ службу. Но такъ какъ ни чему не научась, Приличный званію не можешь постъ Занять ты, то тебя назначить въ полкъ Его Величество изволилъ рядовымъ, Сержанту новому отдавъ въ команду. (Ивану). До новаго распоряженья впредь Къ отбытію на мъсто службы, ты Свободенъ проживать гдв хочешь; ты же Здъсь въ кордегардіи подъ карауломъ. Сержантъ, сведи его подъ караулъ. Ну, маршъ (Андрей и Ивант уходять).

IX

БЕЗЪ НИХЪ.

1. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Награда по заслугамъ!

ГЕНЕРАЛЪ

Правда!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Дурь служба выгонить!

2 ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

Уму наставить.

3. ЭКЗАМЕНАТОРЪ.

А что, его Величество увхаль?

ягужинскій.

Къ работамъ съ Новиковымъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Значитъ, намъ

Ждать нечего. Пойдемте, господа.

1 и 3 экзаменаторъ.

Пойдемте.

всв (раскланиваясь).

дения (ч. генералъ! маскитурь ата в упакова и ваТ

Мое почтенье.

ягужинскій.

Прощайте, господа (уходять).

an or \mathbf{X} reduced him where of the α as e.C.

ягужинскій одинъ.

Теперь указа

Прожектъ объ нихъ покуда приготовлю.

(садится и пишеть).

XI. "ME agon sungermuon see may C

ОФИЦЕРЪ (входя).

Къ Его Величеству.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Какъ, развъ онъ

Къ работамъ не утхалъ?

ОФИЦЕРЪ.

Ужъ совствы

Сълъ въ таратайку Государь, но навстръчу Ему какая-то старуха съ просьбою, Въ слезахъ. Его Высочество за вами Послалъ меня, прослушавъ челобитье.

ЯГУЖИНСКІЙ. (вставан).

Идемте. Боже мой! Ему и шагу
Здъсь сдълать не дадутъ, всъ подъ его
Крыло державное искать защиты,
Какъ къ матери птенцы, спъшатъ. Идемте! (уходятъ.)

дъйствіе третье.

КАРТИНА 3.

СЕРЖАНТЪ.

Декорація перваго дъйствія.

T.

честновъ и маша.

честновъ.

Я говорю тебъ... охъ, Маша, Маша, Не въкъ тебъ въдь дъвкой въковать, Твои лъта такія... Между тъмъ Тебъ я жениха нашелъ на диво, И молодъ, и пригожъ собой, и родомъ Подъ стать тебъ, купецкій сынъ, что скажець?

MAIIIA.

Ахъ, батюшка!

честновъ.

Да это въ сотый разъ Я слышу отъ тебя!

MAIIIA.

Повремени.

Повремени еще не много. Дай свободу Надуматься.

честновъ.

Надуматься, вотъ то-то, Всв молодые вы на стариковъ Не полагаетесь!.. Аль не отецъ Тебъ я? Али мнъ не дорога ты? Аль за тебя я дни и ночи думу Не думалъ кръпкую, чтобъ ты, лебедка, И подъ чужой не горевала кровлей. Въдь я старикъ, взгляни, одной ногою Въ могилъ ужъ стою. Чтожъ будетъ, Маша,

Когда тебя при жизни не успъю Пристроить я? нътъ, нътъ, и въ гробъ кости Не успокоятся мои! и въ гробъ Заплачу я! Послушайся отца.

MAIIIA.

Но батюшка, въ минуты тѣ ты могъ ли Въ груди моей біеніе подслушать! При выборѣ спросился ли ты сердца?

честновъ.

Такъ всѣ старинную поете пѣсню
Вы дѣвушки. И въ наши времена
Слагалася она про грусть кручину,
А выходили замужъ и свыкались.
Эхъ, Маша, вѣрь мнѣ, сердце глупо,
Когда его разсудокъ не ведетъ,
И тотчасъ на бѣду оно наскочитъ.
Въ такихъ дѣлахъ руководитель Богъ
Да опытность.

MAIIA.

Но, батюшка, аль можно Заставить грудь не чувствовать? и сердцу Сказать—люби? Ахъ, батюшка, къ тому же Я жениха не видъла.

честновъ.

Увидишь. Ону стя услопия он оне эно коопол

Затъмъ-то я въ Москву съ тобой и ъду.
А кстати торжество Полтавской битвы
Пируетъ Государь тамъ нынъ. Вотъ
Предлогъ нашъ быть въ Москвъ. А между прочимъ
И жениха ты высмотръть успъешь.
Да? знаю я, тебъ онъ приглянется.
Ну, какъ теперь, что скажешь?

MAIIA.

Я?

честновъ.

Что скажешь?

МАША (съ нъжностью),

Повремени.

ЧЕСТНОВЪ.

Опять!

Ha nee, na nee, u barraman, natuna МАША (взявт его руку, умоляющимт covocowe)

О,, батюшка!

честновъ (гиљено).

Поди! Я до съдинъ доживъ, не думалъ, Чтобъ непокорностью...

маша (со слезами).

О, Боже!

честновъ.

маша! и че министра Падаросы

Въ послъдній разъ, послушайся разсудка, Пойми отца, или, клянусь...

МАША (удерживая его руку).

he develop exercise demi-

О что ты!

О, не клянись! покорность долгъ мой, я На все согласна!

честновъ (обиявъ ея),

Дочь! дитя мое! принципальной потрадо на дарго Иль ворогь я тебъ! Ахъ Маша, Маша! Ну, успокойся же! протоком под нед турк выдачный

> MAIIA (muxo). Hemais exopo adema to

connected as Remount Ахъ, видно Машъ

Не суждено покоя на въку!

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ вдешь ты въ Москву со мною?

Павить Осепвинать! (оне ей МАША (грустно).

Ъду.

Дизменомоми по честновъ.

И ввъришься отцу?

DERENT VIROLANDRUM

МАЩА.

Велишь ты! Да,

На все, на все, я батюшка, готова.

кузминишна (въ дверяхъ).

Тебя изъ лавки Тимофей Васильичъ Зовутъ (уходитъ).

честновъ.

Иду, иду. Ну, полно-жъ Маша,

Ну, усновойся же! О дъти, дъти!
Когда бы знали вы, какъ тяжко сердце
Родителей о васъ порой тоскуетъ!
Ну, перестань кручиниться! Я тотчасъ
Изъ лавки возвращусь. Съ тобою вмъстъ
Къ вечернъ сходимъ нынче помолиться.
Прощай! (обнимаетъ ее и уходитъ).

Il's nocatanin past, nocat macon pases

МАША (одна).

О, сходимъ, сходимъ помолиться! (Минута молчанія. Маша спет).

Какія въ слабомъ женскомъ сердцѣ есть
Здѣсь тайныя и струны, и пружины,
Не разгадать вамъ ихъ, не перечесть,
Вы гордые, вы, сильные мужчины!
Отцы, и братья, и мужья!
Въ свидѣтели изъ васъ зову любаго,
Понять ли вамъ тотъ бой, въ который я
Съ покорностью итти не первая готова.
(Вставъ скоро идетъ къ дверямъ и встръчается съ Иваномъ).

III.

МАША и ИВАНЪ въ русскомъ полукафтаньв.

маша (смутившись).

Не сущаено покол на вику!

Иванъ Степанычъ! (онъ ей кланяется). Батюшки нътъ дома...

Вы....

НВАНЪ.

Я къ нему, есть дъло у меня.

3a nocromerno ceputal Ilm po

Ha avenues yours, neymean

Occarios, mes? Hanni su noin

Въ молчавін упрекъ песправетливый

Но прежде мнъ хотълось также съ вами
Поговорить объ этомъ важномъ дълъ.

На часть, на мигь однами поружими

Со мной?

HPOCTATE R HE EQUES A MOTT CHARACT

Да, съ вами.

MAIIA.

О! но что такое?

ИВАНЪ.

Но вы встревожены, и мой приходъ приходъ не въ пору можеть быть!

MAIIIA.

О, нътъ, я такъ... (Въ сторону). Нътъ, онъ не долженъ знать моей печали.

THE PROPERTY REAL PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE OWNER OWNER

Ахъ, Марья Тимофевна, аль три года Могли все измънить, и всъ надежды Ивана бъднаго разрушить?

МАША.

Что вы?

Я васъ не поняла!

ИВАНЪ.

А прежде, прежде
Меня такъ хорошо вы понимали.
Припомните, въдь этому всего-то
Какихъ нибудь три года. Такъ, бывало
Моя васъ встръча не пугала, мой приходъ
Всегда былъ во-время, а нынъ вижу
Какъ много отняло у счастья время
Разлуки.

Хочу, чтобъ вы послушали межшам

Боже!

ИВАНЪ.

Но простите! О!

Простите! И какое право я на высомнот воситок или выподной Васъ упрекать имъю? Или можно На часъ, на мигъ единый поручиться За постоянство сердца! Иль во власти Ему законы мы свои давать! Простите! Я не правъ, я могъ, безумецъ, Повърить!

MAIIIA:

(тихо). Я не выдержу себя!

ИВАНЪ.

Такъ, вижу, время много измънило, по помента динежноство ма оп He as more mowers burn! Не ежели оно мои надежды На лучшее убило, неужели Не пощадило въ васъ воспоминаній? О нътъ, въ моей душъ прошедшихъ дней PHO ATTHE (WESTERN ALL) Мгновенья свътлыя не изгладимы! Позвольте-жъ мнъ хоть дружбой прошлыхъ лътъ Вамъ пожелать на въки счастья! Я же... Прощайте... я здъсь лишній!

МАША (слабым голосом).

A mouseue

Говинон оп торея В

AB. CE BOME.

Нътъ, останьтесь.

ИВАНЪ

Остаться, мнъ? Какъ! вы велите?

MAIIA.

Дамилиноп на опросох алет вняМ

BAHD orthe years are orthwented! County anothe upa ross. Tage, Cassan

Но для чего-жъ! Зачъмъ?

МАША (ст достоинствомт).

Mon sales acressa ne nyrona, moi noli

Я такъ хочу. Товго у оклато отопи а дой

Я выслушала васъ, и въ свой чередъ Хочу, чтобъ вы послушали меня. Въ молчаніи упрекъ несправедливый

Внимала долго я, теперь позвольте
И мнѣ замолвить слово въ оправданье.
Иванъ Степанычъ! Намъ законъ природы
Опредѣлилъ два долга, очень часто
Между собой они ведутъ борьбу:
Одинъ долгъ—выборъ сердца, а другому
Названіе—покорность воли
Родительской.

ИВАНЪ.

Но дальше!...

МАША.

Какъ назвать

Ту женщину, которая разрушитъ
Святой законъ втораго долга? Какъ
Повърить той, которая растопчетъ,
Сомнетъ святыя эти узы, на которыхъ
Семейное Богъ счастье основалъ?
Иль думаете вы, что справедливымъ
Ея не заклеймитъ упрекомъ тотъ же,
Кому она на жертву принесетъ
Дочернюю покорность? Развъ можетъ
Она быть матерью хорошей дътямъ?
Примъръ собой имъ послушанья дать,
Когда его сама переступила?

ИВАНЪ.

О, все теперь я понялъ! Счастье наше Зависитъ, значитъ...

маша (въ сторону).

О неслишкомъ много-ль Сказала я ему.

ИВАНЪ.

Такъ, такъ, я понялъ! Ахъ Марья Тимофеевна! скажите Такъ только воля вамъ отца мъщаетъ? Но если передъ нимъ Иванъ успъетъ, Слезами выплачетъ онъ позволенье, Молитвами онъ вымолить согласье, поправления в отвор делиний Тогда...

МАША (молчить). ВВАНЪ (взявь ея руку).

Тогда! о , говори скоръе! Скоръй или разбей, иль оживи Больное сердце! (*цълуетъ ел руку*) Слово, только слово!

IV

ТВЖЕ и ЧЕСТНОВЪ ВЪ дверяхъ. ЧЕСТНОВЪ.

Вотъ что! Самъ виноватъ, съ издътства

Быть вмъстъ ихъ я пріучилъ. Поди,

Безстыдница! поди къ себъ

МАША

О Боже!

Батюшка!

TECTHOB'S ... or or the eresent all

Прочь съ глазъ! Теперь понятно.

Вотъ почему мой выборъ не хорошъ былъ!

Какъ не сгоришь ты отъ стыда! И кто бы

Подумать могъ. Знать на бъду да горе

Вы распахнулись двери теремовъ!

МАША (умоляющимо голосомо).

CRETCH STRONG GROPATO NO. 122.

О, выслушай!

O, see Tenepe a nongara! Co. deontone.

И слушать не хочу! Прочь съ глазъ моихъ!

МАША (уходя).

О, Боже!

VI.

ТЪЖЕ кромъ МАШИ.

честновъ (Ивану, который во все время стоить, опустя на грудь голову).

Carnana namagera our horsoacus

RASBAD R CANY,

Ну, а ты?

Такъ вотъ зачъмъ въ чужихъ краяхъ ты побываль? Далеко-жъ ты успълъ въ наукъ кражи!

ИВАНЪ.

Какъ! Тимофей Васильичъ!

честновъ.

Такъ, пріятель,

Такъ! повторяю-кражи!

ИВАНЪ.

О, послушай,
Когда бъ тебя отцемъ съ издътства
Считать я не привыкъ... Скажи, за что же
Ты въ воровствъ Ивана упрекаешь?

ЧЕСТНОВЪ.

Да, въ воровствъ! А какъ ты назовешь,
Какимъ другимъ прикроешь честнымъ словомъ
Поступокъ свой? Или не воровство
Свиданье скрытное твое? не кража
Любовь такая? Кражи хуже,
Позоръ безчестнъй самой кражи!

ИВАНЪ.

Но Тимофей Васильичъ...

ЧЕСТНОВЪ

Тать ночной

Pro ne stores ar

(is new engagen? 3

Morng ammention pageral.

Не унесетъ съ собой всего богатства, Послъдняго куска онъ не лишитъ!

Хоть что нибудь оставитъ онъ! Но тотъ, Кто у отца отъ сердца дочь похититъ, Кто чувство развратитъ ребенку, тотъ О, во сто кратъ тотъ хуже! Такъ возьми же Скоръй ужъ все мое добро, богатство, Нажитое трудомъ! Возьми, къ чему Оставишь мнъ ты щепки, если пламень Ты въ очагъ домашнемъ потушилъ!

ИВАНЪ.

Но выслушай, прошу. Хоть на обиду Дай оправдаться мнв.

Paroundon by Techobs, where we amore a rod and

Что, оправдаться? Какой отвътъ ты можешь дать мнъ честный? Что можешь принести ты въ оправданье?

ИВАНЪ.

Любовь!...

честновъ.

Любовь! Но чтобъ любить, имѣть
На это нужно право. Кто жъ безъ права
Любить рѣшается, тотъ, повторяю,
Воръ и обольститель!

ИВАНЪ.

О какъ горьки,
Какъ тяжелы слова твои! Но ты
Отцемъ мнъ былъ безродному ребенку,
Ты сироту пригрълъ, и я съумъю
Съдины уважать. Покорный, тихій,
Я вынесу упрекъ, какъ отъ отца
Выноситъ сынъ! Но пощади жъ и сына,
Скажи ему безъ гнъва, чъмъ онъ можетъ
Поступокъ оправдать? Какое право
Имъть онъ долженъ на любовь?

нопрои атт ЧЕСТНОВЪ.

Заслуги! по в побор то в госону оп

HBAHD PRO PRINCIPOS OLYGNIC OTV STON

Заслуги?

честновъ.

Да! увъренъ ли ты былъ
Что на въсахъ твое достоинство потянетъ
Съ ней наравнъ? Увъренъ ли ты былъ
Что этотъ бракъ неравный осчастливитъ
Ее на въкъ? Гдъ тъ отличья,
Которыя поставишь рядомъ ты
Съ заслугами отца твоей любимой!
(насмъшливо). Далеко жъ ты зашелъ, слуга боярскій!

ИВАНЪ (снимая полукафтанье, подъ которымъ надътъ мундиръ).

Morrall engybo artists asgorost

Bio rovices A out mit

«Cucarpa, a Hapa, ary

ron lauxon se anad R

A lausave a disease av.A

Ede OTTOTO, TTO A LIE D

G. Tumoposi, Baccemieral rai

Ты правъ, слуга, но не боярскій—Царскій.

TECTHOB'S. THEY THE THE PLANT THE AND THE AND THE

Что это!

BAHB. Caracter minorif amountaines . M

Такъ! къ твоимъ свои заслуги
Принесъ слуга Великаго Петра!

ЧЕСТНОВЪ.

Иль я во снъ! Что значитъ твой нарядъ?

ИВАНЪ.

Онъ мнѣ Царемъ дарованъ для того, Чтобы подъ нимъ теплѣе билось сердцє, Отчизны славою, дѣяньемъ чуднымъ Великаго Петра изумлено!

честновъ.

Такъ! ты, Иванъ, отмъченъ Государемъ? Ты милостью Монаршей отличенъ? За что жъ?

ИВАНЪ.

За то, что я его люблю! Какъ ты меня училъ, не громкимъ словомъ, Глубокимъ чувствомъ и дълами!

честновъ.

Боже!

Но объясни мнъ.

ИВАНЪ.

Вчера нежданный случай Передъ лицо Царя меня привелъ. Онъ былъ причиною, что изъ толпы Орлиный взоръ Царя меня отмътилъ И выдвинулъ впередъ! На испытаньи Я былъ, въ числъ другихъ, вопросовъ Царскихъ Неждано удостоенъ.

TECTHOB'S. THE COME OF BOOK (MODEL)

Какъ, Иванъ, На испытаніи ты былъ у Государя?.. COHARD (chester no sykadoname, sods

Я, Тимофей Васильичъ! слово ласки
Устъ царственныхъ Иванъ твой слышалъ!
Онъ цъловалъ ладонь руки державной,
Которая владъть обучена Петромъ
И скипетромъ Россіи православной,
И корабельщика простаго топоромъ!
Слезами омывалъ на ней слъды я
Его трудовъ! А онъ мнъ говорилъ:
«Смотри, я Царь, а у меня мозоли
Все оттого, что я для васъ тружусь!»
О Тимофей Васильичъ! ты знавалъ ли
Подобныя минуты!

честновъ.

О знавалъ! ихъ знавалъ!—Эй Маша! Маша!

маша (скоро выбытая).

AMMORRADOR - AMMOR

Что, что? Ахъ!

ЧЕСТНОВЪ.

Смотри, смотри! Иванъ!
Онъ силу царскаго спасиба знаетъ!
Онъ милость заслужилъ! тебъ онъ равенъ!
Прости, прости! меня простите, дъти!
Я былъ не правъ! вотъ, вотъ тебъ женихъ.

(Маша и Ивань въ объятіяхь другь друга).

levers much light agent result

Harmonerst en been y l'occess

Outmind neons Night Menn

Ахъ старый я дуракъ! А я то было...

Brepa menkreinnen organi

О батюшка!

WBART, was over community and and

Ахъ, Тимофей Васильичъ!

атиности ЧЕСТНОВЪ.

Сюда, на грудь! Пошли Господь вамъ счастье!

(Машп) Люби его высокимъ чувствомъ, сердце

Согрътое семейство осчастливитъ!

дъйствіе четвертое.

домъ въ три этажа.

КАРТИНА 4.

Комната въ домъ Тимофея Васильевича въ Москвъ, Нъсколько гостей.

честновъ (выходя изъ дверей направо).

Hebrarogaphocrato ne cancellana

As bysers rome

Resource excepting mapping

Ну, вотъ ужъ скоро и невъсту нашу
Къ вънцу одънутъ. Кто бъ подумать могъ,
Что мнъ въ Москвъ дочь выдавать прійдется.
Какъ быть: такъ Государь желалъ, самъ день
Петръ Алексъевичъ назначилъ свадьбы.

M Mercay rates our sameworst II Harmon as

ТВЖЕ И ИВАНЪ, скоро входя.

Не съ доброй въстью я!

ВСВ, аптератора инбан адмитовкия В.

Что приключилось?

ИВАНЪ.

На свадьбъ Государь у насъ не будетъ.

Promise Language and delicated

Но самъ онъ объщалъ...

нъкоторые.

И день назначилъ.

ИВАНЪ.

Два разомъ счастья Богъ мнѣ не судимъ!
На выходѣ въ день первый торжества
Его Величество вдругъ занемогъ,
И третій день на воздухъ не выходитъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Отложимъ свадьбу, другъ! И не прилично
Въ то время радости намъ предаваться,
Когда недугъ его томитъ! Отложимъ!
Къ чему веселье отравлять печалью?
Тотъ яснымъ днемъ назвать нельзя, въ который
Сквозь солнышко пробъется мелкій дождь!
Я не хочу...

SOTTE BEAR'S TRATE

avelandonos. A argenti

Я думалъ также точно. Желаніе скоръй наръчь женою, Которую люблю такъ страстно, сильно, Боролося въ душъ съ другимъ желаньемъ. На свадьбъ у Ивана Государь! О, мысль одна такого счастья можетъ Разсудокъ повредить! Какъ! у Ивана На свадьбъ Онъ! Тотъ, на кого Европа Съ благоговъніемъ и страхомъ смотритъ, Въ очахъ его глаголъ судьбы читаетъ - И царства новаго предчувствуетъ величье! И между тъмъ онъ занемогъ! И смъю-ль О радостяхъ я смыслить въ эти дни? Любовь не оправданье было бы. in correcte decipes so ell Неблагодарностью не заклеймлю Я радостныхъ любви восторговъ! Посившность оскорбила бъ это чувство! Безмысленно его бы обратила Въ пылъ юности безумной! Такъ я думалъ Въ борьбъ съ самимъ собой, къ тебъ бъжать Ръшился. Вдругъ гонецъ отъ государя: Ho cases out obsinars Его Величество желать изволиль, Чтобъ этотъ день былъ свадьбы нашей днемъ.

BCB.

Ну, а если такъ...

честновъ.

Его да будетъ воля! А намъ осталося съ молитвой счастья Горячую мольбу объ немъ принесть.

BCB.

Да будетъ такъ!

честновъ.

Вотъ и невъста наша.

МАША въ вънчальномъ уборъ, въ сопровождении дъвицъ и женщинъ.

пожилая гостья.

Ну, Тимофей Васильичъ, чай и время

Благословить невъсту, да и въ храмъ Господень! (Машь) Подойди! (подводить ее).

> **МАША** (подойдя, становится на кольна, поклонившись отцу въ ноги).

честновъ.

Да судить, дъти,

Господь Богъ счастья вамъ; живите дружно.
Благословение мое надъвами
Да будетъ, да пошлетъ вамъ Богъ увидъть
Своихъ внучатъ! (Обнимаетъ ее, потомъ Исана).

Люби, Иванъ,

Люби ее. Ея я сердце знаю,
Грѣхъ будетъ, если ты
Души младой столь нѣжный виноградникъ
Не сбережешь. На мужа грѣхъ падетъ
Семейнаго несчастья; для того
Мужчинѣ Богъ далъ разумъ, силу, волю!
Ну, дѣти, и пора!

(In with analyon-Apole. Ofineps upan seeigh)

твже и офицеръ.

ОФИЦЕРЪ.

Кто здъсь сержантъ? (Увидя Ивана) А, вотъ пріятель, мнъ тебя и надо, Немедленно за мною слъдуй!

(Вст въ изумленіи).

MAIIA.

Какъ!

the more concernancii ann

Income Resource I

Куда же?

офицеръ.

Къ Его Величеству сейчасъ же.

честновъ (съ робостью).

Что жъ это?

MAMA (65 ucnyin).

Ахъ, Иванъ, что жъ это значитъ?

ИВАНЪ.

О, успокойтеся! я совъстью Предъ Государемъ чистъ! Я тотчасъ буду:

Eurocaonn's Henbery, an it as amam's

Иванъ! мнъ что-то страшно!

-матенави об обода, соположиться на ко-

успокойся,

Онъ не преступника зоветь къ отвъту. На крыльяхъ къ вамъ я тотчасъ буду.

офицеръ (тихо).

Врядъ ли! Благословение мов под

ATTAM WECTHORS . THE REST OF THE STREET, STREE

Мы будемъ ждать, пол оположно компония водо в в положного в положн

иванъ.

Не здъсь! Къ чему напрасно

Разстроивать... Спъщите въ церковь, я Сейчасъ же вслъдъ... (береть за руку Машу).

маша (уходя ст Иваномъ).

he has Beauvective contract me.

Иванъ, ты правъ?

Mexicana Bors and programme data and

Клянуся! (уходить).

(За ними слыдують прочів. Офицерь послы всыхь).

ОФИЦЕРЪ (про себя).

Не подъ счастливой видно, братъ, звъздою Родился ты!

COURT IN NO KAPTUHA 5. II AND A LANGUET ALMA L.

Открытое мъсто. На дъвой рукъ фасадъ временнаго дворца Петра Великаго, посрединъ примыкающее къ нему трехэтажное строеніе.

БАРЫШЕВЪ и ОФИЦЕРЪ ВХОДЯТЪ.

БАРЫШОВЪ.

Господня воля!

COLUMNO CON TO OCHIEPS P

То-то, борода.

Вотъ я бъ съ тобой сыгралъ такую штуку.

BAPLIMOBE BUE OF THE OTH THENT WILL

HEARIE

Что за немилость?

Офицеръ, статожное в Івостновойот О

Плутъ ты, братецъ, ловкій.

Товаръ гнилой намъ ставилъ въ полкъ! А что? Все барыши! Тебя бъ туда, Іуда!

БАРЫШОВЪ.

Какъ вы шутить изволите! да въ правдуль, А можеть, что и такъ съ нимъ обойдется?

ОФИЦЕРЪ.

Ну, врядъ ли такъ.

БАРЫШОВЪ.

Да, жалко человъка! Господня воля все (въ сторону). Туда ему дорога. Отбилъ у насъ невъсту.

ОФИЦЕРЪ.

Да, братъ, да,

Онъ человъкъ, того... судьба!

БАРЫШОВЪ.

Въстимо.

Что жъ, жребій выпаль знать!

ОФИЦЕРЪ.

Да, выпаль жребій...

Occounties extens as upo

He Corn Ha Chapter

HPRICTARITY TOYMO!..

Поспорили... а Царь и развернулъ Своей Преображенской роты списокъ. Какъ-тамъ не знаю было, только имя Его и выбрали. Ну, борода, Прощай мнъ нъкогда съ тобой калякать, Я долженъ караулы осмотръть (идеть).

БАРЫШОВЪ.

Позвольте на словечко: а что, скоро Церемоньяль-то будеть?

ОФИДЕРЪ (уходя). Tan't notice regers roos

Върно скоро.

II.

БАРЫШОВЪ одинъ.

Эхъ, повидать хотълося бы самому Да и невъстъ бъ-то сказать хотълось, Пусть поглядитъ! Ишь, насъ не уважала! Авось на церемонію поснію. (убываеть).

COLE V PERIODI A STREET STREET ROUNT ADERCAL

посланники польскій и датскій, офицеры, солдаты и народъ.

По истинъ престранную намъ пробу Неустрашимости онъ предложилъ! Все жъ въ нашихъ я увъренъ гренадерахъ.

посланникъ польскій.

Хоть я саксонскихъ знаю храбрость войскъ, Но сомнъваюсь, чтобъ...

посланникъ датский. учением води у выполе

Такъ значитъ мы

Его Величеству пари проспоримъ?

посланникъ польскій.

Върнъй, что кончится оно ни чъмъ.

посланникъ датскій.

Вы сомнъваетесь и въ русскихъ?

посланникъ польскій.

, выполужения дар, выполужения пробій. Неспорам за Парк и разнеримам

На этотъ разъ.

посланникъ датскій.

И точно, посмотрите
Какая вышина! Отважность надо
Огромную имъть и преданность
Едва ль не вдвое больше, чтобъ ръшиться...

посланникъ польскій.

Въ бою на смерть итти—другое дъло.

Для мужества примъръ тамъ много значитъ:

Тамъ всъмъ ведетъ горячность, озлобленье

Противъ враговъ невольное; но здъсь...

Представить трудно!..

посланникъ датскій.

Воть увидимъ мы. (Офицеру изъ свиты). Гдъ гренадеръ нашъ?

Hyers normaters! House, mac. deapth of activities

Здъсь онъ, генералъ.

посланникъ датскій.

А, вотъ нашъ молодецъ!

Въ бояхъ твоя испытанная храбрость
Намъ указала изъ среды войскъ нашихъ
Избрать тебя при споръ въ дълъ чести.
И мы увърены, что мужествомъ
И преданностью намъ, ръшась на подвигъ,
Который мы тебъ сейчасъ укажемъ,
Ты выборъ оправдаешь нашъ достойно.
За честь родную постоишь, и свъту
Ты мужества собой примъръ покажешь.

ГРЕНАДЕРЪ.

Все, генералъ...

посланникъ датскій.

Ты видишь то окно Немедленно тебъ повелъваю Оттуда броситься.

> ГРЕНАДЕРЪ (отступиво со ужасомо, падаето на кольна).

О генераль! Помилуй! Я семейство, мать, дътей На родинъ оставилъ...

посланникъ датскій.

О семействъ

Заботиться твоемъ мы будемъ. Върь, Съумъемъ наградить сиротъ за подвигъ Того, кто преданность явилъ отчизнъ, И спасъ честь нашихъ войскъ.

ГРЕНАДЕРЪ (простирая руки).

О генералъ!

Будь милосердъ! Три дня на покаянье Мнѣ дай! Скажи мою вину, чтобъ я Покаялся въ грѣхахъ предъ страшной смертью. Три дня дай, генералъ!

посланникъ датскій (гиљено).

Прочь съ глазъ моихъ! Ведите вонъ презръннъйшаго труса! (Гренадера уводять). '/44 посланникъ датскій (отведя въ сторону по-

Вы видъли?

посланникъ польскій.

Я это видълъ раньше,

ub run goog a con II

И сомнъвался, чтобъ... Во избъжаніе жъ Вторичной неудачи, я изъ нашихъ И пробовать не буду.

посланникъ датскій.

Но Царь Петръ

Увъренъ въ русскихъ такъ. Вотъ мы увидимъ! (говорять между собою тихо во все продолжение слыдующаго монолога).

IV. ve ought agon door ongengewell

ИВАНЪ, показавшись въ глубинъ окна.

Благослови Господь! Не содрогнись!
Позоръ, Иванъ, страшнъе самой смерти!
Прими же, Боже, духъ! О, да пошлеть
Мнъ твердость доказать, что въ русскомъ сердцъ
Есть много струнъ откликнуться готовыхъ
На первый зовъ царей. Да устрашитъ
Враговъ Петра моей ръшимость смерти!
(Вставъ на кольна). Еще одна горячая молитва:
Дай счастье долгихъ дней любимой мною,
Слезу ея печали осуши!
И да гордясь, она мой долгъ оцънитъ,
Благословитъ мой прахъ, простя мнъ жертву!

посланникъ датскій.

bers and Charle work nearly wrote at

Гдъ жъ русскій нашъ?

OPHIEPS.

Онъ тамъ ужъ, генералъ! Совсъмъ готовый. (посланники увидъвъ, отступають въглубокомъ изумленіи). V

маша вобгаеть въ вънчальномъ уборъ, за нею честновъ, барышовъ и гости. Площадь наполняется народомъ.

MAIIA.

Гдъ онъ? Гдъ онъ? Ай!!..

(Увидъвъ, простираетъ къ нему руки, произительно вскрикнувъ, падаетъ безъ чувствъ. Иванъ, закрывъ глаза рукою, нагибается нъсколько назадъ въ готовности броситься въ окно).

ягужинскій (съ крыльца).

THE REAL MEMBERS !!

Остановись! (машеть рукою, народь машеть Ивану). Къ Его Величеству. (уходить).

(Иванъ стоить еще минуту, поднявъ глаза къ небу, по-

посланникъ польскій.

Мы проиграли!

посланникъ датскій.

Я вамъ говорилъ, — Царь Петръ духъ знаетъ своихъ войскъ.

посланиикъ польскій.

Ну, признаюсь, не мудрено съ такими Европу побъдить! А это что За женщина?

честновъ.

Моя родная дочка, Сержанта этого невъста.

посланникъ польскій.

вомно чист и в Чудно! подпол примом ва верия в

Съ отчаянья еще понятна смерть,

посланникъ датскій.

Пойдемте во дворецъ. (уходять).

(На сцень глубокое молчаніе. Тимофей Васильевичь стоить на кольнахь, одною рукою держа Машу, другою закрывь глаза).

VI.

нванъ вбъгая; въ рукахъ у него два мъшка.

Гдъ, гдъ она? Гдъ Маша? Живъ ли я! Взгляни, я живъ, взгляни, къ твоимъ ногамъ Посланниковъ сокровище кладу я, Приданое Ивана сироты! Я живъ, взгляни!

МАША (пришедь вь себя).

Иванъ!

иванъ (цълуя ея руки).

Никто съ насмъшкой

Не наречетъ тебя женою труса! (Обнимая Тимофея Васильевича). Скоръе въ церковь! Тимофей Васильичъ!

Поздравь меня! О, съ дочерью твоей Ужъ не сержантъ вънчаться будетъ нынъ: Его Величество пожаловалъ Мнъ офицерскій чинъ! Благословилъ Онъ образомъ меня, и сиротъ Отцемъ нарекся посаженымъ!

народъ.

Да здравствуеть!

ЧЕСТНОВЪ.

О Господи! дъламъ Петра повъритъ ли потомство наше?

ИВАНЪ.

Отчизна добрая! тебъ среди народовъ Отмътилъ славный путь Онъ царственнымъ перстомъ! (Вставъ на колъни). Молитесь, русскіе! да въ роды родовъ Хранитъ Господь Романовыхъ намъ Домъ!

SINOTAL STREETANDER

Manufacture and Control of the Contr

meterate concern to the season to be a concern to the season

(Всъ падають на колъна).

As or of pain many principally

ОГЛАВЛЕНІЕ XIV ТОМА.

T.

СОСЪДКА. Часть 2-я. Романъ А. С. Чужбинскаго. (Кн. 3). СТИХОТВОРЕНІЯ. Николая Щербины. (Кн. 3).

- 1. ЖЕНСКІЯ РЪЧИ.
 - 2. осенняя элегія.
- 3. БЕЗМОЛВІЕ.
 - 4. ЖЕНЩИНА.
 - МИОРА.
 - 6. МУЗЫКАЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

СКАЗАНІЕ О МОЕЙ БАБУШКЪ, И О БАРОНВ ОТТО, Повъсть. С-съ (Кн. 4).

II:

итальянская живопись отъ ея начала до нынъшникъ временъ. (Кн. 3 и 4).

III.

христофоръ коломбъ. А. Ламартина. (Кн. 3 и 4.)
питаніе человъка и животныхъ. В. И. Перекрестова. (Кн. 3).
ловецкіе разсказы о каспійскомъ рыболовствъ. П. П. Небольсина.
(Кн. 3).

солдатское письмо съ азіятско-турецкой границы. В. Савкина. (Кн. 3).

дневникъ уъзднаго туриста. В. В. Толбина. (Кн. 3).
похищение судна въ великомъ океанъ. Разсказъ пассажира. (Кн. 4)
воспоминания русскаго путешественника о вестъ-индии, калифорнии

и остъ-индіи. А. Г. Ромчева. (Статья четвертая) (Кн. 4). прежняя и нынъшняя турція, историческій взглядъ на Константинополь. (Кн. 4).

COBPEMENHOE.

литература: Жасменъ и провансальская поэзія. — Германъ Мельвиль, съверо-американскій писатель. Театры, музыка, искусства: Новая комическая опера Мейербера. Открытія въ наукахъ и промышлености: Оболочки, составляемыя инфузоріями вокругъ себя. — Наблюденія надъ бользнью растеній въ 1853 году. — Происхожденіе Басковъ. — Еще польза отъ ичель. — Вліяніе воли на электричество. мелкіе разсказы и новости, замъчательные случаи, путешествія: Чудеса растительнаго царства въ Австраліи. — Египетскій разбойникъ Салемъ. — Золотые розсыпи на берегахъ Амазонской ръки. — Памятникъ негру. — Ртутныя руды въ Калифорніи. — Стольтняя годовщина вънской академіи восточныхъ языковъ. — Экзерциція голландскаго войска на конькахъ. — Золотая будла Карла IV. — Французскіе протестанты въ Европъ. — Моя обезьяна (разсказъ). (Кн. 3).

Питература: Маркиза Сабле и литературные салоны XVII стольтія (Статья Виктора Кузена). Театры, музыка, искусства, Эдмондъ Кинъ и мистрисъ Сидонсъ.—Новый плафонъ Энгра.—Девятая симфонія Бетговена. — Пьеса, данная по случаю. Открытія въ наукахъ и промышлености: Обозръніе ўспъховъ астрономіи и физическихъ наукъ въ 1853 и 1854 годахъ. — Ловля китовъ посредствомъ электро магнитизма. — Инфузоріи въ воздухъ. —Новый металлъ. мелкіе разсказы и новости, анекдоты, замъчательные случаи путеществія: Жизнь въ Альпахъ (фенъ; протяженіе ледниковъ; уничтоженіе льсовъ, стада). — Публичное воспитаніе въ Турціи. — Соперникъ Ко-и-нура. — Торговля волосами. — Странныя случайности жизни. — Страсть къ танцамъ. — Дунукъ-Дашъ, гробница Сарданапала близъ Торса. — Скала Инга-Чангама. — Огромное дерево. — Новый журналъ. — Ужасный обычай въ Остъ-Индіи. — Откупъ игорныхъ домовъ. — Развалины Акаркура. — Лиссабонъ (изъ записокъ путешественника). (Кн. 4).

V

петербургскій въстникъ.

І. Литература.

журналистика: Три книги «Современника». — Стихотворенія. — Лермонтовъ, Майковъ, Некрасовъ, Фетъ. — Романъ г. Станицкаго. — «Два

пріятеля» И. С. Тургенева. - «Дельвигь». - Странное митніе о гладкости стиховъ. - Рецензія дамскаго альбома. - Семь главныхъ поэтовъ, по мижнію «Современника». - Что такое поэзія? - Рашель и господинъ Панаевъ. — Возрожденіе иногороднаго подписчика. — Литературный ералашъ — Стихи и проза ералашныхъ писателей. — Пародія на стихи г. Фета, напечатанная вивств съ его стихами. - Біографія Н. В. Гоголя, и метафоры біографа. — Дополнитель біографіи г. Лонгиновъ. — Статья г. П. А-ва, по поводу простонародныхъ разсказовъ, упомянутая по поводу неправильнаго языка. — Иногородный Подписчикъ и милые ему писатели. — «Литературные гномы и знаменитая артистка». — Легкость составленія подобныхъ портретовъ. — Литературныя приличія. — Что думаетъ о нихъ Иногородный подписчикъ. -- Девяносто два стихотворенія г. Тютчева, и одно князя Вяземскаго. - «Муму», повъсть Тургенева. -Мартовская книга «Отечественных в Записокъ». — Стихи и проза Фета. — Стихи Майкова. — «Женихъ изъ ножевой линіи». — Ученый языкъ критическихъ статей. — Нъсколько словъ рецензентамъ статьи «Павелъ Андреевичъ Оедотовъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и Петербургскихъ Въдомостяхъ. - Журналистика и Петербургскія Замътки. (Кн. 3). журналистика. Первыя книги Москвитянина. — Матеріялы для русской исторіи и литературы. — «Смісь» нынішняго Москвитянина. — Г. Покровскій и его намятный листокъ. — Заграничныя письма г. Погодина. — Саллустій. — Критики «Москвитянина». — Разборъ «Пантесна» и литературной дъятельности В. Зотова, написанный г. А. Г. — Три пункта обвиненій. — Что такое направленіе, вкусъ и цель въ журналь? — Неуважение къ литературъ и борзописание. - Какое мъсто занимаетъ журнальная работа въ исторіи литературы? — Стихотворенія Москвитянина. — Народность и литературныя приличія. — Фіогія ода-сатира г. Григорьева. — Эпиграммы. — Зеленая книга, графини Ростоичиной — Стихи Пушкина. - Макбетъ Шексиира въ переводъ г. Лихонина. -Плохіе стихи. — Бъдность отдъла «Русской Словесности». — «Отрывокъ изъ семейной жизни». — Драма г. Потехина. — Шестая книга «Москвитянина». — Стихотворенія г. Стаховича и Рапча. — Военная пъснь грековъ. — Сужденія племянника о дядъ. — Повъсть Стендаля.—Языкъ г. М. П.—Разборъ «Трехъ писемъ».—Что пишетъ по поводу ихъ г. Г. и чёмъ онъ восхищается. — Смёсь «Москвитянина». — Опять г. Покровскій. — Последняя страница «Москвитянина». — Четвертый нумеръ «Современника». — Гоголь. — Критика И. С. Т. — Разборъ Раута. -- Московскіе и петербургскіе сюриризы. -- Сюриризъ неупоминаемый «Современникомъ. — Иногородный Подписчикъ и Литературный Ералашъ. (Кн. 4.)

БИБЛІОГРАФІЯ: Путевыя замътки. Повъсть **Т. Ч.** Выпуски 1-й и 2-й.—Разсказы проъзжаго, *Павла Небольсина*. (Кн. 3).

БИБЛЮГРАФІЯ. Справочный Энциклопедическій Словарь, А. Старчевскаго, томы VII и VIII. 1853, 1854. (Кн. 4.)

И. Искусства и художесства.

Балетъ въ петербургъ: Вліяніе моды на сценическія зрълища. — Бъглый взглядъ на исторію нашего балета. — Новерра и Дидло. — Марія Тальони. —Балеты ея отца. — Андреянова. — Новое направленіе балетовъ. —Фанни Эльслеръ. —Карлотта Гризи. —Мазилье. — Перро и его балеты. —Раз d'actions. — Танцорки прошлаго сезона. — Статистика балетныхъ спектаклей. — Фаустъ. — Содержаніе балета. —Сцены очарованія и семи главныхъ гръховъ. — Драматическія сцены. — Шабашъ на Блоксбергъ. —Послъдняя сцена балета. —Г-жа Іелла. — Мефистофеля, програма балета, составленнаго Генрихомъ Гейне. — Будущность балетовъ. (Кн. 3).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ: Дъятельность французской труппы въ прошломъ сезонъ. — Вліяніе Рашели на французскіе спектакли. — Замъчательныя драмы и комедіи, данныя въ послъднее врема. — Элоизи и Абельяръ. — Безприданницы. — Маріонетки доктора. — Невинныя игры. — Честь семейства. — Донъ Цезарь-де-Базанъ. — Характеръ героя пьесы въ драмъ Гюго и у новыхъ авторовъ. — Странныя заимствованія. — Честь и деньги, комедія Понсара. — Характеры и стихи этой пьесы. — Другія комедіи. — Мариво и его пьесы. — Драматическія поговорки. — Октавъ Фелье и его Партія въ шашки. — Вальнежскія сиротки. — Французскія пъсни на Петербургской сценъ. — Хорошіе водевили. — Водевили плохіе. — Драматическія шалости и успъхъ этой пародіи. — Общій выводъ изъ французскихъ спектаклей прошлаго театральнаго года. (Кн. 3).

Нъмецкій театръ въ петербургъ. (Кн. 3).

РУССКІЙ ТЕАТРЪ. «Маркитантка» драма Нестора Кукольника. — Отвътъ Петербургской публики на статью Пантеона объ игръ г. Максимова въ роли «Гамлета». — Бенефисъ г. Мартынова — и г-жи Самойловой и размышленія по поводу этихъ бенефисовъ.

музыка. Послъдніе концерты нынъшняго зимняго сезона: г. Франкенштейна, Концертнаго Общества, Филармоническаго Благотворительнаго общества, г. Лешетицкаго, г. Гензельта гг. Карла Шуберта и Аполли нарія Контскаго, прощальный концертъ г-жи де-ла Гранжъ.—Второстепенные концерты,—Музыкальное состязаніе.—Некрологъ Рубини и его благотворительность.

III. Общественная жизнь.

Появленіе первой весны.—Послѣдніе отголоски Итальянской оперы, гг. Тамберликъ, Медори, Ронкони, Лаблашъ, г-жа де-Лагранжъ.—Развлеченія Петербурга. — Катанье на тройкахъ. — Загородные пикники.— Концерты гг. Давида, г-жи Ингеборгъ-Штаркъ, Кавалини, Чіарди и Рубинштейна. — Безилатный концертъ съ лотереей-аллегри и подобный же раутъ.—Механическая кукла въ Пассажъ. — Концертъ любителей въ Царскомъ селъ.—Концертъ въ пользу Инвалидовъ. —Живыя картины.—Профессоръ Эдуардъ Разими. — Нъчто объ имени и названіи — Нъчто о лотерейномъ счастіи. —Артистическія ожиданія и утраты: С. В. Самойлова. — Г. Арну. — Г. Белингъ — Музыкальныя и литературныя новости. — Изданіе новаго любопытнаго Сборника. — Учрежденіе новой полезной компаніи, или нътъ болъе въ Петербургъ холода. — Наряды. (Кн. 3).

Настоящее появленіе весны. — Вербы и старинный обычай. — Праздничныя балаганныя представленія. — Четверть-въковая игрушка. — Замьчательный микроскопъ. — Дачный сезонъ и маленькій разсказъ о дачныхъ удовольствіяхъ; особенно о томъ, какъ веселился одинъ петербургскій житель на чужой дачъ. — Новыя картины современнаго интереса, новыя книги. — Синопское сраженіе г. Боголюбова, изображеніе воинскихъ подвиговъ г. Зичи, портреты г. Тимма. — Первыя двъ книжки Сборника событій, относящихся до настоящей войны, г. Путилова. — Розыгрыши лотерей. — Неумъстное счасть». — Патріотическіе стихи. — Искусственные цыплята. — Наряды (Кн. 4).

московскій въстникъ.

Еще Рашель. — Мивнія рго и contra. — Русскій театръ. — Содержаніе комедіи «Бъдность не порокъ». — Благотворительный концерть — Картина Синопскаго сраженія. — «О поэзіи», сочиненіе Аристотеля — въ переводъ г. Ордынскаго. — Мивніе Лессинга объ Аристотелъ. — «Раутъ», сборникъ г Сушкова. — «Проъздъ чрезъ Ковно». — Новинское на масляницъ. — Концертные гости. (Кн. 3).

Московская весна. — Комета и непріятности, которыя она причиняеть нъкоторымъ — Гулянье на вербахъ и подъ Новинскимъ. — Циркъ и нович пьесы на сценъ. — Взглядъ на прошлое. — Рашель въ Москвъ. — Подарокъ, сдъланый ей М. С. Щенкинымъ. — Многочисленность ея портретовъ въ Москвъ. — Представление сценъ пьесы Н. В. Кукольника «Праздникъ въ Севастополъ». — Концертъ любителей въ пользу раненыхъ воиновъ, въ залъ благороднаго собрания. — Концерты: Чіарди, Кавалини, г-жи де-ла-Гранжъ, братьевъ Контскихъ, Пфлугаупта, Мортье де Фонтена, Сакса; концертъ въ пользу Инвалидовъ. — Первое празднование вшествия русскихъ войскъ въ Парижъ. — Нынъшняя сороколътняя годовщина этого вступления; число нынъшнихъ со ратниковъ 12 года и стихи, сочиненные по этому случаю. — Бюстъ Н. А Полеваго. — Картины Синопскаго сражения, кавказскихъ подвиговъ и сражения при Ольтеницъ. — Панорама Москвы. — Утренній балъ и вечеръ съ сюпризами. (Кн. 4).

въсти изъ провинцій.

Красная пушка. — Саранскія увеселенія. — Открытіе театра въ Симбирскъ. — Новый театръ и клубъ въ Черниговъ. — Собранія въ Самаръ и Житомиръ. — Театральныя, промышленныя и литературныя новости Одессы. — Митавскія ученыя повости. — Новое филантропическое заведеніе въ Ригъ. — Замъчательное извъстіе изъ области естественной исторіи. — Змъиная яма и медвъжій корень. — Панорама Кіева во время контрактовъ и Крещенской ярмарки. — Лица, лавки, движеніе Кірзукій театръ. Балетъ. Русская и польская труппы. — Спектакли въ Пензъ. (Кн. 3).

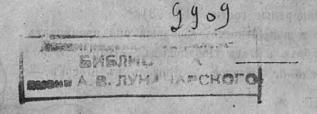
Иркутскій театръ и нѣсколько словъ вообще о провинціяльныхъ театрахъ. —Театръ въ Карасу-Юртъ. (Кн. 4.)

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ВЪРОЧКА. Комедія въ одномъ дъйствіи. Сочиненіе M. Π . Яцевича. (Кн. 3).

БРАКЪ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ. Драматическое представление въ четырехъ дъйствияхъ и пяти картинахъ. Соч. *Н. Кроля*. (Кп. 4.)

MARTEON'S

выходить ежемъсячно, 20-го числа. Онъ состоить изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «Репертуара Русской сцены». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравіоры, ноты, фотолитографическіе портреты русскихъ знаменитыхъ лицъ: нисателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; повышая музыка русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пъсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

цъна за годовое изданіе:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

подписка на 1854 годъ продолжается

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ главной конторъ журнала пантеонъ, на Невскомъ Проспектъ, въ домъ Казанскаго Собора.

Въ Москвъ: Въ конторъ пантеона, при книжной лавкъ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ этихъ мьстахъ, Редакція отвічаеть, и въ случат какой-нибуль неакуратности или ошибки въ доставкъ, немедленно удовлетворяеть подписчика, по первому справедливому его требованію. За подписку же, принятую въ другихъ мыстахъ, она отвътственности на себя не принимаетъ.

Всъ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непремънно получають всъ книжки, начиная съ первой, со всъми слъдующими къ нимъ приложениями.

Имъющіе нужду до Редакціи или желающіе помъщать свои статьи въ «Пантеонь», благоволять относиться къ издателю обслору алексъбъвичу кони, адресуя письма на его имя: «въ С Петербургъ, у Черны-шева моста, въ доміь Лыткина.»